

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Уральский государственный педагогический университет»

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

4(42)'2012

Научный журнал

- Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-34838 от 25.12.2008
- Зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standard Serial Numbering – ISSN) с присвоением международного стандартного номера ISSN 1999-2629 от 14.05.2008
- Материалы журнала размещаются на сайте научных журналов Уральского государственного педагогического университета: journals.uspu.ru
- Материалы журнала размещаются на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки.
- Включен в каталог Роспечать. Индекс 81955
- Включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук, Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ от 19.02.2010 №6/6

Екатеринбург 2012

УДК 409.34
ББК Ш107
П50

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор: доктор филол. наук, проф. А. П. ЧУДИНОВ (Екатеринбург)

Заместители главного редактора:

доктор филол. наук, доцент Э. В. БУДАЕВ (Нижний Тагил)

кандидат филол. наук, доцент М. Б. ВОРОШИЛОВА (Екатеринбург)

Члены редакционной коллегии:

доктор философии, профессор Р. АНДЕРСОН (Лос-Анджелес, США)

доктор филол. наук, профессор В. Н. БАЗЫЛЕВ (Москва, Россия)

доктор философии, профессор Д. ВАЙС (Цюрих, Швейцария)

доктор филол. наук, профессор В. А. ВИНОГРАДОВ (Москва, Россия)

доктор философии, профессор Дж. ДАНН (Глазго, Великобритания)

ректор УрГПУ, доктор пед.наук, профессор Б. М. ИГОШЕВ (Екатеринбург, Россия)

доктор философии, профессор И. ИНЬИГО-МОРА (Севилья, Испания)

доктор филол. наук, профессор Э. ЛАССАН (Каунас, Литва)

доктор филол. наук, профессор Н. Б. РУЖЕНЦЕВА (Екатеринбург, Россия)

доктор философии, профессор П. СЕРИО (Лозанна, Швейцария)

доктор филол. наук, профессор В. В. ХИМИК (Санкт-Петербург, Россия)

кандидат филологических наук, доцент Л. ЦОНЕВА (Велико-Тырново, Болгария)

Технический редактор: кандидат филол. наук Д. О. МОРОЗОВ

Заведующий отделом перевода: кандидат филол. наук И. С. ПОЛЯКОВА

Политическая лингвистика / Гл. ред. А. П. Чудинов; ФГБОУ ВПО
П50 «Урал. гос. пед. ун-т» – Екатеринбург, 2012. – Вып. 4(42). – 263 с.
ISSN 1999-2629

Журнал призван способствовать обмену новейшей информацией в области политической лингвистики, а также в сфере взаимоотношений языка, культуры и общества. Включает четыре основных раздела – «Теория политической лингвистики», «Политическая коммуникация», «Язык – политика – культура» и «Классика политической лингвистики». Предназначен для филологов, политологов, социологов и всех тех, кто интересуется проблемами политической коммуникации.

УДК 409.34
ББК Ш107

Благодарим Министерство образования и науки РФ за материальную поддержку проекта в рамках госзадания № 6.2985.2011 — «Политическая метафорология».

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА
ВЫПУСК 4 (42)

Подписано в печать 14.12.2012. Формат 60x84/8.

Бумага для множительных аппаратов. Печать на ризографе.

Усл. печ. л. — 27,0. Тираж 500 экз. Заказ 4047.

Оригинал-макет отпечатан в отделе множительной техники
Уральского государственного педагогического университета
620017 Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26

E-mail: uspu@uspu.ru

ISSN 1999-2629

© ФГБОУ ВПО «УрГПУ», 2012

© Политическая лингвистика, 2012

Ural State Pedagogical University

POLITICAL LINGUISTICS

4(42)'2012

Editor-in-Chief

Anatoliy P. Chudinov, Ph.D., Prof. (Ekaterinburg)

Deputy Editors-in-Chief:

Edward V. Budaev, Ph.D., Assoc. Prof. (Nizhniy Tagil)
Maria B. Voroshilova, Ph.D., Assoc. Prof. (Ekaterinburg)

Editorial Board

Richard Anderson Jr., Ph.D., Prof. (Los Angeles, USA)
Vladimir N. Bazylev Ph.D., Prof. (Moscow, Russia)
John Dunn, Ph.D., Prof. (Glasgow, the UK)
Boris M. Igoshev, Ph.D., Prof. (Ekaterinburg, Russia)
Isabel Iñigo-Mora, Ph.D., Prof. (Seville, Spain)
Vasiliy V. Khimik, Ph.D., Prof. (Saint-Petersburg, Russia)
Eleonora Lassan, Ph.D., Prof. (Kaunas, Lithuania)
Natalia B. Ruzhentseva, Ph.D., Prof. (Ekaterinburg, Russia)
Patrick Seriot Ph.D., Prof. (Lausanne, Switzerland)
Lilyana Tsoneva Ph.D., Ass. Prof. (Veliko Tarnovo, Bulgaria)
Viktor A. Vinogradov, Ph.D., Prof. (Moscow, Russia)
Daniel Weiss, Ph.D., Prof. (Zurich, Switzerland)

Ekaterinburg 2012

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	10
-------------------	----

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Васильев А. Д. Красноярск, Россия	Вербальная магия российского официоза	11
Гаврилова М. В. Санкт-Петербург, Россия	Некоторые черты речевого портрета первого президента России Б. Н. Ельцина	17
Комарова З. И. Екатеринбург, Россия	Лингвополитология как частная парадигма современной лингвистики: методологический аспект.....	23
Руженцева Н. Б. Екатеринбург, Россия	Базовые ценности межнационального дискурса в заголовках первой русской газеты в Африке	34
Седых А. П. Сопова И. В. Белгород, Россия	Тематический потенциал фразеологического дискурса В. В. Путина и А. Меркель.....	40
Шустрова Е. В. Екатеринбург, Россия	Языковая игра в американской политической карикатуре на Барака Обаму	52

РАЗДЕЛ 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Амиров В. М. Екатеринбург, Россия	Политическая проблематика в журналистском дискурсе современных вооруженных конфликтов	65
Антонова Ю. А. Екатеринбург, Россия	Виртуальное сообщество в социальной сети как способ распространения экстремистской идеологии среди молодежи.....	71
Ансокова Д. В. Нальчик, Россия	Адресант и адресат как элементы англоязычного политического дискурса	81
Бородавкина Е. А. Пушкин, Россия	Роль категории наклонения в формировании субъективно-объективной модальности политического дискурса	85
Васильев Д. А. Красноярск, Россия	Метафорика холодной войны в публикациях российских и американских СМИ 2012 г.	90
Ворошилова М. Б. Екатеринбург, Россия	Креолизованная метафора: первые зарисовки	94
Каменева В. А. Сидорова Е. А. Кемерово, Россия	Контексты идеологизации, или Образ России в американских онлайн-газетах (2000—2012)	100
Керимов Р. Д. Кемерово, Россия	«Тело человека» как сфера-источник немецкой социальной метафорики.....	105
Козловская Н. В. Санкт-Петербург, Россия	Термин <i>социализм</i> в русском религиозно-философском дискурсе	124

Красильникова Н. А. Новоуральск, Россия	Общество и неинституциональный политический дискурс в сети Интернет130
Меркулова Е. М. Москва, Россия	Средства вербализации жертвы в российском и американском военных дискурсах139
Молодыхенко Е. Н. Архангельск, Россия	Текстовое моделирование образа врага в истории и политике (на материале текстов президентского дискурса США).....145
Нехорошева А. М. Тамбов, Россия	Концептуальная метафора как механизм реализации когнитивной матрицы «свой — чужой» в политическом дискурсе (на примере выступлений Ангелы Меркель).....157
Обвинцева О. В. Екатеринбург, Россия	Средства эмоционального воздействия в предвыборных речах жен кандидатов в президенты США М. Обамы и Э. Ромни163
Спиридовский О. В. Воронеж, Россия	Устойчивость и динамичность в политическом дискурсе168
Тагильцева Ю. Р. Екатеринбург, Россия	Методологический анализ информационно-психологической войны: теоретический аспект175

РАЗДЕЛ 3. ЯЗЫК — ПОЛИТИКА — КУЛЬТУРА

Бежан Е. А. Одесса, Украина	Холокост в новейшей американской литературе (У. Стайрон, Дж. Фокс)179
Иванова Е. В. Челябинск, Россия	Архетип апокалипсиса и его вербализация в текстах СМИ184
Ильина О. С. Санкт-Петербург, Россия	Идеологическая составляющая в ассоциативно-семантическом поле «студент» (на материале произведений русских писателей XX века).....189
Кальщикова Т. А. Нижний Тагил, Россия	Диалог о судьбе России: особенности прагматической организации дневника А. Блока (на примере обращения к обобщенному адресату)195
Кубасов А. В. Екатеринбург, Россия	Политический дискурс в художественном электронном тексте (Владимир Сорокин в интернет-журнале «Сноб»)201
Лисий О. А. Санкт-Петербург, Россия	Внешняя политика как практика формирования идентичности (на примере Европейского союза)205
Малёнова Е. Д. Терских М. В. Омск, Россия	Специфика метафорической объективации концепта «Siberia» в современном американском медиадискурсе211
Морозова О. Н. Пушкин, Россия	Соотношение понятий эффективности и результативности речевого воздействия политической рекламы в Интернете221

Распаева Г. Д. Челябинск, Россия	Прецедентные феномены со сферой-источником «Православие» в англоязычных версиях произведений Л. Н. Толстого226
Тельминов Г. Н. Екатеринбург, Россия	Коммуникативные тактики позитивной вежливости в российской интернет-рекламе230
Томилова Н. А. Москва, Россия	Социально-духовный поиск героя на сломе эпох (на материале романа А. Иличевского «Матисс»)237
Юзефович Н. Г. Хабаровск, Россия	Субстрат «идеология коллективизма» в произведениях Эйн Рэнд242

РАЗДЕЛ 4. ИЗ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Джордж А. Л. Стэнфорд, США Пер. с англ. Ю. В. Кузиной, Е. В. Шустровой	Предсказание политических действий через анализ пропаганды249
--	---

РАЗДЕЛ 5. РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА

Чудинов А. П. Нахимова Е. А. Екатеринбург, Россия	Метафорические образы Европы в украинском политическом дискурсе259 <i>Рец. на моногр. Г. М. Яворской и О. В. Богомолова «Непевний об'єкт бажання: Європа в українському політичному дискурсі»</i>
---	--

Правила представления авторами рукописей в журнал «Политическая лингвистика» 261
--

CONTENTS

EDITORIAL 10

PART 1. THEORY OF POLITICAL LINGUISTICS

Vasiliev A. D.
Krasnoyarsk, Russia Verbal magic of Russian official bodies.....11

Gavrilova M. V.
St. Petersburg, Russia Some features of a rhetoric portrait
of the first Russian President B. N. Yeltsin17

Komarova Z. I.
Ekaterinburg, Russia Lingvopolitology as a particular paradigm
of present-day linguistics:
methodological aspect.....23

Ruzhentseva N. B.
Ekaterinburg, Russia Basic values of international discourse
in headlines of the first Russian newspaper in Africa.....34

Sedykh A. P.
Sopova I. V.
Belgorod, Russia Thematic elements of phraseology in the discourse
of Vladimir Putin and Angela Merkel40

Shustrova E. V.
Ekaterinburg, Russia Figurative language use in Barack Obama's
American political cartoon52

PART 2. POLITICAL COMMUNICATION

Amirov V. M.
Ekaterinburg, Russia Political perspective in a journalistic discourse
of modern armed conflicts65

Antonova Yu. A.
Ekaterinburg, Russia Virtual community in social network
as a way of distribution of extremist ideology
among young people71

Ansokova D. V.
Nalchik, Russia Addresser and addressee as elements
of the English-language political discourse81

Borodavkina E. A.
Pushkin, Russia The category of mood as means of forming
subjective and objective modality
of political discourse85

Vasiliev D. A.
Krasnoyarsk, Russia Metaphors of cold war in Russian and American
mass media publications in 201290

Voroshilova M. B.
Ekaterinburg, Russia Creolized metaphor: first sketch94

Kameneva V. A.
Sidorova E. A.
Kemerovo, Russia Contexts of ideologisation
or The image of Russia
in American online newspapers (2000—2012)100

Kerimov R. D.
Kemerovo, Russia “Human body” as a source domain
in the system of German social metaphors105

Kozlovskaya N. V.
St. Petersburg, Russia The term “Socialism” in Russian
religious and philosophical discourse124

Krasilnikova N. A. Novouralsk, Russia	Society and non-institutional discourse in the Internet.....	130
Merkulova E. M. Moscow, Russia	Means of verbalization of victim in the Russian and American discourses, describing war	139
Molodychenko E. N. Arkhangelsk, Russia	Enemy image construction in history and politics (the case of US presidential discourse).....	145
Nekhorosheva A. M. Tambov, Russia	Conceptual metathor as mechanism realizing a “self-other” cognitive matrix in the political discourse (the case of Angela Merkel’s speeches)	157
Obvintseva O. V. Ekaterinburg, Russia	Means of emotional influence in pre-election speeches of the US Presidential candidates’ wives M. Obama and A. Romney	163
Spiridovsky O. V. Voronezh, Russia	Steadiness and change in political discourse	168
Tagiltseva Yu. R. Ekaterinburg, Russia	Methodological analysis of informational psychological war: theoretical aspect	175

PART 3. LANGUAGE — POLITICS — CULTURE

Bezhan E. A. Odessa, Ukraine	Holocaust in contemporary American literature (W. Styron, J. Foer)	179
Ivanova E. V. Chelyabinsk, Russia	Archetype of Apocalypse and its verbalization in mass media texts.....	184
Ilyina O. S. St. Petersburg, Russia	The ideological component in the associative and semantic field «Student» (based on the fiction texts of Russian writers of XX century)	189
Kalschikova T. A. Nizhny Tagil, Russia	Dialogue on the fortune of Russia: peculiarities of pragmatic order of A. Blok’s diary (on the basis of addresses to a generalized addressee).....	195
Kubasov A. V. Ekaterinburg, Russia	Political discourse in belles-lettres electronic text (Vladimir Sorokin in internet-magazine “Snob”)	201
Lisiy O. A. St. Petersburg, Russia	Foreign policy as a tool for identity construction (the case of Turkey-European Union relations)	205
Terskikh M. V. Malenova E. D. Omsk, Russia	The concept of “Siberia” and specificity of its metaphorical objectivization in modern American mass-media discourse	211
Morozova O. N. Pushkin, Russia	Correlation between the concepts of efficiency and effectiveness of speech influence of political advertising on the Internet.....	221

Raspaeva G. D. Chelyabinsk, Russia	Precedent phenomena with the source sphere «The Orthodox Church» in the English versions of the works of I. N. Tolstoy.....	226
Telminov G. N. Ekaterinburg, Russia	Communicative tactics of positive politeness in Russian Internet advertising	230
Tomilova N. A. Moscow, Russia	Social-spiritual search for the hero at the turn of the epoch (on the basis of the novel “Matis” by A. Ilychevsky)	237
Yuzefovich N. G. Khabarovsk, Russia	“Collectivism ideology” substrate in Ayn Rand’s view	242

PART 4. FROM THE HISTORY OF POLITICAL LINGUISTICS

George A. L. Stanford, USA <i>Transl. from English</i> <i>by Y. V. Kuzina, E. V. Shustrova</i>	Prediction of political action by means of propaganda analysis.....	249
--	--	-----

PART 5. REVIEWS. CHRONICLE

Chudinov A. P. Nakhimova E. A. Ekaterinburg, Russia	Metaphorical images of Europe in Ukrainian political discourse	259
	<i>Review of the monograph by G.M. Yavorskaya and O.V. Bogomolova «Непевний об’єкт бажання: Європа в українському політичному дискурсі»</i>	
Manuscripts requirements		261

ПРЕДИСЛОВИЕ

Редакционная коллегия представляет очередной номер журнала «Политическая лингвистика».

Основные рубрики журнала остаются прежними. Раздел «Теория политической лингвистики» предоставляет трибуну ведущим специалистам по политической лингвистике. Нам приятно, что для очередного выпуска предложили свои материалы доктора наук, профессора А. Д. Васильев (Россия, Красноярск), М. В. Гаврилова (Россия, Санкт-Петербург), З. И. Комарова (Россия, Екатеринбург), А. В. Кубасов (Россия, Екатеринбург), Н. Б. Руженцева (Россия, Екатеринбург), А. П. Седых (Россия, Белгород), Е. В. Шустрова (Россия, Екатеринбург), В. А. Каменева (Россия, Екатеринбург).

Раздел «Политическая коммуникация» включает теоретические статьи, в которых значительное место занимает практический анализ языковых фактов.

В разделе «Язык — политика — культура» представлены исследования публицистических, рекламных, разговорных и художественных текстов, в той или иной степени значимые для политической лингвистики.

В разделе «Из истории политической лингвистики» публикуются впервые переведенные на русский язык статьи, которые, хотя и написаны много десятилетий назад, сохраняют свою значимость для теории и истории науки. **К сожалению, нам все труднее находить переводчиков-волонтеров для этого раздела. Поэтому мы будем благодарны всем, кто либо сам найдет и переведет интересный текст, либо предложит свои услуги в качестве переводчика для текста, одобренного редакцией. Напоминаем, что публикация перевода, в соответствии с решением экспертного совета ВАК, приравнивается для переводчика к публикации научной статьи, что иногда бывает важным при представлении диссертации к защите.**

Напоминаем основные принципы редакционной политики.

Мы уважаем существующие в каждом государстве национальные особенности политической коммуникации, связанные с историей, культурой и политической системой данного государства.

Мы против политической цензуры, с уважением относимся к политическим взглядам авторов наших публикаций, хотя не всегда и не во всем с ними согласны.

Мы считаем необходимым соблюдение принципов толерантности и политической корректности, в том числе в статьях, созданных в рамках критического анализа дискурса.

Мы исходим из того, что сам факт анализа политических текстов, созданных политическими экстремистами, вовсе не свидетельствует о том, что автор публикации или редакционная коллегия в какой-либо степени солидарны

с позицией соответствующего политического лидера или журналиста.

Мы не имеем возможности оплачивать труд литературных редакторов и корректоров, а поэтому ответственность за подбор и точность цитат, за возможные опечатки или иного рода недочеты несут авторы публикаций.

Мы не располагаем средствами для оплаты труда профессиональных переводчиков. Вполне возможно, что переводчики-волонтеры не всегда блестяще справляются со своей работой, но мы надеемся, что публикуемые переводы дают достаточно точное представление о содержании оригинальных текстов.

В сочетании «политическая лингвистика» для нас значимы обе части. И хотя мы считаем наш журнал лингвистическим, стремимся предоставлять трибуну политологам, психологам, социологам и специалистам по иным социально-гуманитарным наукам.

С содержанием предшествующих выпусков данного журнала можно познакомиться на сайте cognitiv.narod.ru, а также на сайте научных журналов Уральского государственного педагогического университета journals.uspu.ru. На сайте cognitiv.narod.ru размещены также другие публикации по проблемам политической лингвистики, преимущественно подготовленные в рамках Уральской школы политической лингвистики. Мы готовы также удовлетворить заявки на пересылку этого и предшествующих выпусков в печатном варианте.

Контакты.

Почтовый адрес: 620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов 26, Уральский государственный педагогический университет, кафедра риторики и межкультурной коммуникации (каб. 285).

Телефоны:

(343)3361592 (гл. редактор А. П. Чудинов).

Факс (343) 3361592.

Электронная почта: ap_chudinov@mail.ru.

Контакты.

Почтовый адрес: 620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов 26, Уральский государственный педагогический университет, кафедра риторики и межкультурной коммуникации (каб. 285).

Телефоны:

(343)3361592 (гл. редактор А. П. Чудинов).

Факс (343) 3361592.

Электронная почта: ap_chudinov@mail.ru.

С уважением

и надеждой на сотрудничество:

д-р филол. наук, проф. Анатолий Прокопьевич Чудинов,
д-р филол. наук, доцент Эдуард Владимирович Будаев,
канд. филол. наук, доцент Мария Борисовна Ворошилова,
канд. филол. наук Даниил Олегович Морозов.

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

УДК 811.161.1'27
ББК Ш141.2-7

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.01

А. Д. Васильев А. D. Vasiliev
Красноярск, Россия Krasnoyarsk, Russia

ВЕРБАЛЬНАЯ МАГИЯ РОССИЙСКОГО ОФИЦИОЗА

Аннотация. На примере переименования милиции в полицию рассматриваются сегодняшние проявления вербальной магии в российском офицозе.

Ключевые слова: вербальная магия; российский офицоз; «милиция»; «полиция».

Сведения об авторе: Васильев Александр Дмитриевич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего языкознания.

Место работы: Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева.

Контактная информация: 660049, г. Красноярск, ул. А. Лебедевой, 89.
e-mail: vasilleva@kspu.ru.

VERBAL MAGIC OF RUSSIAN OFFICIAL BODIES

Abstract. On the basis of re-naming of Militia to Police the article reveals the present-day manifestation of magic in Russian official bodies.

Key words: verbal magic; Russian official bodies; "Militia"; "Police".

About the author: Vasiliev Aleksander Dmitrievich, Doctor of Philology, Professor of the Chair of General Linguistics.

Place of employment: Krasnoyarsk State Pedagogical University n. a. V. P. Astafiev.

В предельно упрощенном виде вербальную магию можно представить как манипуляцию словами, фактически приравняемыми к объектам реальной действительности, направленную на изменение сознания адресата, а следовательно — на управление его поведением так, как это желательно адресанту-манипулятору. К набору главных, родовых признаков манипуляции относят следующие: 1) это вид духовного, психологического воздействия, мишенью которого являются психические структуры личности; 2) это скрытое воздействие, факт которого не должен быть замечен объектом манипуляции; 3) это воздействие требует от манипулятора значительного мастерства и знаний; 4) это отношение к людям, сознанием которых манипулируют, не как к личностям, а как к объектам, особенно рода вещам [Кара-Мурза 2002: 16—17] (разрядка здесь и далее наша. — А. В.).

Сегодня всё более популярной среди исследователей становится широкое понимание манипулятивной функции языка и соответственно его поистине безграничных потенций в этом отношении. «Язык как система понятий, слов (имен), в которых человек воспринимает мир и общество, есть самое главное средство подчинения... Первоначальной функцией слова на заре человечества было его суггесторное воздействие» [Кара-Мурза 2002: 84], — подобные суждения находим в трудах лингвистов, в ряде случаев подчеркивающих невозможность четкого и безусловного разграничения манипулятивных и «неманипулятивных» речевых актов, напри-

мер «из-за крайней сложности квалификации и проведения черты между просто речевым воздействием, без которого нет и не может быть естественного общения людей (любой речевой акт суггестивен), и манипуляцией» [Голев 2007: 11]. Ср.: «Любой акт речевого общения не происходит ради самого общения: коммуниканты всегда преследуют определенные речевые цели, которые в итоге влияют на деятельность собеседника» [Секретарёва 2005: 266] — и: «Любой акт коммуникации, вербальной или невербальной, призван воздействовать на ее участника. Даже фатическое общение имеет целью как минимум возбудить внимание к тому, кто такое общение инициирует. Даже нейтрально-информативный монолог типа научного сообщения имеет целью как минимум побудить слушателей вникнуть в его содержание» [Осипов 2007: 217]. Несомненно, что и «текст закона в каком-то отношении является узаконенным манипулятивным текстом» [Бринёв 2005: 158].

Манипуляции — неизбежный, имманентный модус поведения и необходимый атрибут и инструмент любой власти так же, как и средства массовой информации, без которых осуществление манипулятивных операций заведомо невозможно (в лучшем случае малоэффективно).

Не углубляясь в многовековую историю вербально-магических манипуляций, остановимся лишь на некоторых ее чертах, характерных для внутрироссийской ситуации примерно двух последних десятилетий. Попутно заметим, что до сих пор еще довольно

заметны (правда, не настолько, как в конце 80-х — начале 90-х гг. прошлого века) усилия отдельных отечественных лингвистов по разоблачению и искоренению тех лексико-фразеологических особенностей официально-употребления русского языка, которые в совокупности были удостоены полукалькированного терминоида «советский новояз». Он в перестроечно-реформаторский период был обозначен как самая доступная мишень, попытки хоть как-нибудь поразить которую не только свидетельствовали о новейшей благонадежности авторов, но и предлагали некое научно-лингвистическое оправдание и обоснование развернутых экспериментов над населением и трансформации ментальности этносоциума. Как будто внезапно произошло слаженное прозрение пандемического характера («послушать иных многих, так просто жалко делается людей: чуть ли не все изнывали под игом тоталитаризма, диктата, цензуры...») [Трубачёв 2004: 141—142]. По-видимому, именно колоссальные затраты энергии на производство безопасно и прибыльного пафоса так и не дали многим специалистам заметить сегодняшние эволюции общественно-политического дискурса, что не только антиисторично, но и противоречит ряду известных собственно лингвистических положений. Ведь «во всей истории литературных (или стандартных) языков мы видим примеры того, как класс, переживающий эпоху своего господства, уступая свою позицию новому, идущему ему на смену классу, передает последнему... и языковую традицию. Стандартный язык, таким образом, как эстафета, переходит из рук в руки, — от одной господствующей группы к другой, наследуя от каждой из них ряд специфических черт» [Поливанов 2001: 331].

Надо добавить также, что образ советского ратора характеризовался категорией коммунистической партийности, адекватно доминировавшим тогда ценностям воплощавшейся в вербальной магии того времени: «Знак воспринимается как мотивированная модель вещи, поэтому в речевой практике они отождествляются... Правила обращения со знаками и вещами тоже отождествляются. Знак становится более суггестивным, чем информативным» [Романенко 2003: 222].

Собственно, это универсальный и традиционный феномен: «Во времена далекие от нас ... между родным словом и мыслью о предмете была такая тесная связь, что ... изменение слова казалось непременно изменением предмета. Слово есть самая вещь, и это доказывается не столько филологической связью слов, обозначающих слово и вещь, сколько распространенным на

все слова верованием, что они обозначают сущность явлений. Слово, как сущность вещи, в молитве и занятии получает власть над природою» [Потебня 1976: 173].

Поэтому нельзя оставлять без внимания ни несомненную преемственность этих тенденций речевой коммуникации в пределах одного языка, ни в то же время почти (?) повсеместную их распространенность в типологически разных языках и в условиях различных социально-политических систем. Достаточно вспомнить хотя бы о несомненных успехах нацистской пропаганды, или об особенностях «литературного английского» — «занудного диалекта, языка газетных передовиц, Белых книг, политических речей и выпусков новостей Би-би-си», для которого «характерна опора на штампы» [Оруэлл 1989б: 332]; или о *political correctness* — «политической корректности» (переводят также как «культурная корректность», «коммуникативная корректность»), сконструированной и культивируемой в США и в полном соответствии с практикой глобализации экспортируемой по всему миру.

Однако вернемся к сегодняшней российской официальной речекоммуникативной ситуации, формируемой трудами политтехнологов, породивших множество слов и устойчивых словосочетаний, которые предназначены для проведения вербально-магических операций. Их манипулятивные функции обеспечиваются либо за счет семантической пустоты используемых лексико-фразеологических единиц, либо за счет подмены обозначаемых понятий. Разумеется, степень успешности этих операций почти всецело определяется усилиями так называемых средств массовой информации (в действительности, конечно, — массовой дезинформации и управления сознанием социума), в первую очередь телевидения.

Приведем здесь лишь несколько примеров политико-лингвистического творчества («креатива», как принято выражаться в современной России) перестроечно-реформаторского периода (впрочем, некоторые из них калькированы с иностранных языков): *стратегия ускорения* (не успевшая стать даже тактикой); *новое мышление* (результаты его то ли неосмысленного, то ли слишком по-новому обдуманного кем-то применения очень хорошо известны); *равноправное партнерство* (изначально неосуществимое); *мировое сообщество* (обычно имеются в виду одно-два государства, иногда — чуть больше); *оптимизация бюджета* (постоянное снижение финансирования образования, здравоохранения и других жизненно важных сфер); *социальная норма* (непонятно как ус-

тановленный минимум расходов электроэнергии); *монетизация льгот* (резкое ухудшение материального положения и без того небогатых граждан); *модернизация* (обычно добавляется несогласованное определение: скажем, *модернизация производства* — однако хорошо известно, что в современной РФ какое-либо реальное производство почти совершенно отсутствует, как и возможности для его развития); *стабильность* (в основном относится к незыблемости персонифицированной власти); *жилищно-коммунальная реформа* (перманентный и ничем рационально не оправдываемый рост платы за коммунальные услуги без малейшего улучшения их качества); *правовое государство* (скольнибудь удовлетворительная дефиниция этого словосочетания вряд ли возможна).

Иногда вербально-магические операции производятся за счет замещения одного слова другим, причем суть обозначаемых ими явлений совершенно не меняется (своеобразное воплощение установок поллиткорректности). Такой стала, скажем, замена *прописки* на *регистрацию*. *Прописку* объявили злокозненным изобретением советской власти (хотя, по-видимому, прикрепление личности как таковой к определенному месту проживания восходит еще ко временам патриархально-царской России и крепостного права) и в 1993 г. под знаменем либерализации и демократизации всего и вся превратили в *регистрацию* — якобы для реализации права граждан на свободное передвижение по территории страны и выбор места жительства. Однако, и это очень хорошо известно любому жителю России, в действительности *регистрация* оказалась ничуть не менее жестким средством бюрократического давления на граждан, столь же успешно, сколь и былая *прописка*, ограничивающим конституционную свободу их передвижения. Нельзя считать случайным, что сегодня (причем не только в сугубо бытовом общении) эти слова зачастую путают (вероятно, считая их абсолютными синонимами, или дублетами): судя по беглым наблюдениям, слово *прописка* в речекоммуникативных актах гораздо более частотно, нежели *регистрация*, официально регламентируемое как доминирующее. Ср. беллетристическое осмысление этого феномена в пьесе 2003 г.: «Кабулов (участковый милиционер): Иван Афанасьевич, ты мне нужен! Иван Афанасьевич (ответственный квартиросъемщик): В чем дело? Кабулов: Иностранца у себя на квартире прячешь. Незарегистрированного. Иван Афанасьевич: Так ведь *прописку* отменили! Или демократию тоже отменили? Кабулов:

Прописку отменили. А *регистрацию* никто не отменял» [Поляков 2004: 157].

Весьма симптоматичен и символичен недавний пример очередного вербально-манипулятивного эксперимента над общественным сознанием, как и все подобные, круто замешанный на вере в магическую силу слова, — переименование российской *милиции* в *полицию*. Это еще одна стадия игры в слова, долженствующая свидетельствовать об окончательном разрыве нынешнего государственного устройства с советским прошлым и абсолютной необратимости перемен во всех сферах жизнедеятельности социума.

По-видимому, здесь, как и во многих подобных случаях, традиционно проявилось волонтаристское начало, столь излюбленное российскими «топ-менеджерами». Было высочайше объявлено, что *милиция* — это изобретение советской власти (кстати, как обычно, обнаружилось малоудовлетворительное знание отечественной истории: милицией царскую полицию заменило весной 1917 г. Временное правительство. Упомянутая власть, очевидно, уловив преобладавшие в обществе настроения, лишь переняла от своей предшественницы это наименование сил охраны правопорядка и борьбы с преступностью). Согласно энциклопедическому толкованию, круг обязанностей милиции определялся следующим образом: «*милиция*... — в СССР гос. орган, призванный обеспечивать охрану общественного порядка, социалистической собственности, прав и законных интересов граждан, предприятий, организаций, учреждений от преступных посягательств и др. антиобщественных действий» [Советский энциклопедический словарь 1983: 802]. Совсем иначе характеризуется тем же словарем *полиция*; в качестве первого (и главного) значения приводится: «в эксплуататорских государствах система особых органов надзора и принуждения, а также карательные войска внутреннего назначения, охраняющие существующий общественный строй путем прямого подавления классовых противников» [Советский энциклопедический словарь 1983: 1027]; ср. в толковом словаре: «*полиция* — 1) особый орган, располагающий вооруженными отрядами для охраны безопасности существующего строя и установленных порядков в дореволюционной России и капиталистических странах... „Во всех буржуазных республиках, даже наиболее демократических, полиция является главным орудием угнетения масс (как и постоянная армия), залогом всегда возможных поворотов назад к монархии“. Ленин» [МАС₂ 1983, т. 3: 262]. Радикальные различия в дефинициях налицо и не нуждаются в под-

робных комментариях, так же, как и основной аргумент необходимости якобы назревшей замены названия: «пришла пора вернуть *милиции* ее прежнее наименование и именовать в дальнейшем наши органы правопорядка *полицией*» [Кузьмин 2010: 2].

Высшие представители ведомства проявили завидную дисциплинированность и оперативность: по словам статс-секретаря, заместителя министра внутренних дел, генерал-майора *милиции* С. Булавина, «такое переименование — один из результатов работы над проектом. Пришло понимание, что социальная модель милиции базируется на выполнении органами правопорядка профессиональных *полицейских* функции» [Фалалеев 2010: 10]. Другой юрист, президент Федеральной палаты адвокатов РФ, тоже искренне одобрил нововведение: «Милицеское ведомство на сегодняшний день настолько дискредитировало себя, что даже простая смена названия содержит в себе позитив» [Семеняко 2010: 5] (хотя по поводу «самодискредитации милиции» можно было бы заметить, что ни одно другое ведомство или социальная группа также не устояли бы против мощной кампании, развернутой буквально всеми СМИ). В хоре единодушного одобрения зазвучали и полуанонимные голоса граждан с высказываниями вроде следующего: «По моему мнению, переименование милиции в полицию — это очень важный и своевременный шаг руководства страны» [Там же] и т. п.

Собственно, в подобных реакциях аудитории легко обнаружить признаки того, что сегодня называют «обыденным метаязыковым сознанием», подразумевая «набор более или менее осознанных представлений рядовых носителей языка о самом языке в его разных проявлениях» [Голев 2008: 5] (хотя, наверное, абсолютное и безусловное разграничение «обыденного» и «научного» языкового сознания лингвиста довольно дискуссионно: придется предположить нечто вроде раздвоения личности, и хорошо, если только языковой...).

Любопытна, между прочим, точка зрения актера О. Анофриева, выдаваемая, кажется, то ли за авторитетное мнение, то ли за глас народа: «Согласен с переименованием нашей службы правопорядка. Когда нужно внести изменения в существо дела, надо менять витрину, менять название, а точнее [!] — понятие» [Пять событий 2010: 2]. Иначе говоря, ставится знак абсолютного равенства между реальией (каким-либо феноменом как элементом действительности), ее вербальным знаком-выражением (словом как единицей языка) и понятием об этой же реальности (т. е.

мыслью как продуктом мышления, психического мира). Это и глубочайшая, неискоренимая даже собственным житейским опытом индивида вера в магию слова, и наивная атавистическая убежденность в том, что сущность реалии можно мгновенно изменить за счет ее иного названия (т. е. радикально преобразить сущность, вплоть до придания ей черт полной ее противоположности, нововведенным словесным обозначением). В общем-то, если учесть специфику трудовой деятельности престарелого актера (который к тому же видит «во всем происходящем [имеются в виду пожары в России и наводнение в Европе] не что иное, как знаки приближения Апокалипсиса» [Там же]), здесь нет ничего удивительного: декорации привычно создают необходимый антураж, выстраивая подобия реального мира; грим и сценический костюм сотворяют персонажа спектакля или фильма, имитирующего настоящего человека, и т. п. Однако наиболее примечательным звеном псевдологического построения оказывается, на наш взгляд, отождествление названия и понятия. Собственно, это вождельная мечта профессиональных лицедедов совсем иного уровня — властных манипуляторов, ведущих игру в слова и ведущих в ней; именно к упомянутому отождествлению как доминирующему способу мышления (и, естественно, единомыслия) направлены информационно-психологические операции. Вот что декларирует один из «жрецов власти» в «1984»: «...Вам следует понять, что власть — это власть над людьми, над телом, но самое главное — над разумом. Власть над материей — над внешней реальностью... не имеет значения... Мы покорили материю, потому что мы покорили сознание. Действительность — внутри черепа» [Оруэлл 1989а: 179].

Может быть, еще и поэтому — чтобы отвести от себя малейшие подозрения в инакомыслии — вроде бы профессиональный юрист предлагает, по сути дела, не вдаваться в какие-либо дискуссионные аспекты переименования, решительно заявив: «Законодательная инициатива президента страны о преобразовании нынешней *милиции* в *полицию* понятна и прозрачна без каких-либо толкований» [Семеняко 2010: 5].

Между тем следовало бы все-таки с большей осторожностью отнестись к рекомендациям политехнологов, спичрайтеров и прочих соавторов переименований-инноваций, а именно учесть некоторые константы упомянутого «обыденного метаязыкового сознания» на уровне устойчивой сочетаемости некоторых слов, вызываемых ими ассоциаций и т. п. Например, наличие (в том числе и в современном публичном и публи-

цистическом дискурсе) явно негативно оценочных словосочетаний «*полицейские меры, полицейское государство* (ср.: „*полицейский... 3*) не одобряющий на полицию... и жандармерию, характеризующийся грубым насилием и произволом. *Полицейский террор. Полицейские методы управления*“ [МАС₂ 1983: 262]), существительного *полицейщина* — «разг. неодобр. система полицейской регламентации всей общественной жизни; полицейский режим» [Там же] (это, кажется, ничем не отличается от многократно проклятого советского тоталитаризма) и, конечно, еще не вполне стерттого из исторической памяти этносоциума слова-клейма *полицай* — «разг. презр. полицейский, завербованный из числа местного населения (на оккупированных территориях во время Великой Отечественной войны)» [Там же]. Ср. по поводу последнего: «Некоторые [немецкие] слова в речи русского человека подвергались смысловому преобразованию, в ходе которого изменяли характер предметной отнесенности. Словом *полицай* (нем. *Polizei* — *полиция*) обозначались военизированные формирования, которые создавались из отщепенцев на временно захваченной территории, но это слово в речи русских превратилось в презрительное обозначение полицейских, — кто пошел на службу в полицию; примечательно, что в фашистском лексиконе функционер полицейских формирований назывался по-немецки: *полицист* (*Polizist* — *полицейский*). Но в речи местного населения блюстителей «нового порядка» всё же называли словом *полицай* — именем того учреждения, где служили изменники родины. Не прежнее слово *полицейский*, а слово *полицай* становится обозначением и отрицательной оценкой функционеров, творивших злодеяния на оккупированной территории. Закреплению оценочного наименования за *полицистами* — полицейскими, несомненно, способствовало то, что слово осмыслялось как образование с суффиксальным показателем *-ай, -яй*; русские образования на *-ай, -тяй, -дяй* обозначают „презираемого, вызывающего пренебрежение или отвращение человека: *негодяй, кисляй, разгильдяй, лентяй, скупердяй, слюнтяй*“ [Кожин 1985: 279—280] (со ссылкой на В. В. Виноградова).

По каким-то, наверное, очень важным причинам потенциальное влияние этих факторов психосоциолингвистического характера оставили без внимания (как и возможную реакцию молчаливого отторжения от таких инноваций среди немалого числа действующих сотрудников МВД). Что же касается так называемого общественного мнения, то его

явно не успели подготовить к следующему этапу *модернизации*. Видимо, этой незрелостью сознания электората в оценке очередного прогрессивного нововведения объясняются показатели соответствующих социологических обследований. По данным инициативного всероссийского опроса ВЦИОМ, проведенного 14—15 августа 2010 г. с привлечением 1600 респондентов, на вопрос «К каким последствиям, по-вашему, приведет переименование милиции в полицию?» были получены ответы: 63 % — «эта мера ничего не изменит, всё останется прежним»; 15 % — «эта мера приведет скорее к негативным последствиям»; 11 % — «эта мера приведет скорее к положительным последствиям»; 11 % — «затрудняюсь ответить» [ГН 2010: 1]. Конечно, и к таким результатам надо относиться с определенной осторожностью, но именно в демократическом правовом государстве (см. действующую Конституцию РФ) подобные опросы было бы разумно проводить заблаговременно, *до* принятия широкомасштабных кардинальных решений. В то же время понятно, что итоги социологических опросов (ранее осуществлялись и референдумы) во многих случаях (из-за той же «гражданской незрелости населения»), будучи учтены властями, оказались бы неодолимым барьером, препятствующим претворению в жизнь реформ, которые, как неоднократно декларировалось, направлены именно на благо электората, не желающего (может быть, и не способного) видеть светлые перспективы своего бытия — скажем, в 2020 г.... Кроме того, существуют прецеденты референдумов, результаты которых мудро не принимались властью во внимание (например, в 1991 г. — по поводу будущности Советского Союза). Впрочем, известное фольклорное речение, бесспорно справедливое по своей сути: «сверху виднее» (вариант — «начальству виднее») — может быть дешифровано и так: «Твое начальство глубоко (глубже, чем кто бы то ни было) постигает законы мира, человека и общества и строит твою жизнь в полном соответствии с ними. Оно делает максимально лучшее для тебя. Оно живет и тяжело трудится во имя тебя. И жизнь твоя прекрасна» [Зиновьев 1990: 205]. Ранее было замечено: «Но как узнать мнение начальства? Нам скажут: оно видно из принимаемых мер. Это правда... Гм! нет! Это неправда!... Правительство нередко таит свои цели из-за высших государственных соображений, недоступных пониманию большинства... Где подданному уразуметь все эти причины, поводы, соображения... Никогда не понять ему их, если само правительство не дает

ему благодетельных указаний. В этом мы убеждаемся ежедневно, ежечасно, скажу: ежеминутно» [Прутков 1976: 138—139].

Однако же чуть ли не ежедневно (даже если судить об этом только по сообщениям СМИ) обыватели убеждаются в том, что российская *полиция* в лице ее, увы, достаточно многочисленных представителей склонна к совершению разнообразнейших правонарушений ничуть не менее, чем российская *милиция*. А потому, по данным недавнего социологического опроса, проведенного Левада-центром, в июне 2012 г. 73 % российских граждан считало, что *полиция* не заслуживает доверия (кстати, и по сию пору в бытовом общении многие речедейтели именуют ее по-прежнему — *милицией* — видимо, не только в силу определенной инерции мышления, но и из-за отсутствия сколько-нибудь зримых различий между *милицией* и *полицией*).

Любопытно отметить и то, что, судя по всему, декларированная реформа МВД России (как и прочие подобные *инновации*) очень далека от своего завершения. Так, новый министр МВД В. Колокольцев учредил — в дополнение к имеющимся структурам — еще и «расширенную рабочую группу по дальнейшему реформированию органов внутренних дел», которая уже успешно заседает... [Куликов, Фалалеев 2012: 8.]. Можно предполагать, что и эту реформу постигнет судьба ранее провозглашенных — и столь же перманентных: ведь совершенно невозможно установить, каковы успехи того или иного нововведения власти, если реформа окончательно не завершена. Следовательно, за финальный (обещанный) результат никто (и в первую очередь высшие руководители) не несет никакой ответственности.

Поэтому вербально-магические операции властей, несомненно, будут продолжаться с не меньшим размахом, а значит, лингвистические исследования в этом направлении сохраняют свою актуальность.

Что же касается основной массы носителей русского языка, то им, чтобы не стать жертвами словесных манипуляций, следует чаще вспоминать пословицу: «Не смотри на кличку, смотри на птичку» [Даль 1984: 168]. Кроме того, по справедливому суждению М. М. Бахтина, «слово нельзя отдать одному говорящему. У автора (говорящего) свои неотъемлемые права на слово, но свои права есть и у слушателя...» [Бахтин 1986: 317].

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М. М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. — М., 1986. С. 297—325.

2. Бринёв К. И. Манипулятивное функционирование языка в юрислингвистическом и собственно лингвистическом аспектах // Юрислингвистика-6 : Инвективное и манипулятивное функционирование языка. — Барнаул, 2005. С. 156—167.

3. Голев Н. Д. Особенности современного обыденного метаязыкового сознания в зеркале обсуждения вопросов языкового строительства // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2008. № 3 (4). С. 5—17.

4. Голев Н. Д. Самоопределение юридической лингвистики в России // Юрислингвистика-8: Русский язык и современное российское право. — Кемерово ; Барнаул, 2007. С. 7—13.

5. ГН = Городские новости. 2010. № 127. 24 авг.

6. Даль В. И. Пословицы русского народа : в 2 т. Т. 2. — М., 1984.

7. Зиновьев А. А. Зияющие высоты. Кн. 1. — М., 1990.

8. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. — М., 2002.

9. Кожин А. Н. Лексико-фразеологические процессы в русском языке периода Великой Отечественной войны. — М., 1985.

10. Кузьмин В. Дмитрий Медведев: обеспечить правопорядок // Российская газета — неделя. 2010. № 31. 12 авг. С. 2.

11. Куликов В., Фалалеев М. Полиция уйдет от палки // Российская газета — неделя. 2012. № 146. 28 июня. С. 8.

12. Оруэлл Дж. 1984 // Оруэлл Дж. «1984» и эссе разных лет. — М., 1989а. С. 22—208 [Оруэлл 1989а].

13. Оруэлл Дж. Англичане // Оруэлл Дж. «1984» и эссе разных лет. — М., 1989б. С. 309—341.

14. Осипов Б. И. Речевая манипуляция и речевое мошенничество: сходство и различие // Юрислингвистика-8: Русский язык и современное российское право. — Кемерово ; Барнаул, 2007. С. 216—221.

15. Поливанов Е. Д. Задачи социальной диалектологии русского языка // Е. Д. Поливанов и его идеи в современном освещении. — Смоленск, 2001. С. 312—331.

16. Поляков Ю. Контрольный выстрел // Поляков Ю. Хомо эректус : пьесы и инсценировки. — М., 2004. С. 151—222.

17. Потебня А. А. Мысль и язык // Потебня А. А. Эстетика и поэтика. — М., 1976. С. 35—220.

18. Прутков Козьма. Проект: о введении единомыслия в России // Прутков Козьма. Соч. — М., 1976. С. 138—140.

19. Пять событий недели // Российская газета — неделя. 2010. № 31. 12 авг. С. 2.

20. Российская газета — неделя. 2010. № 32. 19 авг. С. 5—17.

21. Секретарёва Е. В. Речевое внушение и речевая манипуляция: к постановке проблемы // Юрислингвистика-6 : Инвективное и манипулятивное функционирование языка. — Барнаул, 2005. С. 266—269.

22. Семеняко Е. Адвокатский запрос в милицию // Российская газета — неделя. 2010. № 32. 19 авг. С. 5.

23. Словарь русского языка : в 4 т. Изд. 2-е. = МАС₂. Т. 3. — М., 1983.

24. Советский энциклопедический словарь. 2-е изд. — М., 1983.

25. Трубочёв О. Н. Заветное слово. Взгляд лексикографа на проблемы языкового единства славян. — М., 2004.

26. Фалалеев М. Рожденная без революции // Российская газета — неделя. 2010. № 31. 12 авг. С. 10.

УДК 342.536.12+811.161.1'27
ББК Ш141.2-7

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.01

М. В. Гаврилова
Санкт-Петербург, Россия
**НЕКОТОРЫЕ ЧЕРТЫ РЕЧЕВОГО ПОРТРЕТА
ПЕРВОГО ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ**
Б. Н. ЕЛЬЦИНА

Аннотация. Рассматриваются особенности выступлений первого президента России Б. Н. Ельцина на различных уровнях организации текста и дискурса: топиков, ключевых слов, жанровой системы, концептов, речевых средств убеждения, условий продуцирования текста.

Ключевые слова: президентская риторика; политическая коммуникация; дискурс-анализ; когнитивная лингвистика.

Сведения об авторе: Гаврилова Марина Владимировна, доктор филологических наук, профессор отделения прикладной политологии.

Место работы: научно-исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург.

Контактная информация: 190008, г. Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, д. 16, отделение прикладной политологии.
e-mail: mvlgavrilova@gmail.com.

M. V. Gavrilova
St. Petersburg, Russia
**SOME FEATURES OF A RHETORIC
PORTRAIT OF THE FIRST RUSSIAN
PRESIDENT B. N. YELTSIN**

Abstract. The article discusses the distinctive features of B.N. Yeltsin's speeches at different levels of a text and a discourse: topics, key words, concepts, a system of genres, means of persuasion, the conditions of production of the text.

Key words: presidential rhetoric; political communication; discourse analysis; cognitive linguistics.

About the author: Gavrilova Marina Vladimirovna, Doctor of Philology, Professor of the Department of Applied Political Science.

Place of employment: National Research University Higher School of Economics, Saint-Petersburg.

Одним из перспективных направлений политической лингвистики является составление дискурсивных портретов политиков. Сопоставление публичных выступлений российских президентов предоставляет возможность проследить историческое развитие речевого образа главы государства и установить инвариантные свойства этого образа как норму, выяснить, каким должен быть российский президент как языковая личность. Тем самым исследование президентской риторики позволит прогнозировать положительные и отрицательные последствия конкретных высказываний, а также индивидуальный речевой стиль человека, стремящегося стать президентом.

Мы выяснили, что российская президентская риторика представляет собой сложное многомерное речевое образование, характерными чертами которого являются: 1) статусно-ролевая природа речевого поведения главы государства; 2) преобладание серьезного модуса общения и социальная обязанность следовать стиливым требованиям формальной (официальной) коммуникации; 3) интерпретация политической речи как политического действия; 4) разнообразная функциональная нагрузка: помимо сообщения и воздействия, выступления президента выполняют регулятивную, познавательную функции, а также функцию конструирования общественного мнения; 5) принадлежность выступлений президента сис-

теме публичных коммуникаций; 6) сложное взаимовлияние и взаимозависимость устной и письменной формы речи; 7) преобладание речевых ситуаций подготовленного устного выступления политика; 8) опосредованность президентского текста СМИ; 9) определенный тематический репертуар; 10) широкие коммуникативные возможности у главы государства как субъекта речевого действия. В выступлениях российских президентов мы наблюдаем пересечение признаков:

– по форме — устной (спонтанность, необратимость, многоканальность) и письменной (четкая структура содержания и формальной организации, вычленение отрезков, планирование текста) речи;

– по содержанию — книжного стиля (официальный характер, самостоятельность текста, тщательная предварительная подготовка) и разговорной речи (зависимость от ситуации) [См.: Гаврилова 2004].

ПОНЯТИЕ «ПРЕЗИДЕНТ». Первый российский президент Б. Н. Ельцин, используя речевую стратегию самоидентификации и толкования, объяснял обществу, каковы функции, права и обязанности лица, занимающего высшую государственную должность.

Отметим, что слово *президент*, которое встречается уже у Петра I, пришло в русский язык через немецкий из латинского *praesidens, praesidentis* 'сидящий впереди; стоящий во главе; председательствующий'.

В семантическом развитии слова *президент* на протяжении XX в. можно выделить следующие этапы:

- председатель, старший член совещательного места, управления (начало XX в.);
- глава государства в буржуазной республике (30-е гг. XX в.);
- председатель, избранный для руководства обществом или научным учреждением (60—80-е гг. XX в.);
- выборный глава государства (в большинстве стран с республиканской формой правления) (90-е гг. XX в.);
- председатель, избранный для руководства обществом, объединением, научным учреждением (начало XXI в.).

Как видно, семантическое изменение слова сводится к чередованию двух значений — 'председатель союза' и 'глава республики', — одно из которых становится основным в каждый период истории.

В целом в 90-х гг. XX в. в выступлениях журналистов, политологов и политиков осмысление новой президентской системы власти осуществлялось преимущественно с помощью метафорической модели родства по супружеству «президент — жених (муж) России» либо с помощью концептуальной метафоры «президент России — царь» [Чудинов 2003: 214]. Однако в выступлениях Б. Н. Ельцина наблюдалась попытка логически постичь политическое понятие «президент» с помощью определения объема (кто президент?) и содержания понятия (какой президент?).

Так, в первой инаугурационной речи (1991) представлены описательные характеристики политического лидера новой России. Б. Н. Ельцин апофатически определяет роль президента, отталкиваясь от традиционных субъектов власти на Руси — Бога и монарха: *Президент — не Бог, не новый монарх, не всемогущий чудотворец, он гражданин, облеченный огромной ответственностью за судьбу России, своих сограждан. Он прежде всего человек, которому оказано высшее народное доверие.* Нам представляется, что такая структура представления роли президента, когда отрицание переходит в акцентированное утверждение, выбрана Б. Н. Ельциным не случайно. Отрицательное предложение, активизируя сохранившееся в общественном сознании представление о Боге и монархе, уменьшает неопределенность знаний аудитории о новой статусной функции главы государства. Кроме того, отрицание как составляющая процесса познания служит средством побуждения к получению дополнительных знаний, поэтому за отрицанием закономерно следует утвердительное

предложение, раскрывающее понимание президентом своей роли в новом общественно-политическом устройстве России [Гаврилова 2008].

Для определения содержания понятия, подразумевающего ответ на вопрос «Какой президент?», необходимо выявить лексические, морфологические, синтаксические, риторические средства, с помощью которых формируется образ говорящего как президента. Мы пришли к выводу, что Б. Н. Ельцин выделяет следующие признаки лица, обладающего высшей государственной властью: решительный, деятельный, убежденный в правоте слов и поступков лидер (1991); человек, имеющий властные полномочия и личные обязательства перед гражданами страны (1996). Отметим, что каждый новый российский президент развивает и дополняет этот атрибутивный ряд, ср.: волевой человек, требовательный лидер, умеющий брать на себя ответственность и соблюдать личные обязательства перед гражданами страны (В. В. Путин, 2000); энергичный, активный, ответственный человек, имеющий личные обязательства перед гражданами страны (В. В. Путин, 2004); активный ответственный целеустремленный человек, который готов к сотрудничеству в деле служения народу (Д. А. Медведев, 2008); ответственный человек, решающий сложные задачи, который служит народу и Отчизне (В. В. Путин, 2012).

Добавим, что Б. Н. Ельцин считал необходимым подчеркивать статус президента как гаранта Конституции и законности. Кроме того, встречается и метафорическое обозначение «президент — машина для принятия решений»: *Я — машина для принятия решений. Так однажды кто-то назвал мою работу. Очень точно. Но эта машина должна думать и чувствовать, должна воспринимать мир во всех взаимосвязях. Это должна быть живая машина. Иначе — грош ей цена* [Ельцин 2008а: 165].

Обобщая свой политический опыт, первый президент России говорил о том, что важными для политика качествами являются ум, воля, человечность [Ельцин 2006]. Кроме того, большое значение придавал Б. Н. Ельцин нравственным качествам политика: *моральная чистота, простая порядочность политика, чиновника, руководителя — в нашей стране пока еще только идеал* [Ельцин 2008а: 244]. Одним из итогов деятельности Б. Н. Ельцина на посту президента является изменение функциональных признаков главы государства: *...за эти годы произошла в России важная вещь. Люди не хотят какой-то абстрактной власти, си-*

дящей в Кремле. Человек, ставший первым лицом в государстве, должен быть понятным, контролируемым, зависимым от мнения общества. Он должен прислушиваться [Ельцин 2008б: 370]. Следует отметить, что стремление услышать людей, учитывать общественное мнение было характерно для Б. Н. Ельцина еще в советский период: *Исключительно важно учить хозяйственных руководителей уметь знать и учитывать общественное мнение, критические предложения коммунистов и беспартийных, учить искусству правильного сочетания единоначалия с методами убеждения, широкому привлечению трудящихся к управлению. Бумажный, кабинетный стиль руководства, общение с людьми не иначе как с трибуны большого собрания — все это порождает лишь недостатки в хозяйственной деятельности. И, напротив, там, где укрепляют живые связи с людьми, дела идут в гору* [Ельцин 1981: 130].

Таким образом, в период правления Б. Н. Ельцина в России началось осмысление нового политического понятия — «президент». Общество постигало понятие преимущественно метафорически. В системе представлений Б. Н. Ельцина президент — это избранный в результате демократических выборов глава государства (объем понятия), ответственный умный порядочный политик, учитывающий мнение общества (содержание понятия).

ТЕМАТИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ВЫСТУПЛЕНИЙ Б. Н. ЕЛЬЦИНА. Тематическую структуру выступлений Б. Н. Ельцина формирует противопоставление следующих тем:

- негативный опыт социалистического прошлого / перспективы новой демократической России (*Достойная жизнь не даруется свыше и не наступает сама собой. К ней невозможно прийти построившись в колонны и слепо выполняя приказы сверху, в ее основе будет свобода предприятий и территорий, инициатива и предприимчивость граждан обеспечат благополучие российским семьям*);

- власть / народ (*веками в нашей стране власть и народ были на разных полюсах; веками государственный интерес ставился выше человека*);

- экономический и политический кризисы в настоящем / расцвет страны в будущем (*Великая Россия поднимается с колен. Мы обязательно превратим ее в процветающее, демократическое, миролюбивое, правовое и суверенное государство*).

Укрепление государства, единство страны, конкурентоспособность России, борьба с коррупцией — эти темы выступлений Б. Н. Ель-

цина станут частотными и в речах второго президента России В. В. Путина.

Известно, что политическая деятельность главы государства является профессиональной ораторской деятельностью, связанной с приобщением людей к определенной идеологии (под идеологией мы понимаем совокупность связанных между собой идей и требований, выступающих как основа конкретных действий, решений и т. п.) и социальным концепциям.

В 1991 г., когда в обществе получили поддержку абстрактные ценности (свобода, демократия, права человека), основными концептами выступлений Б. Н. Ельцина являлись такие понятия, как «достоинство» (*путь возрождения достоинства человека*), «благополучие» (*государство сильно благополучием своих граждан*), «возрождение России» (*Россия возродится!*), «радикальные реформы» (*радикальное обновление; коренное преобразование*), «мирный способ преобразований» (*Россия — миролюбивое государство; народы России хотят трудиться и жить в мире*). С 1996 г. лейтмотивом выступлений Б. Н. Ельцина стали деидеологизированные ценности россиянина (достаток, порядок): *Мы хотим и добьемся того, чтобы в каждый город, в каждую деревню вошли процветание и порядок, чтобы в каждый российский дом пришел достаток, чтобы власть служила людям, и каждый с гордостью говорил о себе: я — гражданин России!*

Таким образом, тематика выступлений президента определяется политическими реалиями и задачами, конструируется с учетом общественного мнения, что позволяет зафиксировать особенности деятельности органов государственной власти, направленной на развитие социальной и экономической структуры общества.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА ВЫСТУПЛЕНИЙ Б. Н. ЕЛЬЦИНА. Ключевые слова — наиболее значимые, важные слова языковой личности, позволяющие выяснить как систему идей и взглядов политика, так и изменения общественного сознания. На наш взгляд, ключевыми выражениями речевой сферы международной политики являются *многополюсный мир, мировое общество, СНГ, цивилизованные народы, партнерство*.

К ключевым словам и выражениям, описывающим особенности внутренней политики, можно отнести следующие: *демократия, радикальные реформы, права и свободы человека, нравственность, мир, кризис, курс, устойчивость в экономике, законность*.

Исследование дискурсивных особенностей выступлений президента, выяснение лексико-семантических связей ключевых

слов позволит в дальнейшем составить индивидуальный словарь политика и толковый словарь политического языка новейшей истории России.

ЖАНРОВАЯ СТРУКТУРА ПРЕЗИДЕНТСКОГО ДИСКУРСА, ЖАНРОВЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ И НОВЫЕ РЕЧЕВЫЕ ФОРМЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГЛАВЫ ГОСУДАРСТВА. Проблема выделения текстовых типов президентского дискурса представляет интерес не только сама по себе, но и с точки зрения идеи коммуникативной компетенции, т. е. способности понимания и правильного построения разных типов политического текста с учетом специфики конкретной речевой ситуации.

Жанры президентского дискурса отражают изменения политической жизни государства и общества, политические интересы главы государства, а также позволяют проследить движение политических процессов в жанрах и через жанры.

В 90-х гг. XX в. большое влияние на становление жанровой системы президентского дискурса оказывали традиции политической риторики зарубежных стран и речевое новаторство Б. Н. Ельцина. Он был инициатором введения в русскую политическую коммуникацию таких жанров, как радиообращение, встречи и совещания в ходе рабочих поездок по стране, послание Федеральному собранию, инаугурационная речь, интервью большому количеству журналистов после окончания политического сезона, интернет-конференция, прощальная речь. Кроме того, Б. Н. Ельцин изменяет контекст произнесения политических речей, расширяет репертуар невербального поведения на официальных мероприятиях.

Для первого президента России было характерно соблюдение норм речевого этикета в институциональной обстановке, в частности уважительное отношение к собеседнику, которое проявлялось в употреблении обращения на «вы», что было нетипично для речевого поведения советского руководителя, в котором поощрялось фамильярное обращение на «ты» ко всем собеседникам.

Отличительной особенностью выступлений Б. Н. Ельцина является прямое обращение к народу в сложных кризисных ситуациях: *Уважаемые народные депутаты! Граждане Российской Федерации! Я обращаюсь к вам в один из самых критических моментов российской истории. Именно сейчас определяется, какой будет Россия, да и страна в целом, в последующие годы и десятилетия, как будут жить нынешнее и другие поколения россиян. Обращаюсь с решимостью безоговорочно встать на путь глубоких реформ и за поддержкой в этой ре-*

шимости всех слоев населения. Настало время принять главное решение и начать действовать (выступление на V съезде народных депутатов РСФСР, ноябрь 1991 г.).

Отметим, что Б. Н. Ельцин был нарушителем стереотипа речевого поведения главы советского государства, для которого были характерны абсолютная монологичность и огромная дистанция между политиком и народом. При этом стремление к прямому диалогу с народом наблюдалось у Б. Н. Ельцина еще в советский период деятельности. Биографы вспоминают «картофельную речь» 1978 г., когда, вместо того чтобы разослать обычную разнарядку по предприятиям, будущий президент выступил с речью по местному телевидению и напрямую обратился к согражданам с просьбой помочь области в уборке овощей [Минаев 2010: 84].

Б. Н. Ельцин был способен к речевой импровизации. Чутко улавливая настроения аудитории, политик был готов к изменению коммуникативного события (ср.: «В Башкирии, в городе Стерлитамаке, выступая перед представителями местной власти, он услышал о том, что толпа, собравшаяся у здания, хочет его видеть и слышать. Ельцин покинул зал и забрался на крышу, хотя его уговаривали не делать этого. Стоя на крыше, он произнес речь» [Минаев 2010: 250]).

Излюбленным жанром Б. Н. Ельцина были «ответы на вопросы». Составители речей первого президента России отмечают, что «Б. Н. Ельцин освоил еще один жанр — выступления на митингах общественности. Его короткое, сжатое, эмоциональное слово ждали, встречали овациями многие тысячи слушателей» [Ильин и др. 1999: 35]. Те же авторы отмечают: «...в ряде жанров мы почти не работали. К ним, в частности, относятся теоретические статьи» [Там же: 37].

Первый российский президент издал три книги воспоминаний (в том числе на английском языке): «Исповедь на заданную тему» (1990), «Записки президента» (1994), «Президентский марафон» (2000).

Нам представляется, что в хрестоматию по российской президентской риторике можно включить следующие речи Б. Н. Ельцина: выступление на октябрьском пленуме ЦК КПСС (1987 г.), выступление на XXVIII съезде КПСС (июль 1990 г.), обращение к гражданам России во время августовского путча (1991 г.), прощальная речь (31 декабря 1999 г.).

РЕЧЕВЫЕ СРЕДСТВА УБЕЖДЕНИЯ. Политический текст не существует вне аудитории и всегда подразумевает влияние на нее. Речевое воздействие рассматривается как основная цель политической коммуникации, на достижение которой направлен выбор язы-

ковых средств. Основная интенция политического текста — убедить аудиторию в правильности изложенной автором точки зрения и мобилизовать адресата для ее поддержки. Б. Н. Ельцин воздействовал на аудиторию, используя различные риторические средства. Перечислим их:

1) диалогичность, которая создается с помощью риторических вопросов, вопросно-ответных ходов (*Почему из съезда в съезд мы поднимаем ряд одних и тех же проблем? Почему в нашем партийном лексиконе появилось явно чуждое слово „застой“? Почему за столько лет нам не удастся вырвать из нашей жизни корни бюрократизма, социальной несправедливости, злоупотреблений?* — 1986 г.);

2) категоричность (*Хватит! Страной должна управлять власть, а не обстоятельства. Пора наводить порядок. Прежде всего, во власти. И я его наведу!* — послание Федеральному собранию 1997 г.);

3) контраст как структурирующий принцип организации текста, чья роль связана с особенностями общественно-политического развития страны, поскольку в переходную эпоху главным процессом в преобразовании общества становится отрицание (*Мы заложили важнейшую традицию мирной, демократической преемственности власти. В ее основе — не сила оружия, не революция, не решение партийного ЦК, а воля избирателей, воля народа* — инаугурационная речь 1996 г.);

4) образность, которая проявляется в использовании метафор. Известно, что политический текст как идеологический конструкт всегда создает новую реальность. В связи с этим востребована метафора как один из способов представления знаний о мире. Б. Н. Ельцин использует укорененную в русском языковом сознании метафору пути для обозначения перспектив развития страны (*путь к демократии*), метафоры болезни для обозначения сложных социально-экономических вопросов (*реформа — это мучительное избавление от родовых травм, болезненное расставание с тяжелой наследственностью* [Ельцин 2008б: 371]), персонифицирует власть (*Безволие и равнодушие, безответственность и некомпетентность в решении государственных проблем — так сегодня оценивают российскую власть. Должен признать — это правильно. Она скорее суетится, чем управляет. Чаще имитирует деятельность, чем действует. Власть обростаёт жиром! Мы застряли на полпути. Покинув старый берег, продолжаем барахтаться в потоке проблем. Он несет нас и не позволяет вы-*

браться на новый берег — послание Федеральному собранию 1997 г.);

5) эллипсис (*Перед страной — сложнейшие задачи. Первое — выйти из кризиса, сохранив всю полноту экономических и политических свобод. Другая, не менее важная, — сформировать новые власти* — послание Федеральному собранию 1999 г.), который придает изложению энергичность и выразительность, напоминает лозунг. Отличительной речевой особенностью является пропуск личного местоимения «я» (*Только что подписал бюджет*) и употребление местоимения 3 лица единственного числа «он», а также существительного «Ельцин» в предложениях, описывающих деятельность президента. Отметим, что данная речевая стратегия использовалась Ю. Цезарем, И. В. Сталиным для создания монументального образа государственного деятеля;

6) эмоциональность речи, выраженная при помощи восклицательных предложений (*Трудную зиму Россия должна пережить, убежден, — переживет!*), повышенной атрибутизации высказываний (*богатейшая самобытная русская культура*), вербализации эмоций (*...какие чувства я ощущаю; как я взволнован...*);

7) синтаксический параллелизм (*С этой трибуны твердо заявляю: на декабрьских выборах не будет „любимчиков“. Не будет никаких поблажек и преимуществ. Не будет партии власти*). Параллелизм синтаксических конструкций создает эффект рифмованной прозы, усиливая экспрессивность выступления;

8) лексические повторы (*Россия должна войти в новое тысячелетие с новыми политиками, с новыми лицами, с новыми, умными, сильными, энергичными людьми* — обращение 31 дек. 1999 г.). Повтор как средство связности текста используется в стремлении добиться как наилучшего понимания и запоминания инаугурационного выступления, так и наиболее эффективного речевого воздействия;

9) лингвистическая креативность, которая проявлялась в создании авторских неологизмов и образных выражений: *многополюсный мир, многотрудная работа, господа интернетовцы, единодушие, сверхбюрократизм, ползучий переворот* и др.

ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ ИДИОСТИЛИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРА. Политическим лингвистам, изучающим президентский дискурс, следует 1) обобщить словесную технику политической речи, 2) разработать принципы описания политического текста для мониторинга тенденций в сфере общественного сознания, 3) исследовать концептуальное

пространство президентского дискурса (то, какие концепты составляют центр и периферию, каково содержание базовых политических концептов и как изменяется их содержание во времени), 4) изучить невербальные знаки семиотического пространства президентского дискурса, 5) сопоставить выступления российских президентов, а также выступления российских и иностранных президентов, что позволит в дальнейшем квалифицированно оценивать риторическую компетентность современных политических лидеров и преподавать политическую риторику на основе лучших образцов политической речи. Для этого прежде всего необходимо основать (электронную) библиотеку, в которой будут собраны выступления всех руководителей России.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гаврилова М. В.* Когнитивные и риторические основы президентской речи (на материале выступлений В. В. Путина и Б. Н. Ельцина). — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004.
2. *Гаврилова М. В.* Репрезентация понятия «президент» в инаугурационных речах Б. Н. Ельцина и В. В. Путина // Политэкс. 2008. Т. 4, № 1. С. 238—250.
3. *Ельцин Б. Н.* Средний Урал: рубежи созидания. — Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1981.
4. *Ельцин Б. Н.* Президентский марафон. — М., 2008а.
5. *Ельцин Б. Н.* Записки президента. — М., 2008б.
6. *Ельцин Б. Н.* Интервью газете «Известия». 2006. 31 янв.
7. *Ильин А., Кадацкий В. Ф., Никифоров К. В., Пихоя Л. Г.* Отзвук слова. Из опыта работы спичрайтеров первого президента России. — М., 1999.
8. *Минаев Б. Д.* Ельцин. — М., 2010.
9. *Чудинов А. П.* Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. — Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2003.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов

УДК 81'27
ББК Ш 100.3

ГСНТИ 16.01.07; 16.21.27 Код ВАК 10.02.19; 10.02.20; 10.02.01

З. И. Комарова Z. I. Komarova

Екатеринбург, Россия Ekaterinburg, Russia

**ЛИНГВОПОЛИТОЛОГИЯ
КАК ЧАСТНАЯ ПАРАДИГМА
СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ:
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Аннотация. Анализируются базовые понятия лингвополитологии как частной парадигмы современной лингвистики. Устанавливаются межпарадигмальные и междисциплинарные связи лингвополитологии и ее место в дисциплинарно-методологическом пространстве полипарадигмальной лингвистики.

Ключевые слова: лингвополитология (политическая лингвистика); парадигма; суперпарадигма; парадигма-спецификатор (частная парадигма); политическая коммуникация; политический дискурс; язык политики; политическая метафорология; методология; метод; методика; приемы; объект и предмет исследования; задачи исследования; направления исследования.

Сведения об авторе: Комарова Зоя Ивановна, доктор филологических наук, профессор кафедры общей лингвистики и межкультурной коммуникации.

Место работы: Институт международных связей (Екатеринбург).

Контактная информация: 620075, г. Екатеринбург, ул. Карла Либкнехта, д. 33.

e-mail: ims@ims-ural.ru.

**LINGVOPOLITOLOGY
AS A PARTICULAR PARADIGM
OF PRESENT-DAY LINGUISTICS:
METHODOLOGICAL ASPECT**

Abstract. Basic notions of lingvopolitology as a particular paradigm of present-day linguistics are analyzed. Interparadigmatic and interdisciplinary relations in lingvopolitical science are examined. The position of lingvopolitology in disciplinary methodological space of polyparadigmatic linguistics is established.

Key words: lingvopolitology (political linguistics); paradigm; superparadigm; paradigm-specificator (particular paradigm); political communication; political discourse; the language of politics; political metaforology; methodology; methods; techniques; the object of investigation; the direction of investigation.

About the author: Komarova Zoya Ivanovna, Doctor of Philology, Professor of the Chair of General Linguistics and Intercultural Communication.

Place of employment: Institute of the Intercultural Communication (Ekaterinburg).

Заявленная в заглавии проблема требует прежде всего выяснить, какова роль парадигмального подхода в методологии современной лингвистики, а стало быть и в лингвополитологии^[1].

Напомним, что слово *парадигма* (от греч. *paradigma* 'пример, образец') через латынь распространилось в современных европейских языках и употреблялось в разных значениях (в том числе и как термин грамматики) в качестве «дремлющего концепта» [Демьянов 2008: 16], пока этому слову не дал новую жизнь как термину философии, истории науки и методологии Томас Кун, который под *парадигмами* понимал «признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решения» [Кун 1977: 11].

Концепция Т. Куна вызвала большой резонанс в научной общественности: термин *парадигма* оказался мгновенно востребованным и перенесенным в разные науки. И это понятно: он был необходим для размышления о том, как «упорядочивать знания о научных результатах» (выделено мной — З. К.) [Демьянов 2008 : 15]. В свете

© Комарова З. И., 2012

этого важность данной концепции, преобладающей представлении о поступательно-кумулятивном развитии науки, не подлежит сомнению. К тому же существенной чертой концепции Т. Куна было предложенное им рассмотрение истории науки не вокруг изложения отдельных теорий (как у К. Поппера) или даже отдельных авторских школ, но вокруг деятельности целых научных сообществ, разделяющих единые допущения и установки и в принципе «составляющих некое метатеоретическое единство» [Кубрякова 2008: 7]. Лингвистика не осталась в стороне: новое терминовое понятие было взято на вооружение и пущено в оборот. Однако полемика вокруг целесообразности использования этого понятия в методологии лингвистики продолжается уже более полувека. Большинство лингвистов [Ору 2000; Серио 1993; Демьянов 2008; Кубрякова 2008 и др.] приходят к выводу, что термин *парадигма* в понимании Т. Куна малоприменим в лингвистике.

Дело в том, что теория Куна была изначально разработана для естественных наук, прежде всего физики, в которых та или иная гипотеза может быть однозначно доказана или опровергнута опытным путем, а потому

развитие идет скачкообразно, через научные революции. Всё это плохо ложится на материал гуманитарных наук, в частности лингвистики. Так, Патрик Серию, отталкиваясь от высказывания Т. Куна «наука уничтожает свое прошлое», совершенно справедливо замечает, что это «применимо к Эйнштейну, упразднившему Ньютона и Галилея, но не применимо к Пикассо, не упразднившему Рембрандта» [Серию 1993: 46].

В истории развития лингвистики новое знание не упраздняет старое, в ней нет абсолютных разрывов: новая парадигма так или иначе развивает старую, так как между ними сохраняются отношения *преемственности*^[2]. Потому общую историографическую схему языкознания можно изобразить в виде истории парадигм [Баранов 2001; Демьянов 2008; Маслова 2008; Кубрякова 2008 и др.], т. е. лингвистические парадигмы характеризуются как *развивающиеся сущности*. Их преобразование может быть *внутренним* и *внешним*. Внутреннее развитие парадигмы стимулируется взаимодействием концепций в рамках одной парадигмы. Внешнее развитие лингвистической мысли связано со взаимодействием интерпарадигмального характера. Здесь должна идти речь о взаимодействии парадигм, олицетворяющих собой разные этапы истории языкознания [Алефиренко 2009: 20].

Всё это привело к тому, что в наши дни только некоторые лингвисты (например, Э. А. Макаев, Н. И. Рудный) приняли понятие *парадигма* в куновском понимании; другая часть лингвистов не включает в свои концепции понятие парадигмы (В. А. Гречко, А. А. Гируцкий, В. А. Пищальникова, А. Т. Хроленко, В. Д. Бондалетов и др.), а подавляющее большинство стремится выяснить, «при каком определении парадигмы знания оно может принести действительную пользу и охарактеризовать главные черты и главные особенности истории лингвистической мысли за последнее столетие» [Кубрякова 2008: 5].

Характеризуя третий подход, прежде всего следует отметить, что лингвисты, принявшие понятие парадигмы, встали под знамена Имре Лакатоса, полемизировавшего с Т. Куном, но выделившего рациональное зерно в его теории, а именно то, что в исследовательской программе Куна была новая идея: «изучать следует не мышление отдельного ученого, а *мышление научного сообщества*» (выделено мной. — З. К.) [Лакатос 2008: 341], а также то, что в текстах Т. Куна понятие *парадигма* иногда «очеловечивается»: парадигмы, подобно людям, могут «мирно сосуществовать» друг с другом [Демьянов 2008: 25].

Поиски понимания парадигмы, целесообразного для лингвистики, велись в направлении расширения ее значения. Под *парадигмой* стали понимать «*господствующий* в какую-либо данную эпоху взгляд на язык, связанный с определенным философским течением и определенным направлением в искусстве, притом именно таким образом, что философские положения используются для объяснения наиболее общих законов языка, а данные языка — для решения некоторых философских проблем. „Парадигма“ связана с определенным стилем мышления в науке и стилями в искусстве. Понятая таким образом „парадигма“ — явление историческое» [Степанов 1985: 4].

В этой дефиниции уже выделен ведущий принцип, характерный для понятия *парадигмы* — *господствующий взгляд на язык у научного сообщества данного периода*. Это близко к тому, что В. З. Демьянов обозначает как *доминирующие лингвистические теории*. В свою очередь, Д. И. Руденко подчеркивает, что «парадигма, определяемая в расширительном смысле, трактуется как **доминирующий исследовательский подход** к языку, познавательная перспектива, методологическая ориентация, широкое научное течение (модель), даже научный „**климат мнений**“» [Руденко 1990: 19].

Подход к парадигме как «климату мнений», т. е. подход современных представителей лингвистики и гуманитарного знания в целом, позволяет перейти к *вопросам эпистемологии* современного гуманитарного знания и лингвистики в частности. Эпистемология лингвистики в этом случае, по мнению Р. М. Фрумкиной, решает проблемы объекта, методов его познания, целеустановки, методов верифицируемости результатов, систематизации и передачи их в научный социум [Фрумкина 1995: 77].

Основываясь на вышесказанном, исходным принципом и базовым основанием для систематизации дисциплинарных методов лингвистики считаем понятие *парадигмы знания* «как способа принятия решения общего круга „дисциплинарных“ задач» [Тулмин 1984: 136], «как удобный способ выделить некие концептуальные единые моменты за внешним разнообразием подходов, средством обнаружения сходства „на глубине“, очертить основные линии развития науки в рассматриваемый период и выделить главные тенденции в ее поступательном движении» [Кубрякова 1995: 165].

При таком широком понимании *парадигмы* как *климата мнений*, которое считаем оптимальным для современной лингвистики^[3], существование нескольких научных парадигм

в одну историческую эпоху оказывается **единственно возможным** [Демьянов 2008; Кубрякова 2008; Маслова 2008 и др.].

Однако в лингвистике дискуссионными являются еще два понятия, связанных с парадигмой как эпистемическим явлением: нет единства мнений о *периодизации* и *номенклатуре парадигм* в лингвистике.

Для решения вопроса о номенклатуре парадигм лингвистики, с нашей точки зрения, следует принять два рациональных предложения. Во-первых, взять на вооружение признаки, параметры, необходимые и достаточные для установления лингвистической парадигмы, которые предложены Е. С. Кубряковой [Кубрякова 1995: 167], позже вошедшие в разработанную ей детальную структуризацию парадигмы, включающую шесть основных параметров:

- хронотопические рамки парадигмы;
- условия, предпосылки и мотивы ее появления;
- установки и цели;
- предметные области анализа;
- используемые методики;
- эвалютивный (оценочный) аспект [Кубрякова 2008: 9].

Во-вторых, следует согласиться с мыслью об *иерархии парадигм*, предложенной Н. Ф. Алефиренко [2009: 20—25] и обусловленной гетерогенностью парадигм и наличием внутрипарадигмальных и межпарадигмальных отношений.

В связи с этим *антропоцентрическую парадигму* рассматриваем как *суперпарадигму*, осознанную уже В. фон Гумбольдтом, который, установив *соотношение мира, человека и его языка*, выявив главную функцию языка — *антропогенную*, ставит задачу исследования языка в целях «познания человека на разных ступенях его культурного развития» [Гумбольдт 1985: 349], что обуславливает возможность становления других парадигм в лоне этой суперпарадигмы, поскольку «*научная парадигма*» — одно из первых проявлений антропоцентрической философии науки» [Демьянов 2008: 16].

В отечественной науке об антропоцентризме как главном принципе современной лингвистики, ее ключевой идее и об антропоцентрической парадигме как важнейшей системе научных представлений пишут многие лингвисты.

Так, В. А. Маслова считает, что антропоцентрическая парадигма в наши дохватывает не только когнитивную лингвистику, но и лингвокультурологию, коммуникативную лингвистику, этнолингвистику, психолингвистику и другие области, в центре которых стоит человек [Маслова 2008: 10]. Таким образом,

В. А. Маслова подчеркивает высокий статус антропоцентрической парадигмы в иерархии парадигм, хотя и не использует термин *суперпарадигма*.

Далее по вертикали в антропоцентрической суперпарадигме располагаются языковые *макропарадигмы*, каждая из которых охватывает всё дисциплинарное знание в конкретной области науки и вбирает в себя «*неоднородные* составляющие: теории, школы, концепции, подходы» [Алефиренко 2009: 21] — *сравнительно-историческую (компаративизм)*, *системно-структурную (структурализм)*, *коммуникативно-прагматическую* и *когнитивно-дискурсивную*. Обоснование этих макропарадигм дано в нашем учебном пособии [Комарова 2012: 370—378].

Наконец, ниже всех расположены языковые *парадигмы-спецификаторы* (Ю. И. Сватко, Н. Ф. Алефиренко), которые охватывают лишь частное дисциплинарное знание, т. е. *частные парадигмы* лингвистики. Их отличительной особенностью является *однородность* составляющих компонентов. К таким можно отнести парадигмы *социолингвистики*, *этнолингвистики*, *ареальной лингвистики*, *психолингвистики*, *нейролингвистики*, *паралингвистики*, *лингвокультурологии*, *межкультурной коммуникации*, *лингвополитологии* и др.

Такая иерархия научных парадигм в языкознании позволяет «примирить» два взаимоисключающих понимания их сущности: признание однородности либо неоднородности элементов структуры лингвистической парадигмы [Алефиренко 2009: 21]. Применительно к нашей проблеме предложенная иерархия помогает выявить истоки и факторы межпарадигмальных и междисциплинарных связей лингвополитологии, обусловившие ее методологию и методы, а также определить место лингвополитологии в дисциплинарно-методологическом пространстве современной полипарадигмальной лингвистики.

В истории становления отечественной лингвополитологии как научного направления и гибридной науки обычно выделяют три основных этапа:

- этап становления (30—50-е гг. XX в.);
- этап оформления в самостоятельную науку, т. е. институционализация (60—80-е гг. XX в.);
- современный этап (с 90-х гг. XX в. по настоящее время) [Будаев 2010; Будаев, Чудинов 2012].

Ретроспективный взгляд на лингвополитологию показал, что в основе ее формирования лежало несколько магистральных направлений, каждое из которых тяготело

к определенным методологическим подходам и обогащало формирующееся научное направление на определенном этапе его развития:

- исследование военной и коммунистической пропаганды в русле *квантитативной семантики*, опирающейся на методы *контент-анализа*;
- анализ речевого мастерства политиков, основанный на эвристиках традиционной риторики и дальнейших методологических инновациях в этой области исследований;
- специализированный анализ идиолектов политических лидеров, основанный на *психолингвистических* методиках;
- политическая публицистика, направленная на анализ способов контроля общественного сознания с помощью манипуляций с семантикой слов и высказываний;
- изучение политической символики в рамках *политической семиотики*;
- исследование политической коммуникации с учетом экстралингвистических факторов на основе широкого спектра подходов в рамках *дискурс-анализа*;
- анализ моделирования структур сознания, актуализированных в процессе политической коммуникации [Будаев 2010: 8].

Как отмечает А. П. Чудинов, для современной лингвополитологии в полной мере характерны все ведущие черты сегодняшнего языкознания: антропоцентризм (языковая личность становится своеобразной точкой отсчета в изучении языковых явлений); экспансионизм (включение в область исследований лингвистики ряда смежных проблем, т. е. ее расширение); функционализм (изучение языка в действии, в функционировании); экспланаторность (стремление не только описать языковые факты, но и дать им объяснение) [Чудинов 2003: 4].

Иначе говоря, лингвополитология прошла институционализацию в русле антропоцентрической парадигмы, вобрав ее методологию и многочисленные методики и приемы исследования. Потому появление этой новой гибридной науки было вполне закономерным именно в данный период. Философией науки и науковедением отмечены три основные пути такого синтеза наук: *первый* — синтез разобщенных сторон предмета (например, внутридисциплинарное движение в лингвистике: фонетика → фонология → морфология → синтаксис [Кибрик 2002: 80])^[4]; *второй* — перенос методов исследования с более низких уровней материи на более высокие и *третий* — объединение частных отраслей наук в более общие (*семиотика, герменевтика, синергетика* и др.) [Общие проблемы 2007: 99].

Проиллюстрируем названные пути синтеза на примере лингвистики. *Внутридисциплинарное движение* в лингвистике, кроме указанного А. Е. Кибриком, с парадигмальных позиций формирует *межпарадигмальные* отношения, связи, осложненные *междисциплинарными* связями. От первого дисциплинарного метода лингвистики, *сравнительно-исторического*, вобравшего в себя межнаучный историзм / эволюционизм, развитие шло в сторону еще большей интегративности: лингвистический структурализм взаимодействует с общенаучным структурализмом.

Коммуникативно-прагматический метод развивался при значительной интеграции как внутридисциплинарной (на базе принципа интегративности *системоцентричности* и *антропоцентричности*, *коммуникации* и *прагматизма*), так и междисциплинарной, необходимой для дискурсивной деятельности человека. Это позволило в лингвополитологии изучать *дискурс* как **коммуникативно-прагматическое событие социокультурного характера**.

Когнитивно-дискурсивный метод данной парадигмы, интегрирующий *коммуникацию* и *когницию*, настолько далеко вывел лингвистику за ее традиционные пределы, что эта макропарадигма была названа Еленой Самойловой Кубряковой «зонтиковой» [Кубрякова 1995: 210]. Эта парадигма дала возможность изучать политический дискурс как **коммуникативно-когнитивное событие социокультурного характера**, в ходе которого дискурс одной из своих сторон обращен к коммуникативно-прагматической ситуации, а другой — к ментальным процессам участников ситуации, их *когнитивной базе*, т. е. этнолингвистическим, психолингвистическим и социокультурным правилам и стратегиям порождения и понимания речи.

Именно на этом витке развития лингвистики оформились гибридные науки под «зонтиком» антропоцентрической суперпарадигмы с вершиной в *Человеке говорящем* [Ажеж 2003], что привело к установлению полипарадигмальности материнской науки — лингвистики.

Второй путь синтеза проявился в междисциплинарном взаимодействии лингвистики практически со всеми гуманитарными науками (*социологией, психологией, этнологией, этнографией, антропологией, археологией* и др.) [Касавин 2008: 275]^[5], в рамках которого лингвистика выполняет роль «методологического локомотива», формирует общенаучную методологию: «лингвистика возвещает плодотворный синтез методов и в других гуманитарных науках» [Степанов 2007: 300].

Третий путь синтеза философской и общенаучной методологии сказался в формировании в лингвистике *системного, семиотического, герменевтического и синергетического методов*. При этом *семиотический метод* тесно взаимодействует с *феноменологическим* и *герменевтическим* и служит мостом между различными науками — естественными и гуманитарными, логическими и художественными [Фещенко 2006: 60]. *Синергетический метод* является методологическим мостом между семиотикой, синергетикой и кибернетикой. А все эти взаимосвязанные и проницаемые гибридные методы составляют единое целое сегодняшней науки и обеспечивают ее связь с когнитивными ресурсами всей современной культуры [Комарова 2012: 263—287].

Наконец, осознание «человекоразмерности» научного знания и ряд других факторов способствует сближению гуманитарной и естественно-научной парадигмы в современной (постнеклассической) науке^[6]. По этому велению времени, категорическим императивом XXI в/ становится формирование своеобразного *социо-техничко-информационно-инновационно-научно-культурного суперкомплекса* [Бабосов 2009: 219], в котором осуществляется множество взаимопереходов, но стержневым фактором эффективного взаимодействия становится взаимобусловленность *науки и культуры* в осуществлении *междисциплинарных исследований*. При таком соотношении наук в современном науковедении и философии науки осмыслена следующая последовательность наук: семиотика (как первонаука) → **лингвистика** → логика → математика → физика → химия → геология → биология → социальные науки → технические науки [Канке 2008: 188].

Следует подчеркнуть, что в этом огромном комплексе связей для лингвополитологии можно выделить ближайшие и более отдаленные связи. Так, становление лингвополитологии как самостоятельной науки происходило, как мы уже указывали, в русле двух лингвистических макропарадигм — *коммуникативно-прагматической* и *когнитивно-дискурсивной*. К ближайшим связям нужно отнести и связи со всеми *частными парадигмами лингвистики*^[7], поскольку в политическом дискурсе предметами изучения являются концепты любых этих частных парадигм: культурологические, этнолингвистические и т. д., а сложная структура концептов часто требует использования методик нескольких парадигм. Так, широко изучаемый в политическом дискурсе базовый концепт межкультурной коммуникации «свой — чужой»

(Л. С. Васильев, О. В. Григорьева, В. И. Карасик, Н. А. Красильникова, С. И. Лучинская, Е. К. Мохова, Л. М. Петрова, О. А. Степаненко и др.) при исследовании требует использования методик почти всех частных парадигм лингвистики.

В целом стремительное становление лингвополитологии как самостоятельной науки объясняется тем, что она вобрала в себя весь комплекс возможных методик, приемов и процедур на базе существующих междисциплинарных и междисциплинарных связей.

Таким образом, метод лингвополитологии — это междисциплинарная и междисциплинарная интеграция методов, приемов и процедур исследования, направленных на изучение политической коммуникации, политического дискурса с целью создания условий для построения предсказывающих моделей в политологии и выработки оптимальных стратегий и тактик политической деятельности.

Задачи, на которые направлен метод:

- 1) исследовать взаимосвязь языка и идеологии, языка и политики в прошлом и современности;
- 2) дать понятие политической коммуникации и ее специфики;
- 3) дать понятие политического дискурса и выделить основные средства его организации;
- 4) определить их роль в построении дискурсивных миров;
- 5) определить задачи, которые может решать языковая личность посредством их использования;
- 6) установить характер воздействия структуры и языковых характеристик политического дискурса на репрезентацию событий и на реципиента;
- 7) определить общие и специфические характеристики политического дискурса;
- 8) выработать языковые методы воздействия на аудиторию;
- 9) исследовать проблемы формирования речевого имиджа политика;
- 10) выяснить соотношение свойств дискурса с такими концептами, как *Власть, Воздействие, Авторитет; Власть и Политик*;
- 11) разработать средства массовой информации для мониторинга различных тенденций политического поведения;
- 12) построить предсказывающие модели в лингвополитологии;
- 13) в качестве конечной задачи — освободить политическую коммуникацию от манипуляций политиков, обманывающих народ, и выработать оптимальные стратегии и тактики политической деятельности [Шейгал 2000;

Баранов 2001; Маслова 2008; Чудинов 2008 и др.].

Эта множественность задач демонстрирует обобщенные предметы исследования и множество конкретных объектно-предметных областей лингвополитологии.

Обобщенным предметом исследования является *политическая коммуникация* — речевая деятельность, имеющая целью пропаганду тех или иных идей, эмоциональное воздействие на граждан страны и побуждение их к политическим действиям для выработки общественного согласия, принятия и обоснования социально-политических решений в условиях множественности точек зрения в обществе [Чудинов 2008: 6]. Характеризуя политическую коммуникацию как предмет исследования, А. П. Чудинов выделяет следующие ее свойства:

- ритуальность и информативность;
- институциональность и личностный характер;
- эзотеричность и общедоступность;
- редуционизм и многоаспектность информации в политическом тексте;
- авторство и анонимность политического текста;
- интертекстуальность и автономность политического текста;
- агрессивность и толерантность в политической коммуникации [Чудинов 2003: 42—56].

В третий, современный этап развития лингвополитологии, когда господствующим методом исследования при наличии сложности методов и методик стал *дискурс-анализ*, **обобщенный предмет** был осмыслен как *политический дискурс*.

Анализ научной литературы по лингвополитологии показал, что при единодушии принятия политического дискурса в качестве **обобщенного предмета исследования** [Баранов 2001; Бушев 2004; Водак 1997; Гаврилова 2004; Демьянков 2002; Карасик 2004, Китайгородская, Розанова 2003; Маслова 2008; Романов 2002; Сорокин 2007; Шейгал 2000 и др.] сам политический дискурс трактуется как многоаспектный и многоплановый, по-разному понимаемый феномен.

Одним из наиболее заметных исследований политического дискурса, по мнению В. А. Масловой, является работа Е. И. Шейгал «Семиотика политического дискурса», в которой описываются два измерения дискурса: *реальное* и *виртуальное* [Шейгал 2000]. Под *реальным* измерением дискурса исследователь понимает текущую речевую деятельность в определенном социальном пространстве, а также возникающие в результате данной деятельности речевые про-

изведения (тексты), рассматриваемые во взаимодействии лингвистических, паралингвистических и экстралингвистических факторов. *Виртуальное измерение* дискурса — это семиотическое пространство, включающее вербальные и невербальные знаки, совокупным денотатом которых является мир политики, тезаурус высказываний, набор моделей речевых действий и жанров, специфичных для общения в данной среде.

Е. И. Шейгал выделяет следующие признаки политического дискурса:

- *институциональность* (коммуникация проявляется в общественных институтах и является статусно ориентированной);
- *преобладание оценки и воздействия над информативностью*; смысловая неопределенность (политики часто избегают высказывать свои мнения в максимально обобщенном виде);
- *фантомность* (многие знаки политического языка не имеют реального денотата);
- *фидеистичность* (иррациональность, опора на подсознание);
- *эзотеричность* (подлинный смысл многих политических высказываний понятен только избранным);
- *дистанцированность* и *театральность* [Шейгал 2000: 34].

Если сравним признаки политической коммуникации, выделенные А. П. Чудиновым, с признаками политического дискурса, выделенными Е. И. Шейгал, то увидим близость этих обобщенных предметов политических исследований, т. е. второй список по сути является модификацией первого на новом этапе развития лингвополитологии. С учетом этого более рациональным считается широкое понимание политического дискурса: **«Политический дискурс ... — это разновидность дискурса, цель существования которого — завоевание, сохранение и осуществление политической власти. В политический дискурс включается также процесс и результат порождения и восприятия политических текстов, а также те экстралингвистические факторы, которые влияют на их порождение и восприятие»** [Маслова 2008: 220].

Политический дискурс выполняет три основные функции:

- *Осуществление власти* (через такие политические тексты, как конституция, законы, подзаконные акты, декреты и другие официальные документы, регулирующие жизнь страны).
- *Убеждение* как приоритетная функция, состоящая в том, чтобы внушить адресатам — гражданам сообщества необходимость «политически правильных» действий и/или оценок.

• *Манипуляция* — процесс навязывания населению взглядов, мнений, способов действий, которые адресант считает заведомо ложными, но выгодными для себя, с использованием специальных приемов, направленных на понижение критического мышления со стороны реципиентов, чем политическая среда изменяется в «нужном» направлении.

При этом Ю. А. Сорокин подчеркивает, что политический дискурс является **эксплицитно прагматичным** [Сорокин 1997: 57]. Он также является **оценочным и агрессивным** [Романов 2002: 83; Чудинов 2003: 56].

Е. И. Шейгал отмечает, что в основной функции политический дискурс используется как инструмент борьбы за власть [Шейгал 2000: 35]. В рамках этой **функции языка политики** исследователь выделяет **более частные функции**:

- социального контроля;
- легитимизации власти;
- воспроизводства власти;
- ориентации;
- социальной солидаризации (обеспечение идентичности);
- дифференциации (отличия от *иного*);
- агональную;
- акциональную;
- аргументативную;
- персуазивно-функциональную (создание убедительной картины лучшего устройства мира) [Шейгал 2000: 46—58].

Осознание основных и частных функций политического дискурса привело к осознанию **закона взаимодействия языка и политики**: тот, кто контролирует язык — контролирует и общество. Элеонора Лассан в статье «Лингвистика как ангажированное знание» пишет об этом так: «Политическая лингвистика, или анализ языка политики, имеет, на мой взгляд, приоритет перед „другими“ лингвистиками в области значимости своего прикладного характера, ибо показывает „всякую власть и как то, что она есть, и как то, чем она кажется“ <...>. Далее — дело тех, кто хочет знать о своей власти сокровенное или довольствуется ее видимой стороной» [Цит. по: Будаев, Чудинов 2006: 200].

В связи с этим среди **частных объектно-предметных областей** лингвополитологии необходимо указать две важнейшие: **анализ языка политики и политическую метафорологию**.

Изучение языка политики было инициировано тремя основными факторами. Во-первых, внутренними потребностями лингвистической теории функционирования языковой системы. Во-вторых, чисто политическими проблемами изучения политического мыш-

ления, его связи с политическим поведением. В-третьих, социальным заказом — мало-результативными попытками мыслящей части общества освободить политическую коммуникацию от манипуляций политиков, обманывающих народ [Баранов 2001: 245].

Выделяют более десяти направлений изучения языка политики (А. П. Баранов, Р. Водак, И. Б. Вольфсон, П. Б. Паршин, П. Серио, В. Клемперер, А. П. Чудинов, Е. И. Шейгал и др.). Из различных дискурсивных вариантов использования политического языка наиболее частотны медиадискурс и институциональный дискурс [Будаев, Чудинов 2006: 9].

Одним из направлений анализа языка политики является выявление и изучение модуса *кажимости*. Сам термин не является пока распространенным, а явление достаточно изученным, но это очень современное слово отмечается лингвистами в последние годы (Т. И. Семёнова, С. Н. Плотникова, С. А. Домышева, А. А. Чувакин, Н. В. Данилевская и др.). В самом общем виде *кажимость* можно определить как содержательную характеристику политического дискурса, отражающую расхождение между глубинным смыслом речи и ее языковой формой, несоответствие декларации и декларируемого, несовпадение (противоречие) позиции автора и адресата. Иногда *кажимость* приобретает *конструктивную значимость* для политического текста (А. А. Чувакин): наблюдается не просто умолчание о чем-либо важном, а развитие демагогической составляющей, изощренные способы конструирования коммуникативной правды как бессознательного и/или сознательного искривления (подмены) истины и использования *нулевой зоны содержания текста* (термин Н. В. Данилевской), не эксплицирующего ожидаемую адресатом (адресатами) информацию.

Вторая объектно-предметная область политологии — *политическая метафорология*, начало которой в отечественной науке положено работами А. Н. Баранова и Ю. Н. Караулова. В наши дни количество работ в этой области растет лавинообразно, что обусловило формирование целого ряда отечественных и зарубежных школ, среди которых заметное место занимает школа политической метафорологии А. П. Чудинова, созданная в Уральском государственном педагогическом университете.

Следует подчеркнуть, что возникновение политической метафорологии не является случайным. Достаточно вспомнить слова Джорджа Лакоффа о возможности языка и метафоры «быть движущей силой социальных преобразований» [Лакофф 1981: 361].

Как утверждает А. П. Баранов, «метафорическое мышление в политике — признак кризисного мышления, мышления в сложной проблемной ситуации, разрешение которой требует значительных усилий от когнитивной системы человека по усвоению новых знаний и переработке их для построения множества вариантов действий и выбора правильной альтернативы». Например, мощное влияние известной метафоры „корабль перестройки“.[Баранов 2001: 252—254].

В политическом дискурсе метафора выполняет две важнейшие функции: 1) является мощным средством познания политической реальности; 2) является мощным средством убеждения [Чудинов 2001; 2003; 2008; Маслова 2008: 237]. Это обусловило активное изучение метафорических моделей в политическом дискурсе.

Описанные парадигмальные и междисциплинарные связи и отношения лингвополитологии как частной парадигмы лингвистики объясняют, почему лингвополитология обладает могучим эвристическим потенциалом хорошо разработанных и широко апробированных методик, приемов и процедур исследования, которые можно описать (и это делается) в монографическом жанре. В статье же ограничимся лишь их перечислением и указанием основных источников или только обозначением авторов, работающих в этой сфере:

1) методология и методика политической лингвистики:

- когнитивные методики;
- риторические методики;
- *дискурсивные методики*:
 - а) критический дискурс-анализ по трем школам:
 - анализ дискурса Т. ван Дейка;
 - дискурс-анализ Н. Фэрклау;
 - немецкая школа дискурс-анализа^[8];
 - б) дескриптивный дискурс-анализ;
- *комплексные методики*:
 - а) нейрокогнитивные;
 - б) психолингвистические;
 - в) политико-социологические;
 - г) сопоставительные;
 - д) типологические [Будаев, Чудинов 2006: 34—52; Чудинов 2008: 42—68 и др.];

2) методики изучения политического языка [Баранов 2001; Бушев 2004; Водак 1997; Вольфсон 2003; Демьянков 2002; Серио 1993; Сорокин 2007; Шейгал 2000 и др.];

3) методики изучения концептов (лингвокультурологических, лингвосоциальных, лингвоэтнических, психолингвистических и др.), различных аспектов политического дискурса

и конструирования дискурсивных миров (А. Г. Алтунян, В. Н. Базылев, А. А. Бушев, Р. Водак, К. С. Воркачëв, Н. Н. Герасименко, В. И. Карасик, Ю. Н. Караулов, Н. Н. Малишевский, Е. А. Нахимова, М. Пешë, А. А. Романов, Ю. А. Сорокин, М. Фуко и др.);

4) методики политической метафорологии [Лакофф 1981; Лакофф, Джонсон 2004; Серио 1993; см. также пункт 1];

5) методология и методика сопоставительной политической метафорологии и изучения смежных явлений (А. П. Баранов, Е. С. Белов, Э. В. Будаев, Т. С. Вершинина, Ю. Н. Караулов, А. А. Каслова, П. В. Кропотухина, Т. В. Моисеева, Е. А. Нахимова, Г. Г. Слышкин, Т. Г. Скрепцова, А. П. Чудинов, Е. И. Шейгал и др.);

6) методика анализа поликодовых феноменов политической коммуникации [Чернявская 2009];

7) методика контент-анализа [Аверьянов 2009; Баранов 2001; Будаев, Чудинов 2006; 2012; Правикова 2012 и др.];

8) методика когнитивного картирования [Баранов 2001: 281—287 и др.].

Это далеко не полный перечень методологического арсенала лингвополитологии. Следует отметить, что многие общенаучные, междисциплинарные методы и методики (например, *моделирования, контент-анализа, дискурс-анализа, эксперимента* и др.) в лингвополитологических исследованиях наполняются специфическим содержанием, характерным для данной гибридной науки. Так, межпарадигмальная и междисциплинарная методика *контент-анализа*, обладающая значительным эвристическим потенциалом^[9], при исследовании дискурсивных практик в лингвополитологии становится технологическим инструментом сбора данных, средством лингвополитологического мониторинга, позволяющего верифицировать результаты использования дискурсивных практик в политическом дискурсе.

Более того, нередко при экстраполяции такой методики в лингвополитологию она изменяется настолько сильно, что становится в сущности методикой данной области. К примеру, велика заслуга лингвополитологии в разработке проблемы концептуальной метафоры в науке в целом [Алексеева 1998; Мишанкина 2010]^[10], поскольку в лингвополитологии были разработаны модификации методики моделирования метафоры в сопоставительной метафорологии (например, *методика параллельного сопоставления метафор, объединенных сферой-магнитом метафорического притяжения; методика параллельного сопоставления метафор, объединенных сферой-источником мета-*

форической экспансии; методика контрастивного описания отечественной метафорической модели и др.) [См.: Чудинов 2001; 2003].

Подводя итог, отметим три особенности лингвополитологии.

Во-первых, современная лингвополитология как частная парадигма лингвистики не только использует весь ее методологический и методический арсенал, но и сама уже становится донором для других парадигм: ее методология и методики экстраполируются в лингвистику и гуманитарно-социальное познание в целом.

Во-вторых, ряд исследователей подчеркивает приоритет лингвополитологии в *прикладных аспектах* лингвистики [Баранов 2001; Лассан 2006 и др.]^[11]. Считаю уместным напомнить, что ни одна отрасль науки не дает столь очевидных и социально значимых результатов в решении конкретных задач, как *прикладные исследования*, но одновременно никакие труды не устаревают так быстро, а потому и не обновляются так часто, как подобные исследования. Эти особенности, присущие лингвополитологии, способствуют оптимизации ее методологии и методик.

В-третьих, специализация и дифференциация научных знаний продолжается: «Науки идут к *объединению* знаний посредством их *дробления*. Но это дробление, если так можно выразиться, уже не *разъединяющее*, а *объединяющее*» [Бабосов 2009: 216; Шарков 2009: 8]. Потому растет число предметных областей, претендующих на статус особых лингвистик (*онтолингвистика, гендерная лингвистика, суггестивная лингвистика, юрислингвистика* и т. д.), за счет чего межпарадигмальные и междисциплинарные связи лингвополитологии имеют тенденцию к дальнейшей экспансии. Этому способствует и процесс «*глобализации*» политической лингвистики на современном этапе ее развития [Будаев, Чудинов 2012: 19], в результате которого активно осваиваются методология, методики, эвристики и новые темы политической лингвистики в различных странах мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверьянов Л. Я. Методика контент-анализа // Контент-анализ : учеб. пособие. — М. : Кнорус, 2009. С. 279—320.
2. Ажеж К. Человек говорящий. Вклад лингвистики в гуманитарные науки. — М. : Прогресс, 2003.
3. Алексеева Л. М. Онтологическая сущность научной метафоры // Термин и метафора : моногр. — Пермь : Изд-во Перм. гос. ун-та, 1998. С. 75—105.
4. Алефиренко Н. Ф. Методологические проблемы современного языкознания // Современные про-

блемы науки о языке : учеб. пособие. — М. : Флинта : Наука, 2009. С. 314—397.

5. Бабосов Е. М. Социология науки. — Минск : Харвест, 2009.

6. Баранов А. Н. Политическая лингвистика // Введение в прикладную лингвистику : учеб. пособие. — М. : Эдиториал УРСС, 2001.

7. Блакар Р. М. Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия. — М. : Прогресс, 1987. С. 88—125.

8. Будаев Э. В. Сопоставительная политическая метафорология : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / УрГПУ. — Екатеринбург, 2010.

9. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Методология политической лингвистики // Зарубежная политическая лингвистика : учеб. пособие. — М. : Флинта : Наука, 2008. С. 42—68.

10. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Методология современной политической лингвистики // Современная политическая лингвистика : учеб. пособие. — Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 2006. С. 34—52.

11. Бушев А. Б. Языковые феномены политического дискурса. — М. : Просвещение, 2004.

12. Водак Р. Язык. Дискурс. Практика. — Волгоград : Перемена, 1997.

13. Вольфсон И. В. Язык политики. Политика языка. — Саратов : Саратов. гос. ун-т, 2003.

14. Гаврилова М. В. Политический дискурс как объект лингвистического анализа // Полис: полит. исследования. 2004. № 3. С. 127—139.

15. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. — М. : Прогресс, 1985.

16. Демьянков В. З. Политический дискурс как предмет политической филологии // Политическая наука. Политический дискурс: история и современные исследования. — М., 2002. № 3. С. 32—43.

17. Демьянков В. З. Термин парадигма в «родном» и «чужом» ареалах // Парадигмы научного знания в современной лингвистике. — М. : РАН ИНИОН, 2008. С. 15—39.

18. Канке В. А. Философия науки : краткий энцикл. слов. — М. : Омега-Л, 2008.

19. Капица С. П., Курдюмов С. П., Малинецкий Г. Г. Синергетика и прогнозы будущего. — М. : Эдиториал УРСС, 2001.

20. Карасик В. И. Язык социального статуса. — М. : Гнозис, 2002.

21. Касавин И. Т. Междисциплинарность в эпистемологии // Текст. Дискурс. Контекст. Введение в социальную эпистемологию языка. — М. : Канон+, 2008. С. 275—280.

22. Кибрик А. Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. — М. : Эдиториал УРСС, 2002.

23. Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Современная политическая коммуникация // Современный русский язык: социальная и функциональная дифференциация. — М. : Языки славянской культуры, 2003. С. 151—239.

24. Комарова З. И. Метод и методики политической лингвистики // Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике : учеб. пособие. — Екатеринбург : Изд-во УрФУ, 2012. С. 555—562.

25. *Квадратура смысла*: французская школа анализа дискурса / пер. с франц. и португ. — М.: Прогресс, 1999.

26. *Кубрякова Е. С.* Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (Опыт парадигмального анализа) // *Язык и наука конца XX века*. — М.: Ин-т языкознания РАН, 1995. С. 144—238.

27. *Кубрякова Е. С.* Понятие «парадигма» в лингвистике: введение // *Парадигмы научного знания в современной лингвистике*. — М.: РАН ИНИОН, 2008. С. 4—14.

28. *Кун Т.* Структура научных революций: пер. с англ. — М.: Прогресс, 1977 (2003).

29. *Лакатос И.* Избранные произведения по философии и методологии науки. — М.: Академический проект, 2008.

30. *Лакофф Дж.* Лингвистические гештальты // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. 10. — М.: Прогресс, 1981.

31. *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем: пер. с англ. — М.: Эдиториал УРСС, 2004.

32. *Маслова В. А.* Лингвополитология // *Современные направления в лингвистике*: учеб. пособие. — М.: Академия, 2008. С. 203—248.

33. *Мишанкина Н. А.* Метафора в науке: парадокс или норма? — Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 2010.

34. *Налимов В. В.* Характеристики языковых систем // *Вероятностная модель языка*. — М.; Томск: Водолей publishers, 2003. С. 46—71.

35. *Общие проблемы философии*: словарь для аспирантов и соискателей. — Екатеринбург: Урал. гос. ун-т, 2007.

36. *Ору С.* История. Эпистемология. Язык. — М.: Прогресс, 2000.

37. *Правикова Л. В.* Концепция дискурса и перспективы дискурсного анализа // *Вестн. Пятигор. гос. лингв. ун-та*. 2012. № 1. С. 100—105.

38. *Романов А. А.* Политическая лингвистика: функциональный подход. — М.: Тверь, 2002.

39. *Руденко Д. И.* Имя в парадигмах «философии языка». — Харьков: Основа, 1990.

40. *Серио П.* В поисках четвертой парадигмы // *Философия языка в границах и вне границ*. — Харьков: Око, 1993. С. 37—52.

41. *Сорокин Ю. А.* Политический дискурс: попытка истолкования понятия // *Политический дискурс в России*. — М.: Наука: Флинта, 2007.

42. *Степанов Ю. С.* О трехмерном пространстве языка: семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. — М.: Наука, 1985.

43. *Степанов Ю. С.* Методы и принципы современной лингвистики. — М.: ЛКИ, 2007.

44. *Тулмин Ст.* Человеческое понимание: пер. с англ. — М.: Просвещение, 1984.

45. *Фещенко В. В.* *Autoraetica* как опыт и метод, или О новых горизонтах семиотики // *Семиотика и Авангард*: антология. — М.: Академический проект, 2006. С. 54—122.

46. *Фрумкина Р. М.* Есть ли у лингвистики своя эпистемология? // *Язык и наука конца XX века*. — М.: Ин-т языкознания РАН, 1995. С. 74—117.

47. *Чернявская В. Е.* Лингвистика текста. Поликодовость. Интертекстуальность. Интердискурсивность. — М.: Либроком, 2009.

48. *Чудинов А. П.* Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000) / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2001.

49. *Чудинов А. П.* Политическая лингвистика: общие проблемы, метафора: учеб. пособие / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2003.

50. *Чудинов А. П.* Политическая лингвистика: учеб. пособие. — М.: Флинта: Наука, 2008.

51. *Шарков Ф. И.* Коммуникология: энцикл. слов.-справочник. — М.: Дашков и К°, 2009.

52. *Шейгал Е. И.* Семиотика политического дискурса. — Волгоград: Перемена, 2000.

53. *Энквист Н.* Стили как стратегия в моделировании текста // *Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз.* 1988. № 4. С. 329—339.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]. Термины *политическая лингвистика* и *лингвополитология* используются в современной научной литературе как синонимы для обозначения новой науки второй половины XX в., возникшей на пересечении *лингвистики* с *политологией* и тесно связанной с лингвистическими и другими гуманитарными и естественно-научными дисциплинами.

В нашей работе используется термин *лингвополитология*, для того чтобы акцентировать двойственный статус обозначаемого им феномена: с одной стороны, это частная парадигма лингвистики, а с другой — гибридная наука-донор для целого ряда лингвистических парадигм.

[2]. Вот как образно писал об этом В. В. Налимов: «Точные и естественные науки, развиваясь во времени, растут, как деревья: одни их ветви засыхают и опадают, другие разрастаются, и по мере того как дерево растет, его нижние части врастают в землю — уходят в область истории. Языкознание развивается не так — это мозаика ярких цветов на обширном лугу, и этот луг оказывается волшебным: после появления новых цветов старые не вянут, не теряют своей яркости и свежести» [Налимов 2003: 14].

[3]. Более детальную характеристику современной лингвистики как постнеклассической науки см.: [Комарова 2012: 90—95; 198—206].

[4]. К названным А. Е. Кибриком предметам лингвистики следует добавить еще два новых, *текстологию* и *дискуртологию*, отражающих «тот лингвистический космос, изучение которого будет продолжаться до тех пор, пока существует человек, деятельность и общение. Поворот лингвистики к тексту стал *революцией в языкознании*» (выделено мной. — З. К.) [Маслова 2008: 19]. Эту позицию разделяют и зарубежные ученые: «Для некоторых из нас осознание решающего значения текстуральных и дискурсивных факторов было равносильно по своим последствиям революции» [Энквист 1988: 332].

[5]. Такое состояние наук признается естественным: «Междисциплинарное взаимодействие есть естественное состояние науки, предельным

случаем которого являются относительно строгие дисциплинарные структуры, границы которых задаются *не столько системами знаний, сколько институциональными формами*» [Касавин 2008: 276].

[6]. Наши ведущие ученые-синергетики С. П. Капица, С. П. Курдюмов, Г. Г. Малиновский констатируют: «В конце нашего века междисциплинарный синтез, направленный на выработку новых императивов развития, технологий выживания, идеологии XXI века, стал не игрой ума, не академической программой, родившейся в кабинетной тиши, а насущной необходимостью. К сожалению, „физики“ и „лирики“ по отдельности не выдержали экзамена в XX веке. В следующем веке его придется сдавать вместе» [Капица и др. 1997: 11—12].

[7]. Оценивая эти парадигмы-спецификаторы, в том числе и лингвополитологию, Н. А. Алефиренко считает, что «самыми многообещающими для конструктивного развития научной мысли оказываются лингвистические кентавры с головой homo linua, т. е. антропоцентрические образования маргинального происхождения» [Алефиренко 2009: 217].

[8]. Нужно отметить еще французскую школу (Ж. Дебуа, М. Пешё, П. Серио, М. Фуко и др.) *дискурс-анализа*, в которой дискурсе изучается как совокупность дискурсивных практик, идентифицирующих субъектов политического дискурса как таковых или формирующих конкретную тематику политической коммуникации. При этом реальный дискурс не только историчен, целостен, но и всегда ситуативен, а потому никогда не может быть «рас-

писан» в рамках некоторой общей нормативной модели, поэтому методика этой школы дает возможность наблюдать за становлением, видоизменением, трансформациями, рассеяниями и сгущениями в дискурсивных практиках [Квадратура смысла 1999]. Следует напомнить и о британской, и американской школах дискурс-анализа [Будаев, Чудинов 2006; 2012; Правикова 2012].

[9]. «*Контент-анализ* дает возможность получить практически бесконечное множество субъективных характеристик, позволяющих в совокупности иметь объективную оценку явления, феномена или процесса, интересующего исследователя. Он позволяет сделать прогноз и получить надежные результаты. К тому же, как отмечают многие исследователи, он имеет способность к совершенствованию и значительным видоизменениям при экстраполяции в определенную научную область» [Аверьянов 2009: 441].

[10]. Характеризуя это явление, Н. А. Мишанкина указывает, что «парадигмальные метафоры могут выходить за пределы своих научных областей и оказывать значительное влияние на формирование и развитие науки и когнитивной сферы в целом» [Мишанкина 2010: 268].

[11]. Не случайно А. Н. Баранов помещает раздел о политической лингвистике в книге «Введение в прикладную лингвистику» (2001) в главу, посвященную оптимизации социальной функции языка. См. также ранее процитированный текст из статьи Э. Р. Лассан.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов

Н. Б. Руженцева **N. B. Ruzhentseva**

Екатеринбург, Россия Ekaterinburg, Russia

**БАЗОВЫЕ ЦЕННОСТИ
МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО ДИСКУРСА
В ЗАГОЛОВКАХ**

ПЕРВОЙ РУССКОЙ ГАЗЕТЫ В АФРИКЕ

**BASIC VALUES OF INTERNATIONAL
DISCOURSE IN HEADLINES OF THE FIRST
RUSSIAN NEWSPAPER IN AFRICA**

Аннотация. На материале газетных заголовков, заголовочных комплексов и совокупных заголовочных текстов сопоставляются ценности внутринационального и межнационального газетно-журнальных дискурсов, выявляются тенденции репрезентации речевой агрессии как средства воздействия на адресата издания.

Ключевые слова: межнациональный дискурс; внутринациональный дискурс; газетно-журнальный дискурс; аксиология; заголовок; заголовочный комплекс; совокупный заголовочный текст; речевая агрессия.

Abstract. On the basis of newspaper headlines, headline complexes and headline texts values of national and international newspaper discourses are compared. Tendencies of representation of verbal aggressions as a means of influence the reader are revealed.

Key words: international discourse; national discourse; newspaper discourse; axiology; headline; headline complex; headline text; verbal aggression.

Сведения об авторе: Руженцева Наталья Борисовна, доктор филологических наук, профессор кафедры риторики и межкультурной коммуникации.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, н-м Космонавтов, 26, к. 285.

e-mail: verbalis@mail.ru.

About the author: Ruzhentseva Natalia Borisovna, Doctor of Philology, Professor of the Chair of Rhetoric and Intercultural Communication.

Place of employment: Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg.

Давно известно, что заголовок является важнейшей частью газетно-журнальных текстов: по данным исследователей, на него приходится около 80 % внимания читателей. Заголовкам, различным аспектам их стилистической соотнесенности, формы, структуры, семантики, посвящено большое количество работ [Лазарева 1989; Прохорова 2005 и др.]. В ряде исследований изучаются прецедентные феномены в заглавиях текстов [см., напр.: Чемезова 2008]. Мы рассматриваем проблему заголовка на новом материале (газетных заголовках в межнациональной прессе) и под новым углом зрения, связанным с репрезентацией в заглавиях публикаций системы ценностей.

Основные функции газетно-журнального заголовка достаточно хорошо известны: это «номинативная функция, то есть способность называть текст...; графически-выделительная функция также свойство любого газетного заголовка, поскольку это связано с различной функцией заголовка и основного корпуса текста». Информативная функции «предполагает привлечение внимания к тексту в том случае, если текст содержит необходимые для читателя сведения... Функция рекламная предполагает привлечение внимания к тексту за счет эмоций... Оценочно-

экспрессивная функция формирует эмоциональное воздействие газетного текста... Интегративная функция облегчает восприятие текста как единого цельного произведения... Композиционная функция предполагает объединение в одно речевое произведение несколько текстов, связанных общей темой... закрепительная функция заголовка предполагает закрепление в памяти читателя текста с помощью заголовка... Наконец, современные возможности развития ЗК (заголовочного комплекса. — Н. Р.) позволяют говорить о выделении еще двух функций — это текстообразующая и текстозаместительная функции. Текстообразующая функция заголовка проявляется тогда, когда мы моделируем пространство единого заголовочного текста, СЗТ, ЗК, образующие в своей совокупности текст, общими усилиями выполняют эту функцию. Текстозаместительная функция — также удел современного ЗК, который благодаря своей сложной, развитой структуре может замещать текст основной, сжимающийся до нескольких абзацев» [Прохорова 2005: 56—58].

Однако в связи с межнациональным дискурсом мы можем с уверенностью говорить еще об одной функции заголовков (заголовочных комплексов, совокупного заголовоч-

ного текста). Это функция **аксиологическая**, направленная на формирование системы межнациональных ценностей. Она особенно заметна на фоне текстов, эксплицирующих внутринациональные ценности, поэтому мы решили сопоставить совокупные заголовочные тексты, заголовочные комплексы и собственно заголовки двух изданий — газет «Комсомольская правда. Екатеринбург» (2012. 21.08) и «Комсомольская правда в Египте» (2008. 28.07—10.08. № 14 (91)). Последняя, без сомнения, относится к межнациональному газетно-журнальному дискурсу, так как информация в ней черпается не только из российских, но и из египетских источников, ряд текстов адаптируется для восприятия российским читателем, справочная информация дается не только на русском, но и отчасти на английском и арабском языках, имеются публикации, в которых вербальный ряд создается российским автором, а визуальный — египтянином (например, текст центральной публикации номера создавала Ирина Ачеби, а фотографии — Аиша ом Сумайя). Перейдем к заявленным выше сопоставлениям.

Санкт-Петербургская школа стилистики, и в частности К. В. Прохорова, предлагает два понимания совокупного заголовочного текста — узкое и широкое. Первая трактовка, узкая, сводится к следующему: «...совокупность заголовков какого-либо газетного издания представляется нам самостоятельным речевым произведением, аналогичным, но не идентичным развернутому газетному тексту. Подобный заголовочный текст мы называем совокупным заголовочным текстом (СЗТ)» [Прохорова 2007: 179]. Вторая трактовка (более широкая): «Под совокупным заголовочным текстом понимаем совокупность заголовочных комплексов периодического издания, взятого в рамках определенного периода» [Там же: 179, 180].

Акцент на газетное издание заставляет нас предпочесть первое, более узкое понимание. Отталкиваясь от него, попытаемся на материале двух указанных газет представить оба совокупных заголовочных текста, включающих только заголовки наиболее крупных публикаций (две косые черты, как принято в работах К. В. Прохоровой, указывают на границу между заголовками, а одна косая черта — на границу между заголовком и подзаголовком).

«КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА. ЕКАТЕРИНБУРГ».
Путин пообещал жестко разобраться с уральскими заводами-банкротами // Россияне задолжали за коммуналку 170 миллиардов рублей // Лучшая в мире волейболистка Екатерина Гамова сразу после Олимпиады

вышла замуж // „Ваши победы в Лондоне будут примером для миллионов людей“ // В Кельском соборе разогнали панк-молебен // Пять минут славы Герострата // Под Самарой цыгане и русские сошлись стенка на стенку // А вы что делали с 19 по 21 августа 1991 года? // Вожатый в лагере выпорол шестиклассницу за нарушение во время тихого часа // На Урале снова голодают рабочие // „Мы знали о запретной зоне, но с военными там не пересекались“ // Пассажиры перевернутого автобуса вытаскивали бойцы ОМОНа // Вузы бьются за абитуриентов // Небесный круглоход / Губернаторскую грядку пропололи // Коэффициент эффективности для слуг народа // „Американцы больше не борются с ‘Аль-Каидой’. Они запускают войну внутри исламского мира“ // Прощай, накопительная пенсия? // „Я взяла с дороги камень и ударила в стекло ‘газели“ // Загадка стадного чувства // Заслуженного педагога уволили за то, что ... 20 лет назад попал под суд // Садальский предложил Макаревичу побороться с фонограммой // Юрий Никулин получил водительские права на гастролях в Запорожье // Умер режиссер „Настоящей любви“ и „Последнего бойскаута“ // Он увидел ее — и погиб! // Снимок Фелпса — на вес олимпийского золота? // Быков и Захаркин уйдут к полякам // Иван Ургант неожиданно встретился с женой на сцене // „Это же прикольно — сыграть собаку!“ (остальные публикации номера — это прямая или косвенная реклама).

«КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА В ЕГИПТЕ». „Ах, эта свадьба, свадьба...“, или главное событие в жизни египтян // Чавес привез Медведеву привет от Фиделя // Схвачен самый ненавистный Западу серб // Китайцы получают российские острова на Амуре // „Страна, желающая поссорить Россию с Китаем, называется на три буквы“ // Российские бомбардировщики облюбовали Кубу // Западноевропейцы хотят отдыхать без русских // „Стоит ли борьба за бабло войны между народами?“ // „Семья Ющенко не хотела, чтобы я с ними говорила по-русски“ // В смерти своей Николай II бесстрашен и величественен // „Настоящий мужчина всегда хочет Ларису Ивановну“ // Медведев и Мубарак удовлетворены уровнем взаимодействия двух стран // Египтяне закрыли иранский телеканал „Аль-Алам“ // Москва и Каир обсуждают сотрудничество в области ядерных исследований // Даже местная полиция в шоке от беспорядка на дорогах // Машина свалилась с паромы и утонула в Ниле // Власти расследуют крупную дорожную аварию в Мерса-Матрух // Главы МИД арабских государств поддержали инициативу

АРЕ по Дарфуру // Синайский кодекс — теперь в Интернете // Восточные сказки Ярославы Таньковой // Задай перцу! / Все, что вы хотели знать о египетских специях // Что общего между христианством и Древним Египтом? // Мои египетские университеты // Почему люди боятся числа 13? // Магический закон // Николай Фоменко готовится к свадьбе // „Господин президент, защитите меня от этого чудовища!“ // Олимпийские козыри России. Кроме того, в газете имеется специальная детская страница: *Ерошкина полянка // По волнам под парусом // Замок из песка // Пляж — большая песочница // Водоросли запутались* (остальные публикации номера — это прямая или косвенная реклама).

Даже после простого сравнения выборки заголовков можно с уверенностью утверждать, что в газете «Комсомольская правда. Екатеринбург» преобладают заголовки деструктивной направленности, репрезентирующие смыслы «борьба», «война», «столкновение», «разрушение», «противостояние», о чем свидетельствует лексическое наполнение высказываний: *жестко разобраться, разогнали панк-молебен, слава Герострата, сошлись стенка на стенку, выпорол шестиклассницу, голодают рабочие, запретная зона, военные, перевернутый автобус, бойцы ОМОНа, бьются за абитуриентов, Губернаторскую грядку пропололи, запускают войну, Я взяла с дороги камень и ударила в стекло „газели“, попал под суд, побороться с фонограммой, умер режиссер.* Заголовки, не репрезентирующие деструктивные смыслы, относятся к рубрикам «Спорт» и «Клуб любознательных». В целом совокупный заголовочный текст газеты «Комсомольская правда. Екатеринбург» отражает актуальную для современных СМИ тенденцию — нарастание агрессивности прессы; ср.: «Концентрация „агрессивной лексики“ в текстах современных СМИ служит подтверждением нарастания агрессивности в обществе, превращения ее в один из способов мышления о мире» [Власова 2004: 191].

В свою очередь, заголовки в газете «Комсомольская правда в Египте» репрезентируют по крайней мере три группы слов, как деструктивных, так и конструктивных:

1. Смыслы «разрушение, борьба, противостояние, страх»: *Схвачен самый ненавистный Западу серб, Российские бомбардировщики облюбовали Кубу, отдохнуть без русских, закрыли иранский телеканал, Машина свалилась с парома и утонула в Ниле, Даже местная полиция в шоке от беспорядка на дорогах, крупная дорожная авария, боятся*

числа 13, защитите меня от этого чудовища.

2. Смыслы «согласие, сотрудничество, взаимодействие»: *Свадьба, или главное событие в жизни египтян, привет от Фиделя, Китайцы получают российские острова на Амуре, удовлетворены уровнем взаимодействия, обсуждают сотрудничество, поддержали инициативу АРЕ, Синайский кодекс — теперь в Интернете, Что общего между христианством и Древним Египтом?, Николай Фоменко готовится к свадьбе.*

3. Семантика высказываний с отрицанием деструктивных явлений (конфликтов, противостоятий) или с косвенным утверждением идеи взаимодействия народов России и Египта:

– отрицание деструктивных явлений: *Страна, желающая посорить Россию с Китаем, называется на три буквы; Стоит ли война за бабло войны между народами?; Семья Ющенко не хотела, чтобы я с ними говорила по-русски;*

– косвенное утверждение взаимодействия между народами: «Восточные сказки Ярославы Таньковой: „Мои египетские университеты“». Интересен заголовок *Задай перцу. Все, что вы хотели знать о египетских специях* (значение фраземы «задать перцу» — «сильно распекают, ругать кого-либо, чувствуя свою силу» — переосмысливается путем введения подзаголовка *Все, что вы хотели знать о египетских специях*, и получает в контексте значение, близкое к эксплицируемому фраземами «добавь в еду перцу», «положи в еду перец или иную восточную пряность»).

Таким образом, речевая агрессия в совокупном заголовочном тексте газеты «Комсомольская правда в Египте» проявляется в значительно меньшей степени, чем в газете «Комсомольская правда. Екатеринбург», и сочетается с утверждением системы позитивных ценностей. Стремление авторского коллектива к межнациональному диалогу, сотрудничеству, взаимопониманию позволяет охарактеризовать общую модальность «Комсомольской правды в Египте» как аксиологическую, основанную на солидарности, кооперации. Заметим, что понятие «аксиологическая модальность», истолкованное применительно к диалогическим жанрам разговорной речи, вполне, на наш взгляд, применимо к СМИ, которые диалогичны по своей сути: «При обмене мнениями по каким-либо вопросам участники выражают свою точку зрения, руководствуясь социокультурными стереотипами, выработанными веками приоритетами и ценностными ориентирами, общечеловеческими истинами и

нормами жизни. Поэтому данный вид диалогической модальности можно назвать аксиологической» [Лазуткина 1998: 83].

Перейдем к следующему элементу двух изданий — заголовочному комплексу. Заголовочный комплекс — это достаточно сложная многокомпонентная система, в которую факультативно входят:

- «— тематическое название полосы...;
- рубрика (предваряет конкретную публикацию);
- подзаголовок...;
- внутренние заголовки (журналисты иногда называют их главками);
- шапка (заголовок в верхней части первой полосы, набранный крупным кеглем);
- лид (лид в качестве элемента ЗК рассматривается в случае его шрифтового выделения и возможной композиционной обособленности от текста);
- предтексты (к ним относятся эпитафии, посвящения, анонсы);
- вставки (врезки в текст, имеющие обычно графическое выделение);
- подписи к фотографиям.

В состав ЗК включают также иногда подпись» [Прохорова 2005: 14—15].

Сравним два заголовочных комплекса: один из газеты «Комсомольская правда. Екатеринбург», другой — из «Комсомольской правды в Египте», — анонсированных на первой полосе (публикации номера).

КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА. ЕКАТЕРИНБУРГ
(автор публикации — Андрей Горбунов)

- Рубрика: *Картина дня: Екатеринбург.*
- Заголовок (цитата из высказывания Татьяны Мерзляковой): *Путин пообещал жестко разобраться с заводами-банкротами.*

• Лид: *Уполномоченный по правам человека в Свердловской области при встрече рассказала российскому президенту о проблемах наших предприятий.*

• Подпись к фотографии: *В июле Татьяна Мерзлякову наградили статуэткой за сохранение семейных ценностей. Теперь она борется за права заводчан.*

На этой же странице дана дополняющая основной материал публикация Елены Панкратьевой *На Урале снова голодают рабочие:*

- Анонс: *Акция протеста.*
- Заголовок: *На Урале снова голодают рабочие.*
- Лид: *Только после шумихи следователи возбудили уголовное дело и прокуратура начала проверять завод „Амур“ в Новоуральске.*
- Послетекстовый комментарий: *Звонок в министерство.*

В заголовочном комплексе основной публикации отчетливо прослеживается речевая

агрессия. По К. Ф. Седову, речевая агрессия реализуется посредством ряда коммуникативных тактик: угрозы, инвективы (оскорбления), возмущения, обвинения, упрека, колкости, насмешки, демонстрации обиды, угрожающего молчания [См.: Горелов, Седов 2001: 161—176]. В нашем случае заголовок первой публикации — центральная часть заголовочного комплекса — репрезентирует не только агрессивную стратегию, но и конкретный способ реализации — тактику угрозы: *пообещал жестко разобраться*. Остальные компоненты заголовочных комплексов обеих публикаций выполняют фоновую роль в соответствующем содержательномодальном ключе: *проблемы российских предприятий, борется за права заводчан, акция протеста, голодают рабочие, следователи возбудили уголовное дело и прокуратура начала проверять завод.*

КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА В ЕГИПТЕ
(автор публикации — Ирина Ачеби)

- Рубрика: *А как у них?*
- Заголовок: *Ах, эта свадьба, свадьба...*
- Подзаголовок: *или главное событие в жизни египтян.*

• Лид: *Женитьба в Египте — это длительный интригующий процесс, в котором очень заметно типичное для страны смешение традиций: европейских, новоегипетских и древних арабских. И поэтому вся цепочка событий, предшествующих свадьбе и последующих, остается самым ярким моментом в жизни египтян.*

- Внутренние заголовки (главки): *Знакомство; Приготовление к свадьбе; Официальная регистрация брака; Медовый месяц.*

• Вставки (графически выделены):
▶ *Собственно говоря, само обручение хотя и означает договор о свадьбе в будущем, все же не настолько серьезно, и вопрос о женитьбе еще не решен окончательно.*

▶ *Свадебные торжества у малообеспеченных состоят из трех дней.*

▶ *Преимущественно в сельской местности, где до сих пор живы традиции и устои, проводится осмотр простыней.*

▶ *Это интересно (сведения о брачном возрасте, свадебном сезоне, аренде свадебных нарядов).*

▶ *На заметку. Развод по-египетски.*

• Подписи под фотографиями:
▶ *Свадьба в Египте — сплошные песни и танцы.*

▶ *Родственницы жениха и невесты на девичнике.*

▶ *Невеста Фатма из губернии Кена в первый день свадьбы. На ней розовое платье.*

► *Молодожены. Во второй день свадьбы невеста должна быть в белом.*

► *Самый минимальный набор золотых украшений, который составляет „шапку“ небогатой невесты.*

Мы видим, что в заголовочном комплексе анонсированной публикации номера отсутствует даже намек на речевую агрессию. Более того, в текстовой ткани заголовка реализуется кооперативная стратегия взаимодействия: цитата из известной российской песни («Ах, эта свадьба, свадьба, свадьба пела и плясала») совмещается с выражением «главное событие в жизни египтян», что формирует представление о единой значимости этого события в жизни двух разных народов. Фоновую роль с целью поддержки кооперативной стратегии играет в данном случае лид, в котором говорится о смешении традиций — *европейских, новоегипетских и древних арабских.*

Наконец, различия между двумя изданиями проявляются и в самой текстовой ткани, например в оценочном характере аллюзий. Мы разделяем мнение О. В. Платоновой и С. И. Виноградова о том, что в газетных текстах используются следующие разновидности литературной аллюзии: «1) Литературные цитаты-реминисценции, имена персонажей, названия произведений...; 2) Видоизмененные высказывания ученых, политиков, деятелей культуры...; 3) Библиизмы...; 4) Цитаты, в том числе трансформированные... 5) Измененные названия теле- и видеофильмов, фразы из популярных фильмов и телепрограмм, рекламы...; 6) Трансформированные крылатые выражения...; 7) Названия живописных полотен, скульптур и других произведений искусства» [Платонова, Виноградов 1998: 275].

В заголовочных комплексах газеты «Комсомольская правда. Екатеринбург» есть три таких аллюзии: *Слава Герострата* (отсылка к сожжению Геростратом храма Артемиды с целью прославиться), *Небесный круглоход* (отсылка к советскому фильму «Небесный тихоход») и *Прощай, накопительная пенсия?* (отсылка к роману Э. Хемингуэя «Прощай, оружие!»). Две из них (*Слава Герострата* и *Прощай, накопительная пенсия?*) формируют у читателя негативно-оценочные ассоциации, связанные с разрушением, оружием, войной.

В газете «Комсомольская правда в Египте» есть отсылки к известной песне (*Ах, эта свадьба, свадьба, свадьба...*), к кинофильму «Мимино» (*Настоящий мужчина всегда хочет Ларису Ивановну*), к типовому названию сборника *Восточные сказки* и к повести М. Горького (*Мои египетские университеты*).

Ни одна из этих аллюзий не вызывает у читателя негативных или иронических ассоциаций, даже с учетом прагматической рамки высказывания. Так, например, заголовок *Мои египетские университеты* при соответствующем содержании текста может обладать негативно-оценочным или ироническим подтекстом, однако в публикации, посвященной спасению туристов с кораллового рифа, нет даже намека на последние, ср. финальную часть текста:

Мы стали расспрашивать команду, что это был за египтянин, как его зовут, откуда, как его найти. Они нам ответили: „Кажется, его зовут Эхаб“.

„А как нам его найти?“ — взволнованно спрашивали мы.

Но нам не дали четкого ответа. Вот до сих пор мы ездим на острова, вспоминаем этот случай и надеемся встретить нашего спасителя — крепкого, смелого египетского парня.

Разумеется, представленный материал далеко не позволяет в полной мере судить о базовых ценностях газетно-журнального межнационального дискурса. Однако сравнение с внутринациональным дискурсом все же дает возможность обозначить тенденции в системе ценностей, актуализируемых межнациональными изданиями. По сравнению с газетным внутринациональным дискурсом, межнациональный дискурс характеризуется:

– большей конструктивной направленностью публикаций;

– преобладанием позитивной оценочности, которая репрезентируется и в содержании заголовков, и в лексической организации высказывания;

– большей степенью аксиоматичности (следования общечеловеческим нормам, ценностям, традициям, и в первую очередь — ценностям, связанным с человеческим взаимодействием, кооперацией);

– пониженной степенью речевой агрессии, используемой журналистами как средство воздействия на адресата.

Идеологическая позиция «Комсомольской правды в Египте» — отражение в публикациях любви к Египту — наиболее четко представлена, на наш взгляд, в рубрике «Наши конкурсы», ср.:

Судьбы многих известных людей пересекались с Египтом. И каждый из них по-своему старался запечатлеть краски и звуки этой удивительной страны. В нашей рубрике — Египет глазами поэтов, писателей, художников, фотографов.

Но и вам, уважаемые читатели, Мы ПРЕДЛАГАЕМ РАССКАЗАТЬ СВОЮ „ИСТО-

РИЮ ЛЮБВИ“ С ЕГИПТОМ. Для кого-то он стал второй родиной. Кого-то притягивает словно магнит... Одним словом, делитесь с нами впечатлениями, эмоциями, наблюдениями.

Думается, что многим современным российским изданиям есть чему поучиться у «Комсомольской правды в Египте» — первой русской газете в Африке, которая, как мы очень надеемся, не останется единственной для русскоязычного читателя во время его пребывания в этой части света.

ЛИТЕРАТУРА

1. Власова Е. В. Речевая агрессия как одно из выражений власти в СМИ // Проблемы речевой коммуникации. — Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2004. Вып. 4. С. 190—195.
2. Лазарева Э. А. Заглавие и начало газетного текста // Слово в системных отношениях на разных уровнях языка. — Свердловск : Изд-во Свердл. пед. ин-та, 1989. С. 139—151.
3. Лазуткина Е. М. Жанры речевого общения // Культура русской речи — М. : Норма-Инфра, 1998. С. 83—89.
4. Платонова О. В., Виноградов С. И. Средства речевой выразительности // Культура русской речи. — М. : Норма-Инфра, 1998. С. 264—279.
5. Прохорова К. В. Газетный заголовок: проблемы и функциональные возможности. — СПб. : Изд-во СПбГУ, 2005.
6. Прохорова К. В. Совокупный заголовочный текст // Русская речь в средствах массовой информации: стилистический аспект. — СПб. : Изд-во СПбГУ, 2007. С. 179—202.
7. Чемезова И. А. Прецедентная модель языковой игры в газетном заголовке. — Екатеринбург : АКД, 2008.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов

А. П. Седых, И. В. Сопова
Белгород, Россия

A. P. Sedykh, I. V. Sopova
Belgorod, Russia

**ТЕМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА
В. В. ПУТИНА И А. МЕРКЕЛЬ**

**THEMATIC ELEMENTS OF PHRASEOLOGY
IN THE DISCOURSE OF VLADIMIR PUTIN
AND ANGELA MERKEL**

Аннотация. Изучается языковая личность политика на материале речевых манифестаций В. В. Путина и А. Меркель. Дискурс политика исследуется на основе интерпретационного анализа фразеологии. Языковые данные вербализуют тематическую компоненту стратегий и тактик речевого воздействия рассматриваемых политиков.

Abstract. The paper deals with linguistic identity of a politician on the materials of statements of Vladimir Putin and Angela Merkel. Political discourse is studied through interpretive analysis of phraseology. Linguistic information verbalizes thematic components of strategies and tactics of the speech impact of these personalities.

Ключевые слова: языковая личность; институциональный дискурс; фразеология; стратегия и тактика речевого воздействия; коммуникативное поведение.

Key words: linguistic identity; institutional discourse; phraseology; strategy and tactics of speech influence; communicative behavior.

Сведения об авторе: Седых Аркадий Петрович, доктор филологических наук, профессор кафедры французского языка, профессор, факультет романо-германской филологии.

About the author: Sedykh Arkadiy Petrovich, Doctor of Philology, Professor of the Chair of the French Language, Professor, Faculty of Romance and Germanic Philology.

Место работы: Белгородский государственный национальный исследовательский университет.

Place of employment: Belgorod State National Research University.

Контактная информация: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85, к. 5-13.
e-mail: sedykh@bsu.edu.ru.

Сведения об авторе: Сопова Ирина Валентиновна, ассистент кафедры иностранных языков № 2, факультет романо-германской филологии.

About the author: Sopova Irina Valentinovna, Assistant Professor of Foreign Languages Department number 2, Faculty of Romance and Germanic Philology.

Место работы: Белгородский государственный национальный исследовательский университет.

Place of employment: Belgorod State National Research University.

Контактная информация: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85.
e-mail: sopova@bsu.edu.ru.

Тематический корпус политической фразеологии представляет собой пласт языкового материала, структурированный в зависимости от приоритетов внутривнутриполитической и международной ситуации, которые приходится учитывать как руководителю, так и гражданам страны. Собранный нами эмпирический материал позволил выделить ряд ключевых тематических групп высказываний, включающих фразеологические единицы, представленных в политических дискурсах бывшего в анализируемый период российским премьер-министром В. В. Путина и Федерального канцлера ФРГ А. Меркель.

В рамках фразеологического узуса в собранном эмпирическом материале мы выделили следующие основные тематические группы высказываний с фразеологизмами главы российского правительства:

- 1) экономическая политика России;
- 2) торговля природными ресурсами;
- 3) социальная политика правительства по улучшению уровня жизни населения;
- 4) позиции Российской Федерации в формате международных отношений;

- 5) национальные интересы России, патриотические тенденции, неприемлемость проявлений терроризма и экстремизма;
- 6) оценка экономической и политической ситуации в мире;
- 7) спорт, культура, охрана окружающей среды.

Рассмотрим каждую из них с целью анализа и выявления основных принципов позиционирования В. В. Путина по обозначенным темам и фразеологических манифестаций языковой личности данного политика.

1. Экономическая политика России: Значит лесопереработка. Гнать круеляк за границу — **ума много не нужно**, это правда [Председатель Правительства России]; Минимизировать, а точнее, **свести к нулю** все транзитные риски, и это главное — расширение инфраструктуры [Там же]; Чтобы не **раскачать и не уронить рынок**, Внешэкономбанк начал эти акции постепенно, не привлекая к этому внимания (сейчас об этом уже можно сказать), реализовывать на рынке [Там же]; Считается, что

при повышении расходов государства мы увеличиваем инфляцию и создаем **замкнутый круг**, который не позволяет экономике выйти из кризиса или стагнирует ее [Там же]; А есть энергетические угли, где уровень рентабельности гораздо ниже. А это все **в тарифе сидит**, эта постоянная составляющая [Архив газеты Ведомости]; Зачем нам нужны какие-то крушения, опять новые катаклизмы? Всё должно **идти своим чередом** [Речь Путина на экономическом форуме в Берлине]; И поэтому они считали, что нет смысла куда-то **откладывать всё в кубышку**, а нужно сейчас вкладывать в развитие страны [Председатель Правительства России]; И таких дорог, куда надо вкладывать деньги, — **выше крыши** [Там же].

В вышеприведенных высказываниях фразеологические единицы реализуют следующие семы: «легкая нажива», «высокий спрос», «снижение риска», «рыночная стабильность», «осмысленный риск». Коннотативная составляющая формируется вокруг понятийного поля «рыночные отношения». Основные проблемы государства заключаются в отсутствии возможностей развития экономики, что отражается в семантике фразеологизмов данных высказываний. Устойчивые обороты *сидеть в тарифе*, *замкнутый круг*, *выше крыши* включают в свое значение элемент консерватизма, указывают на безвыходность, пассивность. Следует напомнить о том, что политика осмысленного риска стала «визитной карточкой» В. В. Путина в высших эшелонах власти с самого начала его карьеры. Именно благодаря стратегии данного типа он в свое время отобрал голоса у главных фаворитов предвыборной гонки.

2. ТОРГОВЛЯ РЕСУРСАМИ — ПРИРОДНЫМ ГАЗОМ И НЕФТЕПРОДУКТАМИ: Но и самое главное, при всех этих нововведениях мы не должны забывать о главном: „нефтянка“, ТЭК в целом — это **курица, которая несет нам золотые яйца**. И убивать эту курицу было бы просто неразумно, глупо и недопустимо. Этого не будет, не беспокойтесь [Прямая линия с Президентом России]; И нельзя **снимать сливки** с нефтегазовой отрасли целиком и **вбрасывать их в экономику!** [Владимир Путин: даю вам честное партийное слово]; Не буду говорить о прошлом, хотя понятно, что получая энергоносители из России **по бросовым ценам**, без всякого этого преувеличения можно сказать, мы субсидировали экономику очень многих республик бывшего Советского Союза, в том числе и Белоруссии, — на миллиарды долларов [Комсомольская правда — Молдова]; Сегодня мы реализуем

проект, о котором я уже говорил и который **столько шума наделал**, — проект по „Северному потоку“, по поставкам нашего газа нашим потребителям [Ответы В. В. Путина на вопросы участников форума]; Я всё время слышу один и тот же тезис о необходимости обеспечить независимость от поставок российского газа. У меня всегда возникает встречный вопрос: „А зачем?“ У нас есть хорошая поговорка: **от добра добра не ищут** [Председатель Правительства России]; Ничего такого, что скрывало бы правду о самом преступлении, ничего такого, что скрывало бы правду о механизмах этого преступления, не закрыто за семью печатями [Путин 2010.07.4]; Думаю, что одна из причин заключается в том, что не все участники переговорного процесса смогли найти верную тональность ведения этих переговоров. Никогда не нужно загонять ситуацию в тупик [Президент России: архив].

В вышеприведенных высказываниях премьер-министра с помощью устойчивых словесных комплексов актуализируются семы «источники доходов», «способы ведения торговли», «прагматика торговли», «интересы страны». Коннотационный макрокомпонент актуализируется в контексте призывов к цивилизованной торговле ресурсами с учетом экономических интересов России. Семантика фразеологических единиц укладывается в семантику последних заявлений В. В. Путина о привлечении иностранных инвестиций в российскую экономику. При этом «эксперты считают такую задачу выполнимой, однако предупреждают, что интерес западного бизнеса может ограничиться нефтегазовым сектором России, что еще более усилит сырьевую направленность отечественной экономики» [Наумов 2011].

3. СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ПРАВИТЕЛЬСТВА ПО УЛУЧШЕНИЮ УРОВНЯ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ. В данном блоке мы рассмотрим примеры, отражающие взгляды В. В. Путина на проблемы внутренней социальной политики государства и их решения: Сейчас — **„иных уж нет, а те далече“**, — с кем мы обсуждали эти проблемы [Председатель Правительства России]; Это сфера, где пересекаются интересы многих отраслей. Как помните, в известном старом фильме говорили: **„Без воды — и ни туды, и ни сюды“** [Путин указал на необходимость...]; Однако речным флотом перевозится лишь около 2 % грузов. Абсолютно недопустимо малая цифра, **капля в море** [Председатель Правительства России]; Многие из них, к сожалению, находятся просто **в плачевном состоянии** [Там же]; Ну вот, как говорят: **„обещанного три года ждут“** — как

раз это решение состоялось [Там же]; Впервые в бюджете 2003 года будут предусмотрены средства на строительство служебного жилья для военнослужащих. Раньше это тоже делалось, потом это все было **передано забвению**, деньги не выделялись [Putin2004]; Конечно, здесь тоже существуют свои пределы. Здесь нельзя **перегибать через край**. То, о чем Вы сказали, действительно имеет место быть [Президент России : архив]; Это начнется прямо с нового года, с 2006 года. Это те вопросы, которые не будут **отложены в долгий ящик** [Путин на линии].

Семантика фразеологических единиц сконцентрирована вокруг сем «безысходность», «разгильдяйство», «мошенничество», «административное рвение». Коннотации, манифестируемые устойчивыми словосочетаниями и выражениями, «освоены» большинством представителей российского общества, которые в реальной жизни сталкиваются со всеми формами несправедливости. В последнее время декларации В. В. Путина чаще касаются социальных проблем России: *Ситуация по стране разная, зачастую людям приходится непросто, многие столкнулись с трудностями. Мы взяли всю ответственность за происходящее на себя. Россия — социальное государство, и правительство гарантирует, что мы не откажемся от социальных обязательств* [Путин. 2011. 27.04].

Решения внутренних проблем из области социальной политики предлагаются в следующих образцах речи В. В. Путина, изобилующих фразеологизмами: *И я хочу пожелать всем нам, а государство будет делать всё для того, чтобы каждый человек имел такую возможность — **раскрыть свой талант*** [Председатель Правительства России]; *Поэтому я действительно постарался в беседах со своими коллегами здесь в Москве и с губернатором оперативно отреагировать на эти проблемы и попытаться помочь региональным органам власти **сдвинуть** эти проблемы с **мертвой точки*** (о реформе образования) [Там же]; *Это полемический вопрос. Хочу сказать, что далеко не все москвичи „**как сыр в масле катаются**“* [Там же]; *Наверное, не является совершенной и система распределения этих льготных лекарств **по сей день***. И согласен с Вами в том, что Министерство здравоохранения — совместно с регионами, конечно, — должны смотреть то, что происходит на практике, в жизни. **Не на бумаге, а в жизни** [Путин на линии].

В приведенных высказываниях фразеологические единицы актуализируют семы

«достаток», «реализация личности», «способы решения (насуточных социальных) проблем». Символическое и образное мышление россиян, связанное с внутренними бедами России, исторически отягощено несбыточными коннотациями сытой и свободной жизни. Употребление в речи политического лидера фразеологизмов данной семантики направлено на манипулирование общественным сознанием русофилов, которые в действительности с трудом поддаются подобному манипулированию.

4. Позиции Российской Федерации в формате международных отношений. Данный тематический блок примеров политического дискурса с фразеологизмами отражает роль России на международной политической арене и ее взаимодействие с другими странами: *Знаете, у нас в народе есть одно такое не совсем литературное слово — мы „**враскорячку**“ не умеем стоять, мы **твердо стоим на ногах** и всегда смотрим в будущее. Это особенность России* [Председатель Правительства России]; *Повторяю: в рамках контрактов все это предусмотрено. „Газпром“ пошел на это, повторяю, „с **открытым забралом**“* [Там же]; *Договорились открыть еще два „**зеленых коридора**“ — один морской и еще один для автомобильного транспорта — и расширить список турецких товаров, которые поступают по этому „**зеленому коридору**“* [Там же].

Как видим, данные высказывания отражают стремление России закрепиться в группе ускоренно развивающихся стран. Эти амбиции манифестируются в таких семах фразеологизмов, как «сильное государство», «честное и равноправное сотрудничество». Катализатором коннотативного фона выступает постимперская риторика и диктуемые ею формы власти и подчинения.

В следующих высказываниях В. В. Путин косвенным образом высказывает недовольство поведением некоторых стран по отношению к России: *А мы не можем позволить, чтобы кто-то **нос совал** в наши внутренние дела, не можем позволить, чтобы кто-то здесь командовал, кроме нас самих в нашей собственной стране* [Там же]; *Повторяю: нам бы очень хотелось, чтобы **правда** была всеобъемлющей, а не **однобокой*** [Там же]; *Некоторые компании, **не будем показывать пальцем**, размещают заказы на танкеры ледового класса, скажем, в Южной Корее, при более низкой стоимости аналогичных судов российского производства* [Там же]; *Но если США не хотят поставлять оружие в другие страны, в частности в Венесуэлу, то для*

нас это хорошо. Пускай и дальше не поставляют. „Свято место пусто не бывает“, — так говорят в России [Там же]; Очень бы хотелось, чтобы и в сфере телекоммуникаций наши партнеры так же договаривались об эффективной, совместной работе на рынках третьих стран, а не **вставляли бы палки в колеса** друг другу [Там же]; Не знаю, в некоторых европейских странах — мне просто неудобно сейчас называть, не хочется туда „**камни бросать**“, но это, собственно, даже не камни, но, тем не менее, — по несколько раз, не один раз в этом году, не просто заморозили, а снизили заработные платы, пенсии и все социальные пособия [Там же].

Семантика фразеологизмов концентрируется вокруг сем «противодействие», «независимость», «обвинение». Коннотативная составляющая связана с позицией страны на международной арене: Россия — одна из богатейших стран планеты, которая не реализует в полной мере свои возможности оказывать влияние на мир.

В следующих высказываниях с помощью фразеологических единиц отражена тематика конструктивного взаимодействия с партнерами на международном рынке: *И мы очень рассчитываем на то, что наши европейские партнеры, в том числе и в Брюсселе, с пониманием к этому отнесутся, и мы найдем развязки. Развязки всегда могут быть найдены при доброй воле. Я вижу, что такая добрая воля у многих наших европейских партнеров, и прежде всего у немецких партнеров, есть [Там же]; Мировое сообщество сейчас выбирает коллективные правила игры, нарабатывает новые правила, чтобы в будущем предотвратить появление новых дисбалансов и пузырей [Там же]; Мы должны стремиться к тому, чтобы такие долгосрочные контракты **играли ведущую роль** на рынке [Там же]; Часть оборудования, в котором компания „Сименс“ является абсолютным мировым лидером, мы с легким сердцем отдаем нашим немецким партнерам [Там же]; И я нисколько не сомневаюсь, что и эта поездка пойдет на пользу двусторонним отношениям, **вдохнет новую жизнь** в эти отношения, наметит новые перспективы [Там же]; Поэтому мы **пошли навстречу** нашим давним партнерам: заморозили еще на один год решение — а, скорее всего, оно будет принято и на 2011 год — о введении повышенных пошлин на вывоз необработанной древесины [Там же].*

Приведенные фразеологические единицы находятся в семантическом поле «пози-

тивность». Катализаторами коннотативного фона выступают фраземы «добрая воля», «правила игры», «идти навстречу». Налицо манифестация идеи «быть принятыми системой в качестве ее полноправных членов, поскольку мы мотивируемы теми же желаниями» [Позитивная коннотация], которую сейчас берут на вооружение многие тренинговые компании.

5. НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ РОССИИ, ПАТРИОТИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ, НЕПРИЕМЛЕМОСТЬ ПРОЯВЛЕНИЙ ТЕРРОРИЗМА И ЭКСТРЕМИЗМА. В. В. Путин, будучи председателем правительства, как одно из первых лиц государства, по своему положению обязан был отстаивать национальные интересы, пропагандировать патриотические традиции. Идея единства связывает большинство из выступлений В. В. Путина, ее подчеркивает даже его партийная принадлежность, поскольку в самом названии партии «Единая Россия» воплощены упомянутые тенденции. В своих выступлениях российский премьер часто обращался к истокам национальной истории и культуры, нередко выражал надежды, связанные со светлым образом будущего, основанные на незыблемом потенциале прошлого. Речь В. В. Путина изобилует оборотами, отражающими гордость за свою страну и свой народ. Эксплицируется основная оппозиция политического дискурса «свои — чужие», где «свои» удостоены положительной оценки, выступают как созидательное начало: *Я хочу вас поблагодарить за эту работу и выразить надежду, что, если мы будем, **не дай Бог, сталкиваться с проблемами** подобного рода, я сейчас не даю общую оценку того, как власть реагировала (здесь много проблем), но как рядовые сотрудники МЧС работали, как офицеры работали, конечно, просто нужно **снимать шляпу** и сказать „спасибо“ <...> Это же офицеры, понимаете, офицеры. Человек предал своих друзей, товарищей по оружию — это люди, которые **положили всю свою жизнь на алтарь Отечества** [Председатель Правительства России]; *И у нас всегда воспринимали поляков как **братьев по оружию** в этой общей борьбе <...> Сегодня мы будем **отдавать дань** уважения погибшим, вспоминать о них, будем говорить слова благодарности ветеранам <...> Они действительно **не щадя живота своего**, как у нас в России говорят, защищали наше общее будущее [Там же].**

В отношении «чужих» нередко проявляется агрессивная коннотация: *Человек всю свою жизнь отдал служению Родине, и нашлась какая-то скотина, которая таких людей предает. Как он будет жить с этим*

всю свою жизнь?! Как он будет **смотреть в глаза** своим детям, свинья?! Что бы там ни было и какие бы 30 серебряников эти люди не получали, они **колом встанут** в их горле... [Там же]; **Вы подняли одну из самых кровоточащих**, в прямом смысле этого слова, **проблему**. И, как Вы знаете, с этим сталкивается не только Россия, но и очень многие другие страны (о терактах) [Президент России: архив]; **Но даже такие позитивные сигналы и шаги не остановили грузинское руководство от преступления, которое было совершено год назад. Но правду, как шила в мешке, не утаишь. Поэтому она будет пробивать себе дорогу** [Председатель Правительства России]; **Совершаются преступления — да, совершаются террористические акты — да. Всё это делается из-за спины**, и, повторяю, я уже об этом говорил, **крупномасштабных боевых действий там не ведется** [Putin2004].

Как видим, семантический компонент «патриотизм» репрезентируется фразеологическими номинациями всех приведенных высказываний. Коннотационный фон формируется вокруг образа-идеи «свои — чужие». В основе создания образа лежат различные коннотации, базирующиеся на фразеологии активного действия: *положить жизнь, кровоточащая проблема, не щадить живота своего*. Нельзя не согласиться с мыслью С. Г. Тер-Минасовой о том, что «Россия с ее бескрайними землями всегда представляла собой соблазн для завоевателей со всех сторон света, кроме разве что севера, где просто никого нет, кроме белых медведей. Неудивительно поэтому, что словосочетания *защита родины, защита отечества; защищать родину/отечество; родина/отечество/отчизна в опасности* устойчивы и регулярно воспроизводимы» [Тер-Минасова 2007: 176].

6. ОЦЕНКА ВНЕШНЕЙ СИТУАЦИИ В МИРЕ: *И, если сегодня новый министр обороны Соединенных Штатов здесь нам объявит, что Соединенные Штаты не будут прятать эти лишние заряды ни на складах, ни „под подушкой“, ни „под одеялом“, я предлагаю всем встать и стоя это поприветствовать* [Путин. 2007. 11.02]; *Он порядочный человек, я знаю, что на него там всех собак сегодня могут повесить в Соединенных Штатах за все, что делается и на международной арене, и внутри* [Там же]; *Всё-таки Россия в рамках Советского Союза, как известно, будучи за железным занавесом, развивалась и варилась в своем собственном котле* [Председатель Правительства России]; *Вышли, не*

имея права, — получите по башке дубиной.... Критиковать власть. Вот в Лондоне определили место. Где нельзя, бьют дубиной по башке [Владимир Путин: даю вам честное партийное слово]; *Я во вступительном слове уже сказал, что Таможенный союз действует с 1 января. А если мы говорим о втором этапе, то в принципе это то же самое, только, как в некоторых областях у нас говорят, это „ширше и глубже“, интеграция будет происходить по большому количеству позиций* [Председатель Правительства России].

Как видим, семантика приведенных высказываний и фразеологизмов группируется вокруг сем «дискредитация» и «агрессия». Эксплицитно выраженные основания для семантики агрессии создают фраземы, обозначающие конкретные для каждого предмета или идеи признаки (действия): *бить по башке дубиной, вариться в собственном котле, всех собак повесить на кого-либо* и др.

Коннотативный фон формируется на основе субъективных представлений индивида о реалиях современной международной политики, к которым можно отнести экспансию США, Олимпийские игры в Сочи, европейскую денежную политику, Таможенный союз. Все эти реалии имеют не совпадающие у политиков-профессионалов и обывателей семантические параметры. Для политиков это неизбежность, с которой надо считаться, для простого человека — новые проблемы, которые только портят жизнь. Именно поэтому В. В. Путин использует «сочный» фразеологический фонд русского языка, дабы привлечь внимание обывателя к вышеозначенным реалиям.

7. СПОРТ, КУЛЬТУРА, ОХРАНА ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ: *Когда смотришь, как они выступают, паралимпийцы, то просто дара речи иногда лишаешься* [Председатель Правительства России]; *Футбол вдохнул искру жизни в молодых и старых. <...> Мы хотим сделать всё лучшим образом, с тем чтобы обеспечить и удобство, и безопасность для наших гостей (от выражения **надлежащим образом**)* [Там же]; *Нам осталось присовокупить к этому еще несколько стадионов — и будет полная, полноценная, нужная нам для проведения первенства мира картина* [Там же]; *Мы не будем замыкаться в скорлупе и что-то там про себя кумекать, будем в тесном контакте со всем футбольным миром — и напрямую, и через ФИФА* [Там же]; *Думаю, что мы сделаем там „конфетку“, мне бы очень хотелось* [Там же]; *Здесь много проблем, и в проблемах Байкала — сейчас уместным будет употребить то, что я скажу, — как в капле*

воды отражаются все проблемы экологический безопасности и сохранения природы и в нашей стране, и за рубежом [Статс-секретарь].

Спорт и экология относятся к наиболее актуальным темам современного мира, наряду со злободневной для России тематикой Олимпийских игр 2014 г. Как видим, семантика фразеологических единиц приведенных высказываний организуется вокруг центральной семы «здоровый образ жизни». Активное функционирование фразеологизмов данной тематики связано с тем, что фразеологические наименования создают широкое поле для формирования образных конструкций, позитивно и эмоционально отражающих соответствующую тематику при помощи единиц разных стилистических регистров: *лишаться дара речи, вдохнуть искру жизни, кумекать про себя что-либо, сделать конфетку, отражаться как в капле воды*. Разностилевые языковые единицы являются катализаторами коннотативных смыслов, связанных с тематическими комплексами национально-культурных реалий России.

В политическом дискурсе Ангелы Меркель также можно выделить основные тематические блоки. В рамках статусно ориентированного поведения речевые возможности также направлены на определенную цель и тематически организованы. Перечислим основные темы политического дискурса А. Меркель:

- 1) проблемы, связанные с интеграцией переселенцев;
- 2) энергетическая политика Германии;
- 3) единство страны;
- 4) ФРГ в формате международного сотрудничества;
- 5) социальная система;
- 6) внутренняя экономика Германии;
- 7) спорт, культура, традиции.

Рассмотрим каждый тематический блок с целью выявления фразеологических корреляций с языковой личностью канцлера.

1. ИНТЕГРАЦИЯ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН:
Wir haben uns über viele Jahre darüber Illusionen gemacht / Мы на протяжении многих лет строили иллюзии на эту тему; Wir müssen ausländischen Eltern klar machen, dass nur Bildung verhindern kann, dass ihre Kinder in einer Sackgasse landen / Мы должны объяснить родителям-иностранцам, что только образование может избавить от того, чтобы их дети не оказались в тупике; Dabei sage ich ganz deutlich: Wir verstehen darunter keine erzwungene Assimilation oder das Leugnen der eigenen Wurzeln / При этом я скажу вполне ясно: мы понима-

ем под этим не вынужденную ассимиляцию, или отрицание собственных корней; Dort haben auch sie Fuß gefasst, auch sie hatten den Willen zum Wiederaufbau, aber sie konnten über ihr Schicksal noch viel weniger sprechen und ihre Gedanken in der Öffentlichkeit nicht ausdrücken / Они тоже там утвердились, у них было желание к восстановлению, но они в еще меньшей мере могли говорить о своей судьбе и не могли выражать свои мысли перед общественностью; Aber ich warne davor, Gewalt mit einer bestimmten Religion zu verbinden. Das führt in die Irre / Но я предостерегаю от того, чтобы насилие связывали с определенной религией. Это вводит в заблуждение; Der Mann hat völlig recht, und wir sollten die guten Beispiele von Migranten im Ehrenamt viel bekannter machen, damit sie Schule machen / Мужчина полностью прав, и нам следовало шире распространять положительные примеры мигрантов в общественной работе, чтобы многие следовали им; Ich denke, mit unserer Integrationspolitik sind wir da auf einem guten Weg / Я думаю, что с нашей интеграционной политикой мы находимся на пути к успешному разрешению.

Вышеприведенный текст содержит ряд устойчивых словосочетаний: *Illusionen machen* (предаваться иллюзиям), *in eine Sackgasse geraten* (зайти в тупик), *das Leugnen der eigenen Wurzeln* (отрицание собственных корней), *(festen) Fuß fassen* (утвердиться, обосноваться), *j-n in die Irre führen* (сбивать с пути; вводить кого-л. в заблуждение; держать кого-л. в заблуждении), *Schule machen* (следовать кому-л./чему-л., находить подражателей), *auf gutem Wege sein* (быть на пути (к успешному разрешению)). Данные фразеологические единицы в контексте высказываний реализуют общую сему «избавление от иллюзий». Избавление от иллюзий — одна из центральных задач Ангелы Меркель, которая не раз заявляла о том, что *интеграция живущих в стране переселенцев является задачей коренного населения <...> с мигрантами, которые не проявляют готовности интегрироваться, будут обходиться „со всей строгостью“* [Демидова 2010]. Коннотационный фон высказываний формирует понятийное поле «решительные действия», которые должны быть предприняты не столько с целью интеграции иммигрантов (хотя это эксплицитно декларируется), сколько с целью упрочения уверенности немцев в завтрашнем дне.

2. ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ГЕРМАНИИ.

Как известно, «Восточная и Западная Германия имели автономные энергетические системы, не связанные друг с другом, а За-

падный Берлин вырабатывал электроэнергию самостоятельно. Построенные в ГДР две атомные электростанции были остановлены сразу после объединения Германии в целях переоборудования реакторов по западногерманским образцам. <...> Особенностью немецких городов является преобладание в них централизованного теплоснабжения, нередко использующего и тепло, отработанное промышленными предприятиями, за счет чего удается экономить импортные энергоносители и уменьшить загрязнение окружающей среды. Недавно правительство Германии объявило о решении прекратить эксплуатацию всех АЭС страны к 2022 году. Германия планирует расширить использование альтернативных источников энергии» [Германия].

Энергетическая проблематика остается одной из ключевых тем политической жизни страны. Рассмотрим блок соответствующих высказываний А. Меркель: *Ein weiterer Bereich, in dem wir ein in sich geschlossenes Konzept auf den Tisch legen werden, was auch in vielen Diskussionen seine Schatten vorauswirft, ist ein Energiekonzept / Следующая сфера, в которой мы выложим на стол автономную программу, о чем заранее станет известно из многочисленных дискуссий, это энергетическая программа; Ich habe mein ganzes Leben lang noch nie einen Hehl daraus gemacht, dass ich für eine längere Laufzeit von Kernkraftwerken bin / Я никогда за всю свою жизнь не делала тайны из того, что выступала за более длительный срок эксплуатации атомных электростанций; Unser heutiger Verbrauch an fossilen Brennstoffen, die immer knapper und damit teurer werden, ist nicht dauerhaft tragbar. Wir müssen neue Wege einschlagen — je früher, umso besser / Наше сегодняшнее потребление ископаемых горючих материалов, которые становятся все более ограниченными и поэтому дорожают, долго не продержится. Мы должны осваивать новые направления — чем раньше, тем лучше; Aber wir haben dennoch allen Grund, zu fragen, ob sich auch bei uns unglückliche Umstände zu etwas Katastrophalem zusammenballen könnten: zivilisatorische Risiken, aber auch naturbedingte Ereignisse, verbunden etwa mit einem Stromausfall über längere Zeit, eine Verkettung also von Umständen, die nach menschlichem Ermessen und allen Wahrscheinlichkeitsberechnungen bis jetzt nach bestem Wissen und Gewissen ausgeschlossen wurde / Но у нас есть все основания спросить, могли ли и у нас злополучные обстоятельства вылиться во что-то катастрофическое: риски цивилизации,*

а также события, обусловленные природой, в сочетании, например, с отключением энергопитания на длительный период, — стечение обстоятельств, которое по человеческим меркам и всем теориям вероятностей, насколько нам известно, исключалось до сегодняшнего дня; Nach einem Ereignis der Größenordnung von Fukushima sehe ich mich außerstande, diese bei uns zuvor nur theoretisch ins Auge gefassten Verkettungen von Risiken einfach zu verdrängen und zu sagen, um die kümmere ich mich nicht / После событий масштаба Фукусимы я не вижу возможности просто вытеснить эти до недавнего времени лишь теоретически учитываемые обстоятельства рисков и сказать, что об этом я не забочусь; Es geht darum, unseren Anspruch als Industrieland in Einklang zu bringen mit unserem Ehrgeiz, eines Tages ganz auf die erneuerbaren Energien zu setzen / Речь идет о том, чтобы привести в соответствие наши претензии как индустриальной державы с нашим честолюбием, чтобы однажды полностью перейти на возобновляемые источники энергии; Nein, das im Herbst formulierte Ziel, im Jahr 2050 80 Prozent unseres Stroms aus Erneuerbaren zu beziehen, ist schon sehr ambitioniert, man darf sich da keinen Illusionen hingeben / Нет, сформулированная осенью цель обеспечить к 2050 г. 80 % электроэнергии из возобновляемых источников уж очень честолюбива, не нужно предаваться иллюзиям; Dieser ganze Prozess führt nun vielleicht dazu, dass die Gesellschaft den Ausstieg als gemeinsame Anstrengung annimmt und auch Nachteile — siehe Netzausbau, siehe Speicherwerke, siehe Windmühlen im Landschaftsbild — in Kauf nimmt, weil wir uns alle gemeinsam auf einen ehrlichen Weg machen müssen / Весь этот процесс приведет, может быть, к тому, что общество примет отказ как общее усилие, а также смирится с недостатками — расширением сетей, ГЭС с водохранилищами, ветряными мельницами на фоне ландшафтов, — так как мы все сообще, честно должны отважиться на этот путь; Wir haben schließlich ein Interesse an erfolgreichen großen heimischen Energieerzeugern; die Stadtwerke alleine werden es nicht schaffen / Мы наконец-то заинтересованы в успешных крупных отечественных энергопроизводителях; городские электростанции сами с этим не справятся; Die Endlagerfrage kommt auf den Tisch, wir werden über sie sprechen, wenn das neue Energiekonzept steht / На повестке дня — вопрос о могильниках радиоактивных отходов; мы будем его обсуждать, если существует новая энергетическая программа;

Deutschland hat immer einen Energiemix gehabt. Bei uns macht die Kernenergie ein Fünftel aus. Wenn man die Diskussion verfolgt, denkt man manchmal, wir bezögen 80 Prozent aus Kernenergie. Das ist ja gar nicht der Fall / В Германии всегда были разные энергоносители. Атомная энергия занимает 1/5 часть общего объема энергоносителей. Если верить дискуссиям, иногда можно подумать, что мы берем 80 % из атомной энергетики. Это, конечно же, не так; Auch für den Ausbau der erneuerbaren Energien und den Netzausbau wollen wir die notwendigen gesetzlichen Weichen stellen / И для расширения возобновляемых источников энергии и электросетей мы хотим определить необходимые законодательные пути развития; Alle Entscheidungen werden wir Anfang Juni treffen. Am 6. Juni wird das neue Atomgesetz vom Bundeskabinett auf den Weg gebracht / Все решения мы примем в начале июня. 6-го июня вступит в силу новый закон об атомной энергии, предложенный правительством.

Семантическая прагматика данного корпуса примеров строится на использовании следующих фразеологических единиц: *einen Schatten auf j-n werfen* 'бросать тень на кого-л.'; *(k)einen Hehl aus etw. machen* '(не) делать из чего-л. тайну'; *einen Weg einschlagen* 'выбрать дорогу, взять направление'; *nach bestem Wissen und Gewissen* 'честно, по совести'; *j-n (etw.) ins Auge fassen* 'а) (пристально) взглянуть на кого-л., что-л.; б) иметь в виду, учесть, предвидеть что-л.'; *etw. in Einklang bringen* (или *setzen*) 'а) привести что-л. в соответствие с чем-л.; б) примирить что-л. с чем-л.'; *etw. (mit) in (den) Kauf nehmen* '(а) взять в придачу; б) перен. покорно мириться с чем-л.; скрепя сердце пойти на что-л.'; *sich (keinen) Illusionen hingeben* '(не) предаваться иллюзиям' (здесь: *не предаваться иллюзиям*); *ein Interesse haben* 'быть заинтересованным в чем-л.'; *auf den Tisch kommen* '(о вопросе) вставать на повестке (дня)'; *die Weichen stellen* 'разг. наметить пути (развития), определить направление'; *etw. auf den Weg bringen* (или *einleiten*) 'организовать, устроить, наладить какое-л. дело'.

Семантика устойчивых словесных комплексов, включенных в дискурсное пространство приведенных высказываний, актуализирует интегральную сему «организация структуры энергетики» в рамках понятийного поля «энергетическая безопасность страны». Коннотационный макрокомпонент актуализируется в контексте апелляций к вопросу обеспечения автономности энергетики Германии и базируется на общенациональных представлениях немцев о насущности решения энергетических проблем, поис-

ке альтернативных источников энергии, неизбежном союзе с крупными энергетическими державами.

3. ЕДИНСТВО ГЕРМАНИИ. Прокомментируем ряд примеров, касающихся животрепещущей для Германии тематики — единения страны, формально произошедшего, но психологически еще далекого от завершения: *Es darf nicht gelingen, dass die Methode „teile und herrsche“ als eine Möglichkeit genutzt wird, die EU auseinander zu bringen / Не должно быть так, чтобы метод „разделяй и властвуй“ использовался в качестве возможности для развала Европейского союза; Wir müssen vielmehr mit einer Stimme sprechen und einheitlich auftreten / Напротив, мы должны говорить в унисон и выступать единым фронтом; Und das zu gestalten und die Deutsche Einheit zu vollenden und den Wohlstand für zukünftige Generationen zu sichern, dafür arbeiten wir heute gemeinsam in Ost und West, in Nord und Süd / А чтобы оформить это и завершить объединение Германии, а также обеспечить благосостояние будущим поколениям, для этого мы сегодня работаем сообща, на востоке и на западе, на севере и на юге.*

В вышеприведенных высказываниях канцлера с помощью фразеологизмов *teile und herrsche* ('разделяй и властвуй' — здесь в контексте отрицания этого принципа), *mit einer Stimme sprechen* (говорить в унисон), *in Ost und West, in Nord und Süd* (букв. 'на востоке и западе, на севере и юге') актуализируется интегральная сема «единение». Коннотативные макрокомпоненты приведенных фразеологических словосочетаний базируются на прагматике ответственности немцев за сохранение единства немецкого национального пространства. В Германии всем с детства внушают идею о единстве германской нации. Эта тематика всегда присутствует в речах Ангелы Меркель.

4. ФРГ НА МЕЖДУНАРОДНОЙ АРЕНЕ. Внешнеполитические позиции Ангелы Меркель отражены в следующем корпусе примеров, включающих в свой состав фразеологические единицы: *Deshalb sollten wir in der Zukunft gemeinsam darüber nachdenken, wie wir, Medien und Politik, am Puls der Zeit bleiben, wie wir über den Tag hinaus denken, über den Tellerrand hinausschauen / Поэтому в будущем мы должны подумать вместе о том, как мы, СМИ и политика, будем идти в ногу со временем, как мы будем спустя время думать, заглядывая вперед; Verlässliche und aufwachsende Forschungsausgaben sind die Voraussetzung dafür, dass Deutschland seinen Platz in der Welt als Exportnation halten kann und dass die Menschen weiterhin bei uns in*

*Wohlstand leben können / Надежные и растущие затраты на исследования являются предпосылкой того, что Германия сможет удержать свои позиции в мире как экспортирующая нация и что люди у нас в дальнейшем смогут жить в достатке; Wenn wir zum Beispiel in unserem Energiekonzept **das Tor zur Welt** der erneuerbaren Energien aufstoßen wollen, dann müssen wir genau in diesem Bereich auch zukunftsfähig investieren / Если мы, например, в нашей энергетической программе хотим раскрыть врата в мир для возобновляемых источников энергии, тогда мы должны и в перспективе инвестировать как раз в эту область; Jeder weiß: Heute kann kein Land alleine mehr die internationalen und globalen Probleme lösen. Wir sind aufeinander angewiesen, wir müssen kooperieren. Und auch in diesem Herbst gibt es eine Vielzahl von internationalen Treffen, auf denen **die Weichen** für eine Welt von Morgen weiter **gestellt** werden / Каждый знает: Сегодня ни одна страна в одиночку больше не в состоянии решать интернациональные и глобальные проблемы. Мы зависим друг от друга, нам нужно сотрудничать. И этой осенью состоится много встреч на международном уровне, на которых будут намечены далее пути мирового развития в ближайшем будущем; Solche **Treffen im kleinen Kreise** sind wichtig, weil man hier sehr offen und umfangreich miteinander bereden kann, wie wir international kooperieren / Подобные встречи в узком кругу важны, так как здесь можно открыто и всеобъемлюще обсудить друг с другом то, как мы будем сотрудничать на международном уровне.*

Приведенные высказывания содержат следующие фразеологические единицы: *am Puls der Zeit bleiben* (букв. 'оставаться на пульсе времени' — идти в ногу со временем), *seinen Platz in der Welt halten* (удерживать свои позиции), *das Tor zur Welt* (ворота в мир), *die Weichen stellen* (намечать пути развития), *Treffen im kleinen Kreise* (встреча в тесном/узком кругу), которые актуализируют ряд ядерных сем — «адекватность», «стабильность», «открытость», «перспектива». Коннотативный фон высказываний генерируется внешнеполитическими амбициями руководства Германии и общенемецкими представлениями ее граждан о возрастающей роли страны на международной арене. Нельзя не согласиться с мнением о том, что «...на формирование нового внешнеполитического курса ФРГ оказали влияние и соображения внутривнутриполитического характера. Увеличение числа федеральных земель благодаря объединению Германии, а также их возросшая политическая, социально-эко-

номическая и культурная неоднородность имели своим следствием усложнение принятия решений в области внешней политики, которое в настоящее время требует учета большего числа групп внутривнутригерманских интересов по сравнению с 1960—1980-ми гг.» [Дмитриев 2004].

5. СОЦИАЛЬНЫЕ ЗАДАЧИ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

Социальная политика для Ангелы Меркель представляет собой одну из ключевых проблем, состояние и пути решения которой отражаются во фразеологии канцлера, например в приведенных ниже высказываниях: *Wir **haben** in der Bildungs- und Sozialpolitik noch **einen langen Weg** vor uns / В образовательной и социальной политике у нас впереди еще долгий путь; Wir werden, unbeschadet aller noch in dieser Legislaturperiode notwendigen Strukturreformen im System in den Bereichen Krankenhäuser, Arzneimittel und Honorarordnung der Ärzte, **Jahr für Jahr** steigende Gesundheitskosten haben, wenn wir eine umfassende, solidarische Gesundheitsversorgung aller Bürgerinnen und Bürger sicherstellen wollen / Мы, без ущерба для всех необходимых еще в этом сроке законодательной власти структурных реформ в системе, касающихся больниц, лекарственных средств и гонораров врачей, будем иметь повышающиеся из года в год расходы на здравоохранение, если мы хотим обеспечить всеобъемлющее общее здоровьесбережение всех граждан.*

У социальной тематики выделяются следующие подтемы:

а) образование: *Gewalt bei jungen Menschen ist oft ein Zeichen dafür, dass sie keine Perspektive für sich sehen. Und da hilft nur **Bildung, Bildung, Bildung** / Насилие у молодых людей часто признак того, что они не видят перспективы для себя. Здесь поможет только образование, образование, образование; Drei Personen — eine Grundschullehrerin, eine Erzieherin und eine Mutter — haben einen Prozess **in Gang gesetzt**, von dem auch in Zukunft, wie ich mir gut vorstellen kann, noch viele Familien profitieren werden / Три человека — учительница младших классов, воспитательница и мама — начали процесс, из которого и в будущем, насколько я могу себе представить, извлекут пользу многие семьи;*

б) безработица: *Das **kommt** auch dem Arbeitsmarkt **zugute** / Это идет на пользу рынку труда; **Freiwillige mit Herz und Verstand** werden an vielen Stellen gebraucht / Добровольцы с сердцем и разумом требуются везде;*

в) свобода: *„**Das Geheimnis der Freiheit ist der Mut.**“ Dieser Satz von Perikles ist heute noch genauso aktuell wie im 5. Jahrhundert vor*

Christus / „Тайна свободы в смелости“. Это высказывание Перикла сегодня так же актуально, как и в 5 в. до н. э.; «*Europa ist ein Ort, in dem ein Zeichner so etwas zeichnen darf. Das ist im Übrigen kein Widerspruch dazu, dass Europa auch ein Ort ist, in dem die Freiheit des Glaubens und der Religion sowie der Respekt vor Glaube und Religion ein hohes Gut sind / Европа — это такое место, где карикатурист может рисовать подобное. Впрочем, это не противоречит тому, что Европа — это и то место, где свобода вероисповедания и религии, как и уважение к вере и религии, представляют собой высшее благо;*

г) Германия — стареющая нация: *Wer heute über 50 ist, zählt noch nicht zum alten Eisen / Кому сегодня за пятьдесят, тот еще не отжил свой век.*

В приведенных высказываниях используются следующие фразеологизмы: *einen langen Weg haben* (кому-л. предстоит долгий путь), *Jahr für Jahr* (год за годом, из года в год), *Bildung, Bildung, Bildung* (букв. 'образование, образование, образование' — учиться, учиться и учиться; скорее всего, аллюзия на высказывание В. И. Ленина), *in Gang setzen* (включить, привести в движение, пустить в ход; перен. тж. наладить, завести, запустить, начать), *j-m zugute kommen* (быть полезным, идти на пользу кому-л.; достаться в пользу кого-л.), *mit Herz und Verstand* (букв. 'с сердцем и умом'), *ein hohes Gut* (высшее благо), *zum alten Eisen zählen* (или *gehören*) (букв. 'считаться старым железом' — отжить свой век).

Данный корпус фразеологических единиц актуализирует ряд сем: «трудности», «обучение», «искренность», «старость», — что подчеркивает важность интегрального смысла «социальность» в высказываниях Ангелы Меркель. Коннотационная составляющая приведенных речений обогащается благодаря контексту и понятийному полю, связанному с интегративной идеей «социальное единство». Достижение социального единства и социальная защищенность Германии остаются центральными политическими задачами канцлера.

6. ВНУТРЕННЯЯ ЭКОНОМИКА ГЕРМАНИИ. Рассмотрим ряд высказываний А. Меркель, касающихся внутриэкономических проблем страны: *Die in die Wege geleiteten Finanzmarktreformen schaffen einen stabileren Ordnungsrahmen für die Finanzmärkte / Подготовленные реформы финансовых рынков создают более стабильную нормативно-правовую базу для финансовых рынков; Der dazu in Zukunft notwendige Sozialausgleich wird aus dem Steueraufkommen geleistet, das*

heißt auf die breiten Schultern aller Steuerzahler gelegt / Необходимое для этого в будущем социальное выравнивание обеспечивается из налоговых поступлений, это значит, возложено на широкие плечи всех налогоплательщиков; Steuersenkungen, dafür sehe ich im Augenblick keinen Raum / Что до снижения налогов, для этого в настоящий момент я не вижу никакой возможности; Meine Damen und Herren, die wenigen Beispiele, die ich aus den Bereichen der Finanzkrise, der Klima- und Energiepolitik, der Sicherheitspolitik aufgezeigt habe, machen deutlich: Es steht viel auf dem Spiel, weil uns all diese Herausforderungen gleichermaßen betreffen / Дамы и господа, те немногие примеры, которые я привела из области финансового кризиса, сферы климата и энергетической политики, политики безопасности, прояснили: многое поставлено на карту, так как нас все эти проблемы касаются в равной степени.

В вышеприведенных высказываниях используются фразеологизмы *etw. in die Wege leiten* 'подготавливать, (налаживать, устраивать) что-л.', *etw. auf die breiten Schultern (G) legen* 'возложить, взвалить на плечи кого-л. что-л.', *keinen Raum für etw. sehen* 'не видеть никакой возможности для чего-л.', *auf dem Spiel stehen* 'быть поставленным на карту'.

В семантической структуре фразеологических единиц есть общая сема «ответственность». Функционируя в высказываниях, они способствуют порождению новых смыслов, связанных с внутриэкономической тематикой: реформирование рынков, налогообложение, выход из кризиса. Коннотативный формат высказываний основан на представлениях граждан Германии о путях решения внутриэкономических проблем. К последним можно отнести демографию (снижение рождаемости, увеличение средней продолжительности жизни), фактор занятости, финансовые проблемы (мировой кризис), производительность предприятий (увеличение производства товаров за счет роста экспорта, поиск новых рынков для сбыта традиционной немецкой продукции).

7. СПОРТ, КУЛЬТУРА, ТРАДИЦИИ. Занятия спортом и физическая подготовка имеют в Германии глубокие корни. Они были введены в школьную программу еще во время войны с Наполеоном, между 1797 и 1815 гг., когда физические упражнения предшествовали военной подготовке [Википедия]. Немцы любят и ценят свои традиции и обычаи и неукоснительно их соблюдают. Сами традиции представлены в большом количестве, причем большая их часть — местного происхождения.

Рассмотрим блок примеров, отражающих культурные традиции немцев: *Ich freue mich natürlich, dass Sie meiner Einladung gefolgt sind und dass Sie, da sich der Sommer endlich ankündigt, noch ein bisschen Glanz der Olympischen und Paralympischen Winterspiele in Vancouver und Whistler hier in das Bundeskanzleramt herein tragen* / Я рада, конечно, что Вы приняли мое приглашение и что Вы, поскольку лето наконец-то дает о себе знать, внесете немного блеска Олимпийских и Параолимпийских зимних игр в Ванкувере и Вистлере сюда, в резиденцию федерального канцлера — **ein bisschen Glanz hereintragen** 'привнести немного блеска, лоска'; *Ich weiß, dass der Erfolg nicht von ungefähr kommt, sondern viel Schweiß und Nerven gekostet hat* / Я знаю, что успех не приходит сам по себе, он стоил много пота и нервов — **Schweiß und Nerven** 'пота и нервов (крови)'; *Ich drücke allen deutschen Starterinnen und Startern fest die Daumen!* / Я желаю огромного успеха всем немецким стартерам — **j-m den Daumen** (тж. **den Daumen für j-n drücken** (или **halten**) (букв. 'зажать большой палец' — пожелать успеха, удачи, счастья кому-л.);

Barcelona und die Handy-Messe werfen immer wieder einmal ihre Schatten / Барселона и ярмарка сотовых телефонов вновь когда-то еще заявят о себе (дадут о себе знать)) — **einen Schatten auf j-n werfen** (букв. 'бросать тень на кого-л., что-л. '); *Wir können glücklicherweise sagen: Inzwischen haben wir längst ein neues Kapitel der Geschichte aufgeschlagen* / Мы можем, к счастью, сказать: тем временем мы уже открыли новую главу истории — **ein neues Kapitel der Geschichte aufschlagen** (букв. 'открыть новую главу истории'); *Konservativ heißt also nicht, dass alles so bleibt, wie es ist, sondern dass man mit Bedacht verändert. Das Konservative ist eine feste Wurzel der Christlich Demokratischen Union, neben der christlich-sozialen und der liberalen Wurzel* / Консервативный означает не то, что всё остается таким, как есть, а то, что всё меняется обдуманно. Консерватизм является прочной основой Христианско-демократического союза, наряду с платформами Христианско-социального Союза и Свободной либерально-демократической партии — **eine feste Wurzel sein** (быть основой, основанием).

Приведенные высказывания манифестируют социально-культурные основы национального континуума Германии. Интегративным элементом для высказываний выступает сема «традиционность». Коннотативный потенциал фразеологических единиц фор-

мируется вокруг концепта «устойчивость», за счет контекста и понятийного поля связанному с центральной идеей «упрочение традиций». Исторически сложилось, что немцы — народ-воитель. Трудно найти нацию, отличающуюся подобным нечеловеческим напряжением сил в войнах, способностью к всеобщей мобилизации населения, беззаветной самоотверженностью и непрекаемой преданностью национальной государственной идее. основополагающую роль в этом играют спорт, культура и традиции.

Таким образом, тематический потенциал фразеологических единиц языковой личности В. В. Путина отличается специфическими параметрами реализации в плане отражения языковых и лингвокультурных феноменов русскоязычной языковой общности. Тематические фразеологизмы выполняют одну из важных прагматических ролей в политическом дискурсе премьера — привлечение внимания к животрепещущим проблемам российской нации.

Рассмотренный тематический арсенал фразеологии Ангелы Меркель характеризуется манифестацией общенемецкой проблематики, касающейся как внутривнутриполитических, так и внешнеполитических аспектов. Фразеологические единицы выполняют роль интенсификатора общенациональных идей, выдвигаемых канцлером.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Википедия* : свободн. энцикл. URL: <http://www.ru.wikipedia.org>.
2. *Германия* // *Кругосвет* : онлайн-энцикл. URL: http://www.krugosvet.ru/enc/strany_mira/GERMANIYA.html?page=0,11.
3. *Дмитриев Т.* Объединенная Германия и новый мировой порядок // *Политиздат* : сайт. 2004. 13 июля. URL: <http://www.politizdat.ru/article/34/>.
4. *Позитивная коннотация* // Первая тренинговая компания : сайт. URL: <http://www.poligraf63.ru/articles/family/positive/>.
5. *Тер-Минасова С. Г.* Война и мир языков и культур: вопросы теории и практики : учеб. пособие. — М. : АСТ : Астрель : Хранитель, 2007.

ИСТОЧНИКИ

6. *Архив* газеты «Ведомости». URL: <http://www.vedomosti.ru/video/text.shtml?94/694>.
7. *Владимир Путин: даю вам честное партийное слово* // *Коммерсантъ* : сайт. 2010. 30 авг. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/1495411>.
8. *Демидова О.* Газета: Меркель призывает привыкнуть к мечетям в немецких городах // *Deutsche Welle* : сайт. 2010. 17 сент. URL: <http://www.dw.de/газета-меркель-призывает-привыкнуть-к-мечетям-в-немецких-городах/a-6016273-1>.
9. *Комсомольская правда* — Молдова : сайт. URL: <http://kp.md>.
10. *Наумов И.* Владимир Путин намерен вернуть инвесторов // *Независимая газета* : сайт. 2011.

28 марта. URL: http://www.ng.ru/economics/2011-03-28/1_invest.html.

11. *Ответы* В. В. Путина на вопросы участников форума // Интернет-портал Правительства России. 2010. 26 нояб. URL: <http://правительство.рф/special/docs/13118/>.

12. *Председатель* Правительства России : сайт. URL: <http://premier.gov.ru/>.

13. *Президент* России : архив сайта. URL: <http://archive.kremlin.ru/>.

14. *Прямая линия* с Президентом России [В. В. Путиным] // Президент России : офиц. сайт. 2003. 18 дек. URL: <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2003/12/57398.shtml>.

15. *Путин В. В.* «Мы не намерены отступить...» // Волга : газ. : сайт. 2011. 27 апр. URL: <http://volga37.ru/2011/04/>.

16. *Путин В. В.* Выступление президента РФ Владимира Путина на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности // Вести : сайт.

2007. 11 февр. URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=117125>.

17. *Путин В. В.* России нечего скрывать о преступлениях в Катюни // BBC : русская служба. 2010. 7 апр. URL: http://www.bbc.co.uk/russian/international/2010/04/100407_katyn_putin.shtml.

18. *Путин* на линии : стеногр. ответов през. России на вопросы граждан // Lenta.ru : сайт. 2005. 27 сент. URL: <http://lenta.ru/articles/2005/09/27/president/>.

19. *Путин* указал на необходимость развития речного флота // Новости.TRELI.ru : сайт. 2008. 16 июля. URL: <http://treli.ru/newstext.mhtml?Part=5&PubID=20851>.

20. *Речь* Путина на экономическом форуме в Берлине // Радио «Голос России» : сайт. 2010. 26 нояб. URL: <http://rus.ruvr.ru/2010/11/26/35707815.html>.

21. *Статс-секретарь* : информационно-деловой портал. URL: <http://stats-sekretar.ru/>.

22. *Putin 2004* : сайт. URL: <http://www.putin2004.ru/>.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов

Е. В. Шустрова E. V. Shustrova
Екатеринбург, Россия Ekaterinburg, Russia

**ЯЗЫКОВАЯ ИГРА В АМЕРИКАНСКОЙ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРИКАТУРЕ
НА БАРАКА ОБАМУ**

**FIGURATIVE LANGUAGE USE
IN BARACK OBAMA'S
AMERICAN POLITICAL CARTOON**

Аннотация. Описаны основные переносные значения, участвующие в создании карикатурных образов Б. Обамы. Приведены примеры игры слов и хиазма.

Abstract. The paper investigates basic transferred meanings that are used in American political cartoons' images of Barack Obama. We also give examples of pun, chiasmus, decomposition of set-expressions.

Ключевые слова: политическая карикатура; метафора; переносные значения; игра слов; афроамериканская диаспора; Барак Обама.

Key words: political cartoon; metaphor; transferred meaning; pun; African American Diaspora; Barack Obama.

Сведения об авторе: Шустрова Елизавета Владимировна, доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка.

About the author: Shustrova Elizaveta Vladimirovna, Doctor of Philology, Professor of the Chair of the English Language.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Place of employment: Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов 26, к. 459.
e-mail: shustovaev@mail.ru.

В рамках этого обзора мы рассмотрим основные способы проявления языковой игры на материале порядка 1000 карикатур на Барака Обаму, из которых было отобрано 200 наиболее удачных. Прежде чем перейти непосредственно к предмету нашего исследования, следует отметить, что в последнее время развитие технологий, изменение способа подачи информации способствуют развитию разных типов креолизованного текста. Параллельно этому изменяется и сам человек, воспринимающий информацию, читатель или слушатель. В последние годы психологи всё настойчивее говорят о появлении «экранного поколения», т. е. людей (особенно молодых), которые гораздо легче воспринимают информацию с экрана, чем в обычном печатном виде. А представление информации на экране обладает определенными характеристиками, одна из которых — значительный процент визуальной, графической информации по отношению к вербальной, текстовой. В соответствии с этим в исследования языка всё чаще включается графический компонент, во многом определяющий и языковое содержание сообщения. Например, в карикатуре часто дан только графический образ, построенный на основе хорошо знакомых переносных значений, устойчивых словосочетаний, фразеологизмов, прецедентных феноменов.

Попытаемся интерпретировать графическую составляющую карикатур, проанализировав языковой материал, который ложится

в основу графики. Не секрет, что в системе любого языка существует фонд устойчивых ассоциативных моделей, о которых свидетельствует в том числе набор устойчивых метафорических переносов. Эти переносы проявляются как на уровне отдельных лексем и их способности к семантической деривации, так и на уровне фразеологических единиц. Ассоциативные связи, обусловленные этническими особенностями лингвокультуры, формируют и визуальный уровень информации, что является введением еще одной точки зрения. По словам Я. Линцбах, «необходимость применения одновременно нескольких точек зрения чувствуется и в обыкновенном языке, ибо, желая сделать нашу мысль возможно более понятной, мы высказываем ее многократно, различными словами. Это повторение одной и той же мысли в различных выражениях составляет, как известно, необходимую принадлежность ораторского и писательского искусства. Говорить понятно и выразительно — значит говорить многократно, объясняя предмет с разных изолированных точек зрения, расположенных так, что совокупность возникающих отсюда образов возбуждает в уме слушателей или читателей представление, достаточно близко напоминающее действительность. ... Пользоваться не одной, а многими точками зрения нам приходится потому, что каждый внешний предмет имеет по крайней мере две стороны, которые нельзя обозреть из одной и той же точки зрения. Он

Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ (проект 6.2985.2011 — «Политическая метафорология»)

© Шустрова Е. В., 2012

имеет несколько проекций, которые неодинаково выразительны, неодинаково интересны для нас» [Линцбах 1916: 200—201].

Одно из принципиальных параметрических различий между вербальным и визуальным текстом и мышлением, сформулированных Я. Линцбахом, — отношение ко времени: «Принципиальное различие между словесным текстом и рисунком сводится к тому, что рисунок относится к одному моменту, а текст — ко многим моментам. Поэтому рисунок относится к тексту так, как некоторая единица относится к некоторому множеству» [Там же]. Эти отправные положения легко проиллюстрировать на примере карикатур. Так, в системе английского языка существуют такие устойчивые метафорические переносы, как *lame duck* — «хромая, подбитая утка», *dark horse* — «темная лошадка». Они формировались достаточно долгое время, основаны на определенном зооморфном образе и применимы к множеству ситуаций. В карикатуре этот образ соотносится только с определенным моментом и связывается с конкретным лицом или рядом лиц.

Основным проявлением языковой игры в карикатуре становится метафора разных типов. Если воспользоваться типологией М. В. Никитина [Никитин 1997], то на первый план по частотности в американской карикатуре выйдет **когнитивная онтологическая прямая метафора**. В основном используются значения, зафиксированные в словарях и хорошо известные в американском обществе. Что касается хромой (или подбитой) утки, то в современном английском у этого фразеологизма фиксируются следующие значения: 1) неудачник; «несчастненький», калека; 2) банкрот; разорившийся маклер; 3) непереизбранный член (конгресса, совета); государственный деятель или крупный чиновник, чье влияние сведено к нулю в связи с предстоящим уходом с занимаемого поста в результате поражения на выборах или отставки; 4) поврежденный самолет. Одна из первых политических карикатур с использованием образа хромой утки (см. рис. 1) была создана после выборов 1912 г., когда пост президента США занял кандидат от Демократической партии Томас Вудро Уилсон (в русской традиции принято написание «Вильсон»). На карикатуре изображены неудачники-демократы, которые после выборов 1912 г. вереницей потянулись в Белый дом в надежде получить пост благодаря поддержке президента.

На выражении *lame duck* основаны следующие устойчивые словосочетания: *lame duck president* — президент, заканчивающий

свое пребывание на посту; «*lame duck*» year — последний год чьего-л. президентства; *Lame Duck Amendment* — «поправка о подбитой утке», т. е. двадцатая поправка к Конституции США, ратифицированная в январе 1933 г. Относительно Б. Обамы интересно, что в качестве только что вылупившегося, нервно мечущегося утенка (рис. 2) либо в образе понурой утки (рис. 3) его начали изображать еще до избрания на пост. В таких карикатурах сливаются отсылки к двум фразеологическим единицам: *a lame duck*, о которой говорилось выше, и *an ugly duckling* — «гадкий утенок».

Рис. 1

Рис. 2

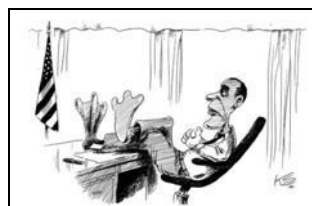

Рис. 3

Богаче история фразеологической единицы *a dark horse*. Изначально это был авторский фразеологизм. Самое раннее употребление этой единицы, как принято считать, произошло в романе Б. Дизраэли «The Young Duke», вышедшем в 1831 г. Речь в нем идет о скачках и их неожиданном исходе. Учитывая огромный политический вес автора этого романа и роль Б. Дизраэли в истории Великобритании, не приходится удивляться, что очень скоро данный фразеологизм стал неотъемлемой частью политического языка. В американской политике фразеологизм вошел в моду после выборов 1844 г., когда одиннадцатым президентом США неожиданно для всех стал кандидат от Демократической партии Джеймс Нокс Полк. Позднее эта метафора применялась по отношению к Франклину Пирсу, 14-му президенту США (1853—1857), Аврааму Линкольну, 16-му президенту США (1861—1865), Радерфорду Хейсу, 19-му президенту США (1877—1881), Джеймсу Гарфилду, 20-му президенту США (1881) и второму президенту в истории страны, погибшему от рук убийцы. Дж. Гарфилд, пробывший на этом посту четыре с небольшим месяца, даже за столь короткий период сумел улучшить отношения со странами Латинской Америки и начать активную борьбу с преступностью. Еще одна знаменитая «темная лошадка» — Уоррен Гардинг, 29-й президент США (1921—1923), противоречивая и скандально известная фигура американской политики.

Обратимся к карикатуре на 44-го президента США. Б. Обама изображен в виде дикого мустанга, легко берущего барьер (рис. 4). Здесь, безусловно, присутствуют положительные смыслы, связанные с целым рядом успешных американских политиков, которые изначально считались «темными лошадками», в особенности с А. Линкольном. Однако не следует забывать и о разгуле коррупции, политических и финансовых скандалах, сопровождавших президентство У. Гардинга. Второй вектор положительной семантики связан с концептуальной моделью «Политика — это спорт» (в данном случае «скачки»). Образ полного сил жеребца, легко берущего препятствие, конечно, должен указать на неоспоримое лидерство сенатора Обамы (карикатура относится к выборам 2008 г.). Однако прагматика была бы исключительно положительной, если бы Б. Обама не был афроамериканцем. Поэтому в данном случае одновременно с силой и лидерством подразумеваются негроидное (а значит, низкое социальное) происхождение, чуждость американскому обществу, дикость и необузданность, которые могут привести только к бедам.

Рис. 4

Рис. 5

На следующей карикатуре (рис. 5) Б. Обама достает из цилиндра с государственной символикой двух белых кроликов, с кличками Надежда и Изменения. Это два ключевых слова риторики Б. Обамы, вот только в контексте карикатуры им уготована совсем не та роль, что в президентском дискурсе. Призывы, будучи наложены на образ белого кролика, заставляют вспомнить по крайней мере о двух зооморфных персонажах англоязычной литературы, оставивших ощутимый след в виде переносных значений слова «кролик». Первого персонажа придумал Л. Кэрролл. Его знаменитый Белый Кролик стал олицетворением слабости, робости, суетливости [АВВУУ Lingvo] и принес с собой значение «паниковать, суесться без толку, вносить панику, сумятицу». Кроме того, существительное *a rabbit* имеет следующие метафорические значения: 1) трус; 2) слабый игрок; начинающий, новичок; 3) кандидат на выборный пост, возглавляющий предвыборный марафон, но сходящий с дистанции в последний момент для обеспечения победы более предпочтительного для руководства партии кандидата; 4) скребок (для чистки трубопровода). Второй кролик — это уже персонаж афроамериканского фольклора, хорошо известный по «Сказкам дядюшки Римуса». В сказках он исполняет роль трикстера, обманщика и нарушителя всех возможных запретов. Вдобавок к этому слово *a rabbit* созвучно с *rabid* — «бешенство», а в результате конверсии может использоваться как глагол *to rabbit* — «удирать», «делать ноги». В результате наложения всех этих

переносных значений на графический образ рисуется весьма тревожная перспектива последствий политики Б. Обамы. Таким образом, Надежда и Изменения превращаются на подсознательном уровне в Неразбериху и Обман.

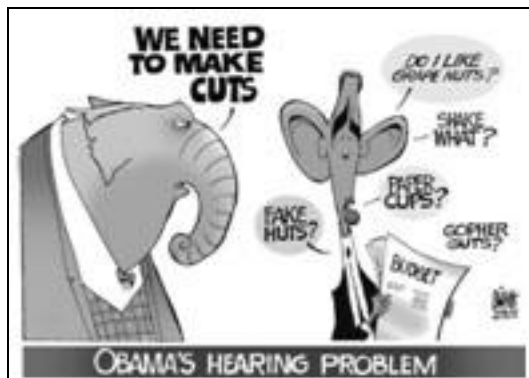

Рис. 6

Следующая карикатура называется «Проблемы со слухом у Обамы» (рис. 6). Перед нами одно из конкретных проявлений концептуальной модели «Президент — это неудачник», которая реализуется в образе калеки, человека со слабым слухом и придурка. Республиканцы в образе слона предупреждают президента о необходимости снизить расходы. В ответ слышится: «*Do I like grape nuts? Shake what? Fake huts? Paper cups? Gopher guts?*» Если проанализировать первые и вторичные метафорические значения ряда этих лексем и словосочетаний, мы получим следующее: **Grape Nuts**, «Грейп натс» — товарный знак сухого завтрака (cold cereal) из смеси пшеницы и солодового ячменя с минерально-витаминными добавками; первоначально (с 1897 г.) выпускался фирмой «Поуст» (Post Co.). Теперь принадлежит корпорации «Крафт фудс» (Kraft (Foods) Inc.).

Таким образом, вопрос можно прочесть так: «Люблю ли я сухие завтраки?» Одновременно у словосочетания есть значение «сухой паек». Кроме того, у винограда косточки по-английски называются не *nuts*, а *seeds*. В названии товарного знака просто пропущен союз *and* (Grape & Nuts). Так иногда делается в названиях и заголовках. Если же читать это именно как *grape nuts*, то мы получим значение «ерунда», «что-то несуществующее». У лексемы *nuts* следующие переносные значения: 1) сумасшедший, чокнутый; рехнувшийся, спятивший; чудак, сумасброд; псих, шизик, дурачок; 2) испортившийся, не функционирующий как положено; 3) чушь! ерунда!; да что вы говорите?!, идите вы к черту!; вот черт! (служит для выражения недоверия или досады); 4) мужские половые органы. Кстати, сразу после «*Do I*

like grape nuts?» следует эллиптическая конструкция «*Shake what?*», которую можно восстановить из предыдущего предложения так: «*Do I like to shake nuts?*»

Fake huts как свободное словосочетание будет переводится «поддельные лачуги», если рассматривать его как продолжение вопроса — «*Do I like <fake huts>?*» В то же время прилагательное *fake* может путем конверсии образовывать глагол, а существительное *huts* может метонимически обозначать бедные, социально незащищенные слои общества. Это дает следующий перевод: «<Люблю ли я> обманывать бедных?» Еще одно значение этой фразы: «Создавать иллюзию временного укрытия?», т. е. временного облегчения ситуации.

Paper cups. Основное значение — «бумажные стаканчики». В целом со словом «бумага» связано все хлипкое, непрочное, существующее только на бумаге, номинальное. Это сочетание должно воскресить в памяти и такие единицы: *Paper ass* — человек, не пользующийся влиянием, не имеющий авторитета, «веса» в обществе; *Paper-belly* — не боец, слабак.

Gopher guts. Это очень интересное словосочетание. В нем присутствует и зооморфная и компьютерная метафорика, ср.: *gopher* — 1) а) мешетчатая крыса, гофер; б) суслик; в) уроженец или житель штата Арканзас или Миннесота (Gopher State); 2) а) особый вид черепахи, *Testudo carolina*, ведущей ночной образ жизни; обитает на юге США; б) уроженец или житель штата Флорида. В сленге может также иметь значения «головорез», «придурок», «шестерка».

Gopher — это также одна из групп новостей в Usenet, разработанная в 1991 г. в университете штата Миннесота. *Gopher*-серверы содержат, кроме текстов, аудио и графику, которые можно не только пересылать, но и проигрывать (воспроизводить), т. е. являются прямыми предшественниками WWW.

Кроме того, *gopher* созвучно с разговорным вариантом произнесения фразы *go for* — ищи.

Guts — 1) кишки, внутренности; 2) потроха, требуха; 3) мужество, характер, сила воли.

Если собрать все воедино, у нас получатся следующие варианты трактовки выражения *Gopher guts*: Мужество суслика/черепахи, Потроха суслика/черепахи, Мужество жителей Миннесоты и Флориды, Потроха жителей Миннесоты и Флориды, Выпотрошенный головорез (придурок, шестерка), Начинка сервера, Ищи требуху. Помимо оскорбительных смыслов, уравнивающих граждан США с грызунами и преступниками, здесь присутствует и намек на происхождение

ние Б. Обамы. Одним из традиционных афроамериканских блюд считаются потроха или требуха (*chitterlings, hog maws*). В афроамериканской литературе это блюдо уже давно стало символом ниггеризма, низкого социального положения, готовности унижаться, презреть свою личность. Именно эти качества Б. Обамы призвана подспудно обозначить лексема *guts*. Что касается компьютерной метафоры, то это снова оскорбительная отсылка к новым проектам Б. Обамы и активному использованию им возможностей Интернета.

На следующей карикатуре (рис. 7) одной из ведущих прямых метафор становится лексема *candy*. Прямое значение у нее, конечно, «леденец или конфета». Однако нужно вспомнить, что ряд английских существительных, обозначающих какое-то лакомство, в разговорной речи очень часто используется применительно к деньгам. Именно это метафорическое значение актуализируется в сочетании *taxpayer candy*, что значит «деньги американских налогоплательщиков». Б. Обама во время празднования своего жуткого Хэллоуина щедро раздает эти средства всевозможным организациям, оказавшим ему финансовую поддержку во время выборов 2008 г. Внизу надпись: «*His tricks, their treats*». Это обыгрывание традиционной фразы *Trick or treat!* — «Откупись, а то заколдую!», которую выкрикивают дети, требуя угощения на Хэллоуин. *Trick* может переводиться и иначе: «обман», «трюк, фокус», «махинация», «ловкий прием», «выходка, уловка», «шутка, шалость, проказа, проделка». *Treat* обычно обозначает угощение или очередь платить за него. То есть перевод может быть и таким: «Его проделки/махинации, их расплата».

На рис. 8 Б. Обама предстает в образе сантехника. Таково первое и основное значение лексемы *plumber*. Переносное значе-

ние — «муж на час», любовник, который приходит под видом сантехника. Оно выходит на первый план в сочетании с восклицанием «*Great job!*». Дело в том, что лексема *job* часто используется как эвфемизм для обозначения мужских половых органов. Обратим внимание и на следующие разговорные значения слова *job*: 1) кража; *to do/pull a job* — совершить кражу; 2) использование служебного положения в личных целях; 3) сдельный, наемный (о недолгосрочной работе); 4) работать нерегулярно, случайно, работать сдельно; заниматься штучной работой; 5) а) быть перекупщиком, посредником, спекулянтom; б) действовать недобросовестно, обманывать.

В политическом языке США *Plumbers*, «сантехники» — группа сотрудников аппарата президента Р. Никсона и их подручных (из бывших сотрудников ЦРУ), осуществивших взлом штаб-квартиры Демократической партии в столичном административно-гостиничном комплексе «Уотергейт». Это привело к так называемому Уотергейтскому скандалу (1974 г.). Р. Никсону пришлось уступить свой пост Дж. Кеннеди, а многие из «сантехников» по приговору суда получили различные сроки тюремного заключения. Табличка с надписью «Работают сантехники» висела на двери помещения, где размещалась группа в старом административном здании через дорогу от Белого дома. Одной из задач группы было «заткнуть утечку» информации о незаконных делах администрации в прессу («*to plug the press leaks*»). Сейчас выражение обозначает лиц, занятых попытками предотвращения утечки секретной информации и ликвидацией последствий такой утечки [ABBYU Lingvo]. Перенеся эти значения на президента, мы должны понять, насколько это бесчестный, нечистоплотный, распущенный человек, которому долго не продержаться на своем посту.

Рис. 7

Рис. 8

Не забыто здесь и происхождение Б. Обамы. Это станет ясно, если вспомнить об очень типичном бытовом словосочетании *plumber's black* — «водопроводная замазка». Его можно понять и иначе: «черный плод незаконной связи».

Одновременно с прямыми метафорами в рассмотренных карикатурах используется и когнитивная онтологическая транспонированная метафора. Она проявляется в выражениях «*They've got plenty to spread around!*» и «*Now we're gonna spread your wealth around!*». Если учесть сочетание графики и вербальной информации, получатся такие переводы: «Им есть что пустить на ветер!», «Мы поделим ваше богатство на всех!» и «Мы потратим ваше богатство впустую!». Под богатством понимается бюджет, пополняемый за счет простых американских семей.

Приведем еще карикатуры, являющиеся примерами **когнитивной онтологической транспонированной метафоры**. На одной из них (рис. 9) Б. Обама изображен в образе нефтяника, бурящего скважину. На карикатуре надпись: «*We're drilling a relief well*». Понимание зависит от того, как разбить эту фразу, будет ли в качестве дополнения воспринято все словосочетание *a relief well* или только первое слово *a relief*, *a well* будет понято как обстоятельство, обозначающее манеру исполнения действия. Если ведущим будет словосочетание *a relief well*, тогда Б. Обама бурит так называемую 1) глушащую скважину, или наклонную скважину (для глушения выброса в случае открытого фонтанирования или пожара в со-

седней скважине) либо 2) вспомогательную скважину, или разгрузочную скважину. Таким образом, президент старается всеми силами потушить пожар в экономической «скважине» США. Если же ведущим воспринимать только существительное *a relief*, получится, что Б. Обама прекрасно справляется с уничтожением любого облегчения для граждан своей страны.

На второй карикатуре (рис. 10) читаем «*I'll put color in America's cheeks*». Здесь двойко можно интерпретировать устойчивое сочетание *to put color*. С одной стороны, оно значит «оживить, вдохнуть новую жизнь», с другой — «заставить покраснеть от стыда». Каждый волен выбрать сам, чего он ожидает от Б. Обамы. Параллельно с этим вспоминается, что афроамериканцев часто называли *colored* — «цветные». В определенный период это было официальным названием для людей афроамериканского происхождения. Так писали в метриках, удостоверениях личности и т. д. Потом под давлением афроамериканской диаспоры слово исчезло из официального употребления как оскорбительное. Значит, в ответ на вопрос «Черный президент в Белом доме, каков Ваш проект?» карикатурный Б. Обама использует сексуальную метафору, отвечая: «Я заставлю Америку почернеть». Это особенно неприглядно, если вспомнить о стереотипном образе афроамериканца как человека распущенного в половом плане. Символично и упоминание предвыборного лозунга «*Yes, we can!*», трансформированного в «*Yes, I can!*», т. е. «Да-да, именно это я могу сделать!».

Рис. 9

Рис. 10

Рис. 11

А вот Б. Обама в образе картежника, причем неумелого и трусливого (рис. 11). Не дожидаясь окончательной сдачи карт, он объявляет: «I fold!» Это читается так: «Я сдаюсь!», «Я пас!», «Я выхожу из игры!» и «Я заканчиваю свою политическую карьеру!»

На рис. 12 перед нами фитоморфный образ президента. Надпись гласит: «You grow where you are planted». Смысл построен

на разных значениях глагола *to plant* — «сажать, сеять, засаживать»; «основывать (поселение), заселять, поселять, обосновываться»; «наносить удар, ударять с силой, впечатывать». Зная, что Б. Обаму пытались уличить в отсутствии права на гражданство США, а также вспомнив о ситуации с его рождением, эту фразу можно прочесть так: «Каждый сверчок знай свой шесток» и «Вон из страны! Убирайся домой!».

На следующей карикатуре (рис. 13) обыгрывается значение сочетания «*The Sputnik moment*». С одной стороны, его можно прочесть как «Момент славы, триумфа», если вспомнить о том, как в юные дни космонавтики воспринимался запуск первого советского спутника. Слово *Sputnik* сохраняет эти смыслы и в современном английском. С другой стороны, можно истолковать и так: Б. Обама совершенно неспособен воспринимать предостережения своего собственного окружения.

Рис. 12

Рис. 13

Хорошо известно, что одним из главных политических соперников Б. Обамы в 2008 г. была Хиллари Родэм Клинтон. Эта ситуация не могла не стать предметом пародийного осмысления. На рис. 14 Б. Обама и Х. Клинтон выступают в роли рыцарей. На карикатуре Б. Обама со спины очень напоминает Генриха V Ланкастера, известного своей жестокостью. Здесь Б. Обаме уготована роль победителя. А госпожа Клинтон оказывается в нелепом положении. Судя по всему, она превратилась в *basket case*, т. е. «человека, лишенного рук и ног» (раньше так говорили о тяжелораненых солдатах). В переносном значении *basket case* — это 1) кто-л. или что-л., находящееся в плачевном, изможденном состоянии; слабый, немощный человек; 2) никчемный человек; бесполезный предмет; 3) ненормальный, псих. Вот один из типичных контекстов с

этой единицей: *After that incident I was practically a basket case — После всего случившегося я был никакой* [ABBY Lingvo].

Рис. 14

Тем не менее Х. Клинтон не унывает и обращается к удаляющемуся Б. Обаме со следующими словами: «*Come back... 'tis just a flesh wound... Oh, all right, we'll call it a draw!*» — «Вернись... это только царапина (букв. 'поверхностная рана, ранение мягких тканей')... Хорошо, давай считать это...». А вот чем это считать? Можно истолковать по-разному. Существительное *a draw* имеет в том числе следующие значения: 1) игра вничью, ничья; 2) вытягивание жребия, жеребьевка; 3) аванс; 4) вытяжение конечности (мед.). Как глагол *to draw* здесь реализуется в следующих значениях: 1) потрошить, извлекать внутренности; 2) волочить (осужденного на казнь) по земле, привязав к хвосту лошади.

Кроме того, на восприятие карикатуры оказывают влияние и следующие фразеологизмы: *to draw and quarter* — четвертовать, сурово наказать; *to draw smb.'s fire (upon oneself)* — стать для кого-л. мишенью, подвергнуться чьим-л. насмешкам, нападкам, критике; *to draw blood* — «пустить кровь», заставить пострадать, задеть за живое.

На другой карикатуре (рис. 15) у Б. Обамы уже не столь благородный вид. Теперь это дикарь из африканского племени, готовящий жаркое из Хиллари Клинтон. Связь со стереотипным восприятием афроамериканца и его отношений с белой женщиной станет очевидной, если сравнить этот рисунок с рис. 16. Проанализируем возможные переносные значения глагола *to do*, которые проявляются в данном контексте: 1) готовить, жарить, тушить; 2) обманывать, надувать; 3) избивать; убивать; уничтожать; 4) обвинять, осуждать; 5) иметь половые сношения; 6) воздавать (должное, справедливость), воздавать по заслугам. Форма *done*, помимо упомянутых значений, может дополнительно передавать следующие: 1) сделанный; выполненный; законченный: *all done!* — всё

готово! The job is done. — Работа выполнена; 2) хорошо проваренный, прожаренный; готовый (о пище) — well done; 3) (done in) усталый; 4) (done for) разоренный; погубленный, конченный. То есть фраза «*Sorry, my people like to have you well done*» может значить: «Прости, но мое племя хочет, чтобы ты хорошо протушилась / с тобой было покончено навсегда / хочет обмануть тебя / хочет воздать тебе по заслугам». Параллельно вводится сексуальная метафора.

На рис. 17 снова отражены отношения Б. Обамы с политическими оппонентами, в частности с Дж. МакКейном. Надпись гласит: «*Barack reaches out and connects with people on the other side*» — «Барак обращается к лагерю противника и достигает взаимопонимания». Взаимопонимание достигается весьма любопытным способом — при помощи камня. Проанализировав переносные значения слова *stone* в функции разных частей речи (существительного, прилагательного, глагола), мы обратили внимание на следующие: 'могильная плита, надгробный камень'; 'полный, абсолютный, безусловный, совершенный', например в сочетании *pure stone stupidity* — *совершеннейшая глупость* или *He's a stone genius* — *Он настоящий гений*; 'находящийся в состоянии алкогольного или наркотического опьянения'; 'бросать камни, швырять камни, забить камнями насмерть'. Для полноты смысла следует учесть и следующие выражения английского языка: *cast a stone at smb.* (*cast* (или *throw*) *a stone* (или *stones*) *at smb.*) — бросить камень в кого-л., порочить, обвинять, осуждать, хулить кого-л.; *break stones* — выполнять тяжелую работу, зарабатывать на жизнь тяжелым трудом; *foundation stone* — 1) первый камень, камень закладываемого фундамента (как начало строительства); 2) основа, основание; основной принцип.

В результате слияния всех этих значений можно получить следующие смыслы: пьяный, ничего не соображающий Б. Обама закладывает фундамент своей карьеры в виде могильного камня Дж. МакКейну, которого он несправедливо поливает грязью. Странный способ достичь взаимопонимания.

Последствия неразумной политики Б. Обамы, в частности в области здравоохранения, показаны на рис. 18. В данном случае снова трансформируется предвыборный лозунг «*Yes, we can!*». Вместо модального глагола *can*, не допускающего подобного образования своих форм, в карикатуре появляется его омоним, который в качестве правильного глагола может означать 1) исключить (из учебного заведения), уволить (с работы); 2) прекратить, перестать; 3) поместить в ка-

кой-то контейнер, выкинуть в мусорное ведро. Здесь же нужно вспомнить и о некоторых значениях существительного *a can*: 1) металлическая, стеклянная или керамическая тара (банка, фляга, баллон, бидон, канистра), *waste can* — емкость для отходов; 2) аннулирование, отмена.

Таким образом, все усилия президента направлены на то, чтобы избавиться от предыдущих достижений американской системы здравоохранения, сократить финансирование, что неизбежно приведет к сокращению медицинского персонала и учащихся медицинских факультетов и колледжей. Параллельно с этим вновь уничижительно подчеркивается афроамериканское происхождение Б. Обамы: в сниженной версии афроамериканского английского модальный глагол *can* может образовывать форму прошедшего времени при помощи суффикса *-ed*. Эта особенность нередко становилась объектом пародирования и осмеяния как показатель безграмотности.

Рис. 15

Рис. 16

Рис. 17

Рис. 18

Еще одна карикатура, теперь уже с **эмотивной** метафорой, представлена на рис. 19: сияющий Б. Обама гордо демонстрирует значок с надписью «I'm with Stupid». Эта фраза имеет тройное значение. Во-первых, используется стандартное значение прилагательного *stupid* — глупый, тупой. Во-вторых, в американском сленге закрепилось значение «классный, замечательный», пришедшее из афроамериканского английского. Это явление можно рассматривать как энантиосемию. В-третьих, прилагательное напоминает о том, что неофициальной эмблемой Демократической партии считается осел — животное, которое, по стереотипным представлением, не

обладает умом и сообразительностью. Сам же карикатурный Б. Обама говорит: «I'm giving up my flag lapel pin because I think wearing one is unpatriotic» — «Я больше не буду носить свой значок с флагом, потому что я нахожу это непатриотичным». Имеется в виду то, что во время предвыборной гонки Б. Обама часто появлялся на публике без традиционного значка, и это служило поводом для упреков.

Помимо метафор, были зафиксированы примеры **игры слов**, построенной на фонетических явлениях, и **хиазма**, предполагающего воспроизведение структуры и лексического состава предыдущей конструкции с изменением синтаксических связей.

Рис. 19

Рис. 20

Иллюстрацией игры слов может служить карикатура, где за спиной удивленно озирающегося Б. Обамы падает носом вниз президентский самолет (рис. 20). Б. Обама при этом произносит: «*Where's my plane?*» Игра построена на похожем звучании слов *plane* — самолет и *plan* — план. Дополнительный негативный смысл связан с тем, что многим афроамериканцам с трудом даются дифтонги, например /eɪ/, присутствующий в

Рис. 21

первом слове. Они склонны подменять их монофтонгами, как во втором случае.

В другом примере (рис. 21) обыгрывается фамилия Б. Обамы, сопоставляемая с междометием *Oh shit!* — ‘черт!; блин!; дерьмо!’ и повелительной эмоционально окрашенной конструкцией *Oh shut up!* — ‘замолчи!; заткнись!’ Интересно, что «мать американской неформальной лексики», слово *shit*, можно заменить приличным словом с тем же

смыслом — *stuff*. При этом *stuff* может употребляться не только как существительное, но и как глагол с основным значением «напихивать, запихивать, набивать», что мы и видим на второй части карикатуры.

На следующей карикатуре (рис. 22) снова обыгрывается ключевое слово предвыборной риторики Б. Обамы, *hope* — надежда. Начало президентства Б. Обамы, судя по карикатуре, ознаменовалось тем, что у первой буквы отвалилась перекладина, превратив HOPE в NOPE, т. е. НАДЕЖДУ в НЕТ.

Примером хиазма является надпись на карикатуре, изображающей Б. Обаму и А. Линкольна, предлагающей читателю найти общее между двумя президентами (рис. 23). Сходство формулируется так: *One freed generations of slaves; the other freely enslaved generations* — Один освободил поколения рабов, другой — легко поработил поколения.

Если вспомнить, что в своих речах Б. Обама часто обращается к высказываниям и личности А. Линкольна, и сопоставить это с тем, как афроамериканская диаспора воспринимает отмену рабства, оскорбительные смыслы проявятся со всей очевидностью.

Разное прочтение одного и того же сочетания слов в зависимости от расстановки знаков препинания ложится в основу карикатуры с изображением изменений, происходящих в Овальном кабинете Белого дома (рис. 24). Судя по задумке дизайнеров, в центре должен располагаться ковер с надписью «*It's the economy, stupid*». Прочитать можно либо как «Это экономика глупа» (а не президент), если не заметить маленькую запятую, либо как «Придурок, это же экономика». О чем именно следует напоминать президенту каждый день, остается решать ему самому и гражданам США.

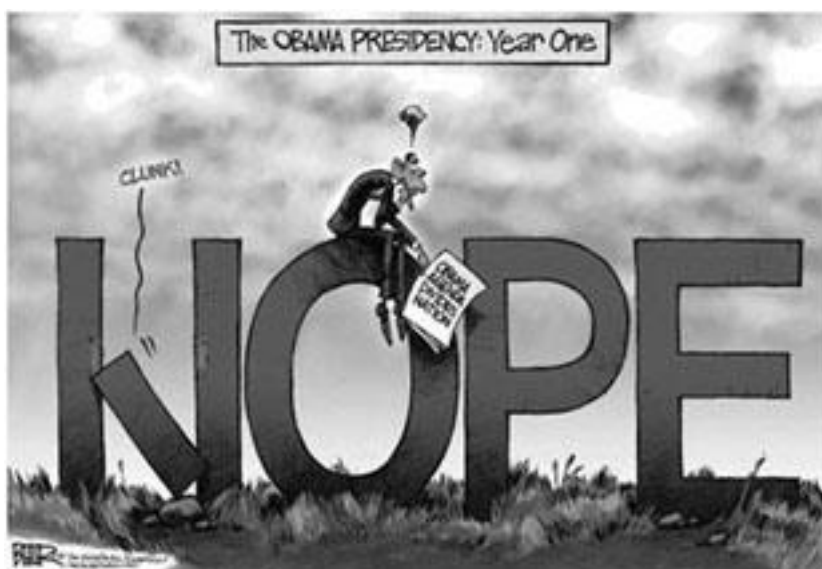

Рис. 22

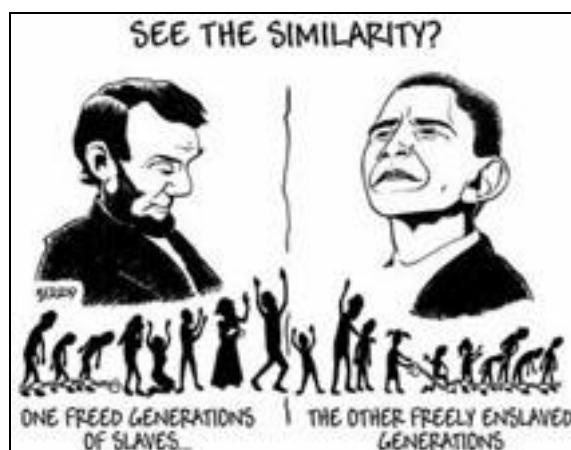

Рис. 23

Рис. 24

Подводя итог, отметим, что такое совмещение вербальной и визуальной информации в масштабах всей выборки до недавнего времени служило для создания образа действующего президента США — мошенника, неудачника, необразованного афроамериканца, развратника, глупца и мота. В карикатурах последних месяцев несколько сменился тон.

ЛИТЕРАТУРА

1. Линцбах Я. Принципы философского языка. Опыт точного языкознания. — Прага, 1916.
2. Никитин М. В. Курс лингвистической семантики. — СПб. : Научный центр проблем диалога, 1997.
3. *ABBYY Lingvo* : электр. программа.
4. *Bad Cartoonist*. URL: <http://www.badcartoonist.wordpress.com>.
5. *Blackface!* URL: <http://www.black-face.com>.

6. *Blackmissouri*. URL: <http://www.blackmissouri.com>.
7. *Court Jones* : Caricature and Illustration. URL: <http://www.courtjones.com>.
8. *Flickr* : photo sharing. URL: <http://www.flickr.com.erudite>.
9. *Funny Caricature*. URL: <http://www.allfunnycaricatur.blogspot.com>.
10. *Kaltoons.com*. URL: <http://www.kaltoons.com>.
11. *Newbreen.com*. URL: <http://www.newbreen.com>.
12. *Policalgraffiti*. URL: <http://www.politicalgraffiti.wordpress.com>.
13. *Shutterstock*. URL: <http://www.shutterstock.com>.
14. *The Authentic History Center*. URL: <http://www.authentichistory.com>.
15. *The CaricatureMan*. URL: <http://www.caricatureman.typepad.com>.
16. *The Civil War*. URL: <http://www.sonofthesouth.net>.
17. *Wwwcartoonstock.com*. URL: <http://wwwCartoonStock.com>.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов

РАЗДЕЛ 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

УДК 81'27+347.781.52
ББК Ш100.3

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.19

В. М. Амиров **V. M. Amirov**

Екатеринбург, Россия Ekaterinburg, Russia

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В ЖУРНАЛИСТСКОМ ДИСКУРСЕ СОВРЕМЕННЫХ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

POLITICAL PERSPECTIVE IN A JOURNALISTIC DISCOURSE OF MODERN ARMED CONFLICTS

Аннотация. *Анализируются проблемы взаимодействия политического и журналистского дискурса современных вооруженных конфликтов.*

Abstract. *In the article problems of interaction of a political and journalistic discourse of modern armed conflicts are analyzed.*

Ключевые слова: журналистика; дискурс; конфликт; пресса; публикации; политика.

Key words: journalism; discourse; conflict; press; publications; policy.

Сведения об авторе: Амиров Валерий Михайлович, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры периодической печати Института гуманитарных наук и искусств.

About the author: Amirov Valery Mikhailovich, Associate Professor of the Chair of Periodicals of Institute of Humanitarian Problems and Arts.

Место работы: Уральский федеральный университет (Екатеринбург).

Place of employment: Ural Federal University (Ekaterinburg).

Контактная информация: 620000, г. Екатеринбург, пр-т Ленина, 51.

e-mail: vestnik-va@mail.ru.

Исходя из вряд ли нуждающегося в доказательствах тезиса о том, что война является одним из проявлений политики, можно предположить, что журналистский дискурс современных вооруженных конфликтов должен самым тесным образом взаимодействовать с политическим дискурсом. Ведь объясняя читателю цели боевых действий, предпосылки войн и экономико-политическое значение их итогов, перечисляя вовлеченные в боевые действия страны и народы, анализируя имеющиеся у сторон военные, экономические и информационные ресурсы, давая оценки справедливости/несправедливости войны с той или иной стороны, журналист так или иначе обращается к политике.

Но в каких именно аспектах осуществляется взаимодействие совокупности коммуникативных практик, каковой является дискурс современного вооруженного конфликта, с другой совокупностью коммуникативных практик — политическим дискурсом? Таких «точек пересечения» видится несколько.

В научной литературе политический дискурс представлен как многоаспектное и многоплановое явление, как комплекс элементов, образующих единое целое. А. Н. Баранов и Е. Г. Казакевич считают, что политический дискурс — это совокупность «всех речевых актов, используемых в политических дискуссиях, а также правил публичной политики, освященных традицией и проверенных опытом» [Баранов, Казакевич 2001: 6]. Данное определение демонстрирует широкий подход к содержанию понятия «политический дискурс». И действительно, однозначного определения этого понятия в лингвистике нет.

Обобщая опыт отечественных исследователей политической коммуникации, А. П. Чудинов в своей книге «Политическая лингвистика» выделяет следующие антиномии этого явления: ритуальность и информативность; институциональность и личностный характер; эзотеричность и общедоступность; редукционизм и многоаспектность информации в политическом тексте; авторство и анонимность политического текста; интертекстуальность и автономность политического текста; агрессивность и толерантность [Чудинов 2003].

К политическому дискурсу, кроме совокупности всех речевых актов, используемых в публичных дискуссиях, некоторые исследователи относят также различные реплики, комментарии и тексты, созданные в процессе политической коммуникации обычными гражданами, например их записи в блогах и на электронных сайтах, в том числе письма и обращения к политикам и государственным структурам, анекдоты политической тематики, стихи острополитического содержания и т. д. Как отмечают Э. В. Будаев и А. П. Чудинов, особую часть политического дискурса составляют «политические детективы», политические мемуары, а также посвященные политике тексты научной коммуникации [Будаев, Чудинов 2006: 25—26].

В. Маслова пишет о том, что «политический дискурс ... представляет собой особую

разновидность дискурса и имеет своей целью завоевание и удержание политической власти» [Маслова 2008].

Одним из наиболее заметных исследований политического дискурса последних лет является работа Е. И. Шейгал «Семиотика политического дискурса» [Шейгал 2000: 89]. По мнению этого исследователя, политический дискурс, как и другие виды дискурса, имеет два измерения: реальное и виртуальное. Под реальным измерением ученый понимает текущую речевую деятельность в определенном социальном пространстве, а также возникающие в результате данной деятельности речевые произведения (тексты), взятые во взаимодействии лингвистических, паралингвистических и экстралингвистических факторов. Под виртуальным же измерением политического дискурса понимается «семиотическое пространство, включающее вербальные и невербальные знаки, совокупным денотатом которых является мир политики, тезаурус высказываний, набор моделей речевых действий и жанров, специфических для общения в данной сфере» [Сорокин 1997: 57].

Ю. А. Сорокин рассматривает политический дискурс как разновидность идеологического дискурса: «Политический дискурс есть видовая разновидность идеологического дискурса. Различие состоит в том, что политический дискурс эксплицитно прагматичен, а идеологический — имплицитно прагматичен. Первый вид дискурса — субдискурс, второй вид дискурса — метадискурс» [Там же: 57]. Такое понимание дискурса особенно актуально, когда речь идет о государственной идеологии.

Критически осмысливая представленные точки зрения в свете изучения политического дискурса СМИ, мы предполагаем, что последний является частью политического дискурса. Наиболее полное определение политического дискурса СМИ дает К. В. Никитина: **политический дискурс СМИ — сложное коммуникативное явление, имеющее своей целью борьбу за власть посредством формирования общественного мнения, включающее текст как вербализованный результат речи, контекст — ситуативный и социокультурный, а также специальные языковые средства, отвечающие целям и задачам дискурса** [Никитина 2006: 16]. Это определение коррелирует с мнением Т. Н. Лобановой о том, что политический дискурс СМИ представляет собой коммуникативную область наложения политического дискурса и дискурса СМИ [Лобанова 2011: 91]. О политическом дискурсе как посреднике между людьми,

облеченными властью, и их главными адресатами — избирателями — пишет и Ю. Н. Караулов, который полагает, что «языковая личность политика есть отражение его „картины мира“, его аксиологических установок» [Караулов 2007: 89].

Е. В. Кипрская выделяет следующие характеристики политического дискурса: наличие полевой структуры с базовыми концептами «власть» и «политик»; институциональность; подверженность разнонаправленным процессам эвфемизации и дисфемизации; идеологичность [Кипрская 2005]. Составляющей идеологичности, по ее мнению, является политическая корректность. Среди факторов, обуславливающих эту корректность, указываются высокий уровень социальной культуры и устоявшиеся традиции общественного поведения, идеология и менталитет общества, коммерческий интерес к человеку как к потенциальному клиенту [Там же].

Анализируя взгляды на сущность и черты политического дискурса ведущих ученых-лингвистов, мы отметили несколько закономерностей, которые имеют большое значение для понимания линий взаимодействия журналистского политического дискурса и журналистского дискурса современных вооруженных конфликтов. **Во-первых**, под политическим дискурсом понимается совокупность не только речевых актов, но и самых разнообразных по форме вербализованных актов, воплощенных в текстах различных типов — от выступлений и реплик политиков до мнений по политическим вопросам простых граждан. **Во-вторых**, политический дискурс детерминирован идеологией, и в том числе государственной идеологией, т. е., среди прочего, пропагандистскими концептами, составляющими основу государственных идеологических установок на понимание тех или иных событий и тенденций. **В-третьих**, как для отдельного политика, так и для политических объединений (партий, блоков и т. д.) прагматической сутью политического дискурса является власть (процесс ее обретения, поддержания или усиления). **В-четвертых**, журналистский политический дискурс вполне логично может быть рассмотрен как часть политического дискурса.

Итак, как же политический дискурс взаимодействует с журналистским дискурсом современных вооруженных конфликтов? Говоря о проблемах конструирования поля политики в дискурсе СМИ, Э. В. Чепкина указывает: основная проблема связана здесь с тем, что «журналистский дискурс имеет собственную логику отбора и интерпретации

событий и персонажей, конструирования концептов, актуальных в контексте борьбы значимых для общества политико-идеологических смыслов. В связи с этим логика самого политического поля и его ведущих практик может существенно трансформироваться в контексте дискурса СМИ» [Чепкина]. Исследователь обращает внимание «на три актуальных направления конструирования журналистами поля политики: отбор событий как информационных поводов и практики интерпретации этих событий; практики выбора и представления персонажей из поля политики; практики конструирования концептов, одинаково важных для поля политики и журналистского дискурса» [Там же]. Представляется, что такой подход вполне применим и к журналистскому дискурсу современных вооруженных конфликтов. Однако, разумеется, конструирование поля политики имеет здесь ряд существенных особенностей. Попробуем выделить наиболее значимые из них.

Первое. Поскольку вооруженный конфликт уже сам по себе является политическим явлением, обращение журналиста к тематике боевых действий в значительной мере предопределяет его обращение к политическому дискурсу. Вот что по этому поводу замечает один из современных военных теоретиков генерал В. Лобов: «Коль существует государство, то у него есть политика, коль она у него есть, то она должна и может продолжаться войной» [Лобов]. Нельзя, таким образом, писать о вооруженном конфликте и так или иначе не обращаться к политическому дискурсу.

Второе. Анализируя и интерпретируя получаемую информацию, журналист сопоставляет ее со своими внутренними установками, в числе которых, если речь идет о вооруженном конфликте, есть и установки политического характера. К такого рода установкам относятся, например, «патриотические». Нельзя не учитывать и так называемые «традиционные» политические установки журналистов, сформированные государственной пропагандой СССР еще в годы холодной войны и с незначительными изменениями перекочевавшие в наши дни: «у России особый путь», «Запад добивается разрушения России», «все, что плохо для Запада, хорошо для нашей страны» и т. д.

Третье. При выборе аргументов для обоснования своей позиции по тому или иному аспекту вооруженного конфликта журналисты вынуждены обращаться к экспертам, которые также не свободны от политических оценок происходящего, а иногда и принципиально оценивают определенные события с точки зрения политики.

Четвертое. Журналистский дискурс современного вооруженного конфликта невозможен без больших бэкграундовых массивов, которые предоставляют читателю возможность самому сделать выводы относительно предпосылок, причин и непосредственных поводов к началу вооруженного конфликта, а также относительно его хода, имеющих у противоборствующих сторон политических, военных, экономических, информационных ресурсов и т. д. Формируя бэкграунд, журналист учитывает в том числе политические аспекты.

Пятое. Поскольку сами по себе современные вооруженные конфликты могут иметь весьма скоротечный характер (грузино-осетинский конфликт получил в прессе название «пятидневной войны» [См., напр.: Зыгарь, Соловьев 2008; Даждан 2008]), ситуативные военные и военно-политические изменения происходят в них стремительно. Как правило, мирные переговоры, способствующие окончанию конфликта, завершаются сложным компромиссом, в котором гарантии выступают сразу несколько сил. В связи с этим поле политики в журналистском дискурсе современных вооруженных конфликтов может трансформироваться не только постоянно, но и с высокой динамикой, реагируя на изменения внутривнутриполитической и внешнеполитической обстановки. Такими определяющими изменениями во внутривнутриполитической обстановке может быть, например, предвыборная борьба, в ходе которой политики, руководствуясь тактическими соображениями, могут неоднократно менять свои подходы к вооруженному конфликту, происходящему с участием вооруженных сил государства или без такого участия в зоне, относимой к политическим интересам России.

Выделяются различные формы взаимодействия журналистского дискурса современного вооруженного конфликта с политическим дискурсом:

– изложение политиками различных уровней точки зрения на происходящие события, отражающей официальную позицию государства: ...президент Дмитрий Медведев, отвечая на вопрос корреспондента „Голоса России“: „Возвращаясь к событиям двухлетней давности, я хотел бы сказать, что считаю все решения, принятые в тот период, абсолютно оправданными и доказавшими эффективность... Те, кто высказывал озабоченность, смогли убедиться, что действия российской стороны были продиктованы только одним — желанием сохранить жизнь людям, которые подверглись агрессии“ [Цит. по: Подольская, Силецкий]; ...госсекретарь Хил-

лари Клинтон, побывавшая с визитом в Тбилиси, назвала Абхазию и Южную Осетию „оккупированными территориями“ и заверила в поддержке территориальной целостности Грузии [Новикова];

– **использование мнения политического или общественного деятеля в качестве комментария.** Примером может служить отрывок из интервью министра иностранных дел РФ С. Лаврова: *Идет гражданская война. И мирным жителям абсолютно все равно, от кого они гибнут — от ударов Каддафи, от ударов повстанцев или от ударов с воздуха, которые наносит коалиция, причем по большому счету уже без разбора. Коалиция, по сути, открыто объявляет, что в ее задачу входит смена режима. Что Каддафи и его родственники — со всеми эквивоками, с которыми обставляется данная фраза, — законная цель. Это уж совсем перебор* [Лавров];

– **использование мнения политического или общественного деятеля в качестве экспертного для оценки сложившейся ситуации и для прогноза развития событий:** *Одни лишь только удары с воздуха по силам, верным ливийскому лидеру, „не решат эту проблему, поскольку эти силы давно находятся в городах и избежать серьезных потерь среди гражданского населения практически невозможно“, отметил Рогозин [НАТО «буксует»];*

– **публикация при освещении событий вооруженного конфликта официальных заявлений государственных политических институтов:** *„По заявлениям официальных источников, восемь полицейских было убито в городе Хама в столкновениях с вооруженными экстремистами, — говорится по этому поводу в заявлении МИД России. — В Москве выражают серьезную обеспокоенность в связи с поступающей информацией о многочисленных жертвах“ [Применение силы против мирных жителей...];*

– **изложение полностью, кратко или в адекватной интерпретации официальных заявлений независимых политических институтов:** *Совбез ООН осудил сирийские власти за нарушения прав человека. В принятом заявлении выражается сожаление по поводу гибели сотен людей. Это заявление стало первой официальной позицией Совбеза ООН с момента начала волнений в ближневосточной стране [Совбез ООН осудил...];*

– **публикация заявлений руководителей или высших органов военно-политических союзов:** *ОДКБ (организация Договора по коллективной безопасности —*

В. А.) выражает серьезную обеспокоенность складывающейся ситуацией в Афганистане, где „деятельность экстремистских организаций распространилась практически на всю территорию страны, в том числе ее северные провинции, пограничные с южными рубежами СНГ“ [ОДКБ: Афганистан остается]; По словам генсека НАТО, цель альянса, который будет действовать в строгом соответствии с резолюцией Совета Безопасности ООН, — защита гражданского населения и районов его проживания от атак сил, верных Муамару Каддафи [Расмуссен отметил...];

– **приведение в тексте публикации заявлений авторитетных политических общественных организаций:** *Власти Киргизии должны принять срочные меры по пресечению массовых попыток и произвольных задержаний узбеков, подозреваемых в причастности к июньским межнациональным столкновениям на юге страны, заявила „Хьюман Райтс Вотч“. Эти нарушения подрывают объективность расследования и нагнетают напряженность, угрожая дальнейшей дестабилизацией ситуации, отмечает международная правозащитная организация [Human Rights Watch];*

– **публикация заявлений руководящих органов политических партий или их лидеров:** *„Россия должна предотвратить будущую агрессию, потенциальную угрозу со стороны Турции на Ближнем Востоке, в частности, против Сирии. Конфликт вполне реален. И возможно, что в него вступит Иран, уже на стороне Сирии. Эта война подойдет к границам Кавказа, а значит, к границам России, — сказал Жириновский. — Необходимо подготовить русскую армию к подобному отрицательному сценарию развития событий на Кавказском фронте“ [Бубновский];*

– **публикация мнений экспертов, рассматривающих политическую подоплеку того или иного вооруженного конфликта, те или иные политические аспекты происходящих боевых действий:** *Иран и Турция — оба эти государства пытаются продвинуть на Кавказе свою игру. Об этом в беседе с корреспондентом „Новости Армении — NEWS.am“ заявил руководитель Центра военного прогнозирования Института политического и военного анализа полковник запаса кандидат военных наук Анатолий Цыганок [Российский эксперт];*

– **публикация в рамках журналистского дискурса вооруженных конфликтов воспоминаний и мемуаров, исследований**

политиков или ученых, устанавливающих связь между политическими событиями, имевшими место в истории, и современными событиями вооруженных конфликтов: „После вывода советских войск правительство Наджибуллы оставалось у власти еще три года. А сколько продержится правительство Хамида Карзая, если войска НАТО сегодня уйдут из страны?“ — спрашивает, в свою очередь, российский посол, который считает, что после терактов 11 сентября 2001 года Москва приняла правильное решение, отказавшись отправлять российских солдат в Афганистан и таким образом остановившись на краю болота, в котором увязли США [Бернабе].

Таким образом, взаимодействие политического дискурса с журналистским дискурсом современных вооруженных конфликтов не только возможно, но и постоянно осуществляется журналистами на практике. Конструирование поля политики в журналистском дискурсе современных вооруженных конфликтов производится с помощью сложной системы приемов, которые непрерывно совершенствуются в соответствии с развитием коммуникативных технологий (например, с появлением возможности для обращения к электронным справочным массивам или получения комментария с помощью сети Интернет). Можно утверждать, что необходимость привнесения политических аспектов в материалы, составляющие журналистский дискурс современных вооруженных конфликтов, связана также с общим повышением требований к аналитичности публикаций, с запросом читательской аудитории на рост аналитической составляющей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А. Н., Казакевич Е. Г. Парламентские дебаты: традиции и новации. — М.: Знание, 1991.
2. Бернабе М. Забытые уроки афганской войны // Эль Мундо / [пер. ИноСМИ]. 2011. 6 сент.
3. Бубновский М. Жириновский призывает руководство РФ предотвратить агрессию против Сирии // Новый регион. URL : <http://rx24.ru/news/accidents/10/32623.html> (дата обращения: 5.09.2011).
4. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Метафора в политическом интердискурсе / УрГПУ. — Екатеринбург, 2006.
5. Джадан И. Пятидневная война: техника и мораль. Разбор полетов // Агентство политических новостей. 2008. 14 авг.
6. Зыгарь М., Соловьев В. Пятидневная война // Власть. 2008. 18 авг.

7. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. — М.: ЛКИ, 2007.

8. Кипрская Е. В. Политические эвфемизмы как средство камуфлирования действительности в СМИ: на примере конфликта в Ираке 2003—2004 гг. : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19. — Киров, 2005.

9. Лавров С. Мы проявили конструктивность по Ливии, ею сейчас злоупотребляют // Московские новости. 2011. 12 мая.

10. Лобанова Т. Н. Языковая репрезентация и оценка образа современной России в газетных публикациях КНР // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2011. № 2.

11. Лобов В. Вольные рассуждения о войне // Военно-политические проблемы. URL: http://www.rau.su/observer/N01_01/1_10.HTM (дата обращения: 2.08.2011).

12. Маслова В. А. Политический дискурс: языковые игры или игры в слова? // Политическая лингвистика. 2008. № 1(24). С. 43—48.

13. НАТО «буксует» в ситуации с Ливией, считает Дмитрий Рогозин // Российское информационное агентство «Новости». URL: http://ria.ru/arab_war/20110323/356962834.html (дата обращения: 2011. 7 июля).

14. Никитина К. В. Политический дискурс СМИ и его особенности, создающие предпосылки для манипуляции общественным сознанием // Управление общественными и экономическими системами : многопредмет. науч. журн. / ОрелГТУ, 2006.

15. Новикова Е. Жертва национальных интересов // Эксперт-online. URL: http://expert.ru/2010/08/4/ughny_kavkaz/ (дата обращения: 4.08.2011).

16. ОДКБ: Афганистан остается источником угроз для стран Центральной Азии // ИА РОСБАЛТ. URL: <http://www.rosbalt.ru/main/2011/03/17/829611.html> (дата обращения: 10.08.2011).

17. Подольская Н., Силецкий И. Пятидневная война: взгляд через два года // Радио «Голос России» : офиц. сайт. URL: <http://rus.ruvr.ru/2010/08/07/14854337.html> (дата обращения: 5.08.2011).

18. Применение силы против мирных жителей в Сирии должно быть прекращено // Российская газета. 2011. 1 авг.

19. Расмуссен отметил важность командования операции в Ливии для НАТО // Красная звезда. 2011. 30 июля.

20. Российский эксперт: Иран может встать на защиту Сирии от Турции // Новости Армении — NEWS.am. 2011. 16 авг. URL: <http://www.yerkramas.org/2011/08/16/rossijskij-ekspert-iran-mozhet-vstat-na-zashhitu-sirii-ot-turcii/>.

21. Совбез ООН осудил сирийские власти за нарушение прав человека // Комсомольская правда. 2011. 7 авг.

22. Сорокин Ю. А. Политический дискурс: попытка истолкования понятия // Политический дискурс в России. — М., 1997.

23. Чепкина Э. В. Конструирование поля политики в журналистском дискурсе. URL: <http://journ.usu.ru/index.php/component/content/article/430> (дата обращения: 4.08.2011).

24. Чудинов А. П. Политическая лингвистика. Общие проблемы, метафора : учеб. пособие. — Екатеринбург, 2003.

25. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. — Волгоград, 2000.

26. *Human Rights Watch* заявляет о массовых пытках и произвольных задержаниях узбеков на юге Кыргызстана // Фергана.ру. URL: <http://www.fergananews.com/news.php?id=15215> (дата обращения: 5.09.2011).

Статью рекомендует к публикации д-р филос. наук, проф. В. Ф. Олешко

УДК 316.472.47+81'27
ББК Ш100.3

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.19

Ю. А. Антонова Ю. A. Antonova
Екатеринбург, Россия Ekaterinburg, Russia

**ВИРТУАЛЬНОЕ СООБЩЕСТВО
В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ
КАК СПОСОБ РАСПРОСТРАНЕНИЯ
ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ИДЕОЛОГИИ
СРЕДИ МОЛОДЕЖИ**

**VIRTUAL COMMUNITY
IN SOCIAL NETWORK
AS A WAY OF DISTRIBUTION
OF EXTREMIST IDEOLOGY
AMONG YOUNG PEOPLE**

Аннотация. Рассмотрены коммуникативные стратегии и тактики членов виртуальных сообществ социальной сети «В Контакте», направленные на формирование ненависти к китайцам в молодежной среде.

Abstract. The article discusses communicative strategies and tactics of the members of virtual communities in the social network "Vkontakte", aimed at arousing hatred to the Chinese among youngsters.

Ключевые слова: экстремизм; ксенофобия; китайцы; речевая агрессия; социальная сеть; интернет-коммуникация; текст текстов; коммуникативная стратегия; коммуникативная тактика.

Key words: extremism; xenophobia; the Chinese; verbal aggression; social network; Internet communication; text of texts; communicative strategy; communicative tactic.

Сведения об авторе: Антонова Юлия Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры риторики и межкультурной коммуникации.

About the author: Antonova Yuliya Anatolievna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Chair of Rhetoric and Intercultural Communication.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Place of employment: Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg.

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, п-т Космонавтов, 26, к. 285.
e-mail: jonktau@gmail.com.

Сегодня бурными темпами формируется комплексное исследовательское направление, которое можно назвать «интернетологией» (нетологией). Она включает в себя интернет-психологию, интернет-социологию и даже интернет-психофизиологию [Сандомирский 2011]. Повсеместная интернетизация общества привела к тому, что виртуальное общение у многих людей преобладает над реальным. Подростки объединяются в группы в рамках социальных сетей («Вконтакте», «Facebook» и пр.), именно там они находят друзей. Под влиянием идей, распространяемых во Всемирной паутине, формируется мировосприятие современного подростка. В последнее время (особенно в период последней кампании перед выборами президента РФ) коммуникация в Сети приобрела агрессивный характер, и многие социологи и политологи всерьез заговорили об «интернет-революциях»: люди, объединяясь в виртуальных социальных сетях, в реальной жизни воплощают революционные идеи, которые часто имеют разрушительный характер. Американский ученый Л. Гроссман считает, что «третий большой этап в развитии демократии наступает благодаря использованию новых технических средств. Он утверждает, что в настоящее время формируется современная разнородная в своей массе так называемая

„электронная республика“, которая приходит на смену идеям Монтексье, Локка, Мэдисона и их современников, точно также как в XVIII веке выборное правительство пришло на смену прямой демократии, впервые реализованной в Древней Греции» [Сазанов 2010].

Одним из направлений реализации Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на период до 2015 г. является противодействие использованию потенциала информационных и телекоммуникационных технологий в целях угрозы национальным интересам России. Однако слабая законодательная база (многие социологи, политологи и филологи считают закон «О противодействии экстремистской деятельности» несовершенным) и еще более слабое ее соблюдение позволяют в Сети существовать виртуальным сообществам экстремистского толка, вовлекать им в свои ряды новых членов, основную массу которых составляет молодежь.

Как известно, под воздействием СМИ (а некоторые ресурсы Интернета называют сегодня «социальными медиа») происходит изменение мнения реципиента. Восприятие объекта (в нашем случае — китайцев) под воздействием убеждающей коммуникации становится другим, наблюдается изменение в сфере эмоций и поведении.

Работа выполнена при поддержке РГНФ: проект 12-04-00175а «Лингвистика и психология: экстремистский текст и деструктивная личность»

© Антонова Ю. А., 2012

Членами виртуальных сообществ в социальной сети, как правило, являются подростки. Позволим себе напомнить, что в подростковом возрасте начинают формироваться очень важные качества личности: стремление к развитию и самосознанию, интерес к собственной личности и ее потенциалам, способность к самонаблюдению. Ключевые особенности этого периода — появление рефлексии и формирование нравственных убеждений. Подростки начинают осознавать себя частью общества и обретают новые общественно значимые позиции, предпринимают попытки самоопределения. Именно поэтому необычайно важно защитить сознание подростка от воздействия социальных СМИ, пропагандирующих насилие и ксенофобию. Этим объясняется **актуальность** данного исследования.

Объектом исследования являются виртуальные сообщества в социальной сети «ВКонтакте», занимающиеся дискредитацией китайцев.

Предметом изучения стало сообщество как текст текстов, в рамках которого реализуются определенные коммуникативные стратегии.

Цель нашей работы — доказать, что в социальной сети некоторые сообщества (если сообщество рассматривать как набор текстов, видеороликов, аудиозаписей, иллюстраций) имеют экстремистский характер и направлены на формирование ненависти к китайцам среди молодежи.

Задачи:

- описать роль виртуальной социальной сети в развитии современной молодежи;
- охарактеризовать пользователя социальной сети «ВКонтакте»;
- рассмотреть сообщество (группу) как текст текстов;
- выявить и вкратце описать коммуникативные стратегии и тактики, реализуемые в тексте;
- доказать, что тексты в сообществе имеют характер вербальной агрессии;
- рассмотреть явление экстремизма, дать понятие экстремистской идеологии;
- доказать, что сообщество как текст текстов может распространять среди молодежи экстремистскую идеологию.

Материал исследования. Несмотря на существование закона «О противодействии экстремистской деятельности» в социальной сети «ВКонтакте» мы обнаружили виртуальные сообщества, направленные на формирование ненависти к китайцам. Вот названия некоторых из них (здесь и далее сохранена авторская орфография и пунктуация): «*Мы против заселения китайцами Дальнего*

Востока», «*Убьем китайцев*», «*Американцы, Китайцы — наши потенциальные враги. Очень скоро мы положим конец всему этому. Россия — могучая страна!*», «*Россия без китайцев*», «*Я ненавижу китайцев*», «*Китайцы уроды живадеры*», «*МЫ ПРОТИВ КИТАЙЦЕВ!!!!ОНИ ЗВЕРИ!!!!!!*», «*...<Мы против вторжения китайцев на территорию нашей страны>...*», «*Против китайцев в 206 школе!!!!!!*», «*Смерть китайцам!*», «*Китайцы дебилы*». Некоторые из сообществ являются открытыми. Это значит, что любой желающий может читать и комментировать информацию, размещенную в данных группах.

Известно, что «большинство проявлений экстремизма в молодежной среде эксперты связывают со слабой государственной политикой, с несправедливостью при реализации социальной политики, с отсутствием реальной, а не показной государственной молодежной политики, с попустительством экстремизму со стороны государственных органов. Среди причин роста экстремистских проявлений эксперты назвали также специфические особенности современного поколения молодежи. Влияние этих особенностей на рост молодежного экстремизма эксперты связывают с недостатками воспитания и правового образования, с усиливающейся пропагандой насилия в СМИ, с „героизацией“ образа экстремиста» [Киселев, Кисляков 2012].

Прежде чем рассмотреть виртуальное сообщество как текст текстов, разберемся с социологической основой этого явления. Традиционно **в социальной психологии под группой понимают** «социально устойчивое объединение индивидов, имеющих общие интересы, ценности и нормы поведения, складывающиеся в рамках определенной организации. Если группа существует, то ее члены:

- идентифицируют себя и свои действия с группой в целом и тем самым во внешних взаимодействиях выступают от имени группы;
- выполняют определенные роли (которые либо формально распределяются, либо неформально складываются), признаваемые другими членами группы;
- имеют определенную мотивацию для объединения;
- воспринимают группы как объединенное подразделение взаимодействующих людей;
- вносят определенный вклад в развитие группы (то есть одни отдают группе больше времени и энергии, чем другие);
- достигают соглашений и уходят от разногласий путем различных форм взаимодействия.

Причинами образования групп является удовлетворение потребностей, решение определенных задач, усиление власти и влияния определенного круга единомышленников» [Сазанов 2010].

Сегодня у подростков появилась новая платформа для объединения — Всемирная сеть. Н. С. Чураева рассматривает Интернет как «ключевую информационную технологию и социальную форму, а также как универсальное средство свободной глобальной коммуникации. Достижения в сфере информационных технологий явились предпосылкой создания новой формы социальных групп, получившей название „виртуальные сообщества“ (virtual communities, online communities, online groups)» [Чураева 2009].

Под виртуальной (онлайновой) **социальной сетью** понимается «социальная структура интернет-среды, узлы которой — организации или отдельные люди, а связи между ними — установленные взаимодействия (политические, корпоративные, служебные, семейные, дружеские, по интересам и т. д.)» [Бобровский 2005].

Как отмечает Н. Р. Димлевич, «сегодня контент основных интернет-ресурсов по продвижению идеологии насилия (террористической, экстремистской, националистической и другой направленности) носит наступательный, агрессивный характер, отличается хорошей теоретической базой, продуманным спектром методов управляемого информационно-психологического воздействия на пользователей. Наибольшую опасность для российского общества представляют русскоязычные интернет-ресурсы, вовлекающие молодежь в экстремистскую и террористическую деятельность, в том числе популяризирующие образ „террориста-героя“» [Димлевич 2011].

Под экстремизмом (от лат. *extremus* 'крайний') в современной науке принято понимать приверженность социальных акторов крайним взглядам и мерам.

Как отмечает И. В. Вехов, «в современной России наблюдается рост числа проявлений открытого этнического экстремизма (непосредственных действий — преступлений и правонарушений), также фиксируется наличие его латентных форм, проявляющихся в легитимации насилия — одобрении экстремистских действий или готовности их совершить. Этнический экстремизм является наиболее распространенным видом экстремизма в современной России: это отмечается как на общенациональном, так и на локальном уровне (на примере Санкт-Петербурга). Современными российскими исследователями под экстремизмом в широ-

ком — научно-исследовательском, неюридическом — смысле понимается антисоциальное, осознанное, идеологически основанное на отрицании равноправия людей по признаку их идентичности или признании незаконности существующего порядка властных отношений незаконное насилие, призывы к нему или распространение соответствующих идей» [Вехов 2011].

Экстремистская деятельность (экстремизм) определяется федеральным законом «как деятельность общественных и религиозных объединений ... либо физических лиц по совершению действий, направленных на ...

– возбуждение расовой, национальной или религиозной, а также социальной розни, связанной с насилием или призывами к насилию;

– унижение национального достоинства, осуществление массовых беспорядков, хулиганских действий и актов вандализма по мотивам ... расовой, национальной ... ненависти либо вражды в отношении какой-либо социальной группы;

– пропаганду исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их отношения к ... расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности;

– публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики...» [О противодействии экстремистской деятельности].

А. А. Оселков экспериментально установил, что «материалы экстремистской направленности обуславливают изменение отношения к определенным обобщенным социальным группам (*в нашем случае — к китайцам. — Ю. А.*) на более негативное при комплексной пропаганде экстремизма, либо косвенной — в отношении групп, обладающих выраженными интолерантными установками, которые выражаются в готовности и стремлении нарушать права других людей в связи с их социальной принадлежностью» [Оселков 2011].

Мы абсолютно согласны с С. К. Тамазян в том, что «обратной стороной „сетевизации“ стало появление новых типов и способов социальных интеракций между индивидами и социальными группами, характеризующихся, в том числе, и социально опасными проявлениями. Эти проявления выражаются в отсутствии системы санкций и контроля над распространением информации любого типа в Интернете, трудностями в определении идеологов и лидеров экстремистских и сепаратистских объединений, также ведущих свою деятельность с использованием социальных сетей, и во многом другом» [Тамазян 2012].

Е. В. Реутов замечает: «Рассматривая экстремизм и ксенофобию применительно к молодежной среде, следует отметить, что они, в определенной степени, свойственны молодежи в силу ряда характеристик данной возрастной группы. Именно в молодом возрасте несовершенство окружающего социального мира ощущается наиболее остро. Соответственно, появляется либо желание отгородиться от этой действительности и создать свой собственный мир (вариант „ухода“), либо его переделать (вариант „мятежа“), не обращая внимания на готовность этого мира к трансформации. Ксенофобия является ментальной предпосылкой экстремизма» [Реутов 2008].

Федеральный список экстремистских материалов составляется Министерством юстиции России на основе судебных решений. В него включаются различные материалы, признанные экстремистскими. Впервые он был опубликован 14 июля 2007 г. Тогда он состоял из 14 пунктов. С тех пор список регулярно обновляется и по состоянию на 25 августа 2012 г. содержит 1405 пунктов (часть из них исключена в связи с повтором содержания ранее внесенных пунктов) (<http://ru.wikipedia.org/wiki/>).

По типологии С. К. Тамазян все вышеупомянутые виртуальные сообщества мы можем отнести к социально негативным неформальным подростковым организациям, имеющим сетевую структуру [См.: Тамазян 2012].

Участников сообществ такого типа условно можно разделить на **4 группы**: 1) провокаторы-обличители (основатели групп, инициаторы, националисты, пустобрехины-школота), 2) ведомые (те кто не разделял прежде ненависти к китайцам), 3) тролли, 4) антиподы провокаторов (защитники китайской культуры и нации). Интересным нам кажется следующее наблюдение: модератор группы имеет право удалить/заблокировать любого участника группы, в том числе (и в первую очередь) «чужого», но на практике он не пользуется этим правом цензора. Можно предположить, что подобным группам нужны «несогласные». Их существование позволяет группе развиваться, ее основателям и активным участникам — публично дискутировать, проверять на прочность свои «теории».

С. К. Тамазян в результате анализа 400 аккаунтов пользователей «ВКонтакте» составила социальный портрет пользователя виртуальных социальных сетей: «Это молодой человек в возрасте 15—17 лет, учащийся в школе или начальных курсах высшего учебного заведения. Многие респонденты

считают, что социальные сети в Интернете служат для поиска новых единомышленников, в них легче скрыть совершенный общественно неодобряемый поступок» [Тамазян 2012]. Это описание сильно напоминает составленный социологами портрет тех, кто разделяет определенные составляющие разных видов экстремистских установок: «Главным образом, это: юноши (одобряют или готовы совершить действие против представителей инациональных групп, разделяют националистические идеи); в возрасте до 18 лет; учащиеся средних специальных учебных заведений, успевающие на „тройки“; воспитывались в семье с одним родителем; испытывают неудовлетворенность своим положением; негативно оценивают свое социальное положение» [Вехов 2011].

К основным мотивам вступления интернет-пользователей в виртуальные сообщества, являющимся первостепенными факторами их длительного существования, относятся мотивы получения (передачи) информации и общения по интересам.

С. К. Тамазян под социальной интеракцией понимает «способ взаимодействия по совместному использованию социального капитала в соответствии с нормами и ценностями акторов, участвующих в процессе сетевой интеракции» [Тамазян 2012].

Интересными нам кажутся наблюдения Н. С. Чураевой: «Основными социально-психологическими механизмами формирования виртуальных сообществ являются механизмы мотивации, социальной перцепции, социальной идентификации, а также механизмы воздействия, заражения и подражания. Формирование и устойчивое существование виртуального сообщества как социальной группы возможно только при наличии у участников сетевого ресурса общих интересов, совместно выработанных целей и организованных действий по их достижению, *которые реализуются в рамках единого коммуникативного пространства*. Виртуальное сообщество представляет собой совокупность индивидов, объединенных сходными интересами, целями и обычаями, продолжительное взаимодействие которых осуществляется посредством Интернета. **Виртуальное сообщество** является новой формой социальной группы, отличающейся, во-первых, интерактивным характером взаимодействия своих членов, которые могут взаимовыгодно обмениваться интересной и полезной информацией; во-вторых, отсутствием географических и психологических барьеров в общении, что обусловлено анонимностью коммуникации в Интернете; в-третьих, возможностью самопрезентации и

самовыражения с учетом имеющихся у индивида способностей; в-четвертых, добровольным членством и неформальной структурой коммуникации в режиме реального времени; в-пятых, возможностью создавать собственный круг общения, состоящий только из друзей и единомышленников» [Чураева 2009].

Общение в социальной сети — это не прямая, а опосредованная коммуникация: участник видит тексты, создаваемые другими пользователями, продукт их речетворчества. Сообщество в социальной сети — это не только объединение людей, но и **набор продуцируемых участниками текстов (страниц), видеозаписей, фотографий, аудиофайлов**, выкладываемых в рамках концепции группы. Это целостный текст, составленный из множества произведений. Поэтому мы позволим себе предположить, что **виртуальное сообщество — это текст текстов** (опираемся на идею Э. А. Лазаревой), так как сообщество в социальной сети обладает всеми признаками текста в их специфическом проявлении: 1) информативностью (в рамках сообщества участник получает определенную информацию); 2) связностью (сообщения, размещаемые в сообществе, часто имеют характер диалога/полилога, связаны между собой повторами, перифразами); 3) смысловой целостностью (все сообщения в группе посвящены определенной теме); 4) завершенностью (если текст можно считать завершенным, когда читатель осознал замысел автора, то в этом отношении тексты сообщества обладают завершенностью); 5) членимостью: текст всегда делится на более мелкие составляющие; в сообществе это структурные элементы (стена, обсуждения, комментарии и пр.); 6) ситуативностью, т. е. соотносённостью с реальной ситуацией, на основе которой строится текст (в нашем случае это миграционные процессы, порождающие неприязнь); 7) интенциональностью: текст всегда представляет собой результат реализации определенного коммуникативного намерения (интенции) автора (сама группа создается с целью найти единомышленников и обсудить с ними тот или иной вопрос).

Как люди становятся членами виртуального сообщества? С одной стороны, механизм функционирования социальной сети позволяет *приглашать* пользователей в сообщество, пополнять тем самым его ряды, с другой стороны, есть пользователи, которые *сами находят* такие группы. Почему люди хотят добровольно вступать в сообщество, построенное на разжигании ненависти к этнической группе, каковы их мотивы? — ответ

на этот вопрос должны давать, на наш взгляд, психиатры и психологи. Нас же интересуют речевые стратегии и тактики коммуникантов, лексические средства, используемые для выражения оценки этноса, их эмоциональная окраска (проявление речевой агрессии) и, самое главное, вопрос о том, можно ли считать, что сообщество (текст текстов) распространяет экстремистскую идеологию.

Как правило, группы, направленные на дискредитацию определенного этноса, имеют **двойного адресата**: «своих» (тех, кто разделяет неприязнь к китайцам) и «чужих» (защитников китайской культуры, самих китайцев). Полемика на стене группы и в обсуждениях (темах) ведется именно между «своими» и «чужими».

М. Г. Стадников в результате личности экстремистов выявил набор характерных для них психологических черт: «Экстремистский тип личности отличает жестко авторитарная, псевдорациональная, ценностно-насыщенная картина мира, поделенная на „Мы“ и „Они“, на „своих“ и „врагов“, между которыми ведется непрекращающаяся борьба. Экстремистской личности свойственна агрессивность и авторитарное навязывание своих убеждений, крайняя нетерпимость к оппонентам» [Стадников 2012].

Коммуникация внутри виртуальной группы имеет характер вербальной (речевой) агрессии. Ю. В. Щербинина дает ей следующее определение: «Речевая (вербальная) агрессия — обидное общение; словесное выражение негативных эмоций, чувств или намерений в оскорбительной, грубой, неприемлемой в данной речевой ситуации форме. Вербальная агрессия препятствует реализации основных задач эффективного речевого взаимодействия: деструктивно воздействует на сознание участников общения, затрудняет полноценный обмен информацией, существенно снижает возможности взаимопонимания коммуникантов, блокирует выработку общей стратегии взаимодействия. С одной стороны, вербальная агрессия служит выражением отрицательных эмоций (злость, раздражение, обиду, недовольство, отвращение, презрение и пр.). Ответом на психологический дискомфорт может быть брань, ругань, словесные нападки на собеседника, основной функцией которых являются психологическая разрядка, снятие нервного напряжения, избавление от негативных эмоций. С другой стороны, речевая агрессия может возникать и как особое намерение — целенаправленное желание говорящего нанести коммуникативный урон адресату (унизить, оскорбить, вы-

смеять и т. п.) или реализовать таким „запрещенным“ способом какие-то свои потребности (самоутверждения, самозащиты, самореализации и др.)» [Щербинина 2006].

Очень важным нам кажется наблюдение И. Б. Лазебной: «Речевой акт агрессии, реализуя регулятивную функцию языка, является средством речевого воздействия говорящего на адресата, направленным на изменения в его деятельности или эмоциональной сферах, путем апелляции к его (адресата) чувству страха или опасения. Языковая агрессия характеризуется наличием речевой интенции агрессии, которая в свою очередь может быть выражена как вербальными, так и невербальными средствами. Способы проявления речевой агрессии (обвинение, грубое требование, грубый отказ, угроза, злопожелание, брань, клевета, насмешка (колкость), упрек), которые представлены через прямые и косвенные средства, характеризуются многообразием и могут быть направлены как на рациональное, так и на эмоциональное и/или волевое воздействие говорящего на адресата» [Лазебная 2007].

Интересно, что **сообщения пользователей по объему** в основном небольшие (2—4 предложения), иногда носят слогановый характер, что в целом соответствует принципам интернет-коммуникации. Большие посты (сообщения), как правило, лежат в основе обсуждения или претендуют на роль манифеста идеологии сообщества (автор такого сообщения якобы расставляет точки над «i», играет роль третейского судьи). Объемные тексты встречаются редко (их соотношение к кратким составляет примерно 1:100).

Все реплики коммуникантов можно условно разделить на **высказывания, подкрепленные аргументами, и лишённые аргументации**. Высказывания о китайцах, лишённые аргументов, представляют собой:

а) наклеивание ярлыков. Ярлыки эти выражены в форме инвективной, бранной, оценочной лексики, неологизмов: «сука, ненавижу этих косоглазых х*исосов, нацию живодеров, и говноедов», «ПИДРООБРАЗНЫЕКИТАЁЗЖЕЛТЯНЫЕЖОПОЧНИКИ», «косоглазые ублюдки»;

б) призыв к насилию над китайцами: «убей китайца-спаси планету», «убьем этих тварей нах*й!».

Для нас наибольший интерес представляют реплики, подкрепленные аргументом: можно говорить о том, что они имеют в своей основе коммуникативную стратегию.

Формируют ли эти реплики экстремистскую идеологию? В. А. Бурковская дает сле-

дующее определение экстремистской идеологии: «Идеология становится экстремизмом, если ее характеризуют следующие признаки: 1) „однозначное“ объяснение проблем существующего мира и предложение таких же „простых и обязательно помогающих“ способов решения проблем; 2) разделение бытия на „абсолютное добро“ и „абсолютное зло“, причем злом признается фактически все, что не вписывается в данную систему; 3) гиперболизация одной проблемы, придание ей доминирующего положения, несоответствующего принятой в обществе иерархии ценностей; 4) игнорирование, нивелирование других ценностей и норм» [Бурковская 2005]. Экстремистская идеология является базовым элементом экстремизма, поскольку она мотивирует экстремистскую деятельность, представляет собой основу сплочения и деятельности экстремистской организации. В качестве критериев экстремизма обычно предлагаются такие идеи, как идея социального, расового, национального неравенства, идея физического насилия и истребления социальных оппонентов. Когда определенная идеология усваивается и принимается личностью за истинную и когда личность идентифицирует себя с определенной социальной или этнической группой, выражением интересов и статуса которой является эта идеология, тогда можно говорить о формировании убеждений как ядра направленности личности. Убеждения становятся доминирующим мотивом поведения, определяют способ мышления и восприятия социальной реальности, эмоциональные переживания человека, его самосознание.

Мы выявили следующие основные коммуникативные стратегии, реализуемые в социальной группе как тексте текстов:

- стратегия формирования ненависти к китайцам, разжигания межнациональной розни;
- стратегия побуждения к насилию над китайцами;
- контрстратегия защиты китайской культуры и китайцев как нации.

1. СТРАТЕГИЯ ФОРМИРОВАНИЯ НЕНАВИСТИ К КИТАЙЦАМ, разжигания межнациональной розни. М. Г. Стадников справедливо замечает, что «авторы экстремистских текстов выстраивают повествование по нескольким основным блокам. Первое, что предлагается — субъективная ценностно-насыщенная, иррациональная виртуальная реальность, которая выдается за действительное состояние дел в тех или иных сферах жизни. Такая реальность жестко структурируется по принципу разделения на „Мы“ и „Они“, где „Они“ это враги, а „Мы“ — это те,

кто страдает от их действий. Повествование строится на остром эмоциональном фоне. Вина за происходящее возлагается на конкретные социальные группы, которые стигматизируются. События, разворачиваемые в экстремистских текстах, могут иметь и объективную природу, но их трактовка всегда носит иррациональный субъективно-оценочный характер» [Стадников 2012]. Обозначенная нами стратегия реализуется посредством следующих речевых тактик:

- **«открою глаза на китайцев»:** через размещение видеороликов и фотографий, на которых запечатлены издевательства над животными (фактологическая основа — заказное коммерческое видео, на котором запечатлено, как девушка азиатской внешности (в комментариях к видео потом выясняется, что она не китайка) намеренно затоптала каблукми кролика). В том, что такой контент вызывает неприятие и агрессию, не приходится сомневаться. Обратимся к комментариям членов виртуального сообщества: «ненавижу этих *баных У*БКОВ КИТАЙЦЕВ!!! СУКА СЖОГ БЫ ВСЕХ НАХ*Й И ПОИЗДЕВАЛСЯ СНАЧАЛА!!! ИХ ПАЛЬЦЫ ПООТРУБАЛ НАЧИСТО ЗА ИХ УБИЙСТВА»; «хочу убивать китайских детей, выкалывать им глаза, проламывать черепа, ломать им позвоночники, живьем сжигать!!!!!!! сука, ненавижу этих косоглазых х*исосов, нацию живодеров, и говноедов, которые жрут все подряд, даже детей своих»; «пора уничтожить узкоглазую мразь...за то что они делают с животными...поломать им все кости».

- **«желтая угроза», обвинение в захвате территории РФ** (фактологическая основа: Россия на 2012 г., согласно политике государства (миграционной квоте), занимает второе место в мире по количеству мигрантов): «Понаехали тут. Пусть тараканов жрут, ублюдки!!!!!!!»; «где бы они не появлялись после них остается только одно дерьмо. Они не должны находиться на нашей территории, и тем более пользоваться нашими ресурсами, за которые наши предки отдавали свою жизнь»; «бл* они за*бали уже везде перед глазами мельтешить бесит уже!!!»; «Они мудаки, заполонили весь Дальний Восток, и не только его. Куда не глянь — везде *баные китайские рожи. Ненавижу!!!»; «а у нас в Хабаровске их ваще по ходу одна треть населения уже. И прям беееесит, когда вижу русскую девушку под ручку с уродом узкоглазым...как можно??»; «они заполняют мир их надо Диклофозом убивать!»;

- **обвинение в глупости** через размещение видеороликов, имитирующих евро-

пейскую культуру (фактологическая основа: китайцы стараются перенять опыт и традиции Америки и Европы в режиссуре рекламы и видеоклипов, но это не всегда выходит удачно): «ахах, китайцы нормальную рекламу даже снять не могут»; «ебанутые твари. Больше тупости не видел»; «Усы-каюсь, вынос мозга. вот это полный вынос мозга...я досмарел до 39 секунды.и больше не выдержал)))) кто больше хДДД»;

- **«все, что изготовлено в Китае — плохого качества»** (фактологическая основа: для внутреннего рынка китайцы изготавливают качественную продукцию; для импорта, как правило по заказу иностранных партнеров, — дешевые некачественные товары, подделки под известный бренд, которые быстро приходят в негодность, однако позволяют демпинговать на рынке): «я их ненавижу!!! Особенно за их говенные подделки под APPLE!!! стив джобс всю жизнь отдал на разработки, и прогресс а эти желтые суки оскверняют его память!!!»; «меня узкоглазые за*бали своими предметами. брату бл*ть винтовку на днюху подарил она через неделю сломалась. бл* я б на всех узких напалм сбросил!!!»; «весь мир травят своими продуктами, шерпотрепом, гриппами всякими!!!! Косоглазые ублюдки!!!!»; «да они что нисделают постоянно гавно!!!!»)))) «надо запретить им въезжать на территорию России мало ли что они подают в своих ресторанах»;

- **обвинение в нечистоплотности** (фактологическая основа: китайские специи, используемые при приготовлении пищи, имеют специфический запах, не привычный для европейского носа, а этот запах впитывается в волосы и одежду): «Весь район у рынка заселили, все детские площадки их маленькими вонючками кишат. Они наверно вообще не моются! фу! Засранцы!!!»; «ой сочувствую тем, кто сейчас в Китае торчит! Я в эту жопу больше не поеду!!! засралась в гавне собственном и радуются, блин!»; «Я уже 2 года живу с ними...аааа тараканы и крысы более приятные соседи...СЦуки эти грязнее вокзальных Бичей!!!».

С. К. Тамазян отмечает, что «социальная интеракция подростков в виртуальных социальных сетях характеризуется наличием инструментов поиска единомышленников, простыми и действенными механизмами установления социальных контактов и обмена информацией» [Тамазян 2012]. Именно поэтому мы смеем предположить, что экстремистская идеология распространяется в социальных сетях достаточно легко, особенно когда информация подается под таким углом, как описано выше, а факты искажаются.

Интересным нам кажется тот факт, что пользователи социальной сети часто путают представителей разных наций, демонстрируют незнание культуры стран Азиатско-Тихоокеанского региона, низкий уровень грамотности (это свидетельствует о малообразованности; уровень конформности у таких людей высокий, и они легко поддаются манипуляциям): «Ой бл*ть ебанные китайцы сука сделайте все хакари бл*ть пидорасы сраные да я лучше усюглазого убью чем што либо подобное сделаю с котом». Здесь уместно привести следующее высказывание: «Эмоциональная палитра у человека складывается из страха, ужаса, обид, разочарований, чувства непосредственной угрозы, опасности, недоумения, бессилия. Память очень действенно реагирует на броские образы, которые чаще всего ярко эмоционально окрашены. Криминологическую значимость имеет изучение системы ценностей, продуцируемых обществом в целом и его отдельными частями, которые и оказывает непосредственное влияние на состояние преступности, ее структуру и динамику, создавая определенный моральный фон, как во всем обществе, так и в тех или иных демографических когортах населения страны или региона» [Чабанянц 2002].

3. КОНТР-СТРАТЕГИЯ ЗАЩИТЫ КИТАЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ И КИТАЙЦЕВ КАК НАЦИИ. Данная стратегия представлена репликами пользователей из категории «чужих». Эти реплики всегда представляют собой ответную реакцию на нападающее высказывание. Мы выделили следующие тактики:

– **тактику разоблачения дезинформатора** (пользователь, приводя логические аргументы, доказывает абсурдность некоторых утверждений): «Юлия, что ты несешь?? введи в Википедии имя концептуального художника Чжу Юй который сделал в 2000 г. фотосессию Eating People дабы упрекнуть мир в том что ни в одной стране нет законов о каннибализме. И тут же вонючие журналюшки раздули истории что едят детей. Причем во всех статьях фото те же, а сюжеты свои»; «ваша группа только распространяет в умах людей ненависть к китайскому народы... вы не жили в Китае это очевидно, иначе не писали бы ту глечность которая у вас вверху написана... вы пряма как пещерный человек... ничего подобного в Китае нет! мне жаль вас и тех людей которые этому всему верят...»; «Какието ублюдки сняли жестокое видео ради ПИАРА !! ничего более !!! того !! ИЛИ ВЫ ДУМАЕТЕ НЕТ КИТАЙЦЕВ КОТОРЫМ ЖАЛКО ЖИВОТНЫХ ??? Ощущение что вы все плоскоззные.. далбше своего

забора не видите ???? Вы сами то русские на себя пробовали смотреть?»;

– **тактику «русские ничем не лучше»** (пользователь «отзеркаливает» дискредитирующие высказывания в адрес китайцев и приводит доказательства своей правоты): «русские себя в своей собственной стране ещё еб*нутей ведут, вам не кажется? хипстеры петушки футбольные фанаты. чего только дешевое быдло с районов стоит, которое не уважает даже собственную землю — плюют срут и ссут там где живут. так вот для начал лучше с собой разберитесь и полюбите свою страну, а потом уже что-то о других говорите»; «И не только Китайцы убивают животных! Ребят поверти русские нечем не отступают! А где то даже хуже! (Пусть все эти твари здохнут!) Как мы живём среди таких!»;

– **тактику демонстрации потребности России в трудовых мигрантах и их полезности:** «Это похоже на фашистский кружок. Неужели Вы все не понимаете, что проблема не в том, что они приезжают к нам, а в том что они умеют использовать, то что большинство русских использовать не умеет. Что? Мозги! Где наше производство, способное составить конкуренцию китайскому? Я недавно купила картошку и увидела надпись made in China. Мы- аграрная страна, столько плодородных земель нет нигде! И мы не можем уже даже картошку вырастить? Это было бы смешно, если бы не было б так грустно... Проблема и в том, что они не уважают нашу культуру, но за что нас сейчас уважать? Все чем может гордиться Россия сделали наши предки. А сейчас мы умеем только пить да курить всякую дрянь и материться, да еще гордиться, что мы русские... но что ты сделал для того, чтобы наши потомки гордились тем же?»; «Вы кушаете китайские продукты, одеваете китайскую одежду, покупаете китайские запчасти на свои жигули...»; «Эээх товарищи..Вы ислам скоро примите насильственно а вы все трандите на тех кто вам трусы шьют. Ну не нравятся трусы — не покупайте их! Ходите в бутики покупайте брендовые!»; «Китайцы напару с чурками пол Хабары уже построили =D А что сделали вы? =D».

Таким образом, проанализировав как текст текстов виртуальные сообщества в социальной сети «ВКонтакте», ставящие целью дискредитировать китайцев, мы приходим к выводу о том, что ряд высказываний членов данных сетей можно признать экстремистскими. Указанные виртуальные со-

общества распространяют среди молодежи идеологию экстремистского характера, поскольку «если определенная идеология содержит в себе радикальную программу действий, предполагающую систематические и массовые меры физического насилия, вплоть до геноцида целых социальных групп, а также нормы вседозволенности в отношении политических и социальных оппонентов, противников и инакомыслящих, то, как кажется, такую идеологию вполне можно определить как экстремистскую» [Яхъяев]. Члены данных виртуальных сообществ в основном малообразованные подростки с высоким уровнем конформности, из-за чего они становятся легкой добычей манипуляторов, в чьих интересах — распространение ненависти к китайцам как этнической группе. Считаем, что подобные виртуальные сообщества должны выявляться модераторами социальных сетей и удаляться, а их создатели и активные участники должны привлекаться к административной ответственности, дабы защитить неокрепшие умы подростков от влияния «чужого слова».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Актуальные проблемы противодействия национальному и политическому экстремизму* : материалы Всерос. науч.-практ. конф. : в 2 т. Т. 1. / под ред. А.-Н. З. Дибирова, М. Я. Яхъяева, А. М. Муртазалиева, К. М. Ханбабаева. — Махачкала : Лотос, 2008.
2. *Бобровский С.* Эволюция и искусственная жизнь // PC WEEK/RE. 2005. № 4. С. 32—33.
3. *Бурковская В. А.* Криминальный экстремизм в современной России. — М., 2005.
4. *Вехов И. В.* Экстремизм в современной России: механизм воспроизводства и меры социального контроля : автореф. дис. ... канд. социол. наук. — СПб., 2011.
5. *Википедия* : свободная энцикл. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/>.
6. *Гальперин И. Р.* Текст как объект лингвистического исследования. — М. : Наука, 1981.
7. *Димлевич Н. Р.* «НЕТ!» Информационному терроризму в Интернете. 2011. URL: <http://www.truenet.info/analitika> (дата обращения: 28.08.2012).
8. *Евтюшкин А. Ю.* Молодежный политический экстремизм в современной России : автореф. дис. ... канд. полит. наук. — М., 2009.
9. *Киселев Ю. В., Кисляков П. А.* Информационные угрозы экстремизма в отношении детей и молодежи. 2012. URL: <http://www.rae.ru/forum2012/275/1637> (дата обращения: 24.08.2012).
10. *Лазарева Э. А.* Системно-стилистические характеристики газеты. — Екатеринбург, 1993.
11. *Лазебная И. Б.* Особенности выражения речевой агрессии в современном английском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Белгород, 2007.
12. *Оселков А. А.* Психологические особенности влияния на студентов высших учебных заведений материалов экстремистской направленности : автореф. дис. ... канд. психол. наук. — Ростов н/Д, 2011.
13. *О противодействии экстремистской деятельности* : федеральный закон № 114-ФЗ : принят 25 июля 2002 г. // Российская газета. 2002. 30 июля. № 138—139.
14. *Причины распространения этнического экстремизма и ксенофобии среди молодежи (Центральный федеральный округ)* : сб. материалов социол. исследования / под ред. проф. Л. Я. Дятченко. — Белгород : Изд-во БелГУ, 2008.
15. *Реутов Е. В.* Причины распространения экстремизма и ксенофобии в молодежной среде // Причины распространения этнического экстремизма и ксенофобии среди молодежи (Центральный федеральный округ) : сб. материалов социол. исследования / под ред. проф. Л. Я. Дятченко. — Белгород : Изд-во БелГУ, 2008.
16. *Сазанов В. М.* Социальные сети как новая общественная сфера. Системный анализ и прогноз. — М. : Лаборатория СВМ, 2010.
17. *Сандомирский М.* Мнение // Социальные сети делают людей безответственными / С. Козловский // Мнения.Ру : сайт. URL: <http://mnenia.ru/rubric/tech/socialnye-seti-delayut-lyudey-bezotvetstvennyimi/>. 2011. 15 нояб.
18. *Стадников М. Г.* Коммуникативная структура экстремистского текста. 2012. URL: http://rus.jf.spbu.ru/upload/files/file_1333960893_1391.doc (дата обращения: 28.08.2012).
19. *Тамазян С. К.* Социальная интеракция в неформализованных сетях современных российских подростков : автореф. дис. ... канд. социол. наук. — Ставрополь, 2012.
20. *Чабаянц М. Б.* Криминологические аспекты влияния жестокости и насилия в средствах массовой коммуникации на агрессивное поведение несовершеннолетних : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Ставрополь, 2002.
21. *Чураева Н. С.* Социально-психологические механизмы формирования виртуальных сообществ : автореф. дис. ... канд. психол. наук. — М., 2009.
22. *Щербинина Ю. В.* Вербальная агрессия. 2006. URL: <http://urss.ru/cgi-bin/db.pl?cp=&page=Book&id=36856&lang=en&blang=ru&list=154>.
23. *Яхъяев М. Я.* Истоки и причины существования экстремизма как негативного социального явления. URL: <http://www.ekstremizm.ru/biblioteka/knigi/item/681-filosofsko-ideologicheskie-korni-ekstremizma> (дата обращения: 09.09.2012).

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, доц. М. Б. Ворошилова

УДК 811.111.1'27
ББК Ш143.21-7

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.19

Д. В. Ансокова Д. V. Ansokova
Нальчик, Россия Nalchik, Russia

**АДРЕСАНТ И АДРЕСАТ
КАК ЭЛЕМЕНТЫ АНГЛОЯЗЫЧНОГО
ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА**

**ADDRESSER AND ADDRESSEE
AS ELEMENTS OF THE ENGLISH-LANGUAGE
POLITICAL DISCOURSE**

Аннотация. Раскрываются понятия «адресант» и «адресат» в рамках институционального и неинституционального политического дискурса. Виды дискурса характеризуются на примерах речей политических деятелей. Определяется степень терминологичности политического дискурса, которая, как доказывает автор, напрямую зависит от ролей и участников дискурсивной деятельности.

Abstract. The article focuses on the discussion of the terms “addresser and addressee” within the structure and the content of the institutional and non-institutional political discourse. Speeches of politicians are widely used for the representation of particular types of discourse. The author determines the terminological density of political discourse, which depends directly on the roles and personalities of the participants of political discourse.

Ключевые слова: институциональный политический дискурс; неинституциональный дискурс; адресант; адресат.

Key words: institutional political discourse; non-institutional discourse; addresser; addressee.

Сведения об авторе: Ансокова Диана Вячеславовна, аспирант Пятигорского государственного лингвистического университета.

About the author: Ansokova Diana Vyacheslavovna, Post-graduate Student of Pyatigorsk State Linguistic University.

Место работы: ИП.

Place of employment: Sole trader.

Контактная информация: 357532, г. Пятигорск, пр-т. Калинина, 9.
e-mail: Di07@mail.ru.

Публикация выполнена в рамках проекта «Российская и западноевропейская научная ментальность в зеркале языка (1945—2011 гг.): когниолингвистическое и лексикографическое моделирование языковой картины мира научно-инновационной и научно-производственной сфер (эволюционная динамика, внутриязыковые и межъязыковые корреляции)» по заданию Министерства образования и науки РФ по Аналитической ведомственной целевой программе «Развитие научного потенциала высшей школы на 2012—2014 гг.» (руководитель проекта — д-р филол. наук, профессор ФГБОУ ВПО «Пятигор. гос. лингв. ун-т» О. А. Алимуратов).

Тексты политического дискурса, как и тексты любой другой дискурсивной принадлежности, предполагают определенного адресата и адресанта и носят дифференцированный характер (в зависимости от социального положения, профессионального уровня коммуникантов, обстановки осуществления дискурсивной деятельности).

С точки зрения социолингвистики разграничиваются два основных вида дискурса: *персональный* (лично ориентированный) и *институциональный*. В первом случае (и это, полагаем, характерно и для политического дискурса) речь призвана служить диалогическому общению на сокращенной дистанции с повышенной семантической нагруженностью невербальной коммуникации либо монологическому насыщенному смыслами общению развернутого характера [Горелов 1995: 137; более подробно о смысловой составляющей дискурса см.: Алимуратов 2005: 57 и след.].

В рамках институционального политического дискурса адресант выступает от лица того или иного политического института, придерживаясь определенных статусно-ролевых

и ситуационно-коммуникативных норм. Как отмечает В. И. Карасик, «институциональное общение — это коммуникация в своеобразных масках», для которого типично использование трафаретных жанров и речевых клише [Карасик 2000: 12], а дистанция между адресантом и адресатом политического дискурса в данном случае возрастает.

В рамках политической коммуникации представляется возможным выделить следующих основных ее участников: политические институты (государство, политические партии, гражданское общество), задачей которых является установление и поддержание власти, обеспечение законности в обществе; организованные и неорганизованные группы людей и индивиды из народа, которые являются так называемыми клиентами политического дискурса [Шейгал 2000: 44]. Последние могут принимать участие в политической жизни как в институциональной (выборы), так и в неинституциональной (митинги, выступления) форме. Отдельно следует выделить СМИ, выступающие в качестве транзитера информации от поли-

тической власти к народу. Как известно, в качестве наиболее властного политического адресанта выступает именно государство.

С учетом основных параметров политической деятельности можно классифицировать участников политического дискурса. Предложим подобную классификацию, сделанную на материале англоязычных политических текстов, сгенерированных участниками политического процесса, не являющимися носителями английского языка.

1. Адресант — профессионал, индивидуальный/коллективный; адресат — профессионал, индивидуальный/коллективный; обстановка — формальная

Этот вариант институционального политического дискурса осуществляется в таких жанрах, как международные переговоры и официальные встречи глав государств, при обмене информацией между отдельными политическими лицами или группой лиц. Имеет смысл в данном виде политического дискурса выделять *внутренний* (служебная переписка, закрытые заседания и т. д.) и *внешний* (дискуссии, переговоры, круглые столы) подвиды. Таким образом, перед нами профессионально-политическое общение в рамках статусного политического института [Бакумова 2002]. Здесь могут наблюдаться персуазивная, аргументативная, информативная функции, функция установления темы.

(1) Statement by H. E. Dilma Rousseff, President of the Federative Republic of Brazil, at the opening of the General Debate of the 66th Session of the United Nations General Assembly. New York, 21 September 2011

The world is going through an extremely delicate moment, which is also a great historic opportunity. We face an economic crisis that, unless it is overcome, could become a grave political and social rift. Such a rift would be unprecedented, capable of causing serious imbalances in the relationship among people and among nations. More than ever, the fate of the world is in the hands of its leaders — all of them, without exception. We can either unite and together emerge victorious; or we can emerge defeated. At this moment, it is not so important to know who caused the situation we face — after all, that is already sufficiently clear. Our focus must be on finding collective, rapid, and real solutions [Rousseff 2011].

(2) Statement by H. E. Mr. Sergey V. Lavrov, Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation, at the 66th Session of the UN General Assembly, 27.09.2011

*Distinguished Mr. President,
Ladies and gentlemen,*

This year the session of the General Assembly has opened at a time when international

relations are going through a zone of turbulence. The Middle East and Northern Africa have entered a period of large-scale changes, and the situation is “feverish” in some other parts of the world. We have not yet been able to reliably put the world economy back on the track of progressive sustainable development. The accumulation of alarming factors has been accompanied by exacerbation of social, interethnic and intercultural conflicts, and outbreaks of extremism [Lavrov 2011].

Как видно из примеров, данный вариант политического дискурса действительно является наиболее формальным. Для него характерно наличие политической терминологии, калькирования (*face an economic crisis, political and social rift, emerge victorious, a period of large-scale changes, put the world economy back on the track*). Если обратиться к синтаксису, заметно максимальное использование сложносочиненных и сложноподчиненных предложений, причастных и деепричастных оборотов (*We face an economic crisis that, unless it is overcome, could become a grave political and social rift; We can either unite and together emerge victorious; or we can emerge defeated; This year the session of the General Assembly has opened at a time when international relations are going through a zone of turbulence*). В рамках персуазивной и информативной функции в вышеуказанных и подобных им примерах широко применяются следующие выразительные средства: *метафора* (*international relations are going through a zone of turbulence*), *анадиплосис*, *т. е. подхват* (...a grave political and social rift. Such a rift would be unprecedented...), *метонимия* (*the Middle East and Northern Africa have entered a period of large-scale changes*).

Обратимся к анализу следующей дискурсивной ситуации, параметрически отличающейся от описанной.

2) Адресант — профессионал, индивидуальный/коллективный; адресат — непрофессионал, индивидуальный/коллективный; обстановка — формальная/неформальная

Данный вид политического дискурса встречается в публичных выступлениях, речах политиков, адресованных широкой аудитории; в предвыборной агитации, когда политические лидеры нередко «выходят в народ» и происходит непосредственное общение с отдельными представителями электората. Сюда же относятся агитационные листовки, а также пресс-конференции, на которых СМИ играют роль ретрансляторов политических речей. Подобный вид политического дискурса характеризуется использованием аргументативной, ориентационной, персуа-

живной, акциональной, суггестивной функций, а также функциями социального контроля и магической функцией.

(3) President Kabila's Inauguration Speech 2011

As the president of all Congolese, I will remain open. I am convinced that together, determined and motivated, we can meet the challenge of the development of our country. I will work with all compatriots who have the passion of the Congo and who sincerely want to work for its modernization. When serving the country, there are no political camps. Only competence, patriotism and goodwill matter [Kabila 2011].

(4) Speech by her Excellency the President of India Shrimati Pratibha Deviningh Patil at the 40th anniversary celebrations of the Delhi Public School, R. K. Puram. New Delhi, 18th April, 2012

*Ladies and Gentlemen,
and My Dear Students,*

I am very happy to be here for the 40th Anniversary Celebrations of R. K. Puram Delhi Public School, a well known school of the city. I convey my good wishes to the Management, Principal, teachers and students. In the last four decades, the school has produced alumni who have done very well in various professions such as engineering, medicine and architecture as also in the bureaucracy, defence forces and business. I congratulate all those who have won awards for outstanding achievements in different fields. In its work, the school has been guided by the vision of opening young minds through comprehensive and holistic education. I wish the school greater success in the years to come [Patil 2012].

При обращении политических лидеров к своему народу дискурс приобретает более эмоциональный оттенок, что связано с целью расположить электорат к политике. В связи с этим степень терминологичности снижается, но поскольку речи официальные, по количеству сложных предложений данный вид дискурса не многим уступает предыдущему (*I am convinced that together, determined and motivated, we can meet the challenge of the development of our country; I am very happy to be here for the 40th Anniversary Celebrations of R. K. Puram Delhi Public School, a well known school of the city*). Речь президента Конго, будучи инаугурационной, направлена на привлечение внимания к своей персоне, на приобретение еще большего числа сторонников в лице народа. Таким образом, ожидаемо употребление местоимений 1-го лица ед. числа, что мы и наблюдаем (*I will remain open, I am convinced, I will work*).

Один из самых редких видов политического дискурса со схемой «профессионал →

непрофессионал» наблюдается в ситуации личного приема гражданина или группы граждан отдельным государственным деятелем [Шейгал 2000]. В данном случае указанная функциональная специфика политического дискурса доводится до максимума.

3. Адресант — непрофессионал, индивидуальный/коллективный; адресат — профессионал, индивидуальный/коллективный; обстановка — формальная

Такого рода дискурс чаще носит односторонний характер и осуществляется в таких жанрах, как телеграммы, письмо, обращение с жалобами и предложениями, адресованное политическим деятелям или партиям [Бакумова 2002].

Сюда же относим политические интервью, в которых речевые действия направлены на представителя политического института, что является реализацией схема «непрофессионал → профессионал».

(5) Financial Times interview with Jacob Zuma, 24 February 2010

FT: What are you hoping to get out of your state visit to the UK?

JZ: I'm sure we are hoping to strengthen our relations with the UK. As you know we have long historical traditional relations. We are members of the Commonwealth. There are some issues that I have been feeling are relevant to member states. I feel the Commonwealth is a very unique association of countries. But one has a feeling it has been dealing with issues only very softly. You could have a very well organised voice on global issues and use that structure to impact on global issues.

FT: You mean things like?

JZ: Including climate change. In the last summit of the Commonwealth we issued a very strong statement on climate change but also on the issue as it relates to member states. There are other issues for example, the transformation of the institutions of the world. What is the view of the Commonwealth on those kinds of matters? The majority of its member states are disadvantaged. We must hear their views. And, shouldn't we be thinking how this important organisation however well represented how it could impact on the global issues [Zuma 2010].

Формальная обстановка данного вида политического дискурса, как свидетельствует вышеуказанный пример, обязывает адресата не забывать о своем профессиональном статусе. В зависимости от тематики интервью речь политика, даже в том случае, если он не является носителем английского языка, может отличаться той или иной степенью терминологичности. В нашем случае политическая терминология употребляется (*to strengthen our relations, we issued a very*

strong statement, transformation of the institutions of the world). Так же, как и в других профессиональных политических речах, здесь применяются сложные предложения и обороты. Стоит отметить частотное употребление местоимений 1-го лица множественного числа, что также свойственно дискурсу рассматриваемого типа, адресатами которого выступают политические лидеры.

4. Адресант — непрофессионал, индивидуальный/коллективный; адресат — непрофессионал, индивидуальный/коллективный; обстановка — неформальная

Данный вид политического дискурса характеризуется отсутствием институционального компонента. Коммуниканты не являются непосредственными членами политического института. Языковой контакт происходит между представителями «неаппаратного» сообщества — людьми, являющимися специалистами в других сферах, не политической; политической является лишь тематика дискурсивного процесса.

(6) Askville forum. A pointless waste of American lives

HELENOFTROY:

Good grief, I'll try not to go off the deep end. I think we should get every American Servicemember out of there. Let them kill, bomb and fight until they've gotten it out of their systems. They do not appreciate the US butting in, anyway. What is it, 3000 of our men and women killed, for what? Oil?

When the citizens of Iraq have finished destroying each other then we, and other countries can go in and help them rebuild. At that point our help might be appreciated. Of course, I'll never be elected president [HELEN of Troy].

Неинституциональный дискурс, безусловно, имеет явные отличия от формального политического дискурса как на языковом, так и на эмоциональном уровне. В данном примере заметна моральная раскрепощенность, что отражается и в наборе языковых элементов. Подобная речь свободна от характерной политической терминологии, но выразительные средства в ней употребляются, а именно: риторический вопрос (*What is it, 3000 of our men and women killed, for what?*), идиома (*to go off the deep end — выходить из себя*). Отсутствие рамок институциональности допускает и элементы иронии в речи (*Of course, I'll never be elected president*).

Сделаем выводы. Степень терминологичности политического дискурса во многом зависит от его характера и участников. В случае, когда коммуникация осуществляется между представителями профессионального политического дискурса, наличие

политической терминологии является данностью, так же как и набор сложных предложений. Чем неформальней текст, тем короче предложения. Что касается использования выразительных средств, то их число в формальном и неформальном политическом дискурсах отличается, но разница не только в количестве: варьируются и виды используемых стилистических средств. Как демонстрируют вышеприведенные примеры и другие фрагменты из нашей выборки, в формальном политическом дискурсе наиболее популярны эвфемизм, метафора, метонимия, анадиплосис, риторический вопрос, гипербола. В то же время в обыденном политическом дискурсе, в «народной» среде, широко употребимы междометия, риторические вопросы, идиомы и ирония.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алимуратов О. А. Значение, смысл, концепт и интенциональность: система корреляций // Язык. Текст. Дискурс : межвуз. науч. альманах. — Ставрополь ; Пятигорск, 2005. С. 52—65.

2. Бакумова Е. В. Ролевая структура политического дискурса : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19. — Волгоград, 2002.

3. Горелов И. Н. Социопсихоллингвистика и проблемы управления обществом // Философия языка и семиотика. — Иваново, 1995. С. 137—149.

4. Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс : сб. науч. тр. — Волгоград : Перемена, 2000. С. 5—19.

5. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. — Волгоград : Перемена, 2000.

6. HELENOFTROY. A pointless waste of American lives. URL: <http://askville.amazon.com/war-Iraq/AnswerViewer.do?requestId=553536>.

7. Kabila J. President Kabila's Inauguration Speech. 2011. URL: <http://www-958.ibm.com/software/data/cognos/manyeyes/datasets/ae2aa99c34a11e1a22600025511976/versions/1>.

8. Lavrov S. V. Statement by Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation, at the 66th Session of the UN General Assembly, 27.09.2011. URL: http://www.russiaun.ru/en/news/lavrov_ga_speech.

9. Patil P. Speech by her Excellency the President of India Shrimati Pratibha Deviningh Patil at the 40th anniversary celebrations of the Delhi Public School, R. K. Puram. New Delhi, 18.04.2012. URL: <http://presidentofindia.nic.in/sp180412.html>.

10. Rousseff D. Statement by the President of the Federative Republic of Brazil, at the opening of the General Debate of the 66th Session of the United Nations General Assembly. New York, 21.09.2011. URL: http://gadebate.un.org/sites/default/files/gastatements/66/BR_en_0.pdf.

11. Zuma J. FT interview with Jacob Zuma, 24.02.2010. URL: <http://www.ft.com/cms/s/0/88f57080-2166-11df-830e-00144feab49a.html#axzz1stBO6c9p>.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов

Е. А. Бородавкина E. A. Borodavkina
Пушкин, Россия Pushkin, Russia

**РОЛЬ КАТЕГОРИИ НАКЛОНЕНИЯ
В ФОРМИРОВАНИИ СУБЪЕКТИВНО-
ОБЪЕКТИВНОЙ МОДАЛЬНОСТИ
ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА**

Аннотация. Модальность политического дискурса рассматривается как средство построения новой картины мира в сознании реципиента. Категория наклонения — это эксплицитный способ выражения модальных отношений. Через категорию наклонения реализуется объективная модальность.

Ключевые слова: политический дискурс; язык как средство социального взаимодействия; оратор; реципиент; индикатив; сослагательное наклонение; субъективная модальность; объективная модальность.

Сведения об авторе: Бородавкина Елена Анатольевна, старший преподаватель кафедры английской филологии факультета иностранных языков.

Место работы: автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина».

Контактная информация: 196605, г. Санкт-Петербург, Пушкин, Петербургское шоссе, д.10.
e-mail: ramsy@mail.ru.

**THE CATEGORY OF MOOD
AS MEANS OF FORMING SUBJECTIVE
AND OBJECTIVE MODALITY
OF POLITICAL DISCOURSE**

Abstract. In the article the political discourse is viewed upon as means of creating a new picture of the world in the mind of the recipient. The category of mood expresses modality explicitly. Objective modality is realized through the category of mood.

Key words: political discourse; language as means of social interaction; speaker; recipient; indicative mood; subjunctive mood; subjective modality; objective modality.

About the author: Borodavkina Elena Anatolyevna, Senior Lecturer of the Chair of English Philology of the Department of Foreign Languages.

Place of employment: Autonomous Educational Establishment of Higher Professional Education "Leningrad State University n. a. A. S. Pushkin".

Анализ политических текстов находится в центре внимания лингвистов, так как политический дискурс фиксирует практически все языковые изменения, отражает живой язык современности, поскольку язык является инструментом, с помощью которого формируются, распространяются или видоизменяются идеи, формулируются, обосновываются или защищаются решения; язык — это средство социального взаимодействия. В свете этого «сегодня чрезвычайно актуально изучение мыслительных процессов и социально значимых действий людей. Последние в значительной мере осуществляются через порождаемые и воспринимаемые личностью тексты» [Тураева 2011: 9]. По мнению З. Я. Тураевой, тексты могут передавать не только фактическую, но и контрфактическую картину мира, которая может оказать сильное воздействие. Текст обретает социальную силу, вторгаясь в систему взглядов, убеждений, мнений, знаний реципиента. В результате в когнитивном пространстве реципиента возникает определенная модель мира, которая может отличаться от онтологически существующей картины мира и даже не совпадать с моделью мира говорящего. Модальность политического дискурса — это действенное средство построения новой картины мира в сознании реципиента.

© Бородавкина Е. А., 2012

Чтобы правильно декодировать сообщаемое, адресату необходимо знать, идет ли речь о чем-либо воображаемом, но не осуществимом в силу отсутствия необходимых для этого условий (сослагательное наклонение), или имеется в виду не воображаемое, а то, что имеет отношение к реальной действительности, к жизненному опыту (изъявительное наклонение). Наклонение устанавливает соотношение между действительностью и высказыванием с точки зрения реальности/ирреальности, т. е. является категорией, выражающей модальность.

Основу категориальной дифференциации наклонений составили такие логические модальные понятия, как действительность, необходимость, возможность. Это обусловлено тем, что объектом лингвистического анализа сначала было наклонение как формально маркированная категория, указывающая на действительное (изъявительное наклонение), необходимое (повелительное наклонение), возможное (сослагательное наклонение) действие.

А. В. Зеленщиков, описывая содержательные характеристики категории модальности, выделяет систему противопоставленных значений «реальность/ирреальность/виртуальность». Критерий принадлежности ситуации к тому или иному члену оппозиции,

по мнению ученого, можно вывести с опорой на понятие «интерпретации». «Интерпретация» есть процесс установления истинного значения пропозиции, выраженной в предложении [Зеленщиков 1997: 204].

При эксплицитном использовании говорящим показателей модальности мир интерпретации соотносится не только с действительным миром, а со множеством миров. Формы наклонения, наоборот, соотносят мир интерпретации с действительным миром в аспекте реальности/ирреальности.

Основным грамматическим средством выражения действия, которое, с точки зрения говорящего, соответствует действительности, является индикатив. По мнению многих лингвистов (В. В. Виноградова, В. Д. Аракина, Н. Е. Петрова, А. В. Зеленщикова), индикативные (простые и не содержащие в своем составе модальных операторов) предложения констатируют реальное действие в настоящем, прошедшем и будущем времени. Именно утверждение как речевой акт имеет целью представить сказанное как отражение истинного положения дел в мире.

Как отмечает Д. А. Штелинг, в языке существует два основных вида сообщений с формами изъявительного наклонения: 1) сообщения, констатирующие общие истины — то, что истинно для всех и всегда; 2) сообщения частные, конкретные, единичные, ориентированные на определенного слушателя или читателя [Штелинг 1996: 210].

Основным компонентом сообщений первого типа является глагол в презентной форме. Категория, называемая по традиции настоящим временем, употребляется для выражения либо того, что является истинным, действительным всегда и для всех, а потому и для любого момента речи, либо того, что действительно, реально, а следовательно, актуально только для людей в конкретной ситуации.

Значение истинности — это «вневременное» значение презентных форм глагола, которое выводится не из самих глагольных форм, а из контекста. Значит, основное значение приобретает не действие, выраженное определенным глаголом, а содержание всего высказывания. Иными словами, можно говорить о том, что в презентных формах глаголов происходит взаимодействие темпоральных и модальных значений. В высказываниях такого типа сообщаемое не относится непосредственно к действительности.

Научные истины, законы, правила, пословицы, поговорки и т. п. являются истинными, так как представляют собой результат длительной обобщающей работы челове-

ского мышления, познания человеком реальности, правильного ее отражения в мысли. В этом аспекте названные жанры субъективны.

В то же время законы, правила, пословицы, поговорки и т. п. являются результатом длительного жизненного опыта, наблюдений, почерпнутых из объективной действительности. В этом смысле они объективны. Пользуясь всеми этими правилами и законами, человек ценит в них то, что они дают ему объективную истину, которой он может руководствоваться в своей жизненной практике, обладают для него практической ценностью и актуальностью.

Сообщения второго типа (частные) — это сообщения о фактах или событиях объективной действительности, которые относятся к конкретному времени. Сообщения этого типа призваны уточнить, разъяснить содержащуюся в высказывании информацию, обеспечить правильное понимание сообщаемого адресатом. Д. А. Штелинг назвал служящие этому категории изъявительного наклонения «категориями ориентации адресата в действительности» [Штелинг 1996: 214].

Существование действительного мира является объективной реальностью, т. е. действительный мир выступает в качестве критерия истинности пропозиции [Зеленщиков 1997: 220]. Истинность или ложность индикативного высказывания определяется комплексом представлений адресата о действительном мире и его коммуникативной готовностью согласиться с говорящим. Поэтому если адресат обладает знанием, противоречащим высказанной пропозиции, то истинность высказывания может подвергнуться сомнению. Именно этот момент значим для политического дискурса. Эффективность ораторского выступления, очевидно, будет также определяться с учетом того, какие факты приводит говорящий для подтверждения своей точки зрения и насколько истинной является содержащаяся в выступлении информация.

В текстах политических речей ораторы широко используют как сообщения с констатацией общих истин, так и сообщения с частной информацией.

В своем выступлении 11 октября 2004 г., во время предвыборной кампании Лейбористской партии премьер-министр Великобритании Тони Блэр неоднократно обращается к историческим фактам, подчеркивая успехи лейбористского правительства в 40—50-е гг. XX в. и демонстрируя преемственность политического курса, что способствует созданию у избирателей ощущения надежности и безопасности: *The values which animated*

those great reforms of the 1940s — Beveridge, Attlee, and Bevan — are our values: equity, solidarity, a society of mutual obligation; the condition of the poor and less advantaged, the test of humanity and decency for the nation at large. <...> in the 1940s and decades beyond it was welfare, together with the nationalization of industry, which the mainstream left regarded as the main drivers of social equity and prosperity.

Исторические факты, имевшие место в действительности, представляют собой онтологическую сущность. Оратор напоминает о позитивных изменениях, произошедших под руководством лидеров Лейбористской партии, в жизни людей в послевоенное время, которые непосредственно затронули старшее поколение, составляющее часть электората. В сознании реципиента складывается картина мира, обусловленная как субъективными, так и объективными факторами. Это основано на том, что, с одной стороны, восприятие действительности обусловлено индивидуальными психическими особенностями человека, с другой — является результатом систематизации индивидуальным коллективного эмпирического опыта. Конкретные статистические данные в выступлении Т. Блэра также нацелены на объективизацию высказывания: *Two million pensioners have been lifted out of acute hardship; 700,000 children out of poverty. // Under this government the number of treatment places is up by more than 50,000 since we pledged to double treatment capacity in 1998 <...> In patient waiting list — now down almost 300,000 since we took office.*

Ссылки на известные события прошлого, на исторические личности, использование большого количества фактического материала являются эффективными приемами аргументации и манипуляции. Е. И. Шейгал отмечает, что большая часть политической коммуникации посвящена размышлениям о прошлом и прогнозированию будущего: «Прошлое предоставляет образцы и свидетельства положительного или отрицательно-го опыта, апелляция к которым используется как аргументативный прием» [Шейгал 2000: 38]. В приведенном примере автор показывает адресату, насколько достоверной, соответствующей действительности является передаваемая информация; реализуется объективная модальность.

При манипулятивном воздействии чрезвычайно важно установить контакт с аудиторией, снять оппозицию «свои — чужие». В этом плане представляют интерес тексты речей Барака Обамы. Он старается воздействовать на слушателей как на рациональном (обращается к истории), так и на эмо-

циональном уровне (затрагивает религиозные чувства) в выступлении перед мусульманской молодежью в Каире 4 июня 2009 г., когда, говоря о роли ислама, ссылается на исторические факты: *Islam <...> carried the light of learning through so many centuries, paving the way for Renaissance and Enlightenment. It was innovation in Muslim communities that developed the order of algebra; our magnetic compass and tools of navigation; our mastery of pens and printing; our understanding of how disease spreads and how it can be healed <...>.*

Выступающий неоднократно обращается к тексту Корана, священной книге для каждого мусульманина, убеждая слушателей, что курс американского правительства не противоречит ценностям исламского мира, даже наоборот, видит в нем соратника в борьбе с терроризмом: *As the Holy Koran tells us, “Be conscious of God and speak always the truth.”*

Более того, различные религии, с точки зрения оратора, не разделяют, а объединяют: *“all of the children of Abraham”, “Moses, Jesus and Mohammed joined in prayer”, “Indeed, faith should bring us together”.* Таким образом, достигается прагматическая цель выступления — преодолеть глубокий кризис в отношениях между Америкой и исламским миром, создать позитивный образ Америки в мусульманском сообществе, а именно у молодежи, которая является наиболее внушаемой и готовой к изменениям частью нации.

Во время выступления Барака Обамы в Москве 2 июля 2009 г. целевой аудиторией оратора также была молодежь — студенты и выпускники Новой экономической школы. Для установления контакта американский президент в самом начале своего выступления говорит о вкладе России в мировое культурное наследие, науку, о позитивном вкладе русских иммигрантов в жизнь американского общества: *<...> I speak to you today with deep respect for Russia’s timeless heritage. Russian writers have helped us understand the complexity of the human experience, and recognize eternal truths. Russian painters, composes, and dances have introduced us to new forms of beauty. Russian scientists have cured diseases, sought new frontiers of progress, and helped us go to space.*

These are contributions that are not contained by Russia’s borders, as vast as those borders are. Indeed, Russia’s heritage has touched every corner of the world, and speaks to the humanity that we share. That includes my own country, which has been blessed with Russian immigrants for decades: we’ve been enriched by Russian culture, and enhanced by Russian cooperation. And as a resident of

Washington, D. C., I continue to benefit from the contribution of Russians — specifically, from Alexander Ovechkin. We're very pleased to have him in Washington, D. C.

Говоря о роли выпускников Новой экономической школы в развитии российской и мировой экономики, Барак Обама цитирует А. С. Пушкина: *As Pushkin said, "Inspiration is needed in geometry, just as much as poetry."*

Так происходит скрытое внедрение в психику объекта и формирование в его сознании целей, намерений, установок, отношений, не совпадающих с теми, которые адресат мог бы сформировать самостоятельно.

Наряду с индикативом, для стратегий политического дискурса характерно использование сослагательного наклонения. Сослагательное наклонение обозначает действие или состояние, существующее только в воображении говорящего. В формах сослагательного наклонения проявляется способность человека конструировать, создавать новые идеи, понятия, теории. Они не существуют в действительном мире, а относятся к виртуальной реальности. В этом плане сослагательное наклонение противопоставляется индикативу как наклонению, выражающему реальные факты, факты самой действительности. Необходимо отметить, что в основе создания этой виртуальной реальности лежит коллективный опыт, коллективное знание о действительном мире.

Аналитическая форма условного наклонения, являющаяся основной формой сослагательного, подразумевает, что воображаемый факт является нереализуемым вследствие нехватки определенных условий или обстоятельств. Таким образом, как подчеркивает Д. А. Штелинг, уже в самом грамматическом значении этой формы содержатся две семы: 1) мыслимо допускаемое, воображаемое (независимо от реального существования); 2) невозможность реализации воображаемого вследствие отсутствия необходимых условий [Штелинг 1996: 206].

Степень вымысленности воображаемой ситуации в совершенных и несовершенных формах сослагательного наклонения различна, следовательно, отрицание возможности осуществления этой ситуации неодинаково: в совершенных формах возможность минимальна, в несовершенных ее отрицание менее категорично, в этих формах ярче выражен момент личный, субъективный. Приведем пример: *The terrorists do not merely object to American actions in Iraq and elsewhere, they object to our deepest values and our way of life. And if we were not fighting them in Iraq, in Afghanistan, in Southeast Asia, and in other places, the terrorists*

would not be peaceful citizens, they would be on the offense, and headed our way (George W. Bush: Address to Nation on Iraq War Progress. 18 December 2005).

Описываемое действие относится к настоящему. С помощью формы Past Indefinite (**were not fighting**) констатируется, что к моменту высказывания действие не было осуществлено, в силу чего оно выступает как существующее в виде возможности. Нереальность главного предложения, выраженная формой **would not be**, является зависимой, обусловлена нереальностью условия, выраженного в придаточном предложении. Поэтому придаточное условия предшествует главному. Прагматически это означает, что говорящий старается оправдать военные действия американской армии в Ираке и внушить аудитории мысль об угрозе американскому образу жизни и американским ценностям.

Эта мысль прослеживается и в выступлении другого президента, Барака Обамы, четыре года спустя. При этом на первый план выдвигается утверждение о возможности и желании вывода войск из Афганистана (**would gladly bring**), которое ограничено гипотетическим условием (**if we could be confident**): *...we do not want to keep our troops in Afghanistan. We seek no military bases there. It is agonizing for America to lose our young men and women. It is costly and politically difficult to continue this conflict. We would gladly bring every single one of our troops home if we could be confident that there were not violent extremists in Afghanistan and Pakistan determined to kill as many Americans as they possibly can* (4 June, 2009, Cairo, Barack Obama).

Оратор не принимает на себя полной ответственности за развитие ситуации, а подчеркивает объективную обусловленность своих действий.

Совершенные формы сослагательного наклонения описывают действия, относящиеся к прошлому, поэтому выражают наибольшую степень нереальности осуществления событий, ср.: *There is one common consistent theme, however: the total determination of Saddam to maintain the programme; to risk war, international ostracism, sanctions, the isolation of the Iraqi economy, in order to keep it. At any time, he could have let the inspectors back and put the world to proof. At any time, he could have co-operated with the UN. Ten days ago he made the offer unconditionally, under threat of war. He could have done it at any time in the last eleven years. But he didn't. Why?* (Prime Minister's Statement, 24 September, 2002).

Сочетание модального глагола **could** с перфектным инфинитивом указывает на не-реализованную возможность. Это позволяет оратору, Тони Блэру, делать выводы и убеждать аудиторию.

Употребляя условные придаточные предложения, выступающий эксплицитно обозначает условия для осуществления пропозиции, содержащейся в главном предложении: *But I can say that if the international community having made the call for his disarmament, now, at this moment, at the point of decision, shrugs its shoulders and walks away, he will draw the conclusion dictators faced with a weakening will, always draw. <...> If we take this course, he will carry on, his efforts will intensify, his confidence grow and at some point, in a future not too distant, the threat will turn into reality. The treat therefore is not imagined. The history of Saddam and WMD is not American or British propaganda. The history and the present threat are real* (Prime Minister's Statement, 24 September, 2002).

Таким образом, анализ употребления форм наклонения в политических речах доказывает, что они выражают модальные отношения и являются инструментом воздействия на слушателя, т. е. коррекции той картины мира, которая существует в сознании реципиента. Изъявительное наклонение описывает мир как он есть. Оратор отталкивается от объективной реальности для подтверждения субъективной точки зрения. Сослагательное наклонение, наоборот, уводит от мира реального в мир возможного, вероятного. Предположения и утверждения,

которые делает автор сообщения, направлены на объективную реальность и изменяют представление о ней в сознании слушателей так, как это необходимо оратору.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зеленищikov А. В. Пропозиция и модальность. — СПб. : СПбГУ, 1997.
2. Тураева З. Я. Язык и социальное взаимодействие // *Studia Linguistica XX*. Язык в логике времени: наследие, традиции, перспективы : сб. науч. тр. — СПб. : Политехника — сервис, 2011. С. 9—28.
3. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. — М. : Перемена, 2000.
4. Штеллинг Д. А. Грамматическая семантика английского языка. Фактор человека в языке : учеб. пособие. — М. : МГИМО, ЧеРо, 1996.

ИСТОЧНИКИ

5. *In speech in Cairo, Barack Obama seeks 'common ground' with Islam*. 6.4.2009. URL: www.politico.com/news/stories/0609/23334.html (дата обращения: 12.07.2011).
6. *President Barack Obama's Moscow Speech*. URL: <http://en.rian.ru/analysis/20090707/155460157.html> (дата обращения 28.07.2011).
7. *The New York Times* — Politics. 2005. 18 Dec. URL: www.nytimes.com/2005/12/18/politics/18bush.html (дата обращения: 26.04.2010).
8. *Tony Blair's speech to the IPPR and Demos at Beveridge Hall, University of London*. 11.10.2004. URL: http://news.bbc.co.uk/2/hi/uk_news/politics/3733380.stm (дата обращения: 18.08.2009).
9. *Tony Blair's foreword to the dossier on Iraq*. 24.09.2002. URL: <http://www.guardian.co.uk/world/2002/sep/24/iraq.speeches> (дата обращения 28.02.2008).

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, проф. О. Н. Морозова

Д. А. Васильев D. A. Vasiliev
Красноярск, Россия Krasnoyarsk, Russia

**МЕТАФОРИКА ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ
В ПУБЛИКАЦИЯХ РОССИЙСКИХ
И АМЕРИКАНСКИХ СМИ 2012 Г.**

**METAPHORS OF COLD WAR IN RUSSIAN
AND AMERICAN MASS MEDIA
PUBLICATIONS IN 2012**

Аннотация. Рассматриваются метафорические конструкции со значением оценки на базе семантики противостояния («холодная война») в публикациях российских и американских СМИ 2012 г.

Abstract. In the study the metaphoric constructions are being analyzed with a meaning of estimation that is based on the semantic of confrontation (the Cold War) in Russian and American mass media publications in 2012.

Ключевые слова: язык СМИ; метафора в оценке; российские и американские СМИ; воздействие на читателя.

Key words: mass media language; metaphor in estimation; Russian and American mass media; influence on addressee.

Сведения об авторе: Васильев Дмитрий Александрович, аспирант, специалист международного отдела.

About the author: Vasilyev Dmitry Alexandrovich, Post-graduate Student of the Department of English Philology.

Место работы: Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева.

Place of employment: "Krasnoyarsk State Pedagogical Institution" named after V. P. Astafiev.

Контактная информация: 660049, г. Красноярск, ул. А. Лебедевой, 89.
e-mail: inter.kspu.dva@gmail.com.

Изучение языка СМИ представляет для языкознания интерес по ряду причин: СМИ отражают текущие настроения в обществе и государстве, обладают значительной динамикой, влияют на мировоззрение людей и даже на их поведение. Сопоставление точек зрения, представленных в текстах различных СМИ, способов выражения этих точек зрения, особенно в том случае, если тексты СМИ создаются в разных странах и на разных языках, позволяет делать достаточно объективные выводы.

Практика СМИ различных стран демонстрирует множество случаев, когда одна и та же тема или проблема порождает публикации, содержащие прямо противоположные оценки, казалось бы, очевидных вещей. К таким внутренне конфликтным темам можно отнести противостояние стран, людских сообществ и отдельных персон, например деятельность военно-политических блоков, экономических союзов, военные конфликты, разногласия отдельных государств. Конфликтогенным является и взаимодействие представителей различных стран в международных организациях. Среди примеров последнего времени (2011—2012 г.) можно назвать международную агрессию в Ливии и ее обсуждение в ООН, события «арабской весны», особенно международное участие во внутренних событиях в Сирии, «иранскую проблему», «северокорейскую проблему», вопрос о развертывании американской ПРО вблизи границ России.

Можно предположить, что пресловутая метафора «холодная война» стала базовой

для выражения противостояния между сторонами, причем само употребление фразы «холодная война» не содержит положительную или отрицательную оценку участников противостояния. Собственно противостояние не всегда становится предметом описания, его также может и не быть в реальности.

Автор публицистического текста может использовать данное выражение и для обозначения периода в мировой истории (1946—1985 г.), и для приписывания объектам публикации состояния отношений, подобного сложившемуся между СССР и США во время их противостояния. Метафора также может быть введена с целью обозначения позиции автора (издания, канала, радиостанции, интернет-ресурса), когда затрагиваются вопросы, на которые Россия и Запад имеют противоположные точки зрения, и в данном случае положительная оценка автора и его стороны подразумевается (имплицитна), а негативная оценка противоположной стороны может быть выражена или не выражена. Оценка формируется, так сказать, «геополитически», например западный/западноевропейский (американский, немецкий, французский, британский) и прозападный журналист будет автоматически негативно оценивать действия (или бездействие) российских субъектов международной деятельности.

Автор данной работы произвел сопоставительный анализ публикаций российских и западных СМИ о грузинско-югоосетинском вооруженном конфликте августа 2008 г. [Ва-

силев 2010: 67—69]. Результаты анализа показывают, что семантика противостояния и военная семантика являются базовыми в построении структуры публицистических текстов.

Здесь автор анализирует контексты из публикаций некоторых российских и западных, включая американские, СМИ за 2012 г., содержащих метафорические конструкции оценочной направленности на основе семантики противопоставления двух сверхдержав, которая чаще выражается в виде словосочетания «холодная война».

Автор ставит целью описание оценочных метафорических средств на основе словосочетания «холодная война» в публикациях российских и американских СМИ.

Задачами исследования стали следующие:

- отбор и анализ источников для изучения метафорики холодной войны;
- уточнение методики анализа контекстов;
- определение современного состояния инструментария метафорической оценки в языке СМИ.

Методами исследования стали наблюдение, сопоставление, контент-анализ, интент-анализ, дискурсивный анализ.

Автор опирается на традиции изучения языка СМИ, представленные в трудах Г. Я. Солганика, А. П. Чудинова, Е. С. Кара-Мурза, Т. Г. Добросклонской, Е. М. Земляной и др.

Семантика оценки для коммуникативного воздействия достаточно подробно описана в работах Н. Д. Арутюновой, Е. М. Вольф, Е. В. Падучевой. О метафорике в построении оценочных высказываний и традициях изучения метафоры пишет О. Н. Лагута.

Мы полагаем, что публицисты в своих текстах пытаются целенаправленно воздействовать на адресата, для чего используют широкий спектр экспрессивно-выразительных средств языка. Это характерно и для российских, и для американских СМИ.

По мнению исследователя Э. В. Будаева, метафора представляет собой «ведущий способ мышления и инструмент аргументации, обладающий сильным прагматическим эффектом» [Будаев 2008: 6]. Метафорика холодной войны, рассматриваемая нами, позволяет авторам текстов уйти от последовательной логической аргументации, напрямую обратиться к образной системе адресата. Как говорит проф. А. П. Чудинов, «человек не только выражает свои мысли при помощи метафор, но и мыслит метафорами, познает при помощи метафор тот мир, в котором он живет, а также стремится в процессе коммуникативной деятельности

преобразовать существующую в сознании адресата языковую картину мира» [Чудинов 2003: 5; выделено мной. — Д. В.].

Необходимо обратить внимание на то, что различия в этнических картинах мира могут вносить в восприятие метафорики значительные искажения, удаляя читателя от авторского замысла или же приближая к нему.

Работа основывается на анализе контекстов из СМИ. При выборе источников предпочтение отдавалось критерию влиятельности СМИ, широте тем, рассматриваемых в нем, относительной объективности. В связи с этим выбор пал на газеты «Российская газета», «Washington Post» и сообщения информационных агентств «ИТАР-ТАСС», «United Press International», «Associated Press».

В публикации А. Бекренева на сайте агентства ИТАР-ТАСС читаем: *„Конечно, мы не враги и не воюем друг с другом. Это не ‘холодная война’, но Россия является нашим геополитическим противником, — сказал <Митт> Ромни, — РФ проводит курс, прямо противоположный политике США“. ... в интервью телекомпании Си-Эн-Эн Ромни уже называл Россию главным геополитическим противником США. Тогда эти заявления подверглись критике со стороны представителей Демократической партии и некоторых республиканцев, по мнению которых, Ромни придерживается менталитета „холодной войны“* [Бекренев 2012].

Метафора холодной войны у некоторых публицистов расщепляется на семантические составляющие, происходит псевдоэтимологизация, и к семе ‘холод’ добавляются семы ‘лед’, а к значению слова *война* оппозитом становится семантика лексемы *мир*. Такая игра слов представлена в публикации немецкого журнала «Der Spiegel» под названием «Холодный мир»: *...В российско-германских отношениях начинается новая фаза „ледникового периода“* [Нойкирх, Шепп 2012; цит. по переводу на сайте inopressa.ru].

Метафорика холодной войны используется и в относительно неполитизированных контекстах. Например, в статье Дж. Келли (John Kelly) в газете «Вашингтон пост» от 26 июня 2012 г. можно прочитать об истории экспериментов американских ученых над определенными видами животных с целью их дальнейшего использования в вооруженных силах и морском флоте.

Повествование фокусируется на морском котике, прошедшем эти эксперименты и ныне обитающем в зоопарке: *The Cold War was on, and all freedom-loving mammals were expected to do their part* [Kelly 2012] / *Шла хо-*

лодная война, и все свободолюбивые млекопитающие должны были внести свой вклад.

Автор позволяет себе элементы языковой игры (...*Cold War, cold water*... 'холодная война, холодная вода') в заголовке и следующем контексте: *From cold waters to Cold War: The story of a Navy seal* [Kelly 2012] / *От холодных вод к холодной войне: история морского котика; ...the last veteran of the Cold War, cold water experiment* [Kelly 2012] / *...последний ветеран холодной войны и эксперимента в холодных водах*'.

Автор не называет вторую сторону — участника холодной войны, которым, очевидно, был Советский Союз, но недвусмысленно выражает одобрение одной стороне, которая отличается позитивным свойством — свободомыслием. Даже животные (морские котики, дельфины и киты, названные в статье), которые принадлежат этой стороне, участвуют сознательно в борьбе за свободу. Из этого можно сделать вывод о том, что противоположная сторона и ее аналогичные и иные животные оказываются противниками свободы. В тексте прямые указания на это отсутствуют.

Возвращаясь к политизированным текстам, можно отметить, что метафорика холодной войны открывает авторам простор для языковой игры с отдельными частями фразеологизма. Пример тому находим в тексте американской журналистки Дебби Хилл: *The two-day trip is intended to remind everyone of "U.S. support of Poland as a captive nation during the Cold War"* [Hill 2012] / *Двухдневная поездка с целью напомнить всем о „поддержке Польши, нации — пленника холодной войны, Соединенными Штатами“.*

Очевидно, что автор задействует семантику войны, как будто игнорируя значение фразеологизма в целом: холодная война является войной только условно, в ней отсутствуют прямые боевые столкновения, а значит, и пленников (военнопленных) в ней быть не может. Поскольку в период холодной войны Польша принадлежала к странам социалистического лагеря, будучи в поле влияния Советского Союза (как принято выражаться в англоязычной литературе, была «страной-сателлитом», 'satellite state'), то становится понятно, чьим пленником на самом деле была Польша. Очевидно, автор косвенно указывает на вторую сторону противостояния, выстраивает тем самым ассоциативный ряд «холодная война ~ Советский Союз». Развивается мысль о противостоянии не только двух сверхдержав, но и их союзников (или «пленников»), о глобальности противостояния. Американский автор

говорит о Польше как о пленнике, подразумевая, что союзники США свободны в своих отношениях с дружественной им сверхдержавой, в отличие от союзников СССР.

В одной из статей «The Independent» писалось: *...на этой неделе во время саммита G20 в Мексике Барака Обама и Владимир Путин впервые встретятся в качестве лидеров своих влиятельных держав. И хотя холодная война миновала, встреча обещает быть исключительно прохладной* [Корнуэлл 2012; цит. по переводу на сайте inopressa.ru]. Если в предыдущем контексте использовалось буквальное прочтение элемента война фразеологизма «холодная война», то здесь обыгрывается возможность градуирования семантики лексемы холодная. Автор применяет прилагательные, указывающие на различные степени холода/тепла: *холодный — прохладный — теплый* и т. д., тем самым посредством метафоры прохладной идет отсылка к истории отношений двух государств и одновременно выражен характер отношений на данный момент.

Путин оскорбил НАТО: холодный ветер из Москвы, — таков заголовок статьи в «Chicago Tribune» [Ларраби 2012]. *Решение Путина не приезжать на саммиты НАТО и G8 — удар по надеждам администрации Обамы на сближение с Россией... правда, это еще не значит, что вновь начнется холодная война*, — полагает автор статьи Ф. Стивен Ларраби, заведующий отделом европейской безопасности в «RAND Corporation» [Там же].

Далее в тексте встречаем: *Путин желает улучшить отношения с Вашингтоном* — но, — поясняет автор, — *на своих условиях.* «Улучшение отношений» становится в оппозицию к сочетанию «холодная война». Тем самым неявно признается, что состояние холодной войны не является обычным, правильным, естественным и нормальным.

Авторы публицистических текстов связывают семантику холода из сочетания «холодная война» с плохой погодой, и тогда лексемы «улучшение», «теплый», «прохладный» развивают климатические семантические оттенки. В этом случае исчезает семантика активной субъектности, так как за погоду не могут отвечать люди, их группы и государства, она существует и изменяется сама по себе. Можно сказать, что такие авторы пытаются избежать взаимных обвинений и настроены на поиски конструктивных возможностей для диалога.

Таким образом, метафорика холодной войны и ее изучение открывают немало семантических возможностей для авторов

публицистических текстов. Среди направлений поисков для языковеда мы видим выявление степени ответственности субъектов, ассоциативных семантических полей и рядов, возможностей для организации текстовых структур на базе изучаемой семантики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. — М. : Наука, 1981.
2. Будаев Э. В. Междисциплинарные истоки политической метафорологии // Политическая лингвистика. 2010. № 2 (32). С. 15—25.
3. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Зарубежная политическая метафорология : моногр. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2008.
4. Васильев Д. А. Сравнительный анализ текстов СМИ в информационном противоборстве в период грузино-югоосетинского конфликта 2008 года // Язык и социальная динамика : сб. матер. Всерос. науч.-практ. конф. (22 мая 2010 г.). — Красноярск : СибГАУ, 2010. С. 67—69.
5. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. — М. : УРСС Эдиториал, 2002.
6. Кара-Мурза Е. С. Речевое преступление как проявление конфликтности политического дискурса // Современная политическая коммуникация : материалы Междунар. науч. конф. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2009. С. 88—90.
7. Клушина Н. И. Образ врага (о военной риторике в мирное время) // Язык современной публицистики / сост. Г. Я. Солганик. — М. : Флинта : Наука, 2007. С. 144—161.
8. Лагута О. Н. Метафорология: теоретические аспекты : в 2 ч. Ч. 1. Метафорология: проникновение в реальность. — Новосибирск : Изд-во НГУ, 2003.
9. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. — М. : Эдиториал УРСС, 2004. С. 387—415.

10. Солганик Г. Я. О структуре и важнейших параметрах публицистической речи (языка СМИ) // Язык современной публицистики : сб. ст. — М. : Флинта : Наука, 2007. С. 13—30.

11. Теория метафоры : сб. : пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой ; общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. — М. : Прогресс, 1990.

12. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации : моногр. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2003.

ИСТОЧНИКИ

13. Бекренев А. Митт Ромни вновь назвал Россию геополитическим противником США. URL: <http://www.itar-tass.com/c1/451244.html> 20.06.2012.
14. Корнуэлл Р. Давние враги снова вступили в конфликт и поле битвы — Сирия // The Independent. 2012. 18 июня. URL: <http://www.inopressa.ru/article/22Jun2012/lesechos/war.html>.
15. Ларраби Ф. Путин оскорбил НАТО: холодный ветер из Москвы // Chicago Tribune. 2012. 17 мая. URL: http://www.inopressa.ru/article/17May2012/inopressa/g8_obz.html.
16. Нойкирх Р., Шенн М. Холодный мир // Der Spiegel. 2012. 28 мая. URL: <http://www.inopressa.ru/article/28May2012/spiegel/berlin.html>.
17. Hill D. = Хилл Д. Next stop for Romney: Poland = Следующая остановка Ромни: Польша. URL: http://www.upi.com/Top_News/World-News/2012/07/30/Next-stop-for-Romney-Poland/UPI-30921343631600/.
18. Kelly J. = Келли Дж. From cold waters to Cold War: The story of a Navy seal = От холодных вод к холодной войне: история морского котика. URL: http://www.washingtonpost.com/local/from-cold-waters-to-cold-war-the-story-of-a-navy-seal/2012/06/26/gJQA4kA84V_story.html.

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук А. В. Михайлов

М. Б. Ворошилова М. B. Voroshilova
Екатеринбург, Россия Ekaterinburg, Russia

**КРЕОЛИЗОВАННАЯ МЕТАФОРА:
ПЕРВЫЕ ЗАРИСОВКИ**

Аннотация. Рассматривается проблема визуальной метафоры, функционирующей в креолизованном тексте. Описаны истоки теории «третьего элемента» и традиции анализа визуальной метафоры в динамическом тексте. Представлена попытка расширения данного понятия, предложен новый термин — креолизованная метафора.

Ключевые слова: когнитивная метафора; визуальная метафора; креолизованная метафора; креолизованный текст.

Сведения об авторе: Ворошилова Мария Борисовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры риторики и межкультурной коммуникации.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26, к. 285.
e-mail: shinkari@mail.ru.

**CREOLIZED METAPHOR:
FIRST SKETCH**

Abstract. The problem of visual metaphor, functioning in a creolized text is discussed. The sources of the theory of “The Third Element” and traditions of analysis of visual metaphor in dynamic texts are described. An attempt is undertaken to desipher this notion, a new term is offered — creolized metaphor.

Key words: cognitive metaphor; visual metaphor; creolized metaphor; creolized text.

About the author: Voroshilova Maria Borisovna, Candidate of Philology, Assistant Professor of the Chair of Rhetoric and Intercultural Communication.

Place of employment: Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).

Когнитивная лингвистика прочно заняла свое место в современном научном дискурсе. Именно ее возникновение и бурное развитие являются характерной чертой языкознания рубежа веков. По определению В. З. Демьянкова и Е. С. Кубряковой, когнитивная лингвистика изучает язык как когнитивный механизм, играющий роль в кодировании и трансформировании информации [Кубрякова 1997: 53—55]. Иными словами, когнитивная лингвистика устанавливает образные схемы, в рамках которых человек познает мир. Соответственно центральное место в когнитивной лингвистике занимает проблема категоризации окружающей действительности, важную роль в которой играет метафора как проявление аналоговых возможностей человеческого разума.

Метафору в современной когнитивистике принято определять как основную ментальную операцию, как способ познания, структурирования и объяснения мира: человек не только выражает свои мысли при помощи метафор, но и мыслит метафорой, создает при помощи метафор тот мир, в котором живет [См. подробнее: Чудинов 2001]. Именно метафорический способ постижения мира, по мнению большинства исследователей, носит всеобщий и обязательный характер, поэтому метафора может быть рассмотрена как один из фундаментальных когнитивных механизмов человеческого сознания. Таким образом, одним из самых востребованных инструментов анализа текста, в том числе креолизован-

ного, неким ключом к интерпретации как вербальной, так и невербальной информации становится когнитивная метафора.

Возможность употребления данного термина в исследованиях креолизованного текста обусловлена отчасти и тем, что в когнитивной лингвистике используется «широкое» понимание метафоры: она рассматривается как «любой способ косвенного выражения мысли» [Арутюнова 1990], в том числе и невербальный. Еще одним аргументом в пользу выбора когнитивного инструментария анализа креолизованного текста являются уже ставшие классическими результаты психолингвистических исследований, свидетельствующие о том, что информация, воспринимаемая по разным каналам, например вербальный текст и изображение, «интегрируется и перерабатывается человеком в едином универсально-предметном коде мышления» [Жинкин 1982].

В последнее время все чаще появляются работы, посвященные анализу визуальной метафоры, ставшей неким ядром динамического креолизованного текста, в том числе кинотекста, видеоклипа. Таким образом, получила свое развитие теория С. Эйзенштейна о «третьем элементе».

В своих поздних работах, например в «Неравнодушной природе» (1945—1947), С. Эйзенштейн разрабатывает своеобразную философию киномонтажа как синтетического способа производства значения.

Базовым алгоритмом этого производства является такое сопоставление двух элементов, при котором на основании их формальных свойств возникает «третий элемент», качественно превосходящий оба исходных. Этот алгоритм и вербален (в плане поэтического языка и его базовой единицы — метафоры), и визуален (основан на принципе внутрикадрового и межкадрового монтажа). Именно из этих «третьих элементов», располагающихся на монтажных стыках видимого, слагается динамический кинематографический текстуальный смысл фильма. Из формальных же монтажных элементов (изгибов форм, выхваченных траекторий движения, мелодических линий музыки) далее складываются смысловые фигуры, или так называемые «кино-иероглифы», в которых определенным образом переосмысливается классическое противопоставление видимого (визуального, динамичного) и невидимого (вербального, смыслового, неподвижного).

Эта структурно-семиотическая концепция иероглифического кинописьма в конце 1950-х гг. получила лингвоцентричную семиотическую трактовку. В рамках данного направления была предпринята попытка систематического описания кинофильма как знаковой системы, построенной по модели естественного языка. В основу этой концепции была положена идея тождества экранного и вербального языков.

Итак, в современном научном дискурсе активно развивается теория визуальной метафоры, которая, по мнению исследователей [См.: Сарна 2005; Большакова 2008], выстраивается через соотнесение двух зрительных образов, выступающих в качестве иконических знаков, напрямую отождествляемых с теми или иными объектами репрезентации [Сарна 2005: 56], т. е. визуальная метафора создается за счет монтажа двух и более визуальных образов. Данный монтажный механизм функционирует таким образом, что при одновременной реализации первого и второго планов содержания метафоры возникает третий план, т. е. новая художественная реальность [Крюкова 1988: 85], что, в свою очередь, является базовой функцией метафоры.

Аналогичный прием когнитивного столкновения (термин из следующей работы: [Лазарева, Горина 2003]) лежит в основе креолизованного текста, что делает визуальную метафору востребованным инструментом построения текста, и особенно кинотекста, развернутого в пространстве и времени и позволяющего наглядно представить оба образа.

Классическим примером использования визуальной метафоры в кинотексте являют-

ся уже канонические кадры фильма С. Эйзенштейна «Стачка»: «...один из владельцев завода выжимает лимон; в следующем кадре конная полиция давит забастовщиков. В конце фильма избиение рабочих показано в кадрах, чередующихся с кадрами забивания быка на бойне, раненые рабочие падают на землю, кровь хлещет из горла быка» [Фернандес 1995: 61]. Как писал сам С. Эйзенштейн, смешанный монтаж избиения и бойни производит «мощную эмоциональную интенсификацию» этого эпизода из истории рабочего движения, способствует активному сопереживанию со стороны зрителя.

Итак, уже на ранних этапах развития кинематографа монтаж начал использоваться в качестве средства создания визуальных метафор, а сейчас активно применяется в индустрии видеоклипов.

Приведем другой пример, неоднократно описанный в научных работах (см., напр.: [Сарна 2005; Большакова 2008]). В видеоклипе Мадонны «Ray of Light» совмещаются два образа: нам показывают плод в утробе матери, контуры которого высвечиваются на мониторе при ультразвуковом обследовании, а затем мы сразу же видим крысу, бегущую в колесе. В контексте остального визуального материала, показывающего в режиме ускоренной съемки жизнь американских мегаполисов в течение суток, эти образы сразу четко и однозначно могут быть интерпретированы как визуализация суждения «современная жизнь в больших городах напоминает крысиные бега», и человек еще до рождения обречен на неизбежное участие в этих бегах. Из примера видно, что представляется возможным вербализовать визуальную метафору путем соединения зрительных образов и даже свести ее к классическому изречению «Все — суета сует» [Большакова 2008: 120—121].

Однако лингвист может воскликнуть: а где же текст песни? Если быть справедливым, визуальный ряд в видеоклипе все-таки вторичен, сама песня не только была создана раньше, но и может самостоятельно функционировать, в отличие от видеоряда музыкального клипа, а текст песни тем более имеет право на самостоятельное существование и прочтение.

По нашему мнению, визуальная метафора в рамках видеоклипа создается для поддержания текста и часто служит для сокращения времени восприятия, что, кстати, отмечают и другие исследователи. Так, Л. С. Большакова пишет: «Сама структура метафоры позволяет радикально сокращать путь от одного образа к другому. Такое быстрое, фактически моментальное перемещение, или „скачок“ от

одного образа к другому позволяет добиться максимальной концентрации внимания массовой аудитории» [Большакова 2008: 120].

В основу современных исследований визуальной метафоры в музыкальных видеоклипах легла когнитивная теория метафоры, в частности теория Дж. Лакоффа и М. Джонсона, описывающая взаимодействие двух структур знаний — когнитивной структуры «источника» и когнитивной структуры «цели» [Лакофф, Джонсон 1990: 392].

Так, Л. С. Большакова в своей работе опирается на когнитивную теорию метафоры М. В. Никитина, который выделил две составляющие в структуре лексического значения слова — интенционал и импликационал — и пришел к выводу, что как те, так и другие признаки вовлекаются в перестройку семантики слова при метафорическом переосмыслении [Большакова 2008: 123].

В качестве примера исследователь описывает визуальный образ голубя, вылетающего из рук узника в клипе «Over the Hills and Far Away» группы «Nightwish». Источником в данном случае является образ узника, выпускающего голубя на свободу. Стены тюрьмы, узник, голубь, бездонное небо — элементы, составляющие источник метафоры. Целью этой метафоры является стремление человека к свободе. Узник символизирует человека, поработанного обществом, стены тюрьмы — неволю. Бездонное небо символизирует свободу; голубь, улетающий в небо, — душу человека, стремящуюся к свободе.

Таким образом, источник составляет план выражения метафорической конструкции, а цель — план содержания. Основание сравнения складывается из семантических признаков «пребывание в неволе», «страдание», «стремление к свободе», — именно такие признаки в метафоре называются интегральными. Дифференциальные признаки в данном примере сводятся к оппозиции «материальное (физическое) — идеальное (духовное)». В источнике метафоры имеется нечто наглядное, визуально воспринимаемое: стены тюрьмы, голубь, облака, жест выпускания, а в цели — нечто абстрактное, чувственно не воспринимаемое: социальный гнет, душа, мысленное стремление к свободе.

Бесспорно, что исследования когнитивных процессов визуальной метафоры в динамическом креолизованном тексте актуальны и требуют дальнейшего развития, которое, по нашему мнению, должно идти по пути поиска связи с вербальным компонентом, что несомненно позволит представить более детальный и полный анализ текста в целом.

Предложенное определение визуальной метафоры подходит в большей степени именно для динамического текста, в котором визуальный ряд разнообразен, богат и подвижен. В креолизованных же «статических» текстах, например таких, как карикатура, иллюстрация, плакат и др., визуальная метафора, как правило, основана на синтезе визуального и вербального образов.

Впрочем, справедливости ради мы должны отметить, что изредка все же встречаются случаи чисто визуальной метафоры, основанной на сочетании только визуальных образов, примером чего является известная карикатура на Владимира Владимировича Путина (рис. 1.), на которой ему в очередной раз приписываются качества тоталитарного вождя с помощью ссылок на другого столь же известного русского правителя — Иосифа Виссарионовича Сталина.

Рис. 1

Однако гораздо чаще подобные визуальные метафоры используются как один из элементов креолизованного текста и не выступают в роли самостоятельного произведения.

Например, на следующей карикатуре (рис 2) текстовый уровень сведен к нулю, а в структуре текста мы можем выделить два ключевых метафорических образа.

Первый, обращающий на себя внимание (композиционно он расположен в центре и занимает большую часть текста), — образ «ПОЛИТИКИ — ДЕТИ». Этот метафорический образ является визуальным и построен на сочетании образов детей, катающихся на санках с горки, и «ликов» президентов ведущих мировых держав: России, Германии, США и Китая.

Вторая же метафора, «КРИЗИС — ЭТО СКЛОН / ГОРКА», кажется непримечательной и основана на синтезе визуального и вербального элементов, при котором визуальный образ представляет собой сферу-источник, а вербальный уровень — сферу-мишень. Однако именно эта метафора является ведущей и задает стимул для разворачивания основного метафорического образа, служит ключом для правильного прочтения, интерпретации всего текста.

Рис. 2

Итак, перед нами уже не просто традиционная метафора политической игры / игр политиков. Важным становится не то, что они играют, а то, как они это делают, куда и как движутся. Не случайно китайский лидер движется вверх, ведь экономика Китая, по мнению большинства, меньше всего пострадала от мирового кризиса, напротив, развивалась, шла вперед; этот семантический компонент актуализируется также за счет использования прецедентного жеста — вытянутой вперед руки. Российская же экономика уже потерпела фиаско, только наши политики это до сих пор это скрывают и продолжают «сохранять лицо». Можно вспомнить, что основная стратегия российского правительства была направлена на снижение уровня угрозы, уровня тревоги по принципу «мировой кризис есть, но нам он не страшен». Не менее интересны и образы Ангелы Меркель и Барака Обамы. Ангела Меркель — единственная, кто едет не на санках, а на снегоходе, т. е. только она пытается управлять своим движением, хотя тоже катится вниз; именно Германия на данный момент воспринимается как ведущая европейская держава, пытающаяся найти выход. Барак Обама, символизирующий американскую экономику, не только сам лихо катится вниз, но и тащит за собой елочку, ведь мировой кризис начался именно в США, которая, являясь бесспорным лидером, «потянула» за собой экономики других держав.

Как видно, используемые в тексте визуальные метафоры не могут быть прочитаны без вербального уровня, пусть и минимального. К его основным функциям можно отнести представление сферы-мишени (тематике), обозначение основных векторов развития текста, создание стимула для его прочтения. В целом визуальная метафора «ПОЛИТИКИ — ДЕТИ» — лишь элемент более крупного метафорического образа «КРИЗИС — ЭТО СКЛОН / ГОРКА», ставшего базой всего текста.

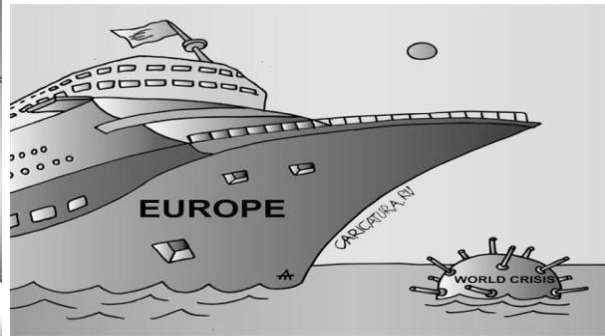

Рис. 3

В ином примере визуальная метафора также может быть прочитана только при анализе ее составляющих.

Например, на карикатуре «До 17 июня в еврозоне неспокойно» (рис. 3), опубликованной на известном сайте caricatura.ru, мы видим классическую визуальную метафору катастрофы, основанную на сочетании двух визуальных образов: лайнера и глубинной бомбы (или морской мины). «Прочитать» эту метафору можно только при комплексном восприятии, после анализа ее составляющих, в интерпретации которых немалую роль играет именно текстовый уровень. Перед нами две метафоры: военная («МИРОВОЙ КРИЗИС — ЭТО БОМБА/МИНА») и артефактная («ЕВРОПА — ЭТО ЛАЙНЕР, идущий под флагом евро»; последнюю часть высказывания тоже можно воспринять как метафору, ведь флаг — это символ власти, изначально олицетворяющий правящую силу).

Итак, мы можем реконструировать смысл данного текста следующим образом: Европа, находящаяся под властью евро, каждую минуту может столкнуться с результатами мирового кризиса, что приведет к неминуемым катастрофическим последствиям.

При этом важно, что каждая отдельная метафора привносит в текст собственные и не менее значимые смыслы: Европа — это лайнер, который в случае столкновения пойдет ко дну, т. е. европейская экономика пойдет вниз, а движение вниз — одна из самых традиционных метафор в экономической сфере. Военная метафора со своей стороны привносит в текст определенный агрессивно-прагматический потенциал, заключающийся в образе взрыва.

Данные метафорические образы построены на классической ассоциативной связи вербального и визуального образа, в которой текст является стимулом, а визуальный ряд дает верное русло для развития ассоциативного ряда. Всё это доказывает значимость каждой составляющей креолизованного текста, ключевым моментом для

прочтения которого является умение правильно интерпретировать данную связь.

Но нельзя забывать, что большинство карикатур и иллюстраций вообще имеет и так называемый второй текстовый уровень (название, комментарии автора и т. д.), который не менее значим и выполняет сразу несколько функций:

1) нередко именно он является стимулом для разворачивания визуальной метафоры;

2) он может вносить необходимые дополнительные значения или акцентировать наиболее важные семантические компоненты, как в нашем примере: заголовок акцентирует наиболее значимые элементы (евро-зона, беспокойно);

3) он может служить связующим звеном с большим «классическим» текстом, например статьей, иллюстрацией к которой он является (в нашем примере название содержит загадку: что произойдет 17 июня, мы узнаем, когда прочитаем статью);

4) нередко второй текстовый уровень ссылается на некие дискурсивные факторы, имеющие значение при прочтении текста в целом.

Справедливости ради следует отметить, что ряд креолизованных текстов нередко утрачивает данный второй уровень: так, иллюстрации нередко, особенно в Интернете, начинают функционировать как самостоятельные произведения, часто при распространении то же происходит с карикатурами, составляющими предмет нашего исследования. Это позволяет говорить о второстепенном значении карикатур, но ни в коем случае не отрицает полностью их роли.

Как было показано выше, центральный образ метафоры на рис. 2 может быть «прочитан» только при комплексном восприятии его составляющих, его сложная структура не ограничивается двумя визуальными образами. Такой метафорический образ мы предлагаем называть **креолизованной метафорой**. Это понятие значительно шире понятия визуальной метафоры, данный термин позволяет подчеркнуть сложную внутреннюю структуру образа, основанного не только на взаимодействии различных знаковых единиц, но и на взаимодействии нескольких образов. Именно идея взаимодействия, с нашей точки зрения, лежит в базе данного понятия, которое описывает не простой синтез двух элементов, а их совместное развитие, совместное прочтение, результаты которого, как было показано, более точны и глубоки, причем нередко демонстрируют отличия от результатов индивидуального прочтения. Например, в описанном выше тексте не нашел реализации такой основной семантиче-

ский компонент метафоры «ПОЛИТИКИ — ДЕТИ», как безответственность.

Плюсом предлагаемого понятия является и то, что оно может быть использовано для описания метафорических образов, основанных на синтезе элементов других систем, не только визуальной и вербальной.

Например, композиция, открывающая альбом группы «Гражданская оборона» «Всё идет по плану», называется «Пролог» и представляет собой 54-секундную запись боя кремлевских курантов, ассоциирующегося в сознании русского человека с Новым годом — символом начала. Заметим, что данная семантика поддерживается и названием песни, и ее композиционным расположением. Аналогично построена и последняя композиция альбома — «Финал», — которая является мелодией советского гимна. Можно отметить следующее: «Использование данного прецедентного феномена воспринимается как открытая насмешка: советская идеология терпит крах, соответственно, рушится вся политическая система, государство находится в состоянии кризиса; гимн же апеллирует к могучему прошлому СССР, к великим идеям, стоящим у истоков советской идеологии, и напоминает о том, что все старания оказались напрасными. В данном случае мы можем говорить об игре смыслов, т. к. „Финал“ — это, с одной стороны, название трека, завершающего альбом, а с другой — словесная характеристика социально-экономического состояния страны» [Ворошилова, Чемагина 2010: 171]. Итак, налицо яркий пример метафорического образа, причем метафора не может называться визуальной.

Понятие креолизованной метафоры приобретает особую актуальность при рассмотрении динамических креолизованных текстов, в которых нередко единицы звуковой системы выступают в роли важных элементов. В таких текстах процесс разворачивания, развития метафорического образа часто происходит сразу в двух плоскостях. Например, в музыкальном клипе развитие метафоры, во-первых, основывается на взаимодействии зрительного, слухового и вербального уровней, а во-вторых, происходит во времени за счет чередования кадров. Для полноценного прочтения клипа необходимо учитывать все его составляющие.

Считаем необходимым еще раз подчеркнуть, что в современном научном дискурсе все большее значение приобретают креолизованные тексты, одним из основных инструментов анализа которых может стать понятие когнитивной метафоры, а именно креолизованной метафоры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. — М. : Сов. энциклопедия, 1990. С. 136—137.

2. Большакова Л. С. Когнитивный механизм создания визуальной метафоры (на материале англоязычных музыкальных видеоклипов) // Современные проблемы науки и образования. 2008. № 2 С. 119—123. URL: www.science-education.ru/21-703 (дата обращения: 26.05.2011).

3. Ворошилова М. Б., Чемагина А. В. Советские прецедентные феномены в рок-альбоме Е. Летова «Все идет по плану» (1988) // Русская рок-поэзия: текст и контекст : сб. науч. тр. — Екатеринбург ; Тверь, 2010. Вып. 11. С. 165—173.

4. Жинкин Н. И. Речь как проводник информации. — М., 1982

5. Крюкова Н. Ф. Метафора как прагматическое средство при построении художественного текста //

Языковое общение: процессы и единицы : сб. науч. тр. / Калининск. гос. ун-т. — Калинин, 1988. С. 81—86.

6. Кубрякова Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. — М. : Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997.

7. Лазарева Э. А., Горина Е. В. Использование приема когнитивного столкновения в политическом дискурсе СМИ // Лингвистика. 11. С. 103—112. — Екатеринбург, 2003.

8. Сарна А. Визуальная метафора в дискурсе идеологии // Палітычная сфера. 2005. № 4. С. 55—60.

9. Фернандес Д. Эйзенштейн: психоаналитический этюд. — СПб. : ИНАПРЕСС, 1995.

10. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале // Русская речь. 2001. № 1; 3; 4; 2002. № 1; 2; 3.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов

В. А. Каменева, Е. А. Сидорова
Кемерово, Россия

V. A. Kameneva, E. A. Sidorova
Kemerovo, Russia

**КОНТЕКСТЫ ИДЕОЛОГИЗАЦИИ,
ИЛИ ОБРАЗ РОССИИ В АМЕРИКАНСКИХ
ОНЛАЙН-ГАЗЕТАХ (2000—2012)**

**CONTEXTS OF IDEOLOGISATION
OR THE IMAGE OF RUSSIA IN AMERICAN
ONLINE NEWSPAPERS (2000—2012)**

Аннотация. Устанавливается, при помощи каких идеологических технологий публицистический дискурс американских онлайн-газет функционирует как дискурс власти и создает идеологически корректный образ России. Последний анализируется на основе типологизации контекстов периода 2000—2012 гг., в которых объективируются идеологизируемые лексемы «Russian», «Russia».

Abstract. This article shows how American online press discourse with the help of definite ideological technologies acts as power discourse and creates ideologically correct image of Russia. The contexts of ideologisation of the words Russia and Russian are classified on the basis of American online newspapers from 2000 to 2012 and the image of Russia is analyzed.

Ключевые слова: идеология; публицистический дискурс; дискурс власти; идеологические технологии.

Key words: ideology; press discourse; power discourse; ideological technologies.

Сведения об авторе: Каменева Вероника Александровна, доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии № 1.

About the author: Kameneva Veronika Alexandrovna, Doctor of Philology, Professor of the Chair of English Philology № 1.

Место работы: Кемеровский государственный университет.

Place of employment: Kemerovo State University.

Контактная информация: : 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6, корп. 6, к. 6413.
e-mail: russia_science@mail.ru.

Сведения об авторе: Сидорова Елена Александровна, старший преподаватель кафедры английской филологии № 1.

About the author: Sidorova Elena Alexandrovna, Lecturer of the Chair of English Philology № 1.

Место работы: Кемеровский государственный университет.

Place of employment: Kemerovo State University.

Контактная информация: : 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6, корп. 6, к. 6413.
e-mail: sidorova1970@mail.ru.

До наступления эры информационных средств массовой информации политические и экономические вопросы решались в основном силой: войны, конфликты широкой кровавой полосой обвивают историю почти каждой страны Европы, Азии и всего мира. В современном мире военному вторжению, как правило, предшествует неременная стадия «информационного захвата» (основными задачами которого являются захват внимания и получение «доверия» читателя/слушателя), а сам конфликт сопровождается «информационной бомбежкой», направленной на удержание контроля над вектором освещения событий и их участников для сохранения «доверия» читателя/слушателя. Как известно, «если невозможно у какой-либо страны законно отнять определенные ресурсы и богатства — их можно и нужно обесценить в глазах своих граждан-налогоплательщиков-избирателей. Если нужно отнять — встает задача подать это так, чтобы для всего мира и общей массы своих же граждан это выглядело закономерно и естественно и не вызывало протестов нести налоговое бремя военных конфликтов или нежелания служить в горячих точках мира и

гибнуть за интересы правящих кругов» [Каменева 2010].

Одни из наиболее эффективных средств, успешно используемых для достижения этой цели, — идеологические технологии. Именно с их помощью восприятие и оценка тех или иных событий и их участников может искажаться, подвергаться обработке и структурированию [Там же].

Существует множество классификаций идеологических технологий, посредством которых через СМИ доминирующая группа, класс удерживает и оправдывает свое положение, а идеологии подчиненных групп, классов не получают распространения (как в рамках своего социума, так и на мировой арене).

Согласно одному из подходов, наиболее эффективными идеологическими технологиями являются клиширование и стереотипизация. Так, по мнению Р. Водак, Р. А. Будагова, А. А. Мирошниченко, устранение рефлексии осуществляется с помощью стереотипов и клише, которые заменяют собой обоснование того или иного положения и при систематическом повторении делают одни области табуированными, другие авто-

материзованными, а третьи освобождают от истории путем ее перефразирования или переписывания заново [Будагов 2001; Водак 1997; Мирошниченко 1995].

В рамках второго подхода можно объединяются классификации идеологических технологий, в которых различные способы структурирования массмедиального дискурса рассматриваются в качестве инструментов власти.

Одни исследователи полагают, что для этого используются следующие способы: «1) выбор слов и выражений референциально одинаковых, но прагматически относящихся к различным мировосприятиям и системам ценностей (например, если убийство называется трагедией, а не преступлением, с преступников снимается вина), 2) создание новых слов и выражений, 3) выбор грамматических форм, 4) выбор последовательности в характеристике (например, дорогое, хоть и эффективное средство), 5) использование суперсегментных признаков (эмфазы, тона), 6) выбор имплицитных оснований (например, все есть политика = я отказываюсь это обсуждать, так как это политика)» [Блакар 1998; Карасик 2002], 7) избирательное построение высказывания [Мухамедьянова 2002], 8) использование метафор, уменьшительно-ласкательной лексики, пейоративной лексики, имен-биографий [Мирошниченко 1995].

Другие исследователи относят к инструментам власти только отбор слов, подбор цитат и использование слов с двойной семантикой [Будагов 2001].

Третьи, наравне с подбором цитат и использованием слов с двойной семантикой, в качестве инструментов власти рассматривают аллюзию [Водак 1997].

Четвертые к способам лингвоманипуляции относят: 1) квантовку информации или усечение поля дефиниций (например, замалчивание информации или игнорирование общественно-политической терминологии); 2) введение комментария (расквантовка); 3) фокусировку с помощью актуального членения, пассивизации, пресупонирования (подачи информации, упакованной в форму высказывания, преподносящегося как заведомо истинное), модальности и т. д.; 4) регулировку порядково-линейной последовательности подачи информационных квантов (например, изменение хронологического порядка следования эпизодов событий или распределение цитатных фрагментов в тексте); 5) нарушение синтагматики функционально-стилистических черт (диффузия стилей: проникновение элементов разговорного стиля в публицистический) [Байков 1988],

использование нестандартной (сленга, арго) лексики [Волошин 1988]. В некоторых исследованиях, посвященных манипуляции и пропаганде, в качестве идеологических механизмов предлагается рассматривать процессы эвфемизации и деэвфемизации [Беркнер 2001; Цараева 2000]. Так, в качестве примера процессов эвфемизации и деэвфемизации приводится термин «военное присутствие» как эвфемизм термину «интервенция», который, в свою очередь, рассматривается как деэвфемизатор первого. То же наблюдается в следующих парах: регулирование цен — повышение цен, неполная занятость — безработица [Байков 1988].

Классификация идеологических технологий (способов/методов манипуляции и пропаганды), предложенная М. Ю. Рябовой, по нашему мнению, объединяет в себе статичный, структурный языковой компонент и его дискурсивную реализацию. Марина Юрьевна предлагает выделять следующие способы/методы манипуляции:

- 1) фонологические (например, аллитерация, ритм, рифму, синтаксический параллелизм);
- 2) стилистические (такие, как сравнение, метафора, ирония, гипербола, литота и т. д.);
- 3) пространственно-линейные (например, рематизацию дискурса, использование рамочных конструкций) [Рябова 2006].

Мы поддерживаем мнение о том, что выбор слов и выражений, создание новых слов и выражений, выбор грамматической формы, подбор цитат, выбор последовательности в характеристике социальных объектов, событий, ситуаций и т. д. — это часть способов конструирования и подачи информации массмедиальным дискурсом, однако полагаем, что к ним также можно отнести превалирующий выбор имплицитных (по сравнению с эксплицитными) способов характеристики описываемых людей, действий и т. д. при помощи «численного доминирования идеологем», «контекстуальной корректировки» [Каменева 2006] и «цифрового прессинга» [Каменева 2009].

Мониторинг образа России, создаваемого при помощи идеологических технологий в американских онлайн-газетах, которые принято называть *quality newspapers* («солидными» газетами) — New York Times, BusinessWeek, USA Today, Washington Post, Pittsburgh Post-Gazette — проводился в два этапа: с 2000 по 2009 и с 2010 по 2012 г.

На первом этапе ставились задачи по выявлению доминирующих идеологических технологий и специфики их функционирования при создании образа России. Как пока-

зал анализ материала исследования, идеологическая технология «контекстуальная корректировка» в 2000—2009 гг. была базовой для создания образа России. Согласно полученным результатам, как правило, идеологические технологии онлайн-версий качественной прессы США использовались в следующих комбинациях:

- 1) контекстуальная корректировка + использование аллюзий;
- 2) контекстуальная корректировка + подбор цитат;
- 3) контекстуальная корректировка + использование аллюзий + использование метафор.

Исключение составил период военного конфликта Грузии и Осетии/России, во время которого доминировали комбинации «контекстуальная корректировка + квантовка информации» (усечение поля дефиниций) и «контекстуальная корректировка + регулировка порядково-линейной последовательности подачи информационных квантов» (в большинстве случаев наблюдалось изменение хронологического порядка следования эпизодов событий).

Как показал анализ всего материала исследования, за период с 2000 по 2009 г. доминирующей для создания образа России являлась комбинация идеологических технологий «контекстуальная корректировка + использование аллюзий». 37 % аллюзий и ссылок отсылали к периоду холодной войны между США и СССР, 15 % — к периоду правления Иосифа Сталина, 2 % — к периоду перестройки и правления Б. Ельцина. 46 % ссылок пришлось на период существования СССР. Идеологически ангажированная лексика — *Soviet*, *USSR*, *communist* и т. д., — несмотря на индикаторы *ex-*, *former*, вроде бы указывающие на неактуальность данного социально-политического аспекта России, всё равно воссоздают атмосферу враждебности, отчуждения, недоверия к нашей стране, характерную для периода так называемой холодной войны.

Что касается комбинации идеологических технологий «контекстуальная корректировка + подбор цитат», отмечена следующая закономерность: вся негативная информация подается в форме цитирования слов, как правило, «второстепенных героев», тем самым авторы статьи освобождаются от ответственности за создание негативного образа России.

Анализ метафор, использованных в контекстах статей об экономической, политической и иной жизни России с 2000 по 2009 г., выявил, что доминирующими источниками метафорической экспансии были такие сферы, как «война» и «преступления».

Итак, как показал анализ, идеологизируемые слова *Russia* (Россия), *Russian* (российский) в период с 2000 по 2009 г. встречались в двух типах контекстов. В контекстах первого типа, как правило, содержались:

- 1) оценочные слова: *worse* (хуже), *bad* (плохой), *awful* (ужасный), *unbearable* (невыносимый), *less* (менее) и др.;
- 2) слова с негативными коннотациями: *fraud* (обман, мошенничество), *wild* (дикий, лихой, буйный), *poor* (бедный, несчастный, жалкий, плохой), *mess* (беспорядок, путаница, грязь, горе) и т. д.

Следует отметить, что тематически данные лексемы варьировались. Доминирующие контексты употребления идеологизируемых слов *Russia*, *Russian* мы распределили по следующим группам: «социальные проблемы» (безработица, пьянство, болезни и т. д.), «экономические преступления», «военные конфликты», «техногенные катастрофы», «стихийные бедствия».

Контексты второго типа были тематически едины. В них давалось описание природного богатства России, причем обязательно как потенциального ресурса для получения выгоды американскими предприятиями. Контексты второго типа были позитивны и содержали слова *American*, *USA*, *America*.

На втором этапе исследования, проводившемся в 2010—2012 гг., мы поставили и успешно выполнили на материале американских онлайн-газет «*New York Times*», «*BusinessWeek*», «*USA Today*», «*Washington Post*», «*Pittsburgh Post-Gazette*» следующие задачи:

- рассмотреть и типологизировать по тематике контексты употребления идеологизируемых лексем *Russia*, *Russian* в американских онлайн-газетах;
- выявить специфику контекстов, актуализирующих образ России, в аксиологическом аспекте.

Как показал анализ собранного в 2010—2012 гг. материала, идеологизируемые слова *Russia*, *Russian* также встречаются в двух типах контекстов.

Контексты первого типа отрицательные. Они содержат 1) оценочные слова: *worst*, *worst-ever* (наихудший), *awful* (ужасный), *horrific* (ужасающий), *disastrous* (бедственный, гибельный), *risky* (рискованный), *aggressive* (агрессивный) и др., 2) слова с негативной семантикой и/или негативными коннотациями: *corruption* (коррупция), *lawlessness* (беззаконие), *antidemocratic* (антидемократический), *tension* (напряжение), *war* (враг) и др.

Было выявлено, что тематика этого типа контекстов не претерпела изменений по

сравнению с периодом с 2000—2009 г. Контексты идеологизации *Russia* и *Russians* относились к следующей тематике: «социальные проблемы», «экономические преступления», «военные конфликты», «техногенные катастрофы» и «стихийные бедствия».

Единственное, но значимое отличие от 2000—2009 г. состоит в том, что в рамках этих тематических контекстов стало освещаться большее количество аспектов российской жизни: помимо международной и внутренней политики, экономики, добавились наука и спорт.

Доминировали в создании образа России с 2010 по 2012 г. комбинации идеологических технологий «контекстуальная корректировка + использование аллюзий» и «контекстуальная корректировка + подбор цитат».

Мы также выявили, что высказывания о негативных сторонах России в подавляющем большинстве приписывались самим россиянам. Это, с одной стороны, освобождает от ответственности за создание негативного образа России авторов статьи, с другой — способствует созданию впечатления истинности, подлинности подаваемой информации.

Приведем несколько примеров: 1) ***„The magnitude, and the fact that so many illegals were involved, was a shock to me“, said Oleg D. Kalugin, a former K. G. B. general who was a Soviet spy in the United States in the 1960s and 1970s under „legal“ cover as a diplomat and Radio Moscow correspondent. „It’s a return to the old days, but even in the worst years of the cold war, I think there were no more than 10 illegals in the U. S., probably fewer“.*** Mr. Kalugin, now an American citizen living outside Washington, said he was impressed with the F. B. I.’s penetration of the spy ring. The criminal complaints are packed with vivid details gathered in years of covert surveillance — including monitoring phones and e-mail, placing secret microphones in the alleged Russian agents’ homes, and numerous surreptitious searches [Shane, Savage 2010]; 2) Mr. Khodorkovsky’s defense team remains sceptical. ***„We are dealing with the distortion of the very essence of justice. But at some point this lawlessness should end“, said attorney Vladimir Krasnov*** [Alpert 2012].

Также было выявлено, что для достижения вышеуказанных целей негативные статьи о жизни в России в анализируемой прессе подписывались авторами с русскими фамилиями, например: 1) *The smell of vranoy was so strong I had to put down the paper. I was sure that thousands of Russians were smirking in recognition of the old pretending game: Putin was lying to us, we knew he was*

lying, he knew we knew he was lying, but he kept lying anyway, and we pretended to believe him [Elena Gorokhova 2011]; 2) *But in a country where dark-complexioned migrants are commonly victims of hate crimes and frequently live in miserable conditions, others are not surprised by the anger. ... The labor migrants often suffer from horrific labor conditions, a complete lack of social protection and medical care* [Vladimir Isachenkov 2012].

Для контекстов второго типа характерно следующее. Россия подается как бизнес-партнер, который внушает страх, или как соперник, с которым всегда надо быть настороже. В таких контекстах Россия противопоставляется Соединенным Штатам. При этом всё, что связано с США, подается со знаком «плюс», а всё, что характеризует Россию — со знаком «минус»; обязательно присутствуют лексемы *American, America, USA* или *U.S.* и *Russian* или *Russia*. Приведем примеры: 1) *Exxon Mobil and the Russian state oil company Rosneft signed a strategic agreement on Monday that will open American domestic oil and gas fields to Russian investment for the first time. For Exxon Mobil, the deal offers expanded access to Russia’s offshore Arctic fields as it strains to find new reserves. But the agreement also means that Exxon will be wading more deeply into Russia’s risky business environment. The deal is potentially even more significant for Russia, which will gain at least some access to modern drilling techniques developed in American shale fields over the last decade. Since the days of the Soviet Union, the Kremlin has been eager to exploit giant nonporous rock fields in western Siberia, but the fields have proved unproductive using conventional vertical drilling techniques...Nevertheless, the deal „gives Exxon access to the Arctic and gives Russia access to Exxon’s sophisticated project management, capital discipline and technologies“, he said. „These have not been the hallmarks of Russian national oil companies“* [Krauss 2012]; 2) *The U.S. men’s volleyball team learned there’s no relaxing against the Russians. ... „Something you can never do against Russia is relax“, U.S. wing spiker Sean Rooney said. „When they’re firing on all cylinders they’re tough to beat“. ... The team ...couldn’t counter Russia’s powerful serves and blocks* [Russia stops...].

Итак, мониторинг публицистического дискурса с 2000 по 2012 г. позволил проследить динамику образа России, создаваемого в американских онлайн-газетах. Для достижения данной цели был решен ряд задач по выявлению доминирующих идеологических технологий, выявлению и типологизации контекстов по тематическому и аксиологиче-

скому аспектам и определению их роли и специфики в процессе создания образа страны. Специфика материала и аспект рассмотрения, обусловленный теоретической базой исследования, позволили еще раз подтвердить актуальность критического анализа дискурса прессы как дискурса власти.

ЛИТЕРАТУРА

1. Байков В. Г. Манипулятивная семантика и контр-пропаганда // Функционирование языка как средства идеологического воздействия : сб. науч. тр. — Краснодар : Изд-во Кубан. гос. ун-та, 1988. С. 5—13.
2. Беркнер С. С. Язык как инструмент власти // Эссе о социальной власти языка / под общ. ред. Л. И. Гришаевой. — Воронеж, 2001. С. 85—89.
3. Блакар Р. М. Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия / общ. ред. В. В. Петрова. — Благовещенск, 1998. С. 88—124.
4. Будагов Р. А. Язык и культура : хрестоматия : в 3 ч. Ч. 1. Теория и практика / сост. А. А. Брагина, Т. Ю. Загрязкина. — М. : Добросвет, 2001.
5. Водак Р. Язык. Дискурс. Политика / пер. с англ. и нем. В. И. Карасика, Н. Н. Трошиной ; Волгогр. гос. пед. ун-т. — Волгоград : Перемена, 1997.
6. Волошин Ю. К. Социально-идеологическая детерминация социолектизмов // Функционирование языка как средства идеологического воздействия : сб. науч. тр. — Краснодар : Изд-во Кубан. гос. ун-та, 1988. С. 14—19.
7. Каменева В. А. Лингвокогнитивные средства выражения идеологической природы публицистического дискурса (на материале американской прессы) : моногр. — Новокузнецк : Ред.-изд. отд. КузГПА, 2006.
8. Каменева В. А. Лингвокогнитивное моделирование публицистического дискурса (на материале советской прессы 1937 года) : моногр. — Томск, 2009.
9. Каменева В. А. Идеологические технологии

американских онлайн газет (на примере создания образа России) // Вестн. Челяб. гос. ун-та : науч. журн. 2010. № 17 (198). С. 25—32.

10. Карасик В. И. Язык социального статуса. — М. : Гнозис, 2002.
11. Мирошниченко А. А. Толкование речи. Основы лингво-идеологического анализа / Ростов. гос. ун-т. — Ростов н/Д, 1995.
12. Мухамедьянова Г. Н. Табу и евфемистические способы выражения в разноструктурных языках // Теория поля в современном языкознании : межвуз. сб. науч. ст. — Уфа, 2002. С. 128—133.
13. Рябова М. Ю. Приемы аргументации властного дискурса // Концепт и культура = Concept and Culture : материалы 2 Междунар. науч. конф. (Кемерово, 30—31 марта 2006 г.) / отв. ред. Г. И. Лушникова, Л. П. Прохорова. — Прокопьевск, 2006. С. 818—825.
14. Цараева М. Р. Эвфемизмы как лингвистическое явление : (на материале соврем. англ. яз.) // Некоторые проблемы германской филологии : сб. науч. тр. — Пятигорск, 2000. С. 31—39.

ИСТОЧНИКИ

15. Alpert L. I. Judge Puts Another Twist in Khodorovsky Saga // The Wall Street Journal. 2012. 25 July.
16. Gorokhova E. From Russia With Lies // The New York Times. 2011. 21 Oct.
17. Isachenkov V. Russian brochure depicting labor migrants as construction tools causes indignation // The Washington Post. 2012. 23 Oct.
18. Krauss C. Exxon and Russia's Oil Company in Deal for Joint Projects // The New York Times. 2012. 16 April.
19. Russia stops 11-game US winning streak in Olympic matches with 3-2 win // The Washington Post. 2012. Aug.
20. Shane S., Savage C. In Ordinary Lives, U. S. Sees the Work of Russian Agents // The New York Times. 2010. 28 June.

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, доц. Н. А. Красильникова

УДК 811.112.2'243
ББК Ш 143.24-7

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.04

Р. Д. Керимов R. D. Kerimov
Кемерово, Россия Kemerovo, Russia

**«ТЕЛО ЧЕЛОВЕКА»
КАК СФЕРА-ИСТОЧНИК
НЕМЕЦКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ МЕТАФОРИКИ**

Аннотация. Рассматриваются структурно-семантические особенности социальной метафоры современного немецкого языка, которая представляет сферу-источник «Тело человека». Эта группа концептуальных метафор базируется как на традиционных узуальных, как и на окказиональных образах и описывает социальную реальность ФРГ.

Ключевые слова: политический дискурс; концепт; языковая картина мира; концептуальная метафора; немецкая социальная коммуникация.

Сведения об авторе: Керимов Руслан Джаваниширович, кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии, доцент, факультет романо-германской филологии.

Место работы: Кемеровский государственный университет.

Контактная информация: 650043, г. Кемерово, ул. Красная, б, кор. 6, к. 6412.
e-mail: kerimovrus@mail.ru.

**“HUMAN BODY” AS A SOURCE DOMAIN
IN THE SYSTEM
OF GERMAN SOCIAL METAPHORS**

Abstract. The paper studies the structural and semantic features of the system of social metaphors representing the source domain "human body", which are observed in the modern German language. This group of conceptual metaphors, describing the social reality of Germany, is based both on traditional and on occasional images.

Key words: political discourse; concept; language picture of the world; conceptual metaphor; German social communication.

About the author: Kerimov Ruslan Dzhavan-shirovich, Candidate of Philology, Assistant Professor of the Chair of the German Philology, Assistant Professor, Faculty of Romance and Germanic Philology.

Place of employment: Kemerovo State University.

Социальная реальность как фрагмент немецкоязычной картины мира отражается в современном политдискурсе как посредством традиционных, узуально зафиксированных и освоенных, так и окказиональных метафорических образов. Метафорические наименования в сфере социальной коммуникации носят регулярный характер, в связи с чем комплексный лингвокогнитивный анализ корпуса метафорических контекстов позволяет реконструировать механизмы семантического сопряжения актуальных концептуальных сфер и определить их лингвокультурные и «политкультурные» особенности.

Тезис о том, что язык «ретранслирует» культуру народа, в полной мере подтверждается субсистемой современного немецкого языка, отражающей область общественно-политических отношений. Концептуальная метафора, вбирая в себя не только собственно языковые, но и культурно обусловленные характеристики, в социальной коммуникации аккумулирует опыт и знания, с одной стороны, немецкого народа, с другой — германской политической элиты. Из всего многообразия метафорических образов [См., напр.: Керимов 2007, 2008, 2010 и др.] особое место в группе антропоморфных номинаций занимает физиологическая метафорика.

Наименования физиологических органов, систем, частей и характеристик тела

© Керимов Р. Д., 2012

человека представляют собой самую продуктивную область переносных наименований. Это, по мнению авторитетных лингвистов, обусловлено тем, что человек познает окружающую его реальную действительность, соизмеряя ее со своим телом. Данный факт отразился в появлении особого термина «телесная метафора» [См.: Кириллина 2002: 214].

В связи с этим следует отметить, что «создаваемая человеком метафорическая картина политического мира в значительной степени антропоцентрична: как Бог создал человека по своему образу, так и человек метафорически создает (концептуализирует) политическую действительность в виде некоего подобия своего тела и составляющих его органов, своих физиологических и иных действий и потребностей...» [Чудинов 2001: 59].

Структура концептуальной сферы-источника «Тело человека» в немецкоязычной социальной картине мира состоит из двух фреймов — «Тело человека и его части» и «Физиологические органы и системы», — которые обладают наибольшей узуальной частотностью во всем немецком политическом языке. В публицистических текстах (политических речах и языке СМИ) названные фреймы органично расширяются за счет авторских инноваций [Савицкий 2010].

Наименования ТЕЛА ЧЕЛОВЕКА И ЕГО СОСТАВНЫХ ЧАСТЕЙ (частей тела) создают об-

разы разных аспектов социальных реалий, характерных для германской и мировой политики и экономики. К аспектам описания частей тела человека относятся в первую очередь голова и лицо, верхние (руки) и нижние (ноги) конечности, телосложение, которые активируют соответствующие слоты. При метафорическом переносе наименований частей тела человека в сферу политики актуализируются различные их функции, порой не главные и/или не существенные, и внешние признаки предметов (например, сходство по форме). При этом в концептуальной сфере-мишени «Политика» образно переосмысляются в первую очередь такие области, как экономика и внутренняя политика ФРГ.

Обозначения тела и **туловища** человека („der Körper“, „der Leib“, „der Torso“ и др.) проецируются как в сферу германской экономики (например, налоговой политики Германии), так и в область немецких внутриполитических отношений.

В словаре современного немецкого языка [CUGdR] отмечено идиоматичное выражение „gesetzgebender Körper“ («законодательный орган»), которое по механизму словообразования в зависимости от подхода может восприниматься и как лексическая метафора (т. е. перенос на основе сходства по функции: парламент как большой действующий и творящий организм), и как метонимия (на основе логических отношений места: парламент как место, где собраны депутаты (как условный единый организм)). В настоящее время данное связное словосочетание не содержит уже яркого образа и выступает политическим термином.

Лексема „der Leib“ во фразеологизированном словосочетании „einer Sache zu Leibe gehen/rücken“ имеет значение „eine schwierige, unangenehme Aufgabe angehen“ [DGWdS] (в буквальном переводе — «подойти/обратиться к туловищу (кого-либо)»), ср.: *Bis zum Ende des nächsten Jahres läuft das Ultimatum, welches das Bundesverfassungsgericht der Regierung auferlegt: Zins-Prellern solle zu Leibe gerückt werden* (BZ. 1991); *Mit neuer Energie wird versucht, alten Konflikten politisch zu Leibe zu rücken* [Rau 2002a: 279].

Данная лексема представлена также в других устойчивых сочетаниях: „j-n, etwas vom **Leibe** halten“ — „j-n, etwas von j-m fern halten“ [CUGdR]; „seinen Leib pflegen“; „es geht ihm an den Leib“; „das Amt war ihm auf den Leib zugeschnitten“; „mit Leib und Seele bei der Sache sein“.

Лексема „der Torso“, апеллирующая одновременно и к сфере анатомии, и к сфере искусства (вид скульптуры), выступает в ро-

ли второго компонента сложного слова „der Steuertorso“. Узким контекстом в таком случае выступает первый компонент композита. В данном примере общим элементом для переноса наименования является сема неполноты: „der Torso“ — „unvollständig erhaltete oder gestaltete Statue mit fehlenden Gliedmaßen“ [DGWdS].

Например, план налоговой реформы, предлагаемый партией СДПГ, их политическими оппонентами из ХДС воспринимается как «неполный» и, следовательно, неполноценный. Негативное его восприятие выражается в метафоре: *In der Gesamtschau ist der Steuertorso der SPD — von einem Konzept kann man ja wohl nicht sprechen — völlig unbrauchbar, um in einer globalisierten Weltwirtschaft und in einem scharfen Wettbewerb zu bestehen* [Waigel 1998: 4].

Лицо („das Gesicht“) является важной частью головы: оно выражает мимику и чувства человека, а также выполняет презентативную функцию (в том числе посредством косметики, макияжа). В политической концептосфере «лицо» выполняет презентативную функцию (которая в принципе не является основной в структуре значения данного слова) и, в зависимости от контекста, может выражать как положительную, так и отрицательную оценку внутригерманских политических реалий.

Среди традиционных образов широкое распространение в социальной коммуникации получили выражения, в которых «лицо» выступает заместителем понятий «честь», «имидж» и т. п.:

- „das Gesicht verlieren“ — „etwas von seiner Geltung einbüßen, sein Ansehen verlieren“ [CUGdR]; эквивалент в русском языке — «потерять лицо»;
- „das Gesicht wahren“ — „so tun, als ob alles in Ordnung sei“ [CUGdR]; ср. в русском языке: «делать хорошую мину при плохой игре».

В следующем контексте оратор говорит о недостатках Берлина как столицы единой Германии („ein Gesicht mit Sommersprossen“), причем автор дает положительную оценку самому городу, противопоставляя ему города из Западной Германии („manches geölte und gepuderte Gesicht“): *Jetzt noch ein veröhnliches Wort. Da wird Angst vor dieser Stadt gepredigt. Wir wissen alle: Berlin ist lauter als Bonn, unbequemer als Bonn, holpriger als Bonn, ist ein Gesicht mit Sommersprossen. Ist es deswegen wirklich häßlicher als manches geölte und gepuderte Gesicht in Westdeutschland? Ich meine nicht* [Kansy 1991].

Компонент „das Gesicht“ входит также в состав устойчивого выражения с семей на-

силия: „für j-n ein **Schlag** ins Gesicht sein“ — „für j-n eine schwere Kränkung, Beleidigung, Brüskierung sein“ [CUGdR] (букв. «для кого-то это (как) серьезный удар в лицо»).

Также «лицо» выполняет функцию «детектора» информации, поступков, когда активизируется функция зрения (т. е. можно самому как бы увидеть, о чём идёт речь), ср.: „den Tatsachen ins Gesicht schlagen“ [CUGdR]; досл.: «противоречить фактам, находиться в вопиющем противоречии с фактами»; букв. «бить фактам в лицо».

Слово «лицо» получило переносное значение «вид», «облик» в составе устойчивых сочетаний, таких, как „die Sache bekommt ein (ganz) anderes [neues] Gesicht“; „einer Sache (Dat.) das richtige Gesicht geben“; „Gesicht und Gestalt gewinnen“; „das Gesicht wahren [retten]“.

Определенную смысловую нагрузку несет на себе и номинация „die Stirn“ («лоб»), которая переосмысливается в некоторых словосочетаниях и сложных словах. В сочетании (в рамках сложного слова) с прилагательным „eng“ («узкий») передается значение «глупость, ограниченность», которое имеет эквивалент и в русском языке («узколобый»): „die Engstirnigkeit“ — „engstirnige Art, Haltung, Einstellung“ [DGWdS]; „ein **engstirniger** Mensch“; „**engstirnig** handeln“; „Sie ist bloß von zu Hause so **engstirnig** erzogen“.

В составе устойчивых сочетаний с компонентом „die Stirn“ отображаются, как правило, опасные или негативно оцениваемые социальные ситуации: „j-m, einer Sache die Stirn bieten“ — „j-m, einer Sache (mutig) entgegenzutreten“ [CUGdR]; **Den Nazis die Stirn geboten** — **Gedenkstein für Widerstandsgruppe Baum wurde wieder eingeweiht** (ND. 2001).

Сочетание „mit eiserner Stirn(e)“ означает «нагло; без зазрения совести», например: „es gehört eine eiserne [eherne] Stirn dazu, das zu behaupten“ [CUGdR].

Интересны также устойчивые сочетания немецкого языка с компонентом „die Bart“ («борода»), описывающие предельность или процессуальность различных социально значимых действий:

- „der Bart ist ab“ — „nun ist Schluss!; es ist nichts mehr zu machen“ [CUGdR];

- „(so) einen Bart haben“ — „längst bekannt sein“ [CUGdR] (ср. в русском: «новость с бородой»);

- „j-m um den Bart gehen [streichen]“ — „j-m schmeicheln“ [CUGdR].

У номинации „der Mund“ («рот») в устойчивых выражениях актуализируется функция говорения, посредством чего вербализуется отношение, поведение человека («говорящего») к окружающей обстановке:

- „j-m nach dem **Mund**(e) reden“ — „j-m immer zustimmen, das sagen, was der andere gern hören will“ [CUGdR]; *Heftige Kritik ertete auch die Koalitionspartnerin CDU, sie setze sich in Bonn zu wenig für die ostdeutschen Interessen ein und rede dem Kanzler nur nach dem Mund* (ND. 1996);

- „den **Mund** (zu) voll nehmen“ — „(zu) viel versprechen; angeben“ [CUGdR];

- „j-m über den **Mund** fahren“ — „j-m das Wort abschneiden; j-m scharf antworten“ [CUGdR].

«Уши» („das Ohr“) представлены в политическом языке в большом числе устойчивых выражений, активирующих функции слуха и понимания, которые обуславливают опыт человека и являются каналом связи с окружающим миром, например:

- „j-m die **Ohren** langziehen“ — „j-n tadeln, (scharf) zurechtweisen“ [CUGdR];

- „bis über die **Ohren** [über beide Ohren] verschuldet sein [in Schulden stecken]“ — „sehr große Schulden haben“ [CUGdR];

- „es (faust)dick hinter den **Ohren** haben“ — „durchtrieben, gerissen sein“ [CUGdR];

- „die **Ohren** steif halten“ — „durchhalten, nicht nachgeben; den Mut nicht verlieren“ [CUGdR];

- „j-m klingen die **Ohren**“ — „jemand spürt, dass in seiner Abwesenheit über ihn gesprochen wird“ [CUGdR]; *Die FDP als „Partei für das ganze Volk“: den einstigen Heroen der Partei, allen voran Genscher und Lambsdorff, müssen in Düsseldorf die Ohren geklungen haben, womit sie ihr politisches Leben gefristet haben* (FAZ. 2001);

- „sich (Dat.) etwas hinter die **Ohren** schreiben“ — „sich etwas gut merken“ [CUGdR]; *Berlins regierender Bürgermeister ... will „eine gute Regierungsarbeit“ machen, was man sich zwar auch hinter die Ohren schreiben könnte...* (BZ. 2002);

- „j-m etwas um die **Ohren** schlagen [hauen]“ — „j-m wegen etwas heftige Vorwürfe machen, j-n wegen etwas heftig kritisieren“ [CUGdR]; *Es war schon hörens Wert, was der General den Sozialdemokraten, bei der Veranstaltung präsent durch den Berliner Fraktionschef Ditmar Staffelt, um die Ohren schlug* (BZ. 1992).

Полуустойчивые выражения с компонентом „das Ohr“ демонстрируют узувальные значения, ср.: „j-s Ohr haben“; „kein Ohr für j-n, für etwas (Akk) haben“; „ein geneigtes [offenes, williges] Ohr finden“; „ein taubes Ohr bei j-m finden“; „j-m sein **Ohr** leihen [bieten]“; „sein **Ohr** j-m, einer Sache (Dat.) verschließen“; „j-m etwas zu Ohren bringen“ [CUGdR].

Также компонент „das Ohr“ представлен в устойчивых выражениях, в которых «уши»

выполняют непрототипическую функцию (являются, например, индикатором ментальных состояний) либо активизируются разные метонимические отношения: „die **Ohren** hängen lassen“, „j-m die **Ohren** kitzeln [melken]“, „er ist noch nass [noch frisch, noch grün, noch nicht trocken] hinter den **Ohren**“, „er hat noch die Eierschalen hinter den **Ohren**“, „es (faustdick) hinter den **Ohren** haben“, „j-m einen Floh ins **Ohr** setzen“, „j-m das Fell über die **Ohren** ziehen“, „j-n übers **Ohr** hauen“, „lass dir erst noch etwas Wind um die **Ohren** pfeifen“ [CUGdR].

Известное пословичное выражение «у стен есть уши» представлено и в немецком языке: „die Wände haben **Ohren**“. Чтобы постоянно прислушиваться к мнению народа (к «голосу масс»), политику надо «хорошо наострить уши»: *sein Ohr ständig an der Masse haben*.

Руки предназначены для совершения манипуляций с предметом, держания чего-либо; также они выполняют функцию тактильной перцепции. В сфере политики «рука» („der Arm“) и «рука/кисть» („die Hand“) могут исполнять роль инструмента влияния на общество со стороны государства, профсоюзов, рынка и пр. Так, например, «невидимая рука рынка» (*die unsichtbare Hand des Marktes*) является негативным образом оказываемого рынком влияния на жизнь общества: *Das wollte nicht einmal Adam Smith. Wer seine Metapher der „unsichtbaren Hand des Marktes“ gegen die soziale Ordnung des Marktes ins Feld führt, möge sich vergegenwärtigen, dass er ein Moralphilosoph war, für den diese „unsichtbare Hand“ nicht Selbstzweck, sondern ein Mittel zur Beseitigung „barbarischer Verhältnisse“ war* [Rau 2001b: 71].

Именное словосочетание „der verlängerte Arm“ (букв. «удлиненная рука») выражает пренебрежительное значение «орудие; пособник»: *Allzu oft hatten die Bürgerinnen und Bürger der DDR die Bezirksverwaltungen als verlängerten Arm der SED erlebt* [Rau 2001a: 307].

В определенном контексте высказывания устойчивая метафора может также влиять на окказиональную метафору. Так, в следующем отрывке по аналогии с выражением „der verlängerte Arm“ появляется похожее и созвучное сочетание „die verlängerte Werkbank“: *Die Politik ist weder die verlängerte Werkbank der Unternehmen, noch der verlängerte Arm der Gewerkschaften und darf auch beides nie werden* [Rau 2002a: 298].

Выражение „einen langen Arm haben“ имеет переносное значение „weitreichenden Einfluss haben“ [CUGdR] (ср. в русском языке: «У нас/них длинные руки!»). Его анто-

нимом выступают идиомы „er hat zu kurze Arme“ и „so weit reicht sein Arm nicht“ [CUGdR].

Также лексема „der Arm“ входит в состав многих устойчивых выражений, в которых абстрагируется (переходит из сферы конкретного в сферу абстрактного) или переосмысливается буквально производимое действие [CUGdR]:

- „die Arme frei haben“ («иметь свободу действий»; букв. «иметь свободные руки», т. е. иметь возможность что-то делать не занятыми ничем руками);
- „die Arme hängen lassen“ («опустить руки, пасть духом»);
- „in den Arm fallen“ («остановить (кого-либо), помешать (кому-либо), воспрепятствовать (сделать что-либо); пресечь (чьи-либо) действия»; букв. «упасть на руку», т. е. в буквальном смысле лишить человека возможности действовать руками, сковав (скрутив) их);
- „in die Arme laufen“ («столкнуться [неожиданно повстречаться] с кем-либо; попасть в руки [в лапы]»; букв. «бежать в (чьи-либо) руки»);
- „mit offenen Armen (offenen Armes) empfangen [aufnehmen]“ («принимать [встречать] с распростёртыми объятиями»; букв. — «руками»);
- „mit verschränkten Armen zusehen“ («сидеть (букв. «смотреть») сложа руки, оставаться сторонним наблюдателем»);
- „j-m mit etwas unter die Arme greifen“ — „j-m in einer Notlage mit etwas helfen“ [CUGdR] («помогать кому-либо чем-либо, поддерживать кого-либо, выручать кого-либо (б. ч. деньгами)»), например: *Neben den Arbeitsämtern greifen auch Kommunen benachteiligten Jugendlichen unter die Arme — und manchmal auch die Wirtschaft selbst* (BZ. 2000 / 2001).

Помимо этого, в политико-правовой сфере существует выражение „der Arm der Gerechtigkeit“ [CUGdR] («рука правосудия»), а в теологии — „der strafende Arm des Himmels“ [CUGdR] («карающая десница («рука») небес»).

Лексема „die Hand“ в немецком языке входит в состав более сотни устойчивых и полуустойчивых выражений, и встречается в метафоризированных высказываниях в языке политики, таких, как „fördernde Hand“, „freie Hand haben“, „freie Hand lassen“, „saubere Hände haben“, seine Hand von j-m (Dat.) abziehen [zurückziehen]“, „Hand anlegen“, „die Hand zu etwas (Dat.) bieten“, „eine offene [milde] Hand haben“, „die Hand bei etwas (Dat.) im Spiele haben“, „die Hand [die Hände] in der Tasche haben“, „die Hand auf der Tasche hal-

ten“, „die Hände sinken lassen“, „die Hände von etwas (Dat.) lassen“ и др.

Если человек принимает участие в чем-либо, то в буквальном смысле прикладывает руку к чему-либо (т. е. делает дело своими руками): „Hand an etwas (Akk.) legen“, „Hand ans Werk legen“ и пр. В свою очередь, ничего не делающие лентяи и бездельники «сидят на руках», «держат их на коленях, в карманах»: „auf den Händen sitzen“, „die Hände in die Taschen stecken“, „die Hände in den Schoß legen“ [CUGdR].

Если кто-то находится в чьей-либо власти, зависит от кого-либо, то он как бы находится в его руках: „in j-s Hand stehen“. Помощник, соратник и т. п. традиционно именуется «правой рукой»: „j-s rechte Hand [rechter Arm] sein“ (такая же идиома есть и в русском языке). А наименование «левой руки» актуализируется в ситуации, когда всё получается и когда дело спорится: „mit der linken Hand“ — „nebenher, ohne große Mühe“ [CUGdR].

Невозможность выполнения каких-либо обязательств (как правило, из-за внешних непреодолимых обстоятельств) концептуализируется в ситуации «связанных рук (и, иногда, ног)»: „j-m die Hände binden“ / „j-m sind die Hände [Hände und Füße] gebunden“ — „jemand kann nicht nach seinem freien Willen handeln“ [CUGdR]: *Insofern waren Major die Hände etwas gebunden. Schließlich steht er vor Wahlen, und die Konservativen sind angeschlagen. Kampflöses Einlenken in Bonn hatte die Gefahr erbitterter Auseinandersetzungen im konservativen Lager heraufbeschworen. Das kann sich im Wahlkampf keine Partie leisten* (BZ. 1991).

Рукопожатие традиционно является символом принятия договора по какому-либо делу, осуществления сделки, заключения союза, например:

- „**Hand drauf!**“ — „verspreche dir das, versprich mir das (mit Handschlag)“ [CUGdR];
- „sich die Hand festhalten“ — „es mit j-m halten“ [CUGdR]: *In der Union halten sich Biedermänner und Brandstifter fest die Hand* (Spiegel. 1994).

«Рука» может также выполнять функцию вместилища, содержащего важные ресурсы, средства/инструменты, необходимые для достижения цели, которые также могут быть отторгнуты от их владельца, ср.: „etwas in Hand haben“ (= „über etwas verfügen“); „j-m etwas aus der **Hand** nehmen“ (= „j-n etwas nicht mehr erledigen lassen; j-n etwas entziehen“) [CUGdR].

Также в немецкий язык было калькировано латинское изречение „Manus manum lavat“ («Рука руку моет»), которое в социаль-

ной коммуникации, как правило, получает негативную оценочную коннотацию, описывая ситуации укрывательства неблагоприятных дел, круговой поруки: „eine **Hand** wäscht die andere“ — „jemand hat mir Gefallen erwiesen, also erweise ich ihm auch einen“ [CUGdR], ср.: *Als die PDS-Fraktion im vergangenen Jahr dem Haushaltsposten „Verfassungsschutz“ nicht zustimmen wollte, hatte Gysi, als der Morgen graute, die Mehrheit für Hoppner organisiert. — Dafür werden auch die Interessen der PDS in Sachsen-Anhalt berücksichtigt und in konkrete Politik umgesetzt — eine Hand wäscht die andere* (Spiegel. 1995).

В политико-правовой сфере существуют понятия и термины с ключевым компонентом „die öffentliche Hand“, указывающие на органы государственной власти, на принадлежность чего-то (например, собственности) государству, обществу — „der Staat, die Gemeinden als Verwalter von Steuergeldern und öffentlichem Vermögen“ [CUGdR]: *Im SEZ (Sport- und Erholungszentrum in Berlin — die Red.) gehen die Eintrittspreise hoch, aber Hilfe der öffentlichen Hand ist nötig* (BZ. 1990); *Die öffentliche Hand in Berlin ist auch in diesem Jahr der „Preistreiber Nr. 1“* (Tagesspiegel. 1994).

Сочетание „die öffentliche Hand“ содержится в следующих устойчивых терминах сферы административного управления и экономики [CUGdR]: „aus öffentlicher Hand“ («из государственных средств»); „in die öffentliche Hand gehören“ («принадлежать муниципалитету»); „in die öffentliche Hand überführen“ («передать в собственность муниципалитета»; «национализировать»); „in die Hände des Volkes überführen“ («передать в руки народа (в народную собственность»); «национализировать»).

В юриспруденции используется понятие „den Händen der Gerechtigkeit übergeben“ («передать (кого-либо) в руки правосудия»), а в экономике — „Preisbindung **zweiter Hand**“ («установление единых цен по вертикали, вертикальное фиксирование цен»). В истории Германии отмечен юридический термин «Recht „der ersten Hand“» («право „первой руки“»).

Положительный образ создается при указании на «руки» как инструмент совершения действия, что отмечено в следующих окказиональных контекстах:

- *Dafür, dass sie für den Wettbewerb verantwortlichen es immer wieder verstehen, jungen Menschen originelle und spannende Zugänge zu diesen Fragen zu eröffnen, dafür möchte ich Ihnen danken, den Lehrerinnen und Lehrern, die die weit über 1500 Beiträge begleitet und betreut haben, aber auch den Mitarbeiterinnen*

und Mitarbeitern der Körper-Stiftung, die auch in diesem Jahr den Wettbewerb **mit sicherer Hand** zu einem guten Ende geführt hat [Rau 2002a: 183];

- Die Menschen können auf Dauer nur dann in Frieden, in Sicherheit und frei von Armut leben, wenn Ökologie und Ökonomie **Hand in Hand** gehen und nicht gegeneinander gestellt werden [Rau 2002a: 214—215].

«Локти» („der Ellenbogen“) выполняют непрототипическую функцию, служа способом занять более выгодное положение в обществе, когда человек как бы отталкивает (локтями) других: *Die kalte Logik des Marktes in allen gesellschaftlichen Bereichen kann höchstens zur Ellenbogenmentalität, zum „survival of the fittest“ ... führen* [Rau 2001b: 70].

В речах политика встречаются и наименования частей руки, «пальцев» („der Finger“, „der Daumen“), у которых образному переосмыслению в составе устойчивых выражений подвергается, как правило, буквальное действие:

- „den Finger auf [in] die (brennende) Wunde legen“ — „auf ein Übel deutlich hinweisen“ [CUGdR]: *Der Stadtrat scheute sich nicht, den Finger auf die Wunde zu legen und die Bodenspekulanten anzuprangern* (BZ. 2000); *Manchmal legen sie den Finger in die Wunde oder geben kritische Anstöße für Veränderungen* [Rau 2002a: 75];

- „keinen Finger rühren“ — „sich nicht für j-n einsetzen, untätig bleiben“ [CUGdR];

- „sich die Finger [alle zehn Finger] nach etwas lecken [schlecken]“ — „Lust auf etwas haben, etwas gern haben wollen“ [CUGdR];

- „j-m auf die Finger klopfen“ — „j-n (warnend) zurechtweisen“ [CUGdR]: *Die beiden Christsozialen aus Bayern, der eine CSU-Chef, der andere Ministerpräsident, wollen dem Vorsitzenden der Schwesterpartei CDU auf die Finger klopfen* (BZ. 1991);

- „die Finger von j-m, etwas lassen“ — „sich nicht mit j-m, mit etwas abgeben“ [CUGdR]: *Gerhard Schröder mahnte zurück: „Kümmert euch um die Lebensbedingungen eurer Mitglieder, aber lasst die Finger von der Außenpolitik, denn davon versteht ihr nichts“* (BZ. 2001).

Использование пальцев приравнивается к осуществлению контроля над чем-либо/кем-либо, например в следующих узуальных значениях:

- „seinen [den] Finger drauf haben“ — „etwas unter seiner Kontrolle haben“ [CUGdR]: *„Unter den derzeitigen Umständen ist es schwierig, konsistent tätig zu sein“, bemängelt Stockmann. Dennoch bedauert er nicht, hier zu sein. Den Finger drauf zu haben, wenn es um die Probleme in den neuen Ländern geht, ist dem Theo-*

logen und seinen Beobachterkollegen wichtig (BZ. 1991);

- „j-m auf die Finger sehen [schauen / gucken]“ — „j-n genau beaufsichtigen, kontrollieren“ [CUGdR]: *Vermietern genau auf die Finger schauen* (BZ. 1991); *Eine wie sie hat dem inneren Chaos auf die Finger geschaut* (BZ. 1991);

- „den Finger am Drücker haben“ («иметь власть (решающий голос)»; букв. «держат палец на кнопке»).

В следующем устойчивом выражении указанная номинация выражает негативные моральные качества человека при атрибуции прилагательным „böse“: „ein schlimmer Finger sein“ — „ein böser, gefährlicher Mensch sein“ [CUGdR], напр.: *Es mag ja sein, dass da und dort ein schlimmer Finger aus dem Anschlussgebiet in der Treuhand unterschlüpfte. Es mag ja sein, dass mancher dann seinen genauso schlimmen Freund aus alten Tagen nachzog. Es mag ja sein, dass manch moralisch verschlissener DDR-Finger auch heute noch ein schlimmer ist* (BZ. 1992).

В устойчивых выражениях используется также лексема „der Daumen“ («большой палец»), которая употребляется в смысле, близком „der Finger“, для переосмысления буквально осуществляемых или мыслимых действий:

- „Daumen [Däumchen] drehen“ — „nichts tun, sich langweilen“ [CUGdR];

- „auf etwas den Daumen drücken“ — „auf etwas bestehen“ [CUGdR].

Некоторые выражения вербально отражают жестикюляцию, осуществляемую в том числе с участием «большого пальца»:

- „j-m [für j-n] den Daumen [die Daumen] halten [drücken]“ — „bei einer Sache in Gedanken gutes Gelingen, Erfolg wünschen“ [CUGdR]: *Kinkel, so hat die Süddeutsche Zeitung hellen Kopfes erkannt, braucht vor allem Fortune und auch, dass Kohl ihm die Daumen drückt* (Spiegel. 1995);

- „den Daumen nach unten halten“ — „j-n verurteilen“ [CUGdR];

- „den Daumen recken“ [CUGdR]: *So bemühte sich Kohl beim Treffen mit den Bossen der Wirtschaftsverbände vergangene Woche in München mit einer ganz neuen Geste, dem optimistisch gereckten Daumen, Tatkraft zu symbolisieren* (Spiegel. 1998).

Наконец, в состав идиом входит лексема „die Faust“ («кулак»):

- „auf eigene Faust“ — „auf eigene Verantwortung“ [CUGdR];

- „mit der Faust auf den Tisch hauen [schlagen]“ — „energisch auftreten, vorgehen“ [CUGdR];

- „die Faust [die Fäuste] in der Tasche balen“ — „heimlich drohen, seiner Wut, seiner

Erbitterung nicht offen Ausdruck geben“ [CUGdR].

Номинация „der Nagel“ («ноготь») представлена следующими выражениями:

- „sich (Dat.) etwas unter den **Nagel** reißen [ritzen]“ — „sich etwas (unrechtmäßig) aneignen, an sich nehmen“ [CUGdR];

- „die **Nägel** von etwas lassen“ — „etwas lieber nicht tun, sein lassen“ [CUGdR];

- „j-m auf [unter] den **Nägeln** brennen“ — „für j-n sehr dringlich sein“ [CUGdR]: *Den überwiegend kommunalpolitisch aktiven Liberalen aus den neuen Ländern brennen Probleme der Treuhand und der Eigentumsansprüche mehr auf den Nägeln als den aus Bonn angereisten und in der West-Partei noch dominierenden Bundespolitikern...* (BZ. 1991); *„Das Problem brennt auf den Nägeln“*, sagt Projektleiter Reiner Kotulla (BZ. 1991).

Такое действие, как «щелканье пальцами» („schnippen“), получило образное переосмысление в составе выражения с соответствующим отглагольным существительным с диминутивным суффиксом:

- „j-m ein **Schnippchen** schlagen“ — „j-s Absichten durchkreuzen, durch Klugheit der Verfolgung entgehen“ [CUGdR]: *Jetzt geht es um die Macht im Landesverband — und da haben ihm die alten Strippenzieher um Dieppen am Montagabend ein Schnippchen geschlagen* (BZ. 2002).

Номинация «плечо» („die Schulter“) присутствует в целом ряде идиом, в которых концептуализируются как буквальные действия, так и обуславливающее их последующее (возможное) развитие событий, причем метафорическая предикация может осуществляться и по отношению к неодушевленным объектам (социальным, экономическим и иным явлениям):

- „j-m die kalte **Schulter** zeigen“ — „sich gegenüber j-m abweisend verhalten“ [CUGdR]: *Konrad Weiß zeigt CDU die kalte Schulter* (BZ. 1991);

- „etwas auf die leichte **Schulter** nehmen“ — „etwas nicht ernst genug nehmen“ [CUGdR].

- „auf beiden [auf zwei] **Schultern** Wasser tragen“ — „zwei Parteien gleichzeitig gerecht werden (wollen)“ [CUGdR].

Часть выражений является образным переосмыслением прямого значения слова „die Schulter“: „er hat breite Schultern“, „Schulter an Schulter“, „j-n auf die Schultern zwingen [legen]“, „etwas auf seine Schultern nehmen [laden]“, „die ganze Verantwortung ruht auf meinen Schultern“, „etwas auf j-s Schultern wälzen“.

Представление об ответственности как о «грузе на плечах» встречается и в окказиональных употреблениях, например: *Wer*

denkt da nicht an die schrecklichen Bilder vor 55 Tagen, die uns eine ganz neue Aktualität auf die Schulter gelegt haben: ein Einbruch von Gewalt in unser Leben, den wir uns bis dahin nicht vorstellen konnten [Rau 2002a: 237].

Лексема „die Achsel“ в устойчивых выражениях тоже используется для переосмысления буквальных действий. С одной стороны, «плечи» выступают в роли физиологической части тела, на которую «взваливают» и на которой «носят» «груз ответственности», в том числе в негативном смысле, когда ее «несут» сразу «на двух плечах»:

- „etwas auf die leichte Achsel nehmen“ — „etwas nicht ernst nehmen; die Schwierigkeiten bzw. eine Gefahr unterschätzen“ [CUGdR];

- „etwas auf seine Achsel(n) nehmen“ («взять что-либо на себя (на свою ответственность)»);

- „auf beiden Achseln tragen“ («двурушничать, служить и нашим, и вашим»).

С другой стороны, «плечи» характеризуют ситуацию превосходства над кем/чем-либо: „über die Achsel ansehen“ («смотреть свысока на кого-либо»).

Наконец, образное переосмысление буквального действия (оказать кому-либо помощь (помочь подняться), взяв его под мышки) представлено в выражении „unter die Achseln greifen“ — досл. «оказывать кому-либо помощь (поддержку)».

Образ шеи (со стороны спины) („der Nacken“) представлен в идиоме „j-m in **Nacken** sitzen“ в значении „j-n bedrängen; j-n verfolgen, dicht hinter j-m sein“ [CUGdR] и в устойчивых выражениях. В первой группе устойчивых выражений метонимического характера «шея» является заместителем всей фигуры (тела) человека, частью тела, которая подвергается внешнему воздействию, как правило, негативному, ср.:

- „j-m in den Nacken schlagen“ («нанести кому-либо предательский удар; нанести кому-либо чувствительный удар; унижить кого-либо»);

- „den Kopf (stolz) in den Nacken werfen“ («(гордо) откинуть голову»).

Вторая группа идиоматичных сочетаний передает метафорическое значение, связанное с переосмыслением ситуаций. Центральным образом здесь является «шея»:

- „einen steifen Nacken haben“ («быть упрямым; быть гордым»);

- „j-m den Nacken steifen“ («подбадривать кого-либо; укреплять чью-либо волю к сопротивлению; поддерживать в ком-либо твердость духа»);

- „j-m den Nacken beugen“ («≈ сломить чье-либо сопротивление (упрямство), покорить кого-либо; согнуть в бараний рог»);

- „den Nacken (unter das Joch) beugen“ («≈ подчиниться, покориться; гнуть спину»);
- „j-m den Nacken ins Joch zwingen“ («покорить (поработить) кого-либо»);
- „j-m den Fuß auf den Nacken stellen [setzen]“ («поработить (подчинить) кого-либо»);
- „ein Mann mit einem unbeugsamen Nacken“ («человек непреклонного характера»).

Третья группа значений представлена в выражениях, описывающих различные негативные качества характера и социальный статус человека:

- „den Schalk [den Schelm] im Nacken haben“ («быть плутом (проказником»);
- „ihr sitzt der Geiz [die Habsucht] im Nacken“ («она скупа (жадна»);
- „er hat den Spieß im Nacken“ («его мещанская суть (мещанское нутро) дает себя знать (выпирает наружу»).

В политическом языке широко представлены также номинации нижних конечностей и их частей (**ног** и **коленей**). Главная функция ног — передвижение в пространстве. Это значение с противоположным смыслом (невозможность передвижения) эксплицируется в устойчивом словосочетании „von einem Fuß auf den anderen treten“ — «топтать на месте»; букв. «(пере)ступать с ноги на ногу».

В социальной коммуникации, однако, чаще актуализируется другая, второстепенная функция — поддержка стоящего тела. С нижними конечностями связываются важная часть промышленности и положительная динамика экономических процессов:

- *Die Lebensbedingungen der meisten Menschen sind nicht bestimmt durch den Missbrauch von Sozialleistungen und den Verzicht darauf, selber etwas zustande zu bringen und auf eigenen **Füßen** zu stehen* [Rau 2002a: 358];
- *Insgesamt ist die Automobilbranche zu **einem wichtigen Standbein** der wirtschaftlichen Entwicklung geworden* [Clement 2002: 7].

Помимо этого, лексема «нога» присутствует в следующих идиомах:

- „(festen) Fuß fassen“ — „heimisch werden; festen Boden unter die Füße bekommen“ [CUGdR]: *Im Osten **hat** die Partei zwar **Fuß gefasst**, gewinnt aber nicht an Boden* (BZ. 1992); *Das erklärt die Heftigkeit, mit der in den vergangenen Wochen und Monaten über die Novelle gestritten wurde, das erklärt auch den Druck, den die Funktionäre in diesen Tagen wieder auf die Regierung ausüben. Ihr Kalkül ist einfach: Wo erst einmal ein Betriebsrat installiert ist, kann auch die Gewerkschaft rasch **Fuß fassen*** (FAZ. 2001);
- „einen Fuß in die Tür bekommen“ — „den ersten Schritt machen, um seine Position zu

festigen“ [CUGdR]: *Auf andere Objekte, die mit dem Abzug der Alliierten-Truppen freigeworden sind oder es noch werden, melden Spandaus Bürgermeister Werner Salomon und seine Dienstkollegen aus anderen Bezirken Ansprüche an: „Wir müssen sehen, dass wir jetzt **einen Fuß in die Tür bekommen**“, betont er. Die Bezirkschefs befürchten, bei der Verteilung der Flächen übergangen zu werden* (BZ. 1992); *Ein Westinvestor **hatte den Fuß bereits in der Tür*** (BZ. 1991);

- „bei j-m einen Fuß in der Tür haben“ — „sich an einem bestimmten Ort Einfluss verschafft haben“ [CUGdR];

- „mit j-m auf gespanntem Fuß(e) stehen“ — „mit j-m ein gespanntes Verhältnis haben“ [CUGdR];

- „mit j-m auf freundschaftlichem [vertrautem] Fuß(e) stehen“ — „mit j-m ein freundschaftliches, vertrautes Verhältnis haben“ [CUGdR];

- „den (ganzen) Kram [Krempel] vor die Füße hinschmeißen [werfen]“ — „keine Lust mehr haben, etwas weiterzuführen, bis zum Ende durchzuführen“ [CUGdR];

- „in j-s Fuß(s)tapfen treten“ — „j-s Vorbild folgen“ [CUGdR]: *Viele Menschen glauben nicht so richtig, dass der Euro wirklich **in die Fußstapfen** der D-Mark **treten** kann* (BZ. 2001).

Лексема „das Bein“ («нога») активнее всего употребляется в устойчивых выражениях со значением социальных действий:

- „etwas auf die **Beine** stellen [bringen]“ — „etwas in bewundernswerter, erstaunlicher Weise zustande bringen“ [CUGdR]: *Sie haben jetzt nicht mehr viel Zeit. „In knapp drei Monaten müssen wir den Landesverband **auf die Beine stellen**“, sagt der Beauftragte* (BZ. 2001);

- „j-n auf die **Beine** bringen“ — „j-n zur Teilnahme an einer Veranstaltung o. Ä. veranlassen“ [CUGdR];

- „wieder auf die **Beine** kommen“ — „wieder gesund werden, gesunden“ [CUGdR]; «1) выздороветь, оправиться от болезни; 2) снова (в)стать на ноги, поправить свои (финансовые) дела»;

- „auf schwachen [schwankenden / tönernen / wackligen] Beinen [Füßen] stehen“ — „unsicher sein, keine sichere Grundlage haben“ [CUGdR]: *Nur wenige Tage vor dem Besuch des Bundeswirtschaftsministers in der Gemeinschaft unabhängiger Staaten — auf dem Programm stehen auch Visiten in Kasachstan und in der Ukraine — hatte das wirtschaftlich **auf äußerst wackligen Beinen stehende** Russland den ökonomischen Löwen Deutschland am Bart gezupft* (BZ. 1992);

- „j-m die **Beine** wegschlagen“ — „j-n abschieben, entlassen“ [CUGdR].

Образ коленей („das Knie“) представлен в следующих устойчивых выражениях:

- „etwas übers **Knie** brechen“ — „etwas übereilt erledigen, tun“ [CUGdR]: „Wir wollen unsere Entscheidung nicht übers **Knie brechen**“, sagt Wilfried Euler. Doch spätestens bis Ostern will er Klarheit für sein Projekt schaffen (BZ. 2001);

- „vor j-m in die **Knie** gehen“ — „vor j-m Angst haben und seine Grundsätze aufgeben; sich j-m unterwerfen“ [CUGdR]: *Die Krisen, Kriege und Skandale lösen einander ab. Sollen wir, dankbar für Renten- und steten Gesundheitswesen-Abbau, vor den Kapital-Spekulanten in die Knie gehen?* (ND. 2000).

Номинация «**грудь**» („die Brust“) встречается в устойчивых сочетаниях и идиомах, в которых актуализируется буквальное или мыслимое действие, связанное с данной частью тела человека, например:

- „schwach auf der Brust sein“ («иметь слабые легкие; (шутл.) иметь карманную чахотку, быть без денег»); „aus voller Brust zustimmen“ («полностью согласиться с кем-либо; энергично поддержать кого-либо»; букв. «полной грудью», т. е. набрав полные легкие воздуха, чтобы активно разговаривать);

- „sich an die **Brust** schlagen“ — „Reue empfinden, sich seine Fehler vorhalten“ [CUGdR]: *In knapp einem Monat werden sich Offizielle beider Staaten an die Brust schlagen, wenn sie den fünften Jahrestag des Grenzvertrages feiern, mit dem Bonn die polnische Westgrenze endgültig anerkannte* (ND. 1995);

- „sich (Dativ) **an die Brust** schlagen“ — „über etwas Reue empfinden, sich Vorwürfe machen (nach Nahum 2, 8)“ [DGWdS].

- „[sich (Dativ)] j-n, etwas **zur Brust** nehmen“ — „(ugs.) sich j-n, etwas gründlich vornehmen“ [DGWdS].

Образ живота („der Bauch“) представлен в следующих устойчивых выражениях: „fauler Bauch“ («фам. лентяй»); „j-m den Bauch streicheln“; „nur für den eigenen Bauch leben“ («заботиться только о своем желудке; думать только о себе, жить только для себя»; здесь актуализируется функция пищеварения).

Образ живота задействуется также при описании ситуаций активной социальной речевой коммуникации, например:

- „j-m ein **Loch** [Löcher] in den Bauch reden“ — „паузенлоз auf j-n einreden“ [CUGdR];

- „j-m ein **Loch** [Löcher] in den Bauch fragen“ — „j-m паузенлоз Fragen stellen“ [CUGdR].

Во фразеологизмах, как правило, происходит образное переосмысление различных буквально осуществляемых (или гипотетически возможных) ситуаций: „vor j-m auf dem Bauch kriechen [liegen]“, „vor j-m auf den Bauch fallen“ («ползать на животе, пресмы-

каться перед кем-либо»); „sich (Dat.) durch den Bauch stechen“ (фам. «прикарманить (что-либо)»).

Живот как маркер социального достатка или, наоборот, нужды представлен в немецких пословицах и поговорках. Там он является частью пищеварительной системы, которая у богатых работает постоянно, а у бедных — непостоянно («пустой живот» ← «голод» ← «социальный недостаток (нет денег для покупки еды)» // «полное брюхо» ← «сытость» ← «богатство, достаток (есть деньги на еду)»):

- „Ein hungriger Bauch lässt sich mit Worten nicht abspeisen“ (эквивалент в русском языке: «Соловья баснями не кормят»);

- „Ein voller [fauler] Bauch studiert nicht gern“ («Сытое брюхо к учению глухо»);

- „Ist der Bauch voll, ist der Mensch toll“ («Человек с жиром бесится»).

Ещё одной достаточно политизированной частью туловища человека является «спина» („der Rücken“). В многочисленных сочетаниях с переносным смыслом, как правило, базой для создания метафорического образа являются буквальные действия:

- „er hat einen breiten Rücken“ («перен. он двуличный, он всё потянет»);

- „einen krummen Rücken machen“ / „vor j-m den Rücken beugen“ («перен. низкопоклонствовать, раболепствовать, гнуть спину (перед кем-либо)»);

- „j-m den Rücken beugen [brechen]“ («перен. сломить чью-либо гордость, сделать кого-либо покорным»);

- „j-m den Rücken kehren [wenden]“ («вернуться спиной к кому-либо; перен. отвернуться от кого-либо»), например: „er kehrte seinem Verein den Rücken“ [CUGdR] («он вышел из общества (союза); букв. «вернуться спиной к (своему) обществу»);

- „j-m den Rücken steifen“ («перен. оказывать кому-либо поддержку (помощь), например в борьбе»);

- „dem Feinde den Rücken zeigen“ («разг. обратиться в бегство перед врагом», букв. «показать врагу спину»);

- „auf dem Rücken liegen“ («перен. бездельничать, бить баклуши»; букв. «лежать на спине»);

- „die ganze Arbeit liegt auf seinem Rücken“ («вся работа лежит (держится) на нём»; букв. «на его плечах»);

- „j-n auf den Rücken legen“ («перен. положить кого-либо на обе лопатки»);

- „hinter j-s Rücken“ («перен. за чьей-либо спиной, тайком от кого-либо»).

С образом спины связывается также преодоление определенных трудностей,

жизненных коллизий и пр., которые остаются позади, как бы за спиной идущего (по жизни) человека: „etwas im Rücken haben“ («стоять спиной к чему-либо; пройти через что-либо»); „das haben wir schon im Rücken“ («это уже позади; это для нас уже пройденный этап»).

В зависимости от контекста и лексической сочетаемости лексема „der Rücken“ выражает в немецких политических речах и негативные, и позитивные смыслы, создавая яркие метафорические образы.

Так, в трудовой деятельности спина предназначена для переноски грузов, а в переносном негативном смысле на нее могут взгромоздиться политические партии (т. е. ложными обещаниями получить определенную выгоду): *Das Schicksal der Arbeitslosen war ihnen egal. Sie wollten die Wahl auf dem Rücken der Arbeitslosen gewinnen* [Rüttgers 1998: 5].

Процесс «стояния спиной у стены», создающий образ приведения в исполнение высшей меры наказания, в сфере политики отражает трудное и/или безвыходное положение: *Sie waren sehr laut, sie waren sehr aufgeregt, ja hektisch. So redet man halt, wenn man mit dem Rücken an der Wand steht* [Diller 1998: 10].

В то же время «усиление спины» („den Rücken stärken“) означает усиление экономической инфраструктуры, как демонстрирует один из следующих примеров, в котором описывается политика по отношению к новым немецким федеральным землям:

- „j-m den **Rücken** stärken [steifen]“ — „j-m Mut machen; j-n unterstützen“ [CUGdR]: *SPD-Präsidium stärkt Vorsitzendem den Rücken* (BZ. 1995);

- *Ich versichere Ihnen: Wir werden den Hochschulen, Forschungseinrichtungen und Unternehmen – wir werden den Neuen Ländern insgesamt – auch in Zukunft den Rücken stärken, damit sie zu Gewinnern der Deutschen Einheit und auch zu Gewinnern der EU-Erweiterung werden* [Bulmahn 2003].

Также лексема «спина» входит в состав фразеологизма „j-m in den Rücken fallen“ («наносить (кому-либо) удар в спину») со значением „sich gegen j-n wenden, der sich auf einen verlassen hat“ [CUGdR]. В данном случае «спина» выступает в непрототипической функции, для описания неожиданного нападения, предательства и иного деструктивного действия, что этимологически восходит к военной сфере („der Rücken“ — «2) воен. тыл»):

- „j-m in den **Rücken** fallen“ — „sich gegen j-n wenden, der sich auf einen verlassen hat“ [CUGdR];

- *Zur Forderung der SPD in diesem Antrag, weniger Geld für alte Strukturen und dafür mehr Geld für die Förderung neuer Unternehmen auszugeben, muß man auch die Frage stellen: Wer ist eigentlich der Bundesregierung in den Rücken gefallen, als es darum ging, die Kohlesubventionen abzubauen?* [Mayer 1998: 8].

В следующем случае переосмысляется буквальное действие, описываемое в данной ситуации: „j-m, einer Sache den **Rücken** kehren [wenden]“ («вернуться к кому-то спиной») — „sich von j-m, etwas abwenden“ [CUGdR] («отворачиваться, отступаться, отекаться от кого-либо, чего-либо»; «покидать что-либо (город, страну и т. п.)»).

Особенности телосложения человека могут переноситься на представления о том, каким должно быть, например, государство. Так, в свое время седьмой президент ФРГ (1994—1999) Роман Герцог говорил о «стройном, гибком» („schlank“) государстве. Слово „schlank“ имеет значение „wohlproportioniert groß und zugleich schmal gewachsen, geformt“ [DGWdS], однако в политическом смысле, помимо «пропорционально» развитого государства, имеется в виду быстрое реагирование на изменения в экономической конъюнктуре и быстрое принятие решения (такого значения в словарной дефиниции лексемы „schlank“ нет), например: *Ein schlanker Staat schafft Raum für eine dynamische Wirtschaft. Das bedeutet nicht, daß der Staat Verantwortungsfucht begehen muß. Ein schlanker Staat kann auch ein aktiverer oder stärkerer Staat sein* [Herzog 1997: 22].

Вторым конституентом сферы-источника политической метафорики является **фрейм «ФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ ОРГАНЫ И СИСТЕМЫ»**. Из различных внутренних органов и систем человеческого организма в немецком политическом дискурсе выбираются наименования головы, головного мозга, некоторых органов перцепции, сердца и сердечно-сосудистой системы в целом, а также мускулатуры (мышц, связок, сухожилий и т. д.) и костей, зубов. У наименований конкретных внутренних органов человеческого тела при их актуализации в метафорических контекстах фиксируется экспликация и развитие переносного узуального значения или создание нового, окказионального политического образа.

Внутренние органы и системы человеческого организма функциональны, они «отвечают» за какую-то сферу жизнедеятельности, выполняют некую функцию. Например, глаза — орган зрения, головной мозг предназначен для мыслительного процесса, кровь разносит кислород, мускулы демонстрируют силу и потенциал. В связи с этим при метафо-

рическом переносе в первую очередь используется механизм сходства по функции. Все функционирующие системы, если они работают правильно, создают положительное впечатление о работе государственных и общественных институтов, и наоборот: если на органы воздействуют внешние силы, то это ведет, как правило, к негативной оценке.

В целом само наименование „das Organ“ («**орган**») в немецком языке имеет несколько значений, одно из которых (четвертое в толковом словаре «Дуден») связано со сферой политики: „[offizielle] Einrichtung oder [offiziell beauftragte] Person mit einer bestimmten Funktion als Teil eines größeren Ganzen“ [DGWdS]. Приведем примеры его актуализации: „ein übergeordnetes, ausführendes, beratendes Organ“, „ein Organ der Rechtspflege“, „Organe der Gesetzgebung“, *Tatsächlich „funktioniert“ ja ein Staat, ein Gemeinwesen, nicht nur dadurch, dass seine so genannte „Organe“ funktionieren, dass alle ihre Pflicht tun und ihre Aufgaben erfüllen* [Rau 2002a: 72].

Однако первичным значением всё-таки являются внутренние части и системы человеческого организма, что обусловлено этимологией данного слова, которое в древнегреческом и обозначало «орган как часть тела». Значение «орган власти» в немецком языке сформировалось под влиянием французского, в котором слово «орган» получило переносные значения, в том числе «орган, орудие, средство; проводник, посредник, представитель (о человеке, учреждении)». Также в немецком языке метафорически переосмысливается ситуация отсутствия «нужного органа» для мыслительной деятельности, что выражается в устойчивом выражении „kein Organ für etwas haben“ — „kein Verständnis für etwas haben“ [CUGdR].

«**Голова**» является важной частью тела человека, поскольку связана с процессами мировосприятия, мышления, а также дыхания, пищеварения и т. д., вследствие чего голове отводится важная, порой главная роль в теле человека [Лымарева 2006]. Так, устаревшее, поэтическое в настоящее время наименование головы „das Haupt“ («голова», «глава») в переносном смысле стало означать что-то «главное» или какую-то важную должность, что отражено во многих сложных словах в семантике первого или последнего компонента: „das Oberhaupt“ («руководитель, глава»; корреляция с дименсиональным признаком — положение вверху, наверху); „das Staatsoberhaupt“ («глава государства, президент»); „die Hauptstadt“ («столица», букв. «главный город»).

Также у слова „das Haupt“ есть поэтическое значение «важная персона», «глава» —

„2. (geh.) wichtigste Person; [An]führer“ [DGWdS], например: „**das Haupt** einer Familie“; „er war **das Haupt** der Verschwörung“. К этой же группе относятся, например, такие словосочетания: „Haupt der Clique“, „Haupt des Staates“, „das Haupt der Delegation“, „die Häupter der Stadt“.

Слово „das Haupt“ также часто встречается в устойчивых сочетаниях метафорического и метонимического характера, например:

- „gekröntes Haupt“ — (geh.) „regierender Fürst, regierende Fürstin; Herrscher, Herrscherin“ [DGWdS];
- „j-n **aufs Haupt** schlagen“ — (geh.) „völlig besiegen, vernichten“ [DGWdS];
- „jemand(em) eins **aufs Haupt** geben“ — „jemandem eine Rüge erteilen“ [CUGdR]: *Zunächst einmal wird der Kanzler voll in den Niedersachsen-Wahlkampf einsteigen, um dem Kandidaten Schröder eins **aufs Haupt** zu geben* (Spiegel. 1997).

К образу головы также восходит «физиологический» компонент композита „der/die Großkopfe(r)te“ («влиятельный человек, шишка»).

Номинация „der Kopf“, в свою очередь, образует широкое номинативное поле, ср.:

- „sich einen **Kopf** um etwas [über etwas] machen“ — „sich Gedanken machen, über etwas nachdenken“ [CUGdR]: *Dies sowie der nicht enden wollende Blick auf verloren geglaubtes Terrain, der Streit um Worte und Taten interessierte immerhin nahezu 3000, die Pfingsten Pfingsten sein ließen, das Für und Wider der Marktwirtschaft debattierten, **sich einen Kopf** über die Folgen der Vereinigung **machten** oder schlicht die „Männermacht“ belächeln wollten* (BZ. 1991);
- „wie vor den **Kopf** geschlagen sein“ — „vor Überraschung wie gelähmt sein, völlig überrascht oder erschüttert sein“ [CUGdR]: *Im Osten reagieren Frauen, meist **wie vor den Kopf geschlagen** — ihnen fehlt jede Tradition, sich gegen Diskriminierung zur Wehr zu setzen* (Spiegel. 1995);
- „j-m den **Kopf** waschen“ — „j-m gründlich die Meinung sagen, j-n scharf zurechtweisen“ [CUGdR];
- „seinen **Kopf** aufsetzen“ — „widerspenstig werden“ [CUGdR];
- „sich über etwas den **Kopf** [Schädel] zerbrechen [zermartern / zergrubeln]“ — „über etwas angestrengt nachdenken, in einer schwierigen Lage nach einer Lösung suchen“ [CUGdR];
- „den **Kopf** verlieren“ — „(in einer schwierigen Lage) unüberlegt, kopflos handeln“ [CUGdR];
- „den **Kopf** unter dem Arm tragen“ — „sehr krank sein“ [CUGdR]: *Krankfeiern gibt’s bei mir*

nicht; ich bleibe erst zu Hause, wenn ich den Kopf unter dem Arm trage. Aber bei diesem Wahlergebnis, mit dem Kopf unter dem Arm sozusagen, wäre der Versuch für mich aussichtslos gewesen... (Spiegel. 1997);

- „mit dem **Kopf** durch [gegen] die Wand (rennen) wollen“ — „seine Absichten trotz großer Schwierigkeiten (gewaltsam) durchsetzen wollen“ [CUGdR];

- „j-n vor den **Kopf** stoßen“ — „j-n kränken, verletzen, beleidigen“ [CUGdR]: *Vor allem Lebensmittelhändler werden nur noch Euro akzeptieren. In Kaufhäusern ist am ehesten damit zu rechnen, dass man noch mit Mark bezahlen kann. „Wir werden keinen Kunden vor den Kopf stoßen“, sagte Kaufhof-Sprecher Gunther* (BZ. 2002);

- „den **Kopf** in den Sand stecken“ — „eine Gefahr nicht wahrhaben wollen, der Realität ausweichen“ [CUGdR]: *„Wir sind nicht verpflichtet, im Jahr 2002 den Kopf in den Sand zu stecken“, sagte Jagoda auf einem Gewerkschaftstreffen* (BZ. 2001);

- „j-m über den **Kopf** wachsen“ — „nicht mehr gehorchen; von j-m nicht mehr bewältigt werden, jemand wird mit etwas nicht mehr fertig“ [CUGdR]: *Manchmal wächst ihr der 14-Stunden-Arbeitstag über den Kopf* (BZ. 2001);

- „die **Köpfe** zusammenstecken“ — „miteinander tuscheln; etwas aushecken“ [CUGdR]: *Kurz: Obwohl Krieg droht, stecken weder die Chefs in der EU noch ihre Außenminister die Köpfe zusammen* (Tagesspiegel. 1998);

- „so viel **Köpfe**, so viel Sinne“ — „von denen, die sich über eine Sache Gedanken machen, hat oft jeder eine andere Meinung“ [CUGdR];

- „das **Geld** auf den Kopf hauen“ — „das Geld leichtsinnig ausgeben“ [CUGdR].

Также «голова» может выступать метонимическим заместителем человеческой жизни, благосостояния, богатства, например: *Und trotzdem, es ist verrückt, total verrückt, was ihr euch da ausgeheckt habt ... das wird mir meinen Kopf kosten in der Partei* [CUGdR].

С помощью контекстуального употребления немецкого слова „das Hirn“ («мозг») и его эквивалента, заимствованного из английского („brain”), описываются ситуации негативного воздействия СМИ на граждан страны. Лексема в этих случаях претерпевает метонимическую трансформацию по модели «предмет — продукт» («мозгом» называется результат его деятельности — выработка идей, своей аргументированной и осмысленной позиции по разным вопросам общественной жизни, политики): *Diese unendliche, ausweglose, schleichende Banalisierung und Trivialisierung machen die Hirne*

kaputt [Herzog 1997: 16]; *Warum gibt es diesen Brain-Drain überhaupt, und warum läuft er nicht umgekehrt oder wenigstens wechselseitig?* [Rau 2002b: 190].

К системе **восприятия** (перцепции, рефлексии) человека относят пять чувств: осязание, обоняние, зрение, слух и вкус (к ним иногда добавляют и шестое чувство — интуицию), — за которые отвечают соответственно пальцы (руки), нос, глаза, уши и язык (зубы, рот). В языке политики часто упоминаются «глаза» („das Auge“), «нос» („die Nase“) и «язык» („die Zunge“).

Основная функция «глаз» — зрение как оптическое распознавание объектов окружающего мира и наблюдение за ними — в политическом языке сохраняется. В роли «наблюдателя» выступают человек (политик, чиновник), институт власти, организация и т. д.:

- *Die OSZE wird im Kosovo das Auge des Westens sein, aber die NATO bleibt der Schlagstock* [Neumann 1998: 21]; *Wir dürfen aber die Augen nicht davor schließen, dass es Zusammenhänge gibt zwischen wesentlichen politischen und wirtschaftlichen Entwicklungen unserer Zeit und der Verzweigung vieler Menschen* [Rau 2002a: 470].

В немецком языке слово «глаз» широко используется в различных устойчивых выражениях с социально-политическим оттенком, в том числе литературного происхождения, например:

- „mit einem lachenden und einem weinenden **Auge**“ — „teils erfreut, teils betrübt (wohl nach Shakespeare, Hamlet I, 2)“ [DGWdS]: *Schröder kann dennoch mit einem lachenden Auge nach Hannover zurückfahren* (BZ. 1995);

- „mit einem blauen **Auge** davonkommen“ — „ohne großen Schaden, glimpflich davonkommen“ [CUGdR]: *„Die Verluste“, sagt sie, „waren nicht so groß wie befürchtet. Wir sind mit einem blauen Auge davongekommen“.* *Aber der viele Regen und die Kälte haben sie in argen Stress gebracht, weil sich die gesamte Ernte verzögerte* (Tagesspiegel. 1996).

- „mit einem blauen **Auge** davonkommen“ — „(ugs.) ohne großen Schaden, glimpflich davonkommen“ [DGWdS];

- „nicht **auf blaue Augen** vertrauen“ — „j-n nicht als vertrauenswürdig ansehen“ [CUGdR]: *Wir vertrauen in der Marktwirtschaft auf ökonomische Anreize und nicht auf blaue Augen. Deshalb ist eine Steuer, die in etwa die externen Kosten berücksichtigt, sinnvoll* (Tagesspiegel. 1998);

- „etwas nicht nur um j-s schöner blauer Augen willen tun“ — „nicht aus reiner Gefälligkeit tun“ [DGWdS];

- „j-n, etwas aus dem **Auge** [aus den **Augen**] verlieren“ — „die Verbindung mit j-m verlieren, etwas nicht weiter verfolgen“ [CUGdR]: *Dabei hat der Stuttgarter Parteitag das Ziel, den Wählern im Südwesten ein geschlossenes Bild zu bieten, ja nicht aus dem Auge verloren* (ND. 2001).

Переносные значения в немецком языке зафиксированы также у процессов и состояний открытия и закрытия глаз. Так, «открыть (свои / кому-либо) глаза» значит «прозреть, увидеть новые связи и отношения» и т. п.:

- „j-m gehen die Augen auf“ — „jemand durchschaut plötzlich einen Sachverhalt, erkennt Zusammenhänge, die er vorher nicht gesehen hatte“ [DGWdS];

- „j-m die Augen öffnen“ — „j-n darüber aufklären, wie unerfreulich etwas in Wirklichkeit ist“ [DGWdS];

- „die Augen offen haben/halten“ — „Acht geben, aufpassen“ [DGWdS];

- „j-m fällt es wie Schuppen von den **Augen**“ — „j-m wird plötzlich etwas klar, jemand begreift plötzlich, erkennt die Zusammenhänge“ [CUGdR];

- „etwas, j-n mit anderen / neuen Augen [an]sehen / betrachten“ — „mit einem neuen Verständnis betrachten“ [DGWdS];

- „j-m, sich etwas vor Augen führen/halten/stellen“ — „deutlich zeigen, klarmachen“ [DGWdS];

- „j-n, etwas mit den Augen verfolgen“ — „j-m, einer Sache genau zusehen, aufmerksam hinterherblicken“ [DGWdS];

- „die Augen vor etwas verschließen“ — „etwas nicht zur Kenntnis nehmen, nicht wahrhaben wollen“ [DGWdS];

- „seine Augen überall haben“ — „auf alles aufpassen, sich nichts entgehen lassen“ [DGWdS];

- „ein Auge für etwas haben“ — „das richtige Verständnis, ein Urteilsvermögen für etwas haben“ [DGWdS];

- „ein Auge auf j-n, etwas werfen“ — „(ugs.) sich für j-n, etwas zu interessieren beginnen“ [DGWdS];

- „etwas im Auge haben“ — „etwas im Sinn haben, vorhaben“ [DGWdS].

Чтобы обмануть кого-либо, используют песок („der Sand“), как это представлено в идиоме „j-m Sand in die Augen streuen“ — „j-m etwas vormachen, j-n täuschen“ [CUGdR] (ср. в русском языке: «пускать пыль в глаза кому-либо»).

Лексема «глаз» используется в гиперболическо-числовом выражении „auf seinen fünf [sieben, elf, achtzehn] **Augen** beharren [sitzenbleiben]“ («упрямо настаивать на своем»).

«Глаза» и «голова» в языковом сознании немцев — это ещё и органы мышления, ср.:

- „Augen im Kopf haben“ — „(ugs.) etwas durchschauen, beurteilen können“ [DGWdS];

- „keine Augen im Kopf haben“ — „(ugs.) nicht aufpassen“ [DGWdS].

Метонимическое выражение „vor aller Augen“ значит „in der Öffentlichkeit; öffentlich“ [DGWdS]. Общественность также имеет свои «глаза», т. е. свое мнение, восприятие, свою оценку происходящего: „**in den Augen** der Öffentlichkeit muss es so aussehen, als ob...“

Полицию в Германии в разговорной речи шуточно называют „das Auge des Gesetzes“ (букв. «глаз(а) (око) закона»), а сам закон, согласно известному изречению, никогда «не дремлет»: „das Auge des Gesetzes wacht“.

«Нос» („die Nase“) при концептуализации сферы социального выполняет нетипичную для него функцию сборки и оценки информации, причем он призван улавливать скрытую информацию, отвечает за аналитическую деятельность, интуицию: „eine gute [feine] **Nase** für etwas haben“ — „einen besonderen Spürsinn für etwas haben, etwas richtig einschätzen“ [CUGdR]: „*Sie sind nicht nur großzügig und nehmen nicht nur ernsthaft ihre Verantwortung wahr, sie haben offenbar auch eine sehr gute Nase für die großen künstlerischen Begabungen, für Qualität*“ [Rau 2002a: 138]. „*Sie brauchen einen langen Atem damit nachhaltige Themen konsequent über Jahre hinweg bearbeitet werden. Dazu gehört natürlich auch eine gute Nase, die Themen zu finden, die nicht nur einen Sommer tanzen. Das prägt die Arbeit von Stiftungen*“ [Rau 2002b: 150].

Разговорное выражение „auf die Nase fallen“ имеет в языке значение „einen Misserfolg erleben“ [DGWdS]. Буквальное значение данного сочетания связано с реальной жизненной ситуацией падения (ср. в русском языке: «не ударить в грязь лицом»), а при переводе в сферу абстрактного сочетание обозначает уже любую неудачу (в результате метафорического переноса на основе смежности по действию) и может использоваться для негативной оценки деятельности, например политических оппонентов: *Immer wenn der SPD-Kanzlerkandidat konkret wurde, fiel er voll auf die Nase* [Waigel 1998: 4].

Помимо этого, лексема «нос» встречается в следующих узуальных выражениях:

- „j-m auf der **Nase** herumtanzen“ — „mit j-m machen, was man will; j-s Gutmütigkeit ausnutzen“ [CUGdR]: *Sie möge uns verzaubern mit schelmischem Lächeln, uns zur Ordnung rufen, wenn wir und die Ihren ihr auf der Nase herumtanzen wollen, was wir allzu oft und allzu gern tun und die Ihren. Erraten?* (BZ. 2001);

- „die **Nase** über j-n, etwas rümpfen“ — „j-n, etwas gering schätzen, auf j-n, etwas verächtlich herabsehen“ [CUGdR];

• „sich an die [seine] eigene **Nase** fassen“ / „an der eigenen **Nase** zupfen“ — „die eigenen Fehler erkennen, wenn man andere kritisiert“ [CUGdR]: **An die eigene Nase fasst sich Bayerns Ministerpräsident Edmund Stoiber am Dienstag in der Münchner Staatskanzlei. Die Verantwortung für den LWS-Skandal lehnt er aber ab** (Tagesspiegel. 1999);

• „j-m eine **Nase** drehen“ / „j-m eine lange Nase machen“ — „jemanden verspotten, auslachen“ [CUGdR]: **Was geschah, ist Teil seines Spiels: Wieder einmal hat er dem großen Satan USA eine Nase gedreht** (Spiegel. 1998);

• „von j-m, etwas die **Nase** (gestrichen) voll haben“ / „j-s einer **Sache** überdrüssig sein“ [CUGdR] (ср. в русском языке: «сыт по горло»): **Die Gewerkschaften des Öffentlichen Dienstes haben am Donnerstag den Senat massiv kritisiert. „Ich habe die Nase extrem voll von dieser Regierung“, sagte Verdi-Landesvorsitzende Susanne Stumpfenhusen auf einer Protestkundgebung am Potsdamer Platz** (BZ. 2002);

• „j-n an der **Nase** herumführen“ — „j-n täuschen, irreführen“ [CUGdR]: **Verantwortliche in der Volksmusik-Szene hätten CD-Käufer und Publikum „zwölf Jahre lang an der Nase herumgeführt“** (ND. 2001);

• „j-m etwas auf die **Nase** binden“ — „j-m etwas erzählen, was dieser nicht zu wissen braucht“ [CUGdR];

• „die **Nase** vorn haben“ — „den Sieg, Erfolg davontragen; bei einem Wettbewerb gewinnen“ [CUGdR]: **Der Anteil der ausländischen Gäste an den Übernachtungen stieg im Verlauf des letzten Jahres von 5,1 Prozent auf 5,7 Prozent. Dabei hatten die Niederländer die Nase vorn, gefolgt von Polen, Österreich und Großbritannien** (ND. 2001);

• „j-m etwas unter die **Nase** reiben“ — „j-m wegen etwas Vorhaltungen machen; j-m etwas Unangenehmes (unverblümt) sagen“ [CUGdR]: **Dabei nutzt es nichts, den Deutschen unablässig ihre Bunkermentalität gegenüber den Fremden unter die Nase zu reiben, wenn die gleichen Kritiker etwa aus den Gewerkschaften in der Diskussion über das Zusammenwachsen der Deutschen am Bunker der unveränderbaren sozialen Besitzstände fleißig mitbauen** (Welt. 1991);

• „sich eine blutige **Nase** holen“ — „eine Niederlage erleiden“ [CUGdR]: **Am Sonntag wird in Thüringen gewählt. Dann holt sich wohl als nächstes SPD-Chef Richard Dewes eine blutige Nase** (Tagesspiegel. 1999).

В следующем выражении «нос» выступает в роли интеллектуального органа за счет компиляции с метеорологическим образом: „sich den [frischen] Wind um die Nase [Ohren] wehen [pfeifen] lassen“ — „die Welt

und das Leben kennen lernen; reisen, Erfahrungen sammeln“ [CUGdR].

«Язык» („die Zunge“) является одновременно органом перцепции и речи, а также участвует в приеме пищи, в связи с чем в языковом творчестве немецких политиков номинация «язык» может участвовать в создании неожиданных ярких метафорических образов. Примером этому может служить выражение „etwas auf der Zunge zergehen“ — немецким гражданам оратор предлагает «проглотить» идеи его политических оппонентов: *Wenn Sie, Herr Kollege Waigel, dann hier sagen, das Gerede vom Sozialabbau sei törichtes Gerede, müssen sich das alle Wählerinnen und Wähler auf der Zunge zergehen lassen* [Lafontaine 1998: 5].

«Язык» также употребляется в устойчивых выражениях в переносном смысле:

• „sich auf die **Zunge** beißen“ — „im letzten Moment eine Äußerung unterdrücken“ [CUGdR];

• „j-m auf der **Zunge** liegen [schweben]“ — „j-m beinahe aber doch nicht wirklich wieder einfallen; beinahe ausgesprochen, geäußert werden“ [CUGdR];

• „j-m, nach j-m die **Zunge** herausstrecken“ — „j-n durch Zeigen der Zunge (schadenfroh) verhöhnen“ [CUGdR].

«Сердце» („das Herz“) — это самый важный орган в человеческом теле, который поддерживает движение крови в организме, являясь источником жизненной силы. Ввиду своей исключительной важности в системе органов человека при метафорическом переосмыслении «сердце» описывает самые важные аспекты политического ландшафта, выступая при это и как самостоятельная лексема, и в сочетании с другими словами, причем из той же исходной сферы, дополняя и развивая метафорический образ за счет активации его внутренней формы („schlagendes Herz“, „Das Herz schlägt“ и пр.), например:

• **Das Parlament ist das Herz dieser Demokratie** [Kansy 1991];

• **Die Hauptstadt bekommt Substanz, das Herz der demokratischen Republik, das Parlament, geht nach Berlin** [Hornhues 1991];

• **Das Herz unseres Landes schlägt in dieser Stadt** [Börnsen 1991].

Словосочетание „das vergessene Herz“ создает негативный образ невыполненных политиками обещаний: *Was, bitte, meine Damen und Herren, soll die Rolle Berlins denn dann sein: ein vergessenes Herz eines undankbaren Landes?* [Hilsberg 1991].

Лексема „das Herz“ («сердце») представлена также в устойчивых сочетаниях, описывающих проявления помощи, сострадания

и т. д. (сердце — традиционный символ любви, добропорядочности, гуманизма):

- „das **Herz** auf der Zunge haben [tragen]“ — „alles aussprechen, was einen bewegt; offenerzig, zu gesprächig sein“ [CUGdR];
- „j-m am **Herzen** liegen“ — „j-s innerstes Anliegen sein“ [CUGdR];
- „j-m dreht sich das **Herz** im Leibe (her)um“ — „jemand ist über etwas sehr bekümmert, ist voller Mitgefühl“ [CUGdR];
- „sein **Herz** in die Hand [in beide Hände] nehmen“ — „seinen Mut zusammennehmen“ [CUGdR];
- „etwas auf dem **Herzen** haben“ — „ein Anliegen haben“ [CUGdR].

Широкое распространение в социальном языке получило следующее выражение: „j-m fällt ein **Stein** [seltener: ein **Steinbruch**] vom Herzen“ — „jemand ist plötzlich sehr erleichtert“ [CUGdR] (ср. в русском языке: «у кого-либо камень с души свалился»), например: *Gesster bekennt gerne, dass ihm ein Stein vom Herzen fiel, als Gerhard Schröder 1998 SPD-Kanzlerkandidat wurde und nicht Oskar Lafontaine* (BZ. 2002).

Традиционное переносное употребление слова „das Herz“ связано с обозначением «центра (в том числе географического, культурного, политического и др.) чего-либо», объекта, играющего важную роль (для кого-либо), ср.: „im Herzen Europas“ («в сердце (в центре) Европы»).

Кровеносная система, частью которой является сердце (отсюда другое название — сердечно-сосудистая система), охватывает все тело человека, снабжая клетки необходимым для жизнедеятельности кислородом.

Следует отметить, что образ крови, так же, как и сердца, несет на себе значительную культурную нагрузку [См.: Альяшова 2006]. Кровь — это, с одной стороны, символ жизни, жизнедеятельности и жизненных сил, с другой — войны, кровопролития.

Так, например, в конце XIX в. Германская империя во главе с канцлером Бисмарком провозгласила империалистическую, колониально-захватническую политику, которая получила название „Blut und Boden“ («Кровь и земля (территория)'). К этому примыкает устойчивое выражение „blutiger Lorbeer“ (букв. «кровавый лавровый венок»).

В современной немецкой социальной риторике метафорический смысл получает функциональная составляющая крови. Циркулирующая кровь создает образ активных политических процессов, актуальных событий: *Die Teilung hat Berlin interessanter gemacht. Hier schlägt der Puls der Zeit, auch europäischer Zeit* [Hilsberg 1991].

Кроме того, лексема „das Blut“ входит в состав некоторых устойчивых выражений с переосмысленным значением, которые разбиваются на несколько семантических групп.

Первая группа охватывает номинации, в которых «кровь» характеризует физическое и психическое состояние человека, например:

- „(viel) böses Blut machen [verursachen]“ («раздражать, возмущать, вызывать крайнее недовольство»): *Die rasche Vereinigung der beiden deutschen Staaten hat bei den jeweiligen Bevölkerungen das Gefühl genährt, über den Tisch gezogen worden zu sein. Das schafft böses Blut* (BZ. 1992);
- „ruhigen [kalten] Blutes“ («спокойно, хладнокровно»);
- „sein Blut schreit um Rache“ («всё его существо жаждет мести»);
- „kaltes Blut bewahren“ («сохранять хладнокровие»);
- „er hat dickes Blut“ («у него тяжелый характер»);
- „er hat heißes Blut“ («он горячий человек, у него пылкий темперамент»).

Также «кровь» тесно связана с понятиями «происхождение», «порода», когда речь идет о благородном, высоком происхождении, например: „die Bande des Blutes“ («узы крови (родства)»); „blaues Blut“ («голубая кровь», т. е. аристократическое происхождение); „er ist aus [von] adligem [bürgerlichem] Blut“ («у него дворянское (буржуазное) происхождение»).

Наконец, номинация «кровь» (с «плотью») может пониматься как метонимический заместитель организма человека и его психической системы: „Diese Grundsätze müssen dir **in Fleisch und Blut übergehen**“ [CUGdR].

Образ крови присутствует также во внутренней форме сложного слова „der Vollblutpolitiker“, где компонент „das Vollblut“ («полнокровный, полный сил» и пр.; букв. «здоровая кровь») указывает на наличие сил, здоровья, а в сочетании со вторым компонентом формирует представление о влиятельном, известном политике в «самом расцвете сил».

Связь денег и крови представлена, например, в выражении „j-n zur Ader lassen“ (букв. «пустить кровь кому-либо»): „j-n zur **Ader** lassen“ — „j-m Geld abnehmen“ [CUGdR], ср.: *Das relativ arme Bundesland Schleswig-Holstein werde besonders kräftig zur Ader gelassen* (BZ. 1991). Следует отметить, что образ крови в современном немецком языке активен при описании экономических отношений [См. подр.: Федянина 2008].

При презентации протекающих в ФРГ экономических процессов также используют-

ся наименования **мускулатуры** (мускулов, связок и сухожилий). Основная задача мускулов, связок и сухожилий — осуществлять перемещения в пространстве, обеспечивать подвижность частей тела. Однако в области экономики «сильная мускулатура» позволяет демонстрировать Германии свой высокий потенциал, свою мощь („die Muskeln spielen“):

- „seine [die] **Muskeln** spielen lassen [zeigen]“ — „seine Stärke (drohend) zeigen, erkennen lassen, dass man etwas nicht hinnehmen wird“ («показывать свою готовность выступить против чего-либо») [CUGdR]: *Noch lässt die Staatsmacht nur die Muskeln spielen, aber weitere Eskalation der Gewalt ist nicht auszuschließen. Die Arbeitnehmer wollen Muskeln zeigen. Auch, um zu beweisen, dass es sie noch gibt: „Wir werden nicht sang- und klanglos verschwinden wie die Textilindustrie“, verspricht Gewerkschaftschef Klaus Wiese* (Wirtschaftswoche. 1996);

- *Die deutsche Wirtschaft lässt die Muskeln spielen* [Blüm 1998: 7].

Лексема „die Entkrampfung“ («расслабление мышц») номинирует процесс улучшения отношений на международной арене, внутри страны и т. д., ср.: *Das Projekt der Megastadt ist weltweit in Schwierigkeiten geraten. Überall beginnt ein vorsichtiger Rückzug, eine Entkrampfung durch Dezentralisierung* [Blüm 1991].

В политической картине мира несколькими номинантами представлена и **костная система** тела человека. Так, лексема „der Knochen“ («кость, кости») употребляется в немецком языке в устойчивых сочетаниях, в которых актуализируется сема силы (например, духа), деятельности:

- „j-m in den **Knochen** stecken [sitzen / liegen]“ — „j-m anhaften, von j-m gespürt werden“ [CUGdR];

- „die Knochen zusammenreißen [zusammennehmen]“ («собрать все силы, собраться с силами (с духом)»);

- „er hat kein Mark [keinen Mumm] in den Knochen“ («он лишен энергии; у него мало сил»);

- „das fuhr ihm in die Knochen“ («это сильно подействовало на него»);

- „j-m das **Mark** aus den Knochen saugen“ — „j-n hemmungslos ausbeuten“ [CUGdR].

Лексема „die Rippe“ («ребро») эксплицирована в устойчивом выражении, которое представляет собой библейскую аллюзию на сюжет о сотворении женщины из ребра мужчины, переосмысленный с оттенком иронии: „ich kann es (mir) doch nicht aus den **Rippen** schneiden“ / „ich kann es nicht durch die **Rippen** schwitzen“ — „ich kann es unmöglich be-

schaffen“ [CUGdR] (досл. «откуда же я это тебе возьму?», «не могу же я это родить»; букв. «я не могу взять (вырезать) это из ребра»).

К данному фрагменту относится и номинация „der Schoß“ («таз», «лоно»), которая входит в состав устойчивого словосочетания „j-m in den Schoß fallen“, имеющего значение „j-m zuteil werden, ohne dass er sich darum zu bemühen braucht“ [DGWdS], которое указывает на неожиданное улучшение ситуации самой по себе, без вмешательства политики, чего, по мнению немецких политиков, не бывает, поскольку любое улучшение является результатом работы правительства: *Die Verbesserung der Situation ist uns aber nicht in den Schoß gefallen* [Solms 1998: 8].

Номинация „das Rückgrat“ («позвоночник, спинной хребет») имеет переносное значение «основа, костяк», представленное в антонимичных выражениях типа „er hat Rückgrat“ («у него твердый характер, он волевой человек»); „er hat kein Rückgrat“ («он мягкотелый (безвольный, бесхарактерный)»).

В связанной группе устойчивых выражений переосмысливается буквальное действие:

- „j-m, einer Sache das **Rückgrat** brechen“ — „j-s Unternehmungen, eine Sache zum Scheitern bringen; j-n ruinieren“ [CUGdR];

- „j-m das **Rückgrat** brechen“ — „j-n demoralisieren; j-m Widerstandskraft nehmen“ [CUGdR];

- „j-m das Rückgrat stärken [steifen]“ — „j-n ermutigen, j-m Mut einflößen; j-n moralisch unterstützen“ [CUGdR].

Интересный образ создает лексема „das Schienbein“ («большая берцовая кость») в идиоме „j-n ans [vors] **Schienbein** treten“ — „j-n schmerzlich (schmerzhaft) berühren“ [CUGdR]: *Offensichtlich hatte Gauweiler den CSU-Chef schmerzhaft ans Schienbein getreten, als er die von ihm ausgehandelte Währungsunion als „ausgemachte Schnapsidee“ bezeichnete* (BZ. 1992).

Такой орган, как «печень» („die Leber“), в составе устойчивых сочетаний предстает неким моральным и эмотивным фильтром, что зафиксировано в следующих двух случаях:

- „frei [frisch] von der **Leber** weg reden [sprechen]“ — „ohne Umschweife, ungehemmt sagen, was man denkt“ [CUGdR];

- „der Zorn frisst ihm an der Leber“ [CUGdR] («гнев (злоба) грызет его»); ср. в русском языке: «Да он/она у меня в печенке (уже) сидит!»).

Так же, как «печень», психологическим маркером является «желудок» („der Magen“). В переносном значении это слово встречается в следующих устойчивых сочетаниях:

• „j-m schwer [wie Blei] im **Magen** liegen“ — „j-m sehr zu schaffen machen, ein großes Problem für j-n sein; schwer verdaulich sein, Magendrücken verursachen“ [CUGdR]: *Edmund Stoiber hat in der Bonner CSU nur wenige Freunde. Das weiß der Alpen-Premier. Doch was ihm die CSU-Granden vom Rhein in Kreuth servierten, wird dem ambitionierten Ministerpräsidenten noch lange schwer im Magen liegen* (Focus. 1996);

• „j-n im **Magen** haben“ — „jemanden nicht leiden können“ [CUGdR];

• „j-m dreht [kehrt] sich der **Magen** um“ — „j-m wird übel“ [CUGdR];

• „etwas dreht [kehrt] einem den **Magen** um“ — „etwas verursacht Übelkeit“ [CUGdR].

Лексема «**кожа**» („die Haut“) имеет много переносных значений, описывающих разные социальные ситуации. Эти значения образуют три группы номинаций:

1) кожа; шкура (животного): „j-n an die Haut gehen“ («непосредственно затрагивать кого-либо, касаться чьих-либо интересов»); „j-m an die Haut wollen“ («приниматься (за кого-либо)»); „j-m auf die Haut kommen“ («добраться до кого-либо, получить возможность расправиться с кем-либо»); „etwas auf eigener Haut zu spüren bekommen“ («испытать (что-либо) на собственной шкуре, убедиться в чём-либо на собственном опыте»);

2) кожа как метонимический заместитель тела, а тело — как представитель жизни (о потере жизни, об опасности для жизни): „Haut und Leben dalassen“ («сложить голову, погибнуть»); „seine Haut dransetzen [hinhalten, aufs Spiel setzen, zu Markte tragen]“ («рисковать жизнью»); „sich seiner Haut wegen“ («защищать свою жизнь, букв. „свою кожу»»); „mit der eigenen Haut bezahlen müssen“ («поплатиться головой (букв. «кожей») за что-либо»); „mit heiler Haut davonkommen“ («легко (дешево) отделаться»).

3) кожа как регенеративный орган (о физическом или моральном состоянии, о положении, о взглядах): „die alte Haut ausziehen“ («изменить свои взгляды (убеждения)»); букв. «снять старую кожу»); „aus der Haut fahren“ («разг. выйти из себя, выйти из терпения, потерять самообладание»); „aus seiner Haut nicht heraus können“ («разг. не быть в состоянии изменить свои взгляды»); „aus der Haut kriechen“ («лезть из кожи вон (очень стараться)»); „in derselben Haut stecken“ («быть в столь же незавидном положении (как и другой)»); „ich möchte nicht in seiner Haut stecken“ («я не хотел бы быть на его месте; букв. „в его коже»»); „in keiner guten Haut stecken“ («быть болезненным (хилым); переживать трудности»); „sich nicht (recht) wohl in seiner Haut fühlen“ («быть не в своей тарелке»).

Отдельную группу составляют идиомы с разными значениями, буквальный смысл которых представляет виртуальные, ирреальные ситуации, ср.: „j-m die Haut über die Ohren ziehen“ («надуть (ограбить) кого-либо»); „auf der faulen Haut liegen“, „sich auf die faule Haut legen“ («лениться, бездельничать»); „mit Haut und Haar (en)“ («целиком, без остатка»); „sich j-m mit Haut und Haar(en) verschreiben [verkaufen]“ («целиком продать (кому-либо)»).

К тематической группе кожной физиологической системы примыкает номинация „das Muttermal“ («родинка»), у которой в переносном значении актуализируется внутренняя форма — в устойчивом выражении „Muttermale der alten Gesellschaft“ [CUGdR] («перезитки (родимые пятна) старого общества»).

Волосной покров человека номинируют слова „das Haar“ («волос(ы)») и „der Schopf“ («вихор, чуб; хохол»), которые используются в следующих устойчивых выражениях:

• „kein gutes Haar an j-m, etwas lassen“ — „j-n, etwas schärfstens kritisieren“ [CUGdR];

• „Haare auf den Zähnen haben“ — „schlagfertig sein, scharfe Antworten geben, sich zu wehren verstehen“ [CUGdR];

• „Haare bei etw. lassen (müssen)“ — „Schaden erleiden, mit Schaden davonkommen“ [CUGdR];

• „sich die Haare raufen“ — „völlig verzweifelt sein“ [CUGdR];

• „etwas an [bei] den Haaren herbeiziehen“ — „etwas anführen, was nicht oder nur entfernt zur Sache gehört“ [CUGdR];

• „sich keine grauen Haare wachsen lassen“ — „sich keine unnützen Sorgen machen“ [CUGdR];

• „j-m stehen die Haare zu Berge“ — „jemand ist erschrocken, entsetzt“ [CUGdR]: *Nun beginnen dem Richter doch allmählich die Haare zu Berge zu stehen, da er sich selbst und den Antragstellern die Lage halbwegs klarzumachen versucht* (BZ. 1991); *Reformenwirlwarr lässt die Haare zu Berge stehen. Die Folge war ein dramatisches Absinken der Importe von Lebensmitteln und Ausrüstungsgütern; die Versorgung verschlechterte sich rapide* (BZ. 1991).

Лексемы „der Schopf“ («вихор, чуб; хохол») и „der Zopf“ («коса (о причёске)») присутствуют в образных выражениях, которые имеют в том числе литературную основу (произведения о приключениях барона фон Мюнхгаузена, который однажды вытащил себя и своего коня из болота, потянув себя за собственные волосы):

• „die Gelegenheit beim Schopf(e) fassen [nehmen / packen]“ — „die Gelegenheit ent-

geschlossen nutzen“ [CUGdR]: *Schon packen kroatische Nationalisten die Gelegenheit beim Schopfe, meldet auch Zagreb wieder Vorbehalte gegen den UNO-Plan an* (BZ. 1992);

- „sich am eigenen Schopf / Zopf // sich an den eigenen Haaren aus dem Sumpf ziehen“ — „sich ohne fremde Hilfe aus einer fast ausweglosen Lage befreien, retten (nach einer Lügen-erzählung des Freiherrn K. F. H. von Münchhausen)“ [DGWdS].

Наконец, образ «зубов» („der Zahn“ / „die Zähne“) в политическом языке используется для описания различные социальных ситуаций. При этом актуализируется как основная (кусать, грызть), так и неосновная физиологическая функция зубов.

Так, эта лексема может встречаться при описании ситуаций, никак с функционированием самих «зубов» не связанных:

- „der Zahn der Zeit“ — „die im Laufe der Zeit auftretenden Zerstörungen“ [CUGdR]: *Was hier dringend gebraucht wird, ist Geld. Das sieht man im historischen Teil von Brandenburg auf Schritt und Tritt. Der Zahn der Zeit nagt allenthalben. An der backsteinernen Stadtmauer wie an noch so manchem erhalten gebliebenen mittelalterlichen Bürgerhaus* (BZ. 1990);

- „einen Zahn drauf haben“ — „sich mit einer hohen Geschwindigkeit (fort)bewegen; sehr schnell arbeiten“ [CUGdR];

- „einen Zahn zulegen“ — „die Geschwindigkeit der Fortbewegung steigern; die Arbeitsgeschwindigkeit steigern“ [CUGdR];

- „j-m den Zahn ziehen“ — „j-m eine Illusion nehmen, j-n ernüchtern“ [CUGdR] («лишать кого-либо всяких иллюзий»; букв. «удалить зуб»).

В идиомах другой группы действие (реальное или виртуальное) совершается при участии «зубов», например:

- „j-m auf den Zahn fühlen“ — „j-n ausforschen, überprüfen“ [CUGdR] (букв. «попробовать кого-либо на зуб(ок)»);

- „j-m die Zähne zeigen“ — „j-m (heftig und unerschrocken) Widerstand leisten“ [CUGdR] (букв. «показывать зубы, огрызаться»);

- „sich an etwas die Zähne ausbeißen“ — „mit etwas trotz großer Anstrengung nicht fertig werden“ [CUGdR]: *Dass freilich auch Bush sich die Zähne ausbeißen wird, wie alle seine Vorgänger seit 1959, das versprechen Kubas Erfahrungen im Abwehrkampf...* (ND. 2000);

- „sich die Zähne zerbeißen“ — „mit große Mühe etwas zu bewältigen versuchen“ [CUGdR] («решать какую-либо проблему с большим трудом»): *Vielleicht wäre dann bereits eine Aufgabe erledigt, an der sich die GES seit Oktober die Zähne zerbeißt* (BZ. 1991);

- „die Zähne zusammenbeißen“ — „Schmerzen, schwere Zeiten, Unangenehmes tapfer

ertragen“ [CUGdR] (букв. «стиснуть зубы (от боли, в том числе в переносном значении)»).

Следует подчеркнуть, что в современной немецкоязычной социальной коммуникации актуальные наименования и понятия из сферы-источника «Тело человека» самым активным образом участвуют в процессе метафорического отражения общественно-политической реальности Германии, Европейского союза и остального мира.

Связи двух семантических областей носят регулярный характер и базируются преимущественно на узуальных, культурно маркированных образах, которые развиваются в постоянной речевой практике, становятся фактом немецкой политической культуры. Это подтверждает тезис об антропоцентричности линвокультуры и языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Альяшова Л. В. Концепт Blut и его языковая актуализация (на материале немецкого языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04. — Барнаул, 2006.

2. Керимов Р. Д. Текстильные концептуальные метафоры в политическом дискурсе ФРГ // Политическая лингвистика. 2007. № 3 (23). С. 96—107.

3. Керимов Р. Д. Артефактная метафорика в политическом дискурсе ФРГ : учеб. пособие. — Кемерово : Кузбассвузиздат, 2008.

4. Керимов Р. Д. Концептуализация социальной реальности фитоморфными метафорами в немецком политическом дискурсе // Вестн. КемГУ. 2010. № 4 (44). С. 136—144.

5. Кирилина А. В. Телесная метафора // Словарь гендерных терминов / под ред. А. А. Денисовой ; регион. обществ. организация «Восток-Запад: Женские Инновационные проекты». — М. : Информациа-XXI век, 2002.

6. Лымарева М. С. Объективация концепта Kopf в немецком языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04. — Барнаул, 2006.

7. Савицкий И. П. Реализация лексической креативности в современной прессе (на материале немецкого языка) : моногр. — Барнаул: Изд-во АлтГПА, 2010.

8. Федянина Л. И. Концепт Geld в немецкой языковой картине мира: опыт концептуального анализа : учеб. пособие. — Кемерово : Кузбассвузиздат, 2008.

9. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000) : моногр. — Екатеринбург, 2001.

СЛОВАРИ

10. Compact Universal Großwörterbuch deutsche Rechtschreibung = CUGdR / Chefred. A. Sendlinger. — München : Compact Verl., 2007.

11. Duden, Das große Wörterbuch der deutschen Sprache : in 10 Bd. = DGWdS / hrsg. vom Wissenschaftlichen Rat der Dudenredaktion. 3., völlig neu bearb. und erw. Aufl. — Mannheim ; Leipzig ; Wien ; Zürich : Dudenverlag, 1999.

ИСТОЧНИКИ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЧЕЙ

12. *Blüm N.* Solidarität beinhaltet Rechte und Pflichten // Das Parlament. 1998. Nr. 31. S. 7.
13. *Blüm N.* Rede in der Berlin-Debatte 1991. URL: http://www.bundestag.de/info/berlin/debatte/bdr_001.html.
14. *Börnsen W.* Rede in der Berlin-Debatte 1991. URL: http://www.bundestag.de/info/berlin/debatte/bdr_065.html.
15. *Bulmahn E.* Rede beim Auftaktkongress zum BMBF-Programm (Berlin, den 25. Februar 2002) // Bulletin 1996-2002 / CD-ROM-Version PC/MAC / Hrsg. vom Presse- und Informationsamt der Bundesregierung. — Berlin, 2003. Nr. 2002-13-2.
16. *Clement W.* Perspektiven im Osten: Investitionen, Innovationen, Infrastruktur. — Berlin : Presse- und Informationsamt der Bundesregierung, 2002. 52 S.
17. *Diller K.* Defizit jenseits der Verfassungsgrenze // Das Parlament. 1998. Nr. 38. S. 10.
18. *Herzog R.* Bundespräsident der Bundesrepublik Deutschland im Zitat // IN-Press: Portrait. 1997. Nr. 3. 42 S.
19. *Hilsberg S.* Rede in der Berlin-Debatte 1991. URL: http://www.bundestag.de/info/berlin/debatte/bdr_079.html.
20. *Hornhues K.-H.* Rede in der Berlin-Debatte 1991. URL: http://www.bundestag.de/info/berlin/debatte/bdr_080.html.
21. *Kansy D.* Rede in der Berlin-Debatte 1991. URL: http://www.bundestag.de/info/berlin/debatte/bdr_074.htm.
22. *Lafontaine O.* Eine Serie von gebrochenen Versprechen // Das Parlament. 1998. Nr. 38. S. 4—6.
23. *Mayer M.* Kreativität läßt sich nicht verordnen // Das Parlament. 1998. Nr. 31. S. 8.
24. *Neumann K.* Keine Ermächtigung zur Gewaltanwendung // Das Parlament. 1998. Nr. 45. S. 21.

25. *Rau J.* Reden und Interviews. — Berlin : Presse- und Informationsamt der Bundesregierung, 2001a. Bd. 2.1. 400 S.
26. *Rau J.* Reden und Interviews. — Berlin : Presse- und Informationsamt der Bundesregierung, 2001b. Bd. 2.2. 512 S.
27. *Rau J.* Reden und Interviews. — Berlin : Presse- und Informationsamt der Bundesregierung, 2002a. Bd. 3.1. 480 S.
28. *Rau J.* Reden und Interviews. — Berlin : Presse- und Informationsamt der Bundesregierung, 2002b. Bd. 3.2. 672 S.
29. *Rüttgers J.* Das Ziel heißt: Arbeitsplätze für alle // Das Parlament. 1998. Nr. 31. S. 4—5.
30. *Solms H. O.* Der Etat ist ehrlich und glaubwürdig // Das Parlament. 1998. Nr. 38. S. 8.
31. *Waigel Th.* Deutschland steht mitten im Aufschwung! // Das Parlament. 1998. Nr. 38. S. 3—4.

ИСТОЧНИКИ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ

32. *BZ (Zeitung)*, Berlin = BZ.
33. *Focus*, das moderne Nachrichtenmagazin, München = Focus.
34. *Frankfurter Allgemeine Zeitung für Deutschland (Zeitung)*, Frankfurt am Main = FAZ.
35. *Neues Deutschland* (Organ des Zentralkomitees der SED), Berlin = ND.
36. *Spiegel*, der, das deutsche Nachrichtenmagazin, Hamburg = Spiegel.
37. *Tagesspiegel*, der (Zeitung), Berlin = Tagesspiegel.
38. *Welt*, die (Zeitung), Hamburg = Welt.
39. *Wirtschaftswoche (Zeitschrift)*, Düsseldorf = Wirtschaftswoche.
40. *Zeit*, die (Wochenzeitung), Hamburg = Zeit.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. М. Ю. Рябова

Н. В. Козловская N. V. Kozlovskaya
Санкт-Петербург, Россия St. Petersburg, Russia

**ТЕРМИН СОЦИАЛИЗМ
В РУССКОМ**

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОМ ДИСКУРСЕ

Аннотация. Изучается интерпретация общественно-политического термина «социализм» в русском религиозно-философском дискурсе конца XIX — начала XX в. на материале текстов русских мыслителей и данных словарей.

Ключевые слова: социализм; термин; интенционал значения; идеологема; когнитивная метафора; русский религиозно-философский текст.

Сведения об авторе: Козловская Наталья Витальевна, кандидат филологических наук, докторант.

Место работы: Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена.

Контактная информация: 191186, Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, д. 48.
e-mail: saga@kodeks.com.

**THE TERM “SOCIALISM”
IN RUSSIAN RELIGIOUS**

AND PHILOSOPHICAL DISCOURSE

Abstract. The article analyzes the socio-political interpretation of the term “socialism” in Russian religious and philosophical discourse of the late XIX — early XX centuries. Texts of Russian thinkers and data from dictionaries are used for matching the semantic content of the lexeme.

Key words: socialism; term; intension; ideology; Russian religious and philosophical discourse; cognitive metaphor.

About the author: Kozlovskaya Natalia Vitalyevna, Candidate of Philology, Doctoral Student.

Place of employment: Herzen State Pedagogical University (St. Petersburg).

Тема нашего исследования — особенно-сти интерпретации политических терминов в русском религиозно-философском дискурсе. В статье анализируется лексическое значение слова *социализм*, которое, будучи термином, включает в себя не только минимальное и лингвистически унифицированное понятийное содержание, но и весь объем лингвистических и экстралингвистических сведений, «добавочных смыслов» и коннотаций.

Основным источником материала стали тексты русских философов К. Н. Леонтьева, В. С. Соловьева, С. Л. Франка, С. Н. Булгакова и Н. А. Бердяева (частота лексемы *социализм* в произведениях Л. И. Шестова и П. А. Флоренского невысока, текстов, непосредственно связанных с общественно-политической проблематикой, нет, поэтому произведения этих авторов не привлекались для анализа).

Примеры взяты нами из Национального корпуса русского языка, кроме того, для анализа целых произведений и протяженных текстовых фрагментов использовался электронный ресурс «Библиотека религиозно-философской и художественной литературы „Веги“».

Согласно «Энциклопедическому словарю» Ф. А. Брокгауза и И. А. Эфрона, слово *социализм* было впервые употреблено в 1835 г. Пьером Леру в значении ‘нечто диаметрально противоположное индивидуализму во всех его проявлениях в моральной и социальной жизни человека’ [Брокгауз, Эф-

рон 1900: 21]. Формирование терминологического статуса этого слова связано с именем Лоренца Штейна, который в работе «Der Socialismus und Kommunismus des heutigen Frankreichs» (1842) указал на связь *социализма* с современным ему общественным строем и развитием пролетариата.

Словарная статья «Энциклопедического словаря» Ф. А. Брокгауза и И. А. Эфрона, составленная профессором истории Н. И. Кареевым, дает четкое представление о значении анализируемого понятия. Однако следует учесть, что описывается не *социализм* вообще, а *социализм* XIX в., «современный *социализм*», по определению автора статьи (отметим, что в статье дан краткий обзор истории идей и учений, объединяемых этим понятием). Приведенные им данные представляют для нас большой интерес, потому что время появления словарной статьи Н. И. Кареева совпадает со временем формирования русского религиозно-философского дискурса.

В широком смысле *социализм* определяется как «совокупность разных учений, проповедующих радикальное изменение хозяйственного порядка путем устранения частной собственности и свободной конкуренции». Текст словарной статьи позволяет выделить дополнительные составляющие понятия *социализм*: 1) *непрерывность идеального развития*; 2) *связь теории с жизненной практикой*; 3) *научное обоснование теории*.

Поскольку *социализм* есть «совокупность учений», эти учения подробно проиллюстри-

рованы в словарной статье Н. И. Кареева; в числе прочих охарактеризован *социализм* К. Маркса, в котором выделены три части: «1) чисто экономическое учение»; 2) «историко-философские воззрения»; 3) «социологическая теория экономического материализма».

Именно это понятие легло в основу лексического значения слова *социализм*, быстро превратившегося в советскую идеологию, наряду с лексемами *коммунизм*, *ленинизм*, *марксизм* и др. Давление идеологии на семантику слова отразил, в частности, толковый словарь русского языка под ред. Д. Н. Ушакова (ТСУ), в котором у слова *социализм* выделяются следующие значения: 1) «первая фаза коммунизма, общественный строй, основой производственных отношений которого является общественная собственность на средства производства в условиях диктатуры пролетариата и уничтожения эксплуататорских классов и при котором осуществляется распределение по труду»; 2) «учение о построении такого общественного строя...»; 3) «название различных буржуазных и мелкобуржуазных учений о реформе капиталистического общественного строя».

Мы не случайно привели данные энциклопедического и лингвистического словарей, столь различных между собой и по времени издания, и по характеру информации. Именно эти издания кажутся нам важными источниками информации о месте понятия *социализм* в картине мира и о значении этого слова в начале XX в. Потребность в использовании разных типов словарей объясняется также тем, что слово *социализм* — термин, следовательно, его значение неизбежно включает энциклопедическую понятийную составляющую как основу толкования. Словарь Брокгауза и Эфрона отразил процесс формирования в конце XIX в. термина *социализм* для обозначения неоднородного социально-политического учения.

Второй словарь, лингвистический, составленный в конце 20—30-х гг. XX в., «был призван отразить... то, что вошло в общий язык с 1914 г., начавшего переломную эпоху в России и в мире» [История... 1998: 354]. Этот период совпал со временем создания большинства текстов русских религиозных философов, однако в освоении лексемы *социализм* общий язык и русский религиозно-философский дискурс идут разными путями. Проанализировать эту «разность» нам показалось очень интересным.

Понятие *социализм* не получает в работах русских философов строгого научного определения, но, поскольку авторы подробно анализируют сущность социализма, неко-

торые фрагменты текста оказываются максимально приближенными к дефиниции и раскрывают разные стороны понятия; процитируем их: *Социализм (то есть глубокий и отчасти насильственный экономический и бытовой переворот) теперь видимо неотвратим...* [К. Н. Леонтьев. О всемирной любви. Речь Ф. М. Достоевского на пушкинском празднике (1880)]; *Социализм, как все великие идеи, которые, охватывая всецелость общественного строя, могут быть рассматриваемы с разных точек зрения, — социализм не есть только уничтожение нищеты, упразднение капитала и заработной платы, правительственная децентрализация, организация всеобщего голосования и т. д. и т. д., ... он есть во всей точности термина организация (конституция) средних имуществ, всеразлитие среднего класса* [К. Н. Леонтьев. Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения (1881—1891)]; *...европейский социализм, в какой бы то ни было форме, требует предварительного передела собственности, полного переустройства землевладения и всего общественно-экономического строя* [К. Н. Леонтьев. Владимир Соловьев против Данилевского (1888)]; *Поскольку под социализмом разумеется только общая идея необходимости и нравственной обязательности государственно-принудительных мер против эксплуатации бедных богатыми... он есть идея правомерная и бесспорная* [С. Л. Франк. Ересь утопизма (1946) // Родник. 1989]; *Социализм и есть мировоззрение, в котором идея производства вытеснена идеей распределения* [С. Л. Франк. Этика нигилизма (1909)].

Наиболее активным в русском религиозно-философском тексте оказывается значение «учение», «идея», «мировоззрение». Это значение представлено в ТСУ и во всех последующих толковых словарях русского языка.

Сравнение данных словаря Брокгауза и Эфрона и ТСУ позволяют сделать вывод о том, что последний отражает сужение значения термина *социализм*, которое произошло под влиянием экстралингвистических факторов и закрепилось в русском языке XX столетия, до следующей дефиниции: «учение о построении такого общественного строя...». Речь идет об одной разновидности *социализма* — **научном социализме**, что подтверждается иллюстративным материалом словарной статьи ТСУ: *Основатели современного научного социализма, Маркс и Энгельс — говорили...*

Остальные виды социализма в ТСУ рассматриваются в рамках третьего значения термина, семантика которого в словаре ис-

кажена под влиянием идеологического фактора: «название различных буржуазных и мелкобуржуазных учений о реформе капиталистического общественного строя». Иными словами, ТСУ отражает следующую иерархию: **подлинный социализм (научный) — ложный социализм (утопический, народнический, полицейский, конструктивный)**.

Русский религиозно-философский текст демонстрирует и суженное значение термина, и отраженное в словаре Брокгауза и Эфрона: так, значение «совокупность учений» раскрывается через синтагматическое окружение слова *социализм*, зависимые слова, уточняющие семантику опорного члена словосочетания. Философская интерпретация термина не позволяет установить иерархические отношения между понятиями, репрезентирующими идею социализма. Различные «ответвления» и «виды» социализма представлены в следующих сочетаниях:

К. Н. Леонтьев: европейский социализм, теоретический социализм.

Вл. С. Соловьев: европейский социализм; русский социализм; многочисленные разновидности социализма; радикальный социализм; консервативный социализм.

Н. А. Бердяев: русский христианский социализм; аграрный социализм; русский народнический социализм; утопический социализм (Сен-Симона); демократический социализм жоресовского типа; революционный социализм, демократический социализм; метафизический социализм (кн. Трубецкого); персоналистический социализм.

С. Н. Булгаков: „научный“ социализм; атеистический социализм (Белинский); материалистический социализм; современный социализм.

С. Л. Франк: революционный социализм; интегральный социализм; социализм в своем чистом виде.

Таким образом, интенционал значения слова *социализм* в русском религиозно-философском дискурсе совпадает с тем представлением о понятии, которое отражено в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Эфрона. Сдвиги в семантике слова, зафиксированные ТСУ (значение «общественный строй»), получают отражение в анализируемых текстах **послереволюционного периода**. Второе значение, обособленное ТСУ, реализуется в философских произведениях, как правило, в словосочетаниях: социализм Маркса, революционный социализм, научный социализм, так называемый научный социализм, т. е. имеется в виду один из множества вариантов социализма.

В целом можно говорить о том, что в русском религиозно-философском тексте

дореволюционного периода наиболее активно реализуются следующие значения термина социализм: ‘учение’, ‘совокупность учений’. После революции русские мыслители пишут преимущественно о социализме как о политическом строе или об учении, но **на фоне** политического строя.

В ряде философских работ дореволюционного периода реализуется **идея неопределенности и двойственности социализма**. Эта идея может быть выражена разными способами: конструкциями с однородными членами с разделительным союзом *или*, конструкциями с противительным союзом, уточняющими предложениями (*конечно, есть, но...*), риторическими и альтернативными вопросами. Приведем примеры: *Я скажу даже больше: <...> если социализм не как нигилистический бунт и бред все-отрицания, а как законная организация труда и капитала, как новое корпоративное принудительное закрепощение человеческих обществ, имеет будущее...* [К. Н. Леонтьев. Записка о необходимости новой большой газеты в С.-Петербурге (1881)]; *Но как бы то ни было, еще прежде чем социализм успеет выразить, что он такое — краеугольный камень нового созидания или тот камень разрушения, который разобьет глиняные ноги европейской демократии, — эта самая демократия <...>должна даже образовать общеевропейскую республиканскую федерацию...* [К. Н. Леонтьев. «Московские ведомости» о двоевластии (1890—1891)]; *Что он такое будет — сам этот социализм — орудие ли только всеобщей анархии или залогом и основой нового неравенства и деспотической организации, — это еще загадка* [К. Н. Леонтьев. «Московские ведомости» о двоевластии (1890—1891)]; *О, конечно, в социализме есть и великая правда, так как велика ложь капиталистической и буржуазной общественности <...> но в атмосфере социализма, <...> претендующего быть религией, рождается это искушение и ведет не к нейтральному добру, а к конечному злу* [Н. А. Бердяев. Великий Инквизитор (1907)]; *Маркс верил в социализм, в будущее общество, в разумную диалектику материального экономического процесса; психология веры лежит в основе рационалистического, „научного“ марксизма. <...> Видимая ли вещь социализм, или прогресс, или всеобъемлющая наука, и могут ли эти вещи быть предметами знания?* [Н. А. Бердяев. Философия свободы (1911)]; *В каком смысле социализм „есть наука“, может считать себя научным, и в каком смысле это словосочетание есть противоречивая нелепица — круглый квадрат,*

жареный лед — или уподобляется таким понятиям, напр., как научная живопись, научная музыка, научная доблесть? [С. Н. Булгаков. Философия хозяйства (мир как хозяйство) (1912)].

Приведенные примеры отражают колебания смысловых корреляций понятий: социализм — добро и зло; социализм — разрушение и созидание; социализм — анархия и организация; социализм — вера и наука. В русском религиозно-философском тексте дореволюционного периода реализованы идея неопределенности и двойственности социализма, одновременные полярные оценки этого явления.

Тексты послереволюционного периода идею двойственности отражают иначе: подразумевается скорее «двуличие», «двойное дно» идеи, реализация которой привела к трагическим последствиям, например: *Так социализм заботится о всечеловеческом благополучии, воюя с врагами народа, митингуя, издавая декреты и организуя порядок жизни и при этом не только не заботясь о произрастании хлеба, но тщательнее истребляя его и засоряя нивы плевелами...* [С. Л. Франк. Смысл жизни (1925)]; *И когда цель была достигнута, старые порядки низвергнуты, социализм твердо осуществлен, тогда оказалось, что не только мир не был спасен, не только жизнь не стала осмысленной, но на место прежней, хотя с абсолютной точки зрения бессмысленной, но относительно налаженной и устроенной жизни, которая давала, по крайней мере, возможность искать лучшего, наступила полная и совершенная бессмыслица, хаос крови, ненависти, зла и нелепости — жизнь, как сущий ад* [С. Л. Франк. Смысл жизни (1925)]; *Так можно было определить русскую тему XIX в.: бурное стремление к прогрессу, к революции, к последним результатам мировой цивилизации, к социализму и вместе с тем глубокое и острое сознание пустоты, уродства, бездушия и мещанства всех результатов мирового прогресса, революции, цивилизации и пр.* [Н. А. Бердяев. Русская идея (1946)].

Для русского религиозно-философского текста характерна модель дефиниции **«социализм есть X (не что иное, как X)»**, в рамках которой слово социализм оказывается в своеобразном «семантическом оксюмороне»: философ включает в значение слова семы, не только не являющиеся потенциальными или маловероятными, но и вступающие в противоречие с семыми интенционала. Приведем примеры: *...социализм, понятый как следует, есть не что*

иное, как новый феодализм уже вовсе недалекого будущего. Разумея при этом слово феодализм <...> в смысле глубокой неравноправности классов и групп, в смысле разнообразной децентрализации и группировки социальных сил, объединенных в каком-нибудь живом центре духовном или государственном; в смысле нового закрепощения лиц другими лицами и учреждениями, подчинения одних общин другим общинам... [К. Н. Леонтьев. Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения (1881—1891)]; **Социализм плоть от плоти и кровь от крови буржуазности. Идеалы социализма — буржуазные идеалы. Социализм целиком принимает все буржуазные ценности благ этого мира и хочет их только дальше развить и по-новому распределить, сделав достоянием всего мира. <...> Он только хочет богатства и довольства жизни для всех, хочет всеобщей „буржуазности“** [Н. А. Бердяев. Смысл творчества (1913—1914)]; **Социализм есть лишь дальнейшее развитие индустриально-капиталистической системы, лишь окончательное торжество заложенных в ней начал и всеобщее их распространение** [Н. А. Бердяев. Новое средневековье (1924)].

Отождествление социализма с феодализмом и капитализмом погашает яркие семы интенционала ('отсутствие деления на классы'; 'равенство'; 'общая собственность на средства производства'). Русский религиозно-философский текст «снимает» представление о социализме как о более высокой стадии общественно-экономических отношений по сравнению с капитализмом и тем более феодализмом, уравнивая его с каждой из этих формаций. Основанием для отождествления становятся семы «неравноправие классов» и «буржуазность», которая есть не что иное, как «частная собственность».

Кроме того, в русском религиозно-философском тексте, в частности в творчестве Н. А. Бердяева, подвергается сомнению представление о социализме как о первой фазе коммунизма. Для Бердяева социализм ассоциируется с концом истории. Критикуя теорию прогресса, философ говорил, что признание бесконечного прогресса во времени есть признание бессмысленности истории и что смысл истории предполагает ее конец. Социализм, по Бердяеву, завершает время как отдельный этап вечности: **Социализм и анархизм — предельные этапы новой истории, последние соблазны человечества. <...> В религии социализма, этом последнем слове учения о прогрессе, есть конец. <...> Социализм верит, что**

старый мир разрушится, что над старым злом будет произнесен окончательный суд, что настанет совершенное состояние на земле, царство человеческой правды, что люди будут как боги. В этом ожидании конца весь пафос социализма [Н. А. Бердяев. *Философия свободы* (1911)].

Особый интерес вызывает **прагматический компонент** значения лексемы социализм в русском религиозно-философском дискурсе. Г. Н. Скляревская выделяет следующие формы и типы прагматических компонентов: эксплицитная форма (коммуникативно-ситуационный и эмотивный компоненты); имплицитная форма (когнитивный и прагматический) [Скляревская 1995: 70].

Анализ синтагматического окружения слова социализм с точки зрения наличия единиц с преобладанием характеризующей функции выявил **полярность оценок** — не только в религиозно-философском дискурсе вообще, но и в творчестве конкретного автора. Социализм как идея и как строй оценивается преимущественно негативно: *Социализм плосок, доска* (Розанов); *зараза социализма; орудие анархии; разъедаемый социализмом, деспотический характер социализма* (Леонтьев); *атомический распад* (Бердяев); *принудительный социализм, неизбежно поддерживаемый террором* (Розанов); *разрушительное существо социализма* (Франк); *несостоятельность социализма* (Соловьев). В то же время ряд контекстов позволяет выявить семы противоположного модуса оценки: *величина будущая, громадная, всеохватывающая* (Розанов); *он есть идея правая и бесспорная* (Франк); *самый поздний и зрелый плод просветительства* (Булгаков).

Если говорить об имплицитном прагматическом компоненте значения, нельзя не упомянуть сравнение (отождествление), встречающееся в работах разных философов и являющееся типологической чертой лексической организации религиозно-философского текста, а именно уподобление социализма религии и вере, т. е. **внедрение политического понятия социализм в семантическую сферу религиозного на основе его противопоставления, исключения, несовместимости понятий**. Во-первых, социализм отрицает религию, веру и церковь, его цель — *спасение человечества без Бога* (Соловьев); социализм есть *лже-Церковь и лжетеократия* (Бердяев). Во-вторых, социализм как идея вытесняет идею Бога, занимая ее место в коллективном сознании. **Социализм есть религия постольку, поскольку он есть вера: Религию имеют и атеисты, хотя, конечно, вероиспове-**

дание их другое, чем у теистов. <...> *Разве в наши дни не говорят о религии человечества, религии социализма?* <...> *В этом словоупотреблении вовсе не пустая игра слов, а глубокий смысл, показывающий, что религиозное чувство, религиозное отношение как формальное начало может соединяться с различным содержанием...* [С. Н. Булгаков. *Основные проблемы теории прогресса* (1902)]; *В религии социализма, этом последнем слове учения о прогрессе, есть конец. Социализм верит, что старый мир разрушится, что над старым злом будет произнесен окончательный суд, что настанет совершенное состояние на земле, царство человеческой правды, что люди будут как боги* [Н. А. Бердяев. *Философия свободы* (1911)]; *Между нарождающейся религией социализма и вырождающейся религией католичества, соблазненного царством земным, — много общего, единый дух живет в них. Эта новая религия позитивного и атеистического социализма, устройства человечества вне Бога и против Бога...* [Н. А. Бердяев. *Великий Инквизитор* (1907)].

Вытесняя веру в Бога, идея социализма деформирует традиционную религиозную константу. Кроме того, в русском религиозно-философском тексте выстраивается следующая триада: религиозность (религия живого Бога, религиозная свобода, религиозный смысл) — безрелигиозность, религиозная нейтральность — религия дьявола (религия антихриста). Правая часть триады в виде ассоциаций и добавочных смыслов включается в прагматический компонент значения лексемы социализм.

К ближайшей периферии значения лексемы социализм в русском религиозно-философском дискурсе относится семантический компонент «интернациональный», «международный», включающий элемент негативной оценки, ср.: *Социализм же есть международность по преимуществу, т. е. высшее отрицание национального обособления. Значит, и тут национальная политика ведет ко всенародному, антикультурному смешению* [К. Н. Леонтьев. *Национальная политика как орудие всемирной революции* (1888)]; *С другой стороны, социализм принимает интернациональный характер, и в коммунистическом интернационале по-новому и извращенно восстает старая идея принудительного универсализма* [Н. А. Бердяев. *Новое средневековье* (1924)].

Язык анализируемых философских произведений метафоричен. Когнитивные метафоры, основанные на импликационных

признаках значений, которые «в совокупности образуют вероятностную ауру понятия» [Никитин 1996: 271], являются не только ярким изобразительным приемом, а прежде всего способом видения мира, способом мышления и оценки того или иного явления.

Лексема *социализм* в русском религиозно-философском тексте вовлекается в несколько типов метафорических контекстов, вскрывающих такие прагматические коннотации значения, как *болезнь (извращение, отравка, яд, разложение), разрушение, ад, убыль духовности*. Приведем подобные контексты: *С другой стороны, многочисленные разновидности социализма, не только радикального, но и консервативного, более обнаруживают присутствие болезни, нежели представляют действительные средства исцеления* [В. С. Соловьев. Оправдание добра (1894—1899)]; *У нас же, при отсутствии всяких внешних и внутренних преград и чужеродных примесей, при нашей склонности к логическому упрощению идей и прямолинейному выявлению их действительного существа, социализм в своем чистом виде разросся пышным, махровым цветом и в изобилии принес свои ядовитые плоды* [С. Л. Франк. De profundis (1918)]; *Разочарование, овладевшее душами в результате крушения идеалов революции, в результате того, что напряженно-страстная, самоотверженная политическая борьба за осуществление „царства божия на земле“ привела к торжеству царства смерти и сатаны, — это разочарование гораздо глубже простой потери веры в определенные, частные политические идеалы социализма, демократии и т. п.* [С. Л. Франк. Крушение кумиров (1923)]; *И трудно будет восстановить прежнюю производительность труда. Социализм на это не способен. Духовные основы труда разложились и еще не найдено новых* [Н. А. Бердяев. Новое средневековье (1924)]; *И когда цель была достигнута, старые порядки низвергнуты, социализм твердо осуществлен, тогда оказалось, что не только мир не был спасен, не только жизнь не*

стала осмысленной, но на место прежней, хотя с абсолютной точки зрения бессмысленной, но относительно налаженной и устроенной жизни, которая давала, по крайней мере, возможность искать лучшего, наступила полная и совершенная бессмыслица, хаос крови, ненависти, зла и нелепости — жизнь, как сущий ад [С. Л. Франк. Смысл жизни (1925)].

Данные Национального корпуса русского языка репрезентативны для анализа значений общественно-политических терминов. В настоящей статье представлена попытка осмыслить проблему интерпретации термина *социализм* в русском религиозно-философском тексте. Эта лексема выбрана по той причине, что у данного слова в русской философии был «свой путь», отличный от языкового значения термина, впоследствии зафиксированного толковыми словарями русского языка. Проведенный анализ текстов показал, что интенционал значения в словаре и тексте в целом совпадает, однако прагматический компонент значения лексемы *социализм* в русском философском тексте отличается от общезыкового и заслуживает специального рассмотрения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Словарь Брокгауза и Эфрона* = Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона : в 82 т. и 4 доп. т. — СПб., 1902.
2. *ТСУ* = Толковый словарь русского языка : в 4 т. Т. 4 / под ред. проф. Д. Н. Ушакова. — М. : Терра, 1996.
3. *История русской лексикографии*. — СПб. : Наука, 1998.
4. *Никитин М. В.* Курс лингвистической семантики. — СПб. : Научный центр проблем диалога, 1997.
5. *Скляревская Г. Н.* Прагматика и лексикография // Язык — система. Язык — текст. Язык — способность : сб. ст. / Ин-т рус. яз. РАН. — М., 1995. С. 63—72.
6. *Национальный корпус русского языка*. URL: <http://ruscorpora.ru/>.
7. *Вехи* : 6-ка религиозно-философской и художественной лит. : сайт. URL: <http://www.vehi.net/>.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. В. Д. Черняк

Н. А. Красильникова N. A. Krasilnikova
Новоуральск, Россия Novouralsk, Russia

**ОБЩЕСТВО И НЕИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ
ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС
В СЕТИ ИНТЕРНЕТ**

**SOCIETY
AND NON-INSTITUTIONAL DISCOURSE
IN THE INTERNET**

Аннотация. В рамках когнитивно-дискурсивного подхода к политической лингвистике активно изучается метафорическая репрезентация участников политической коммуникации — стран, политических институтов, деятелей. За пределами анализа пока остается еще один участник политической коммуникации — общество с его реакцией на происходящие события, отношением к той или иной стране, партии, органу власти, политике. Мнения общественности отражены в неинституциональном политическом дискурсе — в комментариях после статей, чатах, блогах, ток-шоу, опросах и прочих интерактивных формах коммуникации.

Abstract. Political linguistics attracts attention of many researchers, including exponents of cognitive approach to discourse analysis in linguistics. Within the framework of this approach metaphorical representation of agents of political communication, namely of countries, political institutions, politicians is absorbedly studied. At this, political and media discourses created by politicians, journalists, reporters, speech-writers, etc. is put to analysis. We believe that one more agent of political communication is still beyond the scope of discourse research. That is people, society and its reaction to current events, some country, party, authority, or politician. Non-institutional political discourse is often represented in comments to some articles in mass media, in chats, blogs, talk shows, surveys and other interactive kinds of communication. In this paper we consider main issues of non-institutional political discourse.

Ключевые слова: неинституциональный политический дискурс; бытовой/институциональный и медийный политический дискурсы; Интернет; Россия; Грузия, концептуальная метафора.

Key words: Non-institutional political discourse; common/institutional and media discourses; Internet; Russia; Georgia; conceptual metaphor.

Сведения об авторе: Красильникова Наталья Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент, директор филиала УрГПУ в г. Новоуральске, заведующий кафедрой общепрофессиональных дисциплин.

About the author: Krasilnikova Natalia Alekseevna, Candidate of Philology, Associate Professor, Director of Novouralsk Affiliate of the Ural State Pedagogical University, Head of the Chair of Professional Subjects.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет.

Place of employment: Ural State Pedagogical University.

Контактная информация: 624130, г. Новоуральск, ул. Победы, 18, к. 307.
e-mail: n_krasilnikova@mail.ru.

Общество — это самый массовый и влиятельный участник политической коммуникации, в котором преломляются как институциональный, так и медийный дискурсы. Они оказывают влияние на общественное мнение, формируя тем самым неинституциональный дискурс. В неинституциональном дискурсе провоцируется и раскрывается ответная реакция общества на послания политических агентов, и эта реакция устремляется обратно либо через СМИ в виде комментариев к статьям, отзывов в блогах, ссылок на чаты, писем в редакцию, либо непосредственно в виде обращений к политическим деятелям и партиям.

медийного политического дискурсов. Более того, массовая коммуникация в условиях демократического общества предполагает обратную связь, при этом чем демократичнее и развитее государство, тем больший резонанс в обществе вызывают те или иные социальные вопросы, что сегодня явно проявляется в процессах интернет-коммуникации. Соответственно, изучая голоса общественного мнения, мы можем проследить воздействие политической коммуникации на общество, установки которого могут коррелировать или расходиться с транслируемыми СМИ идейными установками власти.

Реакция общества показывает эффективность прагматического воздействия, которое является целью институционального и

Для когнитивно-дискурсивного исследования неинституционального политического дискурса мы предлагаем проанализировать метафорическую экспрессию в процессе

формирования и выражения отношения общества к явлениям политической жизни с учетом содержания высказывания в совокупности с экстралингвистическими факторами и персональными особенностями коммуникантов.

Общение в рамках неинституционального политического дискурса представляет собой оценочную интерпретацию общественно-политического явления, события и его участников, обмен мнениями и участие в решении значимых проблем общества и государства, влияние на представления или стереотипы коммуникантов и формирование или уточнение их картины мира. Сложность исследования подобного объекта состоит в том, что мнения по природе своей субъективны. Даже взятое в целом, общественное мнение не бывает абсолютно истинным или абсолютно ложным, оно всегда есть своеобразное смешение точных знаний и иллюзий, переплетение элементов истины и фантастики [Кошарная 2002: 5].

Неинституциональный политический дискурс — уникальное дискурсивное образование: он складывается в рамках бытового личностного общения как реакция на проекцию институционального дискурса на медийный. Соответственно неинституциональный политический дискурс реализует подачу информации на двух уровнях:

- на лично ориентированном уровне (в бытовом дискурсе), что подразумевает устный или письменный обмен информацией при личном общении, по телефону, посредством компьютеризированных средств быстрого обмена сообщениями, по электронной почте, в ходе дискуссии на форумах, через сообщения на электронной доске объявлений, аудио- и видеопереговоры в режиме онлайн (например, с помощью программ «MailAgent» или «Skype») и т. д.;

- статусно ориентированном уровне, который опосредуется через печатные и электронные, устные и письменные обращения к политическим деятелям и партиям (институциональный дискурс), комментарии к статьям в электронных изданиях, звонки в студию телевизионных передач, письма в редакцию электронных и печатных СМИ, сообщения в блогах, социальных сетях и т. д. (медийный дискурс).

Особенность бытового дискурса заключается в стремлении максимально сжать передаваемую информацию, использовать особый сокращенный код общения, поскольку люди понимают друг друга с полуслова, коммуникативная ситуация самоочевидна, и поэтому актуальной является многообразная оценочно-модальная эмоциональная

квалификация происходящего [Карасик 2002: 215].

Именно оценочная модальность, на наш взгляд, и представляет особый интерес для когнитивной лингвистики в неинституциональном политическом дискурсе, в особенности та, которая выражается в виде таких концептуально маркированных явлений (метафора, метонимия, эпитет, аллюзия, каламбур, паронимазия, прецедентные феномены и т. д.). Очевидно, что все перечисленные феномены подходят в качестве объектов для когнитивно-дискурсивного исследования: они используются для представления знаний и демонстрируют черты национального менталитета, доверие или недоверие власти и СМИ, позицию личности в дихотомии «свои — чужие», поддержку или оппозицию в важных социальных вопросах и даже информационных войнах. Как писал известный поэт и публицист Джон Мильтон (1608—1674), концептуальные единицы, идеи, имплантированные в мышление людей посредством печатного слова, «столь же живучи и плодовиты, как баснословные зубы дракона... будучи рассеяны повсюду, они могут воспрянуть в виде вооруженных людей» [Мильтон].

Не следует забывать, что когнитивно-дискурсивное исследование предполагает рассмотрение экстралингвистических факторов дискурса, поэтому необходимо уделять внимание лингвокультурологическим аспектам коммуникации — этике общения, мировоззрению, табуированным темам и т. д. Жители США, например, свято верят в то, что именно их страна одержала победу над фашизмом, что «стучать» — это хорошо и правильно; англичане убеждены, что старое всегда лучше нового; русские уверены, что легально заработать большие деньги нельзя, и т. д. Представители каждой страны по-своему рисуют картину мира в зависимости от воспитания, образования, национального менталитета, стереотипов, традиций и обычаев своей страны, государственной идеологии и политических убеждений. Лингвокультурологический аспект неинституционального политического дискурса представляет собой отдельный предмет исследования.

В современном мире Интернет формирует новую сферу межличностного и информационного взаимодействия, в результате чего возникают новые виды общественных отношений. Коммуникация в Интернете интерактивна, содержит элементы обратной связи и предоставляет беспрецедентные возможности для живого, открытого и всестороннего общения людям, разделенным огромными расстояниями. Благодаря функ-

ционированию Интернета формируется массовая, постоянно растущая общность людей, объединенных общими интересами, устремлениями, социокультурными ориентациями. Интернет тем самым выполняет интегративную функцию.

В настоящее время Интернет практически полностью заменил печатные СМИ. В связи с этим возрастает интерес к онлайн-коммуникации, все больше ученых изучают воздействие электронных СМИ на человека. Специалисты приходят к выводу, что Интернет способствует повышению гражданской вовлеченности и стимулирует политическое участие за счет высокой скорости и простоты поиска интересующей информации и простора для дискуссий на актуальные социальные и политические темы [Dhavan et al. 2007: 676—703].

Все печатные издания сейчас дублируются интернет-версиями. Хотя в основном в последних сохраняется стиль печатного оригинала — привычная рубрикация, логотип, — нетрудно обнаружить некоторые инновации. Интернет предоставляет ряд преимуществ: доступность в любой точке земного шара, соответствие индивидуальным запросам читателя (легкость печати, скорость доступа к интересующим рубрикам, статьям и т. д.). Инновационные коммуникативные возможности выводят отношения в связке «автор — читатель» на качественно новый уровень. Если традиционные печатные издания предполагают одностороннюю, отдаленную во времени и пространстве связь с потребителем текста, то интернет-газеты позволяют осуществлять обратную связь посредством электронной почты. Это дает шанс автору статьи отзыв на нее или разместить на странице собственный комментарий в ответ на авторский. Таким образом создаются условия для активной интеракции между автором и читателем, что, несомненно, способствует осуществлению манипулятивных интенций адресанта сообщения [Рудая 2010: 9].

Представляется, что интернет-коммуникация, в особенности комментарии к статьям СМИ и сообщениям/интервью политических деятелей и партий, а также блоги, форумы и чаты с политической тематикой, содержит значительное количество материала для когнитивного анализа неинституционального политического дискурса. Повседневные диалоги в блогах проясняют позиции разных участников интернет-коммуникации, содействуют развитию рефлексии, формируют убеждения, а при надлежащей организации дискуссий помогают коллективной постановке проблем и поиску их решения [Анненков 2006: 33—37].

Рассмотрим конкретный пример когнитивного исследования концептуально-маркированных явлений в неинституциональном политическом дискурсе. Анализировать последний мы начали в 2008 г. на материале дискурса, который сложился на сайтах СМИ Великобритании как реакция на российско-грузинский конфликт [См.: Красильникова 2008, 2009, 2010]. Нас заинтересовало, как мировое сообщество воспринимает Грузию и ее президента, Россию и ее президента, как представляет себе сложившуюся ситуацию в оппозициях «тиран — жертва», «свои — чужие», «друзья — враги», «плохие — хорошие» и т. д. Мы выявили метафорические модели, наиболее распространенные в высказываниях людей, комментирующих статьи электронных СМИ о названном военном конфликте. Концептуальные метафоры, отобранные методом сплошной выборки, позволили смоделировать сознание адресата и составить представление о его картине мира, отношении к проблеме и сторонам конфликта.

В условиях информационной войны концептуальные метафоры не только отражают мнение каждого человека, но и формируют общественное мнение. Если люди оставляют комментарии после статьи, значит, их задевает тема или ее видение автором. При этом читатели готовы выражать и отстаивать свое мнение, они свободны в выражениях и могут анонимно написать всё, что думают. Самые активные «комментаторы» оспаривают не только точку зрения автора статьи, но и мнение авторов других комментариев, что иногда приводит к развитию аргументированных и пространственных споров.

Мы проанализировали 470 концептуальных метафор. Интересно отметить, что первое место по количеству метафорических характеристик занимают президент Грузии и российское государство, второе — Грузия и ее граждане и бывший в то время председателем правительства России В. В. Путин, третье — США и Дж. Буш. Реже всего упоминаются НАТО и Осетия.

Мы уже подробно анализировали метафорические образы Грузии и ее президента М. Саакашвили [Красильникова 2008, 2009]. Остановимся на метафорическом представлении России в неинституциональном политическом дискурсе на сайтах СМИ Великобритании. Наиболее частотной и развернутой метафорической моделью здесь является модель **РОССИЯ — ЖИВОЙ ОРГАНИЗМ** (23 %). К ней мы относим все метафоры, персонифицирующие страну, характеризующие ее как человеческий организм с определенными физиологическими и эмоцио-

нальными особенностями. **Персонафикация** — популярный прием метафорической экспансии Ср.: *To understand the Russians, one must think simple as with a child — accept their actions as reactive and language blunt* (Andrew Eberle, Whangarei NZ; примеры здесь и далее цитируются без изменений и исправлений); *Russia is not an enemy just because it does not bow to Western dictates* (Arik Silverman); *Russia is just getting mad because they want Georgia to be under their shadows forever* (Nino, Washington D. C.); *They are getting nastier and hungrier by the day* (Tatyana, London).

Россия воспринимается как **эмоциональный ребенок со своими спонтанными и необъяснимыми реакциями и действиями**. Основными характеристиками России становятся **гордость, непреклонность, желание доминировать**. Если этого не удастся добиться, страна **злится**, становится всё **голоднее и своенравнее**. Концептуальный вектор таких персонафицирующих метафор формирует у адресата ощущение дискомфорта, давления, отрицания, определенного страха и рискованности отношений с таким своенравным партнером.

Когда человеком движут эмоции, а не разум, то вместо ведения переговоров и выяснения спорных моментов он прибегает к использованию силы. Характерными для рассматриваемого дискурса лексическими единицами, через которые актуализируются физиологические метафоры, являются **мышцы** и **кулаки** — символы сильной централизованной власти: *And if there was little fighting elsewhere it was because the Soviets ruled with an iron fist. Capitalism has its flaws, but the Soviet dictatorship was as bad as the Nazis* (Mark, New York, USA); *Russia is flexing its muscles and waving a rusty hatchet at the rest of the world* (ANARKEECHILD); *There is no "peacekeeping" happening here — it is simply a nasty expansionist power flexing its muscles* (Peter Jack).

Также показательно употребление лексемы **руки** в значении активности, жажды наживы и власти: *If Serbia had invaded Kosovo, there would have been hell to pay; yet Georgia gets to invade South Ossetia, kill Russian peacekeepers and expect Russia to sit on its hands and mouth platitudes* (John); **WE MUST NOT LET THE RUSSIANS TOUCH THOSE TERRITORIES AGAIN WITH THEIR DIRTY HANDS!!** (Luigi, Italy).

В рассматриваемой метафорической модели очень яркий концептуальный заряд имеет фрейм «Болезни». Россия видится мировой общественности **больным организмом**, страдающим от **паранойи, параноидального**

алкоголизма, расплывшейся преступности и ущемленной гордости: *Add to that paranoid drunkenness and inbred criminality. No wonder Georgians want nothing to do with Russia* (Frank); *What absolute drive! Georgia invades Ossetia, Russia responds, and it's all about Russia's paranoia, and Georgia wanting to join NATO* (Mike); *Russia suffers from injured pride and wishes to make an example of someone, anyone, to show it's still a force to be reckoned with* (Golodh).

К сожалению, приходится констатировать, что представление мировой общественности о России носит негативный характер и в некотором смысле бьет по больным местам. Думается, что такие места есть не только у русских: никто, например, не обвиняет немцев за чрезмерное употребление пива, никто не упрекает французов за то, что они выпивают за каждым приемом пищи, и даже обвинений в сторону англичан, устремляющихся в пабы с утра, не слышно. К русским же ярлык пьянства и безнравственности приклеился намертво, что во многом объясняется стереотипами, в том числе сложившимися в эпоху президентства Б. Н. Ельцина, ср.: *We won't let u bully Kosovo and Serbia' by boozing and schmoozing Boris Eltsin at that time* (ANARKEECHILD); *here we go again same old russian paranoia its time they moved into the 21st century along with the rest of us. the country is morally bankrupt populated by deluded alcoholics* (John Bull).

Также популярна в рассматриваемом дискурсе метафорическая модель **РОССИЯ — МИР ЖИВОТНЫХ** (22 %). Как справедливо отмечает И. Буданова, исследующая переговорную практику ЕС и России, российская сторона, использовав силовые методы решения конфликта, спровоцировала возрождение «медвежьей темы» в медиадискурсе Европейского союза. Западные СМИ подхватили и развили тезис о возрождении Медведя [Буданова].

Исследователи «медвежьей метафоры» Олег Рябов и Анджей де Лазари утверждают, что образ медведя для характеристики России используется в культурах Запада начиная с XVII в. [Рябов, Лазари 2008]. Его популярность ослабевала после окончания «холодной войны», но в последнее время он снова прочно обосновался в западном сознании под влиянием, во-первых, символики партии «Единая Россия», во-вторых, фамилии президента России в 2008—2012 гг., в-третьих, поддерживаемого СМИ прагматически выверенного образа-символа России, поскольку за метафорической моделью **РОССИЯ — МЕДВЕДЬ** скрываются концепты **мощь, сила, величие**. В то же время, соглас-

но русским поверьям и библейским текстам, медведь олицетворяет сатану.

В связи с этим не случайно, что медвежья метафора получила широкое распространение в неинституциональном политическом интердискурсе. В силу своей многогранности и универсальности, обусловленной мифологическими, культурологическими и национально-специфическими особенностями, медвежья метафора обладает контекстуальной гибкостью и носит то оправдательный, то обвинительный характер. В нашем исследовании количество медвежьих метафор с положительной и отрицательной коннотациями оказалось практически равным.

В первом случае медведь предстает перед читателем как образец (досл. 'остров') *здравомыслия*, его будят, дразнят, а надо бы *оставить в покое*, еще лучше — *подружиться* с ним: *The Russian bear is the remaining island of sanity in this mad Western rush for Empire* (ThomasT); *We should leave the bear well alone* (Rob); *The EU and USA woke the bear when they gave Kosovo independence* (Mark); *How can we take on the Russian Bear? — Why to take on it? Why not to befriend it?* (Alar).

Концептуальный вектор таких метафор отражает восприятие России как серьезной и разумной силы, которую не нужно раздражать, которой не следует противостоять, с которой можно сотрудничать.

Во втором случае Россия изображается злым медведем, который грубо вторгся на территорию Южной Осетии, которого понапрасну *разбудили* и этим *разозлили*, так что теперь он *грозоно рычит* и может *разорвать обидчиков*: *Mr Saakashvili sent his troops into the capital in order to save the peacekeepers and citizens from themselves, but unfortunately this, let's say, "humanitarian" action was (far too) quickly repelled by the brutal intervention of evil Russians Bear* (Borisav); *What the Georgians have done is woken a sleeping BEAR...and now it is growling and letting the world know exactly how annoyed it is with all* (Russian Supporter); *Seems to me that Georgia's parliament took a gamble and their bluff was called. Don't mess around with Bear's they tend to rip your head off* (Cromwell).

В приведенных примерах медвежья метафора несет в себе сильный устрашающий и отпугивающий прагматический потенциал. Перед страшным разгневанным медведем президент Грузии М. Саакашвили предстает абсолютно *беспомощным*, при этом западные страны не намерены решать данный конфликт за него, так как понимают, что это чревато серьезными последствиями. Они скорее станут *подлизываться* к русскому

медведю и останутся при своих интересах. Сама идея того, что Грузия может принять вызов русского медведя, представляется *подемску* наивной, ср.: *President Mikheil Saakashvili of Georgia... is helpless before the Russia Bear....* (George Mitrovich); *we shouldn't take on the "Russian Bear" especially not for a genocidal Georgian government who now wants us to fight their battles for them!!* (Diana); *Simple take on the bear and it turn off the gas tap* (Anil); *And how childish too — we all know only too well that whoever dreamt up this title will not have guts to take on Russian Bear even in wildest of delusions* (Igor Emelianov).

Большой интерес для когнитивных лингвокультурологических исследований представляют случаи использования медвежьей метафоры в окружении других звериных метафор, в которых концептуализируются другие страны. Грузия ассоциируется с обезьяной — животным, которое вертится во все стороны, суетится, но от которой нельзя ожидать серьезных продуманных действий и решений. Лидер Грузии метафоризируется через образ *хитрой лисы*, хищной и двуличной, но при этом умной и красивой. Любопытен и оригинален образ *Америки*, которая предстает перед нами в виде *свиньи*, что в данном контексте выглядит оскорбительным. *Британцы* предстали в рассматриваемом дискурсе в образе *осла* — символа упрямства и глупости, а жители *Поднебесной* традиционно изображаются посредством стереотипного и национально-специфического образа *дракона*: *By entitling this discussion "How can we take on Russian Bear" someone anonymous has taken sides: in this clear-cut situation where a bunch of scoundrels has been caught red-handed they want to take not on Georgian Monkey, American Pig or British Donkey who really deserve a kick in the rear end, they want to take on Russian Bear. How schizophrenic is that?* (Igor Emelianov); *Better leave the bear alone and get busy with that cunning fox* (Saakashvili); *I have an impression every word of his is a lie* (Lexo); *If, for reasons of realpolitik, we can hold our noses and maintain cordial relations with the Chinese Dragon, there seems little sense in antagonising the Russian Bear* (Peter Lion).

Характерно, что в окружении примеров других животных метафор, относящихся к различным народам, образ медведя приобретает положительную коннотацию: он выгодно смотрится на фоне лживости, глупости и неадекватности других национально-специфических образов.

Следует отметить, что анималистическая метафора, концептуализирующая Рос-

сию, не сводится к медвежьей. Гораздо реже встречаются также *иные* метафоры, концептуальный вектор которых обнаруживает агрессивность. Например, действия России могут ассоциироваться с *собачьим лаем*, отпугивающим мировые супердержавы: *The Russians are animals. (Enver) What's the use being the world only super power who hides when Russia barks. (Rikki)*

Не менее интересна в исследуемом дикурге *рыбная* метафорика, в частности ссылка на английскую поговорку «The great fish eat up the small» (большая рыба поедает маленькую), типичную для концептуальной проекции оппозиции «победитель — проигравший». Руководство страны концептуализируется как *озёрная жизнь*, характеризующаяся своим миром, правилами и связями: *Tribalism is the bane of civilization, but the whales dominate the small fish* (Talisa, San Francisco, USA); *Nothing new under the sun and all that rot. Big fish eats the little fish. Now these same Jerks led by those same ex-KGB mob (endorsed by our own pond life) are trying to take over Georgia* (Robin).

Менее распространена, но не менее эффективна в анализируемом дикурге метафорическая модель **РОССИЯ — ИМПЕРИЯ ЗЛА / СССР** (12 %). Метафора, основанная на фактах мировой истории, является сильным и действенным аргументом в споре людей, оставляющих свои комментарии на сайте, поскольку затрагивает национальные интересы представителей многих стран, которые из лучших побуждений ввязываются в полемику, спровоцированную тем или иным мнением, относящимся к историческим событиям. Ср.: *The Evil Empire marches on from Afghanistan Iraq and Kosovo to new fields of blood for its Dracula appetite for conflict* (Walter); *Georgia is a tiny country with much longer history than US or Russia trying to survive among huge Evil Empires* (LetUsLive).

Наблюдения и комментарии о схожести конфликтов современности и времен холодной войны иногда не заканчиваются обычной компаративной констатацией, а выливаются в яростный призыв к борьбе против зловещей империи: *Russia is the Evil Empire!!! NATO must help Georgia and STOP this RED ARMY!!!* (Tom); *NATO, EU, USA must help to Georgia... Russia is evil empire it must stopped!* (Alexander).

Следующая по частотности в рассматриваемом дискурсе метафорическая модель, актуализирующая представление о России, — **РОССИЯ — КРИМИНАЛЬНЫЙ МИР** (11 %). К рассматриваемой модели относятся и простые аллегории с общим кри-

минальным подтекстом, и метафоры с заполняемыми фреймами «Места заключения», «Преступники», «Преступления» и пр. Ср.: *Lenin described the Russian Empire as a "prison of nations", after the Russian and then the Bolshevik Revolutions followed by the civil war, many of the imprisoned nations declared their independence...* (Dr Andris Lielmanis); *...systematically the Soviets attempted to reintroduce the independent nations to their cells by violent means defeated in the Baltic states, Lenin nevertheless managed to recapture the rest of the escapees* (Dr Andris Lielmanis).

Все концептуальные метафоры данной модели дают России выраженную отрицательную оценку, своим прагматическим эффектом отстраняя собеседника от обсуждаемого объекта и обособляя РОССИЮ в категории «ЧУЖИХ», опасных, нечестных, бесчеловечных. Данная метафорическая цепь обладает большим экспансионистским потенциалом. Россия часто представляется в роли *обидчика*, поэтому в неинституциональном политическом дикурге на сайтах СМИ Великобритании для описания ее действий часто используется лексема **bully** и схожие с ней лексические единицы, ср.: *Russia is trying to bully its smaller neighbours into not aligning themselves with the West and NATO...* (James, London); *Mr Lucas sees Russia as a menacing bully led by ruthless rulers* (Philippe, Brussels, Belgium).

Как и в рамках модели **РОССИЯ — ИМПЕРИЯ ЗЛА**, здесь не только Россия концептуализируется как обидчик, но и часто звучат призывы к действию, противостоянию или клятвы защищать: *Russia should be a little more conscience of other countries and stop being a bully in that area* (Javier Guinand); *There are two sides to any war — but the Russians are brutally escalating the crisis. Kick them out of the G8 — they do not deserve the political respect accorded by such membership* (Martin Pople).

Следующая метафорическая модель, а именно **РОССИЯ — СИЛЬНЫЙ ЗАЩИТНИК** (10 %), достаточно традиционна и ожидаема, поскольку у каждой страны есть не только противники, но и сторонники. Одни осуждают Россию за своевольное и нецивилизованное поведение, другие защищают ее позицию, которую считают оправданной. Примеры тому уже приводились в данной статье, расширим их круг: *They know Russia is in the right and that their future lies with Russia* (Dan); *Russia is not the evil empire — that tag belongs to another meddling warmongering nation* (R McAuley); *The Abkhaz would face the same fate as well were it not for actual Russian*

stewardship in this case as well (OneWithEyes StillOpen).

Сторонники России не только оправдывают ее действия, но и метафорически концептуализируют ее как *сильную мощную страну*, которая никому не позволяет лезть в свои дела, делает серьезные предупреждения, дает отпор, такую страну, чей тяжелый и уверенный взгляд не у всех хватит смелости выдержать: *Admit it, Russia is superpower in making and it shows that nobody can mess w/ it, including US backed Georgi* (Vlad, los angeles, USA); *A powerful message has been sent by Russia to the west as it enhances its role* (John Collns); *The western leaders are gathered in the centre of authoritarianism in Beijing in the company of Prime Minister Putin. Do they have the nerve to stare Russia down?* (Victor Perton, Melbourne, Australia).

Такие метафоры оказывают двойственное прагматическое воздействие: с одной стороны, интегрируют сторонников, создавая образ страны, привлекательный своей силой и влиянием, с другой — дистанцируют противников, удерживают их на безопасном расстоянии. Концептуальный вектор метафорической модели РОССИЯ — СИЛЬНЫЙ ЗАЩИТНИК носит позитивный характер.

Следующая по популярности в анализируемом дискурсе метафорическая модель — **РОССИЯ — ЛОЖЬ / ПРОПАГАНДИСТСКИЙ АППАРАТ**. Данная модель, несмотря на оригинальность и даже неожиданность, относится к достаточно распространенным (8%). Приведем примеры: *It was interesting and funny at the same time to hear a hypocrite Lavrov accusing Georgia of genocide and ethnic cleansing* (ANARKEECHILD); *Bush should be more like Kennedy to do with Cuba and make a stand against Russia and stop them posterizing* (Rikki); *Never trust the Russians, an old European saying still true!* (Gil, Los Angeles, United States).

Россия, по мнению высказывающихся, *играет роль жертвы, лицемерит, позирует, ей нельзя доверять*. В данной метафорической модели актуализируется номинация **пропагандистский аппарат**. Если учесть игру слов, в этом сочетании можно увидеть механистическую метафору, которая исключает человеческий фактор из перспективы отношений с Россией: *запущена машина, производящая пропаганду, ей дали волю, ее хорошо смазали и настроили, и она официально начала работать*. Складывается впечатление, что государство роботизировано и настроено на создание качественного типографского пиара, о развитии страны и жизни в ней умалчивается, либо эти вопросы

даже не рассматриваются: *Russia is very good at twisting the facts to suit its own preferred interpretation (it is never at fault and never the aggressor) and with no free press in the country the propaganda machine is given free rein* (Richenda); *Yes, the Russian propaganda machine is well oiled and out in force* (Michael Anthony).

Следует отметить, что яркая метафора, обладающая сильным прагматическим воздействием, сказанная одним человеком, быстро подхватывается другими и перестает быть оригинальной и авторской. Однако для решения задач данного исследования мы учитывали мнения всех собеседников, даже если они в чем-то перекликались и оказывались схожими.

Следующая группа метафор тоже, как и метафорическая модель РОССИЯ — ИМПЕРИЯ ЗЛА, основана на исторических фактах, но является культурно-специфичной и имеет другие ассоциативные связи, поэтому мы рассматриваем ее отдельно. Эту метафорическую модель можно условно обозначить как **РОССИЯ — ГЕРМАНИЯ 40-х гг.** Соответствующие примеры составили 7% общего числа концептуальных метафор, актуализирующих образ России в анализируемом дискурсе, ср.: *The West must support Georgia against the Russian fascists* (Paolo Caldato); *Capitalism has its flaws, but the Soviet dictatorship was as bad as the Nazis* (Mark, New York, USA).

Русские концептуализируются как агрессивные фашисты, безжалостно истребляющие тех, кто слабее них, и желающие подчинить себе мир, советский диктаторский режим сравнивается с нацистским. Однако самой распространенной метафорой в данной модели является прецедентный антропоним **Гитлер**, не нуждающийся в особых комментариях: *Didn't Hilter use an excuse like this to invade Czechoslovakia?* (Shaun); *Gitler, Stalin, Putin Is children from one mother! The Chechen republic is already unable to resist there almost anybody is not present! Now Georgia! Who s next?* (ser from UKRAINE).

Сравнение России с гитлеровской Германией достаточно распространено в рассматриваемом дискурсе: сопоставляются действия двух государств, их население, лидеры. Гитлер, Сталин и Путин объединяются метафорой родства с актуализацией смыслов жесткой диктатуры и неоправданной военной агрессии.

Последняя метафорическая модель — **РОССИЯ — УЧАСТНИК ИГРЫ** (7% примеров). Она так же распространена, как и предыдущая, и не менее актуальна и сильна по прагматическому воздействию с точки зре-

ния формирования образа страны. У России имеется *свой план игры* в отношении европейских государств, она *ведет игру с позиции силы*, а В. В. Путин развлекается *игрой в шпионное*: *I am certain that the various Governments in Europe are aware of Russia game plan...* (Anthony); *Russia is clearly involved in a power game (with Russian "Peacekeepers" in Ossetia) and does not like anyone it does chose in its backyard, but then nor does America (Cuba/Venezuela) or China (Tibet/Burma)* (Mark); *When NATO comes to this sliver of land — Putin will content himself playing spy games* (Andrew Eberle, Whangarei NZ).

Кроме лексемы *игра*, часто используются метафорические единицы со сферой-источником «Азартные игры». В данном контексте Россия прибегает к *трюкам КГБ*, Грузия *играет в азартную игру*, и ее *блеф* раскрывается, Россия использует автономные регионы Грузии как *карты* в игре. Ср.: *Russia uses the Georgian break away regions as cards to prevent Georgia joining NATO and forever escaping Russian influence* (Ilan, Tel-Aviv, Israel); *There's no doubt in my mind and a lot of people here in UK ,that this is nothing but another KGB trick* (ANARKEECHILD).

Таким образом, Россия в неинституциональном политическом дискурсе, сложившемся на страницах сайтов СМИ Великобритании, посвященных российско-грузинскому конфликту, чаще представляется в роли агрессора, безжалостного обидчика, который сосредоточил в своих руках большую власть, обусловленную масштабами, ресурсами, политическими и криминальными связями. Россия — это эмоциональный, непредсказуемый и непонятный человек, страдающий паранойей, пьянством и алчностью. Традиционным стал образ медведя, концептуализирующий Россию как мощное животное, которое разбудили и которое теперь злится, рычит и готово напасть. В то же время представители мирового сообщества всё больше удивляются, зачем злить сильного русского медведя, если можно с ним просто подружиться.

Оригинальны в данном дискурсе исторические концептуальные метафоры, опирающиеся на прецедентные имена и события. Россия видится сквозь призму времен холодной войны или ассоциируется с фашистской Германией.

По-прежнему частотна в представлении России криминальная метафора. Страна воспринимается как «тюрьма наций», из которой пытаются бежать, но беглецов непременно силой возвращают в камеры. Кроме того, жители разных стран по-прежнему обвиняют Россию в коррупции, лжи, пропаган-

де, политических аферах, ведении нечестной игры.

Положительный образ России создается посредством актуализации метафорической модели РОССИЯ — СИЛЬНЫЙ ЗАЩИТНИК. Она объединяет вокруг себя сторонников России, оправдывающих ее действия, и дистанцирует противников.

Приходится констатировать преобладание в образе России пейоративных концептуальных метафор — страну либо упрекают за советское прошлое, либо обвиняют в раздувании военных конфликтов с целью подчинения территорий, либо боятся ей сопротивляться по политическим или экономическим причинам. Мелиоративные метафоры, одобряющие Россию и характеризующие ее в позитивном ключе, пока остаются в меньшинстве. Выводы об исходе информационной войны очевидны и неутешительны.

Метафорическая концептуализация лиц, институтов и стран, особенно в периоды накаленных отношений и эскалации военных конфликтов, позволяет нам узнать точку зрения рядовых потребителей политического дискурса, а участникам неинституционального политического дискурса — высказать свое мнение в поддержку той или иной враждующей стороны, открыть другим правду, известную немногим, повлиять на мнение других людей. Это, конечно, не более чем субъективная оценка реальности, но не на таких ли оценках держится мир? Кроме того, исследуя неинституциональный политический дискурс с позиций когнитивного анализа, мы сможем составить представление о том, что думает общество о странах-соперниках или странах-союзниках, верит ли политическим партиям, насколько эффективны оказываются те или иные политические послания, речевые стратегии и тактики политических деятелей. Таким образом, когнитивное исследование неинституционального политического дискурса позволяет проследить ощущения и настроения общества в рамках межнациональных, социальных и политических отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анненков В. В. Блоги как среда для непрерывного образования взрослых: опыт сообщества СТОИК // Образовательная среда сегодня и завтра: материалы 3 Всерос. науч.-практ. конф. (Москва, 27.09 — 30.09.2006) / ред. В. И. Солдаткин. — М.: Рособразование, 2006. С. 33—37.

2. Буданова И. Переговорная практика ЕС и России в контексте «медвежьего» дискурса. URL: <http://cens.ivanovo.ac.ru/abstracts/budanova-2008.htm>.

3. Карасик В. И. О категориях дискурса / ВПГУ. 2006. URL: <http://homepages.tversu.ru/~ips/JubKaras.html>.

4. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — Волгоград: Перемена, 2002.

5. Карасик В. И. Языковые ключи. — М. : Гнозис, 2009.

6. Кошарная Г. Б. Социология общественного мнения // Методические указания. — Пенза : ПГУ, 2002.

7. Красильникова Н. А. Жертва или злодей? Метафорический образ Грузии в дискурсе общественности на сайтах СМИ Великобритании // Политическая лингвистика. 2009. № 4 (30).

8. Красильникова Н. А. Российско-грузинская война в дискурсе общественности на интернет-сайтах Великобритании // Политическая лингвистика. № 3 (26).

9. Красильникова Н. А. Советский Союз, фашистская Германия или Россия XXI века? (образ России в дискурсе общественности на сайтах СМИ Великобритании) // Политическая лингвистика 2010. № 33 (3).

10. Лингвистический энциклопедический словарь. — М., 1990.

11. Мильтон Дж. Ареопагитика // История печати: Антология. — М., 2001. URL: <http://evartist.narod.ru/text2/28.htm>.

12. Рудая Е. А. Функциональная семантика английских имен прилагательных в тексте англоязычного политического комментария (на материале современной американской прессы) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — СПб., 2010.

13. Рябов О., Лазари А. Миша и Медведь. Медвежья метафора России в дискурсе о грузино-

российском конфликте. URL: <http://www.memo.ru/hr/hotpoints/caucas1/msg/2008/09/m158721.htm>.

14. Dhavan V. S., Jaeho C., Seungahn N., Melissa R. G., Hyunseo H., Lee N.-J., Scholl R. M., Mcleod D. M. Campaign Ads, Online Messaging, and Participation: Extending the Communication Mediation Model // Journal of Communication. 2007. Vol. 57, Iss. 4 (Dec.). P. 676—703.

15. Donath J. S. Identity and deception in the Virtual community. 1997. URL: <http://smg.media.mit.edu/people/judith/Identity/IdentityDeception.html>.

16. Johnson N. A. Anger and flaming in computer-mediated negotiations among strangers // Decision Support Systems. 2009. № 46. P. 660—672.

ИСТОЧНИКИ

17. Firth E. Georgia “pulls troops out of South Ossetia” as Russian fighting intensifies. 2008/08/10. URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/>.

18. Halpin T. Georgian forces attack Russian-backed separatists. 2008.08.08. URL: <http://www.timesonline.co.uk/tol/news/world/erope/article4491342.ece>.

19. Lucas E. How Georgia fell into its enemies' trap. 2008.08.09. URL: http://www.timesonline.co.uk/tol/comment/columnists/guest_contributors/article4488503.ece.

20. Parsons R. Georgia pays price for its Nato ambitions. 2008.08.09. URL: <http://www.telegraph.co.uk/news>.

21. Penketh A. Diplomatic Licence: Saving Saakashvili. 2008.08.12. URL: <http://blogs.independent.co.uk/independent/2008/08/saving-saakashv.html>.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Н. Б. Руженцева

Е. М. Меркулова **E. M. Merkulova**
Москва, Россия Moscow, Russia

**СРЕДСТВА ВЕРБАЛИЗАЦИИ ЖЕРТВЫ
В РОССИЙСКОМ И АМЕРИКАНСКОМ
ВОЕННЫХ ДИСКУРСАХ**

**MEANS OF VERBALIZATION OF VICTIM IN
THE RUSSIAN AND AMERICAN DISCOURSES,
DESCRIBING WAR**

Аннотация. Одна из сторон военного конфликта представляется в дискурсе в образе Жертвы. В американском и российском дискурсах для Жертвы характерны два семантических компонента — универсальный компонент 'невинность' и 'активность'/'пассивность'. В статье прослеживается, с помощью каких знаков вербализуются эти компоненты значения, изучается сходство и различие средств языковой репрезентации Жертвы в двух дискурсах.

Abstract. A Victim is depicted through two semantic components, universal component 'innocent' and component 'active'/'passive'. The article deals with means of verbalization, and describes a typology of difference between means of verbalization in two discourses.

Ключевые слова: «Сказка о справедливой войне»; знаки политического дискурса; сопоставительная семантика.

Key words: "Fairytale of a Just war"; icons of political discourse; contrastive semantics.

Сведения об авторе: Меркулова Елизавета Максимовна, аспирант кафедры сопоставительного изучения языков факультета иностранных языков и регионоведения.

About the author: Merkulova Elizaveta Maksimovna, Post-graduate Student of the Chair of Comparative Linguistics.

Место работы: Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова.

Place of employment: Moscow State University named after M. V. Lomonosov.

Контактная информация: 119192, Москва, Ломоносовский проспект, 31/1.
e-mail: int507@yandex.ru.

Дискурс, описывающий военные события, выполняет не только информационную, но и интерпретирующую функцию: он моделирует знания о новых фактах жизни, передавая при этом восприятие войны говорящим. Интерпретирующая функция оказывает влияние на выбор медиатехнологий и на способы языкового оформления. Данная функция реализуется, в частности, посредством тех образов, которые создаются в дискурсе. Военные действия, участники конфликта описываются с помощью когнитивной модели «Сказка о справедливой войне», которая призвана морально оправдать военный конфликт. Эта модель предлагает заданный набор героев: Герой-Защитник, Жертва, Агрессор. Данные образы основаны на архетипических представлениях о должном поведении каждого агента, на системе представлений о враге, защитнике, жертве, принятой в определенном социуме. Общая схема сюжета, выделенная Дж. Лакоффом, сводится к тому, что преступление совершается Агрессором, Герою ничего не остается, кроме как пойти на войну со Злодеем. Далее возможны разные трактовки метафорического сюжета: либо Герой будет защищать сам себя, либо он будет защищать Жертву. В зависимости от этого реализуется либо сюжет о самозащите (the Self-Defense Sce-

nario), либо сюжет о спасении (the Rescue Scenario) [Lakoff 1991].

Эта модель неоднократно рассматривалась в рамках школы метафорического анализа [Lakoff 1991; Lakoff 2004; Lule 2004; Будаев 2007; Матыгина 2009; Чудинов 2007]. Внимание исследователей, как правило, сосредоточивалось на сферах-источниках метафор, используемых для номинации агентов сценария. Расстановка агентов на современном срезе культуры не меняется, однако конкретное развитие сценария, а также система номинаций агентов зависят от культуры и эпохи. Так, например, Герой может осмысляться как *ковбой* или *рыцарь-христианин*, Агрессор описывается как *нацист* или *сексуальный маньяк* [Будаев 2007]. Каждая эпоха и культура описывает события сквозь призму собственных уникальных ценностей, влияющих на способы языкового оформления. В современной лингвистике представлен подробный анализ метафорического варьирования [Hiebert 2003; Kennedy 2000; Kuusisto 1998; Чудинов 2003]. Однако синтаксические, морфологические способы представления сторон конфликта недостаточно изучены, также недостаточно внимания уделяется таким лексическим средствам описания войны, как гипонимия, использование абстрактных

или конкретных существительных, использование определенных лексико-семантических групп (ЛСГ). Цель данной работы состоит в выявлении способов вербализации Жертвы на лексическом и морфосинтаксическом уровнях в российском и американском дискурсах.

Формально и типологически средства вербализации сторон военного конфликта могут быть похожи: для описания их действий используются знаки, которые в типологии М. Эдельмана [Edelman 1964] относятся к конденсирующим символам, или же к политическим аффективам в терминологии Е. И. Шейгал [Шейгал 2004]. Они способны вызывать эмоции у реципиента и обеспечивать моментальную категоризацию понятия. Формальное и типологическое подобие средств языкового представления в двух рассматриваемых дискурсах объясняется тем, что говорящие политические субъекты России и Америки преследуют одинаковую цель — морально оправдать военные действия, создать образ *справедливой* войны. Однако содержание знаков, приводящих к такой интерпретации, оказывается различным в зависимости от адресата сообщения. Одна из задач данной статьи — исследовать различия в средствах вербализации, способствующих реализации функции интерпретации.

Материалом исследования стали российские правительственные тексты, описывающие военные акты на территории Южной Осетии в 2008 г. При изучении американского военного дискурса был рассмотрен корпус текстов официальных лиц, описывающих события в Ираке (2003—2011) и Ливии (2011).

Сторона, на которую нападают, в текстах официальных лиц представлена как Жертва. Данная роль является изоморфной на современном этапе для модели «Сказки о справедливой войне». Эта роль обладает как универсальными семантическими характеристиками, так и культурно-специфическими. Также можно выделить универсальные и специфические языковые знаки, служащие для представления Жертвы.

В образе Жертвы доминирует идея невинности и незащитности, реализуемая единицами различных уровней языка. Выделяются общие и различающиеся языковые знаки представления *невинной Жертвы* в российском и американском дискурсах.

На лексическом уровне в обоих дискурсах представлены номинации, содержащие в основных или фоновых семах компонент 'невинность': *мирное население, граждане, невинные жители; civilians, innocent citizens*. Функционально, формально и со-

держательно эти знаки в двух дискурсах совпадают.

На морфосинтаксическом уровне идея невинности Жертвы реализуется особым рода словосочетаниями: *to save, liberate, free; защитить, спасти + Obj*. В качестве объекта выступает Жертва. Высказывания с такими словосочетаниями имеют следующую пресуппозицию: объект незащищен и невинен. В обоих дискурсах такие словосочетания, как *защитить, save, free + Obj* (Жертву), широко распространены:

1. *Россия защитила этот маленький народ* [Viperson.ru].

2. *Те решения, которые были приняты мною как Верховным Главнокомандующим, были эффективны. И самое главное — они защитили жизни людей* [Новости Delfi].

3. *The people you liberate will witness the honorable and decent spirit of the American military* [Kdchapter] / *Люди, которых вы освобождаете, будут свидетельствовать о благородном и порядочном духе американских военных* (перевод наш. — Е. М.).

4. *We struck regime forces approaching Benghazi to save that city and the people within it* [International Viewpoint] / *Мы нанесли удар по правительственным войскам, приближаясь к Бенгази, чтобы спасти город и народ в нем*.

Такого рода контексты в пресуппозиции имеют следующее содержание: народ не только притеснен, но и не может сам себя защитить. Сравним словосочетания с этими глаголами:

1. а) *save children, защитить детей* — б) **save military, защитить военных;*

2. а) *free children, освободить детей* — б) **free SEAL, освободить спецназ.*

Предложения части «б» верны только при том условии, что объект не в состоянии сам совершить активное действие. Поэтому употребление словосочетаний с такими глаголами, как *help, liberate, save, free, defend*, имплицитно передает информацию о незащитности, а следовательно, и о невинности Жертвы. Функционально, формально, содержательно эти знаки совпадают в обоих дискурсах.

Одним из лексических способов выражения идеи невинности является фрагментарное представление Жертвы посредством тех лексем, которые содержат на уровне фонового компонента сему 'слабость', 'беззащитность': *женщины, дети и старики; ребенок; child; women and children*:

1. *The lives of countless civilians—innocent men, women and children—have been saved* [Mid-day] / *Жизни многочисленного гражданского населения — невинных мужчин,*

женщин и детей — были спасены.

2. *Россия, исполняющая миротворческую миссию в соответствии с действующими международными договоренностями, принимает адекватные меры военного и политического характера по обеспечению незамедлительного прекращения насилия, защите мирных жителей: женщин, детей и стариков, — большинство из которых — граждане Российской Федерации* [РосБизнесКонсалтинг].

Описание Жертвы построено по принципу «высвечивания» определенной группы лиц. Для изображения используются такие лексемы, которые на ассоциативном уровне соотносятся с идеей невинности. Функционально эти знаки совпадают, однако прослеживается и формально-содержательное отличие: в американском дискурсе не упоминаются *старика* в качестве представителей беззащитной, невинной Жертвы, что, видимо, обусловлено отношением к пожилым людям в США: они не воспринимаются как беззащитные и пассивные.

Наряду с универсальными знаками, выделяются знаки особого типа, которые встречаются только в американском дискурсе. Так, для выражения идеи невинности Жертвы иракский, ливийский народы описываются с обращением к близким американцам ценностям, что реализуется на лексическом уровне посредством культурно и идеологически маркированных лексем. Это в первую очередь слова с семантическим ядром 'свобода': собственно *freedom* и однокоренное *free*, слова, описывающие лишение свободы — *torture chamber, persecution*. Так, иракцы изображаются лишенными свободы с помощью таких лексем, как *prison, jail*.

1. *Saddam would have remained in power — with all that entails: More mass graves, more children in prison, and more daily depredations of the Iraqi people* [US News.com] / *Саддам останется в силе со всеми вытекающими последствиями: больше массовых могил, больше детей в тюрьмах и каждодневные грабежи иракцев*.

2. *The true monuments of Saddam Hussein's rule have been brought to light — the mass graves, the torture chambers, the jail cells for children* [The White House. President George W. Bush] / *Подлинные памятники правления Саддама Хуссейна выплыли наружу: массовые могилы, камеры пыток, тюремные клетки для детей*.

Такое описание имплицитно передает информацию об общности американцев и иракцев: американцы защищают свободу, а иракцы страдают от угнетения.

С точки зрения функциональной типоло-

гии такие знаки являются знаками интеграции [Шейгал 2004] и могут встречаться в российском дискурсе при описании стороны Защитника. Однако при совпадении функций эти знаки будут различаться по содержанию, что обусловлено адресатом сообщения: на российскую аудиторию лексемы *свобода, свободный, тюрьма, освободить* не оказывают такого прагматического эффекта, какой их английские эквиваленты — на американскую аудиторию.

Итак, были рассмотрены сходства и различия в знаках вербализации идеи *невинной Жертвы*. Однако различия наблюдаются и на семантическом уровне представления Жертвы в двух дискурсах: Жертва может изображаться как активная или пассивная. Для американского политического дискурса характерно такое изображение Жертвы, при котором она сама не проявляет активности, в то время как для российского дискурса свойственно противоположное: Жертва активна и сама принимает решения.

Основным средством языкового оформления образа «пассивного народа» являются глаголы с социально маркированным компонентом значения, которые отражают «асимметричные ролевые отношения». Такие слова обладают двумя актантами, один из которых занимает более высокое положение, чем другой [Крысин 1989]. При этом субъект, занимающий более высокое положение, выступает как активный, изъявляющий волю, а субъект, занимающий ниже стоящее положение, лишь соглашается с волей другого. К глаголам с социально маркированным компонентом значения относятся *liberate, help, make free, give strength, transform*, которые устойчиво употребляются для описания отношений иракцев и американцев. Глаголы со значением активного действия относятся к американской нации, а не к народу Ирака. Следовательно, иракцы в таких контекстах будут выступать в качестве пассивного объекта, а роль семантического субъекта отводится американцам:

1. *Secretary Donald Rumsfeld (Department of Defense): On the president's order, coalition forces began the ground war to disarm Iraq and liberate the Iraqi people* [EBSCOhost] / *Секретарь Дональд Румсфельд (Департамент безопасности): „По приказу президента коалиционные силы начали наземную операцию по разоружению Ирака и освобождению иракцев“*.

2. *I sent American troops to Iraq to make its people free... There are five steps in our plan to help Iraq achieve democracy and freedom... America's task in Iraq is not only to defeat an enemy, it is to give strength to a friend — a*

free, representative government that serves its people ... We will help you (people of Iraq — E. M.) build a peaceful and representative government [EBSCOhost] / Я послал американские танки в Ирак, чтобы освободить народ... В нашем плане пять шагов, чтобы помочь Ираку достичь демократии и свободы... Задача Америки в Ираке состоит не только в том, чтобы победить Агрессора, но и чтобы поддержать друга — дать свободное представительное правительство, которое служит своему народу... Мы поможем вам (народу Ирака — E. M.) построить мирное и представительное правительство.

3. We are transforming a once-sick society into a hopeful place [EBSCOhost] / Мы преобразим некогда больное общество в надежное место.

4. My fellow citizens, at this hour, American and coalition forces are in the early stages of military operations to disarm Iraq, to free its people [Guardian] / Сограждане, в эти часы американские и коалиционные силы находятся на начальной стадии разоружения Ирака, чтобы освободить народ (Ирака — E. M.).

В приведенных примерах иракская нация выступает не активным субъектом действия (даже после свержения режима Саддама Хусейна), а пассивным объектом, над которым совершаются действия, обозначаемые глаголами *liberate, make free, give strength, disarm, transform*.

При описании отношений иракцев и правительства Ирака также используются слова с социально маркированным компонентом значения, которые принадлежат лексико-семантической группе «Угнетение»: *oppress, torture, persecution*.

1. Elsewhere, Middle East Watch found that the regime's mechanisms of control during 1991 and 1992 included: ...arbitrary arrests often in large numbers; surveillance; harassment and questioning of family members;... and the continued use of torture prior to and during interrogation [Human Rights Watch] / Группа, следящая за соблюдением прав человека на Среднем Востоке, зафиксировала, что механизмы контроля в 1991 и 1992 году включали произвольные аресты, часто в больших количествах; наблюдение; преследование и допрос членов семьи; длительное использование пыток до и во время допроса.

2. The United Nations and other international organizations had — again and again — documented Saddam's aggressions against his neighbors, tortures of the Iraqi people... [The White House. President George W. Bush] / ООН и другие международные организации

вновь и вновь документировали агрессию Саддама против соседних стран и мучения иракского народа...

Таким образом, при характеристике народа-Жертвы в американском дискурсе используется особого рода лексика, обозначающая асимметричные отношения между актантами. Агентом является американская нация или правительство Ирака, объектом — иракцы. Лексика с маркированным социальным компонентом значения позволяет задавать ролевую структуру, ролевой сценарий, который опирается на представления о неравном положении двух социальных субъектов, о пассивном, подчиненном состоянии иракцев.

Пассивное положение стороны Жертвы имеет особый прагматический эффект: такое представление реальности передает информацию о необходимости вмешательства Защитника (США), ведь Жертва не может сама себя защитить.

Для российского военного дискурса такое представление не характерно: Жертва активна. Так, при создании образа осетинского народа важно было подчеркнуть, что он является историческим субъектом. Д. Медведев прямо сказал: *...Южная Осетия и Абхазия объявили о своем суверенитете, и Россия признала их независимость [Сайт Президента РФ]*.

При этом действия российской стороны расцениваются как признание свершившегося факта, поскольку осетинский народ сам определяет свою судьбу. Лексически это оформляется с помощью предикатов. Предикаты, обозначающие ментальное действие и активную позицию субъекта, характеризуют осетинский народ (*принять решение, высказаться*):

1. Народы Южной Осетии и Абхазии неоднократно высказывались на референдумах в поддержку независимости своих республик [Сайт Президента РФ].

2. ...позиция Российской Федерации неизменна: мы поддержим любое решение, которое примут народы Южной Осетии и Абхазии, в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций... [Вести.Ru].

Единственный глагол активного действия, который устойчиво характеризуют действия России, — это *защищать*: *Россия защитила жителей Южной Осетии*. В прочих контекстах явно указывается на активную волю осетинского народа, что не совпадает с представлением образа Жертвы в американских текстах. В американском дискурсе не говорится о том, что иракцы решили свергнуть Саддама Хусейна, они только терпят (*endure*) и переносят притеснения

(*persecution*), но не решают и не создают. В российских текстах официальных лиц образ Жертвы основан на противоположном семантическом компоненте: осетинский народ сам является субъектом истории.

Можно выдвинуть гипотезу, что такое семантическое различие в представлении Жертвы обусловлено фактором адресата. Американский политический дискурс основан на вере американцев в Америку как сверхдержаву, которая имеет право решать судьбы других стран, более слабых и пассивных. Поэтому при описании военного конфликта изображается ответственная за *весь мир* сторона — Защитник — и пассивная, слабая Жертва. В массовой российской аудитории (если не принимать во внимание отдельные группы лиц с «имперскими» настроениями) вера в сверхдержаву слаба, Защитник не несет ответственность за мир, конфликт носит локальный характер. Когда конфликт исчерпан, Защитник отходит, а Жертва сама принимает решения, поэтому Жертва слаба, но не пассивна.

Обобщим сходства и различия в представлении Жертвы. На примере способов представления идеи невиновной Жертвы, которая актуальна для обоих дискурсов, были продемонстрированы возможные различия в знаках вербализации в российском и американском дискурсах. Семантические различия, а также различия в знаках вербализации могут быть в большинстве случаев объяснены фактором адресата сообщения, различиями в культурно обусловленных коммуникативных знаниях американской и российской аудитории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Будаев Э. В. Сказка о справедливой войне в средневековом политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2007. № 3(23). С. 19—22.
2. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Метафора в политической коммуникации. — М. : Флинта : Наука, 2007.
3. Крысин Л. П. Социальный аспект владения языком // Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка / Л. П. Крысин. — М., 1989. URL: http://www.filologbook.ru/sintaksis/krysyn_cozialnyi_aspekt_soderganiye.html.
4. Матыгина Е. Б. Метафорические системы в американском внешнеполитическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2009. № 2 (28). С. 87—91.
5. Чудинов А. П. Политическая лингвистика. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2003.
6. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. — М. : Гнозис, 2004.
7. Edelman M. The symbolic uses of politics. — Urbana : Univ. of Illinois Pr., 1964.
8. Hiebert R. Public Relations and Propaganda in Framing the Iraq War: A Preliminary Review // Public

Relations Review. 2003. Vol. 29, № 3. P. 243—255.

9. Kennedy V. Intended tropes and unintended metaphors in reporting on the war in Kosovo // Metaphor and Symbol. 2000. Vol. 15, № 4. P. 253—265.

10. Kuusisto R. Framing the Wars in the Gulf and in Bosnia: The Rhetorical Definitions of the Western Power Leaders in Action // Journal of Peace Research. 1998. Vol. 35. P. 603—620.

11. Lakoff G. Don't Think of an Elephant: Know Your Values and Frame the Debate. — Vermont : Chelsea Green Publishing, 2004.

12. Lakoff G. Metaphor and War: The Metaphor System Used to Justify War in the Gulf // VietNam Generation Journal & Newsletter. 1991. URL: http://www2.iath.virginia.edu/sixties/HTML_docs/Texts/Scholarly/Lakoff_Gulf_Metaphor_1.html.

13. Lule J. War and its metaphors: news language and the prelude to war in Iraq, 2003 // Journalism Studies. 2004. Vol. 5, № 2. P.179—190.

ИСТОЧНИКИ

14. *Воспоминания* Верховного Главнокомандующего России о ночи агрессии // Viperson.ru. URL: <http://viperson.ru/wind.php?ID=580311&soch=1> (дата обращения: 20.03.2012).

15. *Выступление* на встрече с представителями предпринимательского сообщества. // Сайт Президента РФ. URL: <http://президент.рф/выступления/1401> (дата обращения: 18.03.2012).

16. *Д. Медведев*: Россия в Осетии исполняет миротворческую миссию // РосБизнесКонсалтинг. URL: <http://top.rbc.ru/politics/08/08/2008/217634.shtml> (дата обращения: 22.03.2012).

17. *Медведев* лично принимал решения в августе 2008-го // Новости Delfi. URL: <http://rus.delfi.ee/daily/abroad/medvedev-lichno-prinimal-resheniya-v-avguste-2008-go.d?id=25000693> (дата обращения: 19.03.2012).

18. *Пресс-конференция* по итогам встречи с Президентом Франции Николя Саркози. // Сайт Президента РФ. URL: <http://президент.рф/выступления/1330> (дата обращения: 19.03.2012).

19. *Россия* признала независимость Южной Осетии и Абхазии. Полный текст выступления Дмитрия Медведева // Вести. Ru. URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=204043&cid=1> (дата обращения: 10.03.2012).

20. *Barack Obama's* Libya Speech and the Tasks of Anti-Imperialists. — International viewpoint // International Viewpoint. URL: <http://www.internationalviewpoint.org/spip.php?article2062> (дата обращения: 16.03.2012).

21. *Bush G.* 5 Step Plan for Democracy in Iraq Nation // EBSCOhost Online Research Databases. URL: <http://www.ebscohost.com/>, лицензионный. (дата обращения: 16.03.2012).

22. *George Bush's* address on the start of war // Guardian. URL: <http://www.guardian.co.uk/world/2003/mar/20/iraq.georgebush> (дата обращения: 10.03.2012).

23. *IRAQ*: Background on Human Rights Conditions, 1984—1992 // Human Rights Watch. URL: <http://www.hrw.org/reports/1993/iraq/> (дата обращения: 18.03.2012).

24. *Libya* mission saved lives of countless civilians:

Obama // Mid-day. URL: <http://www.mid-day.com/news/2011/mar/270311-libya-mission-barack-obama-muammar-gaddafi.htm> (дата обращения: 18.03.2012).

25. *Progress in Afghanistan and Iraq*. // The White House. President George W. Bush. URL: <http://www.presidentialrhetoric.com/speeches/07.01.03.html> (дата обращения: 15.03.2012).

26. *Rice C. Dr. Condoleezza Rice Discusses Iraq in Chicago* // The White House. President George W. Bush. URL: <http://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2003/10/20031008-4.html> (дата обращения: 17.03.2012).

27. *Sam Gardiner's* . Truth from These Podia: Sum-

mary of a Study of Strategic Influence, Perception Management, Strategic Information Warfare and Strategic Psychological Operations in Gulf II // US News.com. URL: www.usnews.com/usnews/politics/whispers/documents/truth.pdf (дата обращения: 20.03.2012).

28. *War in Iraq. — 2000—2009 Challenges and Change* // Kdchapter. URL: <http://kdchapter.wikispaces.com/War+in+Iraq> (дата обращения: 14.02.2012).

29. *We have Greatness... in our Future* // EBSCOhost Online Research Databases. URL: <http://www.ebscohost.com/>, лицензионный (дата обращения: 18.03.2012).

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, доц. М. Б. Ворошилова

УДК 811.11.1'27
ББК Ш143.21-7

ГСНТИ 16.21.27; 16.21.51

Код ВАК 10.02.19; 10.02.04

Е. Н. Молодыченко E. N. Molodychenko
Архангельск, Россия Arkhangelsk, Russia

**ТЕКСТОВОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ
ОБРАЗА ВРАГА В ИСТОРИИ И ПОЛИТИКЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ
ПРЕЗИДЕНТСКОГО ДИСКУРСА США)**

Аннотация. Анализируются способы текстовой репрезентации образа врага в американском политическом дискурсе последних 50 лет. Образ врага является текстовой проекцией универсальной семиотической категории «круг чужих». Границы и семантическое наполнение данной категории зависят в тексте от конкретной дискурсивной формации и ее доминирующей идеологии при сохранении неизменными способов конкретной текстовой актуализации данной категории на уровне отбора языковых средств, тактик, стратегий.

Ключевые слова: текст; анализ текста; анализ дискурса; политический дискурс; коммуникативные стратегии; социальный конструкционизм; «свои vs. чужие».

Сведения об авторе: Молодыченко Евгений Николаевич, кандидат филологических наук, доцент, кафедра теории и практики перевода.

Место работы: Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова.

Контактная информация: 163002, г. Архангельск, ул. Смольный Буян, 7, к. 300.
e-mail: e.molodychenko@gmail.com.

**ENEMY IMAGE CONSTRUCTION
IN HISTORY AND POLITICS
(THE CASE
OF US PRESIDENTIAL DISCOURSE)**

Abstract. This article undertakes an analysis of textual representation of enemy image in American political discourse spanning the past 50 years. It is contended that textual actualization of the enemy is the projection of the basic semiotic category of the 'other'. The ways in which the category is actualized in texts in terms of lexis, grammar, macro- and micro-strategies remain almost intact, despite the change of socio-economic orders and specific referents invoked in texts as enemies. Constructing enemy image in texts is contended to be the driving force of discursive construction of social world, maintaining social patterns and legitimizing actions in the best interest of specific political actors.

Key words: text; text analysis; discourse analysis; political discourse; text strategies; social constructionism; "us and them".

About the author: Molodychenko Evgeni Nikolayevich, Candidate of Philology, Associate Professor of the Chair of Theory and Practice of Translation.

Place of employment: Northern (Arctic) Federal University n.a. M.V. Lomonosov.

В основе всех популярных в последние годы подходов к анализу дискурса лежит общее представление о том, что способы текстовой репрезентации не просто нейтрально отражают внешний мир, системы идентичностей и социальных отношений, но активно участвуют в их изменении и создании новых [Jorgensen and Phillips 2002: 1].

Подобная позиция, определяющая теоретические и методологические основы дискурс-анализа, базируется на принципах философии социального конструкционизма, для которой характерны четыре общие посылы [Там же: 9—12]. Во-первых, это критическое отношение к само собой разумеющемуся знанию. Наши знания о мире не следует рассматривать как нечто объективное: реальность доступна через посредничество категорий, т. е. наши знания и репрезентации не отражают реальность «как таковую», но скорее являются результатом специфических способов ее категоризации, или, в дискурс-аналитических терминах, наши

знания суть продукты дискурса. Во-вторых, это историческая и культурная обусловленность знаний о мире. Наши знания о мире — результат вписанных в конкретный исторический контекст дискурсивных взаимодействий между людьми. Дискурс в таком случае является формой социального поведения, участвующего в создании социального мира, включающего знания, идентичности и социальные отношения, а следовательно, и в закреплении и поддержании конкретных социальных паттернов. В-третьих, это связь знания и социальных процессов: наши знания о мире создаются и закрепляются в процессе социального взаимодействия, где различные акторы оспаривают право на фиксацию своей, единственно верной, интерпретации действительности. В-четвертых, это связь знания и социального поведения: определенные способы интерпретации действительности делают одни шаблоны поведения вполне естественными, другие — неприемлемыми.

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РГНФ 12-24-20000 «Национальный политический дискурс: история как современность».

© Молодыченко Е. Н., 2012

Одним из измерений интерпретации действительности, задаваемым дискурсивно и политически, является групповое деление общества. Как известно, наиболее радикальной и инклюзивной здесь будет так называемая оппозиция «свои — чужие», повсеместно эксплуатируемая в политической коммуникации. Подобно прочим вариантам дискурсивного «дробления» мира, такая категоризация может обуславливать определенные действия, причем не только и не столько дискурсивного характера [См., например: Leudar et al. 2004].

Проведенное нами исследование американского политического дискурса в диахроническом разрезе позволяет сделать некоторые выводы относительно актуализации категории «враг» в политической коммуникации США на историческом отрезке примерно в 50 лет. Во-первых, на выбранном временном отрезке (1961—2008 гг.) дифференцируются две дискурсивные формации — дискурс холодной войны и дискурс нового мирового порядка. Во-вторых, обе дискурсивные формации характеризуются четкой антагонистической ориентированностью: доминантами текстопорождения являются две полярные категории: «круг своих» и «круг врагов», — имеющие, однако, различные референциальные индексы в этих двух формациях. Последнее утверждение позволило, далее, выдвинуть предположение, что моделируемый в текстах американского политического дискурса образ врага представляет собой проекцию универсальной когнитивной и семиотической категории «круг чужих». Категория «круг чужих» является вариативной и подвижной: ее границы и наполнение при реализации определяются особенностями общественно-политической практики и задаются при помощи лингвистических средств в текстах, отражающих данную практику.

Предметом анализа в данной работе стали публичные речи президентов США Дж. Кеннеди, Р. Никсона, Дж. Картера и Р. Рейгана, запечатлевающие эпоху, называемую холодной войной, и, как показано в нашем исследовании, формирующие дискурс холодной войны (ДХВ). Также проанализированные нами речи президентов Дж. Буша, Б. Клинтона и Дж. Буша-младшего коррелируют с эпохой, называемой некоторыми исследователями новым мировым порядком [См., например: Dunmire 2009]), и образуют в совокупности дискурс нового мирового порядка (ДНМП).

Для описания принципов текстового моделирования образа врага был использован стратегический подход, т. е. вся совокуп-

ность использованных разноуровневых языковых средств рассматривалась в разрезе определенных коммуникативных стратегий, тактик, коммуникативных ходов.

Детальный анализ текстов публичных речей, являющихся частью дискурса холодной войны и дискурса нового мирового порядка, позволил выделить тактические приемы и средства прагматического фокусирования комплексного образа врага, реализующие в совокупности три частных стратегии: (1) стратегию создания круга «чужих»; (2) стратегию создания фантомной угрозы; (3) стратегию демонизации врага. Каждая стратегия рассматривается как в результате, представленном совокупностью средств прагматического фокусирования в тексте определенных необходимых отправителю смыслов, так и в процессуальном аспекте, охватывающем различные тактические приемы и коммуникативные ходы, реализующие их.

Стратегия создания круга «чужих» заключается в моделировании в тексте посредством различных языковых средств образа «чужих», которые оцениваются («своими») как думающие/действующие враждебно по отношению к американцам и американским ценностям. В ДНМП круг «чужих» актуализируется посредством лексем, фокусирующих в ткани текста смысл «враг» (“*enemy*”) преимущественно 1) через прямые номинации, например с использованием ярлыков *enemy, terrorist, tyrant, dictator, killer* и др.; 2) через номинацию частотных видов деятельности и прочих явлений, ассоциируемых с «чужими», например посредством прагматически заряженных лексем *agression, repression, terror, torture, murder* и прочих, создающих семантическое поле с пейоративной семантикой; 3) через дисфемистическое описание вооружения врагов, например: *weapons of mass murder, terrible weapon, instruments of terror, instruments of mass death and destruction, the most lethal weapons ever devised*.

Фокусирование образа врага и создание семантического поля «чужого» в ДНМП достигается в первую очередь прямой «категоричной» номинацией агентов с использованием следующих частотных идеологических ярлыков с пейоративной семантикой: *terrorist, tyrant, dictator, regime*; ярлыком-гиперонимом для данной подгруппы выступает лексема *enemy* (например, в следующих сочетаниях: *ruthless and resourceful enemy, we must take the battle to the enemy, the nature of the enemy, America faces an enemy*). Помимо указанных выше номинаций анализ текстов также позволил выявить в

ДНМП использование следующих инвективных ярлыков: 1) сочетаний с лексемой *evil* (например, *evil men*), 2) целой группы номинаций, объединенных семой «лишение жизни», «убийство», а именно *killers, murderers, assassins, thugs*, 3) номинаций с семами «криминальный», «незаконный», например субстантивированного прилагательного *the lawless*, а также сочетания *the lawless men, outlaw groups and regimes, criminal gang, gang of fanatics, extremists, gangsters, aggressors* и некоторых других. **Характерной особенностью ДНМП** является создание интегративного образа врага, объединяющего две группы агентов — «террористов» и «тиранов». Текстовая актуализация врага как интегративного образа в лице террористов и «тирана» Саддама Хусейна описанными лексемами иллюстрируется следующим примером из обращения Дж. Буша-младшего: *Failure to act would embolden other tyrants, allow terrorists access to new weapons and new resources, and make blackmail a permanent feature of world events* [Bush 2002].

В данном примере средством интегрирования двух агентов в единый образ врага является использование бессоюзной связи. Лексемы *terrorists* и *tyrants* представлены в качестве однородных дополнений, а сама структура предложения как бы стирает различия и уравнивает две подгруппы, как если бы речь шла об одних и тех же субъектах. Использование такого приема позволяет автору устанавливать нужные семантические связи между отдельными элементами текста, которые затем переносятся и на экстралингвистическую реальность. В результате синонимами могут стать объекты и явления, за пределами текстового целого синонимами не являющиеся.

Особенностью моделирования образа врага в ДХВ является его текстовая актуализация посредством различных лексических средств, фокусирующих смысл «соперник» и «соперничество»: *adversary, competitor, competition*. Образ врага в текстах ДХВ представлен единой группой агентов, а именно Советским Союзом или, шире, коммунизмом/тоталитаризмом. Наиболее значимыми ярлыками, используемыми в ДХВ, являются лексемы *enemy, foe, adversary, aggressor*, а также идеологемы *communists, totalitarians*. Лексема *enemy*, представляющая собой гипероним для всех прочих встречающихся номинаций, используется в текстах ДХВ достаточно «аккуратно», «не категорично», как правило, в сочетаниях типа *enemies of freedom*. Примеры прямого семантического отождествления СССР и *enemy* выявлены не были.

Несмотря на наличие в текстах ДХВ отдельных примеров употребления лексемы *enemy* для актуализации образа врага, в тех случаях, когда подчеркивается антагонистическое позиционирование СССР, чаще всего используется лексема *adversary*. Отсюда следует важный вывод о том, что при моделировании отношений США и СССР внимание в тексте фокусируется не на смысле «война», а скорее на семе «соперничество». При этом примеры использования прямой номинации с лексемой *adversary* также чрезвычайно редки: в большинстве случаев то, что СССР является соперником США, подается имплицитно, выводится из контекста. Рассмотрим следующий пример из инаугурационного обращения президента Дж. Кеннеди: *Finally, to those nations who would make themselves our adversary, we offer not a pledge but a request: that both sides begin anew the quest for peace, before the dark powers of destruction unleashed by science engulf all humanity in planned or accidental self-destruction* [Kennedy 1961].

В тексте не содержится эксплицитного указания на то, кто конкретно является «соперником» США, но исходя из широкого и узкого контекстов можно сделать вывод, что речь идет в первую очередь об СССР. Интересно отметить еще один «страховочный» прием, используемый президентом: формулировка *those nations, who would make themselves our adversaries* снимает ответственность с США за начало противостояния и перекладывает ее на соперника (*who would make themselves our adversaries* — буквально «которые захотят сделать себя нашими соперниками»). Смысл «соперничество» также актуализируется в тексте использованием лексемы *request*, семантика которой предполагает существование менее напряженных отношений между сторонами, чем, например, в случае использования лексемы *demand* (обнаруживаемой в текстах ДНМП).

Наиболее значимым тактическим приемом реализации стратегии создания круга «чужих» в ДХВ и ДНМП является тактика поляризации «своих» и «чужих». Основой тактики поляризации выступает антитеза в широком смысле, понимаемая как композиционный прием, доминанта порождения текста. Специфическими характеристиками реализации данной тактики также являются редуционизм и использование номинаций с явной мелиоративной семантикой для создания «круга своих» и с явной пейоративной семантикой для создания «круга чужих». Мы полагаем, что такой способ текстовой актуализации «своих» и «чужих» позволяет све-

сти все «напряжение», возникающее между двумя полюсами, к «противостоянию» двух различных «наборов» лингвистических ярлыков. Одни стереотипные номинации противопоставлены другим, при этом никаких причин и обоснований на основе аргументации или фактов не требуется: противопоставление двух миров может быть объяснено лишь *в силу конфликта самих языковых номинаций и их языковой семантики*. Подобная рецептивная программа, заложенная в текст его автором, активизирует более простую схему восприятия со стороны реципиента. На анализ объективных каузальных связей между явлениями может быть потрачен минимум когнитивных усилий, так как реципиенту предоставлен в распоряжение уже готовый редуцированный шаблон восприятия действительности. Реализации в тексте данной рецептивной программы также способствует переход на более высокий уровень абстракции при текстовой актуализации «своих» и «чужих». Для подтверждения данного положения приведем следующий пример из радиообращения Дж. Буш-младшего: *I will continue reaching out to friends and allies, including our partners in NATO and the European Union, to promote development and progress, to defeat the terrorists, and to encourage freedom and democracy as the alternatives to tyranny and terror* [Bush 2004].

Одним из средств перехода на более генерализированный уровень описания являются так называемые политические аффективы, под которыми подразумеваются слова без точного понятийно-логического содержания, поддающиеся различным трактовкам, но при этом отличающиеся сильной эмоциональной оценочностью, вследствие чего они апеллируют к эмоциональному мышлению индивида, отчасти блокируя рациональное восприятие [Шейгал 2000: 115—116]. Политический аффектив является разновидностью «семантически пустых слов». В вышеприведенном примере пространство «своих» формируется абстрактными аффективами *development, progress, freedom и democracy*, которые противопоставлены абстрактным пейоративным аффективам *tyranny и terror*. Что конкретно скрывается под этими номинациями и на каком (объективном) основании противопоставляется, в тексте не выражено. Таким образом, мы полагаем, что противопоставление «своих» и «чужих» обусловлено в данном примере лишь конфликтом языковой семантики указанных аффективов.

В ДХВ реализация тактики поляризации имеет аналогичную специфику (редукцио-

низм, использование номинаций с явной мелиоративной семантикой для создания «круга своих» и с явной пейоративной семантикой для создания «круга чужих», переход на более генерализированные уровни описания). Отличительной особенностью реализации стратегии создания круга «чужих» в ДХВ, однако, является то, что наряду с тактикой поляризации в текстах ДХВ также используется диаметрально противоположная по своей природе тактика кооперации. Суть данного тактического приема сводится к отражению в ткани текста тенденции не к разобщению, а, напротив, к сближению двух антагонистических групп. При этом две данные тенденции (поляризация и кооперация) существуют *в текстах параллельно друг другу*. Очевидно, развертывание двух данных тактик является текстовой проекцией диалектического единства двух разнонаправленных тенденций в отношениях между СССР и США. Примечательно в данном отношении следующие высказывание президента Дж. Картера из его речи, произнесенной всего за несколько месяцев до введения советских войск в Афганистан, повлекшего ухудшение отношений между двумя государствами: *The United States and the Soviet Union are the two most powerful nations on Earth, and the relationship between us is complex, because it involves strong elements of both competition and cooperation* [Carter 1979].

В текстовой плоскости данное единство противоположностей выражается следующим образом: подчеркиваются различия и полярное позиционирование двух миров, но одновременно говорится и о возможности сближения, ср. следующий иллюстративный пример, взятый из выступления президента Р. Рейгана: (1) *Our third task is to establish a better working relationship with each other, one marked by greater cooperation and understanding.* (2) *Cooperation and understanding are built on deeds, not words.* (3) *Complying with agreements helps; violating them hurts.* (4) *Respecting the rights of individual citizens bolsters the relationship; denying these rights harms it.* (5) *Expanding contacts across borders and permitting a free exchange or interchange of information and ideas increase confidence; sealing off one's people from the rest of the world reduces it.* (6) *Peaceful trade helps, while organized theft of industrial secrets certainly hurts* [Reagan 1984].

Как видно из приведенного примера, тенденция к кооперации, сближению актуализируется семантикой таких лексем, как *working relationship* (1), *each other* (1), *cooperation, understanding* (1, 2), *to bolster rela-*

tionship (4), confidence (5). Начиная с третьего предложения (3) появляется противоположная тенденция — противопоставление, поляризация. Противопоставление осуществляется на основании отношений «своих» и «чужих» к понятиям *cooperation* и *understanding*. Все элементы негативной характеристики (например, *violating, denying ... rights, stealing off people from the rest of the world* и т. д.) характеризуют определенные аспекты образа врага, т. е. СССР. Антонимически актуализируемые элементы соответственно воспринимаются как характеризующие США (ср.: *complying with agreements, respecting the rights, peaceful trade* и т. д.). Таким образом, совокупности семантики двух данных комплексов характеристик образуют два антагонистических поля.

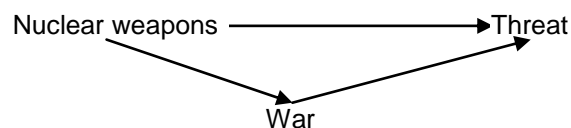
Средством реализации тактики кооперации является также включение антагониста в одну референтную группу с адресатом посредством использования инклюзивных местоимений *we/our/us*. Для подтверждения данного положения рассмотрим следующий иллюстративный пример из выступления Р. Никсона на Генеральной Ассамблее ООН 23 октября 1970 г.: *Despite the deep differences between ourselves and the Soviet Union, there are four great factors that provide a basis for a **common interest in working together** to contain and **to reduce** those **differences**. // The first of these factors is at once the most important and the most obvious. Neither of us wants a nuclear exchange that would cost the lives of tens of millions of people. Thus, **we have a powerful common interest** in avoiding a nuclear confrontation. // The second of these factors is the enormous cost of arms. Certainly **we both** should welcome the opportunity to reduce the burden, to use **our resources** for building rather than destroying. // The third factor is that **we both** are major industrial powers, which at present have very little trade or commercial contact **with one another**. It would clearly be in the economic self-interest of **each of us** if world conditions would permit **us** to increase trade and contact **between us**. // The fourth factor is the global challenge of economic and social development. The pressing economic and social needs around the world can give **our** competition a creative direction [Nixon 1970].*

Объединение двух соперничающих сторон в одну группу осуществляется посредством употребления инклюзивного местоимения *we/our/us*. Дополнительными средствами актуализации «кооперации» в тексте являются прочие лексические единицы с семантикой «объединения», концентрированно представленные в данном отрывке: *common*

interest, working together, to reduce differences, we both, with one another.

Одним из аспектов создания комплексного образа врага является **моделирование исходящей от него угрозы**, направленной на «своих». Угроза моделируется путем развертывания в текстах ДНМП и ДХВ отдельной стратегии, представленной совокупностью разнообразных тактик. Мы полагаем, что моделируемая в дискурсе нового мирового порядка и холодной войны угроза является фантомной, т. е. создается языковыми средствами в ткани и плоскости текста, но не отражает истинного положения вещей в реальном мире. Средством прагматического фокусирования угрозы в ткани текста является прежде всего концентрированное использование лексических единиц с семантикой “threat”, “danger” и т. д. Особенностью актуализации угрозы в текстах ДНМП является непосредственное отождествление агентов группы «враг» с угрозой. Так, в качестве угрозы репрезентируется режим Саддама Хусейна или террористические организации, ср.: *But now the march of freedom must not be **threatened** by the man [Saddam Hussein] whose invasion of Kuwait is causing great economic hardship in the countries which can afford it the least [Bush 1990]; But the only way to defeat terrorism as a **threat** to our way of life is to stop it... [Bush 2001].*

Важным отличием репрезентации угрозы в ДХВ является то, что связь группы «чужих» с образом угрозы в большинстве случаев не устанавливается напрямую. Если в ДНМП часто можно встретить пропозиции, у которых семантическую связь компонентов можно описать по схеме «Iraq = Threat», то в ДХВ такая схема усложняется необходимостью включения в нее промежуточных звеньев и может быть представлена в следующем виде:

Данная схема эксплицируется такими выделенными нами из текстов ДХВ лексемами и их сочетаниями, как *the nuclear threat, the threat of nuclear weapons, the arsenals of destructive weapons threatening the world, the awesome Soviet missile threat, the threat of nuclear war, the threat posed by strategic nuclear missiles, to avert the threat of war, to reduce the danger of nuclear war, an increased danger of conflict, the danger of nuclear holocaust, to reduce the risk of war, the risk of a conventional military conflict escalating to nuclear war, the risks of serious confrontation,*

the risk of nuclear confrontation, the risk of surprise attack, the risk of nuclear war и т. п. Другим оказывающимся в фокусе образом — источником угрозы в текстах ДХВ является коммунизм/тоталитаризм. Данный образ актуализируется в тексте сочетаниями *the danger of communism, the expansion of totalitarian rule, the threat of totalitarianism, the treat of totalitarian ideology* и пр. Таким образом, считаем возможным говорить об актуализации в текстах ДХВ двух основных образов, являющихся источниками угрозы для США: образа «ядерного оружия / ядерной войны» и «коммунизма/тоталитаризма».

Анализ текстов ДХВ свидетельствует, что наиболее активное употребление различных средств актуализации и прагматического фокусирования угрозы наблюдается в текстах публичных речей президента Дж. Кеннеди. Так, например, в одном только обращении президента к Американской ассоциации издателей газет (American Newspaper Publishers Association) встречаются такие примеры фокусирования внимания на угрозе: *in the face of a common danger, this deadly challenge, our country's peril, our way of life is under attack, the survival of our friends is in danger* [Kennedy 1961a]. Все текстовые актуализации угрозы семантически связаны с создаваемым в речи образом Советского Союза как врага США.

Актуализацию образа ядерного оружия как источника угрозы в текстах ДХВ можно проиллюстрировать следующим примером из речи Дж. Кеннеди в Американском университете: *The conclusion of such a treaty [Nuclear Test Ban Treaty], so near and yet so far, would check the spiraling arms race in one of its most dangerous areas. It would place the nuclear powers in a position to deal more effectively with one of the greatest hazards which man faces in 1963, the further spread of nuclear arms* [Kennedy 1963].

Одним из тактических приемов, выделенных нами в составе данной тактики, является моделирование альтернативного будущего. Данная тактика реализуется в речевом акте прогноза, который является специфическим средством ориентации, связанным с анализом будущего, а не настоящего или прошлого в мире политики. Основным признаком прогноза является интенция — высказать предположение о вероятном течении событий, а именно о том, *что* должно произойти в случае отсутствия тех или иных действий со стороны США. Данный вид прогноза является так называемым прогнозом-регулятивом [См.: Шейгал 2000]. Наиболее частотные лингвистические средства реализации этой тактики — будущее время, сосла-

гательное наклонение, маркеры вероятностной модальности.

Проведенный нами анализ показывает, что основным средством конструирования темного альтернативного будущего в ДНМП являются средства с вероятностной модальностью. Вероятностная модальность, или «возможность», понимается как хотя и реально существующая, но скрытая тенденция данной действительности, как то, что может стать, но может и не стать действительностью [Антонова 2007: 9].

Модальность возможности как категория современного английского языка представляет собой сложное пересечение нескольких подкатегорий: *possibility, opportunity, likelihood, chance*, — воспринимаемых вариантами центрального понятия и являющихся конвенциональными для данного общества [Там же: 10]. Для реализации обсуждаемой тактики используется преимущественно подкатегория *possibility*.

Наиболее частотными средствами актуализации вероятностной модальности в анализируемом нами текстовом корпусе являются модальные глаголы со значением *possibility*. Превалирующим по частотности и практически единственным употребляемым в такой функции модальным глаголом является глагол *can/could*, ср.: (1) *The danger is clear: using chemical, biological or, one day, nuclear weapons, obtained with the help of Iraq, the terrorists could fulfill their stated ambitions and kill thousands or hundreds of thousands of innocent people in our country, or any other.* // (2) *The United States and other nations did nothing to deserve or invite this threat.* (3) *But we will do everything to defeat it.* (4) *Instead of drifting along toward tragedy, we will set a course toward safety.* (5) *Before the day of horror can come, before it is too late to act, this danger will be removed* [Bush 2003].

Как видно из приведенного примера, при помощи модальности *possibility* автор моделирует «темный» вариант будущего (см. употребление глаголов *can* и *could* в (1) и (5) предложении). Формированию образа угрозы способствуют прочие составляющие текстовую ткань языковые средства. Так, лексемы *danger* (1) и *threat* (2), основные актуализаторы угрозы в тексте, а также лексема *horror* (5) эксплицитно позиционируют моделируемую ситуацию как опасную. Такое позиционирование подкрепляется детальным указанием конкретных элементов «угрозы» (1) (*chemical, biological, nuclear weapons*), употреблением ярлыка *terrorists*, а также подчеркнута эмоциональным описанием смерти беззащитных людей (*kill thousands or hundreds of thousands of innocent people*).

Дополнительно угроза «приближается» к реципиенту указанием возможного места развертывания событий: *our country*. В четвертом предложении (4) эксплицитно указывается на наличие только двух вариантов будущего (см. использование конструкции *instead of ... we will ...*) — это вариант реализации стратегии редуционизма.

Вероятностная модальность также актуализируется такими лексемами, как *sapability, chance, danger, odds, opportunity, plausibility, potential, risk* и т. д. (для подкатегории *possibility*). В анализируемых нами текстах в такой функции наиболее частотны лексемы *risk, fear, danger*. Рассмотрим следующий пример с использованием слова *risk*: *Saddam Hussein is harboring terrorists and the instruments of terror, the instruments of mass death and destruction. And he cannot be trusted. The risk is simply too great that he will use them, or provide them to a terror network* [Bush 2002].

Как видно из данного примера, модальность возможности используется для конструирования гипотетической ситуации будущего (ср.: *the risk is ... that he will use ... or provide*). При этом возникновение такой ситуации оценивается как *очень* вероятное, что подчеркивается употреблением прилагательного *great* с интенсификатором *too* в качестве именной части сказуемого. Интенсивность картины «темного» будущего определяется использованием в описании эмоционально-оценочных ярлыков *terrorists, mass terror*, апокалиптичность дополнительно усиливается прагмемами *mass death and destruction*.

Еще одним способом реализации описываемой тактики является использование средств футуральности. Так, в следующем отрывке альтернативное будущее моделируется в придаточном предложении времени с использованием грамматических форм Present Tense: *But Saddam Hussein has defied all these efforts and continues to develop weapons of mass destruction. The first time we may be completely certain he has a — nuclear weapons is when, God forbids, he uses one. We owe it to all our citizens to do everything in our power to prevent that day from coming* [Bush 2002a].

В приведенном отрывке автором создается два альтернативных варианта развития событий: «темное будущее», описываемое здесь в терминах ядерной угрозы (*weapons of mass destruction, nuclear weapons*), может быть предотвращено *только* в случае активных военных действий со стороны США (*do everything in our power to prevent that day from coming*). Автором также используется

обстоятельное придаточное предложение времени (*when ... he uses one*). Мы полагаем, что такой тип придаточного предложения, в отличие от придаточного условия, прогнозирует развитие событий, моделируемых пропозицией, с гораздо большей долей вероятности: ситуация преподносится как такая, которая должна *неминуемо* наступить.

Частотным средством реализации приема «создания альтернативного будущего» является использование форм субъюнктива. Наиболее употребительна аналитическая форма «*would + infinitive*». Она обозначает гипотетическое действие либо как воображаемое следствие гипотетических условий, либо как реальную возможность. Подобная грамматическая семантика определяет использование этой формы как средства реализации описываемой тактики: *Failure to act would embolden other tyrants, allow terrorists access to new weapons and new resources, and make blackmail a permanent feature of world events. The United Nations would betray the purpose of its founding, and prove irrelevant to the problems of our time. And through its inaction, the United States would resign itself to a future of fear* [Bush 2002].

В приведенном примере посредством сослагательного наклонения моделируется гипотетическая ситуация угрозы с перечислением различных явлений, связанных гиперогипонимическими отношениями (*would embolden ... tyrants, would make blackmail a permanent feature, would betray*). В роли гиперонима и «общего знаменателя» для перечисленных явлений выступает выражение *future of fear* («альтернативное темное будущее»). Как и в предыдущих примерах, основная интенция автора — показать *необходимость* активных действий (ср.: *failure to act*).

Тем самым, как мы полагаем, реализующий данную тактику прогноз-регулятив служит *универсальным средством оправдания определенных политических действий*, которые предлагает предпринять политик, чтобы предотвратить наступление (моделируемого описанными выше средствами) темного будущего. Данное положение подтверждается использованием описываемой тактики тремя президентами в тех случаях, когда существовала необходимость оправдать наступательную активность со стороны США.

Анализ текстового корпуса ДХВ показал, что одним из основных текстовых средств моделирования альтернативного будущего также являются лексемы с модальным значением *possibility (possibility, risk, danger*

и др.). Однако моделируемые при помощи них потенциальные ситуации будущего представлены в ДХВ *свернутой пропозицией*, например отглагольным существительным, как в следующем примере из выступления Р. Рейгана: *We have proposed a set of initiatives that would reduce substantially nuclear arsenals and reduce the **risk of nuclear confrontation*** [Reagan 1984].

Модель потенциальной ситуации будущего (*nuclear confrontation*) достаточно «плоская», представлена в упрощенном виде номинализацией *confrontation*; семантические роли агенса и пациенса редуцированы. Мы считаем, что в речевоздействующем аспекте такое моделирование потенциально опасных ситуаций будущего не может быть столь же успешным, как при наличии полной пропозиции, в которой семантическую роль агенса заполняют агенты круга «чужих», а предикат соответственно выражает то или иное угрожающее интересам, жизни, ценностям реципиента действие.

В качестве средства моделирования потенциального будущего в текстах ДХВ также используются модальные глаголы. Употребление модальных глаголов в данной функции можно разделить как минимум на два типа. Первый тип демонстрирует следующий пример из речи Р. Рейгана, посвященной национальной безопасности: *During the past decade and a half, the Soviets have built up a massive arsenal of new strategic nuclear weapons — **weapons that can strike directly at the United States*** [Reagan 1983].

Форма *can strike* актуализирует в тексте грамматическое значение скорее теоретической возможности (*theoretical possibility, possibility of an idea*), т. е. обладания определенными характеристиками, которые позволяют осуществить то или иное действие, чем вероятности возникновения такой ситуации в будущем (*possibility in a specific situation*). Для актуализации в тексте последнего значения (*possibility in a specific situation*), как правило, используется форма *could*. Следует также отметить, что и в данном примере не обнаруживается актуализации врага в роли агенса угрожающего действия: агенсом является ядерное оружие (*strategic nuclear weapons*).

Второй тип употребления модальных глаголов связан с моделированием в тексте более конкретной ситуации потенциального будущего. Модальные глаголы в таких примерах, как правило, используются совместно с другим средством моделирования альтернативного будущего — сослагательным наклонением. Рассмотрим пример из радио- и телеобращения Дж. Кеннеди к гражданам

США, посвященного вопросам заключения соглашения о запрете испытаний ядерного оружия (on the Nuclear Test Ban Treaty): *A war today or tomorrow, **if it led** to nuclear war, **would not be like any war in history**. A full-scale nuclear exchange, lasting less than 60 minutes, with the weapons now in existence, **could wipe out** more than 300 million Americans, Europeans and Russians, as well as untold millions elsewhere. And the survivors, as Chairman Khrushchev warned the Communist Chinese, “the survivors **would envy the dead**,” for they **would inherit** a world so devastated by explosion and poison and fire that today we cannot even conceive of its horrors* [Kennedy 1963a].

Комплексным использованием модальных средств и сослагательного наклонения текст моделирует потенциальную ситуацию темного будущего (*if it led, would not be, could wipe out, would envy, would inherit*). Эмоциональность и выразительность описания достигается употреблением различных языковых единиц с «апокалиптической» семантикой (*devastated, explosion, poison, horrors, wipe out* и др.). Как и в предыдущих случаях, принципиальным моментом является отсутствие врагов в роли агентов угрожающего действия.

Лишь в редких случаях при моделировании альтернативного будущего враг может выступать в тексте в роли агенса. При этом такая актуализация имеет определенную специфику. Рассмотрим пример: ***The Communists control over a billion people, and they recognize that if we should falter, their success would be imminent*** [Kennedy 1961b]. В этой цитате в роли агенса выступает один из стандартных образов врага — *Communism*. Отличием данного примера от приведенных выше, однако, является то, что для актуализации ситуации альтернативного будущего в тексте не используется «апокалиптическая» лексика (ср. употребление существительного *success*).

Из сказанного выше вытекает важный вывод: реализация тактики создания альтернативного будущего в текстах ДХВ отличается от реализации аналогичной тактики в текстах НМП по ряду параметров. Кардинальным отличием является то, что в текстах ДХВ агенты «круга чужих» не актуализируются в тексте в семантической роли агенса угрожающего действия. Этому в первую очередь способствует текстовая актуализация потенциальной будущей ситуации посредством номинализаций, нейтрализующих семантические актанты, свойственные развернутой пропозиции. При использовании полной пропозиции в качестве агентов

угрожающего действия в большинстве случаев выступает ядерное оружие / ядерная война.

Реализация **стратегии демонизации врага** в ДХВ и ДНМП основана на развертывании в тексте так называемого прототипического сценария демонизации. Сценарий демонизации описывает инвариантную ситуацию совершения насильственного действия «агрессором» по отношению к «жертве». Основным средством актуализации прототипического сценария в ткани текста является использование дисфемизмов с пейоративной семантикой для описания совершаемого «агрессором» действия и специально отобранного комплекса лексических единиц с общей семантикой “innocence”, “weakness” для текстовой репрезентации «жертвы». Обусловленный развертыванием сценария демонизации перлокутивный эффект основывается, во-первых, на напряжении, возникающем между семантикой двух обозначенных комплексов лексических единиц, во-вторых, на высоком уровне лексической конкретизации при описании ситуации агрессии. Эффект семантической избыточности создается введением в текст дублирующих друг друга высказываний, описывающих одну и ту же ситуацию действительности с использованием разных пейоративных языковых средств. Механизмы текстовой актуализации сценария демонизации обнаруживают принципиальное сходство в двух рассматриваемых дискурсах. Проиллюстрируем текстовое развертывание прототипического сценария демонизации примером из обращения президента Б. Клинтона к населению США по поводу ситуации в Косово: *Now they've started moving from village to village, **shelling civilians and torching their houses. We've seen innocent people taken from their homes, forced to kneel in the dirt, and sprayed with bullets; Kosovar men dragged from their families, fathers and sons together, lined up and shot in cold blood. This is not war in the traditional sense. It is an attack by tanks and artillery on a largely defenseless people whose leaders already have agreed to peace*** [Clinton 1999].

В первом предложении инвариантный сценарий демонизации конкретизируется в описании осуществления врагом действий военного характера по отношению к «беззащитным жертвам». Смысл «жестокость агрессора» репрезентируется в ткани текста напряжением между предикатом *to shell* (ср.: *to bombard with artillery shells*), характеризующим достаточно масштабное по своему характеру военное действие, и его объектом — мирными жителями (*civilians*). Сле-

дующим шагом автора является переход к эмоциональному описанию с *высоким уровнем конкретизации*. Воссоздаваемая ситуация выглядит очень реалистичной и конкретной: автор не просто бессистемно перечисляет действия, а приводит их в точной последовательности совершения: (1) *innocent people taken from their homes* → (2) *forced to kneel in the dirt* → (3) *and sprayed with bullets*. Дополнительным средством создания перлокутивного эффекта при текстовом развертывании прототипического сценария является своеобразный синтаксический параллелизм и семантическая избыточность. Предложения в рассматриваемом отрывке образуют дублирующие друг друга пары, каждое последующее предложение либо повторяет предыдущее с более высокой степенью лексической конкретизации:

men dragged from their families,
 ↓
 innocent people taken from their homes —
 либо просто повторяет содержание предыдущего с использованием иных лексических средств:
 forced to kneel ... and sprayed with bullets,
 ↓
 lined up and shot.

Описанный коммуникативный ход создает в ткани текста пространство с высокой концентрацией лексических единиц, обладающих специфической пейоративной семантикой, и тем самым выступает в роли средства выдвижения на передний план нужного отправителю смысла. Семантическая избыточность и взаимная включаемость одного компонента другим создает яркий, запоминающийся образ, воздействует на эмоциональное мышление реципиента. Замкнутость логической структуры определяется возвращением в конце примера к начальной модели — применению военной силы к мирным жителям, ср.: *tanks and artillery* ↔ *defenseless people*.

Аналогичные средства демонизации врага используются и в ДХВ. Текстовое развертывание стратегии демонизации представлено в первую очередь в текстах, тематически связанных с политикой СССР в Афганистане. Средства прагматического фокусирования «жестокости» врага и текстовая актуализация прототипических сценариев демонизации фрагментарно обнаруживаются в текстах, соотнесенных с периодом Вьетнамской войны. В роли врага, чей образ подвер-

гается демонизации, в данных текстах выступает Северный Вьетнам.

Одна из тактик в рамках стратегии демонизации — приписывание мнения. Эта тактика состоит в приписывании врагу определенного мнения, убеждения, стремления и т. п. Текстовая актуализация данной тактики представляет собой введение в текст гипотетических суждений, отражающих мысли, стремления, интенции врагов. Анализ текстов ДНМП показывает, что при текстовой актуализации таких суждений автор персуазивного текста не показывает эксплицитно, что данное суждение является предположением. Таким образом, основа данной тактики — *невывраженность в ткани текста маркеров субъективности суждения*, позволяющая выдавать предполагаемое за объективную истину. Одним из основных языковых средств введения гипотетического суждения в текст и подачи его как объективного являются сочетания *they believe* и *they seek*. Поскольку реализации рассматриваемой тактики в различных текстах ДНМП однотипны, ограничимся только одним примером из речи Дж. У. Буша, в котором укажем также вспомогательные средства реализации стратегии демонизации: (1) **Terrorists and their allies believe the Universal Declaration of Human Rights and the American Bill of Rights and every charter of liberty ever written are lies to be burned and destroyed and forgotten.** (2) **They believe the dictators should control every mind and tongue in the Middle East and beyond.** // (3) **They believe that suicide and torture and murder are fully justified to serve any goal they declare.** (4) *And they act on their beliefs* [Bush 2004a].

Одним из наиболее значимых (вспомогательных) средств прагматического фокусирования на нужном отправителю смысле в тексте является здесь синтаксическая и лексическая анафора, реализующаяся в единообразном начале всех трех предложений. Данные предложения выражают субъективные суждения об убеждениях и стремлениях врага, причем маркеры субъективности суждения в тексте не актуализируются. Все три предложения посредством совокупности используемых языковых средств (ср.: *lies to be burned, dictators should control every mind and tongue, suicide, torture, murder* и др.) выделяют в тексте смыслы «жестокость», «беспощадность», «пренебрежение врагов к любым нормам цивилизованного общества» (которые воплощают *Universal Declaration of Human Rights and the American Bill of Rights*). В первом предложении (1) обращает на себя внимание использование перечисления сходных по своей семантике глаголов

(*burned and destroyed and forgotten*), образующих ряд градации по нарастанию. Цель такого лексического оформления — эксплицитно подчеркнуть идею о пренебрежении «врагов» к конвенциям цивилизованного общества. Во втором предложении (2) суждение о гипотетической власти тиранов облекается в преувеличенно-апокалиптические термины (*control every tongue and mind*). Такая гипербола употребляется с целью создать более демонический и угрожающий образ врага. В третьем предложении (3) демоничность образа подчеркивается тем, что гипотетические представления врагов идут вразрез с общечеловеческими представлениями о цели и оправдываемых ею средствах ее достижения. Эмоциональное перечисление трех действий подряд (*suicide and torture and murder*) способствует созданию и закреплению в сознании реципиента более яркого образа.

Для ДХВ средства текстовой актуализации данной тактики в целом не являются частотными. Интегративным признаком для всех выявленных в ДХВ случаев реализации этой тактики является сходство «приписываемой» пропозиции — утверждение о стремлении врага к беспредельному мировому господству и подчинению. Ср., например, следующее высказывание Дж. Ф. Кеннеди: *If we were to resign from the United Nations, break off with all countries of whom we disapprove, end foreign aid and assistance to those countries in an attempt to keep them free, call for the resumption of atmospheric nuclear testing, and turn our back on the rest of mankind, we would not only be abandoning America's influence in the world, we would be inviting a Communist expansion which every Communist power would so greatly welcome* [Kennedy 1963b].

Данный пример демонстрирует конвергенцию по крайней мере двух приемов: 1) моделирования альтернативного будущего (формы со вспомогательным глаголом *would*), 2) приписывания определенных интенций и амбиций врагам, являющегося частью стратегии демонизации. При этом «приписывание» носит характер «угадывания»: в поверхностной структуре текста не актуализируются маркеры субъективности суждения (на чем, например, основано утверждение *would so greatly welcome?*).

Как свидетельствует приведенный пример, суждение, лежащее в основе «приписываемого» врагам мнения, и лексические средства, используемые для его реализации, не носят «апокалиптический» характер, свойственный аналогичным суждениям в ДНМП. Анализ текстового корпуса ДХВ также показывает, что отбор нейтральных лексиче-

ских средств для актуализации приписываемых врагу суждений является устойчивой тенденцией в 1960—1970-х гг и сменяется использованием более прагматически заряженной лексики лишь в начале 1980-х гг.

Сделаем некоторые выводы из проведенного анализа. Реализуемая в политическом дискурсе США стратегия создания образа врага неизменно используется в последние 50 лет в политической коммуникации, несмотря на смену дискурсивных формаций и референциального индекса данной категории. Относительно способа реализации данной стратегии следует отметить следующее. Во-первых, обнаруживается практически строгое единообразие моделирования в текстах рассмотренной категории (на уровне используемых языковых средств, приемов, стратегий), во-вторых, наблюдается явно прагматически ориентированный отбор лексико-стилистических и грамматических средств, используемых при вербализации модели. Моделируемый в текстах американского политического дискурса образ врага представляет собой проекцию универсальной когнитивной и семиотической категории «круг чужих».

Получая свое семантическое наполнение в текстах определенной дискурсивной практики, категория «круг чужих», очевидно, участвует в создании и закреплении в сознании социума стереотипной оппозиции «свои — чужие», которая конструируется в тексте и затем переносится на экстралингвистическую реальность, вследствие чего по крайней мере отчасти структурирует последнюю, формируя наше знание о ней и позволяя мотивировать определенные, часто недискурсивные, действия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонова Л. В. Лингвокультурологический анализ модальности возможности (на материале современного английского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Уфа, 2007.
2. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. — М. : Перемена, 2000.
3. Dummire P. L. '9/11 changed everything': an intertextual analysis of the Bush Doctrine // *Discourse & Society*. 2009. Vol. 20 (2). P. 195—222.
4. Jørgensen M., Phillips L. *Discourse analysis: theory and method*. — L. : Sage, 2002.
5. Leuder I., Marsland V., Nekvapil J. On membership categorization: 'us', 'them' and 'doing violence' in political discourse // *Discourse & Society*. 2004. № 15 (2—3). — P. 243—266.

ИСТОЧНИКИ

6. Bush George H. W. Remarks to Allied Armed Forces Near Dhahran, Saudi Arabia. Nov. 22, 1990. URL: http://bushlibrary.tamu.edu/research/public_papers.php?id=2485&year=&month=. (дата обращения: 04.03.2012).
7. Bush George W. Address to the Nation. Sept. 20, 2001. URL: <http://presidentialrhetoric.com/speeches/09.20.01.html> (дата обращения: 04.09.2012).
8. Bush George W. The Iraqi Threat. Oct. 7, 2002. URL: <http://presidentialrhetoric.com/speeches/10.7.02.html> (дата обращения: 04.09.2012).
9. Bush George W. Remarks to the U. N. New York. Sept. 12, 2002a. URL: <http://presidentialrhetoric.com/speeches/09.12.02.html> (дата обращения: 09.09.2012).
10. Bush George W. Message to Saddam. March 17, 2003. URL: <http://presidentialrhetoric.com/speeches/03.17.03.html> (дата обращения: 09.09.2012).
11. Bush George W. More on the Next 4 Years—Radio Address, Nov. 6, 2004. URL: <http://presidentialrhetoric.com/speeches/11.06.04.html> (дата обращения: 09.09.2012).
12. Bush George W. Address to the United Nations. Sept. 21, 2004a. URL: <http://presidentialrhetoric.com/speeches/09.21.04.html> (дата обращения: 09.09.2012).
13. Carter J. Peace and National Security Address to the Nation on Soviet Combat Troops in Cuba and the Strategic Arms Limitation Treaty. Oct. 1, 1979. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/?pid=31458> (дата обращения: 04.09.2012).
14. Clinton B. Statement on Kosovo. March 24, 1999. URL: <http://millercenter.org/scripps/archive/speeches/detail/3932> (дата обращения: 09.09.2012).
15. Kennedy J. F. Inaugural Address. Jan. 20, 1961. URL: <http://presidentialrhetoric.com/historicspeeches/kennedy/inaugural.html> (дата обращения: 10.09.2012).
16. Kennedy J. F. President and the Press. April 27, 1961a. URL: <http://millercenter.org/scripps/archive/speeches/detail/3677> (дата обращения: 04.09.2012).
17. Kennedy J. F. The Berlin Crisis. July 25, 1961b. URL: <http://presidentialrhetoric.com/historicspeeches/kennedy/berlincrisis.html> (дата обращения: 04.09.2012).
18. Kennedy J. F. American University Speech. June 10, 1963. URL: <http://presidentialrhetoric.com/historicspeeches/kennedy/americanuniversity.html> (дата обращения: 04.09.2012).
19. Kennedy J. F. Radio and Television Address to the American People on the Nuclear Test Ban Treaty. Washington, D.C. July 26, 1963a. URL: <http://presidentialrhetoric.com/historicspeeches/kennedy/nucleartestban.html> (дата обращения: 04.09.2012).

20. *Kennedy J. F.* Address at the Mormon Tabernacle. Sept. 26, 1963b. URL: <http://millercenter.org/scripps/archive/speeches/detail/3378> (дата обращения: 09.09. 2012).

21. *Nixon R.* Address to the 25th Anniversary Session of the General Assembly of the United Nations. Oct. 23, 1970. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/?pid=2754> (дата обращения: 04.09. 2012).

22. *Reagan R.* National Security. March 23, 1983. URL: <http://presidentialrhetoric.com/historicspeeches/reagan/nationalsecurity.html> (дата обращения: 04.09. 2012).

23. *Reagan R.* Address to the Nation and Other Countries on United States-Soviet Relations. Jan. 16, 1984. URL: <http://www.reagan.utexas.edu/archives/speeches/1984/11684a.htm> (дата обращения: 04.09. 2012).

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. В. Е. Чернявская

УДК 81'373.612.2
ББК Ш103.1

ГСНТИ 16.21.27; 16.21.51

Код ВАК 10.02.04

А. М. Нехорошева А. М. Nekhorosheva
Тамбов, Россия Tambov, Russia

**КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МЕТАФОРА
КАК МЕХАНИЗМ РЕАЛИЗАЦИИ
КОГНИТИВНОЙ МАТРИЦЫ
«СВОЙ — ЧУЖОЙ»
В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ**

(на примере выступлений Ангелы Меркель)

Аннотация. Изучено действие механизма концептуальной метафоры в процессе реализации когнитивной матрицы «свой — чужой» на материале немецкого политического дискурса.

Ключевые слова: когнитивная матрица «свой — чужой»; политический дискурс; языковая личность; концептуальная метафора.

Сведения об авторе: Нехорошева Алеся Михайловна, аспирант кафедры немецкой филологии.

Место работы: Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина.

Контактная информация: 392000, г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33.
e-mail: nechall@yandex.ru.

**CONCEPTUAL METAPHOR
AS MECHANISM REALIZING
A “SELF-OTHER” COGNITIVE MATRIX
IN THE POLITICAL DISCOURSE
(the case of Angela Merkel’s speeches)**

Abstract. The mechanism of conceptual metaphor realizing a “self-other” cognitive matrix (the case of German political discourse) is studied.

Key words: “self-other” cognitive matrix; political discourse; linguistic identity; conceptual metaphor.

About the author: Nekhorosheva Alesya Mikhailovna, Post-graduate Student of the Chair of German Philology.

Place of employment: Tambov State University named after G. R. Derzhavin.

Статья посвящена изучению концептуальной метафоры в выступлениях канцлера Германии Ангелы Меркель как одного из механизмов реализации когнитивной матрицы «свой — чужой». Для дальнейшего изложения следует уточнить содержательное наполнение последнего понятия.

Когнитивная матрица «свой — чужой», как показал анализ материала, является наиболее адекватным способом структурирования соответствующей области знания и представляет собой систему осмысления ядерного компонента (концепты ZUGENÖRIGKEIT и NICHT-ZUGENÖRIGKEIT) в разных концептуальных областях, выбор которых определяется особенностями дискурса и языковой личности говорящего (подробнее о матричном формате знания см.: [Болдырев 2009]). Для политического дискурса и языковой личности политика высшего уровня такими областями осмысления ядра матрицы выступают концепты POLITIK и TERRITORIUM. Для рассматриваемого в работе политика Ангелы Меркель значимы также концепты RELIGION и ALTER. Характерной особенностью языковой личности политика высшего звена выступает также нацеленность на реализацию интегративной функции, т. е. преобладание концепта ZUGENÖRIGKEIT над концептом NICHT-ZUGENÖRIGKEIT.

Взаимодействие концептов в рамках когнитивной матрицы «свой — чужой» осуществляется на базе различных когнитивных

механизмов: интеграции, инференции, генерализации, конкретизации, фокусировки концептуального содержания, концептуальной метафоры и метонимии. Использование данных механизмов позволяет конфигурировать характеристики ядерных и периферийных концептов матрицы таким образом, что каждый раз формируются новые смыслы, указывающие на принадлежность/непринадлежность политика в выгодном для него свете.

Остановимся подробнее на механизме концептуальной метафоры. Его суть заключается в осмыслении периферийных концептов матрицы «свой — чужой», прежде всего концепта POLITIK, в терминах других концептов, более доступных и понятных рядовому носителю языка. В данной работе за основу берется ставшая классической типология концептуальных метафор Дж. Лакоффа и М. Джонсона, включающая метафору онтологическую, структурную и ориентационную [Лакофф, Джонсон 2004]. Как показал анализ языкового материала, все три типа метафор задействованы для осмысления рассматриваемого концепта.

1. Онтологическая метафора, описывающая абстрактные концепты в терминах конкретных физических объектов, позволяет осмыслить концепт POLITIK в рамках следующих своих разновидностей: антропоморфной (с областями-источниками «физиология», «родство»), артефактной (с областями-источниками «здание», «мост»,

«механизм», «предметы быта») и природо-морфной (с областями-источниками «животное», «растение») метафоры (подробнее о разновидностях онтологической метафоры в политическом дискурсе см.: [Чудинов 2001: 52—165]).

С помощью **антропоморфной метафоры** концепт POLITIK может осмысляться сквозь призму частей тела человека и их физиологических действий. В приведенных ниже примерах указанный концепт актуализируется лексемами *Hand, Faust, Rückgrat, Stimme, Sprache*. В результате интеграции данного концепта с концептами ZUGEHÖRIGKEIT и NICHT-ZUGEHÖRIGKEIT, объективируемыми местоимениями *wir, unser, irgendwelche*, прилагательным *gemeinsam* и предлогом *mit*, реализуется когнитивная матрица «свой — чужой», что позволяет канцлеру более наглядно показать общность политики стран Европы, НАТО (в примерах 1—3), некоторую дистанцированность Германии в плане взаимоотношений Турции и Кипра (в примере 4) и приоритетное направление коммунальной политики своей страны (в примере 5): (1) *Europa wird mit einer **Stimme** sprechen und spricht ja auch schon mit einer **Stimme*** (23. deutsch-spanische Konsultationen, 03.02.2011) / *Европа будет говорить одним **голосом**, она уже говорит одним **голосом***; (2) *Es ist immer wichtig, dass Europa eine gemeinsame **Sprache** findet* (Pressekonferenz von A. Merkel und A. Ansip, 26.08.2008) / *Очень важно, чтобы Европа нашла общий **язык***; (3) *Wir haben die **Hand** ... in die Welt ausgestreckt* (Pressestatements der Bundeskanzlerin, 19.11.2010) / *Мы протянули **руку** в мир*; (4) *Es ist nicht im Interesse irgendeines Partners, irgendwelche **Faustpfände** zu nehmen* (Pressestatements von A. Merkel, 11.01.2011) / *Занимать позицию **кулака** — не в интересах одного из партнеров*; (5) *Eine Stärkung der Kommunen ist eines unserer zentralen Anliegen, denn Kommunalpolitik ... ist das **Rückgrat** der Politik* (Übernahme in Verantwortung in Afghanistan, 27.04.2010) / *Усиление коммун является одной из наших центральных задач, поскольку коммунальная политика — это основа (**позвоночник**) политики*.

Концепт POLITIK может также осмысляться в терминах родства. Так, совместный политический проект стран ЕС обозначается канцлером лексемой *Kind*, а партия — лексемой *Parteienfamilie*. При этом если в примере 6 метафорически осмысленный концепт POLITIK интегрируется с концептом ZUGEHÖRIGKEIT, актуализируемым с помощью местоимения *alle*, то в примере 7 анализируемый концепт взаимодействует с

концептом NICHT-ZUGEHÖRIGKEIT, реализуемым за счет лексемы *unterschiedlich*: (6) *Das **Kind** soll „Mittelmeerunion“ genannt werden. Es wird ein Projekt aller 27 Mitgliedstaaten der Europäischen Union sein* (Pressestatements von Merkel und Sarkozy, 3.03.2008) / *Дитя назовут „Средиземноморским союзом“*. Это проект всех 27 стран — членов ЕС; (7) *Uns ist trotz freundschaftlicher Zusammenarbeit bewusst, dass wir zu unterschiedlichen **Parteienfamilien** in Europa gehören* (Deutsch-Spanische Regierungskonsultationen, 31.1.2008) / *Мы, несмотря на дружественное сотрудничество, знаем, что принадлежим в Европе к различным партийным **семьям***.

Артефактная метафора позволяет осмыслить концепт POLITIK в виде предметов, созданных человеком: здания и его составных частей (фундамент, колонны, крыша, дверь, ворота), моста, механизма, предметов быта. Наиболее распространенной является артефактная метафора с областью-источником «здание». Так, в следующих примерах метафорически осмысленный концепт POLITIK, актуализируемый лексемами *Fundament, Pfeile, Dach, Tür, Tor, Mosaiksteinchen*, интегрируется с концептом ZUGEHÖRIGKEIT, объективируемым местоимениями *wir, unser, alle*, прилагательным *gleich* и существительным *Nachbar*, что дает возможность канцлеру более прозрачно показать политические взаимоотношения стран при рассмотрении различных вопросов: (8) *Wir alle arbeiten auf dem gleichen **Fundament*** (Pressestatements der Bundeskanzlerin beim Nato-Rat, 19.11.2010) / *Мы все работаем на одном и том же **фундаменте***; (9) *Wir sind drei **Pfeiler**, die Europa ausmachen* (Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel beim Europäischen Rat, 29.10.2010) / *Мы — три **опоры (столба)**, поддерживающие Европу*; (10) *Wir brauchen ein weltweites Abkommen unter dem **Dach** der Vereinten Nationen* (Pressekonferenz von A. Merkel und G. Bush, 11.06.2008) / *Нам необходимо всемирное соглашение под **крышей** ООН*; (11) *Ich denke, es wird auch eine gute Zusammenarbeit mit dem neuen Präsidenten geben ... Natürlich stehen ihm alle **Türen** in Deutschland offen* (Pressekonferenz von Merkel und Putin, 8.03.2008) / *Я думаю, что с новым президентом у нас будет также хорошее сотрудничество... Разумеется, все **двери** Германии ему открыты*; (12) *Indien ist auch ein **Tor** in Richtung der anderen asiatischen Länder: Singapur, Indonesien, Malaysia* (Pressestatements von A. Merkel, 31.10.2007) / *Индия — это также **ворота** в направлении к другим азиатским странам: Сингапуру, Индонезии, Малайзии*;

(13) *Das ist ein kleines **Mosaiksteinchen** dessen, wie Europa insgesamt funktioniert* (Pressestatement A. Merkel, 13.07.2010) / *Это маленький **кусочек мозаики** того, как Европа в целом функционирует.*

Осмысление концепта POLITIK в качестве моста — искусственного сооружения, возведенного через какое-либо препятствие — активно используется для налаживания внутри- и внешнеполитических контактов. Как видно из приведенных ниже примеров, концепт POLITIK, метафорически осмысляемый и актуализируемый с помощью лексемы *Brücke*, взаимодействует с концептом ZUGEHÖRIGKEIT, реализуемым местоимениями *wir, unser* и прилагательным *eng*. Интеграция данных концептов позволяет канцлеру в условиях глобализации, когда большое количество иностранных граждан, прежде всего выходцев из Турции и стран СНГ, проживает в Германии, выразить стремление к сотрудничеству:

(14) *Die Tatsache, dass viele türkische Jugendliche in Deutschland zur Schule gehen, kann eine **Brücke** zwischen unseren beiden Ländern sein* (Pressestatements von Bundeskanzlerin Angela Merkel und dem türkischen Ministerpräsidenten Recep Tayyip Erdogan, 8.02.2008) / *Тот факт, что много турецкой молодежи ходит в школы Германии, может стать неким **мостом** между обеими нашими странами;* (15) *Ein Beispiel für eine feste **Brücke** zwischen Rumänien und Deutschland ist natürlich die deutsche Minderheit ... Das ist als **Brücke** zwischen Rumänien und Deutschland ein ganz wichtiger Beitrag zu unseren engen Beziehungen* (Pressestatements von Bundeskanzlerin Angela Merkel und dem Premierminister von Rumänien, Emil Boc, 12.10.2010) / *Примером крепкого **моста** между Румынией и Германией является, конечно, немецкое меньшинство... Этот **мост** между Румынией и Германией определенно вносит важный вклад в наши тесные взаимоотношения.*

Концепт POLITIK может также изображаться как определенный механизм и его детали. В следующих примерах метафорически осмысляемый концепт POLITIK актуализируется с помощью лексем *Motor, Hemmschuh, Flaggsschiff, Bord, Kompass*. Интеграция данного концепта с концептом ZUGEHÖRIGKEIT, объективируемым лексическими средствами (*wir, unser, mein, Kooperation, gemeinsam*) и префиксом *zusammen*, позволяет канцлеру более наглядно представить взаимоотношения стран в связи с различными направлениями политики (в области экономики, науки, исследований, безопасности): (16) ***Motor** unserer sehr intensiven Zu-*

sammenarbeit ist die wirtschaftliche Dynamik der Beziehungen zwischen unseren beiden Ländern (Pressebegegnung von Bundeskanzlerin und Premierminister Singh, 30.10.2007) / ***Двигателем** нашего очень интенсивного сотрудничества является экономическая динамика отношений между нашими обеими странами;* (17) *Es ist immer wieder gesagt worden, dass einer der großen **Hemmschuhe** die Korruption ist* (Pressestatements von A. Merkel und K. Annan, 10.09.2010) / *Постоянно говорится, что одним из главных **тормозов** является коррупция;* (18) *Ein **Flaggschiff** unserer Zusammenarbeit ist die Kooperation im Bereich von Wissenschaft und Forschung geworden* (Pressebegegnung von Bundeskanzlerin und Premierminister Singh, 30.10.2007) / ***Флагманским кораблем** нашего сотрудничества стало сотрудничество в области науки и исследования;* (19) *Wir haben ... Wert darauf gelegt, dass China und Russland bei der Verabschiedung dieser Resolutionen an **Bord** bleiben* (Pressestatements von A. Merkel und dem japanischen Ministerpräsidenten Abe, 11.01.2007) / *Для нас важно, чтобы при принятии этой резолюции Китай и Россия оставались на **борту**;* (20) *Ich habe dargelegt, dass der **Kompass** meiner Regierung in den außenpolitischen Fragen sehr eindeutig ist* (Pressestatements von Bundeskanzlerin Merkel und US-Außenministerin Rice, 06.12.2005) / *Я показала, что **компас** моего правительства в отношении внешнеполитических вопросов очень точен.*

Метафорически концепт POLITIK может также представляться определенными предметами быта. Так, в приведенных ниже примерах концепт POLITIK, осмысляемый метафорически и реализуемый с помощью лексем *Instrumentenkasten, Socke, Schirm*, взаимодействует с концептами ZUGEHÖRIGKEIT и NICHT-ZUGEHÖRIGKEIT, актуализируемыми местоимением *wir*, прилагательным *gemeinsam* и предлогом *gegen*, что дает канцлеру возможность ярко проиллюстрировать согласованность политики Европы и партийные разногласия внутри своего правительства: (21) *Es war ... gut, dass wir einen gemeinsamen **Instrumentenkasten** in Europa gefunden haben, mit dem wir diese Krise bewältigen können* (Pressekonferenz von A. Merkel und G. Brown, 30.10.2008) / *Хорошо, что мы в Европе нашли общий **ящик с инструментами**, при помощи которого мы сможем справиться с этим кризисом;* (22) *Ich meine, einerseits im Stile einer Rote-**Socken-Kampagne** gegen ... Union und FDP zu werben* (Pressestatement der Bundeskanzlerin Merkel zum G20-Gipfel in Pittsburgh, 18.09.2009) /

Я думаю, что бороться против Союза и СДПГ — это полностью в стиле кампании „красных носков“; (23) *Wir haben jetzt ein Land unter dem Schirm, das ist Irland* (Pressekonferenz zu den 28. deutsch-italienischen Regierungskonsultationen von Bundeskanzlerin Merkel und Ministerpräsident Berlusconi, 12.01.2011) / У нас сейчас **под зонтом** находится одна страна — это Ирландия.

Природоморфная метафора как разновидность онтологической позволяет осмыслить концепт POLITIK как животное, растение и их составные части. Так, в следующих примерах метафорически представленный концепт POLITIK объективируется лексемами *Wurzel, Flügel, abfedern*. Использование лексем *Flügel* и *Wurzel* дает возможность канцлеру метафорически представить свою партию то как птицу, собирающую под своим крылом огромное количество людей, то как прочно укоренившееся растение, глубоко пробивающееся в землю. В то же время ненавистный всем экономический кризис канцлер метафорически предлагает «ощипать как птицу»: (24) *Und manchmal ist es ... auch so, dass es unter den Flügeln in der Union auch unterschiedliche Meinungen ... gibt* (Wir müssen wachsam sein, 15.03.2009) / Иногда бывает и ... так, что и **под крыльями** союза формируются различные мнения; (25) *Ich glaube, wir können sagen, dass sowohl Deutschland als auch Frankreich viele Schritte unternommen haben, um die Krise abzufedern* (Pressebegegnung Merkel — Fillon, 10.03.2010) / Я думаю, мы можем сказать, что как в Германии, так и во Франции было предпринято множество шагов, чтобы **ощипать** кризис; (26) *Das Konservative ist eine feste Wurzel der Christlich Demokratischen Union, neben der christlich-sozialen und der liberalen Wurzel* (In Toleranz und Respekt leben, 18.09.2010) / Консерватизм формирует крепкий **корень** Христианского демократического союза, наряду с христианско-социальным и либеральным **корнями**.

2. Структурная метафора как способ осмысления и структурирования периферийного концепта матрицы по образцу области-источника используется прежде всего для осмысления концепта POLITIK. Наиболее распространенными областями-источниками оказались следующие: «игра», «театр», «дорожное движение», «война», «школа».

Концепт POLITIK чаще всего структурируется как игра с ее разновидностями, участниками, правилами. Такой взгляд пришел на смену традиционному представлению о политике как о войне, что в полной мере соответствует требованиям современного пацифистского общества, в том числе к осо-

бенностям языковой личности политика высшего звена. В приведенных ниже примерах концепт POLITIK метафорически осмысливается и актуализируется с помощью лексем *Spieler, Spielregeln* и сочетаний *Staffelstab übergeben, Karten mischen*. Интеграция данного концепта с концептом ZUGEHÖRIGKEIT позволяет канцлеру наглядно изобразить согласованность политических действий между различными странами: (27) *Ich möchte mich auch für die Kooperation während der G8-Präsidentschaft bedanken. Russland hat uns zugesagen den **Staffelstab übergeben*** (Pressekonferenz von Merkel und Putin, 8.03.2008) / Я хотела бы поблагодарить также за сотрудничество в период президентства в Большой восьмерке. Россия передала нам, так сказать, **эстафетную палочку**; (28) *Hinzukommt, dass durch die internationale Finanz- und Wirtschaftskrise die **Karten** auf der Welt wirklich neu **gemischt** werden* (Pressestatement — Merkel, 27.05.2010) / К тому же из-за международного финансового и экономического кризиса **карты** во всем мире заново **перетасованы**; (29) *Wir verfolgen gemeinsam den Plan, dass ein Treffen der wesentlichen **Marktspieler** im internationalen Finanzmarkt noch in diesem Jahr stattfindet* (Pressekonferenz Merkel — Sarkozy, 12.10.2008) / Мы придерживаемся совместного плана, согласно которому встреча значимых **игроков** международного финансового рынка должна состояться еще в этом году; (30) *Ich glaube, ... dass wir uns ... nur dann konstruktiv und vernünftig entwickeln können, wenn wir gemeinsame **Spielregeln** einhalten* (Pressekonferenz Merkel — Jiabao, 27.08.2007) / Я думаю, ... что мы ... лишь в том случае можем конструктивно и рационально развиваться, если мы придерживаемся общих **правил игры**.

Метафорически концепт POLITIK может также представляться и структурироваться как театр с готовыми сценариями, директорами и актерами. В следующих примерах метафорически осмысленный концепт POLITIK, объективируемый лексемами *Szenarium, Kapitel, Akteur*, взаимодействует с концептом ZUGEHÖRIGKEIT, реализуемым лексическими средствами (*wir, Kooperation, Freundschaft, gemeinsam*) и префиксом *zusammen*, что позволяет канцлеру проиллюстрировать характер политических взаимоотношений различного масштаба (международные организации, их представители) и по различным направлениям (экономика, безопасность): (31) *Wir haben **Energieszenarien** in Auftrag gegeben, die uns deutlich machen, ... den erfolgreichsten und günstigsten Weg gehen zu können* (Abschlusspressekonferenz zur

Energierese von A. Merkel, Umweltminister und Wirtschaftsminister, 27.08.2010) / *Мы взяли за основу те энергетические **сценарии**, которые однозначно показывают ... успешное и благоприятное развитие; (32) Ich erwarte mir von dem NATO-Russland-Rat ... dass wir ein **Kapitel** von mehr Kooperation eröffnen* (Pressekonferenz von A. Merkel, Außenminister und Verteidigungsminister, 20.11.2010) / *От заседания Совета НАТО с Россией ожидаю, ...что мы откроем **главу** более тесных взаимоотношений; (33) Ich glaube ..., dass die Welt ... zusammenwächst, auch in der Art, wie die politischen **Akteure** zusammenarbeiten* (Pressekonferenz von A. Merkel, 10.07.2009) / *Я думаю, что мир срачивается, даже в том отношении, как политические **актеры** сотрудничают друг с другом.*

Нередко концепт POLITIK получает осмысление как дорожное движение со средствами регулирования и возможными авариями. В представленных ниже примерах концепт POLITIK, осмысляемый метафорически и репрезентируемый лексемами *Weg, Ampel, überfahren*, интегрируется с концептами ZUGEHÖRIGKEIT и NICHT-ZUGEHÖRIGKEIT, актуализируемыми лексическими средствами (*wir, unser, gemeinsam, ander, Kooperation, Partner*), что дает возможность канцлеру высказать свое одобрение политики безопасности и неодобрение экологической политики США (в примерах 34, 35), дистанцироваться от оппозиционной коалиции (в примере 36), показать сплоченность стран ЕС (в примере 37): (34) *Was internationale Fragen anbelangt ... sind wir natürlich auf einem gemeinsamen **Weg** und werden die Kooperation mit den Vereinigten Staaten von Amerika nutzen* (Pressestatements Merkel — Nasarbajew, 04.02.2009) / *В отношении международных вопросов ... мы, конечно же, придерживаемся совместного пути и будем сотрудничать с США; (35) Die Amerikaner gehen ja einen ganz anderen **Weg** als wir* (Pressekonferenz der Bundeskanzlerin nach dem Europäischen Rat, 11.12.2009) / *Американцы идут по совершенно другому **пути**, нежели мы; (36) Es gibt ... Vertreter der Sozialdemokratie, die für eine **Ampel**, eine sogenannte Rote **Ampel** werben* (Pressestatement der Bundeskanzlerin zum G20-Gipfel in Pittsburgh, 18.09.2009) / *Есть ... представители социал-демократии, поддерживающие так называемый красный **светофор**; (37) Wir wollen jetzt zunächst natürlich mit unseren Partnern über die Details sprechen, damit wir keinen **überfahren*** (Pressestatements von A. Merkel und N. Sarkozy, 3.03.2008) / *Теперь мы хотим, конечно, сперва обсудить с на-*

*шими партнерами детали, чтобы никого не **переехать**.*

Значительно реже концепт POLITIK осмысляется как война с фронтами, на которых разворачиваются боевые действия, заканчивающиеся победой или поражением. В следующих примерах концепт POLITIK, реализуемый лексемами *Schlag, Kampf, bekämpfen, Angriff, Attacke, Sieg* и сочетанием *Fronten des Kalten Krieges*, взаимодействует с концептами ZUGEHÖRIGKEIT и NICHT-ZUGEHÖRIGKEIT, объективируемыми лексическими средствами (*wir, unser, Partner, Freund, gegen*). Интеграция данных концептов позволяет канцлеру выразить желание Германии наладить взаимовыгодные отношения с Россией (в примере 38), резко осудить действия террористических группировок (в примере 39), с которыми предлагается вести ожесточенную борьбу, показать неприятие пассивного отношения стран к экономическому кризису (в примерах 40, 41) и высказать полное согласие с победой своей коалиции на выборах 2009 г. (в примере 42): (38) *Die Bundesrepublik Deutschland ist sehr froh, dass Russland zunehmend ein Partner wird und wir damit die **Fronten des Kalten Krieges** endgültig verlassen* (Pressekonferenz von Merkel, Außenminister und Verteidigungsminister, 20.11.2010) / *ФРГ очень рада, что Россия все больше становится партнером и что мы наконец-то покинем **фронты холодной войны**; (39) Unseren amerikanischen Freunden ist ein wichtiger **Schlag** gegen den internationalen Terrorismus gelungen ... Der Tod von bin Laden ist ein großer Erfolg im **Kampf** gegen den Terrorismus* (Pressestatement von Merkel, 02.05.2011) / *Нашим американским друзьям ... удалось нанести **удар** по международному терроризму ... Смерть бин Ладена — это большой успех в **борьбе** против терроризма; (40) Wir müssen jetzt die Krise **bekämpfen*** (Pressekonferenz Merkel und Obama, 03.04.2009) / *Теперь мы должны **побороть** кризис; (41) Am Freitag ist ... deutlich geworden, dass es breite **Angriffe** auf den Euro insgesamt gibt ... Wir glauben, dass es eine **Attacke** gegen den Euro ist* (Pressestatements von Merkel und Außenminister, 10.05.2010) / *В пятницу стало ... ясно, что предпринимаются масштабные **нападения** на евро... Мы думаем, что это **атака** против евро; (42) Erst einmal haben wir uns über unseren **Sieg** gefreut* (Pressestatements von Bundeskanzlerin und dem bulgarischen Ministerpräsidenten, 11.10.2010) / *Прежде всего, мы обрадовались нашей **победе**.*

Анализ языкового материала выявил ряд примеров того, что концепт POLITIK метафорически представляется как школа, в ча-

стности как связанные домашние задания, которые необходимо строго выполнять. В приведенных ниже примерах метафорически осмысленный концепт POLITIK, актуализуемый лексемой *Hausaufgabe*, используется с целью достучаться до совести стран, бездействующих и только созерцающих сложившуюся ситуацию с экономическим кризисом: (43) *Es geht ... darum, dass alle Länder ... ihre Hausaufgaben machen* (Pressestatement von Bundeskanzlerin, 07.05.2010) / *Речь идет о том, чтобы все страны ... выполняли свои домашние задания*; (44) *Das Ganze wird nur wirken, wenn jeder zu Hause seine Hausaufgaben macht* (Pressestatements Merkel und Medwedew, 31.03.2009) / *Всё работает в том случае, если каждый будет делать дома свои домашние задания*.

3. Ориентационная метафора, основанная на понимании ориентации человека в пространстве, используется канцлером как способ осмысления концепта POLITIK в терминах пространственных концептов: «верх — низ», «внутри — снаружи». Выстраивание концепта POLITIK по аналогии с пространством позволяет наглядно и более понятно для рядового носителя языка показать политическую обстановку в стране и за рубежом: (45) *Wir glauben, dass man zu ... einer Aufwertung der schon bestehenden Kontakte, die heute zwischen der EU und Russland auf einem sehr niedrigen Niveau ... stattfinden, kommen könnte und dies auf ein höheres Niveau heben könnte* (Enger zusammenarbeiten, 05.06.2010) / *Мы полагаем, что можно было бы перейти к переоценке уже имеющихся контактов, которые на данный момент между ЕС и Россией находятся на очень низком уровне, и поднять их на более высокий уровень*; (46) *Wir hatten heute intensive und ... erfolgreiche Beratungen, erst im Kreis der 27 Mitgliedstaaten und dann unter den 17 Euroländern* (Pressekonferenz von Merkel zum Europäischen Rat, 27.10.2011) / *Мы сегодня интенсивно и успешно провели консультации, сначала в кругу 27 стран, а потом среди 17 стран Еврзоны*; (47) *Wir müssen nach außen zeigen: ... damit wirklich alle vom Euro profitieren können, muss es Schritt für Schritt eine größere Harmonisierung geben* (23. deutsch-spanische Konsultationen, 03.02.2011) / *Нам нужно показать (для других) снаружи: ... для того чтобы евро была для всех действительно прибыльной валютой, необходимо постепенно создавать большее рав-*

новесие; (48) *Was die Energie- und Klimapolitik anbelangt, so liegen wir sehr auf einer Linie* (Pressekonferenz von Merkel und Sarkozy, 6. 12.2007) / *Что касается энергетической и экологической политик, мы находимся на одной линии*; (49) *Wir haben etwas unterschiedliche Blickwinkel* (Pressekonferenz von Merkel beim Europäischen Rat, 29.10.2010) / *У нас немного различные углы зрения*.

Как видно из примеров, политические отношения между странами могут осмысляться как движение по горизонтали «верх — низ» и актуализироваться лексемами *niedrig, höher*. Политические объединения нередко представляются канцлером с точки зрения нахождения «внутри — снаружи» и объективируются лексемами типа *Kreis (Ring), Rand (außen)*. Направления политики стран также могут осмысляться с использованием пространственных понятий как одна общая линия или различные углы и характеризоваться с помощью лексем *Linie, Winkel*.

Проведенный анализ показал, что в реализации когнитивной матрицы «свой — чужой» активно задействован механизм концептуальной метафоры. Его суть состоит в осмыслении периферийных концептов матрицы, прежде всего концепта POLITIK, в терминах более понятных концептов. Осмысление концепта POLITIK осуществляется с помощью онтологической (с областями-источниками «физиология», «родство», «здание», «мост», «механизм», «предметы быта», «животное», «растение»), структурной (с областями-источниками «игра», «театр», «дорожное движение», «война», «школа») и ориентационной метафоры. Использование данного когнитивного механизма позволяет канцлеру эффективно воздействовать на адресата, более наглядно и в выгодном для себя свете представлять свою принадлежность и непринадлежность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Болдырев Н. Н. Концептуальная основа языка // Концептуализация мира в языке: коллектив. моногр. — Тамбов : Изд. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2009. С. 25—77. (Когнитивные исследования языка ; вып. 4).
2. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. — М. : Едиториал УРСС, 2004.
3. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000) : моногр. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2001.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Н. В. Ушкова

О. В. Обвинцева **O. V. Obvintseva**
Екатеринбург, Россия Ekaterinburg, Russia

**СРЕДСТВА ЭМОЦИОНАЛЬНОГО
ВОЗДЕЙСТВИЯ В ПРЕДВЫБОРНЫХ РЕЧАХ
ЖЕН КАНДИДАТОВ В ПРЕЗИДЕНТЫ США
М. ОБАМЫ И Э. РОМНИ**

**MEANS OF EMOTIONAL INFLUENCE
IN PRE-ELECTION SPEECHES OF THE US
PRESIDENTIAL CANDIDATES' WIVES
M. OBAMA AND A. ROMNEY**

Аннотация. Проводится сопоставительный анализ использования средств эмоционального воздействия в предвыборных речах жен кандидатов в президенты США М. Обамы и Э Ромни. Выделяются риторические, лексические и стилистические средства эмоционального воздействия, демонстрируется их реализация в конкретных примерах.

Abstract. The paper is devoted to the comparative analysis of the means of emotional influence used in pre-election speeches of M. Obama and A. Romney — the wives of presidential candidates in the USA. The author enumerates rhetorical, lexical and stylistic means of emotional influence and shows their specific role in the examples from the speeches.

Ключевые слова: предвыборная речь; первая леди; средства эмоционального воздействия; топы политического дискурса; эмотивная лексика; стилистические приемы, основанные на повторе; политическая и оригинальная метафора.

Key words: pre-election speech; the first lady; means of emotional influence; topoi of political discourse; emotional lexicon; stylistic devices based on repetition; political and original metaphor.

Сведения об авторе: Обвинцева Ольга Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков и перевода, Институт фундаментального образования.

About the author: Obvintseva Olga Vladimirovna, Candidate of Philology, Assistant Professor of the Chair of Foreign Languages and Translation, Institute of Fundamental Education.

Место работы: Уральский федеральный университет.

Place of employment: Ural Federal University n. a. the first President of Russia B. N. Yeltsin.

Контактная информация: 620002, Россия, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19, к. И-519.
e-mail: olgaobv@gmail.com.

Предвыборная речь кандидата в президенты всегда является заметным событием предвыборной кампании и активно обсуждается журналистами, политиками, политическими аналитиками и обычными гражданами — потенциальными избирателями как в официальных СМИ, так и в неофициальном интернет-пространстве.

Проводимые в период президентских выборов опросы американцев показывают, что, выбирая главу страны, они прежде всего обращают внимание на его позицию по вопросам экономики, политики и других сфер. Однако опросы, проводимые после выборов, демонстрируют удивительную закономерность: 5—7 % избирателей делают свой выбор, основываясь на симпатии или антипатии к потенциальной первой леди [Войкова 2012].

Еще Элеонор Рузвельт начала использовать положение первой леди для пропагандистской деятельности, выступая в поддержку идей Движения за гражданские права и реформ своего мужа, президента США Франклина Рузвельта. В 1932 г. Элеонор готовила его предвыборные речи, затем принимала участие во всех общественно-политических мероприятиях, давала ежедневные пресс-конференции и выступала с правительственными обращениями.

© Обвинцева О. В., 2012

После Элеонор все первые леди активно участвовали в общественной деятельности, приобретали влияние и серьезно влияли на политику США. Все действующие и потенциальные первые леди в той или иной степени участвовали в президентских предвыборных кампаниях, выступая с речами в поддержку своих мужей — кандидатов в президенты.

28 августа 2012 г. на съезде Республиканской партии, который состоялся в городе Тампа (штат Флорида), с предвыборной речью выступила Энн Ромни — жена кандидата в президенты Митта Ромни.

4 сентября 2012 г. речь первой леди Мишель Обамы стала кульминацией открытия предвыборного съезда Демократической партии, проходившего в городе Шарлот (штат Северная Каролина).

Мировые СМИ и непосредственные свидетели этих событий отмечают особую эмоциональность обеих речей: «Первая леди США Мишель Обама выступила на общенациональном съезде Демократической партии с эмоциональной речью, призванной убедить избирателей переизбрать президента на второй срок как „человека, которому можно доверять“» (BBC); «Энн Ромни придала сердечность избирательной кампании своего мужа» (the New York Post).

По единодушному решению СМИ, поединок среди первых леди выиграла Мишель Обама: «В битве жен, похоже, победу одержала Мишель Обама, поскольку выступление первой леди было более живым, а ее речь — написанной лучше, чем речь Энн Ромни» (the Guardian).

Считается, что «речевое воздействие в политической речи имеет комплексный характер, поскольку в основе любого политического выступления лежит стремление оратора воздействовать не только на рассудочную, рациональную, но и эмоциональную сферу слушателей» [Лаврова 2009: 163].

Текст предвыборного выступления отличается особым отбором языковых средств и стилистических приемов разных уровней языка, которые создают риторические структуры, оказывающие эмоциональное воздействие на избирателей.

В предвыборных выступлениях жен кандидатов в президенты США эмоциональное воздействие на аудиторию находит выражение в специфических топосах.

Топос в традиционной логике и классической риторике — аргумент, общезначимое утверждение или тема. Несмотря на то что первые мнения о сущности категории топоса высказывались еще в античности, вопрос о содержании топоса и возможности его применения до сих пор остается не до конца решенным.

На современном этапе развития риторики важность и эффективность топосов для создания текста признается большинством исследователей. По существу топосы представляют собой структурно-смысловые модели, на основании которых создается высказывание. Универсальность позволяет применять их в любом стиле и жанре в качестве опорного материала, каркаса для будущего текста, источника распространения замысла [Ассуирова 2003: 4]. Применительно к политическому дискурсу исследователи отмечают: «Топосы политического дискурса обеспечивают приемлемость и уместность для публики тех или иных реалий, событий, персон; они с определенной достоверностью позволяют опознавать агентов дискурса» [Шейгал 2002].

В предвыборных речах Мишель Обамы и Энн Ромни мы выделили совпадающие топосы и топосы, характерные только для одного оратора.

Перечислим общие топосы предвыборных речей М. Обамы и Э. Ромни:

- топос американской мечты;
- топос величия американской нации;
- топос единства американской нации;
- топос единства президента и простых американцев;

- топос достойного человека и национального лидера;
- топос семьи;
- топос труда.

Специфические топосы речи М. Обамы:

- топос достижений в период первого президентского срока.

Специфические топосы речи Э. Ромни:

- топос трудных времен;
- топос женщины.

Преобладание общих топосов говорит о жанровом и функциональном единстве обеих речей, однако пропорциональное соотношение топосов и их эмоциональная насыщенность в каждой из речей значительно отличаются.

В речи М. Обамы основная доля приходится на следующие топосы: американской мечты, единства президента и простых американцев, достойного человека и национального лидера, достижений в период первого президентского срока.

Топос американской мечты (the American Dream), предполагающий, что декларируемые законом и защищаемые президентом равные возможности для всех граждан обязательно приведут к успеху каждого отдельного человека, в конкретных примерах проходит через весь текст речи и завершается эмоциональным напоминанием, что жизненный путь Барака Обамы — это самый убедительный пример осуществления американской мечты: *Barack knows the American Dream because he's lived it...and he wants everyone in this country to have that same opportunity, no matter who we are, or where we're from, or what we look like, or who we love.*

Топос единства президента и простых американцев реализуется в том числе через ряд трогательных и эмоциональных примеров трудной, небогатой (как и у многих обычных американцев) жизни Барака Обамы в детстве и юности: *You see, even though back then Barack was a Senator and a presidential candidate...to me, he was still the guy who'd picked me up for our dates in a car that was so rusted out, I could actually see the pavement going by through a hole in the passenger side door...he was the guy whose proudest possession was a coffee table he'd found in a dumpster, and whose only pair of decent shoes was half a size too small.*

Топос достойного человека и национального лидера реализуется в контекстах, характеризующих президента как достойного человека и эффективного менеджера, лидера национального масштаба. При этом на первый план выдвигаются как раз личные качества Барака Обамы, причем выступаю-

щая говорит не только как первая леди, но и как искренне и горячо любящая жена:

Well, today, after so many struggles and triumphs and moments that have tested my husband in ways I never could have imagined, I have seen firsthand that being president doesn't change who you are — it reveals who you are.

...I can honestly say that when it comes to his character, and his convictions, and his heart, Barack Obama is still the same man I fell in love with all those years ago.

Топос экономических достижений первого президентского срока Б. Обамы представлен в тексте речи очень камерно, в виде результатов, лично прочувствованных и пережитых оратором. Все его достижения — это следствие служения президента Обамы простым людям, главная цель экономических преобразований — решение проблем каждого отдельного американца:

He did it because he believes that here in America, our grandparents should be able to afford their medicine...our kids should be able to see a doctor when they're sick...and no one in this country should ever go broke because of an accident or illness.

...for Barack, these issues aren't political — they're personal. Because Barack knows what it means when a family struggles.

В речи Э. Ромни наиболее полно представлены топосы трудных времен, женщины, достойного человека и национального лидера, семьи.

Вполне предсказуемо, что в тексте речи жены кандидата в президенты от оппозиционной партии представлен топос трудных времен, которые переживает Америка в настоящее время. Он реализован с помощью эмоциональных высказываний и примеров нелегкой жизни простых американцев в условиях экономического кризиса, которыми Э. Ромни стремится убедить аудиторию в необходимости смены национального лидера для решения насущных проблем Соединенных Штатов: *And I want us to think to-night about the love we share for those Americans, our brothers and our sisters, who are going through difficult times, whose days are never easy, nights are always long, and whose work never seems done.*

Э. Ромни очень эмоционально говорит об особых трудностях, переживаемых женщиной, ее важной роли в современном американском обществе, за счет чего в тексте проявляется топос женщины: *And if you listen carefully, you'll hear the women sighing a little bit more than the men. It's how it is, isn't it? It's the moms who have always had to work a little harder to make everything right. It's the mom's*

of this nation, single, married, widowed, who really hold the country together. We're the mothers. We're the wives. We're the grandmothers. We're the big sisters. We're the little sisters and we are the daughters. I love you, women!

Топос достойного человека и национального лидера проходит через весь текст речи. Так же, как в речи М. Обамы, оратор характеризует своего мужа — кандидата в президенты как любящего и заботливого мужа и отца, создавшего замечательную семью, настоящего мужчину, достигшего вершин карьеры и достойного быть следующим президентом США:

I know this good and decent man for what he is. He's warm, and loving, and patient. He has tried to live his life with a set of values centered on family, faith, and love of one fellow man.

...But — but let me say this to every American who is thinking about who should be our next president. No one will work harder. No one will care more. And no one will move heaven and earth like Mitt Romney to make this country a better place to live.

Кроме описанных выше топосов, высокая эмоциональность предвыборных выступлений М. Обамы и Э. Ромни создается за счет обилия стилистических приемов и концентрации эмоционально-окрашенных лексем. Однако лингвостилистический анализ данных текстов (анализ эмотивной лексики и стилистических приемов) показал, что степень эмоциональной насыщенности в них значительно отличается.

При анализе эмотивной лексики мы опирались на терминологию и классификацию М. Я. Блоха и Н. А. Резниковой, писавших: «К эмотивной лексике относятся слова, имеющие в своем значении сему эмотивности» [Блох, Резникова 2006]. Эти исследователи выделили следующие группы эмотивов: эмотивы-номинативы (лексика, непосредственно называющая эмоции), эмотивы-ассоциативы (лексемы, содержащие скрытую сему эмотивности), эмотивы-экспрессивы (слова, например прилагательные, выражающие эмоциональную оценку).

В тексте выступления М. Обамы мы выделили следующие группы эмотивов:

- эмотивы-номинативы: *concern, warmth, love, pride* и др. (всего 27 единиц);
- эмотивы-ассоциативы: *sacrifice, opportunities, heroes, struggles* и др. (33 единицы);
- эмотивы-экспрессивы: *extraordinary, incredible, unconditional, unflinching, great* и др. (15 единиц).

В тексте выступления Э. Ромни были выделены аналогичные группы эмотивов:

- эмотивы-номинативы: *shock, faith, satisfaction, love* и др. (15 единиц);
- эмотивы-ассоциативы: *respect, values, struggle* и др. (12 единиц);
- эмотивы-экспрессивы: *exciting, strong, deep, solemn, great* и др. (13 единиц).

Анализ показал, что предвыборная речь М. Обамы значительно более насыщена эмотивной лексикой как количественно (75 эмотивов против 40 в речи Э. Ромни), так и качественно. В тексте преобладают разнообразные, практически не повторяющиеся слова — лексемы, называющие эмоции, и лексемы со скрытой семой эмотивности, — что позволяет оратору успешно донести различные аспекты и грани своего эмоционального послания до аудитории. В предвыборной речи Э. Ромни эмотивной лексики почти в два раза меньше, кроме того, часто повторяются одни и те же эмотивные лексемы, например слово *love* встречается в речи 11 раз, *great* — 7 раз.

Еще одним, не менее важным способом эмоционального воздействия является использование стилистических средств. Как показал стилистический анализ текстов речей, в роли преобладающего стилистического приема выступают лексические и синтаксические повторы, которые являются мощными средствами эмоционального воздействия в публичном выступлении. Однако сравниваемые выступления различаются по насыщенности этими приемами.

В речи М. Обамы активно (18 раз) используется анафора: *Every day, the people I meet inspire me...every day, they make me proud...every day they remind me how blessed we are to live in the greatest nation on earth.*

По всему тексту употребляются параллельные конструкции (всего 17 примеров): *Barack knows the American Dream because he's lived it and he wants everyone in this country to have that same opportunity, no matter who we are, or where we're from, or what we look like, or who we love.*

Широко представлен прием градации (12 раз), когда эмоциональное воздействие повторяющихся конструкций усиливается семантическими значениями лексем:

And the truth is, I loved the life we had built for our girls...I deeply loved the man I had built that life with...and I didn't want that to change if he became President.

I loved Barack just the way he was.

В отдельных случаях используются стилистические приемы подхвата (анадиплосиса) и эпифоры:

1) анадиплосис: *That's how he brought our economy from the brink of collapse to creating jobs again. Jobs you can raise a family on,*

good jobs right here in the United States of America;

2) эпифора: *I have seen firsthand that being president doesn't change who you are — it reveals who you are.*

Э. Ромни тоже использует повторы, но гораздо реже. В основном повторы приходятся на примеры употребления стилистического приема анафоры (12 контекстов): *This is the man America needs. This is a man who will wake up every day with the determination to solve the problems that others say cannot be solved, to fix what others say is beyond repair, this is the man who will work harder than anyone so that we can work a little less hard.*

Несколько раз использованы следующие стилистические приемы:

– параллельные конструкции: *We're the mothers. We're the wives. We're the grandmothers. We're the big sisters. We're the little sisters and we are the daughters;*

– градация: *No one will work harder. No one will care more. And no one will move heaven and earth like Mitt Romney to make this country a better place to live;*

– анадиплосис и эпифора: *It's all the little things become the big things. And the big things, the good jobs, the chance at college and the home you want to buy just get harder. Everything has become harder.*

Однако эмотивность выступления Э. Ромни и степень его эмоционального воздействия на аудиторию ниже, чем у другого рассматриваемого оратора, из-за меньшего количества синтаксических и лексических повторов в тексте.

Еще одним сильным языковым средством эмоционального воздействия, использованным в обеих предвыборных речах, является метафора, что закономерно: в политической речи «метафора часто используется для воздействия на эмоционально-волевую сферу адресата и создания соответствующего отношения к рассматриваемым реалиям» [Чудинов 2005: 69].

Следует отметить, что выступление М. Обамы чуть более насыщено метафорами (24 единицы), чем речь Э. Ромни (15 единиц). При этом последний оратор использует в основном традиционные для политического текста метафоры, а метафоры первого по большей части оригинальны, что, несомненно, усиливает эмоциональное воздействие речи.

Приведем примеры метафор из речи М. Обамы:

- *they swallowed their fears and doubts;*
- *we are playing a long game here;*
- *even in the toughest moments, when we're all sweating it;*

- *raise beams of steel to the sky;*
- *connect the world with the touch of a button;*
- *we can get to the polls and make our voices heard on Election Day.*

Приведем примеры метафор из речи

Э. Ромни:

- *the love we share for those Americans, our brothers and our sisters, who are going through difficult times;*
- *he saw hope and an opportunity to escape from poverty;*
- *we were determined not to let anything stand in a way of our future.*

Таким образом, анализ риторических и лингвостилистических средств эмоционального воздействия, использованных в предвыборных речах жен кандидатов в президенты США Мишель Обамы и Энн Ромни, выявил, что высокая степень эмоциональности обеих речей достигается:

- использованием точно подобранных топосов и их реализацией через ряд эмоциональных примеров, наполненных трогательными подробностями трудностей и достижений личной жизни кандидатов в президенты, их достойного служения семье и государству;
- насыщенностью текстов эмотивной лексикой, особенно эмотивами-номинативами и номинативами-ассоциативами;
- активным использованием стилистических приемов, основанных на повторе: анафоры, эпифоры, параллельных конструкций, градации;
- широким использованием метафоры, особенно оригинальной.

Лингвостилистический анализ выявил более низкую степень эмоциональности предвыборной речи Энн Ромни, обусловленную ненасыщенностью текста речи эмотивами, заметно менее активным использо-

ванием стилистических приемов повтора и более низкой степенью метафоричности текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ассуирова Л. В.* Топосы как риторические категории и структурно-смысловые модели порождения высказывания : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. — М., 2003.
2. *Блох М. Я., Резникова Н. А.* Средства эмоционального воздействия политических выступлений // Вестн. ТГПУ. Сер.: Гуманитарные науки (филология). 2006. Вып. 9 (60). URL: http://vestnik.tspu.ru/files/PDF/articles/bloh_m._ya._14_19_9_60_2006.pdf (дата обращения: 20.10.2012).
3. *Войкова Н.* Первая леди: перезагрузка // Терра Америка : портал. URL: <http://www.terra-america.ru/pervaya-ledi-perezagruzka.aspx> (дата обращения: 20.10.2012).
4. *Лаврова А. А.* Речевое воздействие в жанре предвыборных теледебатов // Теоретические и прикладные аспекты изучения речевой деятельности : сб. науч. ст. / отв. ред. Т. Н. Синеокова ; Нижегород. гос. лингв. ун-т им. Н. А. Добролюбова. — Н. Новгород, 2009. Вып. 4. С. 162—174.
5. *Чудинов А. П.* Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации : моногр. 2-е изд. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2005.
6. *Шейгал Е. И.* Инаугурационное обращение как жанр политического дискурса // Жанры речи. — Саратов, 2002. Вып. 3. С. 205—214.
7. *Full text of First Lady Michelle Obama's remarks to the Democratic National Convention on Sept. 4 in Charlotte.* URL: <http://www.washingtonpost.com/blogs/election-2012/wp/2012/09/04/dnc-2012-michelle-obamas-speech-at-the-democratic-national-convention-full-text/> (дата обращения: 17.10.2012).
8. *Transcript of Ann Romney's speech at the Republican National Convention Published August 28, 2012* // FoxNews.com : сайт (дата обращения: 17.10.2012).

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Е. В. Шустрова

О. В. Спиридовский **O. V. Spiridovsky**
Воронеж, Россия Voronezh, Russia

**УСТОЙЧИВОСТЬ И ДИНАМИЧНОСТЬ
В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ**

**STEADINESS AND CHANGE
IN POLITICAL DISCOURSE**

Аннотация. *Анализируется президентский политический дискурс в американской лингвокультуре с точки зрения институционального подхода. Доказывается, что данный вид дискурса развивается под воздействием двух тенденций — борьбы за властные ресурсы и сохранения порядка их распределения. Рассматриваются наиболее типичные жанры и дискурсивные стратегии, обеспечивающие формирование этих тенденций.*

Abstract. *The article is aimed at the analysis of the American presidential political discourse as one of the institutional types of discourse. The author proves that the development of the presidential discourse is primarily determined by two tendencies – towards competing for political power and towards minimizing the risks of losing it. Typical genres and discourse strategies that shape these two tendencies are also studied.*

Ключевые слова: *политический дискурс; президентская коммуникация; фатическое общение; агональность; интертекстуальность.*

Key words: *political discourse; presidential communication; phatic communication; competitiveness; intertextuality.*

Сведения об авторе: *Спиридовский Олег Владимирович, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории перевода и межкультурной коммуникации.*

About the author: *Spiridovsky Oleg Vladimirovich, Candidate of Philology, Assistant Professor of the Chair of Translation and Intercultural Communication.*

Место работы: *Воронежский государственный университет.*

Place of employment: *Voronezh State University.*

Контактная информация: *394006, г. Воронеж, пл. Ленина, 10, корпус 2, к. 110.
e-mail: olegspirid@mail.ru.*

Как известно, сложноорганизованные социальные системы отличаются консерватизмом, устойчивостью, стремлением к сохранению существующих принципов и механизмов функционирования. Еще Т. Гоббс высказывал мысль о том, что общество отличается от природы прежде всего наличием социальной организации и социального порядка. Именно эта особенность позволяет предсказуемо регулировать поведение людей и координировать их совместные действия, причем последнее становится возможным благодаря коммуникативным способностям человека [Кашкин 2007: 96—97; Политология 2008: 178—179]. В ряде социальных сфер (религиозной, юридической, политической) тенденция к консерватизму проявляется в цикличности коммуникативных событий, повторяемости дискурсивных практик [Бурдые 1993; Карасик 2002], обеспечивающих предсказуемое развитие социальной системы, т. е. такое развитие, которое не отменяет ее основные сущностные свойства, не изменяет принципиальным образом распределение ролей и функций между участниками социального взаимодействия.

Для раскрытия этого явления вводятся понятия габитуса (П. Бурдые), ритуальной коммуникации (В. И. Карасик), фатического общения (Р. О. Якобсон). В частности, П. Бурдые манифестирует понятие габитуса как одно из базовых для своей социологической

концепции. Автор понимает под этим термином систему диспозиций, позволяющую «агенту спонтанно ориентироваться в социальном пространстве и реагировать более или менее адекватно на события и ситуации» [Бурдые 1993: 12]. В концепции П. Бурдые габитус, по сути, является результатом социализации индивида, усвоения им не только эксплицитных, но и имплицитных принципов поведения, формирования готовности и склонности действовать определенным — тем, а не другим — способом. В. И. Карасик тот же смысл вкладывает в понятие социального ритуала, указывая на то, что последний предназначен для закрепления постоянных характеристик представителей определенной социальной группы — этноса, конфессии, малой группы, осознающей свою групповую идентичность. Вследствие этого ритуал не подвержен изменению [Карасик 2002: 397]. Наконец, Р. О. Якобсон, создатель известной функциональной модели коммуникации, в свое время предложил использовать термин «фатическая коммуникация» для обозначения ситуаций общения, в которых его участники в большей степени сосредоточены на поддержании коммуникации неинформативного характера, чем на передаче информации друг другу, заинтересованы в поиске *психологической связи* (курсив наш. — О. С.), обуславливающей «возможность установить и поддерживать

коммуникацию» [Якобсон 1975: 198]. Нам представляется, что такой характер коммуникации объясняется желанием утвердить интегративное, объединительное начало общения как фундаментальное условие развития коммуникативных систем и их субъектов (единичных и коллективных). Таким образом, названные выше авторы едины в том, что часто коммуникация выступает в качестве способа поддержания необходимых и выгодных той или иной стороне (или нескольким сторонам) отношений и статусов.

Попытки моделирования развития политической системы приводят исследователей к признанию особой роли времени в политике. Так, используя институциональную объяснительную схему Д. Норта, М. А. Андрущенко и А. Л. Якубина, утверждают, что для раскрытия феномена политического времени важен такой концепт, как «зависимость от ранее пройденного пути» (англ. “*path dependence*”). Названные авторы указывают, что люди, выбравшие когда-то один определенный путь, становятся заложниками своего прошлого выбора и не могут впоследствии свернуть с этого пути [Андрущенко, Якубин 2009: 70]. Впрочем, выбор пути — это главный шаг в формировании институтов общества, глобальная задача которых заключается в противодействии хаосу и снижении непредсказуемости развития в той или иной социальной сфере [North 1990]. Таким образом, несмотря на неизбежные ограничения поведения людей, институты способствуют профилактике неопределенности во взаимодействии между коммуникантами и структурируют коммуникативное пространство.

С нашей точки зрения, особенно очевидным такой способ использования возможностей институциональной коммуникации становится в ситуации политического общения — в политическом дискурсе, предлагающем традиционные форматы и жанры стандартного модуса общения. Специфика политического общения заключается в первую очередь в том, что большинство действий в сфере политики подчинены главной интенции — расширению властных ресурсов и сохранению механизмов контроля над ними. Далеко не последнюю роль в достижении этой цели играют коммуникативные средства, с помощью которых поддерживается необходимый имидж ключевых участников политического процесса, укрепляется авторитетность их мнений и слов. Умелое и эффективное использование дискурсивных средств в политике создает эффект фидеистичности, веры в магию слова политического лидера, а значит, помогает пролонгиро-

вать его право приоритета на речь и действие. Таким образом происходит накопление политического капитала, о котором П. Бурдье писал как о форме символического капитала, основанного на вере и признании, возникающих в результате бесчисленных операций, «с помощью которых агенты наделяют человека той самой властью, которую они за ним признают. Это власть, которая существует лишь потому, что тот, кто ей подчиняется, верит, что она существует» [Бурдье 1993: 208—209]. Вполне естественно, что такой своеобразный кредит в виде вложения доверия обладает очень высокой ценностью для участников политического процесса, им дорожат и, следовательно, стараются не допустить его уменьшения или даже изменения.

Далее мы проанализируем способы сохранения этого кредита и ситуации, которые, напротив, допускают изменение ценностей и приоритетов в политическом дискурсе. Предметом исследования выступит американский президентский дискурс, известный своей политической культурой с богатым наследием и традициями формирования политического пространства.

Одним из подтверждений особого статуса президентского политического дискурса в США является активное использование интертекстуальных ссылок и включений в речах американских президентов или в дискурсе о президентстве. На наш взгляд, **интертекстуальность как категория политического дискурса** должна быть рассмотрена и в качестве способа поддержания его устойчивости, поскольку эта категория обладает рядом особенностей, позволяющих преодолевать или делать весьма условными границы между текстами и их авторами.

В современной лингвистике текста к общепризнанным положениям относится утверждение о том, что текст представляет собой не автономный результат творчества конкретного автора, а скорее итог диалогического взаимодействия нескольких текстов. В таком понимании новизна и оригинальность текста ставятся под сомнение, поскольку сам текст рассматривается как область пересечения предыдущих, уже составленных кем-то ранее текстов (речь в данном случае идет не только о художественной сфере, но и о самых разных социальных сферах — научной, юридической, религиозной, политической и т. д.).

При этом очевидно, что возникновение текста как результата диалога других текстов невозможно объяснить сугубо языковыми факторами: причины феномена интертекстуальности следует искать во внеязыко-

вой, внетекстовой среде, которая конструирует среду словесную и текстовую. Если интертекстуальная цитация является осознанным замыслом автора, можно говорить о том, что в ее основе лежит стремление добиться определенного дискурсивного эффекта, иллюкативных последствий: слова произносятся не просто так, а ради достижения конкретной цели.

Для раскрытия темы статьи необходимо ответить на вопрос о том, какие цели интертекстуальная цитация преследует в политическом дискурсе. Отталкиваясь от модели политической коммуникации Е. И. Шейгал, согласно которой функциональная структура семиотического пространства политического дискурса организуется триадой «интеграция — ориентация — агональность» [Шейгал 2004], отметим, что главная интенция политического общения — борьба за власть — вряд ли может постоянно управлять всеми действиями политиков. Более корректно, на наш взгляд, вести речь об актуализации этой интенции на определенных этапах политической жизни (например, в ходе предвыборной кампании). В остальное время действия субъектов политической коммуникации (в особенности близких к властным ресурсам) мотивированы необходимостью поддерживать сложившуюся систему отношений и статусов, сохранять собственное место в этой системе. Нам представляется, что именно это стремление определяет и речевые действия политиков, в частности те из них, которые имеют интертекстуальную основу. Интертекстуальные средства способствуют укреплению авторитетности политиков, повышают доверие к их словам.

Интересно проследить, какой тип авторства является наиболее востребованным в рассматриваемом виде дискурса, на кого ссылаются в своей риторике ведущие политики США, т. е. при помощи каких авторов эти лидеры укрепляют собственный политический авторитет.

В американском президентском дискурсе значимы предшественники современных президентов — президенты прошлых лет. Ссылки на них количественно доминируют в нашем корпусе примеров интертекстуальности. Ярче всего это демонстрирует президентская клятва — предельно жестко фиксированное риторическое произведение, повторяемое президентами со времен Джорджа Вашингтона. Неизменная клятва сопровождает легитимный переход власти от старого главы государства к новому и, следовательно, подчеркивает авторитетность последнего: на его стороне законность и опыт предшественников. В 1985 г. президент Рональд

Рейган, произнося свое второе инаугурационное обращение, заявляет: *This is, as Senator Mathias told us, the 50th time that we the people have celebrated this historic occasion. When the first President, George Washington, placed his hand upon the Bible, he stood less than a single day's journey by horseback from raw, untamed wilderness. There were 4 million Americans in a union of 13 States. Today we are 60 times as many in a union of 50 States. So much has changed. And yet we stand together as we did two centuries ago* (21 янв. 1985 г.).

Эти слова убеждают аудиторию в том, что обязательным условием вступления президента в должность служат декларация преемственности и уважение к истории своей страны. С нашей точки зрения, данный пример подтверждает предположения не только об интертекстуальности, но и — шире — об интердискурсивности, интерсобытийности коммуникативного процесса [Кашкин 2010: 103]. Событие инаугурационного обращения воспроизводит не только текст, но и сюжет вступления президента в должность.

Инаугурационная речь Барака Обамы 20 января 2009 г. содержит также массу других указаний на богатые традиции США, которые убеждают массового адресата в неразрывной связи истории страны и ее современности. Президент подчеркивает, что американские успехи сегодня становятся возможными благодаря усилиям предков — первых переселенцев из Европы: *Time and again these men and women struggled and sacrificed and worked till their hands were raw so that we might live a better life... This is the journey we continue today.*

Б. Обама говорит и о том, как важно хранить верность идеалам и ценностям отцов-основателей Америки, передаваемым из поколения в поколение: *Those ideals still light the world, and we will not give them up for expedience sake.*

Уже в начале обращения акцентируется внимание на преемственности идей как основной особенности развития американского общества. Эта преемственность выражается и грамматически: президент использует время *Present Perfect* для сообщения о тех ситуациях, которые были характерны для прошлого страны и сохранились в настоящем, например: *Forty-four Americans **have now taken** the presidential oath. The words **have been spoken** during rising tides of prosperity and the still waters of peace. Yet, every so often, the oath is taken amidst gathering clouds and raging storms. At these moments, America **has carried on** not simply because of the skill or vision of those in high office, but because we, the people, **have***

remained faithful to the ideals of our forebears and true to our founding documents. So it has been; so it must be with this generation of Americans.

Билл Клинтон в своем первом инаугурационном обращении апеллирует к эпохе Томаса Джефферсона, третьего президента США, активного составителя конституции страны, для того чтобы оправдать свои реформы и укрепить собственный авторитет ссылкой на слова одного из отцов-основателей страны: *Thomas Jefferson would say to his nation that to preserve the very foundations of our nation, we would need dramatic change from time to time.* Однако, как мы видим, имя и авторитет Т. Джефферсона использованы для продвижения идеи перемен, стремления к изменениям, назревшим, по мнению президента Б. Клинтона, в американском обществе 90-х гг. прошлого столетия. В этом заключается, на наш взгляд, сущность риторики большинства национальных лидеров, ищущих баланс между сохранением традиций и внесением положительных изменений в жизнь своего народа, поскольку одного сбережения традиционных ценностей всё же оказывается мало для того, чтобы работа президента могла быть признана по-настоящему успешной.

Высокий коммуникативный статус института президентства в США подтверждается и тем уважением, которым пользуются лидеры страны вне зависимости от партийной принадлежности и проводимой политики. Так, в своем первом ежегодном послании конгрессу США в 2001 г. президент Джордж Буш-младший апеллирует к опыту своих предшественников, представлявших разные политические партии: *Forty years ago and then twenty years ago, two Presidents, one Democrat and one Republican, John F. Kennedy and Ronald Reagan, advocated tax cuts to, in President Kennedy's words, "get this country moving again." They knew then, what we must do now, to create economic growth and opportunity, we must put money back into the hands of the people who buy goods and create jobs* (State of the Union Address, 27 февр. 2001 г.). Ссылка на опыт Дж. Кеннеди и Р. Рейгана призвана аргументировать позицию Дж.Буша-мл. относительно ослабления налогового бремени для американских граждан.

В целом можно утверждать, что ссылки на президентов-предшественников — это весьма распространенный прием, который, очевидно, помогает президентам повысить авторитетность своего слова, а также обеспечить некую преемственность передачи власти в стране, поскольку такая интертек-

стуальность в рамках президентских речей, доносямая до граждан СМИ, создает общее дискурсивное пространство, которое разделяют президенты США, а вместе с ними и американский народ.

Существенное место в американском президентском дискурсе занимают также ссылки на выдающихся мыслителей, общественных деятелей, политиков, реформаторов. Прецедентным (т. е. значимым в познавательном и эмоциональном отношении и регулярно воспроизводимым благодаря этому) именем для данного дискурса является имя Мартина Лютера Кинга, а прецедентным текстом — его речь, построенная на анафоре «I have a dream».

Б. Обама в контексте современных реалий заявляет о своей верности идеалу американской мечты, большая роль в создании которого принадлежала представителям Демократической партии США во второй половине XX в., одним из которых, бесспорно, являлся Генеральный прокурор США, сенатор Роберт Кеннеди. К его словам обращается президент Б. Обама: *The future is ours to win. But to get there, we can't just stand still. As Robert Kennedy told us, "The future is not a gift. It is an achievement"* (25 янв. 2011 г.).

Таким образом, категория интертекстуальности в президентском дискурсе США реализуется в виде стремления к идентификации агентов политики и к сплочению «своих» в политическом пространстве в рамках базовой семиотической оппозиции «свои — чужие». Апеллирование к словам, именам, событиям и концептам, широко известным в лингвокультуре США, способствует повышению коммуникативного статуса и политического авторитета лидера страны.

Говоря о преемственности идей, программ и политических курсов в пространстве политического дискурса в США, нельзя не назвать и отдельный тип жанров, предназначенный для закрепления иерархии в социуме, сплочения, интеграции максимально большого числа участников политического общения в единую группу. Речь идет о ритуальных (фатических) жанрах коммуникации, занимающих существенную часть пространства политического дискурса и поддерживающих **устойчивость политического дискурса**. К их числу можно отнести (применительно к американской политической культуре) инаугурационную речь (Inaugural Address) и традиционное субботнее президентское обращение [Спиридовский 2011; Шейгал 2004]. Эти примеры фатических жанров сближают следующие свойства:

– присутствие большого числа маркеров интеграции (например, лексем совместности);

– особая роль отправителя сообщения, пользующегося статусом лидера, выступление которого не оспаривается и не получает ответа в виде аналогичного выступления;

– инспиративная (мобилизующая) функция, выражающаяся в побуждении коллективного адресата к предстоящим делам и в положительной проекции на будущее.

Очевидно, что президент США не может и не должен разделять свою страну и граждан на какие-либо группы, преследующие те или иные интересы. Поэтому в фатических выступлениях американских президентов доминирует фатика интеграции. Например: *The decisions **we** make over the next few years will have an enormous impact on **the country we live in, and the one we pass on to our children*** (Б. Обама, еженедельное субботнее видеообращение, 16 июня 2012 г.). Как видим, местоимения **we** и **our**, выполняя роль маркеров интеграции, подчеркивают, что американцы живут в одной стране и несут общую ответственность за ее будущее. Эти и другие маркеры интеграции присущи инаугурационным обращениям президента США, в которых призыв к американским гражданам как к единому народу является ключевым, например: *The success of **our economy** has always depended not just on the size of **our gross domestic product**, but on the reach of **our prosperity**, on the ability to extend opportunity **to every willing heart** — not out of charity, but because it is the surest route **to our common good*** (Б. Обама, 20 янв. 2009 г.).

Похожий объединительный смысл несет в себе и обращение президента Б. Обамы, посвященное борьбе с крупными пожарами в штате Колорадо летом 2012 г. Моменты непростых испытаний — это именно то время, когда людям необходимо объединяться, чтобы вместе противостоять угрозе: *One of the things that happens here in America is when we see **our fellow citizens** in trouble and having difficulty, **we come together as one American family, as one community*** (30 июня 2012 г.).

Конечно, самым серьезным испытанием в истории США последних десятилетий стали события 11 сентября 2001 г. и следовавшие за ними перемены во внешнеполитическом курсе. Первое субботнее радиообращение президента Дж. Буша-мл. после национальной трагедии изобиловало знаками интеграции: *In the past week, **we have seen the American people** at their very best everywhere in America. Citizens **have come together to pray, to give blood, to fly our country's flag. Americans are coming together to share their grief and gain strength from one another*** (15 сент. 2001 г.).

Интегративная функция взаимодействует в ритуальных (фатических) жанрах американского президентского дискурса с инспиративной (мобилизующей). В этом случае задача президента состоит в том, чтобы вселить в аудиторию надежду на лучшее будущее, веру в успех своей деятельности, настроить сограждан на преодоление трудностей. Достаточно часто призыв к успешной работе в будущем подкрепляется примерами из славного прошлого страны: *With hope and virtue, **let us brave once more the icy currents, and endure what storms may come*** (Б. Обама, инаугурационное обращение, 20 янв. 2009 г.). По сути призыв к преодолению будущих трудностей является призывом продолжать дело своих предков. Современные реалии и будущие перспективы осмысливаются президентом именно с позиций исторического опыта, с точки зрения пройденного пути: *So let us mark this day with remembrance of who we are and how far we have traveled.*

Торжественные речи эпидейктического характера, согласно классической риторической традиции, заканчиваются побудительными предложениями и демонстрируют пересечение политического и религиозного дискурса, поскольку последние слова таких выступлений обращены к Богу: *God bless you and God bless the United States of America* (Дж. Буш-ст., инаугурационное обращение, 20 янв. 1989 г.).

Рассмотренные примеры свидетельствуют о том, что в американском президентском дискурсе привилегированное право на речь и авторитетное мнение принадлежит избранному главе государства — президенту США, от которого исходит инициатива поддержания единства нации и ее сплочения для решения будущих проблем. Важно отметить, что уверенность президента в успехе этой инициативы основана на историческом опыте США, который дает примеры выхода страны из самых сложных ситуаций. Президенты США убеждены в том, что принцип преемственности и следование традициям прошлых лет обеспечат стране достойное будущее.

Вместе с тем в развитии любой системы, в том числе и института президентства США, наступает период изменений, и президент должен быть той ключевой фигурой, которая эти изменения начинает либо предвосхищает. Отдельный тип жанров президентского дискурса, которые становятся востребованными в ситуации смены власти и трансформации политического курса, образуют агональные жанры [Шейгал 2004]. Рассматривая политический дискурс как общение, ори-

ентированное на борьбу за власть, следует признать, что агональные (состязательные) жанры являются системообразующими для данного вида общения. Именно эти жанры обеспечивают **динамичность политического дискурса**. Прототипическим агональным жанром в политике является жанр дебатов, в котором интенция за властные ресурсы реализуется наиболее явно.

Агональные жанры политического дискурса предоставляют противоборствующим сторонам возможность для оппонирования. В связи с этим в данных жанрах используются такие коммуникативные стратегии, как акцентирование собственных заслуг и профессионального опыта, сомнение в профессионализме оппонента, критика оппонента.

Красноречивым свидетельством в пользу компетентности того или иного политика служит его успешная долгая карьера, накопленный управленческий опыт. Такой политик может вызвать симпатии граждан (столь необходимые, например, в предвыборной ситуации), что прекрасно понимают пиар-команды. Как показывает анализ президентских теледебатов в США последних лет, избирателям предлагается образ опытного, самостоятельного и компетентного руководителя: *I've been the governor for ten years. The governor is the person responsible for all sorts of things occurring in the state* (Дж. Буш-мл., 5 окт. 2000 г.); *I know how to lead international alliances* (Дж. Керри, 30 сент. 2004 г.); *When you know something is going wrong, you make it right. That's what I learnt in Vietnam. When I came back from that war, I saw that it was wrong. Some people didn't like the fact that I stood up in the Congress to say "No" but I did* (Дж. Керри, 30 сент. 2004 г.); *I have a record. I have a record of being involved in these national security issues, which involve the highest responsibility and the toughest decisions that any president can make, and that is to send our young men and women into harm's way* (Дж. Маккейн, 26 сент. 2008 г.); *I know how to get America working again, restore our economy and take care of working Americans. I know how to do that, my friends. And it's my proposal, it's not Senator Obama's proposal, it's not President Bush's proposal* (Дж. Маккейн, 7 окт. 2008 г.).

Жанр теледебатов кандидатов в президенты являет ситуацию открытого противостояния сторон, их непосредственной полемики, что способствует использованию тактики информационных ударов, критике в адрес оппонентов, высказыванию сомнений в их профессионализме и лидерских навыках. При этом чаще всего объектом критики становится действующий президент, пы-

тающийся вновь стать первым лицом государства, либо его соратник-однопартиец. (К такому же выводу приходят исследователи, разрабатывающие контент-анализ применительно к политической лингвистике [Современная политическая лингвистика 2011: 27].) Например, в 2004 г. президент Дж. Буш-мл. оказался в положении участника, вынужденного отвечать на претензии другого кандидата — Дж. Керри. Такая роль президента была связана с неоднозначными результатами его первого срока, особенно в сфере внешней политики: *The president has just talked about Iraq as the centre of the war on terror. Iraq was not even close to the centre of the war. He made a colossal error of judgement* (Дж. Керри, 30 сент. 2004 г.).

В 2008 г. кандидату в президенты от Республиканской партии США Дж. Маккейну стоило немалых усилий доказать свою политическую самостоятельность, поскольку его оппонент Б. Обама не упускал возможности напомнить избирателям о причастности Дж. Маккейна к ошибочному политическому курсу Дж. Буша и Республиканской партии: *We need to get our tax policies right so that they're good for the middle class, and we need to reverse the policies of the last eight years that got us into this fix in the first place and that Senator McCain supported* (7 окт. 2008 г.). Коммуникативная стратегия критики использована и в следующем высказывании: *Now, we also have to recognize that this is a final verdict on eight years of failed economic policies promoted by George Bush, supported by Senator McCain, a theory that basically says that we can shred regulations and consumer protections and give more and more to the most, and somehow prosperity will trickle down* (Б. Обама, 26 сент. 2008 г.).

В теледебатах 2012 г. кандидат Митт Ромни, критикуя своего оппонента (президента Б. Обаму), использовал в том числе местоимение второго лица *you*, хотя нормой для этого жанра общения в американской политической культуре является критика соперников в третьем лице: *You've been president four years. You said you'd cut the deficit in half. It's now four years later. We still have trillion-dollar deficits. The CBO says we'll have a trillion-dollar deficit each of the next four years. If you're re-elected, we'll get to a trillion-dollar debt* (3 окт. 2012 г.). Напоминая президенту Б. Обаме и телезрителям о персональной ответственности главы государства за результаты политики администрации Белого дома, М. Ромни стремится представить соперника как человека, который не сдержал своего обещания и не сможет в будущем решить проблемы страны в экономической

сфере. Неутешительные итоги четырех лет президентства Б. Обамы служат главным аргументом, используемым М. Ромни в предвыборной полемике: *But that's not what you've done in the last four years. That's the problem. In the last four years, you cut permits and licenses on federal land and federal waters in half* (16 окт. 2012 г.).

Проведенный анализ президентского дискурса позволяет сделать вывод о том, что политическое общение определяется диалектическим взаимодействием двух на первый взгляд противоположных тенденций: с одной стороны, к борьбе за обладание властными ресурсами и динамичности, с другой — к устойчивости и сохранению уже существующего порядка их распределения. Однако между этими тенденциями нет непреодолимой границы. Скорее следует говорить о том, что политическая система испытывает потребность как в предсказуемом развитии в пределах какой-либо единой парадигмы отношений, статусов и принципов общения, так и в смене этих принципов.

Политический дискурс вырабатывает особые жанры и форматы общения для обеспечения этой потребности. Политическая борьба в обществе США подчиняется определенному временному циклу, который завершается избирательной кампанией и прямыми теледебатами, создающими ситуацию агонального общения. В остальное же время коммуникативно востребованными оказываются фатические жанры, т. е. такие жанры общения, которые не предполагают возможности пересмотра ролей участников общения и используемых ими дискурсивных стратегий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андрущенко М. А., Якубин А. Л. Политическое время: микро-, мезо- и макроуровни // Политическая наука : сб. науч. тр. — М. : ИНИОН, 2009. № 1 : Пространственно-временные измерения политики. С. 60—88.
2. Бурдые П. Социология политики. — М. : Socio-Logos, 1993.
3. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — Волгоград : Перемена, 2002.
4. Кашкин В. Б. Введение в теорию дискурса. — М. : Восточная книга, 2010.
5. Кашкин В. Б. Основы теории коммуникации: краткий курс. 3-е изд. — М. : АСТ : Восток-Запад, 2007.
6. Политология : учеб. для студ. вузов / под ред. В. Н. Лавриненко. 3-е изд. — М. : Юнити-Дана, 2008.
7. Современная политическая лингвистика : учеб. пособие / Э. В. Будаев, М. Б. Ворошилова, Е. В. Дзюба, Н. А. Красильникова ; отв. ред. А. П. Чудинов ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2011.
8. Спиридовский О. В. Лингвокультурные характеристики президентской риторики как вида политического дискурса. — Воронеж : Наука-Юнипресс, 2011. (Аспекты языка и коммуникации : сер. моногр. ; вып. 6).
9. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. — М. : Гнозис, 2004.
10. Якобсон Р. О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». — М. : Прогресс, 1975. С. 193—230.
11. North D. C. Institutions, institutional change and economic performance. — Cambridge : Cambridge Univ. Pr., 1990.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов

УДК 81'23
ББК Ш100.4

ГСНТИ 16.21.27; 16.01.07

Код ВАК 10.02.19

Ю. Р. Тагильцева Ю. R. Tagiltseva
Екатеринбург, Россия Ekaterinburg, Russia

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ
ВОЙНЫ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Аннотация. Представлена методика анализа информационно-психологической войны, уточняются причинно-следственные связи участников конфликта, этапов его развития, последствий и сценариев выхода из конфликта.

Ключевые слова: информационно-психологическая война; конфликт; причины и следствия конфликта; фазы развития конфликта; методы, приемы, средства информационно-психологического воздействия; социальные последствия; сценарии разрешения конфликта.

Сведения об авторе: Тагильцева Юлия Ринатовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры рекламы и связей с общественностью.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 402.
e-mail: jennifer1979@yandex.ru.

**METHODOLOGICAL ANALYSIS
OF INFORMATIONAL PSYCHOLOGICAL
WAR: THEORETICAL ASPECT**

Abstract. Method of analysis of informational psychological war is presented, cause-effect relations of the participants of the conflict are specified, stages of its development, consequences and scenarios of the settlement of the conflict are enumerated.

Key words: informational psychological war; conflict; causes and effects of the conflict; stages of development of the conflict; methods, ways, means of informational psychological influence; social consequences; scenarios of settlement of the conflict.

About the author: Tagiltseva Yulia Rinatovna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Chair of Advertising and PR.

Place of employment: Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).

На сегодняшний момент анализ информационно-психологической войны как социального и психологического явления ограничивается двумя аспектами — психологическим и тактическим. Психологический анализ этого явления развивается в двух направлениях, которые можно обозначить как психологию войны и информационно-психологическое оружие (действия, операции, средства и т. д.). Вкратце охарактеризуем указанные направления.

Начнем с психологии войны. По мнению А. Г. Караяни, «война есть психологический феномен в силу того, что имеет психологическую природу, цели, функции, развивается по психологическим закономерностям, определяется психологическими возможностями противоборствующих сторон, ведется в том числе и психологическими средствами, и ее результаты определяются психологическими последствиями» [Караяни 1997]. Исходя из этого, как отмечает исследователь, именно психологический компонент войны является «ядерным», должен стать той основой, которая даст возможность «построения научного образа войны» [Там же].

Компонентами психологического анализа войны как социального явления, как отмечает А. Г. Караяни, являются:

1. Психология войны.
2. Психология боевых действий (боя).

3. Военно-психологическое искусство.

4. Психологическое обеспечение боевых действий войск [См.: Караяни 1997].

Все вышеперечисленные компоненты дают основание для выдвижения и разработки «целого научного знания о войне», призванного «понять ее природу, социальные функции и механизмы управления ею» [Караяни 1997].

Следующим направлением в изучении психологической составляющей информационно-психологической войны является исследование средств (приемов, методов) информационно-психологического воздействия. Этому вопросу посвящено большое количество работ как отечественных, так и зарубежных экспертов. Основной акцент в таких исследованиях сделан на наполнении термина «информационно-психологическое воздействие», классификации средств информационно-психологического воздействия, понимании механизма их влияния на сознание масс, отдельно взятого индивида посредством средств коммуникации (работы С. А. Зелинского, В. Г. Крысько, Д. А. Волкогонова и др.).

Что касается изучения тактической стороны, то оно осуществляется либо посредством ситуационного анализа, опирающегося на методы математического анализа, экспертно-математические модели оценки ве-

Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ (проект 6.2985.2011 — «Политическая метафорология»).

© Тагильцева Ю. Р., 2012

вероятности событий-выходов (такой анализ направлен на выявление контролируемых или неконтролируемых факторов формирования механизма управления информационной операцией в экономике и политике [Подр. см.: Бухарин, Цыганов 2007а]), либо с помощью анализа военно-стратегических компонентов информационной войны. Конечно, анализ информационной войны дает возможность выявить слабые и сильные стороны, возможности и угрозы кампании, контролируемые и неконтролируемые факторы, а также спрогнозировать, исходя из статистических данных, развитие кампании. Однако возникает вопрос, всегда ли данный анализ оправдан при развитии быстротечных информационно-психологических кампаний, когда необходимо быстро отреагировать на атаки противника и предложить возможные сценарии выхода из конфликта.

Как видим, существующие методологии анализа информационно-психологической войны пытаются разложить ее на отдельные компоненты, понять их механизм реализации (выявляются методы, технологии, средства информационно-психологического воздействия, их влияние на массовое и индивидуальное сознание), но не рисуют полную картину конфликта, противостояния.

Между тем, на наш взгляд, необходимо исследовать компоненты информационно-психологической войны не в отдельности, а в их взаимосвязи, чтобы не просто описать событие, воссоздать его картину, а прежде всего выявить причинно-следственные связи, что поможет пониманию сути проблемы и разработке сценария разрешения конфликта.

В данной статье представлена методология анализа информационно-психологической войны, направленного не на простое описание конфликтной ситуации, а прежде всего на выявление причины возникновения конфликта. В результате появляется возможность предложить варианты выхода из него посредством конструктивного диалога между противоборствующими сторонами или коммуникативного компромисса, либо дающего сценарий разрешения конфликта, приемлемый для обеих сторон, либо «замораживающего» отношения до того момента, когда стороны будут готовы к диалогу.

Основными компонентами методологического анализа являются:

1. Ориентированность информационно-психологической войны.

Данный пункт анализа дает возможность определить ориентированность и масштабность информационно-психологической войны в рамках тех или иных отношений в политическом пространстве субъекта. Здесь

можно выделить внутривнутриполитическую и внешнеполитическую ориентированности, причем в последней различается направленность на ближнее и дальнее зарубежье. Это дает возможность понять природу конфликта, развивающегося на базе политических, экономических, этнических или религиозных разногласий в пределах государства, и масштабы его распространения (на одно или несколько государств).

2. Описание сложившегося конфликта дает возможность понять расположение субъектов и объектов конфликта в пространстве и времени (в хронологическом аспекте) и специфику отношений, складывающихся между ними. Описание ситуации — это первый шаг к ее анализу, к пониманию того, как можно и можно ли вообще изменить ее и придать ей положительную динамику.

3. Исторический аспект возникновения конфликта сводится к подробным сведениям об истоках возникновения конфликта — исходной причине, условиях, побудивших к его обострению и породивших следствия. Анализ на данном этапе должен концентрироваться на следующих моментах:

- субъектах и объектах конфликта;
- условиях;
- следствиях.

4. Участники конфликта.

Описание участников конфликта дает возможность понять, почему они оказались втянутыми в данную ситуацию и как она на них влияет. Поэтому в данном пункте анализа необходимо тщательно рассмотреть:

- экономическую, политическую или социальную принадлежность участников;
- интенсивную составляющую политической, экономической или социальной направленности участников;
- основную позицию противоборствующих сторон конфликта;
- оказание экономической, политической или социальной поддержки со стороны «сторонних наблюдателей»;
- ментальную составляющую участников (при межнациональном конфликте).

5. Уровень включенности в конфликт.

На данном этапе анализа предполагается сделать акцент на раскрытии пунктов, которые дадут представление о том, как протекает конфликт и как влияют друг на друга противоборствующие стороны; выделяются:

- двусторонняя / односторонняя включенность: в первом случае — участие и воздействие конфликтующих сторон, во втором — воздействие только с одной стороны;
- симметричная / асимметричная включенность — при первом варианте наблюда-

ется двустороннее воздействие сторон с одинаковой интенсивностью, при втором — одностороннее воздействие, при котором другая сторона либо сопротивляется с меньшей интенсивностью, либо совсем не принимает меры и ведет себя в крайне пассивно.

6. Цели информационно-психологической войны (кампании).

На сегодняшний день выделяют следующие цели:

- завоевание или сохранение капитала и власти [Бухарин, Цыганов 2007б];

- нарушение функционирования системы управления государственных институтов путем воздействия на лиц, принимающих стратегические решения [Некляев 2008];

- на государственном уровне — «ослабление позиций конкурирующих государств, подрыв их национально-государственных устоев, нарушение системы государственного управления», а на военном — «информационное превосходство над противником и защита своих систем управления» [Жуков].

Конечно, перечисленные цели информационно-психологической войны предельно абстрактны, поскольку любая кампания подобного типа имеет свое конкретное целеполагание, зависящее от типа конфликта, условий его реализации и стратегий.

7. Этапы реализации информационно-психологической войны.

В специализированной литературе данная проблема рассматривается либо через призму этапов реализации PR-кампании (Г. Г. Почепцов), либо с помощью представлений об этапах ведения классической войны с применением спецопераций (А. В. Манойло). Подобные взгляды не в полной мере раскрывают динамику развития самого конфликта (информационно-психологического противоборства) и роли его участников. Поэтому, как нам кажется, приемлемо выделять этапы информационно-психологической войны в зависимости от фаз развития конфликта — от его возникновения до разрешения.

Для этого мы остановили свой выбор на классификации фаз конфликта, предложенной Б. Л. Ереминым, согласно которой выделяются следующие фазы:

- конфронтационная (военная) фаза — стороны стремятся обеспечить свой интерес за счет устранения чужого;

- компромиссная (политическая) фаза — стороны стремятся по возможности достичь своего интереса через переговоры, в ходе которых производят замену отличающихся интересов каждого субъекта на общий компромиссный;

- коммуникативная (управленческая) фаза — выстраивая коммуникацию, стороны достигают согласия, основанного на том, что суверенитетом обладают не только сами субъекты конфликта, но и их интересы, и стремятся к взаимопониманию интересов, ликвидируя лишь незаконные с точки зрения сообщества различия [Базаров, Еремин 2002].

Кроме того, согласно Б. Л. Еремину, кризис может возникать и протекать внутри одной из фаз и представлять собой «взаимодействие субъектов, при котором не происходит поступательного перехода от фазы к фазе» [Там же]. Если наблюдается задержка в развитии конфликтного взаимодействия, то может возникнуть напряженность в отношениях. Поэтому, чтобы конфликт смог достичь своего логического завершения, им нужно управлять. Таким образом, выделенные фазы показывают, как развивается взаимодействие субъектов начиная с конфронтации и до коммуникации, в ходе которой происходит информационное взаимодействие.

8. Методы и приемы информационно-психологического воздействия.

Подробная классификация приемов и методов информационно-психологического воздействия предстала в следующей работе: [Грачев, Мельников].

9. Инструменты (средства) информационно-психологического воздействия.

Данный этап анализа дает возможность выявить и рассмотреть инструменты презентации и распространения информации, предназначенной для побуждения и регулирования поведения объектов воздействия.

Как отмечает А. Г. Караяни, классическими инструментами информационно-психологического воздействия являются:

- печатные тексты как пропагандистского, так и экстремистского характера;

- СМИ — радио, телевидение, печать;

- кино-, видеофильмы, аудиоматериалы как пропагандистского, так и экстремистского характера [См.: Тагильцева 2012];

- звуковещание;

- Интернет;

- предметы повседневного обихода, сопровождаемые «специальными» инструкциями;

- синтезаторы голографических и звуковых эффектов в атмосфере;

- вспомогательная деятельность посредством специальных мероприятий, акций.

Перечисленные инструменты способствуют не только побуждению объектов к необходимым действиям, но и обеспечивают мощное психологическое воздействие на них с целью подавления или поднятия «бое-

вого» духа. Наличие подобных инструментов свидетельствует о присутствии в информационно-психологической войне психологических операций со стороны участников конфликта.

10. Социальные последствия.

Их учет дает возможность проследить влияние информационно-психологической войны (кампании) на общественное мнение, поэтому здесь необходимо сосредоточиться на следующих моментах:

- направленности общественного мнения;
- интенсивности общественного мнения;
- реакции общественности (появление пропагандистских/экстремистских текстов, лозунгов, митингов, акций протестов, сопровождаемых насильственными действиями);
- возрастании фактора тревожности в обществе в связи с проведением антиобщественных действий и, как следствие, усилении ксенофобии, если речь идет о межэтнических конфликтах (подобное развитие конфликта наблюдается при ведении информационно-психологической войны, носящей деструктивный характер).

11. Сценарии разрешения конфликтной ситуации.

Известно, что информационно-психологические войны порой губительно влияют на общество и систему государственного устройства. Поэтому все чаще противоборствующие стороны учатся решать конфликт так, чтобы не унижить друг друга и понести минимальные потери.

Из всех возможных сценариев выхода из состояния информационно-психологической войны продуктивными являются только те, которые ведут к повышению управляемости и сотрудничеству. Такими способами могут стать:

- межкультурный диалог;
- конструктивный диалог;
- коммуникативный компромисс.

Предложенная методология анализа информационно-психологической войны позволит рассмотреть исследуемый феномен не только с точки зрения психологии и стратегии ведения войны, но и с позиции выявления причинно-следственных связей, разработки сценариев выхода из конфликтной ситуации и лингвистики текстов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бухарин С. Н., Цыганов В. В.* Методы и технологии информационных войн. — М. : Академический проект, 2007а.
2. *Бухарин С. Н., Цыганов В. В.* Информационные войны в бизнесе и политике: теория и методология. — М. : Академический проект, 2007б.
3. *Грачев Г., Мельник И.* Манипулирование личностью: организация, способы и технологии информационно-психологического воздействия. URL: www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/Grach/index.php.
4. *Жуков В.* Взгляды военного руководства США на ведение информационной войны. URL: psyfactor.org/infowar2.htm.
5. *Караяни А. Г.* Информационно-психологическое противоборство в современной войне. 1997. URL: psyfactor.org/lib/psywar30.htm.
6. *Некляев С. Э.* Информационно-психологическая война в условиях сетевой войны как новая форма угрозы национальной безопасности // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10, Журналистика.* 2008. № 5. С. 35—51.
7. *Тагильцева Ю. Р.* Экстремистские материалы как инструмент информационно-психологической войны // *Политическая лингвистика.* № 3 (41). С. 99—103.
8. *Управление персоналом* : учеб. для вузов / под ред. Т. Ю. Базарова, Б. Л. Еремина. 2-е изд., перераб. и доп. — М. : ЮНИТИ, 2002.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Н. Б. Руженцева

РАЗДЕЛ 3. ЯЗЫК — ПОЛИТИКА — КУЛЬТУРА

УДК 821.111.1
ББК Ш5(7Сое)

ГСНТИ 17.82.31; 17.07.21

Код ВАК 10.01.03

Е. А. Бежан Е. А. Bezhan

Одесса, Украина Odessa, Ukraine

ХОЛОКОСТ В НОВЕЙШЕЙ АМЕРИКАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (У. СТАЙРОН, ДЖ. ФОЕР)

Аннотация. Анализируется становление и реализация темы холокоста в новейшей литературе США на материале романов американских писателей У. Стайрона («Выбор Софи») и Дж. Фоера («Всё освещено»). Показаны принципы раскрытия темы в реалистическом и постмодернистском текстах: история и современность прочитываются в них по-разному.

Ключевые слова: холокост; история; современность; реализм; постмодернизм.

Сведения об авторе: Бежан Елена Анатольевна, старший преподаватель кафедры зарубежной литературы, аспирант кафедры зарубежной литературы.

Место работы: Одесский национальный университет им. И. И. Мечникова.

Контактная информация: Французский бульв., 24/26, к. 108. Одесса, 65058, Украина.
e-mail: a.bezhan@mail.ru.

HOLOCAUST IN CONTEMPORARY AMERICAN LITERATURE (W. STYRON, J. FOER)

Abstract. The article deals with the problem of studying and realization Holocaust theme in the contemporary literature of the USA. The research is based on the W. Styron's novel «Sophie's Choice» and Jonathan Safran Foer's novel «Everything is Illuminated». In this article the theme development is showed in realistic and postmodern texts. History and modernity appear in them in different ways.

Key words: Holocaust; history; modernity; realism; postmodernism.

About the author: Bezhan Elena Ananolevna. Lecturer of Foreign Literature Department, Post-graduate Student of Foreign Literature Department.

Place of employment: Odessa National University, named after I. I. Mechnikov.

Тема холокоста, одной из самых масштабных трагедий XX в., не утрачивает своей актуальности и в XXI в. Истребление нацистами шести миллионов евреев накануне и в годы Второй мировой войны оставило глубокий след в памяти нескольких поколений.

В конце 1950-х гг. «уничтожение евреев по национальному признаку» стали обозначать словом «холокост». После появления многочисленных публикаций о страданиях этого народа, основанных на документальных источниках, данный термин вошел в международный обиход, а в каталоге Библиотеки Конгресса был создан следующий раздел: «холокост еврейский, 1939—1945» [Корман 2003].

Известный американский критик и исследователь еврейства Рут Уайз пишет: «The term Holocaust seems to craft a new secular version of the crucifixion, a version in which the Jews are cast as the sacrificial figure in a denationalized saga of evil and innocence <...> Both Shoab and khurbn derive from the Bible, with different weights of memory attached» [Wisse 2000: 191—236] / Термин „холокост“, кажется, породил новую версию распятия, версию, в которой евреи стали жертвенными фигурами в денационализированной саге о зле и невинности (перевод наш. — Е. Б.).

Сегодня литература о холокосте преимущественно автобиографична. Это ме-

муары, дневники. Однако оформляется и литература о холокосте иного рода. Отмечая эту закономерность, Рут Уайз пишет: «If we accept the increasingly notion that "Holocaust literature has grown of its own", Adolf Hitler would be the first ruler in history to have inspired a new literary genre» [Там же: 191] / Если мы принимаем чрезвычайно распространенное мнение о том, что „литература холокоста переросла в свой обособленный жанр“, то Адольф Гитлер может считаться тем первопроходцем истории, который основал этот новый жанр (перевод наш. — Е. Б.).

Самым известным свидетельством холокоста считается дневник 15-летней девочки Анны Франк, которая прошла испытание Освенцимом. В советской литературе тема холокоста нашла отражение в романе В. Гроссмана «Жизнь и судьба», а также в поэме Е. Евтушенко «Бабий Яр». О трагедии венгерского еврейства писал Имре Кертес, нобелевский лауреат 2002 г. Задачу своих эссе он обозначил словом «приближение». Комментируя это определение, А. Балла говорит: «Приближение к тому же, к чему, с одной стороны, пытается приблизиться и его художественная проза, и к чему, по его словам, приблизиться невозможно» [Балла 2005]. В подобном контексте слово «приближение» можно воспринять и буквально

© Бежан Е. А., 2012

(«первичное приближение к теме»), и как жанровое определение эссе конкретного автора (И. Кертеса).

Холокост стал одной из важных тем кинематографа. В разных странах мира в послевоенные годы режиссеры пытались представить реальные события Катастрофы и подчеркнуть ее значение в истории человечества. Ярким примером этого можно считать работу выдающегося американского режиссера С. Спилберга «Список Шиндлера», а также фильм-оскароносец польского кинематографиста Р. Поланского «Пианист». Картина поразила мир реалистичностью и прикосновением к самым сокровенным основам бытия. Отметим также, что в 1982 г. А. Пакула создал фильм по одноименному роману У. Стайрона «Выбор Софи», а уже в XXI в. был снят фильм и по роману Дж. Фоера «Всё освещено».

Обратимся к литературе. После событий Второй мировой войны перед молодыми писателями США встала нелегкая задача: прежде всего им было необходимо выйти из тени великих литературных титанов — Фолкнера, Фицджеральда, Хемингуэя, — чтобы обрести «собственный голос» и по своему рассказать о новой и страшной войне. Тяжелым, но успешным этот путь оказался для У. Стайрона. Следуя традиции Южной литературной школы и пытаясь сказать об уроках войны в форме, органичной его поколению, У. Стайрон, по словам Л. Цехановской, сумел показать «поиски универсальных жизненных решений» [Цехановская 1987]. Это обобщение относится и к истолкованию темы «евреи в фашистском плену».

Отметим, что данная тема рассматривалась писателем не только на фоне острых социальных проблем человечества, но и в контексте проблемы экзистенциального одиночества, восходящей к выводам А. Камю. Сказанное объясняет, почему послевоенная эпоха представляется в романе центром «хаоса и отчаяния» [Morris 1975: 13], а человек — существом смертельно травмированным. Признание абсурдности мира и трагичности человеческого бытия становится философской основой романа «Выбор Софи» (1979).

Характерной особенностью данного произведения является то, что проблему фашизма, Освенцима и отобранной жизни У. Стайрон пропускает через мировосприятие представителей нескольких поколений послевоенной Америки. Благодаря такому решению в романе сталкиваются судьбы автобиографического героя (начинающего писателя Стинго), польской эмигрантки, побывавшей в Освенциме Софи Завистовской

и американского еврея — наркозависимого Натана Ландау. Общий приговор современникам выносит один из героев, говоря о том, что американцы, далекие от ужаса концлагерей, так и не поняли сущности этого кошмара.

В своем романе У. Стайрон использует оригинальный сюжетный ход: «любовный треугольник» (Стинго — Софи — Натан) рассматривается в контексте проблемы антигуманного мира, который не приспособлен к гармонии высоких человеческих чувств уже потому, что люди расплачиваются за грехи как предыдущих поколений, так и своих современников. Таким образом, обостряется проблема вины человечества, причастного к уничтожению как рабов американского Юга, так и «людей другой» европейской расы.

Интерес У. Стайрона к проблемам подсознательного демонстрирует закономерность, неоднократно отмечавшуюся в американской литературе: даже реалистов новейшего времени отличает повышенное внимание к проблеме одиночества, и они пытаются объяснить его подсознательными страхами. Так, У. Стайрон, обращаясь к подробностям психического состояния Софи, старается показать, как влияет ощущение катастрофы на женщину, которая вынесла испытание камерой смерти и запахом сгорающих в Освенциме тел. Отметим также, что тема испытания холокостом сочетается у писателя с проблематикой Великой депрессии, маккартизма и попыток деформировать принципы американского демократизма [Денисова 1985]. В общем можно утверждать, что экзистенциальный человек У. Стайрона, страдая «болезнью времени», остро чувствует абсурд бытия. В южных штатах Америки это может обернуться расовой нетерпимостью, а в северных и центральных — ощущением абсолютного одиночества и дисгармонией человеческих отношений. Комментируя данный подход писателя к теме, критик Дж. Крайн отметил, что у У. Стайрона «фактически все люди оказываются втянутыми в борьбу за свободу <...> свободу быть тем, кем они являются» [Craine 1984].

Уничтожение евреев как нации, «недостойной европейского статуса», тесно связано у Стайрона с мотивом дегуманизации общества. Не случайно литературовед Н. Анастасьев настаивал на том, что роман писателя надо воспринимать как призыв к «сохранению веры в возможности человека» [Анастасьев 1981]. С одной стороны, такая позиция положительно характеризует гуманистическую составляющую произведения, а с другой, утверждает исследователь, свидетельствует о преданности автора южно-

американской литературной традиции, в которой зарождалась и крепла вера в возможность сопротивления Злу.

Выбор Софи, которая из-за «сбоя» в нацистской машине уничтожения попадает в Освенцим, связан с желанием выжить. Этот выбор определяется А. Зверевым как «выбор между гуманной этикой и несвободным приспособленчеством» [Зверев 1983]. Добавим, что проявляется здесь и биологический синдром спасения собственной жизни. В итоге получается, что характер Софи — это сгусток противоречий, рожденных близкой смертью. Не случайно Стинго скажет, что в Софи живет «печальная тень предчувствия смерти», к которой «стремглав движется человек» [Стайрон 2009].

Болезнью, которая не отпускала Софи, была травмирующая память о концентрационном лагере: он, этот лагерь, остался с женщиной и после ее освобождения. Сказанное помогает понять, какие проблемы она должна была разрешать в Освенциме. Так, несмотря на неуважение к отцу, доктору права Збигневу Беганскому, неоднократно высказывавшемуся о необходимости уничтожения «нижних рас», она в какой-то момент только ради спасения присваивает его труд и заявляет о своем авторстве палачу Хессу. От голодной смерти ее спас Бронек, входивший в лагерную группу «Сопротивления», но когда он попросил Софи помочь, она ему отказала. Она предлагала себя в наложницы Хессу, как ей казалось, ради спасения сына Янека. Ей предоставили выбрать, кого из ее детей — девочку или мальчика — первым отправят в газовую печь.

Прошли годы и, чудом спасенная, она оказалась в совершенно равнодушной к ней Америке. Первое, что заметил влюбленный Стинго, — Софи все время что-то недоговаривает и постоянно врет. Оказывается, это вызвано тем, что люди, прошедшие лагеря смерти, войти в новую жизнь не могут. Как следствие, Софи ищет смерти, жалеет, что ей не дали утонуть. Превратив свою жизнь с Ландау в какой-то вымученный спектакль, в конце концов она уходит из жизни. Остались записи молодого Стинго, объясняющие характер Софи: *Я понял <...> что Софи склонна была смотреть на свою жизнь <...> сквозь фильтр отращения к себе — явление, судя по всему, нередкое у тех, кто прошел через похожие страдания* [Там же: 69]. Это подтвердила и сама Софи: *...нацисты заставляли делать такое... Например, Хесс. Я бы никогда не старалась, чтобы он лег со мной, все это из-за Яна. И никогда я бы не стала говорить, что ненавижу евреев или что я написала ту брошюру, а не*

мой отец. Все это я делала ради Яна. Мне и сейчас просто до смерти обидно [Там же: 200]. Подводя итоги своей жизни, она говорит: *Так многого боялась! Всего боялась — такой они внушили мне страх! <...> Ох, Язвинка, я не могу жить со всем этим* [Там же: 620—621].

Единственным островком спасения для Софи становится музыка: высокая классика все время сопровождает героиню, объясняет и реабилитирует ее. Последняя попытка вновь услышать и увидеть жизнь гармоничной реализуется фрагментами текста такого наполнения: *Весь вечер музыка Брамса исходила сквозь тонкий потолок — величественный и трагический французский рожок в сочетании с пронзительным птичьим зовом <...> Она снова и снова ставила пластинку с финалом Первой симфонии Брамса, который флейтой наполнял меня такой грустью и ностальгией, которых я никогда раньше не испытывал* [Там же: 621].

Последнее по времени и очень талантливое произведение на тему Катастрофы в американской литературе появилось в 2005 г. Речь идет о постмодернистском романе молодого писателя Джонатана Саффрана Фоера «Все освещено», который уже переведен на многие языки мира, в том числе на украинский и русский. Наш современник Дж. Фоер, обратившись к теме холокоста, раскрывает ее довольно неожиданно. Мотивационная структура произведения связывается со стремлением осознать свое место в жизни и даже во Вселенной. Отметим также, что «человек растерянный», ставший героем современной литературы, вошел и в повествование Дж. Фоера. А. Мережинская, предложившая типологию современного героя, выделяет как минимум два его типа: а) человек экзистенциальный, б) «человек поколения, утратившего ориентиры». Исследовательница называет молодое поколение «измененным», потому что оно очень отличается от предыдущих. Развивая эту мысль, литературовед Н. Бедзир добавляет, что на авансцену иногда выходит и «положительно ориентированный экзистенциальный человек» [Бедзир 2007: 472].

Именно таким мы склонны считать героя Дж. Фоера — молодого американца Джонатана, который решил разыскать в Украине еврейский штетл Трохимброд, население которого когда-то казнили фашисты. Роман, посвященный путешествию героя, безусловно, постмодернистский, т. е. сюжетом, стилем и даже языком представляет человека в состоянии тяжелого отчаяния, желающего «обрести себя» и не всегда осознающего, где он и что с ним происходит.

Очень важно, что проблема самоидентификации личности должна разрешиться на территории «новой Родины». Поиск себя в необъятном мире сочетается у Дж. Фоера с проблемой памяти об ужасном прошлом своего народа: *Я хочу увидеть Трохимброд, — сказал герой, — увидеть, какой он, где рос мой дедушка и где бы я был сейчас, если бы не война* [Фоер 2005]. Несмотря на утверждение, что постмодернистский роман обычно не изображает эволюцию личностного мышления, мы отмечаем, что идейным центром произведения Дж. Фоера является проблема *индивидуального выбора своей жизни и своей истории*. Именно этот мотив, как утверждает Т. Денисова, делает актуальными утраченные сегодня идеалы нравственности и духовности [Головна течія... 2006]. Данный мотив, кроме того, объединяет произведение молодого современного автора с романом его предшественника У. Стайрона.

Локус войны как пространства, которое уничтожает человеческое «Я», реализуется в образе Деда. Проблема самоидентификации оказывается для него такой же важной, как и для Джонатана. Дед вынужден вернуться в прошлое, о котором старался забыть. А вернувшись, вынужден снова пережить расстрел и решить для себя, кто же он такой — жертва нацизма или предатель. Пережив гибель односельчан-евреев, он очень хотел забыть, что и сам еврей. Жаждал этого с такой силой, что возненавидел само слово «еврей». Эта ненависть вырывалась из него: *Я ненавижу Львов! Я ненавижу Луцк! Я ненавижу еврея на заднем сиденье машины...* [Фоер 2005]; — *Сэмми-Дейвис-младший был евреем? — Вы что, это невозможно. Сэмми-Дейвис-младший никогда не был евреем!* [Там же: 91].

Скорее всего, с образом Деда в романе Дж. Фоера связан мотив исторического беспамятства. В постмодернистском романе, которому историзм вообще-то противопоказан, неожиданно выходят на первое место история и судьба человека. В этом случае необходимо признать правоту Т. Денисовой, Т. Потницевой, Ю. Ткаченко, которые неоднократно указывали на то, что Дж. Фоеру присущ «экстравагантный» и «изобретательный» взгляд на историю [Головна течія... 2006]. Историческая реальность для него — спираль, которая затягивает и делает современниками всех: как дедов и прадедов, так и детей и внуков. Тем самым то, что происходило в 1942 г., становится реальным и сейчас: *Генерал подошел к следующему мужчине в ряду. А то я. — Кто здесь еврей? — спросил он и я вновь почувствовал Гершелеву руку я знал что его рука гово-*

рит „пожалуйста пожалуйста Эли я не хочу умирать“ <...> Так кто еврей? — спросил меня Генерал и я услышал как ко второй моей руке касается рука бабушки и я знал что на руках у нее твой малый батя а у него на руках ты и твои дети и я так боюсь умереть и боюсь умереть я так боюсь умереть <...> и тогда я сказал что он еврей <...> а он был мне друг он же был мне лучший друг [Фоер 2005: 362] (в цитате сохранены стилистика и синтаксис Дж. Фоера. — Е. Б.). Много десятилетий подряд Дед вытаскивал из памяти этот эпизод, но история настигла его, и теперь, как и всех читателей романа, его мучает одна мысль: «Как жить дальше с грузом трагедии?» В конце концов самоубийство становится неизбежным и единственным для него выходом: *я знаю, что я должен сделать и сделаю это* [Там же: 363]. Важнейшим свидетелем геноцида и человеком, который сохраняет и несет в себе память о прошлых событиях, в романе Дж. Фоера выступает Августина-Листа. Именно она становится главным поводырем каждого из героев к его забытому «Я». Об этом свидетельствуют следующие строки: — *Мы ищем Трохимброд. — О, — выдавила из себя женщина и залилась рекой слез, — вы уже приехали. Я и есть Трохимброд* [Там же: 187].

Еще не до конца понимая эти слова, Джонатан и его спутники надеялись увидеть реальный «штетл», но Августина и является последним его свидетелем, все остальные давно уничтожены: *Мы проехали за Августиной в середину поля, там она остановилась. — Ты измучилась? — спросил Дед. — Ты так много прошла. — Нет, — сказала она ему. — Мы уже на месте. — Что? — Я же говорила вам, что вы ничего здесь не увидите — сказала Августина. — Они все разрушили* [Там же: 287—288].

Придя в ее дом, все трое понимают, что очутились в чем-то вроде музея или древнего сундука, в который складывают всё самое памятное. Сохраняя Трохимброд в фотографиях и других вещах, эта женщина оживляет души тех, кого вернуть уже невозможно: *Стен не было видно за большим количеством фотографий. Там была куча ящиков. Из ящика, на котором было написано СВАДЬБА И ДРУГИЕ ПРАЗДНОВАНИЯ, торчал кусок белой материи. Ящик ЧАСТНОЕ: Личные КНИГИ / дневник / ЗАМЕТКИ / нижнее белье. Был еще ящик СЕРЕБРО / ПАРФЮМЕРИЯ / ШПИЛЬКИ, а дальше ЧАСЫ / зимнее, а еще были СТАТУЭТКИ / ОЧКИ* [Там же: 231—232]. В локусе «дома, которого нет» каждый из героев будто находит и идентифицирует себя, объединяясь с те-

ми, кого уже нет. Так постепенно оформляется мысль о том, что Августина всю свою жизнь сделала мостиком между прошлым и будущим. *Мы смотрели на нее, как от нее зависел весь мир и будущее* [Там же: 233], — пишет автор. Благодаря ей трагедия сожженного Трохимброда не только навсегда остается черным пятном в поле, но и оживает в памяти тех, кто приходит сюда за Августиной. Живя прошлым и сохраняя в себе историю холокоста, женщина, сама того не понимая, превращает его в актуальную проблему настоящего: *А можно я спрошу? — Да конечно. — Война уже закончилась?* [Там же: 303]. Для нее, утверждает автор, война остается там, где сжигают, уродуют, унижают. И этот урок должен быть усвоен.

Таким образом, в романах У. Стайрона и Дж. Фоера тема холокоста становится мотивом, который, в силу своей трагедийности, «перекрывает» тему войны и поглощает ее. В результате Вторая мировая война уже не описывается и даже не возникает в воспоминаниях героев, ее олицетворением и метафорой становится холокост. Показательно, что в восприятии У. Стайрона человеконенавистничество, повлекшее за собой холокост, проецируется на главную проблему Юга — расизм. В романе Дж. Фоера холокост с геноцидом предков героя связывается с современной проблемой идентификации личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анастасьев Н. А. Южный акцент // Проблемы становления американской литературы. — М. : Наука, 1981. С. 113—154.

2. Балла О. Книга невозможностей. Венгерский нобелевский лауреат о мире после катастрофы // *Ex Libris*. 2005. № 17. С. 24—27.

3. Бедзир Н. П. Русская постмодернистская проза в восточно- западном литературном контексте. — Ужгород : Вид. Олександри Гаркуші, 2007.

4. *Головна течія* — гетерогенність — канон в сучасній американській літературі : матеріали 3 між-нар. конф. з амер. літератури (Київ, Україна, 3—5 жовт. 2005 р.) / укл. Т. Н. Денисова.— Київ : Факт, 2006.

5. Денисова Т. Н. Экзистенциализм и современный американский роман. — Київ : Наукова думка, 1985.

6. Зверев А. М. Логика литературного десятилетия // Литература США в 70-е гг. XX века. — М. : Наука, 1983. С. 11—79.

7. Корман Г. Холокост в трудах американских историков // За гранью понимания. Философы и богословы о холокосте / под. ред. Дж. К. Рота и М. Берембаума. — Киев : Дух і літера, 2003.

8. Стайрон У. Выбор Софи : [роман] / [пер. с англ. Т. Кудрявцевой]. — М. : АСТ, 2009.

9. Фоер С. Дж. Все ясно : [роман] / [пер. з англ. Р. Семківа]. — Київ : Факт, 2005.

10. Цехановская Л. Экзистенциальный аспект творчества У. Стайрона // Уч. зап. / Тартус. ун-т. 1987. Вып. 771. С. 126—133.

11. Craine J. K. The Root of All Evil: The Thematic Unity of William Styron's Fiction. — Columbia : South Carolina UP, 1984.

12. Morris R. K. An Interview with Willam Styron. — Athens : The Univ. of Georgia Pr., 1975. P. 13.

13. Wisse R. Testimonies in native and adopted tongues // The modern Jewish canon. — N. Y. : Free pr., 2000. P. 191—236.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. В. И. Силантьева

Е. В. Иванова E. V. Ivanova

Челябинск, Россия Chelyabinsk, Russia

**АРХЕТИП АПОКАЛИПСИСА
И ЕГО ВЕРБАЛИЗАЦИЯ
В ТЕКСТАХ СММ**

**ARCHETYPE OF APOCALYPSE
AND ITS VERBALIZATION
IN MASS MEDIA TEXTS**

Аннотация. Анализируется на примере архетипа апокалипсиса воспроизведение архетипа в тексте. Автор рассматривает метафору как способ вербализации или воссоздания архетипа и останавливается на религиозной метафоре как одной из самых распространенных метафорических моделей в текстах русскоязычных СММ.

Abstract. The reproduction of the archetypes in texts is analyzed by example of the apocalypse archetype. The author considers metaphor as a means of the verbalization or reconstruction of the archetype and dwells on the religious metaphor as one of the general metaphorical models in the Russian mass media.

Ключевые слова: архетип; мифологема; религиозная метафора; метафорическая модель; фрейм; метафорический концепт; метафорическая концептуализация.

Key words: archetype; mythologem; religious metaphor; metaphorical model; frame; metaphorical concept; metaphorical conceptualization.

Сведения об авторе: Иванова Елена Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент, кафедра немецкого языка.

About the author: Ivanova Elena Valerievna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Chair of the German Language

Место работы: Челябинский государственный университет.

Place of employment: Chalyabinsk State University

Контактная информация: 454021, г. Челябинск, ул. Бр. Кашириных, 129, к. 332.
e-mail: elena-ivanova79@yandex.ru.

Пришедшее из философии, психологии и науке о мифе понятие «архетип» стало распространяться в литературоведении, культурологии, социологии, политологии, религиоведении и т. д., хотя границы между этими областями знаний несколько условны, поскольку происходит их постоянное взаимопроникновение.

ных проблем современной литературоведческой мысли [См.: Кушниренко 2010: 30].

Архетип — первообраз, изначальная модель мировосприятия, укорененная в коллективном бессознательном человечества, нации, рода и актуализирующаяся в индивидуальной (творческой) деятельности индивида. По сути, это исходный базовый образец для дальнейших вариативных построений.

Воспроизведение архетипических представлений в тексте — процесс сложный и неоднозначный. Прежде чем осознано выбрать архетип для введения в произведение, автору необходимо определиться с темой-идеей целого текста или его фрагмента, сформулировать чувства, настроения и ассоциации, которые ему хочется вызвать у аудитории. Следующий этап этого процесса связан с поиском подходящего архетипа, далее начинается работа над стилем преподнесения материала, канвой сюжета, композицией, изобразительным архетипическим рядом. Функция архетипов в тексте заключается прежде всего в воздействии на психику реципиента, в предостережении и сигнализации об изменениях в коллективном бессознательном.

Важнейшим свойством архетипа является способность видоизменяться с сохранением на разных исторических этапах неизменных значения и функции. А. Большакова называет это «вариативностью инвариантности» [Большакова 2001].

Для обозначения мифологических сюжетов, сцен, образов, характеризующихся глобальностью, универсальностью и имеющих широкое распространение в культурах народов мира, К. Г. Юнг и К. Кереньи вводят понятие мифологема. Мифологема — единица мифологического мышления, образ, обладающий целостностью для культурного человека, содержащий устойчивый комплекс определенных черт. Это некая первичная

Архетипы — это семантические целостности ассоциативного типа, которые могут возникать в сознании человека вследствие трансформации психической энергии. Следовательно, реализация архетипов в литературных произведениях практически неизбежна. Описание специфики функционирования архетипов является одной из актуаль-

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009—2013 гг.», государственный контракт № 16.740.11.0761.

© Иванова Е. В., 2012

сюжетная схема, кросскультурная идея, встречающаяся в фольклоре разных народов, перешедшая из мифа в эпос и волшебную сказку, затем в рыцарский роман и т. д. [Мелетинский 2000]. За счет использования мифологических сюжетов и структур происходит воздействие на архетипы сознания адресата, что, в свою очередь, способствует развитию новых культурных образований и мифологем.

К исходным, ключевым символическим образам, которые можно назвать мифологемами, относится апокалипсис — универсальный культурный архетип, характерный еще для архаического сознания, отраженного в большинстве религий мира. Данная мифологема обобщает глобальные, универсальные темы и сюжеты катастрофы. В связи с мировым экономическим кризисом и катастрофическим загрязнением окружающей среды в дискурсе последних лет доминирует гонка между апокалипсическими предсказаниями. Апокалипсис, или конец света, — распространенный религиозный фразеологизм, означающий спрогнозированную либо воображаемую угрозу прекращения существования всех людей, цивилизаций, всего человечества, Земли или даже Вселенной. В более узком смысле это уничтожение всего живого, крах, нечто, что невозможно пережить, нечто невообразимое. Как правило, конец света представляется в виде окончательной битвы между силами добра и зла, в результате которой человечество погибнет. Наиболее наглядно идея конца света развита в иудаизме и христианстве, в которых после утверждается, что после данного события должен прийти мессия, чтобы победить зло и совершить Страшный суд над всеми живыми и мертвыми, на котором каждому воздастся по его вере (с точки зрения протестантов) или его делам (с точки зрения остальных христиан). Фоном Страшного суда становится мировая катастрофа — разрушение мира, потоп, мировой пожар. Таким образом, обязательные семантические компоненты мифологемы апокалипсиса — это битва добра и зла или катастрофа, прекращение жизни на Земле, приход мессии, Страшный суд.

Мифологема апокалипсиса выступает композиционной основой любого произведения-катастрофы. Исторически первой формой реализации мифологемы апокалипсиса в лингвистическом материале выступают мифы о конце света. На других ступенях мифологема актуализируется в священных текстах различных религий, фольклорной традиции (легендах, преданиях, сагах, былинах, сказаниях, а также сказках, песнях

и балладах) и произведениях классической литературы, составляющих в совокупности корпус прецедентных текстов.

Если взглянуть на историческое и геологическое прошлое человечества через призму мифологии, можно увидеть, что многие реальные природные катастрофы нашли свое отражение в мифах, сказаниях и легендах, передаваемых из поколения в поколение. Человек всегда обожествлял природу и испытывал страх перед ее силами. В культуре каждого народа есть описание борьбы богов, изображенное как сражение стихий или выражение гнева богов в природных катаклизмах. Наиболее известные тому примеры — скандинавские мифы (борьба богов), греческие (борьба богов с титанами, миф о Девкалионе и потопе, гибель Атлантиды), библейские мифы (гибель Содома и Гоморры, потоп и Ноев ковчег, казни египетские). В наше время вектор катастрофизма смещается со страха перед природными катастрофами в сторону страха человечества перед самим собой, перед разрушительными силами, скрытыми в личности, организациях, выработанными людьми, перед бедствиями, развязываемыми отдельным человеком и группами лиц.

Существует много способов выразить или воссоздать архетип; наиболее распространенные из них — мифы, сновидения, бредовые фантазии, сказки, религиозные представления, произведения искусства, творения культуры. В этих особых областях деятельности сознания непредставимый архетип обретает осязаемую форму и находит воплощение в действии. Вербальное выражение архетипов происходит посредством метафор и символов. По Юнгу, основная функция метафор как раз и заключается в вербализации архетипов: архетип облачается в метафорические одежды, которые помогают ему выйти за пределы понимания обычного бодрствующего сознания [Юнг 1994]. Метафора — уникальное средство, несущее мощную лингвистическую, культурную и психологическую нагрузку. Метафорические образы обеспечивают познание объекта с помощью взаимодействия чувственного и рационального компонентов мышления. Современная коммуникация уже оценила большие возможности метафорического воздействия на реципиента. Метафора как языковое выражение, языковая реализация архетипа, наполненная эмоциями и ассоциациями, рождает в воображении потребителя обширный перечень эмоций и переживаний.

Каждая метафора существует одновременно на нескольких уровнях: в контексте,

тексте и дискурсе. Контекст позволяет расшифровать значение метафорического выражения. В тексте метафора выступает частью метафорической системы целого: в одних случаях в словесном произведении происходит развертывание одной метафорической модели, в других — встречаются метафорические выражения разных моделей.

Метафорическая модель имеет сложную семантическую структуру и состоит из множества элементов. К структурно-семантическим свойствам метафорической модели относятся иерархическое устройство, пересекаемость с другими моделями, фреймовая организация.

Описание семантической структуры метафорической модели начинается с описания сферы-источника и сферы-цели метафорического переноса и построения фреймовой структуры данной метафорической модели в определенном дискурсе. Фреймовая модель состоит из типовых слотов — элементов ситуации, составляющих части фрейма.

При когнитивном анализе метафорических моделей рассматриваются элементы, принадлежащие к разным лексико-семантическим группам, частям речи; в рамках единой системы рассматриваются собственно лексические единицы, фразеологизмы и их компоненты, а также другие воспроизводимые единицы (поговорки, афоризмы и т. п.). К анализу привлекаются не только метафорические выражения, но и другие тропы: метафорический эпитет, сравнение, ирония, гипербола, литота, так как понятийное сближение — более важный фактор, чем уровневые или структурные различия (т. е. анализируются слова разных частей речи, лексико-семантических разрядов, семантических объединений) [Чудинов 2001: 41].

Метафорическая модель характеризуется открытостью, способностью к более детальному развертыванию с использованием новых компонентов. Однако можно определить вероятные направления развертывания/расширения конкретной модели.

В СМИ широко распространены метафорические образы конца света, в которых находят отражение архетип и мифологемы апокалипсиса. Чаще всего используется религиозная метафора, представляющая конец света как действие неких высших сил. В этом случае конец света посылается Богом, поэтому его невозможно предотвратить или избежать, что лишает человека уверенности в своих возможностях. Когда в очередной раз происходит катастрофа с многочисленными человеческими жертвами, люди

невольно задумываются о причинах происходящего: является ли катастрофа случайностью или наказанием Бога.

Религиозная метафора представлена целым спектром метафорических выражений, основным компонентом значения которых является представление катастрофы как наказания за грехи и провинности человека. Например, наводнение в г. Крымске летом 2012 г. представляется в новостных сообщениях как наказание людям: *Бог посылает людям наказание за забвение заповедей, аморальный образ жизни и непомерную жадность. Разгул стихии суть выражение гнева Всевышнего* [Белецкий 2012].

Однако не на одну Россию пролился в последние дни гнев Божий. 12 июня в Вашингтоне прошел парад содомитов, который возглавлял мэр столицы. А через несколько дней на восточное побережье США обрушились ураганы, вследствие чего тысячи людей остались без электроэнергии, а некоторые погибли. За ураганами последовала аномальная жара — более 40 градусов по Цельсию. Вашингтон превратился в горячий ад. Множится число жертв. Это свидетельство того, что Бог поругаем не бывает. Город, во главе с мэром бросивший Небу вызов, получил от Неба должный ответ [Священник: Крымск...].

Этой точки зрения придерживаются как священники, проповедники, так и журналисты и другие миряне. Однако то, что природные катастрофы — наказания Бога за проступки человека, ставится под вопрос, когда говорят о невинно пострадавших, особенно детях: *Wer sagt da, angesichts der Opfer ohne Zahl, Gott habe sich gerächt?! Die Kinder an der Mutterbrust, erschlagen und verblutet, was haben sie getan, was haben sie verbrochen?* [Badde 2002] / *Кто может сказать, ввиду бесчисленного количества жертв, что это месть Бога? Дети на материнской груди, убитые и истекающие кровью, — что они сделали, в чем они провинились?*

На это священники отвечают, что *общество и все его представители несут ответственность за сделанный выбор в пользу аморальности и стяжательства. Мы все обязаны ответить перед Божиим судом, когда нас призывают к ответу.* Так утверждает преподобный Грэм Доу, епископ Карлайла, относящийся к высшему духовенству Великобритании [Белецкий 2012].

Довольно интересна разновидность религиозной метафоры «Природа — это палач», в рамках которой природная катастрофа исполняет приговор, оглашенный людям Богом за прегрешения (палач, как известно, приводит в исполнение приговор о

смертной казни или телесном наказании): *Катастрофа — секира палача или побуждение к действию* [Choop 2012]; *Бог покзал, что землетрясения и цунами — орудие наказания грешной земли и человечества — это одни из главных инструментов уничтожения* [Толкователь Библии 2012].

Часто катастрофы происходят из-за невежества, безответственности, невнимательности (из-за брошенной в неподобающем месте непотушенной сигареты возникают лесные пожары), нередки и природные катастрофы, происходящие без вмешательства человека. Когда случаются подобные бедствия, влекущие за собой страдания и смерти, многие считают, что такова воля Божия, что это наказание, посылаемое Богом. Однако верующие винят в происходящем не только Бога, но и дьявола: *Дьявол занят все время своей черной работой. Несчастные случаи, бедствия на воде и на суше, страшные опустошительные пожары, ураганы, ужасные бури, землетрясения — во всем видна его злая воля. Он собирает свою жатву, голод и бедствия следуют за ним. Он поражает воздух смертоносными испарениями, и тысячи людей погибают от эпидемий* [Кто виновен в страданиях человечества?].

Религиозная метафора, концептуализирующая катастрофы как результат действия неких высших сил, занимала доминирующее положение вплоть до эпохи Возрождения, когда существование Бога начало ставиться под вопрос, но традиционная «божественная» картина мира сохраняется при интерпретации природных катастроф. Однако постепенно, в связи с техническим, экономическим и общественным развитием, с увеличением значимости естественных и технических наук и уменьшением политического влияния церкви, изменяется восприятие катастрофы, прежние интерпретационные модели вытесняются новыми, которые обращаются к анализу причин и поиску виновников происходящего. Религиозная метафора всё больше вытесняется антропоморфной, зооморфной, фитоморфной, морбальной, театральной и военной метафорами.

На **стилистическом** уровне мифологема объективируется символами (например, конец света как символ бренности всего сущего, мира, символ начала новой жизни, обновления, символ победы добра над злом), метафорами (в частности, метафоры Страшного суда, метафоры, представляющие различные природные катастрофы как суд Божий, наказание Бога человечеству за его грехи, метафоры, представляющие природу и окружающий мир как исполнителей

наказания Бога), аллюзиями, отсылающими к прецедентным текстам иных эпох и народов (прежде всего к Библии, Новому Завету, Корану, а также к различным мифам, сказаниям, легендам), которые часто реализуются посредством топонимов, антропонимов (упоминания Иисуса Христа, апостола Иоанна, пророка Мухаммеда).

На **лексическом** уровне мифологема апокалипсиса эксплицируются единицами и словосочетаниями, входящими в соответствующее семантическое поле и употребляющимися как для описания собственно грядущего конца света: *21 декабря 2012 года Земля погибнет ... Начнутся извержения вулканов, наводнения, Землю охватят пожары. Смогут уцелеть только 35 млн человек — ничтожная доля процента от всех живущих на планете. Нынешние государства будут разрушены* [Зотов 2011], так и ситуаций другого типа, тем не менее мыслящихся как конец света, например проигрыша в спортивных состязаниях: *Для России наступил конец света: Канада ликует, а для российских хоккеистов Олимпиада закончилась* [Зимеоны 2010]. Столь же значимое событие, сопоставимое с концом света, — финансовый кризис: *Финансовый апокалипсис дышит в затылок* [Галланд 2011]; *„Армагеддон“ — экономический и финансовый апокалипсис, наступления которого опасается американский президент Барак Обама, если американский политический класс не образумится в ближайшие дни, пишет издание* [Рампини 2011].

Метафора, изображающая предстоящие выборы как апокалипсис, также достаточно распространена в СМИ и политическом дискурсе: *Летом в Москве политическая жизнь обычно замирает заметнее, чем в западных столицах. Однако в этом году дело обстоит иначе. Российская элита испытывает страх: не за отечество, а за самих себя. „Все живут с мыслью о том, что надвигается конец света. На карту поставлены судьбы и карьеры“, — цитирует автор статьи Маттиас Шепп главного редактора „Новой газеты“ Дмитрия Муратова* [Шепп 2011].

С концом света сравниваются тяжелые трудноизлечимые болезни, например диабет называют «сахарным апокалипсисом» [Сахарный апокалипсис...]. Даже плохая погода нередко ассоциируется с концом света: *На погоду в Москве не повлияет „апокалипсис“ в небе* [Орлова 2011].

Таким образом, мифологема апокалипсиса достаточно широко распространена в СМИ и используется журналистами и политиками для изображения острой напряжен-

ной ситуации, возникшей по различным причинам, — от угрозы природной или техногенной катастрофы до проигрыша в Олимпиаде и экономического кризиса.

Катастрофичность сегодняшней жизни интерпретируется обычно через перечень глобальных проблем современного мира (экологического кризиса, терроризма и т. д.), препятствующих его благополучию и гармонизации. Человек, не обладающий критическим сознанием, как правило, воспринимает такой поток информации о бедствиях крайне эмоционально. Глобальная информационно-коммуникативная среда, информационный характер современного общества приводят к формированию катастрофического мышления, что, в свою очередь, свидетельствует о кризисе идентичности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Большакова А.* Литературный архетип // Литературная учеба. 2001. № 6. С. 169—177.
2. *Кушницренко А. А.* Семантика компонентов архетипического комплекса литературного произведения // Архетипы, мифологемы, символы в художественной картине мира писателя : материалы Междунар. заоч. науч. конф. (г. Астрахань, 19—24 апр. 2010 г.) / под ред. Г. Г. Исаева ; сост. Г. Г. Исаев, Т. Ю. Громова, Д. М. Бычков. — Астрахань : Изд. дом «Астрахан. ун-т», 2010. С. 30—32.
3. *Мелетинский Е. М.* Поэтика мифа. 3-е изд., репр. — М. : Наука, 2000.
4. *Чудинов А. П.* Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000) : моногр. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2001.
5. *Юнг К. Г.* Архетип и символ. — М. : Прогресс, 1994.

ИСТОЧНИКИ

6. *Белецкий М.* Наводнение — наказание Божие людям за грехи // Культура — ВРН : сайт. 2012. 8 июля. URL: <http://culturavrn.ru/society/7078>.

7. *Галланд Д.* Финансовый апокалипсис дышит в затылок // Bankir.ru : сайт. 2011. 29 авг. URL: <http://bankir.ru/publikacii/s/finansovyi-apokalipsis-dyshit-v-zatylok-1000038>.

8. *Зимеони Э.* Для России наступил конец света // InoPressa : сайт. 2010. 26 февр. URL: <http://www.inopressa.ru/article/26Feb2010/faz/olimp4.html>.

9. *Зотов Г.* 2012-й: конец света не состоится! Индейцы мая предсказали финансовый кризис // Аргументы и факты. 2011. 28 дек. URL: <http://www.aif.ru/society/article/48461>.

10. *Кто виноват в страданиях человечества?* // Христианский взгляд : сайт. 2012. 12 авг. URL: <http://biblepravda.com/page.php?id=1458>.

11. *Орлова Д.* На погоду в Москве не повлияет «апокалипсис» в небе // Комсомольская правда. 2011. 19 марта. URL: <http://www.kp.ru/daily/25654/817643>.

12. *Рампини Ф.* Америка и Италия, риск Армагеддона. «Август паники на биржах» // InoPressa : сайт. URL: <http://www.inopressa.ru/article/18Jul2011/repubblica-usa.html>.

13. *Сахарный апокалипсис — сахарный диабет* : сайт. URL: <http://www.protiv-diabeta.ru/apokalipsis.php>.

14. *Священник:* Крымск — наказание за грехи курортников // Росбалт : сайт. 2012. 16 июля. URL: <http://www.rosbalt.ru/federal/2012/07/16/1011493.html>.

15. *Толкователь Библии.* Хроника грядущих катастроф. Библия о «Последнем времени» // Наша планета : сайт. 2012. 15 апр. URL: http://planeta.moy.su/blog/khronika_grjadushhikh_katastrof/2012-04-15-4761.

16. *Шенн М.* Бой за кулисами // InoPressa : сайт. 2011. 18 июля. URL: http://www.inopressa.ru/article/18Jul2011/spiegel/med_put.html.

17. *Badde P.* Die Kinder von San Giuliano // Die Welt. 2002. 02.11. URL: <http://www.welt.de/print-welt/article419511/Die-Kinder-von-San-Giuliano.html>.

18. *Choop.* Катастрофа — секира палача или к побуждение к действию // Skill Black Clan : сайт. 2012. 9 апр. URL: http://sbc.clan.su/publ/raznoe/vashi_stati/katastrofa_sekira_palacha_ili_k_pobuzhdenie_k_dejstviju/4-1-0-259.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Л. А. Нефедова

УДК 821.161.1
ББК Ш5(2Рос=Рус)6-34

ГСНТИ 16.21.51; 10.01.01

Код ВАК 10.02.19

О. С. Ильина О. S. Ilyina

Санкт-Петербург, Россия Saint-Petersburg, Russia

**ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ
В АССОЦИАТИВНО-СЕМАНТИЧЕСКОМ
ПОЛЕ «СТУДЕНТ»**

**(на материале произведений
русских писателей XX века)**

Аннотация. Рассматриваются особенности функционирования содержательных элементов ассоциативно-семантического поля «студент» (слов, словосочетаний, лексико-тематических групп) на материале произведений русских писателей XX в., описывающих советское студенчество. Выявляются идеологически мотивированные составляющие в рамках поля.

Ключевые слова: концепт; ассоциативно-семантическое поле; текстовая лексико-тематическая группа; советский дискурс; советская идеология; идеологема.

Сведения об авторе: Ильина Оксана Сергеевна, аспирант кафедры русского языка, филологический факультет.

Место работы: Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург).

Контактная информация: 91000, Санкт-Петербург, В. О., 1-я линия, 52.
e-mail: lucky-today@yandex.ru.

**THE IDEOLOGICAL COMPONENT
IN THE ASSOCIATIVE AND SEMANTIC FIELD
«STUDENT»**

**(based on the fiction texts
of Russian writers of XX century)**

Abstract. The paper is devoted to the study of functional peculiarities of the meaningful elements of the associative and semantic field "Student" (words, word collocations, thematic groups). The research is based on the XXth century Russian fiction texts describing Soviet student community. Ideologically motivated components are identified within the field.

Key words: concept; associative and semantic field; textual thematic group; Soviet discourse; Soviet ideology; ideologeme.

About the author: Ilyina Oksana Sergeevna, Post-graduate Student of the Chair of the Russian Language, Philological Faculty.

Place of employment: Russian State Pedagogical University n. a. A. I. Gertsen (Saint-Petersburg).

Существенные преобразования в социальной, политической, экономической жизни России в начале XX в. естественным образом привели к трансформациям в языковой картине мира. В советскую эпоху не только идеологически значимые пласты лексики, слова с идеологически отмеченными денотатами (*идеология, коммунизм, партия, пропаганда, агитация, пролетариат, буржуазия, диктатура* и мн. др.), но и базовые концепты культуры были подвержены смысловым изменениям (в качестве примера можно привести убедительные результаты исследования динамики концептуального пространства «мужчина — женщина» в русском языке [Ефремов 2009]).

Принципиальное изменение шкалы общественных ценностей и идеалов отразилось на содержательном наполнении общественно и культурно значимого концепта «студент», вербализатором которого выступает в языке одноименное ассоциативно-семантическое поле. Динамические процессы, произошедшие в советское время в рамках данного фрагмента лексики, особенно выразительно отражены в художественных текстах. Целью статьи является описание особенностей функционирования содержательных элементов ассоциативно-семанти-

ческого поля «студент» (слов, словосочетаний, лексико-тематических групп) и выявление идеологически мотивированных составляющих в рамках названной лексической парадигмы на материале произведений русских писателей XX в., описывающих советское студенчество. Среди этих художественных произведений выделяются следующие: «Факультет чудаков» Г. Гора (1931), «Студенты» Ю. Трифонова (1950), «Дело, которому ты служишь» Ю. Германа (1957), «Коллеги» В. Аксенова (1959) и «Дети Арбата» (книга первая) А. Рыбакова (1966—1983).

С одной стороны, структура ассоциативно-семантического поля «студент», исследованная на материале отмеченных художественных произведений, демонстрирует относительную устойчивость основных содержательных элементов поля. Во всех текстах в рамках ассоциативно-семантического поля выделяются стабильные предсказуемые элементы, связанные с наиболее устойчивыми в русском языковом сознании и культуре представлениями о студенчестве и студенческой жизни и являющиеся важными составляющими языковой картины мира, — текстовые лексико-тематические группы «высшие учебные заведения» (*вуз, институт, университет*), «устройство вуза» (*факультет*).

тет, деканат, кафедра, аудитория и др.), «структурные компоненты организации вуза» (курс, группа), «содержательные компоненты обучения студентов в вузе» (дисциплина, лекция, семинар, сессия, экзамен, зачет и др.), «субъекты преподавания в вузе» (ректор, декан, преподаватель, профессор, лектор и др.), «изучаемые/преподаваемые дисциплины», «средства обучения студентов в вузе» (книга, учебник, методичка и др.), «деятельность студента» (учиться, заниматься, читать, слушать (лекции), сдавать (зачет, экзамен) и др.). Наполнение отмеченных лексических группировок варьируется, развивается в зависимости от сюжетных особенностей произведения.

С другой стороны, созданные в условиях конкретного исторического дискурса и испытывавшие на себе влияние советской идеологии, анализируемые тексты аккумулировали в своем содержании множество ценностно обусловленных коннотаций эпохи, что, безусловно, отразилось в организации и содержательном наполнении исследуемого ассоциативно-семантического поля. В его составе появляются не предусмотренные общим тезаурусом сопряженные с реалиями описываемого времени динамичные элементы — текстовые лексико-тематические группы, которые представлены в том числе идеологемами советской эпохи: «комсомол» (комсомол, комсомольская организация, комсомольская ячейка, комсомолец, комсомолка, общественник, активист, комсомольская линия, комсомольское поручение, комсомольский суд, комсомольский и профсоюзный билет, комсомольский значок, комсомольский актив, комсорг группы, бюро комсомольской организации, профсоюз, коммунистическая партия, партиец, коммуна и мн. др.), «демонстрация» (институтская колонна, факультетское знамя, знамена, транспаранты, портреты, Сталин, Красная площадь, Мавзолей и др.), «распределение» (комиссия по распределению, распределять, направить, направление (по направлению), назначение (получить назначение), рекомендации, работать, работа и др.).

Ядерную зону ассоциативно-семантического поля «студент» в рассмотренных произведениях формируют слова и словосочетания *советский студент, советское студенчество, передовая молодежь, пролетарский студент, комсомолец, активист, общественник, партиец, будущий советский специалист*. В пространстве текстов данные лексические единицы используются активно (причем зачастую с исключительно положительной модальностью), отражают

ценностные ориентиры советского общества, что свидетельствует о приобретении ими статуса идеологем.

Статус *советского студента* (и, шире, *советского человека*) предполагал наличие благородства, порядочности, справедливости. В романе «Дело, которому ты служишь» профессор хирургии Богословский так наставлял молодого специалиста Владимира Устименко: *Наша и ваша задача, разумеется, трудна, но почетна. Советский — и порядочный, советский — и добрый, советский — и участливый, советский — и справедливый, советский — и бескорыстный — все это через посредство нашего труда здесь должно стать синонимами...* [Герман].

По мнению Г. Ч. Гусейнова, идеологемы отсылают «участников коммуникации к сфере должного правильного мышления и безупречного поведения» и предостерегают от недозволенных поступков и неверных мыслей [Гусейнов 2003: 13]. На материале анализируемых текстов устойчиво выделяются **положительные** качества *советского студента*, заданные и пропагандируемые самой эпохой (*заинтересованность в общественной работе (общественник, активист), политическая зрелость/политическая грамотность, партийная этика, исполнительность, ответственность, трудолюбие, дисциплина*), и **отрицательные** качества, осуждаемые в советское время (*оторванность от коллектива, аполитичность, моральная нечистоплотность, карьеризм, эгоизм*). В организации ассоциативно-семантического поля «студент» ведущую роль играют идеологически мотивированные оппозиции: *комсомолец — беспартийный студент; общественник — карьерист, индивидуалист; активист — приспособленец; политически грамотный студент — политически безграмотный, аполитичный студент*. В этих категориях, по сути, осмысливается оппозиция «свой — чужой» (здесь она выражена различными языковыми формами), являющаяся культурной константой.

Так, в повести Г. Гора «Факультет чудиков», изображающей существенную перестройку в сфере образования, которой были отмечены первые послереволюционные годы, студенты строго разделяются на «два лагеря»: *пролетарских, партийных студентов, комсомольцев и беспартийных студентов, монархистов*, от которых «за версту несет старым режимом». Приведем показательный в этом отношении фрагмент: *Актовый зал походил на Государственную Думу: высокий потолок подпирали белые полиро-*

ванные колонны, широкий проход разделял два ряда кресел, на правой стороне сидели студенты, блестящие медными пуговицами; на левой — студенты, внешним видом своим не отличавшиеся от прочих граждан республики [Гор 2004: 25]. Здесь явно обнаруживается классовое противостояние «двух лагерей», определяющее всё, в том числе жизнь студенчества в первые годы советской власти.

Отмеченное противостояние выражается также в тех характеристиках, которые дают друг другу сторонники этих «лагерей». Так, «столбовой дворянин» Крапивин называет пролетарских студентов «сбродом», «шпаной» (слова с ярко выраженной негативной окраской). На стенах уборной он оставил надпись явно контрреволюционного содержания: *Что есть современное студенчество? <...> Современное студенчество есть кал, плавающий на поверхности науки (слово кал он заменил на более неприличное)* [Там же: 39]. Студент, напоминая Керенского (характеристика неслучайна и высвечивает антисоветскую настроенность учащегося), утверждал на очередном собрании: *Беспартийному студенчеству нет времени для так называемой общественной работы. Мы пришли изучать науку* [Там же: 25]. Если комсомольцы занимались преимущественно общественной работой, то беспартийные студенты — академической деятельностью. Наконец, Лузин, комиссар университета, открыто заявляет с трибуны, что беспартийные студенты — это *наш классовый враг*.

В связи с отмеченной оппозицией в «Факультете чудаков» актуализируется идеология чистки. Беспартийных, неуспевающих студентов, лиц, отказавшихся от общественной работы, а также тех, чьи родственники были дворянами или активными контрреволюционерами, исключали из университета, выгоняли из общежития. Лузин так объяснял свою позицию *вычищенным студентам: Аудитории университета предназначены для пролетарского студенчества. Для вас же, если вы не желаете работать с нами, предназначена Западная Европа* [Там же: 26]. В «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова, представляющем свод идеологием советской эпохи, слово *чистки* иллюстрируется фрагментом «Политического отчета Центрального Комитета XVI съезду ВКП(б)»: «„Партия организовала, далее, широкую кампанию за борьбу против бюрократизма, дав лозунг проведения чистки партийных, профсоюзных, кооперативных и советских организаций от чуждых и обюрократившихся элементов“. Ста-

лин». Молодые люди, которых подвергали чистке, существенно отличались по политическим и идейным взглядам от пролетарской молодежи, воспринимались как «враждебные элементы». Поэтому процедура «очищения» осознавалась как необходимая, «нравственно полезная», «содействующая оздоровлению общества» [Ромашов 1995: 73]. Чрезвычайно интересный материал, касающийся проводимой «очищающей» классовой политики в советских школах и вузах (исторические комментарии, информационные сводки, статистические данные), представлен в книге А. Ю. Рожкова «В кругу сверстников: жизненный мир молодого человека в советской России 20-х годов» [Рожков 2002].

Во всех рассмотренных произведениях получает развитие мысль о том, что общественные интересы и связанные с ними общественные поручения всегда должны стоять выше личностных устремлений студентов-комсомольцев. В «Факультете чудаков» Г. Гор на примере студента Лузина показывает, что выбор между общественной деятельностью и академической работой в пользу последней приводит к осуждению со стороны коллектива: комсомолка Зоя называет своего однокурсника «дезертиром». Вот что говорит Лузин ректору университета о своем выборе (важный штрих, демонстрирующий принципиально новую иерархию отношений в послереволюционном вузе: студент Лузин и ректор университета — старые приятели, обращающиеся друг к другу на «ты»): *Передо мной открылся прекрасный мир: книги. Разумеется, я читал и раньше. И помногу. Но главным образом беллетристику, политическую литературу. Но никогда я не думал, что книги, что наука, такая наука, как биология... Ты улыбаешься... Сентиментальный секретарь, думаешь ты, восторженный, как первокурсник. Ты меня извини. По всей вероятности тебе это знакомо. Наука открылась для меня удивительная, как революция* [Гор 2004: 61]. Этот эпизод противоречит традиционному советскому дискурсу.

Предельно идеологизированный образ *советского студента* представлен в первой повести Ю. Трифонова — «Студенты», созданной в послевоенные годы. В феврале 1951 г. «Новый мир» опубликовал отчет об обсуждении этого произведения в Московском пединституте, в ходе которого большинство выступающих констатировали, что это «лучшее произведение о советском студенчестве». Повесть Ю. Трифонова была удостоена Сталинской премии и оказалась чрезвычайно своевременной: после войны

важно было возродить в молодежи стремление к знаниям, желание получить профессиональное образование.

Ю. Трифонов изображает идеальный путь положительного героя: сначала приобщение к рабочему классу, потом фронт и только потом — вуз. Один из главных персонажей повести, Вадим Белов, после школы *пошел на чугунолитейный завод на окраине Ташкента, затем в мае сорок третьего Вадима приняли в военное училище, готовившее стрелков-радиотов*, потом он в составе новой, только что сформированной части отправился на Второй Украинский — танковым стрелком-радиотом, и только после демобилизации в сорок шестом... он поехал в Москву с твердым, окончательно сложившимся намерением посвятить свою жизнь учительству [Трифонов]. Студенты, показанные Ю. Трифоновым, — молодые люди, уже имеющие за плечами опыт работы, пережившие войну. Не случайно в институте условно и негласно выделялось две группы молодежи: *фронтовики* (слово с исключительно положительной коннотацией) и *зеленая молодежь, вчерашние десятиклассники*.

Автор вовлекает читателя в систему социально одобряемой деятельности студентов. Студенты литературного факультета педагогического института — люди *читающие, мыслящие*. Они увлечены учебой: посещают занятия, коллективно готовятся к сессии, сдают зачеты и экзамены, успешно проходят практику в школе, принимают активное участие в студенческом научном обществе (НСО), пишут рефераты (в произведении Ю. Трифонова под рефератом подразумевается не столько изложение содержания прочитанных книг, статей, сколько некое самостоятельное исследование, научная работа), что требует усидчивости, трудолюбия, начитанности. Темы рефератов, которые писали студенты, абсолютно традиционны для изображаемого времени, в известном смысле идеологизированны: Сергей Палавин сначала хотел писать реферат о Гейне («Гейне и фашизм»), но потом изменил тему и стал писать о драматургии Тургенева, Андрей Сырых писал о Горьком («Жизнь Климса Самгина»), Палавин — о Чернышевском.

Студентам свойственен энтузиазм в общественной работе. Все они *комсомольцы*. Их жизнь и интересы не ограничиваются учебой. Важным для них был вопрос, который всплывает в воспоминаниях Андрея Сырых об отце: *Ну, молодежь, что сделано для эпохи?* Студенческая жизнь, в духе послевоенного времени, была связана с заво-

дской: институт решил взять шефство над заводом, и студенты организовали *литературный кружок для заводской молодежи*. Устраниться от общественной работы значило посрамить свой комсомольский облик.

Поведение героев «Студентов» оценивается с точки зрения идеологии того времени: нагрубил профессору — получил выговор; избежал общественной работы, оторвался от коллектива, повел себя безнравственно — получил выговор с предупреждением (и это еще «мягкое» решение).

Главный конфликт повести Ю. Трифонова — травля институтским коллективом «профессора-космополита» Бориса Матвеевича Козельского, требовательного преподавателя, отличавшегося *колоссальной памятью и многознанием*, наделенного рядом клишированных черт отрицательного персонажа, — во многом перекликается с процедурой *чисток* в «Факультете чудачков» Г. Гора. Отметим, что данный сюжетный ход — разоблачение враждебного, «идеологически чуждого элемента» среди студентов и преподавателей — является весьма традиционным для произведений советской эпохи. На комсомольском собрании Козельскому предъявлялись обвинения в *формализме, низкопоклонстве*, его лекции признавались *безыдейными* и даже *немарксистскими*. Приведем фрагмент выступления студента: *Никто ничего худого не скажет о Кречетове, о нашем лингвисте, о других профессорах, а о Козельском говорим! Да, убого, по мертвой схеме читает он лекции. Из года в год повторяет одни и те же слова, вот уж двадцать, наверное, лет подряд. <...> Слова эти не выходят из замкнутого круга рассуждений о форме и биографических комментариев. А те, кто занимается в НСО, знают, что Козельский и в обществе не может интересно поставить работу. Избегает острых проблем, споров, а советская литература у него и вовсе в загоне: это, дескать, не научный материал, не дает, мол, „фактических знаний“. Да ведь все это... ну конечно, это же формализм чистой воды! Да, да, мы обвиняем Козельского в формализме! Я предлагаю поставить перед деканатом вопрос о методе преподавания профессора Козельского. И мы докажем свою точку зрения на ученом совете, с конспектами его лекций в руках [Там же].* Как отмечает критик Н. Б. Иванова, подобные обвинения, предъявленные идеологически неправовому Козельскому, типичны для того времени [Иванова 1984].

Ситуация разоблачения идеологического «врага» актуализируется и в повести В. Аксе-

нова «Коллеги». На комсомольском собрании разбирают дело недавно окончившего институт молодого врача Пети Столбова, которого обвиняют в злоупотреблении служебным положением и взяточничестве: *Встал представитель партийного бюро доктор Дампфер. <...> — Товарищи, — начал он, — вы разбирали сейчас дело комсомольца Столбова с пристрастием и принципиальностью. Вы выясняли детали, но не подумали, что не это главное. Детали — это дело ОБХСС. Важно другое: как дошел до такой жизни комсомолец, молодой специалист? Что же, он вдруг сразу испортился в нашем учреждении? <...> ...Я смотрел бумаги Столбова, различные его характеристики, и передо мной представал образ идеального героя современности: „Скромен, инициативен, чуток, политически грамотен“. В комсомоле он со второго курса института. Хотелось бы мне побывать на заседании комитета, где его принимали в организацию, услышать, о чем с ним говорили, какие вопросы ему задавали. <...> Стоило человеку вызубрить устав, как перед ним открылись двери в организацию Коммунистического союза молодежи. И никого не заинтересовали тогда его подлинные чувства и мысли, его сокровенные взгляды на жизнь. Я не хочу навязывать вам решения сейчас. Я хочу призвать вас к искренности в ваших комсомольских делах [Аксенов].*

Своего рода «обнаруженным врагом» оказывается и студент четвертого курса транспортного института Саша Панкратов, герой романа А. Рыбакова «Дети Арбата». Одним из главных сюжетных событий первой книги трилогии является его исключение из института и комсомола (ср. чистки у Г. Гора). Панкратову был предъявлен «клубок» обвинений: *вылазка против марксизма в науке об учете (открыто проповедует аполитичность науки), оплошление ударничества в эпиграммах стенной газеты, соглашательство с «оппозиционером» Криво ручко. Со стороны актива партийного бюро обвинения формулировались иначе: политическая диверсия, антипартийное выступление, злопыхательство [Рыбаков 2004].* Бурная сцена обсуждения морального облика героя происходит на достаточно мощном звуковом фоне. Средства его создания разнообразны, но особенно важны глаголы, относящиеся к выступающим (*выкрикнул, крикнул, перебил*), а также глаголы, характеризующие молодежную реакцию на реплики говорящих (*в зале засмеялись, все засмеялись, крикнули из зала, закричали из зала, крикнул кто-то, раздался голос*). Глагол

молчать (в тексте: *Руночкин молчал*), демонстрирующий отказ от говорения, выступает средством маскировки информации, ее утаивания, служит для передачи психологического климата описываемой эпохи — вынужденного молчания. Итогом разбирательства по делу Панкратова явился арест и последующая ссылка героя. Такой сюжетный поворот способствует появлению в составе ассоциативно-семантического поля «студент» слов *обыск, арест, арестованный, заключенный, тюрьма (Бутырская тюрьма), камера, дело, допрос, обвинение, следствие, приговор, осужденный, контрреволюционер, враг (вредитель), ссылка, поселенец*. То, что произошло с Сашей Панкратовым, — это не сюжетные находки А. Рыбакова, а, по словам Даниила Гранина, «правда недавнего времени, которая еще болит и ноет в душе каждого человека» [«Дети Арбата»: прошлое и современность 1988: 8].

В романе «Дети Арбата» также запечатлены и другие характерные черты советского времени и студенческой жизни, в частности участие молодых людей в *субботниках* и *демонстрациях*. Субботники рассматривались как одно из средств коммунистического воспитания молодых людей. Участие в субботниках и демонстрациях было мерилom общественной активности человека. К немногочисленным уклонившимся могли применяться меры общественного порицания или даже административного воздействия.

Как видим, идеологическая составляющая студенческой жизни в рассматриваемых художественных произведениях приобретает особую значимость, выдвигается на первый план. Это отражается и в литературных предпочтениях студентов. С одной стороны, их интересы в области литературы зависят от места обучения, т. е. диктуются сюжетом произведения (например, герои Ю. Трифонова читают в основном художественную литературу, герои Ю. Германа увлечены книгами по медицине). С другой стороны, круг чтения обусловлен описываемой эпохой, характеризует время. Персонажи «Факультета чудаков» читают *Троцкого («Литература и революция»), Плеханова* (марксистская критика), *Эренбурга*, из периодических изданий — *«Правду», «Огонек»*. Заголовки в газете «Правда» несут на себе отпечаток своего времени: *«Ультиматум лорда Керзона», «Обнаглевшая буржуазия бросила вызов трудящимся»*. В другом издании заголовки отражают принципиально иную позицию, компрометируют советскую власть: *«Большевики — враги свободы и русского народа», «Ленин — родственник генерала Людендорфа по женской линии...», «Комму-*

нисты, которые заодно с помещиками». В повести Ю. Трифонова студенты увлекаются произведениями *Федина, Исаковского, Новикова-Прибоя*. В «Деле, которому ты служишь» интересен эпизод, когда Владимир Устименко и Варя с упоением и восхищением читают один из образцовых идеологических текстов — «Исповедь» Карла Маркса: ...Они сели читать шутиливую исповедь Карла Маркса. <...> — Ваше представление о счастье, Степанова Варвара? — Сильная, навечно взаимная любовь! — покраснев, но бойко и громко ответила Варя. — Садитесь, неудовлетворительно. Она попыталась заглянуть в книгу, он ее оттолкнул. — Знаешь, ничего особенно шутиливого я здесь не нахожу, — сказал Володя. — Просто, наверное, ханжам это не по вкусу, вот они и объявили исповедь шуткой. Вдумайся, если твои умственные способности тебе позволяют... <...> — Достоинство, которое вы больше всего цените в людях? — спрашивал Володя и отвечал: — Простота! В мужчине? Сила. В женщине? Слабость! <...> И вдруг Володя ахнул. — Ты вдумайся! <...> Вопрос: ваша отличительная черта? Ответ: **единство цели**. — Колоссально! — произнесла Варвара. — Грандиозно, а не колоссально. Теперь: ваше представление о счастье — **борьба!** Борьба, понимаешь, Варюха, борьба, вот оно в чем счастье. Теперь: ваше представление о несчастье — **подчинение**... <...> — „Недостаток, который внушает вам наибольшее отвращение?“ **Угодничество**. Ваши любимые поэты? Шекспир, Эсхил, Гете. Ваш любимый цвет? **Красный**. Ваше любимое изречение? **Ничто человеческое мне не чуждо**. Ваш любимый девиз? **Подвергай все сомнению**... [Герман].

Таким образом, художественные произведения XX в., раскрывающие тему студенчества, дают богатый материал для осмысления того, каким образом социокультурные

процессы, произошедшие в советскую эпоху, отразились на организации ассоциативно-семантического поля «студент». Проведенное исследование создает базу для анализа тех процессов, которые характерны для структуры поля и его функционирования в постсоветское время.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксенов В. П. Коллеги // Либрусек : электронная б-ка. URL: <http://lib.rus.ec/b/307492/read#t1> (дата обращения: 13.11.2012).
2. Герман Ю. П. Дело, которому ты служишь // Грамотей : электронная б-ка. URL: http://www.gramotey.com/?open_file=992759620 (дата обращения: 12.11.2012).
3. Гор Г. С. Факультет чудиков // Факультет чудиков : сб. — СПб. : Изд-во журнала «Звезда», 2004. С. 15—85.
4. Гусейнов Г. Ч. Советские идеологемы в русском дискурсе 1990-х. — М. : Три квадрата, 2003.
5. «Дети Арбата»: прошлое и современность // Дети Арбата / А. Н. Рыбаков. — М. : Кн. палата, 1988. С. 5—18.
6. Ефремов В. А. «Мужчина» и «женщина» в русской языковой картине мира. — СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2009.
7. Иванова Н. Б. Проза Юрия Трифонова. — М. : Советский писатель, 1984.
8. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. проф. Д. Н. Ушакова. — М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1939.
9. Рожков А. Ю. В кругу сверстников: жизненный мир молодого человека в советской России 20-х годов : в 2 т. — Краснодар : Перспективы образования, 2002.
10. Ромашов Н. Н. Система идеологем русского тоталитарного языка по данным газетных демагогических текстов первых послереволюционных лет : дис. ... канд. филол. наук. — Екатеринбург, 1995.
11. Рыбаков А. Н. Дети Арбата : в 3 кн. Кн. 1. Дети Арбата. — СПб. : Амфора, 2004.
12. Трифонов Ю. В. Студенты // RoyalLib.ru : электронная б-ка. URL: http://royallib.ru/read/trifonov_yuriy/studenti.html#0 (дата обращения: 12.11.2012).

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. В. Д. Черняк

УДК 821.161.1.09(Блок А.)
ББК Ш5(2Рос=Рус)6-4

ГСНТИ 17.82.94

Код ВАК 10.02.01; 10.01.01

Т. А. Кальщикова Т. A. Kalschikova
Нижний Тагил, Россия Nizhny Tagil, Russia

**ДИАЛОГ О СУДЬБЕ РОССИИ:
ОСОБЕННОСТИ ПРАГМАТИЧЕСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ ДНЕВНИКА А. БЛОКА**

(на примере обращения к обобщенному адресату)

Аннотация. Рассматриваются интенции А. Блока — автора дневниковых записей. На примере обращения к обобщенному адресату показываются основные средства реализации одной из интенций автора — опровергнуть общее мнение.

Ключевые слова: А. Блок; дневник; интенции автора; адресаты дневниковых записей; обобщенный адресат.

Сведения об авторе: Кальщикова Татьяна Александровна, специалист редакционно-издательского отдела.

Место работы: Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия.

Контактная информация: 622031, г. Нижний Тагил, ул. Красногвардейская, д. 57.
e-mail: taakario@rambler.ru.

**DIALOGUE ON THE FORTUNE OF RUSSIA:
PECULIARITIES OF PRAGMATIC ORDER
OF A. BLOK'S DIARY (on the basis**

of addresses to a generalized addressee)

Abstract. Intentions of A. Blok, the author of a diary, are discussed. On the example of addresses to a generalized addressee the main means of realizations of one of the author's intentions – to question the generally accepted opinion, is shown.

Key words: A. Blok; diary; author's intentions; addressees of diary; generalized addressee.

About the author: Kalschikova Tatiana Aleksandrovna, Specialist of Editing Department.

Place of employment: Nizhny Tagil State Social Pedagogical Academy.

Составить исчерпывающий перечень коммуникативных целей дневника вряд ли возможно: каждый человек, берущийся писать дневник, преследует свои, сугубо индивидуальные цели, его обращение к записям продиктовано личными потребностями и мотивами, которые отличаются от потребностей и мотивов других людей. Для каждого индивидуальны объем проживаемых впечатлений, мировоззрение, желание и способность к обобщенному взгляду на жизнь, всегда неповторима коммуникативная ситуация произведения записей.

Исследователи называют различные обобщенные цели ведения дневниковых записей: «выражать свои мысли, чувства и сомнения <...> описание дня как временного пространства <...> перечисление сделанного, итог, размышления, анализ чувств и мыслей, планы и т. п. <...> размышления о том, что волнует» [Виноградов, Платонова 1999]; «самоорганизация личности» [Лотман 1998]; «запоминание определенных сведений... уяснение внутреннего состояния пишущего, уяснение, которого без записи не происходит» [Лотман 2004]; «сохранение информации о происшедшем» [Радзиевская 1992]; «напоминание самому себе, они [дневники] предназначены для использования в будущей работе» [Романова 2003: 197]; «рассказать о времени и о себе, о людях, так или иначе памятных и побуждающих к раздумью, восхищению, негодованию, скорби» [Хмара 1977: 14]; «понять себя, причину внутреннего недовольства собою, ду-

© Кальщикова Т. А., 2012

шевной раздвоенности» [Топоров 1989: 79]; «„отвечать жизни в ее движении“» [Рудзиевская 2002: 12]; «посреди хроники, „портрета эпохи“ — остановка и взгляд автора вовнутрь себя» [Мальцев 2003]; «желание не забыть, оправдать себя или понять произошедшее, впоследствии перечитать и выяснить, выполнил ли задуманное» [Полубоярова 2005: 130] и др.

Анализ этих обобщенных целей (интенций) автора демонстрирует, что цели автора дневника рассматриваются с точки зрения разных критериев:

- **тематики** записей (преимущественное обращение к событиям внешней жизни либо акцентирование внимания на своем внутреннем мире);

- **роли**, в которой выступает автор в данный момент;

- характера **адресата**, к которому обращена авторская речь.

Значимы для выявления и анализа интенций автора также различные свойства и характеристики текста, например элементы коммуникативной ситуации, эксплицитно отразившиеся в тексте дневниковой записи, или преобладающие языковые средства, участвующие в реализации интенций, различные модели/схемы, по которым строится запись, реализующая данную интенцию.

Записи, отражающие взгляд автора на **события внешней или внутренней жизни**, могут реализовывать следующие частные интенции:

1) представить на страницах своих записей жизнь вокруг себя, описать внешний мир:

- зафиксировать наиболее значимые, на взгляд автора, события, факты внешней жизни, имена видных политических, общественных деятелей, известных людей из той профессиональной сферы, к которой относится автор, названия обществ, изданий, произведений; сделать «моментальный портрет» эпохи;
- зафиксировать приметы времени, уловить нечто, что «витают в воздухе» и затем, по прошествии некоторого времени, развивается, становится ярким признаком общественной (социальной, политической, культурной) жизни;
- осмыслить события, явления, факты путем рассуждения о них;

2) представить на страницах дневника самого себя во внешних обстоятельствах, раскрыть свой внутренний мир:

- проанализировать свое психическое состояние;
- разобраться в происходящих вокруг лично значимых событиях;
- разобраться в случившемся, объяснить себе причины некоторых своих поступков;
- осмыслить свое место в жизни (в семье, в профессии, в культуре).

В зависимости от **роли**, в которой выступает автор в данный момент — поэта, мужа, работника, общественного деятеля, зрителя, читателя и т. д. — также можно выделить множество интенций, отличающихся по удельному весу в общей структуре дневникового текста, по объему дневниковых записей или их фрагментов, в которых данная интенция реализована:

- описать текущую ежедневную «работу» как литератора (содержание, объем, порядок действий, круг чтения и др.);
- зафиксировать свое отношение к прочитанному, а также результат собственную рефлексию по поводу книги;
- зафиксировать сюжет, образ, мысль, которые могут в дальнейшем пригодиться в творчестве, шире — творческие планы;
- зафиксировать чужие мнения о своем творчестве и о себе;
- в форме обращения к невесте (жене) записать невысказанное;
- зафиксировать этапы развития отношений, их нюансов с невестой, затем — женой;
- зафиксировать содержание иной, нелитературной, деятельности, показать важность выполняемой работы и свое отношение к ней;

– зафиксировать факты, внешние события, шире — срез общественной жизни и попутно дать свою оценку происходящему;

– зафиксировать свое впечатление от спектакля, игры актеров и т. д.

Цели автора дневника можно рассматривать и в связи с предполагаемым **адресатом** записей. Если диалог происходит с самим собой, то целями, вероятно, будут следующие:

- констатировать факты, события внешней жизни (то, что вызвало непосредственный интерес автора);
- перечислить/описать события текущего дня;
- напомнить себе о чем-либо, дать задание (если автор неоднократно перечитывает свои записи);
- закодировать что-либо для себя;
- проанализировать свое психическое состояние (текущее);
- понять себя, собственную жизнь.

Если предполагается внешний адресат записей (например, некий обобщенный адресат или читатель опубликованного дневника, а также конкретный человек, являющийся носителем взглядов определенной общности людей — профессиональной, политической и др.), то цели автора уже другие:

– констатировать какие-либо факты текущей жизни, сделать «моментальный портрет» эпохи;

– зафиксировать свое эмоциональное впечатление от какого-либо факта, явления, что, возможно, для читателя будет более ценно, чем сухое изложение фактов без их оценки;

– раскрыть свое «Я» (например, объяснить те или иные поступки, заполнить информационные пробелы, втянуть в «ритм жизни») так, чтобы быть понятым потомками;

– поделиться опытом, какими-то выводами, размышлениями;

– после обдумывания состоявшегося разговора (и, возможно, других источников информации — статей, выступлений и т. д.) продолжить мысленную полемику с оппонентами по политическим, общественным, профессиональным вопросам.

При этом автор вынужден учитывать внешнюю адресованность и обеспечивать адекватность восприятия своих записей. Этому служат рассуждения, риторические вопросы и восклицания, дополнения, попутные замечания к сказанному ранее, подробное комментирование отдельных моментов, что делает их понятными другим. Появление сентенциозности, назидательности, оценочности также служит средством реализации внешней адресованности дневника.

Как видим, отдельные интенции, выделяемые в соответствии с тематическим наполнением записей, коммуникативными ролями автора и видами адресатов, совпадают или, в большинстве своем, взаимодополняют друг друга. Общий перечень интенций составить сложно, так как записи / фрагменты записей, в которых реализуется та или иная интенция, имеют различный объем и частотность в общем тексте дневника, отдельные интенции преобладают в различные периоды ведения дневника, некоторые из них непосредственно связаны с несовпадающими коммуникативными ролями автора, какая-либо из которых выходит на первый план в различные периоды ведения записей.

При анализе интенций автора в дневнике А. Блока мы, исходя из особенностей адресации записей, разделили их на группы в соответствии со следующими типами адресатов: сам автор, другое конкретное лицо, обобщенный адресат.

Основные интенции, выделенные в рамках автокоммуникации, связаны с перечислением событий текущего дня, описанием фактов, вызвавших непосредственный интерес автора, анализом своего психического состояния, фиксированием заданий самому себе.

При адресации фрагмента записи другому конкретному лицу (в какой-то степени и обобщенному адресату) интенции мотивируются предшествующим жизненным контекстом и связаны с мысленным обращением к адресату (в основном для продолжения разговора, имевшего место некоторое время назад), продолжением полемики, рассуждений на темы, которые особенно тревожат автора.

В данной статье мы подробнее остановимся на **интенциях автора при обращении к обобщенному адресату.**

Записи данного типа на страницах дневника А. Блока не очень многочисленны, если иметь в виду типичные, ядерные средства адресации (номинация собеседника, в том числе при помощи обращений и местоимений *ты/вы*; вопросно-ответные комплексы; функциональный потенциал определенноличных предложений). Однако со временем поэт осознает возможность обнародования/публикации своих записей, что отражается в дневнике начиная с 1911 г.: автор начинает использовать и другие, периферийные средства, которые адресуют запись возможным собеседникам уже косвенно. Уменьшается имплицитность семантических и структурных компонентов записей, увеличивается количество причинно-следственных связей, выраженных соответствующими синтаксическими структурами (так, предло-

жений с подчинительными союзами «потому что» и «так как» в зрелый и поздний периоды ведения дневника в 6,5 раз больше, чем в период юношеского дневника). Также в указанный период значительно увеличивается количество выводов и обобщений на основе увиденного/произошедшего, записи становятся более назидательными и сентенциозными, что также ориентирует их на возможного читателя (основное средство, используемое автором — формы глаголов настоящего неактуального времени в сочетании с существительными максимально обобщенной семантики). Кроме того, метадискурсивные замечания, касающиеся ведения дневника, также косвенно ориентируют записи на возможного читателя — как современника, так и потомка: *Писать дневник, или, по крайней мере, делать от времени до времени заметки о самом существенном, надо всем нам* (17.10.1911) [Блок 1989: 64]; *Записывая все эти мелочи, доступные моему наблюдению, я, однако, записываю, как „повернулась история“* (27.07.1917) [Там же: 238]. Таким образом, круг возможных адресатов записей расширяется, в него включаются и современники поэта, и значительно более поздние читатели.

Рассмотрим случаи, когда обобщенный адресат представлен эксплицитно и обращение к нему выражено типичными для таких ситуаций языковыми средствами.

Обращение к обобщенному собеседнику характерно в основном для зрелого и позднего периода ведения дневниковых записей. Возможно, это связано с тем, что накопился жизненный опыт, автор уже знаком со многими людьми, имеющими различные мнения по поводу двух основных проблем, которые ему небезразличны: культурной (прежде всего литературной) жизни эпохи и судьбы России в целом.

Обращаясь не к одному адресату, а ко всем, к людям как некой общности, поэт тем самым противопоставляет свои размышления и выводы многоголосому, но единому мнению некоторой группы людей. Формулирование своего мнения, отличного от мнения группы, происходит, когда накоплен некоторый объем высказываний конкретных людей (с которыми автор, как правило, не согласен).

В дневнике А. Блока мы выявили три основные интенции, связанные с обращением к обобщенному адресату: 1) обратиться к предполагаемому собеседнику (оспорить общее мнение); 2) представить себя для возможных читателей (для потомков); 3) зафиксировать свои выводы и обобщения на основе увиденного/произошедшего, которые могут быть интересны и другим.

Проиллюстрируем интенцию обращения к предполагаемому собеседнику с целью оспорить общее мнение следующей записью: **5 января. Любимое занятие интеллигенции — выражать протесты: займут театр, закроют газету, разрушат церковь — протест. Верный признак малокровия: значит, не особенно любили свою газету и свою церковь. // Протестовать против насилия — метафора (бледная немочь). <...> Ко всему надо как-то иначе, лучше, чище отнестись. О сволочь, родимая сволочь! // Почему „учредилка“? Потому что — как выбираю я, как все? Втемную выбираем, не понимаем... Ложь выборная <...> Инстинктивная ненависть к парламентам, учредительным собраниям и пр. Потому, что, рано или поздно, некий Миллюков произнесет: „законопроект в третьем чтении отвергнут большинством“. // Это — ватерклозет, грязный снег, старуха в автомобиле, Мережковский — в Таврическом саду, собака подняла ногу на тумбу... <...> „Разочаровались в своем народе“ — С. Ф. Платонов... и г-жа Султанова. // „Немецкая демонстрация“ (г-н Батюшков Ф. Д.) // Медведь на ухо. Музыка где у вас, тушинцы проклятые? // Если бы это — банкиры, чиновники, буржуа? А ведь это — интеллигенция! // Или и **духовные ценности** — буржуазны? Ваши — да. // Но государство (ваши учредилки) — **НЕ ВСЕ**. Есть еще воздух. <...> Чувство неблагополучия (музыкально чувство, ЭТИЧЕСКОЕ на вашем языке) — где оно у вас? // Как буржуи, дрожите над своим карманом (05.01.1918) [Там же: 258—259].**

В данной записи поэт противопоставляет себя и нынешнюю интеллигенцию, представленную фамилиями Д. С. Мережковского, С. Ф. Платонова, Е. П. Султановой, Ф. Д. Батюшкова — писателей, критиков, историков. Поэт также причисляет себя к этой социальной группе, о чем говорит восклицание «О сволочь, родимая сволочь!» (оксюморон), хотя и спорит с высказываниями отдельных ее представителей, приписывает интеллигенции «малокровие», отсутствие этических чувств и излишнее теоретизирование (об этом говорит номинация «тушинцы»: поэт использует слово, употребленное Ап. Григорьева по адресу «теоретиков», «людей с побуждениями „интернациональными“, „идейными“ — мертвыми» [Блок 1962: 509]). Поэт внутренне не принимает Учредительное собрание (номинация с суффиксом -к- — «учредилка», формы множественного числа — «инстинктивная ненависть к... учредительным собраниям», «учредилки»), «немецкую демонстрацию», «разочарование в своем народе».

Представителей интеллигенции, утративших «чувство неблагополучия», автор сравнивает с буржуями, дрожащими над своим карманом. Однако обратиться в такой форме к своим оппонентам при реальном общении было, наверное, невозможно, поскольку это грозило бы ссорой из-за резкой оценочности, которая, в частности, актуализируется одной из излюбленных конструкций поэта «это — ...»: «Это — ватерклозет, грязный снег, старуха в автомобиле, Мережковский — в Таврическом саду, собака подняла ногу на тумбу...», обращением «тушинцы проклятые». Препятствовала произнесению таких фраз при живом общении и агрессивность речи: «как буржуи, дрожите...».

Обсуждаемая тема очень волнует автора, на это указывают множественные шрифтовые выделения (в тексте публикации используется курсив, замененный здесь на полужирный курсив, и прописные буквы). Адресуя свое негодование обобщенному адресату непосредственно при помощи обращения, местоимения «вы», формы глагола 2-го лица, автор формирует своеобразный вопросно-ответный комплекс, состоящий из своих реплик и подразумеваемых реплик оппонента. Так, первое обращение: «Музыка где у вас, тушинцы проклятые?» — остается без ответа, далее следует эмоциональное (оформленное при помощи восклицательного предложения) рассуждение автора о том, что чувство неблагополучия отсутствует именно у представителей интеллигенции, которым оно, казалось бы, в первую очередь должно быть свойственно (*Если бы это — банкиры, чиновники, буржуа? А ведь это — интеллигенция!*). Новая «реплика» автора в адрес обобщенного адресата, вопрос «Или и **духовные ценности** — буржуазны?» уже предполагает конкретный ответ, автор считает типичным ответом «нет», но, продолжая полемику, утверждает: «Ваши — да». Далее, после краткого рассуждения о том, что не только официальные органы формируют настроение всего народа, автор вновь возвращается к интеллигенции, обращается к ее представителям на «их языке», взывает к пробуждению чувства неблагополучия в конкретной исторической ситуации. Своеобразие данного вопросно-ответного комплекса состоит в том, что автор обращается к обобщенному адресату, и реальных реплик (как если бы разговор состоялся с конкретным человеком) он привести не может, поэтому здесь представлены лишь реплики автора и подразумевается одна из реплик оппонентов.

Налицо двуполярность приведенной записи, противопоставление «Я» «окруже-

нию», «миру». Это, на наш взгляд, связано с тем, что размышления автора определяются некими внешними причинами, в большинстве своем имеют непосредственную связь с имевшими место некоторое время назад разговорами, обсуждениями, связаны с прочитанным. С течением времени, накапливая жизненный и художественный опыт, поэт не может не реагировать на вызовы своего времени, поднимаясь при этом на высокий уровень обобщения и делаясь с современниками и потомками своими наблюдениями и выводами.

Размышляя о себе, своих действиях (...как выбираю я, как все? Втемную выбираем, не понимаем...), автор переходит к осмыслению своего взаимодействия с миром, глобальных закономерностей бытия. Ключевой момент записи — **Ко всему надо как-то иначе, лучше, чище отнестись**. Это определяется сгущением всех выразительных языковых средств: нанизываются слова с модальным значением, уплотняются параграфические средства, непосредственно после основной мысли автор задает главные вопросы и пытается на них ответить, актуализирует причинно-следственные связи парцеллированием придаточной части сложноподчиненного предложения.

Модель реализации интенции в данном фрагменте такова: сначала — квалификация «спорного» явления, идентификация его состояния, вызывающая отрицательное впечатление автора, затем — размышление о том, как надо поступить для выхода из сложившейся ситуации (что в ней изменить), затем — оценка, также негативная, описываемого объекта, перемежающаяся с побуждением предполагаемого оппонента к определенным действиям, изменению своей позиции.

Для себя автор записи на первое место ставит **духовные ценности** и принцип **Ко всему надо как-то иначе, лучше, чище отнестись**. Как именно, автору пока не ясно: 1918 г. только наступил, политическая жизнь очень активна, события постоянно сменяют друг друга.

Как показывает анализ, интенции, связанные с обобщенным адресатом записей, многообразнее при обращении к будущим возможным читателям и не так разнообразны при обращении к современникам поэта. При этом средства, указывающие на обращение к обобщенному адресату — современнику, гораздо четче (они сходны с основными языковыми средствами, реализующими обращенность к конкретному адресату), чем средства, реализующие адресованность к будущим читателям дневника.

А. Блоку как создателю дневника свойственно следующее качество: поэт пишет о чем-то конкретном (своих стихах, статьях и пр., отношениях с родственниками, телефонных разговорах, письмах, встречах, заседаниях и мн. др.), и его мысль, отталкиваясь от конкретных фактов, нередко стремится к поиску закономерностей, обобщению. Как нам видится, чаще всего это происходит, когда у пишущего дневник есть свободное время для записей либо когда мысль вынашивалась уже давно и фиксируется при первой возможности.

Еще одна интересная черта, свойственная дневнику А. Блоку, состоит в том, что он многократно на страницах записей причисляет себя к некоторой группе людей, общности, называя себя и представителей этой группы личным местоимением «мы». Автор объединяет себя с другими людьми по следующим признакам:

– профессиональному (я — литератор, поэт, художник): *Почему так ненавидишь все яростнее литературное большинство? <...> Они нас похваляют и поругивают, но тем пьют нашу художественную кровь. Они жиреют, мы спиваемся... Эти, которые заводятся около искусства...* (11.02.1913) [Блок 1989: 182—183];

– сословному (я — представитель интеллигенции, сословного меньшинства, «господ»): *А русский народ „блажит“ добродушно, тупо, подловато, себе на уме... За что нам верить? За что верить государству? Господа всегда обманывали. Господа, хоть и хорошие, да чужие* (10.07.1917) [Там же: 229];

– национальному (я — русский): *На древний запад, на кривой ятаган востока мы смотрим, как на блаженную мерцающую красным светом α Ориона* (22.12.1911) [Там же: 93];

– временному, эпохальному (я — человек, живущий в данное время): *Я, например, полагаю в опере все, на что я способен, во круг одного: **судьба неудачника**; по крайней мере, в христианскую эпоху, которой мы современники, это величина постоянная* (11.10.12) [Там же: 140] и др.

Причисление автором себя к различным группам людей также указывает на адресацию дневниковых записей этим предполагаемым собеседникам (обобщенному адресату).

Возможно, обращение к потомкам и вообще желание остаться в истории — глобальная цель ведения дневника для человека, осознающего свою известность, значимость в культуре своего времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блок А. А. Дневник / подгот. текста, вступ. ст. и примеч. А. Л. Гришунина. — М. : Сов. Россия, 1989. (Русские дневники).

2. Блок А. А. Судьба Аполлона Григорьева // Собр. соч. : в 8 т. — М. ; Л., 1962. Т. 5. С. 487—519.

3. Виноградов С. И., Платонова О. В. [и др.]. Культура русской речи : учеб. для вузов. — М. : НОРМА-ИНФРА-М, 1999.

4. Лотман Ю. М. «Я» и «другой» как адресаты (О двух моделях коммуникации в системе культуры) // Семиосфера / Лотман Ю. М. — СПб. : Искусство-СПБ, 2004. С. 163—177.

5. Лотман Ю. М. Структура художественного текста // Об искусстве / Лотман Ю. М. — СПб., 1998. С. 14—288.

6. Мальцев Л. А. Жанровая система творчества Густава Херлинга-Грудзиньского: эпические жанры

и дневник-хроника : дис. ... канд. филол. наук. — М., 2003.

7. Полубоярова Л. А. Способы репрезентации адресата в тексте дневника // Вопросы гуманитарных наук. 2005. № 2. С. 129—136.

8. Радзиевская Т. В. Текстовая коммуникация. Текстобразование // Человеческий фактор в языке: коммуникация, модальность, дейксис. — М. : Наука, 1992. С. 79—108.

9. Романова Г. Автобиографические жанры // Литературная учеба. 2003. № 6. С. 195—199.

10. Рудзиевская С. В. Дневник писателя в контексте культуры XX века // Филологические науки. 2002. № 2. С. 12—19.

11. Топоров В. Н. Два дневника (Андрей Тургенев и Исикава Такубоку) // Восток — Запад. Исследования. Переводы. Публикации. — М. : Наука, 1989. Вып. 4. С. 78—99.

12. Хмара В. Зигзаги жанра // Литературное обозрение. 1977. № 9. С. 14—18.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов

УДК 821.161.1.09(Сорокин В.)
ББК Ш5(2Рос=Рус)6-4

ГСНТИ 16.21.27; 16.21.33

Код ВАК 10.01.01

А. В. Кубасов A. V. Kubasov

Екатеринбург, Россия Ekaterinburg, Russia

**ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ
ЭЛЕКТРОННОМ ТЕКСТЕ
(Владимир Сорокин
в интернет-журнале «Сноб»)**

**POLITICAL DISCOURSE IN BELLES-
LETTRES ELECTRONIC TEXT
(Vladimir Sorokin in internet-magazine “Snob”)**

Аннотация. Рассматривается проблема сопряжения политического дискурса с художественным на материале эссе постмодерниста Владимира Сорокина, размещенных в интернет-журнале «Сноб». Раскрывается кентавричность языка произведений, обусловленная контаминацией и интерференцией объективированных разнородных жанров: эссе, очерка, газетной передовицы, сценки, монолога, «болтовни в чате» и др.

Abstract. The problem of linking political discourse with belles-lettres texts is discussed on the basis of the essay of post-modernist writer Vladimir Sorokin, published in internet-magazine “Snob”. The specificity of the language of the work is revealed, which is determined by contamination and interference of objectivized different genres: essay, sketch, leading newspaper article, monologue, “chatting” and others.

Ключевые слова: художественный электронный текст; Владимир Сорокин; «Сноб»; полижанровость; кентавричность языка.

Key words: belles-lettres electronic text; Vladimir Sorokin; “Snob”; polygenre; centauricity of the language.

Сведения об авторе: Кубасов Александр Васильевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой методик преподавания школьных дисциплин в специальной школе.

About the author: Kubasov Alexander Vasilievich, Doctor of Philology, Professor, Head of the Chair of Methods of Teaching School Subjects in a Special School.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Place of employment: Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).

Контактная информация: 620017, Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 116.
e-mail: kubas2002@mai.ru.

Сегодня внимание читательской аудитории всё больше смещается с текстов на бумажных носителях на тексты электронные, открывающие новые возможности как для авторов, так и для читателей. Едва ли не в геометрической прогрессии растет число пользователей электронных журналов и аудиокниг. В начале 2012 г. в Интернете появилось знаменательное свидетельство: «Электронная эра официально наступила: в конце января продажи электронных книг на Amazon.com обогнали продажи даже самых дешевых, но бумажных» [Бабицкая 2012]. История культуры показывает, что новое явление обычно не убивает старое, а лишь оттесняет его на периферию или просто создает дополнительную конкурентную среду. Скорее всего, произойдет это и с электронными изданиями. Тексты на бумажных носителях останутся, но значимость их изменится.

Компьютерные тексты с точки зрения их поэтики только начинают привлекать к себе внимание литературоведов [Визель 2011]. Предметом наших наблюдений является творчество известного российского постмодерниста, работающего в условиях интернет-журнала.

Колумнист — это автор определенной колонки. Правда, понятие колонки примени-

тельно к интернет-журналу весьма условно. Оно стало своего рода метафорой, потому что колонок в традиционном газетно-журнальном смысле этого слова в интернет-изданиях нет — есть страницы, разделы, ссылки. Колумнист в своем творчестве должен соблюдать определенные условия: актуальность и остроту проблем, относительную регулярность появления текстов, ограниченность их объема, учет специфики читательской аудитории. Всё сказанное можно отнести и к традиционной печатной журналистике. Вспомним в этом контексте хотя бы Алексея Сергеевича Суворина, издателя «Нового времени», самой тиражной и популярной российской газеты конца XIX в. В ней Суворин на протяжении нескольких десятилетий выступал как автор так называемых «маленьких писем», соблюдая вышеперечисленные условия. Таким образом, перед нами не что иное, как «новые старости». Поставим логическое ударение на слове «новые» и попытаемся раскрыть его смысл.

Предметом анализа явились тексты Сорокина-колумниста, размещенные на сайте-журнале «Сноб» (www.snob.ru). Всего их около полусотни. Первое выступление Сорокина в «Снобе» состоялась в мае 2009 г. с текстом, посвященным памяти Дмитрия

Александровича Пригова [Сорокин 2009б]. За прошедшее время Сорокин написал более 50 произведений для журнала. Если попытаться охарактеризовать жанр, в котором работает автор «Голубого сала», то, скорее всего, это эссе, представляющее не столько жанром, сколько метажанром, который может существенно модифицироваться в зависимости от проблемы, выбранной автором, его задачи, позиции, особенности интонации... В качестве жанра-субстрата для эссе Сорокин использует инвективу, притчу, физиологический очерк, эпитафию, сценку, свободную медитацию и т. д. Но все-таки в итоге перед читателем не инвектива, не притча и не физиологический очерк, а образы этих жанров.

Полижанровость соотносится с полистилистикой текстов. Ключевая особенность языка интернет-текстов Сорокина — их разнообразная кентавричность.

В первую очередь отметим сочетание художественного и публицистического дискурсов. Одни эссе тяготеют к полюсу публицистичности. Они посвящены политическим событиям последнего времени, например процессу над Ходорковским, разбою майора Евсюкова, истории с московским поселком Речник и т. д. Другие отличает несомненное превалирование художественности над публицистичностью.

В условиях интернет-журнала возникает установка на кентаврическую устно-письменную форму подачи текста. Дело здесь не только в использовании прямой речи, но и в доверительной «домашней» интонации авторского голоса, обращающегося к читателю через монитор компьютера. Лингвисты отмечают явное стремление «homo interneticus» максимально приблизить письменную форму речи к устной. Максим Кронгауз пишет по этому поводу: «Сегодня, с появлением Интернета, появлением огромной сферы коммуникации, можно утверждать, что появился некий промежуточный тип коммуникации, который в каком-то смысле является письменным (визуальным), а в каком-то — устным. По способу восприятия — это, безусловно, визуальная речь, то есть воспринимаемая глазами. <...> А вот с точки зрения структуры используемого языка — безусловно, устная» [Кронгауз 2011].

Еще одна форма проявления кентавричности — это креолизованный язык. Суть креолизации в создании и использования разноязычия, разнокодности. Диалогичность в таком случае перемещается как бы внутрь самого слова. Заголовок одного из эссе Сорокина — «Аффтатизм жізни заебалл...». Обценный характер последне-

го слова отчасти редуцируется использованием трех языков, которые манифестируются в заглавии. Автор сочетает кириллицу, создающую лексико-грамматическую базу высказывания, и надстройку над ней, в роли которой выступают латиница и компьютерный «олбанский» язык. Метажанровость эссе в данном случае реализуется в стилизации речевого жанра, который можно определить как «болтовня в чате». Но это не «чистая» болтовня, а оформленная, сбита, как обручами, еще и жанром притчи. Естественно, что текст получается не только разножанровый, но и, как следствие, разноязычный: *С аффтатизмом жізни сталкиваюца не токмо каждый пейсатель, который жжот буквами бумагу ф надежде выжечь имя Вечности, но и бессловесный обыватель, вынужденный каждый день ездить на работу, а потом с работы. Но обывателю горррраздо легче, дамы и господа! Потому что он рївїк. Он готов проклевать всю жизнь носом в метро: на работу, с работы, на работу, с работы. И слава Богу. О, эта серая мощь автоматизма жизни! Что способно раздвинуть ее шестерчатую плоть? Что может ей противостоять? Любовь? Да. Искусство? Да. Вера? Да. Ну, еще наркотики, алкоголь, шизофрения, похуизм* [Сорокин 2009а]. Противопоставляя «бессловесных обывателей» «необыкновенным людям», Сорокин поступает, конечно, как самый настоящий сноб. Но в игровом по характеру тексте и личина авторского снобизма становится отчасти тоже игрой. Явление объективации самого себя в разных ипостасях весьма характерно для Сорокина-эссеиста. Релятивизация, т. е. принцип относительности всего и вся, — это тоже достаточно типично для постмодерниста. Важно не пропустить ответ на вопрос, как же сам автор побеждает рутину, ненавистный ему автоматизм жизни. Весь текст является ответом на этот сакраментальный вопрос: преодолевает с помощью креативности. Выражение «Сорокин и идеалы» похоже на оксюморон. И все-таки оно небезосновательно. Снять автоматизм жизни возможно, по Сорокину, стремлением к идеалам любви, искусства, веры. Если бы далее не следовали другие варианты ответа (наркотики, алкоголь, шизофрения, похуизм), то это был бы чистый пафос газетной передовицы, неприемлемый, конечно, для постмодерниста.

Дополнительная ценность эссеистических текстов Сорокина заключается в том, что они могут выступать своего рода «спутниками», находящимися на орбите романов и повестей автора. Текст-спутник позволяет раскрыть дополнительные смыслы некото-

рых больших произведений писателя. Известно нашумевшее дело майора милиции Евсюкова, устроившего кровавую бойню в московском супермаркете. Защитник правопорядка в эссе «Знакомая музыка опричнины» характеризуется как опричник:

Надоело Евсюку-свет опричнику
Пировать во палатах во каменных,
Надоело ему, ох, опостылело
Пить меда да жевать гусей-лебедушек.
Стало душно ему! Стало скучно ему!
Он выхватывал свою саблю вострую,
Да бежал со всех ног да в Охотный ряд,
Рассекал там он купцов-менял-калашников,
Рассекал народ московский недоверчивый,
Рассекал на куски да саблей вострую,
Рассекал, рассекал, да приговаривал:
— Ох, и душно мне! Ох, и скучно мне!

[Сорокин 2010б]

Время, обращенное вспять, естественно рождает отсылку к былинному стиху, а также аллюзию на известное произведение Лермонтова («купцов-менял-калашников»). При анализе «Дня опричника» данный текст может послужить дополнительным материалом, позволяющим уточнить авторскую позицию.

Соотношение политического и художественного дискурсов в эссеистике Сорокина может проявляться в форме своеобразного «иллюстрирования» современной политической или социальной проблемы. Так, эссе «Вертикальновластный театр» начинается с напоминания об известном факте современности: *Драматические события в поселке „Речник“ лишней раз демонстрируют возможность нынешней власти снести практически любой частный дом, объявив его „незаконно построенным“* [Сорокин 2010а]. Сделав заявку в заглавии на «театр», автор прибегает к жанровой форме сценки, театральной миниатюры, действующими лицами в которой оказываются омоновец, судебный пристав и домовладелец. Есть и внесценические персонажи, указанные в начальной ремарке: *Подмосковье. Утро. Дом Семена Семеновича, выстроенный из красного кирпича в середине 90-х. Солнце золотит макушки трех разновеликих елочек, посаженных в 1996, 1999 и 2003 годах. К дому подъезжает омоновский черный автозак, синяя машина судебных приставов и желтый экскаватор с задранной вверх ковшем. Из машины выходят плотнотельный пристав в чине майора и его помощница, лейтенант, в коротенькой форменной юбке, с папкой документов. Пристав звонит в калитку. К ним выходит хозяин дома в халате* [Там же]. Всесилие власти и полная незащищенность перед властью отдельного человека —

так можно сформулировать проблему этого текста. Сюжет не нуждается в пересказе. Он ясен изначально. Самое интересное здесь — мотивировка предпринимаемых властью действий:

ПРИСТАВ: Семен Семеныч, если вы окажете сопротивление власти, с вами придется обойтись жестко.

ОМОновец: Очень жестко.

Домовладелец: Как?

ОМОновец (угрюмо смотрит на макушки елочек): Сломаем нос, отобьем печень.

Пауза.

ПРИСТАВ (берет под руку домовладельца): Голубчик, не упорствуйте. Это же государственная программа: Зеленые Легкие Подмосковья. Москве нужен чистый воздух. Наша Вертикаль Власти задыхается. У нее мыслительный процесс стопорится от выхлопных газов. А вы тут понастроили, понимаешь... Здесь должны шуметь леса!» [Там же].

Очевидно, что автор расставляет для читателя знаки, по которым он может вспомнить важные общественно-политические реалии. Так, указание на годы, когда были посажены елочки Домовладельцем, имеют характер отсылки к важным политическим событиям в России. Например, в 1996 г. во время президентской кампании происходит известная история с «коробкой из-под ксерокса», в которой находятся полмиллиона долларов наличными, а 1999 г. запомнился тем, что в конце его президент Б. Н. Ельцин ушел в отставку.

Следующий тезис можно сформулировать так: иллюстрация к эссе есть некое подобие реплики в диалоге. Визуализация и связанная с ней креолизация текста, т. е. соединение вербального и невербального кодов, — это и тренд современной литературы, и один из китов, на которых стоят интернет-тексты. Иллюстрация стала одним из компонентов «большого диалога», в который вовлекаются все участники *события произведения*, которое становится отчасти перформативным, уподобляясь коллективному речевому акту, речевому поступку. Так происходит соединение двух риторических модальностей: нарративной и перформативной. Композиционно реплика — иллюстрация художника следует сразу же за тезой эссе. То и другое в свернутом виде по принципу синекдохи призвано передавать суть целого. На заключительной стадии в диалог вовлекаются читатели.

Автор в Интернете может получить мгновенный доступ к читательской реакции. Происходит заметное сокращение дистан-

ции между пишущим текст и его реципиентом. В Интернете автор может с достаточной долей уверенности угадывать реакции определенной части читательской аудитории. Более того, предполагая реакции известных ему людей, колумнист может не «выкладывать» всё непосредственно в тексте: кое-что важное он может припасти на дискуссию, оставить, так сказать, часть козырных карт на руках, не раскрыть их в основном тексте. Читателю произведения в электронном виде предстоит не только текст, но и автор, к которому можно непосредственно обратиться. Так, один из читателей эссе «Вертикально-властный театр» подмечает одну из особенностей произведений писателя — их прогностический характер: *Мне тоже история с Речником напомнила сразу же Ваш „Занос“. Я давно заметил, что Ваши романы и рассказы (описка читателя. — А. К.) в „Снобе“ не только доставляют огромное удовольствие, но и приносят „практическую“ пользу, как самые достоверные гороскопы. Спасибо* [Там же].

Особенность интернет-текстов Сорокина — их провокативность. Эссе должно вызвать диалог, спор, успешность которого может быть оценена в количественных показателях, а именно в числе участников дискуссии, в количестве обращения читателей к странице («кликов»). Не стоит сбрасывать со счетов и то, что интернет-журнал — это, помимо прочего, еще и бизнес, который зависит от числа тех, кто заходит на сайт. Поэтому сакральное для рынка массмедиа слово «рейтинг» важно и для владельцев журнала «Сноб». Культура всё более срывается с экономикой. Интернет-культура наиболее отчетливо это демонстрирует. В свою очередь, интернет-пользователь ориентируется на число прочитавших данный текст и хоть относит себя к снобам, все-таки примыкает к большинству, полагая, что чем больше участников дискуссии, тем интереснее текст. Конечно, это может находиться на периферии сознания автора, но может и долететь в его видении своей роли в журнале.

Образцом провокативности можно назвать заголовок ещё одного эссе Сорокина — «Кто напишет „Раковый корпус“?» [Сорокин 2010в]. Провокация предполагает возникновение естественного вопроса в сознании читателя: «Как это кто напишет? А разве

А. И. Солженицын не написал уже этот самый „Раковый корпус“?» Задавшись вопросом, посетитель сайта с высокой степенью вероятности откроет соответствующую ссылку и прочтает текст. Анализируя роман «Лед», М. Липовецкий замечает: «Сорокин претворяет сложную и богатую мифологию русского литературоцентризма в своего рода мифологический комикс...» [Липовецкий 2008: 625]. Эссе «Кто напишет раковый корпус» также создается как нечто подобное «мифологическому комиксу», который микшируется благодаря фигуре героя-рассказчика.

К сожалению, 31 декабря 2010 г. Владимир Сорокин опубликовал последнее эссе на страницах журнала «Сноб» и взял паузу, которая длится до сих пор. Думается, что эксперименты со словом, опыт работы колумнистом в электронном издании каким-то образом отразятся в «большой литературе» этого автора, добавят новые грани его романам и повестям.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бабуцкая В.* Как мы читаем // Сноб. URL: <http://www.snob.ru/fp/entry/30881>.
2. *Визель М.* Электронная литература: неизвестное неизвестное? Рец. на кн.: Hayles N. Katherine. ELECTRONIC LITERATURE. NEW HORIZONS FOR THE LITERARY. — Notre Dame : Univ. of Notre Dame Pr., 2008 // Новое литературное обозрение. 2011. № 110.
3. *Кронгауз М.* Язык и коммуникация: новые аспекты // Публичные лекции на Полит.ру. URL: <http://www.polit.ru/lectures/2009/03/19/communication.html>.
4. *Липовецкий М.* Паралогии: трансформации (пост)модернистского дискурса в русской культуре 1920-2000-х годов. — М. : Новое литературное обозрение, 2008.
5. *Сорокин В.* Аффтаматизм жизни заебалл // Сноб. 17.11.2009а. URL: <http://www.snob.ru/selected/entry/9085>.
6. *Сорокин В.* Занос // Сноб. 04.05.2009б. URL: <http://www.snob.ru/profile/5295/blog/2960>.
7. *Сорокин В.* Вертикально-властный театр // Сноб. 03.02.2010а. URL: <http://www.snob.ru/selected/entry/12275>.
8. *Сорокин В.* Знакомая музыка опричнины // Сноб. 20.01.2010б. URL: <http://www.snob.ru/selected/entry/11547>.
9. *Сорокин В.* Кто напишет «Раковый корпус?» // Сноб. 09.12.2010в. URL: <http://www.snob.ru/selected/entry/28427>.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Н. В. Барковская

УДК 327
ББК Ф4(4),60

ГСНТИ 11.25.43; 16.21.27

Код ВАК 23.00.04

О. А. Лисий

Санкт-Петербург, Россия

**ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА КАК ПРАКТИКА
ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ
(на примере Европейского союза)**

Аннотация. Европейский Союз стал первым наднациональным актором международных отношений, предпринявшим попытку сформировать полноценную внешнюю политику. Одной из главных проблем на пути реализации этой большой цели является существование у каждого из 27 государств-членов собственного внешнеполитического курса, опирающегося на национальные интересы, в основе которых лежат национальные идентичности. Цель работы — выявление механизмов формирования общей идентичности Европейского союза через дискурс о возможном членстве Турции в ЕС.

Ключевые слова: идентичность; Европейский союз; общая внешняя политика и политика безопасности (ОВПБ); вступление Турции в Европейский союз.

Сведения об авторе: Лисий Олеся Александровна, аспирант кафедры теории и истории международных отношений факультета международных отношений.

Место работы: Санкт-Петербургский государственный университет.

Контактная информация: 191060, Санкт-Петербург, ул. Смольного 1/3, 8 подъезд.
e-mail: olesya_lis@mail.ru.

O. A. Lisiy

Saint-Petersburg, Russia

**FOREIGN POLICY AS A TOOL FOR IDENTITY
CONSTRUCTION (the case of Turkey-European
Union relations)**

Abstract. The European Union has become the first supranational actor of the international relations that attempted to set a comprehensive foreign policy. One of the main challenges for the realization of this major purpose is the fact that each of its 27 member states has its own foreign policy course, based on its national interests centered upon the national identities. The purpose of this paper is to identify the mechanism for the formation of a common EU identity through the discourse of a possible accession of Turkey to the European Union.

Key words: identity; European Union; Common Foreign and Security Policy (CFSP); accession of Turkey to the European Union.

About the author: Lisiy Olesya Alexandrovna, Post-graduate Student of the Chair of Theory and History of International Relations of the School of International Relations.

Place of employment: St. Petersburg State University.

С усилением роли и политического влияния Европейского союза на международной арене всё настойчивее поднимаются вопросы о европейской идентичности. Подкрепляемая ростом интеграции и расширением ЕС, а также разработкой Конституционного, а затем Лиссабонского договоров, проблема определения европейской идентичности становится такой же важной, как, например, вопросы экономического или политического функционирования Европейского союза.

Безусловно, важное место в ряду работ по национальной идентичности занимает книга Ивэра Нойманна [Нойманн 2004], который развил и утвердил мысль о Востоке как Другом Европы, известную еще по публикации Эдварда Саида [Саид 2005]. Приводя аргументы в пользу вышеобозначенного тезиса, Саид анализирует в основном исторические работы и в значительно меньшей степени — исторические примеры. Нойманн сам называет в качестве недостатка своей работы концентрацию на предпосылках деятельности и редкое обращение к самой деятельности [Нойманн 2004: 17—18]. В настоящей статье предпринята попытка при помощи дискурс-исторического подхода —

© Лисий О. А., 2012

одного из направлений критического анализа дискурса — показать деятельность по конструированию идентичности Европейского союза на примере современных отношений с Турцией в рамках политики расширения.

Используя терминологию А. Вендта, можно отметить, что Европейский союз является хорошей иллюстрацией процесса формирования коллективной идентичности в международных отношениях, в рамках которой государства начинают видеть друг в друге скорее дополнение себя, чем проявление Другого. Осознание этого факта нашло отражение в исследованиях, которые определяют Европейский союз как особый новый тип актора со своим специфичным способом существования и проявления в международных отношениях. Помимо ставшей классической идеи Европы как гражданской силы, предложенной Франсуа Дюшэном, в последние годы появилось множество концепций подобного типа. Наиболее влиятельной среди них является теория Европы как нормативной силы Иана Мэннерса. (Среди других концепций назовем, например, идеи Европы как «кантовской власти» [Kagan 2003], «кооперативной империи» [Cooper 2002], «кос-

мополитического сообщества» [Habermas 2003; Beck 2003], «исчезающего посредника» [Balibar 2003] и т. д.)

По Иану Мэннерсу, нормативная сила — это такая сила, которая «способна формировать представления о „нормальном“» [Manners 2002: 239]. Она не является ни чисто военной, ни чисто экономической, но осуществляется посредством распространения идей и мнений. Следовательно, мы можем идентифицировать нормативную силу по тому влиянию, которое она оказывает на формирование такого поведения других акторов, которое они считают наиболее подходящим для себя. Продвижение норм должно, по Иану Мэннерсу, основываться на убеждении, а не на принуждении, а последствия их применения — согласовываться с принципом «не навреди» применительно к партнеру, в отношении которого проводится внешняя политика. Томас Диц, разделяющий идеи концепции Европы как нормативной силы в части, касающейся появления в лице ЕС нового актора международных отношений, ведущего к преобразованию установившихся правил межгосударственного взаимодействия, последовательно и, на наш взгляд, довольно успешно критикует идеи Иана Мэннерса относительно нормативности как руководящего принципа внешнеполитического действия Европейского союза. Согласно Т. Дицу, «обращение к нормативной силе предполагает существование набора неоспоримых европейских (ЕС) норм и ценностей как продолжения определенной европейской (ЕС) идентичности, но нормативная сила не содержит в себе ни того, ни другого» [Diez 2006: 244]. Немецкий исследователь называет это явление «парадоксом нормативной силы» и объясняет его двумя обстоятельствами. Во-первых, тем, что европейские ценности и идентичность, являющиеся необходимым условием для эффективного действия нормативной силы, конструируются через противопоставление их ценностям и идентичности европейского Другого. Таким образом, ЕС предстает носителем неких нормативных стандартов, в то время как Другие — отклоняющимися от таких стандартов, а значит, нуждающимися в переменах. Этот процесс воссоздания Другого Европы лежит в основе разграничения ЕС и не-ЕС. Проведение этой границы само по себе не подразумевает необходимости каких-либо изменений, однако если они случаются, то выражаются либо в форме географического переноса границы, как это происходит в случае расширения ЕС, либо в форме трансформации европейских (ЕС) ценностей. Второе обстоятельство, лежащее в

основе парадокса нормативной силы Т. Дица, связано с заявлениями ЕС об универсальном характере тех норм, носителем которых он является, хотя в то же самое время эти нормы позиционируются как **европейские**, чем закладывается основа для различия между ЕС и европейскими Другими. Таким образом, понятие нормативной силы Европы не является объективной категорией, а представляет собой одну из практик дискурсивной репрезентации.

Переходя к практической части статьи, отметим, что в связи с обширностью поля анализа мы решили остановиться на одной из наиболее значительных тем: конструирование Европейского союза как географического, культурного и исторического пространства.

Несмотря на то, что в материалах прессы, в общественном мнении и даже в интервью руководителей некоторых государств — членов Европейского союза в связи с возможным членством Турции в ЕС нередко возникали вопросы о географических границах Европы, высшие европейские чиновники в своих речах успешно обходили стороной тему «географического измерения» отношений Турции и ЕС. Что касается интервью, то, отвечая на вопросы журналистов о границах Европы, а значит, о пределах расширения ЕС, европейские чиновники старались перевести разговор на текущее положение вещей: «Невозможно говорить с уверенностью, где Европа начинается и где она заканчивается. Реальность такова, что две страны, Болгария и Румыния, с которыми переговоры о вступлении продвинулись достаточно далеко, желают присоединиться к Союзу в 2007 году. Решение о начале переговорного процесса с Турцией, которая также подала заявку на членство, может быть принято в конце этого года, если Турция будет удовлетворять нашим политическим критериям» [BBC Summary of World Broadcasts... 2004]; «Одним из решений, принятых на прошлой неделе Европейским Советом, стало решение о консолидации повестки дня по расширению ЕС с тем, чтобы она включала в себя Юго-Восточную Европу. В 2004 году мы объединили Восточную Европу с Западной, присоединив страны ЦВЕ к ЕС... Наша следующая задача — объединить Юго-Восточную Европу и Европейский союз за счет ее интеграции в ЕС. Эта работа ведется сейчас, эта работа находится в стадии выполнения, а консолидированная повестка дня по расширению включает Турцию и западнобалканские страны» [Global Leaders... 2007].

Таким образом, хотя европейские чиновники и не говорят о конкретных пределах

Европы, она конструируется в дискурсе как географически определенное пространство, обладающее вместе с тем подвижными границами, особенно в восточной своей части. При этом нужно принимать в расчет и то, что лидеры ЕС учитывают и используют в формировании дискурса такой фактор, как распределение стран по континентам, что особенно показательно в отношении южной границы ЕС. Последнее подтверждается не только самим фактом отклонения в 1987 г. заявки Марокко на членство в ЕС, обоснованного тем, что страна не является «европейской», но и частой отсылкой к этому факту в выступлениях лидеров ЕС, в том числе и по вопросу вступления Турции. Упоминание случая Марокко, заявку которого не приняли к рассмотрению, в речах, касающихся вопросов членства Турции [см., напр.: Federal News Service... 2004], которой в итоге был присвоен статус страны-кандидата, представляет собой референтную стратегию, призванную продемонстрировать включение Турции в пространство Европы, что служит позитивной самопрезентации Союза как объединения, оценивающего каждую страну-кандидата справедливо и в соответствии с одними и теми же критериями, изложенными в Договоре о Европейском союзе.

Стоит отметить также следующее: с одной стороны, дискурс о Европе как географическом пространстве выстраивается таким образом, чтобы не разрушить уверенности европейских стран, пока не являющихся членами ЕС, в том, что у них всегда есть возможность подать заявку на членство и при выполнении предъявляемых ЕС условий быть принятыми в Союз, с другой — и это становится особенно ощутимым по мере нарастания кризиса внутри ЕС после пятого расширения — лидеры говорят о необходимости определиться с ориентацией хода расширения и сосредоточения его на одном направлении — Западных Балканах и Турции. Последнее положение хорошо иллюстрирует второй отрывок, приведенный выше и являющийся выдержкой из интервью с Олли Реном, благодаря которому, после занятия им поста еврокомиссара по вопросам расширения в ноябре 2004 г., эта идея стала доминирующим нарративом в данном направлении развития дискурса.

Дискурсивные практики, конструирующие Европу как географическое пространство, часто совмещаются с практиками конструирования Европы как исторического и культурного пространства: «Границы Европы являются скорее ментальными, чем географическими; важно то, что у нас есть ясное представление о наших целях... перспекти-

ва расширения до Западных Балкан отсылает нас к истокам европейской мечты, связанной прежде всего с тем, чтобы воплотить старую цель: „Нет войне в Европе“» [Elargir l'Europe... 2005].

Тема объединения общих усилий в прошлом с целью недопущения войн в будущем наиболее востребована в дискурсе о Европе как историческом пространстве, если говорить о ссылках на общее прошлое. Ее применение помогает утвердить еще один критерий включения Турции в европейское пространство: разрешение всех противоречий со странами ЕС, исключение потенциальной возможности перерастания разногласий в вооруженный конфликт. Для Турции, судя по выступлениям лидеров ЕС, главным усилием в этом направлении должно стать участие в решении кипрской проблемы. Интересно отметить, что если в выступлениях бывших комиссаров по вопросам расширения, Гюнтера Ферхойгена и Олли Рена, окончательное урегулирование на Кипре называлось «важным», «критическим», «влекущим значительные выгоды», играющим роль «катализатора» в процессе присоединения Турции к ЕС и т. п., то Штефан Фуле, занявший пост комиссара по расширению в феврале 2010 г., указывает на конкретные негативные последствия, вызванные нерешенностью этой проблемы — замороженные главы переговорного процесса. Более того, если в речах предыдущих комиссаров проблема Кипра не выделялась в ряду других проблемных моментов, касающихся переговорного процесса с Турцией, при безусловном доминировании разговоров о необходимости реформирования страны в соответствии со стандартами ЕС, то в выступлениях Штефана Фуле пассажи о необходимости решения кипрского вопроса идут сразу вслед за призывами к дальнейшему реформированию турецкого законодательства. Таким образом, наблюдается тенденция к повышению роли вопроса об урегулировании кипрского конфликта в переговорах о вступлении Турции. Дискурс теперь формируется таким образом, что решение кипрского вопроса ставится в один ряд с вопросами реформирования Турции.

Помимо обращения к теме объединения Европы с целью недопущения войн при конструировании ее как исторического пространства свою роль играют также ссылки на слова и идеи отцов-основателей Союза — Р. Шумана и Ж. Моне — либо европейских политиков, внесших значительный вклад в дело европейской интеграции, таких, как Ж. Делор. Стоит отметить, однако, что обращения к прошлому являются единичными

фактами, а не регулярным явлением. Исключения составляют лишь напоминания о ключевых моментах истории отношений между Европейским союзом и Турцией, которые появляются либо для того, чтобы вписать знаковое событие их взаимоотношений в общую историю, либо для напоминания о взаимных обязательствах. Хорошей иллюстрацией первому положению могут служить выступления, связанные с открытием переговоров с Турцией [см., напр.: *EU and Turkey together...* 2005], второму — упоминания Анкарского протокола и необходимости его соблюдения, когда разговор заходит о роли Кипра в отношениях Турции и ЕС [см., напр.: *Accession negotiations with Turkey...* 2006].

На фоне немногочисленности отсылок к общему прошлому ЕС в выступлениях его лидеров четко прослеживается ориентация на общее будущее, подтверждающая тезис П. Йоэнниэми [Joenniemi 2007: 128] о том, что при конструировании временного измерения идентичности ЕС произошла смена ориентаций — с желания избежать возвращения к неприятному прошлому, главной угрозой которого принято считать войну в Европе, на попытки предугадать и предупредить возможные угрозы будущего: «Европейский проект направлен в будущее. Следовательно, смотреть в будущее — легитимное право и долг политических лидеров молодого поколения... Мы больше не живем в Европе холодной войны, но живем в Европе XXI века, которая хорошо сознает, что отношения с мусульманским миром являются одним из главных вызовов для нее. Если Турция преуспеет в процессе реформирования и, таким образом, удовлетворит критериям членства после переговоров, Европа станет перекрестком двух цивилизаций. Это отличная возможность для Европы... Я хочу быть уверенным в том, что эта возможность не будет упущена» [Common future... 2005].

В этом отрывке также четко прочитывается позитивная самопрезентация Европы как пространства, нацеленного на объединение и диалог, а не на военное противостояние, мысли о котором должны приходиться на ум при напоминании о холодной войне. В то же время такие обороты, как «отношения с мусульманским миром», именуемые «вызовом», и «перекресток двух цивилизаций» для характеристики Европы после возможного вступления Турции, дают четко понять, что Турция является чуждым Европе элементом. Эту чуждость, если ее рассматривать в связи с формированием идентичности Европы/ЕС, в данном контексте можно увязать с тем, что возможное

вступление Турции в ЕС ставит вопросы не только о географическом распространении Европы, но и более важные — о смысловом наполнении европейского проекта как такового. Такой тип отношений между ЕС как внутренним и Турцией как внешним по классификации Б. Румелили [Rumelili 2004: 37] можно определить как идентичность, построенную на исключении, поскольку традиционное убеждение, что европейское культурное единство покоится на разделяемом всеми странами-членами греко-романо-христианском наследии, хотя и не выражается эксплицитно ни в одном из использованных в данном исследовании источников, согласно Крису Шору, всегда существовало в Европе как эссенциалистский миф [Debating the European Union 2004: 12], к которому Турция не имела никакого отношения. В такой ситуации требовалось введение нового нарратива, одной из попыток конструирования которого стали ссылки на общие европейские интересы: «В очередной раз 15 глав государств единодушно решили: они считают, что такая мусульманская страна, как Турция, может стать членом ЕС. Я предостерегаю от религиозно-географических границ, таких, как „Европа кончается там, где кончаются готические соборы“. Где же тогда находятся ранние христианские святыни? Вполне однозначно — на турецкой земле. Равно как и ужасная история прошлого, выкованная огнем и мечом, приведет нас в никуда, если не задуматься о цивилизаторской роли мусульман в Испании. Однако решающее значение имеет не история, а наши сегодняшние европейские интересы» [Verheugen-Interview... 2003].

Отрывок демонстрирует позитивную самопрезентацию ЕС, достигаемую путем отрицания исключения Турции из-за принадлежности ее граждан к иной религии. Однако в этом отрицании исключения скрыта существенная деталь, на которую необходимо обратить внимание. Турция здесь не характеризуется как часть Европы в ее (конструируемой) историчности, скорее она предстает важным элементом культурного влияния на Европу. Об этом свидетельствует предикат «цивилизаторская роль», применяемый для характеристики влияния, которое оказывали мусульманские государства на те народы, которые сейчас являются частью единой Европы.

Таким образом, посредством дискурса, поднимающего вопросы возможного членства Турции в ЕС, происходит конструирование Европейского союза как географически определенного, хотя и допускающего подвижность своих границ пространства, объе-

диненного общей историей, но подчеркнуто ориентированного на активное участие своих членов в совместном будущем и основанного на понимании общности культурной принадлежности своих членов к греко-романо-христианскому наследию, которая, однако, находится в стадии пересмотра. В данной статье мы выделили в качестве характеристик, по которым выстраиваются границы между европейским «Мы» и «Другим», географические, культурные и исторические. Из всех этих характеристик только одна — географическая принадлежность к Европе — относится к категории неизменных и, таким образом, может использоваться для формирования европейской идентичности по исключительному типу. Всеми остальными характеристиками можно пренебречь ради создания условий включения в европейскую идентичность, чем и пользовался ЕС, позиционируя себя в качестве нормативной силы. Проявления претензии на нормативность действий ЕС можно наблюдать, например, в факте выдвижения перед Турцией ряда условий, необходимых к выполнению для получения сначала официального статуса страны — кандидата в члены, а затем для одобрения начала переговорного процесса по вопросам членства в ЕС.

Безусловно, более интересным примером в контексте теоретических посылок статьи были бы взаимоотношения ЕС и России — самого большого и значимого соседа Европейского союза. Однако следует принять во внимание, что наша страна совсем недавно по историческим меркам утратила статус сверхдержавы и вряд ли быстро согласится сменить память о нем на положение «младшего партнера» государств, входящих в ЕС, поэтому подобное исследование стоит проводить с учетом также дискурса России. Обозначенная тема заслуживает более пристального внимания и глубокого анализа, для чего, на взгляд автора, целесообразно предпринять отдельное исследование.

ЛИТЕРАТУРА

1. Нойманн И. Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей. — М.: Новое издательство, 2004.
2. Саид Э. Ориентализм. — СПб.: Русский мир, 2005.
3. “Common future of the EU and Turkey: Roadmap for Reforms and Negotiations”. Meeting with business leaders (Istanbul). March 8, 2005. Speech by Olli Rehn // European Union @ United Nations : [official website]. URL: http://www.europa-eu-un.org/articles/en/article_4426_en.htm (дата обращения: 15.12.2011).
4. “EU and Turkey together on the same journey” : Speech by Olli Rehn. Erciyes Univ., Kayseri, Turkey. 2005. 7 Oct. // European Union @ United Nations : [official website]. URL: http://www.europa-eu-un.org/articles/en/article_5110_en.htm (дата обращения: 15.12.2011).
5. “The European Union as a Global Actor?” : Speech by Olli Rehn to the Bucerius (Die Zeit Summer School, Die Zeit Foundation. Hamburg, 9 Aug. 2005) // European Union : [official website]. URL: <http://europa.eu/rapid/pressReleasesAction.do?reference=SPEECH/05/465&format=HTML&aged=1&language=EN&guiLanguage=ru> (режим доступа: 15.10.2011).
6. Accession negotiations with Turkey: Transcript of the press conference by EU Enlargement Commissioner Rehn. 2006. 29 Nov. // European Union & United Nations : [official website]. URL: http://www.europa-eu-un.org/articles/en/article_6539_en.htm (дата обращения: 15.12.2011).
7. Balibar E. Europe: Vanishing Mediator // Constellations. 2003. Vol. 10, № 3. P. 312—338.
8. BBC Summary of World Broadcasts. May 4, 2004. EU not expecting major immigration with enlargement. SOURCE: Miriam Hollstein, Waltraud Kaserer, Guenther Lachmann interview by German newspaper Welt am Sonntag web site on 2 May entitled “How far can Europe go, Mr Prodi? The EU boss on scepticism on enlargement and migration concerns” // LexisNexis Academic : electronic text data. URL: <http://academic.lexisnexis.eu> (дата обращения: 15.12.2011).
9. BBC Summary of World Broadcasts. October 4, 2004. EU foreign policy chief on advantages of Turkey’s EU membership. SOURCE: Bild, Hamburg, in German 2 Oct. 04. P. 2. // LexisNexis Academic : electronic text data. URL: <http://academic.lexisnexis.eu> (дата обращения: 15.12.2011).
10. Beck Ul. Understanding the real Europe // Dissent. 2003. Sum. P. 32—38.
11. Cooper R. The Post-Modern State and World Order. — L.: Demos, 2002.
12. Debating the European Union: An Interview with Cris Shore and Mark Abeles // Anthropology Today. 2004. Vol. 20, № 2.
13. Diez T. Constructing the self and changing others: problematising the concept of ‘Normative Power Europe’ // Millennium : Journ. of International Studies. 2005. Vol. 33, № 3. P. 613—636.
14. Diez T. Europe’s Others and the return of geopolitics // Cambridge Review of International Affairs. 2004. Vol. 17, № 2. P. 319—335.
15. Diez T. The Paradoxes of Europe’s Borders // Comparative European Politics. 2006. Vol. 4.
16. Elargir l’Europe c’est élargir une zone de paix / interview avec Olli Rehn // Les Echos. 2005. 17 mai. P. 10.
17. Federal News Service. March 15, 2004 : Interview with Romano Prodi, President of the European Commission. SOURCE: AL-ALAM, 14:15 (GMT+2), Mar. 14, 2004 : [electronic resource] // LexisNexis Academic. URL: <http://academic.lexisnexis.eu> (дата обращения: 15.10.2011).
18. Global Leaders : interview with Olli Rehn. 10.01.2007 // TV program Global Leaders : [official website]. URL: http://www.dunyayiyonetlenler.org/en/archive/olli_rehn.asp (дата обращения: 15.10.2011).
19. Habermas J. Toward a Cosmopolitan Europe // Journal of Democracy. 2003. Vol. 14, № 4. P. 86—100.

20. *Interview* with European Commissioner for Enlargement Gunter Verheugen // *Europe*. 2000. June. P. 19.

21. *Joenniemi P.* Towards a European Union of Post-Security? // *Cooperation and conflict*. 2007. Vol. 42, № 1.

22. *Kagan R.* Paradise and Power: American and Europe in the New World Order. — N. Y. : Alfred A. Knopf, 2003.

23. *Manners Ian* Normative Power Europe: a Contradiction in Terms? // *Journal of Common Market Studies*. 2002. Vol. 40, № 2.

24. *Methods* for critical discourse analysis / ed. by Ruth Wodak & Michael Meyer. — L. : SAGE Publ. Ltd, 2009.

25. *Rumelili B.* Constructing Identity and Relating to Difference: Understanding the EU's Mode of

Differentiation // *Review of International Studies*. 2004. Vol. 30.

26. *Speech* by Romano Prodi President of the European Commission Official visit in Turkey Turkish Grand National Assembly Ankara, 15 January 2004 // European Union : [official website]. URL: <http://europa.eu/rapid/pressReleasesAction.do?reference=SP-EECH/04/16&format=HTML&aged=1&language=EN&guiLanguage=en> (дата обращения: 15.10.2011).

27. *Verheugen-Interview* "Wer Gesinnungshäftlinge hält, ist kein EU-Land". 2003. 04.11 // Spiegel Online : [offizielle Website]. URL: <http://www.spiegel.de/politik/ausland/0,1518,272482,00.html> (дата обращения: 15.10.2011).

Статью рекомендует к публикации д-р полит. наук С. М. Виноградова

УДК 81'27+81'42
ББК Ш143.21-7

ГСНТИ 16.21.33

Код ВАК 10.02.01

М. В. Терских, Е. Д. Малёнова
Омск, Россия

M. V. Terskikh, E. D. Malenova
Omsk, Russia

**СПЕЦИФИКА МЕТАФОРИЧЕСКОЙ
ОБЪЕКТИВАЦИИ КОНЦЕПТА «SIBERIA»
В СОВРЕМЕННОМ АМЕРИКАНСКОМ
МЕДИАДИСКУРСЕ**

**THE CONCEPT OF “SIBERIA”
AND SPECIFICITY OF ITS METAPHORICAL
OBJECTIVIZATION IN MODERN AMERICAN
MASS-MEDIA DISCOURSE**

Аннотация. Рассматривается специфика метафорической репрезентации концепта «Siberia» в современном американском массмедийном дискурсе. Выявляются особенности восприятия Сибирского региона представителями американского лингвокультурного сообщества, определяется имиджеобразующий и метафорический потенциал данного концепта.

Abstract. The aim of the present paper is to analyse special characteristics of the concept “SIBERIA” and its metaphoric representation in modern American mass-media discourse. The authors consider specificity of perception of Siberian region by American linguistic communities’ representatives and define image and metaphorical potential of this concept.

Ключевые слова: имидж; концепт; концептосфера; метафора; медиадискурс.

Key words: image; media discourse; concept; conceptosphere; metaphor.

Сведения об авторе: Терских Марина Викторовна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики, факультет филологии и медиакоммуникаций.

About the author: Terskikh Marina Viktorovna, Candidate of Philology, Assistant Professor of the Chair of General and Applied Linguistics, The Faculty of Philology and Media Communication.

Место работы: Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского.

Place of employment: Omsk State University named after F. M. Dostoevsky.

Контактная информация: 644077, г. Омск, пр-т Мира, 55а, 2-й корпус ОмГУ, каб. 124.
e-mail: terskikh@mail.ru.

Сведения об авторе: Малёнова Евгения Дмитриевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английской филологии, факультет иностранных языков.

About the author: Malenova Evguenia Dmitrievna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Chair of English, Foreign Languages Department.

Место работы: Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского.

Place of employment: Omsk State University named after F. M. Dostoevsky.

Контактная информация: 644077, г. Омск, пр-т Мира, 55, корп. 2, каб. 110а.
e-mail: malenovae@mail.ru.

Тема регионального имиджмейкинга и позиционирования сегодня активно развивается практически во всех сферах научного и массмедийного дискурса; вопросы имиджа территории разрабатываются учеными и практиками. Данная проблематика всё чаще становится главной темой круглых столов и конференций. Немецкий политолог Александр Рар отмечает, что «в современном мире Россия встречает множественные препятствия. Это в первую очередь связано не с реальным положением дел в стране, а со стереотипами восприятия территории» [Цит. по: Супрун 2007]. Таким образом, имидж государства сегодня играет важнейшую роль, и то, какое место в структуре международных отношений будет занимать Россия, остается главным вопросом на федеральном и национальном уровнях.

Основная проблема заключается в том, что в западном общественном мнении не

сложился пока однозначный адекватный образ современной России. Большинство представлений о нашей стране уже давно расходится с действительностью. Не менее остро стоит и проблема самоидентификации российских регионов, которые являются составляющими имиджа России в целом: современные реалии развития общества и государства заставляют говорить о конкуренции территорий.

В настоящее время большое количество негативных стереотипов тянется и за одним из крупнейших регионов России — Сибирью. Безусловно, имидж Сибири как региона неразрывно связан с имиджем страны в целом, особенно на международной арене. Создание позитивного имиджа Сибири необходимо в первую очередь для развития региона, поднятия его инфраструктуры на качественно новый уровень, а это невозможно без привлечения инвестиций. Кроме того, пози-

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РГНФ № 12-14-55001 «Лингвистика на службе гражданского общества: инновационные подходы в лингвистических исследованиях социальных процессов в Омской области».

© Терских М. В., Малёнова Е. Д., 2012

тивное восприятие Сибири улучшит имидж страны в целом.

Как показывает анализ концепта «*Siberia*» в сознании представителей англоговорящего лингвокультурного сообщества [Терских 2011], достаточно часто для описания сибирских реалий респонденты обращаются к ресурсам когнитивной метафоры. В то же время концепт *Siberia* представляет интерес и как сфера-источник метафорического переноса, поскольку этот аспект, без сомнения, также играет важную роль в формировании образа одноименной территории.

В рамках данной статьи остановимся на метафорической концептуализации Сибири в американских средствах массовой информации, предоставляющих интересный материал для исследования.

Довольно часто концепт *Siberia* используется в американских массмедиа как сфера-источник при конструировании субстантивной метафоры. С одной стороны, можно выделить ряд регулярных метафорических моделей, базирующихся на представлениях о Сибири, с другой — такого рода метафорическое моделирование является достаточно нестандартным, что обуславливает наделение подобных метафор столь необходимым для медиадискурса креативным потенциалом.

Креативный потенциал метафоры определяется самой ее природой, поскольку «нестертая» метафора представляет собой такую комбинацию объектов, реалий, которая невозможна с точки зрения общепринятых законов логики. Метафора выстраивается по принципу интеграции, монтажа — резкого сближения и сопоставления образов, принадлежащих нередко к самым различным смысловым сферам. «Метафора, — как отмечает Н. Д. Арутюнова, — отвергает принадлежность объекта к тому классу, в который он на самом деле входит, и утверждает включенность его в категорию, к которой он не может быть отнесен на рациональном основании. Метафора — это вызов природе. Источник метафоры — сознательная ошибка в таксономии объектов» [Арутюнова 1990: 17—18].

Другими словами, механизм метафоризации обеспечивает значимую для массмедийного дискурса нестереотипность подачи информации.

В образной (субстантивной) метафоре заявлен источник переносимых на объект рекламирования признаков, но сами признаки, которые служат основой метафорического переноса, при этом остаются неэксплицированными. Задача сознания в этом случае заключается в отборе тех признаков вспомогательного субъекта, которые могут быть совместимы с природой денотата, прини-

мающего на себя данные признаки. Следовательно, как отмечает Н. Д. Арутюнова, «метафорический признак должен войти в отношения конъюнкции с остальными свойствами денотата» [Арутюнова 1999: 368]. Сознание, работая с метафорой (что предполагает работу со смыслами, вступающими в противоречие с логическим мышлением), постепенно приходит к подчинению смысла законам логики.

Сознание сталкивается с сопряжением предметов, чьи характеристики, с точки зрения законов логики, нельзя в полной мере назвать сходными, близкими по тем или иным параметрам. Преодолевая энтропийность, сознание ищет уравнивающий ситуацию аттрактор — общий признак, ту характеристику, по которой метафорическое сопоставление представляется возможным: «Умственное усилие по созданию и пониманию метафоры состоит в преодолении несовместимости, восстановлению смысловой гармонии» [Арутюнова 1999: 368]. Такие сложные по своей природе когнитивные операции обеспечивают, в частности, эффект «приватизации знания», более прочную фиксацию полученной информации в сознании реципиента.

Важно подчеркнуть, однако, что декодирование метафоры весьма вариативно, метафора дает реципиенту возможность собственной — часто весьма индивидуальной — творческой интерпретации. Для журналиста, работающего с массовой аудиторией и пытающегося донести до сознания реципиентов конкретную информацию, такая особенность метафоры является скорее недостатком, нежели достоинством. Неоднозначность трактовки метафорически поданной информации нередко не позволяет сформировать целостный образ объекта описания в представлениях массовой аудитории.

Следовательно, для журналиста важно задать «коридор осмысления» метафоры, просчитать все возможные варианты трактовки предлагаемого реципиентам образа. Как представляется, искомым «коридор осмысления» информации, образно поданной посредством использования метафорического кода, можно задать с помощью обращения к вербальным элементам, которые позволят направить когнитивные процессы реципиентов в необходимое адресанту русло.

«В языкотворческой деятельности, как и в процессе познания, предметы мира не могут быть отделены от резерва имеющихся сведений о них (безразлично, истинных или ложных)» [Арутюнова 1999: 369], — эта мысль Н. Д. Арутюновой применима и к метафоре в массмедиа. Поскольку речь идет

о дистантном, ретинальном типе дискурса, тексты которого ориентированы на массового рассредоточенного адресата, целесообразным представляется выбор наиболее очевидной характеристики источника метафорического переноса. Другими словами, с нашей точки зрения, более эффективным будет выбор так называемых эталонных носителей свойств, признаков в качестве вспомогательного субъекта при кодировании метафоры для массмедиа. В этом случае велика вероятность того, что сознание реципиента «пойдет» именно по тому смысловому коридору, который был задан адресантом.

Таким образом, как правило, основанием для метафорического переноса в медиадискурсе становятся стереотипные установки по отношению к сфере-источнику, что позволяет в нашем случае выявить актуальные для американского лингвокультурного сообщества компоненты концепта *Siberia*.

Важно подчеркнуть, что изучение блендовых образований (в понимании Ж. Фоконье и М. Тернера), одним из исходных пространств в которых является концепт *Siberia*, позволит нам более точно определить структурные особенности данного концепта в массовом сознании представителей американской лингвокультуры.

Итак, для дальнейшего изучения метафорической объективации концепта *Siberia* необходимо выявить, каким образом он актуализируется в текстах американских СМИ, и определить, какой имидж Сибири при этом формируется. Для этого используем метод контент-анализа.

Контент-анализ производился на материале трех ведущих американских изданий — «The USA Today», «The New York Times» и «The Los Angeles Times». Выборка производилась из материалов, опубликованных в период с 2002 по 2012 г. Рассматривались те статьи, в которых употреблялась лексическая единица *Siberia* — «Сибирь». Всего было отобрано 482 текстовых извлечения, в 80 из них концепт *Siberia* употреблялся в переносном метафорическом значении.

Таким образом, метафорическое значение рассматриваемого концепта реализовано в 16,5 % текстовых извлечений, что позволяет говорить о его значительном метафорическом потенциале. Кроме того, частотное употребление концепта *Siberia* в составе метафор говорит о том, что он занимает определенную нишу в сознании жителей США. В связи с этим контент-анализ отобранных метафор позволит определить общие тенденции формирования имиджа региона и соответственно отношение американцев как к Сибири, так и ко всей России.

Очевидно, как мы уже отмечали, что отдельные регионы являются имиджевым ресурсом для России в целом.

Перед тем как перейти непосредственно к контент-анализу отобранных текстов, целесообразно рассмотреть словарные дефиниции оного *Siberia*, приводимые в американских словарях. Это позволит нам выявить базовые дифференциальные признаки («эталонные» атрибуты) исследуемого концепта.

В словаре крупнейшего американского издательства «Merriam-Webster» обращает внимание исключительно на географическое положение Сибири как региона азиатской части России, простирающегося от Уральских гор до Тихого океана: «region N Asia in Russia extending from the Urals to the Pacific». Как видно из словарной дефиниции, в состав Сибири включена и часть Дальнего Востока.

В словаре «Webster Online Dictionary» Сибирь также определяется как часть России, расположенная в Азии, при этом внимание акцентируется на размерах региона: «a vast Asian region of Russia», кроме того, дается фактическая информация относительно суровых климатических условий в зимнее время, которые являются своеобразной «визитной карточкой» региона. Согласно данному словарю, Сибирь известна длинными и холодными зимами: «famous for long cold winters».

Более детальная дефиниция Сибири представлена в словаре «Oxford American Dictionary», в котором внимание уделяется не только географическому положению Сибири, но и климатическим условиям, в частности суровым зимам: «noted for the severity of its winters» — и некоторым историческим фактам: Сибирь дефинируется как традиционное место ссылки заключенных («it was traditionally used as a place of exile»). Кроме того, Сибирь рассматривается и с экономической точки зрения — как регион, богатый природными ресурсами, при этом основой промышленности в Сибири является, по мнению составителей словаря, гидроэнергетика («it is now a major source of minerals and hydroelectric power»).

На основании анализа словарных толкований концепта *Siberia* можно схематично представить его структуру. Базовые слои концепта образуют характеристики географического положения России — «регион России», пространственные характеристики — «большая территория», характеристики климатических условий — «холодные зимы». В интерпретационное поле концепта вошли следующие признаки: «простирается от Уральских гор до Дальнего Востока», «территория от Казахстана, Монголии и Китая до Северного Ледовитого океана», «долгие зи-

мы», «место ссылки», «природные и энергетические ресурсы».

Однако данную структуру концепта сложно считать «эталонной», в точности отображающей тот объем знаний о Сибири, которым теоретически могут владеть жители США. Основные знания о странах и континентах американцы, как и мы, получают в процессе изучения географии в школе. В связи с этим представляется необходимым дополнить структуру концепта, выстроенную на основании анализа словарей, характеристиками, отраженными в учебниках географии, используемых при обучении американских школьников. Мы проанализировали учебники для 6—10-х классов школы («Complete Geography», «Daily Geography Practice», «Grade 5», «X-Kit FET Grade 10 Geography», «Spectrum Geography», «Grade 6»), учебные пособия для студентов университетов («Human Geography: People, Place, and Culture», «Fundamentals of the Physical Environment: Third Edition», «Key Concepts in Geography», «Fundamentals of Physical Geography»), а также пособие для учителя по подготовке к урокам географии в средней школе («Teaching Geography, Second Edition»).

Интересно, что наиболее частотной характеристикой Сибири стало не географическое положение региона, как это можно было ожидать, а суровые климатические условия, дополнившие структуру базового слоя концепта — «холодные зимы»: «экстремальные температуры» (“extremes in temperatures”), «очень холодный регион» (“very cold region”), «сухие, холодные зимы» (“dry cold winters”), «вечная мерзлота» (“permanent frost”). Впечатление от неблагоприятных климатических условий, царящих в Сибири зимой, еще больше усиливается за счет упоминаний о холодном коротком лете (“cool short summers”). Пространственные характеристики Сибири дополняются эпитетами, свидетельствующими о недоступности и удаленности территории: «пустая, бесплодная» (“barren”), «удаленная» (“remote”), «недоступная» (“inaccessible”).

Интерпретационный слой «место ссылки» объективируется характеристиками, отражающими события 1920—1940-х гг.: «во время жестокого правления Сталина» (“during Stalin’s ruthless rule”), «насильственно переселить» (“forcibly move”) и т. д. Все вышеперечисленные характеристики концепта с очевидностью формируют негативный образ Сибири в глазах американских студентов и школьников, что не может не сказываться на имидже региона на мировой политической арене.

Более «выигрышно» концепт *Siberia* представлен на уровне базового слоя «при-

родные ресурсы», который дополняется единицами интерпретационного поля, характеризующими богатство региона и его экономическую мощь: «ключевой регион» (“pivot area”), «регион, богатый природными ресурсами» (“resource reach area”), «обширные лесные массивы» (“extensive forests”), «нефте- и газопроводы» (“oil and gas pipelines”). Тем не менее в интерпретационное поле данного слоя входят и характеристики с негативной коннотацией, например «ущерб, наносимый окружающей среде» (“environmental damage”).

Кроме упомянутых выше базовых слоев концепта, совпадающих со структурой, реконструированной на основании анализа словарных статей, можно добавить еще один слой, связанный с культурой региона и реалиями, известными во всем мире. В интерпретационное поле данного слоя входят наименования народностей, проживающих на территории Сибири: инуиты (эскимосы, “Inuits”), якуты (“Yakuts”), а также «Транссибирская железнодорожная магистраль» (“Trans-Siberian railroad”).

Таким образом, в глазах жителей США Сибирь предстает *огромным, холодным, далеким, по большей части безлюдным регионом, богатым природными ресурсами и являющимся преимущественно местом ссылки политзаключенных*. В интерпретационное поле концепта включаются в основном негативные характеристики Сибири, что делает регион малопривлекательным и даже опасным в глазах американцев.

Следующей стадией исследования является контент-анализ контекстов, в которых реализуется метафорическое значение лексической единицы *Siberia*. Попытаемся сопоставить результаты контент-анализа с описанной выше структурой концепта *Siberia*.

Представляется целесообразным анализировать контексты, включающие метафоры с компонентом *Siberia*, в соответствии с теорией концептуальной интеграции Ж. Фоконье и М. Тернера. Концептуальная интеграция представляет собой базовую когнитивную операцию, связанную с образованием нового значения, так называемого общего пространства, или бленда (“blended space”), появляющегося в результате смешения двух исходных ментальных пространств (“input spaces”), которые имеют общее родовое пространство (“generic space”). По мнению авторов, способность к концептуальной интеграции играет решающую роль в процессе мышления и развития языка [Fauconnier, Turner 2003].

В нашем случае при образовании метафоры одно из входных пространств (в тер-

минологии Дж. Лакоффа и М. Джонсона это сфера-источник) занимает концепт *Siberia*, а образование бленда зависит от общих у концепта со вторым метальным пространством (соответственно сферой-мишенью) характеристик в сознании авторов метафоры.

Согласно теории Ж. Фоконье и М. Тернера, концептуальная интеграция осуществляется в три этапа:

1) композиции (“composition”) — в ходе этого этапа актуальные характеристики первого исходного пространства проецируются на второе исходное пространство и смешиваются в бленде;

2) завершения (“completion”), в процессе которого полученный бленд дополняется фоновыми знаниями носителей соответствующей культуры, их ментальными установками и когнитивными моделями;

3) развития (“elaboration”), когда происходит мысленное моделирование полученного бленда [Ковальчук 2011: 99].

Все ментальные пространства тесно коррелируют за счет различных типов связей, причем полученный в результате бленд представляет собой *динамически развивающуюся структуру*, которая может взаимодействовать с концептами, заключенными в долгосрочной или краткосрочной памяти носителей языка, а также имеет потенциал для образования новых блендов в процессе интеграции с новыми ментальными пространствами.

В ходе контент-анализа и изучения механизмов концептуальной интеграции, задействованных в процессе образования отобранных метафор, контексты классифицировались по общему родовому пространству, на основании которого характеристики ментального пространства сферы-источника проецировались на ментальное пространство цели-мишени. По результатам анализа наиболее частотным признаком, служащим базой для смешивания бленда и образования метафорического значения, выступает характеристика *периферийности, провинциальности, отставания* от остального мира, наличия неких отрицательных черт по сравнению с остальным миром и т. д. Данный признак отмечен в 27 примерах, что составило 34 % общей выборки. Рассмотрим несколько примеров подробнее.

Первый пример представляет собой материал из колонки ресторанный критика, описывающей интерьер и кухню нового ресторана в Западном Голливуде: *The inside dining room is Siberia. Don't get me wrong. It's a perfectly lovely room and the booths along the windows are ideal for watching long-legged women outside hobble by on their red-soled high*

heels. ... Jumbo lump crab cake is mingy; the crab doesn't taste fresh and there's too much filler. One bite and I'm done. Goat cheese baklava is dead awful, undercooked filo dough filled with goat cheese doused in truffle oil. I guess it's the sugar glaze on top that qualifies it as baklava. What a bad idea [Virbila 2009].

В метафоре происходит смешение двух ментальных пространств — представлений о Сибири и впечатлений критика от похода в ресторан. В результате образован бленд с явной негативной окраской, в котором актуализируются представления о Сибири как о внешне привлекательном регионе, так как само помещение ресторана вызывает приятные эмоции (a perfectly lovely room), однако кухня заведения оставляет желать лучшего, что переводит его в разряд второсортных закусочных, которые характерны, как считает критик, для таких далеких и провинциальных регионов, как Сибирь.

Прием детализации проясняет смысл окказиональной метафоры. Порции, по мнению автора, слишком маленькие (mingy), крабы несвежие (doesn't taste fresh), в крабовых котлетах слишком много начинки (too much filler). Другие блюда просто ужасны (dead awful), пахлава представляет собой кусок непропеченного слоеного теста (undercooked filo dough) с сахарной глазурью, которая явно не красит блюдо (what a bad idea). В результате полученный бленд отражает представление о Сибири как о «кулинарной периферии», где гостей в ресторанах потчуют невкусными и плохо приготовленными блюдами.

Схожий бленд образуется при смешении ментальных пространств, включающих представление о Сибири как о «крае мира», которое переносится в сферу профессионального спорта: *The other sure signs of spring are hopeful baseball stories about teams like the Nationals, with Tracy Ringolsby of Foxsports.com hoping the future ace Stephen Strasburg benefits from a low-key start in the minors, and the Reds, for whom the Cuban pitcher Aroldis Chapman wowed people in his first spring training start. Count Joe Posnanski of SI.com among the wowed, while Terence Moore of Fanhouse.com wonders how he ended up in Cincinnati, the Siberia of baseball* [Zinser 2010]. В статье речь идет об Аролдисе Чапмене, питчере с Кубы, который в 2010 г. подписал долгосрочный контракт с бейсбольной командой «Cincinnati Reds». Аролдис является весьма результативным игроком, так как в весеннем сезоне смог поразить болельщиков своей игрой (wowed people), однако тут же автор удивляется, как такого сильного игрока могло «занести» в

штат Цинциннати (wonders how he ended up in Cincinnati), который назван «бейсбольной Сибирью» (the Siberia of baseball). Дело в том, что команда «Cincinnati Reds» за период с 1999 по 2010 г. не выигрывала ни одного сезона, традиционно занимая самые нижние строки турнирной таблицы, которые ассоциируются с *удаленным регионом*.

В этом примере полученный бленд вновь характеризуется негативной окраской: «стабильно» проигрывающая бейсбольная команда штата Цинциннати создает общее впечатление обо всем штате как о неразвитой в отношении бейсбола территории, своеобразной бейсбольной периферии, которую автор и называет *бейсбольной Сибирью*.

Похожие бленды можно найти и в понятийном поле «телевидение». Любые телевизионные шоу, которые располагаются в программе телепередач в самое неудачное время, снова «отправляются» в метафорическую Сибирь: *With CBS' comedy block faring worse than Survivor did Thursdays, and CSI and Grey's Anatomy down, that night is "not what it used to be," says Fox scheduling chief Preston Beckman, so Thursday seemed "much more takeable." Bones moves to 9, where it'll benefit from Idol's lead-in, but low-rated sci-fi series Fringe is headed for Friday's Siberia* [Levin 2011].

Статья представляет собой интервью с главным редактором канала «Fox» Престоном Бекманом, который рассказывает об изменениях в программе передач, вызванных повышением рейтинга шоу «American Idol», аналога российского шоу «Фабрика звезд». В связи с этим событием было принято решение перенести шоу в прайм-тайм, в результате телесериал «Bones» переместился на 9 ч. вечера четверга, вместо научно-фантастического телесериала «Fringe» с низким рейтингом (low-rated), который переместили на 9 ч. вечера пятницы. На американском телевидении это время традиционно называется «мертвым временем» (“Friday night death slot”), так как обычно на вечер пятницы переносятся те шоу и программы, которые в ближайшее время будут закрыты. В США бытует мнение, что в пятницу вечером телезрители, в особенности молодые американцы, предпочитают телевизору другие развлечения, что обуславливает снижение интереса рекламодателей к тем телепрограммам, которые выходят в эфир в это время. В результате рентабельность таких телепрограмм падает, и владельцы каналов вынуждены закрывать невыгодные проекты, попавшие в «пятничную Сибирь» (is headed for Friday's Siberia).

В полученном бленде на первое место выходит негативная характеристика времени

выхода телешоу, которая смешивается с восприятием Сибири как забытого богом места, дальней периферии, где любые начинания заведомо обречены на провал.

Интересен следующий пример, связанный с восприятием Сибири как периферии, региона, в котором не происходит ничего достойного внимания. Данный случай представляет собой бленд, в котором одним из ментальных пространств стало пространство понимания успеха/неуспеха на ниве шоу-бизнеса: *Butler endured a decade-plus sojourn in a metaphorical Siberia, recording a series of barely heard projects that were inevitably described (if mentioned at all) as "being by the guy who used to be in Dignable Planets — whatever happened to them?"* [Weiss 2011]. Речь идет об американском рэпере, исполнителе и сочинителе Ишмаэле Батлере, который был фронтменом известной в 90-х гг. нью-йоркской группы «Dignable Planets». Их первый альбом, вышедший в 1993 г., стал лидером американских чартов, а музыканты сделались обладателями премии «Грэмми». Однако после выхода второго альбома в 1994 г. группа распалась, и Ишмаэль Батлер был вынужден пребывать в «метафорической Сибири» (metaphorical Siberia), записывая новые проекты, которые не сыскали успеха у публики (barely heard projects), при ссылке на которые порой даже не упоминалось имя автора (if mentioned at all).

В рассматриваемом бленде прямо указывается на метафорический характер ментального пространства, обозначенного лексемой *Siberia*. Музыкант, прежде известный, оказался на периферии шоу-бизнеса, его новые проекты не пользовались успехом, карьера складывалась достаточно неудачно на протяжении 10 лет. Таким образом, пребывание Батлера «на задворках» американского шоу-бизнеса приравнивается к пребыванию в Сибири.

Вторым по частотности признаком, объединяющим исходные ментальные пространства, стали *суровые климатические условия, обилие снега, низкие температуры*. Бленды, в которых актуализируется данный признак, составили 13 примеров, т. е. 16 % всей выборки.

Традиционно Сибирь воспринимается американцами как самое холодное место на Земле, что отразилось и в приведенной выше структуре концепта *Siberia*. Однако за счет различных ментальных пространств сферы-мишени бленды, смешанные на основании сходства климатических характеристик, приобретают дополнительные оттенки.

Основная характеристика Сибири — обилие снега, соответственно большое ко-

личество блендов смешивается для описания погодных катаклизмов, вызванных необычно обильными снегопадами или появлением снега в нехарактерное для него время года: *Two is that Denver is a weather Siberia. Yes, there are snowstorms in March* [Kravitz 2012]. В статье речь идет о Пейтоне Мэннинге, знаменитом игроке в американский футбол, который на закате своей спортивной карьеры (Пейтону 36 лет) покинул футбольный клуб «Baltimore Colts» и перешел в футбольную команду «Denver Broncos». Автор статьи рассуждает о дальнейшей судьбе игрока, упоминая тот факт, что игра Мэннинга зависит от погодных условий, так как не раз было отмечено, что знаменитый квотербек играет хуже в условиях атмосферных осадков. Прежде он выступал за футбольный клуб, который базировался в Индианаполисе, где осадки распределяются равномерно в течение года. По сравнению с Индианаполисом Денвер видится автору Сибирью (*weather Siberia*), так как климат здесь отличается непредсказуемостью, а самыми снежными месяцами в году являются февраль и март (*there are snowstorms in March*), на которые приходится финалы суперкубка по американскому футболу.

В данном бленде смешиваются представления об обилии снега в Сибири с характерной для Денвера неустойчивостью погоды, что может негативно отразиться на игре Мэннинга, на которого и делается ставка в новом футбольном сезоне. Данный бленд весьма устойчив, однако в нем отражается исключительно негативная коннотация, сопровождающая характеристику погодных условий. В процессе контент-анализа не были выявлены примеры, в которых бленд *Сибирь — снег* фигурировал бы в положительном смысле, хотя в некоторых штатах США обилие снега зимой является климатической нормой.

Обилие снега подразумевает низкую температуру, что находит отражение в блендах, рассмотренных в рамках данной статьи. При этом именно при смешении ментальных пространств *Сибирь — низкая температура* проявляется динамическая природа бленда. Традиционная метафора, построенная по схеме *Сибирь — холод*, конструирует новое ментальное пространство, используемое для смешивания новых блендов. Довольно ярко это демонстрирует следующий пример: *Several hundred yards away, while the Nicklaus interview went on, a man in tan slacks and a black, short-sleeve shirt scattered with logos, rolled putts on the practice green. Around him in tight little groups of players and caddies, some of them bundled up as if*

this were Siberia instead of San Francisco, were many of the top pros. Jim Furyk, Bill Haas and Luke Donald were all nearby [Dwyre 2012].

Статья посвящена гольфу, а именно двум игрокам: Джеку Никлаусу — легенде гольфа — и Деннису Миллеру — достаточно опытному игроку, которому удалось лишь однажды победить на крупном турнире, однако победа была настолько заметной, что Миллер стал в одночасье звездой американского гольфа. В статье описывается момент, когда Джеку Никлаусу сообщили, что золотая медаль, которой будут награждать победителей турнира по гольфу, будет названа в его честь — Jack Nicklaus Medal. В это время претендент на данную медаль тренировался на поле, а вокруг него собрались известные игроки в гольф и мальчишки, подающие клюшки и мячи, «тесно сбившиеся в маленькие группы... и укутанные так, словно находились в Сибири, а не в Сан-Франциско». В данном бленде в процессе смешения двух ментальных пространств (*Сибирь — холод — необходимость теплее одеваться* + *погодные условия, нетипичные для данной местности*) конструируется дополнительный бленд — *Сибирь — холод* + *необходимость держаться вместе*, сбившись в тесную группу, чтобы согреться.

Однако поведение игроков объясняется не только тем, что они пытались таким образом согреться, а еще и тем, что они чувствовали себя неловко, так как не знали, чего ожидать от новоиспеченной звезды гольфа. В данном бленде актуализируются значения нерешительности, так как игроки не знали, чью сторону занять — опытного игрока, который установил несколько мировых рекордов, или сторону игрока, неожиданно для всех, в том числе для самого себя, достигшего спортивного олимпа.

Сибирская зима, с точки зрения носителей англоязычной лингвокультуры, славится не только низкими температурами, но и тем, что является самым продолжительным периодом в году. В итоге образуется бленд, в котором на первый план выходит именно эта характеристика. Рассмотрим следующий пример: *The Oscar silly season has officially begun. That's the only way to look at the new Motion Picture Academy rules governing how studios and filmmakers can promote their movies during Oscar season, a period that these days lasts longer than winter in Siberia* [Goldstein, Rainey 2012]. Здесь идет речь об «Oscar season» — временном промежутке, начинающемся с момента выхода новых кинокартин, которые могут претендовать на получение престижной премии, и заканчивающемся непосредственно церемонией

вручения. Дело в том, что получить шанс номинироваться на Оскар могут только те картины, которые были показаны в Лос-Анджелесе (штат Калифорния) с полуночи 1 января до полуночи 31 декабря года, предшествующего церемонии. В связи с этим многие студии искусственно затягивают в это время выпуск фильмов в прокат на территории Лос-Анджелеса, тогда как некоторые фильмы, которые вполне могли бы претендовать на получение кинопремии, не проходят квалификацию, поскольку по каким-либо причинам не были показаны в кинотеатрах Лос-Анджелеса в указанный период. Так случилось, например, с фильмом «Повелитель бури», который вышел в 2008 г., но смог претендовать на оscarовские номинации только в 2009 г., когда был показан в кинотеатрах США. В итоге только в 2010 г. кинолента была выдвинута на награждение в девяти номинациях и одержала победу в шести из них. Таким образом, из-за правил Академии кинематографических искусств и наук «Oscar season» картины составил более 2 лет, а это достаточно длительный период для кинематографа. В связи с этим образовался описываемый бленд: *‘Сибирь — длинная зима’ + ‘слишком ранние сроки начала проката кинофильмов’* («Oscar season» — период, который длился дольше, чем зима в Сибири).

Менее частотные, но достаточно интересные бленды образуются в процессе смешения ментальных пространств *‘Сибирь — далекая страна’* и *‘изоляция от общества’*, а также *‘Сибирь — далекая страна’* и *‘удаленность территории’*. Примеры таких блендов составили 12 (9,6 %) и 10 (8 %) единиц соответственно. Рассмотрим наиболее яркие примеры из каждой группы.

Первый пример представляет собой отрывок из дебатов партии республиканцев, во время которых Джон Хантсман, являвшийся на тот момент одним из кандидатов от Республиканской партии на пост президента США, а также послом США в Китае, заявил о неправомерности попытки введения правительства Барака Обамы так называемой «попытке удушением» — техники проведения допроса, заключающейся в насильственном погружении головы допрашиваемого в воду: *Jon Huntsman — complaining about a lack of attention, saying “it gets a little lonely over here in Siberia sometimes” — says waterboarding is torture and should not be allowed* [Jackson 2011].

В примере актуализируются следующие ментальные пространства: Сибирь как удаленная территория — чувство изоляции политика, голос которого не слышат. В резуль-

тате появляется бленд, который, с одной стороны, включает в себе фактическую информацию, так как Джон Хантсман действительно находился далеко от Соединенных Штатов, хотя политик явно утрирует ситуацию, говоря, что находится в Сибири, прекрасно понимая, что Китай только граничит с Сибирью, но не входит в ее состав. Одновременно реализуется и метафорическое значение одиночества, изоляции от политического и медийного дискурса: вряд ли в США услышат голос человека, находящегося практически в противоположной точке земного шара, кроме того, пребывающего в политической изоляции.

Схожий бленд образуется при смешении ментальных пространств *‘Сибирь — далекая страна’* и *‘нечто, находящееся в отдалении, недостижимый результат, событие, имеющее большой резонанс’*. Рассмотрим несколько примеров. Данный бленд довольно часто актуализируется в статьях, посвященных ресторанной критике и событиям, связанным с ресторанным бизнесом: *As she put it, she had little time to explain to dissatisfied customers why they were being directed to tables in the back, known as Siberia* [Nemy 2010]. Статья является некрологом Элейн Кауфман, известному нью-йоркскому ресторатору, открывшему знаменитый ресторан «Elain’s».

Отличительной чертой ресторана являлась особая зона («the line»), в которой столы резервировались для особых гостей — завсегдатаев, в число которых входили такие известные люди, как Вуди Аллен, Билли Джоэл, Мик Джаггер, Марио Пьюзо и др. Обычные посетители не могли и надеяться попасть за столы, входящие в «the line», поэтому даже тогда, когда столы в этой особой зоне были свободны, их проводили за столики, находившиеся в другом конце ресторана, откуда не виден был вход. Именно эта часть ресторана и называлась *Siberia*.

В данном бленде в процессе смешения пространств *‘Сибирь — удаленная территория’* и *‘столики в ресторане, удаленные от входа’* актуализируются дополнительные смыслы: *изоляция* (обычные гости противопоставляются знаменитым, для которых всегда готовы лучшие места, чем одни посетители изолируются от других), *периферийность* (в центре сидят известные люди, остальные вынуждены сидеть на периферии, что может быть в определенной степени унижительно), *сибирские ссылки*, которыми чувствовали себя посетители (их насильно отправляли за заведомо худшие столики). Таким образом, рассматриваемый бленд наполняется новыми красками, что делает его потенциальным источником образования новых блендов.

Остальные группы примеров достаточно малочисленны. Они включают в себя ментальные поля 'Сибирь — место ссылки' (4 примера), 'Сибирь — негостеприимность' (4 примера), 'Сибирь — трудности и лишения' (3 примера). По одному примеру приходится на ментальные поля 'Сибирь — белый цвет', 'Сибирь — закрытый регион', 'Сибирь — место, где водятся мифические существа', 'Сибирь — отсутствие здравого смысла', 'Сибирь — обширная территория', 'Сибирь — непознанная земля', 'Сибирь — неблагоприятные условия для жизни человека'.

Приведенные примеры (в том числе и единичные) позволяют проследить отраженную в метафорах тенденцию формирования негативного отношения к Сибири. Рассмотрим наиболее яркие из единичных примеров формирования отрицательной коннотации с использованием понятийного поля *Siberia*.

Интересен бленд, в котором сочетаются поля 'Сибирь' и 'отсутствие здравого смысла': *When the NFL entered a higher tax bracket, sensitivity took the first train to Siberia* [Biovin 2011]. В статье речь идет о Национальной футбольной лиге США, которая перешла на новую систему налогообложения, что повлекло за собой необходимость сокращения штата игроков в командах. В результате главный тренер футбольной команды «Arizona Cardinals» Кен Висенхант вынужден выбирать между двумя результативными игроками-квотербеками — Джоном Скелтоном и Кевином Колбом. По мнению автора, сделать подобный выбор очень сложно, поэтому принятие новых правил налогообложе-

ния отправило здравый смысл «первым поездом в Сибирь». В данном бленде смешивается несколько ментальных полей: 'Сибирь — далекая территория, ассоциирующаяся с отсутствием здравого смысла' и 'решение, лишенное здравого смысла'. Пример позволяет констатировать: решение, принятое руководителями Национальной футбольной лиги, ставит под удар игроков, которые могут лишиться работы, — поэтому автор метафорически отправил его в Сибирь.

Довольно часто Сибирь ассоциируется с концентрационными лагерями, ГУЛАГом и тюрьмами. Эти ассоциации отразились и в метафорах, употребляемых в прессе. Вот один из примеров блендов, образованных путем смешения понятийных полей 'Сибирь — место, куда отправляют в ссылку или тюрьму' и 'тюрьма, заключение, лишение свободы': *In the early 20th century, Ushuaia was a Siberia-like outpost, and Argentina built a notorious prison compound here, with convicts put to work building roads and other...* [McDonnell 2007]. В статье рассказывается о городе Ушуайя провинции Огненная земля в Аргентине — самом южном городе Земли, считающемся краем света. В начале XX в. там была построена тюрьма, в которой содержались наиболее опасные преступники. Их привлекали к строительству дорог, вырубке леса и прочим работам. Таким образом, и местоположение города, и характер содержания заключенных наводят на мысли о Сибири.

Все понятийные поля, которые были вычленены в процессе анализа текстовых фрагментов, представлены на диаграмме.

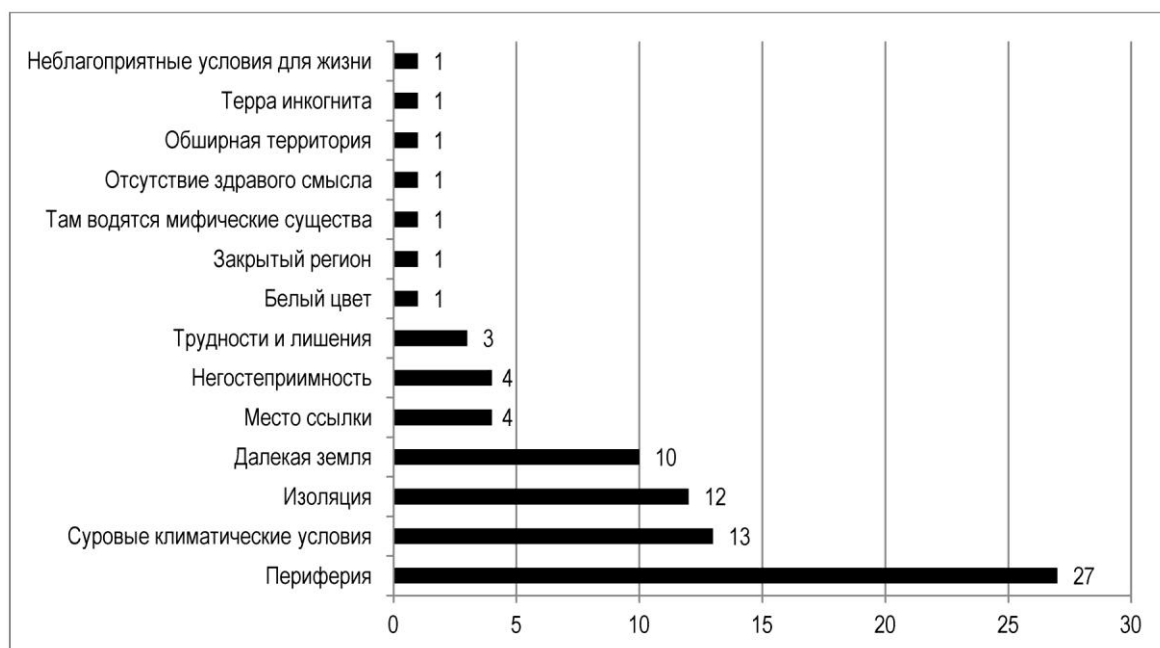

Диаграмма. Понятийные поля концепта «Siberia»

Контент-анализ медиаматериалов позволил реконструировать следующий образ Сибири в сознании представителей американского лингвокультурного сообщества:

1. Сибирь представляется как отдаленная, пустынная местность в России, дикая и изолированная от внешнего мира.

2. Это огромная холодная территория с суровыми климатическими условиями, покрытая снегом.

3. Здесь всё еще действует Главное управление исправительно-трудовых лагерей (ГУЛАГ), поэтому Сибирь остается местом для ссыльных.

Очевидно, что данный имидж базируется на стереотипных представлениях, большая часть из которых не соответствует действительности. Следовательно, весьма актуальной представляется задача корректировки негативных стереотипов и усиления позитивных с целью формирования желаемого имиджа Сибири, способного укрепить не только позиции этого региона, но и позиции России.

Безусловно, имидж Сибири как региона неразрывно связан с имиджем страны в целом, особенно на международной арене. Создание позитивного имиджа Сибири необходимо в первую очередь для развития региона, поднятия его инфраструктуры на качественно новый уровень, а это невозможно без привлечения инвестиций. Кроме того, позитивное восприятие Сибири, как представляется, улучшит имидж страны в целом.

Исторически сложилось так, что Сибирь охватывает большие пространства и состоит из регионов ресурсного типа. Восприятие Сибири только на уровне сырьевого придатка России сохранилось со времен Советского Союза. Однако в настоящее время российская культура в силу своей экзотичности для западного человека пользуется большим спросом, нежели ранее. Сибирь уже давно является своеобразным брендом, за которым кроется набор устойчивых ассоциаций, большинство из которых вряд ли

способствует развитию региона, поэтому их необходимо скорректировать.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. — М. : Прогресс, 1990. С. 5—32.
2. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. — М. : Языки русской культуры, 1999.
3. Ковальчук Л. П. Теория концептуальной интеграции Ж. Фоконье и М. Тернера // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2011. № 1 (8). С. 97—101.
4. Сунрун В. Надежда Европы или чаяния Азии? // Эксперт Сибирь. 2007. № 32 (174). URL: <http://expert.ru/siberia/2007/32/rar/>.
5. Терских М. В. Имидж Сибири в аспекте брендинга туристической дестинации // Политическая лингвистика. 2011. № 4 (38). С. 263—273.
6. Fauconnier G., Terner M. Conceptual blending, form and meaning // Recherches en Communication. 2003. № 19. URL: <http://sites.uclouvain.be/rec/index.php/rec/article/viewFile/5191/4921>.

ИСТОЧНИКИ

7. Boivin P. Decision Time // USA Today. 2011. 2 Feb.
8. Dwyre B. Blue-collar player shares the stage with golf royalty // Los Angeles Times. 2012. 13 June.
9. Goldstein P., Rainey J. New Oscar rules: Can the Academy curtail awards season excess? // Los Angeles Times. 2012. 22 Sept.
10. Jackson D. The Republicans: Live from South Carolina // USA Today. 2011. 12 Nov.
11. Kravitz B. Why Broncos are a perfect fit for Peyton Manning // USA Today. 2012. 19 Mar.
12. Levin G. Fox does the 'American Idol' shuffle by shifting nights // USA Today. 2011. 19 Jan.
13. McDonnell P. J. Argentina's Ushuaia rides eco-tourism wave // Los Angeles Times. 2007. 10 May.
14. Nemy E. Elaine Kaufman, Who Fed and Fussed Over the Famous, Dies at 81 // The New York Times. 2010. 3 Dec.
15. Virbila S. I. The Review: Boa in West Hollywood // Los Angeles Times. 2009. 9 Sept.
16. Weiss J. SXSW 2011: Politicking with Shabazz Palaces and Open Mike Eagle // Los Angeles Times. 2011. 19 Mar.
17. Zinser L. LEADING OFF; UConn and the Common Good // The New York Times. 2010. 10 Mar.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. О. С. Иссерс

О. Н. Морозова
Пушкин, Россия

O. N. Morozova
Pushkin, Russia

**СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ
ЭФФЕКТИВНОСТИ И РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ
РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕКЛАМЫ В ИНТЕРНЕТЕ**

**CORRELATION BETWEEN THE CONCEPTS
OF EFFICIENCY AND EFFECTIVENESS
OF SPEECH INFLUENCE OF POLITICAL
ADVERTISING ON THE INTERNET**

Аннотация. Рассматриваются понятия «эффективность»/«результативность» речевого воздействия политической рекламы в Интернете, анализируются способы их оценки посредством учета комплекса условий и факторов, благоприятствующих или препятствующих решению задач политической рекламной кампании в целом.

Abstract. The article deals with the concept of the efficiency of speech performance in political advertising on the Internet, analyzes the ways of its assessment by considering a set of conditions and factors that favor or hinder the solution of problems of political advertising company as a whole.

Ключевые слова: речевое общение; речевое воздействие; политическая интернет-реклама; критерии оценки эффективности рекламы.

Key words: speech communication; speech influence; political online advertising; criteria of advertising effectiveness evaluation.

Сведения об авторе: Морозова Ольга Николаевна, кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков.

About the author: Morozova Olga Nikolayevna, Candidate of Philology, Professor of the Chair of Foreign Languages.

Место работы: автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина».

Place of employment: Autonomous Educational Establishment of Higher Professional Education "Leningrad State University n. a. A. S. Pushkin".

Контактная информация: 196605, г. Санкт-Петербург, Пушкин, Петербургское шоссе, д.10.
e-mail: mail.olfrost@gmail.com.

Актуальным для теории речевого воздействия является вопрос о «воздейственности языка», а также понятие эффективности воздействия. Изучение проблем речевого воздействия — искусства при помощи слова убеждать и побуждать к действию — всегда привлекало внимание лингвистов. Во многих работах делаются попытки разработать теоретические основы изучения речевого воздействия, сформировать соответствующий категориальный аппарат. Нисколько не преуменьшая значение этих работ, необходимо, однако, отметить, что современная теория речевого воздействия складывается довольно медленно, многие важные вопросы остаются без ответа.

Одним из основных недостатков многих исследований, появившихся в 1960—1970-х г., является полное или почти полное игнорирование экстралингвистических факторов в речевом воздействии, поиск причины речевого воздействия в системе языка, вера в так называемую силу слова, отсутствие единого понимания термина «воздейственность» языка.

Широкие возможности для изучения проблем речевого воздействия открывает подход, основанный на соотнесении двух аспектов речевого произведения: лингвистического и экстралингвистического. Введение в орбиту лингвистического исследования

экстралингвистических факторов «означает одновременно выявление такого соотношения семантики и структуры текста, которое обуславливает не просто формирование смысла текста, но прежде всего выполнение конечной цели коммуникации — воздействие на партнеров в процессе их речевой деятельности» [Колшанский 1983: 3].

Любой речевой акт — социально-психологическая ситуация общения, центральным моментом которой является фактор речевой направленности. Он, наряду с другими экстралингвистическими факторами, обуславливает коммуникативную природу любого речевого произведения, а также определяет его воздействующий аспект. «Именно человек в качестве объекта речевого воздействия в речевом общении задает специфические требования к качеству понятий теории речевого общения — эти понятия должны отображать социальные качества объектов исследования. Отсюда следует, что адекватность теории речевого общения объекту анализа связана с ее антропностью, т. е. теория речевого общения должна описывать и объяснять прежде всего общение человека с человеком как общий случай, отведя периферийную роль анализу связи между техническими устройствами, которые представляют собой огрубленные модели того же самого человеческого общения» [Тарасов 2010: 23].

Можно предположить, что достижение эффекта, запрограммированного адресатом, немислимо без знания объекта речевого воздействия. Именно глубокое изучение и учет особенностей объекта речевого воздействия позволяет придать речевому произведению конкретный, целенаправленный характер, повысить его ответственность. В основе формирования характерологических особенностей объекта речевого воздействия лежат факторы как объективного, социального свойства, так и явления субъективного, психологического порядка. Факторы объективного характера включают в себя такие характеристики, как объем, социальные и демографические сведения, уровень социально-образовательной подготовки, а также интересы, нужды и настроения адресата; «реклама может быть эффективной, если она учитывает эти интересы, формулируя их в виде конкретных предложений по их реализации. <...> Пусть задачи будут поставлены небольшие, даже локальные, но обязательно конкретные, и определены пути их решения. Тогда реклама будет эффективной» [Феофанов 2000]. Учет этих экстралингвистических факторов позволяет сориентироваться при материализации функции воздействия в языковых единицах разных уровней.

Действие же психологических механизмов в ситуации речевого общения — сопереживания, убеждения, волеизъявления и т. п. — играет вспомогательную, хотя и весьма важную роль. Благодаря им создается общий эмоциональный настрой, укрепляющий чувство общности и усиливающий психологическую энергетику партнеров по коммуникации. Однако эти субъективные факторы реализуются и формируются в речи только на основе и с учетом объективных, усиливая эффективность восприятия речевого произведения в соответствии с коммуникативной целью, другими словами, усиливая эффект ответственности речи в целом.

Содержательные и структурные характеристики речевого произведения определяются его коммуникативностью — системно обусловленным качеством, выражающимся в способности обеспечить успешность речевого общения, осуществляемого в конкретных условиях и с конкретной целью. Именно комплекс конститутивных и ситуативных факторов детерминирует выбор тех или иных средств, направленных на реализацию цели действия. Можно выделить три основные цели речевого воздействия:

- организация восприятия партнера по коммуникации, т. е. привлечение внимания к воздействующему субъекту и сообщению с установлением контактных отношений меж-

ду коммуникаторами, с созданием атмосферы доверия к передаваемой информации и ее источнику;

- психологическое мотивирование сообщения — подбор нужных для убеждения аргументов, актуализация потребности человека, мотивация. Всё это приводит к принятию предлагаемой информации, а затем — к новой деятельности;

- выдача плана действия, т. е. показ тех путей и способов, которыми достигается инспирируемая деятельность.

Так, в политической рекламе, «формируя положительные образы тех или иных институтов, лидеров или доктрин, реклама последовательно продвигает на информационном рынке определенные политические цели и ценности. В этом смысле степень распространения таких политических товаров, их узнаваемости и популярности, а равно и степень их поддержки населением являются главными показателями ее эффективности» [Соловьев 2006: 522]. Кейт Рейнхард выдвигает следующие критерии оценки эффективности рекламы, основанные на философии ROI: «Сегодня, больше чем когда-либо, если реклама недостаточно хороша, она бесполезна. Если она не оригинальна, она не привлечет внимания. Если она не произведет впечатления, она не отложится в памяти». Актуальность, оригинальность и впечатление (ROI) являются ключевыми элементами эффективной рекламы. Актуальная реклама имеет для вас значение; оригинальная реклама привлекает ваше внимание; реклама, производящая впечатление, пробуждает ваши эмоции и долго остается в памяти [Уэллс и др. 1999: 263].

Эффективным считается предоставление на персональных политических сайтах дополнительных сервисов — чатов, форумов, конференций, — которые способствуют формированию вокруг конкретного политического деятеля устойчивого интернет-сообщества. Успешной сферой деятельности по привлечению интереса общественности и, таким образом, продвижению сайта как эффективной формы политической интернет-рекламы является использование различного рода политтехнологий, направленных на привлечение широкой общественности к обсуждению политиком своих планов, идей и проектов. Тем самым у интернет-пользователей создается ощущение непосредственного участия в политической деятельности.

Следует, однако, разграничивать понятия эффективного и результативного общения. Последнее является более широким и включает в себя все речевые акты, в которых достигнута конечная коммуникативная

цель, прагматическая установка адресанта, вне зависимости от условий ее реализации. Эффективное общение входит в понятие результативного, но требует осмысления результата на фоне взаимоотношений участников акта общения [Стернин 1995: 5]. Если результат достигнут, но отношения между собеседниками ухудшились, речевое воздействие нельзя считать эффективным, хотя оно и может дать результат. Только при соблюдении баланса отношений общение может считаться эффективным [Там же: 7]. Другими словами, если принимаемые для оценки эффективности критерии могут быть количественно измерены, то можно говорить о результативности как синониме эффективности. Если же критерии расширяются за счет психологических, не поддающихся количественному измерению, то понятие «результативность» не может трактоваться как синоним понятия «эффективность».

Эффективность речевого воздействия может быть определена как отношение достигнутого результата к максимально возможному или заранее запланированному результату. В этом случае необходимо четко выделить количественные и качественные критерии как основания для сравнения результатов. Такими универсальными критериями для проведения оценки эффективности могут быть:

1. Продуктивность и результативность, в связи с чем принимаемые для оценки эффективности критерии должны поддаваться количественному измерению (как, например, усвоенный объем информации).

2. Удовлетворенность, которая связана с сохранением баланса отношений коммуникантов и включает в себя ряд социально-психологических факторов, с помощью которых учитываются социальные психологические аспекты результатов воздействия, а именно отсутствие такой характеристики, как конфликтность языка.

В свете этого приобретает особую важность учет социальных изменений, происходящих в современном мировом сообществе. Процесс социализации всё больше характеризуется интернационализацией и глобализацией. С увеличением миграционных потоков «смещение культур усиливается во взаимосвязи людей, зачастую принадлежащих к различным культурам, „уплотняются“ контакты, происходит ускорение темпа общения: повседневным явлением становится коммуникация людей, представляющих разные культуры, разные способы решения в сущности одних и тех же проблем» [Пашкус 2006: 55]. Это приводит к необходимости учета специфики межкультурного общения

применительно к политической деятельности в целом и политической рекламе в частности.

Для оказания воздействия на представителей других национальных культур и вовлечения их в процесс политической коммуникации необходимо предвидеть и учесть их реакцию и возможные варианты поведения, знать специфику национальных культур. Проблемы кросскультурных коммуникаций представляются очень актуальными в современном мире, поскольку они выражаются не только и не столько в языковом барьере, но и в незнании особенностей этикета, традиций, менталитета и стереотипов национальных, социальных и других меньшинств, входящих в состав потенциального электората.

В связи с этим социальным явлением на Западе сегодня очень распространено понятие политической корректности, которое впервые появилось в США в конце 70-х — начале 80-х гг. XX в. В словаре иностранных слов оно определяется следующим образом: «политическая корректность, политкорректность (англ. *political correctness*, сокр. *PC*) — утвердившееся в США понятие-лозунг, демонстрирующее либеральную направленность американской политики, имеющее дело не столько с содержанием, сколько с символическими образами и корректировкой языкового кода. Речь декодируется знаками антирасизма, экологизма, терпимого отношения к национальным и сексуальным меньшинствам, борьбы против СПИДа» [Комлев 1999: 279—280]. В. Н. Базылев определяет политическую корректность как «отражение, в первую очередь в речевом поведении, современной идеологии западной демократии, основывающейся на концепции „справедливости“ и, как следствие, достижения „равноправия“ и „соблюдения прав человека» [Базылев 2007: 8]. Приведенные дефиниции позволяют заключить, что основная коммуникативная установка при актуализации политической корректности в речевом произведении направлена на идеологическое и ментальное преодоление межнациональных, межкультурных, межэтнических противоречий и конфликтов и находит отражение в выборе как языковых, так и неязыковых средств репрезентации.

Л. Н. Федорова подчеркивает, что практически **всегда** выделение какой-либо группы в качестве мишени для рекламы подразумевает этическое решение, «поиск социального консенсуса», которое «репрезентируется на фоне сферы жизнедеятельности человека со своими стандартами, моделями поведения, иерархией предпочтений. И здесь отношение к той символической оболочке,

которая сопровождает единичные рекламные послания, прогнозируемо: оно будет тем благоприятнее, чем в большей степени совпадают ценности, прокламируемые в рекламе, с универсальными, в какой-то мере общечеловеческими, отчасти даже генетическими (любовь к детям, дружба, хорошие отношения между людьми, оптимистическое восприятие жизни и проч.) <...> символическая атрибутика общения способна быть барьером на пути к благоприятному исходу общения, если реклама носит следы игнорирования или незнания таких атрибутов. Можно вспомнить и символику цвета в разных культурах, и отношения полов, и модели отношения к степени оголенности женского тела и т. д., и т. п.» [Федорова 2004: 77—78]. Особую группу здесь представляют лексические единицы с негативной оценкой, используемые для названия различных видов этнических общностей, сексуальных меньшинств и других социальных субкультур, обладающих отрицательной коннотацией по характеристике расовой и половой принадлежности, возраста, состояния здоровья, социального статуса, внешнего вида и т. п.

Существенное значение имеет такая организация речевого общения, которая передавала бы толерантное отношение адресанта к адресату, где толерантность представлена как положительное нравственное качество человека, заключающееся в ценностной ментальной установке на терпимость к мнениям, убеждениям и формам поведения другого человека [Стернин 2003: 10]. При этом получатель мог бы декодировать полученную информацию в нужном адресанту направлении без нарушения каких-либо личностных запретов как представителя какого-либо социального меньшинства, без появления агрессивного настроения, с сохранением атмосферы дружественного общения на условиях взаимопонимания и взаимосоотрудничества. Прямой перенос моделей общения в межкультурной коммуникации невозможен и способен привести не только к непониманию, но и к конфликтным ситуациям.

Интернет во многом расширил возможности повышения эффективности речевого воздействия в целом и политической рекламы в частности. Это связано, с одной стороны, с возможностью представления максимума необходимой информации о рекламируемом объекте, с другой — с мультимедийной природой интернет-среды, дающей возможность использовать все виды доведения до пользователя информации — текст, графику, звук, видеоизображение.

Кроме того, гипертекстовая природа Сети предоставляет адресату возможность са-

мому контролировать поиск и получение информации и тем самым вовлекает его в процесс изучения объекта рекламы и максимально сближает с ним. Интернет является интерактивной средой, вследствие чего, кроме пассивного воздействия на пользователей Сети, реклама может играть активную роль. Интернет предоставляет рекламодателю эффективный способ фокусированного воздействия на целевую аудиторию и конкретных пользователей. Базируясь на современных информационных технологиях, Интернет предоставляет самые широкие возможности оперативного и глубокого анализа результатов проведения рекламных мероприятий, а значит, и своевременного изменения приемов и методов для повышения их эффективности [Успенский 2003].

Оценка эффективности политической рекламы может выражаться в количестве контактов, количестве рекрутированных, суммах пожертвований, рейтингах, узнаваемости, росте имиджа и т. п. В самом общем виде измерение эффективности рекламы состоит в изучении знакомства целевой аудитории с информацией, представленной на сайте, а также сведений о том, что именно известно, какой образ политического деятеля сформировался и каково отношение к нему потенциальных избирателей. Для этого на сайте размещаются различного рода опросы, проводятся анкетирования, голосования и т. п. При оценке эффективности рекламы важно учитывать весь комплекс создавшихся условий и факторов, благоприятствующих или препятствующих решению задач политической рекламной кампании в целом. Важность использования таких методов оценки эффективности политической рекламы заключается в том, что данные поступают непрерывно и оперативно, адресант может произвести необходимые меры для своевременного изменения сайта с целью корректировки или доработки рекламных материалов для повышения его эффективности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Базылев В. Н. Языковые императивы «политической корректности» / Политическая лингвистика. 2007. № 3 (23). С. 8—10.
2. Колианский Г. В. Прагматическая характеристика вербальной коммуникации // Лингвистика и методика в высшей школе (XI). — М., 1983. Вып. 205. С. 3—12.
3. Комлев Н. Г. Словарь иностранных слов — М. : Эксмо-пресс, 1999.
4. Паикус Н. А., Паикус В. Ю. Национально-культурные особенности и коммуникационные процессы. // PR-технологии в информационном обществе : материалы 3 Всерос. науч.-прак. конф.

(Санкт-Петербург, 25—26 февр. 2006 г.). — СПб. : Изд-во СПбГПУ, 2006. Ч. 1. С. 55—57.

5. *Соловьев А. И.* Политология: политическая теория, политические технологии : учеб. для студентов вузов. — М. : Аспект Пресс, 2006.

6. *Стернин И. А.* О понятии «эффективное общение» // Преподавание культуры общения в средней школе. — Воронеж, 1995. С. 5—9.

7. *Стернин И. А.* Основные тенденции развития общения в первой половине 21 века (попытка прогноза) // Коммуникативные исслед. 2003. — Воронеж : Исток, 2003. С. 4—19.

8. *Тарасов Е. Ф.* Проблемы теории речевого общения // Вопросы психолингвистики. 2010. № 2 (12). С. 20—26.

9. *Успенский И. В.* Интернет-маркетинг : учеб. — СПб. : Изд-во СПбГУЭиФ, 2003. URL: <http://www.bseu.by/uspensk/9.htm>.

10. *Уэллс У., Бернет Дж., Мориарти С.* Реклама: принципы и практика : пер. с англ. — СПб. : Питер, 1999.

11. *Федорова Л. Н.* «Девушка без головы» — хит рекламы-2003// Акценты. Новое в массовой коммуникации : альманах. — Воронеж, 2004. Вып. 3—4 (46—47). С. 75—80.

12. *Феофанов О. А.* Реклама: новые технологии в России. СПб. ; М. ; Харьков ; Минск : ПИТЕР, 2000. URL: http://polbu.ru/feofanov_advert/ch42_all.html.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Н. Б. Руженцева

Г. Д. Распаева G. D. Raspaeva
Челябинск, Россия Chelyabinsk, Russia

**ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ
СО СФЕРОЙ-ИСТОЧНИКОМ
«ПРАВОСЛАВИЕ»
В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ВЕРСИЯХ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ Л. Н. ТОЛСТОГО**

**PRECEDENT PHENOMENA
WITH THE SOURCE SPHERE
«THE ORTHODOX CHURCH»
IN THE ENGLISH VERSIONS
OF THE WORKS OF L. N. TOLSTOY**

Аннотация. Рассматривается проблема перевода precedentных феноменов, восходящих к православию, в произведениях Л. Н. Толстого. Предложена классификация способов перевода православных precedentных имен, обнаруженных в произведениях писателя.

Abstract. The article deals with the problem of the translation of precedent phenomena with the source-sphere «the Orthodox Church» in the works of L. Tolstoy. The author gives the classification of the ways of the translation of Orthodox precedent names in the works of the writer.

Ключевые слова: Л. Н. Толстой; precedentные феномены; precedentное имя; precedentный текст.

Key words: L. Tolstoy; precedent phenomena; precedent name; precedent text.

Сведения об авторе: Распаева Гульжан Джамбуловна, старший преподаватель кафедры делового иностранного языка факультета лингвистики и перевода.

About the author: Raspaeva Gulzhan Dzhambulovna, Senior Teacher of the Chair of Business Foreign Languages.

Место работы: Челябинский государственный университет.

Place of employment: Chelyabinsk State University.

Контактная информация: 454021 г. Челябинск, ул. Братьев Кашириных, д. 129, к. 349(2).
e-mail: raspaevagd@is74.ru.

Л. Н. Толстой был воспитан в русской православной традиции, но впоследствии его нравственно-религиозная система существенно разошлась с канонами православия. В произведениях писателя используются как общехристианские precedentные феномены, так и precedentные феномены, относящиеся исключительно к сфере русского православия, при этом первые — значительно чаще, чем вторые.

В данной статье анализируются способы перевода православных precedentных феноменов в произведениях Л. Н. Толстого на английский язык с учетом общих принципов передачи реалий при переводе, специфики англоязычного православия и традиций подачи религиозных реалий.

Православные precedentные феномены представляют повышенную сложность для переводчика, поскольку для них, как правило, нет общепризнанных эквивалентов в английском языке. Анализ способов перевода православных precedentных феноменов целесообразно вести с позиций теории безэквивалентной лексики [См.: Бархударов 1995; Влахов, Флорин 1980 и др.] и теории специфических этнокультурных реалий [Влахов, Флорин 1980].

По С. Влахову и С. Флорину, безэквивалентная лексика — это лексические (и фразеологические) единицы, которые не имеют переводческих эквивалентов в языке пере-

вода [Влахов, Флорин 1980: 42]. При формулировке данного определения ученые опираются на термин В. Н. Комиссарова «переводческая эквивалентность» и вносят некоторые уточнения в предлагаемую им классификацию, выделяя полные и частичные, абсолютные и относительные эквиваленты. Л. С. Бархударов понимает под безэквивалентной лексикой «лексические единицы одного из языков, которые не имеют ни полных, ни частичных эквивалентов среди лексических единиц другого языка» [Бархударов 1995: 21]. Явление безэквивалентности, по замечанию А. В. Федорова, возникает тогда, когда слово оригинала обозначает чисто местное явление, которому нет соответствия в быту и понятиях другого народа [Федоров 2002: 184]. Иными словами, понятие безэквивалентной лексики включает в себя не только отсутствие эквивалента в языке, но и отсутствие слов, «отражающих специфическую материальную и духовную культуры, т. е. слова, которые характеризуются национально-культурной спецификой семантики [Зубкова 1995: 13].

Реалии, по С. Влахову и С. Флорину, — это слова (и словосочетания), называющие объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чуждые другому; будучи носителями национального и/или исторического колорита, они, как правило, не

имеют точных соответствий (эквивалентов) в других языках, а следовательно, не поддаются переводу на «общих основаниях», требуют особого подхода [Влахов, Флорин 1980: 47]. Для нашего исследования важна классификация реалий, которую предлагает Б. И. Репин, разграничивающий реалии по предметным областям: 1) бытовые реалии — жилье, одежда, украшения, пища, напитки, родственные отношения, обычаи, игры, песни, названия музыкальных инструментов; 2) этнографические реалии — названия родов и племен; 3) мифологические реалии — злые духи, клич; 4) религиозные реалии; 5) ономастика [Репин 1970: 87—98]. Рассматриваемые нами православные реалии относятся к четвертой группе. Отметим также, что в произведениях Л. Н. Толстого активно используются и иные реалии (ономастические, бытовые), изучение которых выходит за рамки данной статьи.

Безэквивалентная лексика может передаваться в переводе с помощью различных видов переводческих трансформаций. Как замечает И. В. Денисова, основная задача переводчика — умело произвести различные переводческие трансформации, так, чтобы текст перевода как можно более точно передавал всю информацию оригинала при соблюдении соответствующих норм переводящего языка [Денисова 2011: 76].

Существует несколько классификаций переводческих трансформаций, предложенные различными специалистами (В. Н. Комиссаровым, Л. С. Бархударовым, Я. И. Рецкером, Р. К. Миньяр-Белоручевым, Ж.-П. Вине и Ж. Дарбельне и др.). Как отмечает Н. К. Гарбовский, «подавляющее большинство переводческих операций повторяется во всех классификациях, различаясь лишь взаимной соотносительностью, распределением по классам и иногда терминологией. Почти все классификации опираются на уровни языковой системы. В них различаются лексические (или лексико-семантические) и грамматические преобразования» [Гарбовский 2004: 386].

Мы опирались на классификацию переводческих трансформаций В. Н. Комиссарова, поскольку она четко структурирована, что позволило выявить особенности перевода православных прецедентных феноменов в произведениях Л. Н. Толстого.

Рассмотрим способы перевода **православных прецедентных имен** в англоязычных версиях произведений Л. Н. Толстого.

1. **Эквивалентное, или переводческое соответствие**, т. е. единица переводящего языка, регулярно используемая для перевода данной единицы исходного языка [Комиссаров 2002: 166]. Например, прецедентное имя преподобного Амвросия представлено в англоязычном тексте как Ambrose:

Игумен был ученик известного старца Амвросия (Отец Сергей. Т. 11. Г. 3. С. 272).

*This Superior had been a disciple of the starets **Ambrose*** (Father Sergius. Ch. II. Translated by L. and A. Maude).

Обратим внимание на то, что в данном переводе транслитерировано обозначение «старец», тогда как в других переводах оно может быть передано иным способом. Традиция старчества характерна для православной религии, поэтому для слова «старец» трудно найти английский аналог.

2. Переводческая **транскрипция**, т. е. формальное фонемное воссоздание исходной лексической единицы с помощью фонем переводящего языка, фонетическая имитация исходного слова. Другим приемом перевода является **транслитерация** — формальное побуквенное воссоздание исходной лексической единицы с помощью алфавита переводящего языка, буквенная имитация формы исходного языка [Казакова 2001: 63]. Например, при переводе названия «храм Василия Блаженного» транслитерирована первая часть прецедентного имени «Василий» — «Vasili», а вторая часть переводится эквивалентным соответствием «Beatified», т. е. «святой»:

*...огромное число солдат, пользуясь остановкой и темнотой, возвращались назад от мостов и украдкою и молчаливо прощипывали мимо **Василия Блаженного** и под Боровицкие ворота назад в гору* (Война и мир. Т. 5. Т. 3. Ч. 3. Г. XXI. С. 344).

*...a great many soldiers, taking advantage of the stoppage and congestion, turned back from the bridges and slipped stealthily and silently past the church of **Vasili the Beatified** and under the Borovitski gate* (War and Peace. B. 11. Ch. 21. Translated by L. and A. Maude).

Прием транслитерации используется при переводе прецедентного имени преподобного Паисия Величковского (Paussy Velichkovsky), при этом Paussy является некорректной транслитерацией:

*Игумен был ученик известного старца Амвросия, ... ученика **Паусия Величковского*** (Отец Сергей. Т. 11. Г. 3. С. 272).

*This Superior had been a disciple of the starets **Ambrose**, ... who was a disciple of **Paussy Velichkovsky*** (Father Sergius. Ch. II. Translated by L. and A. Maude).

В следующих примерах используется транслитерация с грамматической заменой части речи: Троицкая — Troitsa, ср.:

а) *В **Троицкой лавре** они говорили о прошедшем, и он сказал ей, что, ежели бы*

он был жив, он бы благодарил вечного бога за свою рану, которая свела его опять с нею (Война и мир. Т. 6. Т. 4. Ч. 1. Г. XVI. С. 68).

At the Troitsa monastery they had spoken of the past, and he had told her that if he lived he would always thank God for his wound which had brought them together again (War and Peace. В. 12. Ch. 16. Translated by L. and A. Maude).

б) В **Троицкой лавре** Ростовы сделали первую дневку в своем путешествии (Война и мир. Т. 6. Т. 4. Ч. 1. Г. VIII. С. 35).

At the Troitsa monastery the Rostovs first broke their journey for a whole day (War and Peace. В. 12. Ch. 8).

3. Калькирование — воспроизведение комбинаторного состава слова или словосочетания, при котором составные части слова (морфемы) или фразы (лексемы) переводятся соответствующими элементами переводящего языка [Казакова 2001: 87]. Применяя этот прием, переводчик переводит составляющие элементы слова или словосочетания и затем объединяет переведенные части в единое целое: *superpower* — **сверхдержава**, *International Monetary Fund* — **Международный валютный фонд** [Комиссаров 2002: 160].

Данный прием был использован в переводе названий культовых объектов, таких, как Успенский собор, Новодевичий монастырь:

а) Во время службы в **Успенском соборе** — соединенного молебствия по случаю приезда государя и благодарственной молитвы за заключение мира с турками — толпа пораспространилась [Война и мир. Т. 5. Т. 3. Ч. 1. Г. XXI. С. 94].

While the service was proceeding in the Cathedral of the Assumption — it was a combined service of prayer on the occasion of the Emperor's arrival and of thanksgiving for the conclusion of peace with the Turks — the crowd outside spread out (War and Peace. В. 9. Ch. 21. Translated by L. and A. Maude).

б) Когда он в первый день, встав рано утром, вышел на заре из балагана и увидел сначала темные купола, кресты **Новодевичьего монастыря** (Война и мир. Т. 6. Т. 4. Ч. 2. Г. XII. С. 107).

When on the first day he got up early, went out of the shed at dawn, and saw the cupolas and crosses of the New Convent of the Virgin still dark at first (War and Peace. В. 13. Ch. 12. Translated by L. and A. Maude).

4. Модуляция (смысловое развитие) — это замена слова или словосочетания исходного языка единицей переводящего языка, значение которой логически выводится из значе-

ния исходной единицы [Комиссаров 2002: 162].

Так, переводчики Л. и А. Maude отказываются от «прямого» перевода прецедентного имени храма Софии-Премудрости в пользу модулированного перевода второй части этого имени: *Премудрость* — *Saint*. Первая часть переводится эквивалентным соответствием — *Sophia*. Ср.:

Которые странники высаживались на берег, ходили смотреть храм Софии-Премудрости, где теперь турки владеют (Два старика. Т. 9. Г. 8. С. 299).

Some of the pilgrims went on shore to visit the Church of St. Sophia, now held by the Turks (Two old men. Ch. VIII).

5. Описательный перевод — это лексико-грамматическая трансформация, при которой лексическая единица исходного языка заменяется словосочетанием, раскрывающим ее значение [Комиссаров 2002: 165]. Описание значения исходной единицы применяется в условиях отсутствия регулярного словарного соответствия или при несовпадении смысловых функций соответствующих единиц в исходном и переводящем языках [Казакова 2001: 113].

Способ описания применяется в переводе православного прецедентного имени «юродивый». Юродивый в православной церкви воплощает особый тип святости — «юродство во Христе».

А. М. Антонова считает, что при англоязычном описании Русской православной церкви в большинстве случаев используются описательные обороты «God's fools», «fools in Christ», «holy fools», принятые при описании православной церкви вообще. Они кратки и удобны для восприятия англоязычного читателя [Антонова 2002: 146—147]. В некоторых случаях при переводе используется другой описательный оборот — *one of God's own* (см. третий пример):

а) Знаю только то, что он с пятнадцатого года стал известен как **юродивый**, который зиму и лето ходит босиком, посещает монастыри (Детство. Т. 1. Г. 5. С. 56).

All I know is that ever since he was fifteen he had been known as one of God's fools, going barefoot summer and winter, visiting monasteries (Childhood. Ch. V. P. 46. Translated by F. Solasco).

б) Это был **юродивый** и странник Гриша (Детство. Т. 1. Г. 5. С. 56).

This was God's fool, the wanderer Grisha (Childhood. Ch. V. P. 46. Translated by F. Solasco).

в) — ... Как я была в Киеве, и говорит мне Кирюша, **юродивый** — истинно божий

человек, зиму и лето босой ходит (Война и мир. Т. 4. Т. 2. Ч. 2. Г. XIII. С. 125).

«... *When I was in Kiev, Crazy Cyril says to me (he's one of God's own and goes barefoot summer and winter)* (War and Peace. B. 4. P. 2. Ch. 13. Translated by L. and A. Maude).

В целом наше исследование показывает, что создатели англоязычных версий произведений Л. Н. Толстого используют для перевода православных прецедентных имен преимущественно транскрипцию/транслитерацию, калькирование и описательный перевод как методы, позволяющие указать на заимствованный характер православных прецедентных имен в английской культуре. Значительно реже применяются эквивалентное соответствие и модуляция. Употребление указанных способов перевода православных прецедентных имен и текстов дает возможность переводчикам произведений Л. Н. Толстого выбирать языковые средства, необходимые для полной передачи содержания оригинала.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонова А. М. Лексика русского православия в англоязычном тексте и словаре : дис. ... канд. филол. наук. — СПб., 2002.

2. Бархударов Л. С. Язык и перевод. Вопросы общей и частой теории перевода. — М., 1995.

3. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе — М. : Международные отношения, 1980.

4. Гарбовский Н. К. Теория перевода. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 2004.

5. Гвоздович Е. Н. Средства передачи английской безэквивалентной лексики на русский язык: переводческий и лексикографический аспекты : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Минск, 2011.

6. Денисова И. В. Особенности передачи гендерного аспекта в переводе художественного произведения : дис. ... канд. филол. наук. — Челябинск, 2011.

7. Зубкова Л. И. Безэквивалентная лексика с национально-культурной спецификой значения в произведениях В. М. Шукшина : дис. ... канд. филол. наук. — Воронеж, 1995.

8. Казакова Т. А. Практические основы перевода. — СПб. : Союз, 2001.

9. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. — М. : ЭТС, 2002.

10. Ретин Б. И. Национально-специфические словари как особая часть лексики в переводимом произведении // Теоретические и практич. вопросы преподавания иностр. яз. : сб. — М., 1970. С. 87—98.

11. Федоров А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). — СПб. : Филологический факультет СПбГУ ; М. : Изд. дом «ФИЛОЛОГИЯ ТРИ», 2002.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов

Г. Н. Тельминов G. N. Telminov
Екатеринбург, Россия Ekaterinburg, Russia

**КОММУНИКАТИВНЫЕ ТАКТИКИ
ПОЗИТИВНОЙ ВЕЖЛИВОСТИ
В РОССИЙСКОЙ ИНТЕРНЕТ-РЕКЛАМЕ**

Аннотация. Описываются коммуникативные тактики позитивной вежливости в российской интернет-рекламе, выделяются группы тактик и речевые сферы их реализации.

Ключевые слова: интернет-реклама; рекламный дискурс; позитивная вежливость; негативная вежливость; коммуникативные тактики; коммуникативная рамка.

Сведения об авторе: Тельминов Геннадий Николаевич, ассистент кафедры английской филологии и сопоставительного языкознания, аспирант кафедры французской филологии.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Контактная информация: 620017, Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 368.
e-mail: telminov@aol.com.

**COMMUNICATIVE TACTICS
OF POSITIVE POLITENESS
IN RUSSIAN INTERNET ADVERTISING**

Abstract. The article describes the communicative tactics of positive politeness in the Russian Internet Advertising. Groups of tactics and spheres of their usage are identified.

Key words: Internet adverting; advertising discourse; positive politeness; negative politeness; communicative frame.

About the author: Telminov Gennady Nikolaevich, Assistant Lecturer of the Chair of English Philology and Comparative Linguistics, Post-graduate Student of the Chair of French Philology.

Place of employment: Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).

В теории межкультурной коммуникации принцип вежливости рассматривается с точки зрения правил коммуникативного контакта и заключается в следовании действительному для данной ситуации комплексу взаимных прав и обязанностей коммуникантов. Среди них выделяют *частные* правила, например использование определенного типа допустимых речевых актов в зависимости от ситуации общения и внелингвистического контекста. Эти коммуникативные правила ввел в научный обиход Г. Грайс, сформулировав их в виде основного принципа кооперации и вытекающих из него четырех постулатов, которые перечислены ниже.

1. Постулат качества/истинности (сообщение не должно быть ложным или не имеющим под собой должных оснований).

2. Постулат количества/информативности (понимание сообщения зависит от его информативной насыщенности. Говорящий должен учитывать экстралингвистическую реальность, все компоненты коммуникативного контекста, включающего в себя фоновые знания и отношения между коммуникантами, высказывание должно содержать ровно столько информации, сколько требуется).

3. Постулат отношения/релевантности (высказываться нужно по существу темы; переход говорящего к новому предмету разговора сопровождается сигналом о перемене темы).

4. Постулат модальности (речь идет о выборе говорящим языкового кода, лексических и грамматических средств: сообщение

должно быть ясным, однозначным, кратким, четким и организованным, не содержать непонятных для адресата слов и выражений) [Grice 1975: 34].

Эти правила дополняют и корректируют постулаты вежливости Г. Лича, а именно: постулат такта (причиняй минимум неудобств и оказывай максимум удобств другому); постулат великодушия (оказывай минимум удобств себе и максимум удобств другому); постулат одобрения (своди к минимуму отрицательную оценку других; стремись к максимально положительной оценке других); постулат скромности (минимально хвали себя, максимально порицай себя); постулат согласия (своди к минимуму разногласие между собой и другим; стремись к максимальному согласию между собой и другим); постулат симпатии (своди к минимуму антипатию между собой и другим; стремись к максимальной симпатии между собой и другим) [Leech 1983].

Приведенные выше постулаты соотносимы с репертуаром коммуникативных тактик, репрезентирующих категорию вежливости.

При классификации типов вежливости мы, вслед за П. Браун и С. Левинсон [Brown, Levinson 1987], различаем две вежливости — *позитивную и негативную*.

Позитивная вежливость служит для выражения говорящим расположения и симпатии адресату. Это вежливость сближения, уменьшения дистанции. В качестве примеров позитивной вежливости можно привести комплименты, стремление к уменьшению

разногласий, выражение внимания, образование комфортной атмосферы.

Обратимся к тактикам позитивной вежливости в российском рекламном дискурсе.

**ГРУППА ТАКТИК
ПРЯМОГО ВЫРАЖЕНИЯ МЫСЛИ
(тактика совета, тактика облегчения
восприятия рекламного текста на сайте,
тактика демонстрации внимания
к потенциальному потребителю)**

Высказывание с прямо заявленным адресантом смыслом (*Говорю то, что говорю* [Дементьев 2000: 4, 12, 15] можно рассматривать как прямую рекламу. Явления, когда говорящий, произнося некоторое предложение, имеет в виду буквально то, что говорит, Дж. Р. Серль относил к простейшим случаям выражения значения в языке и указывал, что подобная семантическая простота присуща далеко не всем высказываниям [Серль 1986: 195].

Неотъемлемым компонентом всех рекламных объявлений является номинация предмета рекламы. Предмет рекламы преподносится при помощи прямой или косвенной коммуникативной формы. В прямой рекламе существуют прямые указания на покупку предмета рекламы (эксплицитная суггестивация: «купи меня»), а в косвенной рекламной коммуникации предмет рекламы уводится на второй план и преподнесен завуалировано [Булатова 2005: 232].

Цель прямой рекламы — убедить адресата с помощью конкретной дефиниции, наиболее соответствующей задачам автора жанровой формы, а также выбора структурных, содержательных и лингвистических приемов. Прямое выражение мысли реализуется посредством репертуара тактических схем.

ТАКТИКА СОВЕТА. Рекламные тексты призваны убедить потенциального клиента в необходимости покупки товара или услуг, и важную роль в этом играет речевой жанр совета: *Вполне возможно, что отдых на просторах холодной Балтики вам будет гораздо полезнее, чем поездка в жаркие страны* (<http://poisk.turizm.ru/spro3/show.pl?url>).

Предметом рекламы является отдых на Балтике. Как аргументация («к делу») выступает польза проведения отдыха в холодных широтах, а не в теплых. *Возможно* — вводное слово, привносящее в высказывание компонент «вежливости». Таким образом, адресант не хочет брать на себя стопроцентную ответственность за свои рекомендации: в соответствии с постулатом качества/истинности сообщение не должно быть ложным или не имеющим под собой должных оснований.

ТАКТИКА ОБЛЕГЧЕНИЯ ВОСПРИЯТИЯ РЕКЛАМНОГО ТЕКСТА НА САЙТЕ. Рассмотрим реализацию данной тактики по «принципу матрешки» на сайте туристической фирмы Turizm.ru (<http://www.turizm.ru/?from=turizm.ru>). Турфирма предлагает туры в следующие страны: *Турцию, Египет, Таиланд, Тунис, Грецию, Кипр, Италию, Испанию, Мальдивы, Чехию, Болгарию.*

Выбрав, например, Турцию, адресат попадет на следующую страничку, предлагающую:

- *Горнолыжные курорты Турции.*
- *Полезную информацию о Турции.*
- *Веб-камеры в Турции.*
- *Карту Турции.*
- *Интерактивные карты городов.*
- *Экскурсии по Турции* и т. д.

В вербальном ряду сайта реализуется постулат модальности: сообщение должно быть ясным, однозначным, кратким, четким и организованным, не должно содержать непонятных для адресата слов и выражений. Именно с этим связана вежливость по отношению к адресату, которого избавляют от лишних усилий, необходимых для восприятия.

Далее, запросив *Горнолыжные курорты Турции*, мы увидим более развернутую информацию, при подаче которой соблюдается постулат отношения/релевантности (высказывание должно быть по существу темы). Переход говорящего к новому предмету разговора сопровождается сигналом о перемене темы: *В Турции горнолыжный спорт еще довольно молод, но популярность ее зимних курортов растет с каждым годом. Доступные цены, высокий уровень сервиса и отличные возможности для катания говорят в пользу зимнего отдыха в этой стране.*

Таким образом, логика, последовательность, а также особое расположение рекламируемых товаров и услуг на сайтах имеют прагматическое значение. Удобное визуальное расположение вербальных структур и переход от небольшого высказывания к развернутому тексту (если кликнуть по слову, то слово превращается во фразу, а если кликнуть по фразе, то она превращается в развернутый текст) создает удобство для пользователя. Реализуется постулат модальности и постулат такта (причиняй минимум неудобств и оказывай максимум удобств другому). Тактика вежливости реализуется и в том, что текст информативен, четко структурирован, содержит детали, важные для адресата; предложения короткие, удобные для восприятия.

ТАКТИКА ДЕМОНСТРАЦИИ ВНИМАНИЯ К ПОТЕНЦИАЛЬНОМУ ПОТРЕБИТЕЛЮ. Покупатель может иметь огромное количество вопросов по качеству товара или услуги, способу оп-

латы, сложности сделки купли-продажи, технической сложности самого товара (например, при покупке телевизора или видеокамеры). Еще до покупки товара клиент может задать все интересующие вопросы продавцу (автору рекламы) и с учетом ответов принять решение о покупке. Многое при этом зависит от того, насколько серьезно адресант уделяет внимание потребностям, желаниям и интересам клиента. Клиент делает выводы о товаре или услуге при общении с продавцом. Иногда именно в момент общения клиент может принять решение о покупке товара или услуги.

Интерактивная интернет-реклама, как никакая другая, позволяет отлично наладить общение между продавцом и покупателем (постулат согласия: своди к минимуму разногласие между собой и другим, стремись к максимальному согласию между собой и другим). Тактика облегчения восприятия реализуется в интернет-рекламе в виде более узких и частных тактических схем.

Подтактика «Обратная связь». Адресату может предоставляться возможность связаться с адресантом прямо на сайте и задать свои вопросы. Например, на сайте магазина *М. Видео* (<http://ekaterinburg.mvideo.ru/>) существует рубрика *Обратная связь*. Рядом с рубрикой мы найдем приветствие: *С удовольствием ответим на Ваши вопросы!* Далее следует таблица, с помощью которой можно задать вопросы или оставить сообщение, комментарий. Даны также номера телефонов / факсов разных отделов магазина (как правило, справочная информация идет в адресном блоке).

Помимо этого, автор рекламы иногда позволяет адресату прямо на своей рекламной страничке задать любой вопрос по поводу предмета рекламы и получить быстрый ответ. С этой целью сообщается справочная информация: телефон и электронный адрес. Для удобства клиента на сайте даны имена и должности служащих.

Подтактика «Моделирование диалога». Для удобства клиента магазин сразу предлагает готовые ответы на часто задаваемые вопросы (в соответствии с постулатом количества, информативности):

Прежде чем задать новый вопрос, просим Вас ознакомиться со списком часто задаваемых вопросов и ответов. Если ответ на Ваш вопрос опубликован в данном разделе, мы оставляем за собой право на него не отвечать.

— *Мне отказали в предоставлении кредита, почему?*

— *Я прочитал условия кредитования на сайте, но мне многое не понятно.*

— *Мне еще нет 23 лет, могу ли я получить кредит?*

— *Я живу в другом городе, могу ли я оформить покупку в кредит в Интернет-магазине?*

— *Я живу в другом городе, можно ли мне заказать товар с доставкой?*

Например, задав вопрос *Я живу в другом городе, можно ли мне заказать товар с доставкой?*, покупатель получит положительный ответ.

Подтактика «Основные характеристики предмета рекламы». Высказывание в рамках данной подтактики базируется на реализации того же постулата количества/информативности.

На сайте можно найти основные характеристики продаваемой продукции, например:

Микроволновая печь с грилем LG MH-6347GRL

*Габаритные размеры (В*Ш*Г): 28*51*41 см, Полезный объем камеры: 23 л, Диаметр поворотного стола: 32 см, Внутреннее покрытие: Anti Bacteria, Мощность микроволн: 850 Вт.*

Решение о покупке товара или услуги принимается субъектом исключительно на индивидуальной мотивационной основе, составляющими которой могут быть многочисленные привходящие обстоятельства, среди которых может присутствовать собственно реклама, — а может и не присутствовать [Мокшанцев 2008: 208].

ГРУППА АПЕЛЛЯТИВНЫХ ТАКТИК (тактика ты-обращения, тактика присвоения «титула» адресату, тактика «свободы» выбора, тактика предложения совместной деятельности)

Средства контакта между участниками общения широко используются как в публицистическом, так и в рекламном дискурсе.

Апеллятив — языковое средство, при помощи которого осуществляется привлечение внимания и обращение между коммуникантами [Власов, Флорин 1978: 228]. Роль апеллятивов не ограничивается исключительно обращениями. Апеллятивы также выполняют социально-этикетную функцию, экспрессивную функцию, ролевые функции [Дыкова 2003: 16].

В интернет-рекламе чаще всего встречаются следующие апеллятивные тактики:

ТАКТИКА ТЫ-ОБРАЩЕНИЯ. В данных рекламных обращениях автор обращается к клиенту на *Ты*, тем самым делая его «своим», уменьшая дистанцию между коммуникантами: *Купи подарок близким!* (<http://odezhda.com/c.php>); *Сделай себе приятное!* (<http://www.borishof.ru/general/>).

ТАКТИКА ПРИСВОЕНИЯ «ТИТУЛА» АДРЕСАТУ.

Автор рекламы может присваивать определенный «титул» адресату, именовать клиентов в зависимости от услуги и предмета рекламы: *Дорогие наши АВТОВЛАДЕЛЬЦЫ! Спешите, ведь только сейчас у нас действует акция — „Заплати 900 рублей, чтобы сэкономить тысячи“* (http://www.vozmiauto.ru/_cities/moskva/models/ssangyong/).

Читающий рекламу человек еще не воспользовался услугами данного дилера, но тем не менее автор рекламы заранее называет потенциального клиента *автовладельцем*. Тем самым посредством титула автор заранее причисляет реципиента к определенной группе людей, играя на повышение по отношению к нему.

Маркеры внутригрупповой принадлежности подчеркивают определенный значимый статус, «титул» клиентов, свидетельствуя о существовании такой группы людей. Адресат понимает, что он не один может пользоваться рекламируемым товаром или услугой. Это подталкивает адресата к покупке товара или услуги («делай как все!»).

ТАКТИКА «СВОБОДЫ» ВЫБОРА. Примером реализации этой тактики является следующее рекламное объявление, почти полностью состоящее из вопросов. Аргументация представлена самими вопросами и ответами на них (ответ должен дать сам адресат). Цепочка из вопросов — это особый стилистический прием, который заставляет обращать на сообщение внимание и активизирует мыслительную деятельность адресата. Предмет рекламы — отдых и лечение на Алтае.

Можете ли Вы сказать сами о себе: „Чем я делаюсь старше, тем лучше я себя чувствую?“ Самое великое открытие нашего времени! Прекрасное здоровье. Имеете ли вы представление о том, что это значит? Взгляните на себя в зеркало. Вам нравится, как вы выглядите? Не кажется ли вы сами себе постаревшим и замученным жизнью? Не покрылось ли ваше лицо сетью морщин? Не состарилась ли шея? Сохранился ли молодой блеск в ваших глазах? А как насчет цвета лица? И вообще, что вы могли бы сказать о своем лице? Кто перед вами: молодой человек или старик? Никто объективнее вас самих не ответит на эти вопросы.

(<http://poisk.turizm.ru/spro3/show.pl?url=http://www.turizm.ru/cure/articles/4806&words=%E2%E0%F8>).

Это объявление почти полностью состоит из общих вопросов, на которые трудно дать отрицательный ответ! Адресат ощущает это сразу же, после первого вопроса (не

говоря уже об остальных): *Чем я делаюсь старше, тем лучше я себя чувствую?* Адресату «поневоле» приходится соглашаться с автором рекламы, и выбор автора становится выбором адресата.

ТАКТИКА ПРЕДЛОЖЕНИЯ СОВМЕСТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ. Суть тактики в том, что рекламодатель «желает быть» вместе с клиентом, рекламируя что-либо и предлагая ему совместные действия на паритетных началах (побуждение к действию: «давайте пойдём», «давайте заглянем»). Приведем примеры: *Давайте пройдем по узким улицам Афин!* (<http://travel.mail.ru/search>); *Давайте заглянем в одно- и двухзвездочные отели солнечной Италии* (<http://t2t.ru/t2tru/chto-my-znaem-o-deshevykh-evropeiskikh-gostinitsakh>).

ГРУППА ЭТИКЕТНЫХ ТАКТИК

(тактика комплимента, тактика приветствия, тактика благодарности, тактика прощания)

ТАКТИКА КОМПЛИМЕНТА. Комплимент, похвала и отчасти лесть являются своего рода эмоциональными «коммуникативными подарками» адресату [Ларина 2003: 224]. В задачи нашего исследования не входит проведение четких границ между этими понятиями. Даря коммуникативные «подарки», адресант пытается завуалировать свои истинные цели.

Посредством комплимента, похвалы и лести адресант пытается похвалить адресата и возвеличить его в своих глазах. Материальная заинтересованность автора рекламы побуждает его использовать речевые приемы, которые максимально приближены к похвале. Основным стимулом автора рекламы при этом является прибыль, поэтому одновременно автор рекламы пытается убедить адресата в том, что слова его искренни, создать у него отличное настроение. Намерение польстить адресату продиктовано соблазнами вежливости и желанием поддерживать с ним согласие в деловых отношениях. Автор рекламы сознательно заранее дает преувеличенную положительную оценку своему потенциальному покупателю, с тем чтобы сделать ему хоть что-то приятное и тем самым побудить его к совершению покупки. Причина вежливости кроется в том, что в конкретной ситуации нужно сказать особые слова [Карасик 2002: 87]. К основным интенциям похвалы, комплимента и лести можно отнести признание положительных качеств и действий адресата и с целью побуждения его к совершению покупки или пользованию услугой.

Обратимся к конкретному примеру: *Красивая мама — счастливый малыш! В одеж-*

де для кормления *Blissfulbabes вы станете самой красивой мамой* (<http://www.motherinstyle.ru/cat/t80/>). Формальная логика в этих рекламных суждениях не соблюдена: одно из другого не следует, но цель автора рекламы достигнута — он польстил адресату, побуждая его к покупке.

Рекламные объявления с компонентами лести, похвалы, комплимента рассчитаны на людей со склонностью к самоактуализация (чем я хуже тех, кто приводится в качестве примера в рекламе?), т. е. к выбору из существующих возможностей тех, которые способствуют внутреннему росту, проявлению личности. Именно к этим мотивам и апеллирует данная тактика.

ТАКТИКА ИЗВИНЕНИЯ. Акт извинения демонстрирует характерные черты этикетной коммуникации как составляющей категории вежливости. Этикет — часть категории вежливости. Извинение можно рассматривать как языковой жанр, который репрезентирует заботу о партнере по коммуникации. В ситуации, при которой необходимо извинение, игнорирование последнего может привести к коммуникативной неудаче.

Само по себе извинение не является рекламой, но оно может присутствовать в текстах, размещенных на рекламных сайтах. Так, при проведении регламентных работ в сети банк дает следующее объявление-извинение: *Наша компания приносит свои извинения за временное неудобство в связи с модификацией сайта* (<http://www.cargol.ru/about.html>).

В акте извинения не используется личное местоимение *мы* — оно заменено выражением *наша компания* в сочетании с глаголом. Такой прием позволяет адресату поднять статус извиняющегося, тем самым подчеркивается уважение к клиентам.

ТАКТИКА ПРИВЕТСТВИЯ. Посредством приветствия устанавливается начальный речевой контакт и проявляется доброжелательное и уважительное отношение со стороны адресанта к адресату.

Здороваться/приветствовать — «значит проявлять доброжелательность и уважение по отношению к встретившемуся знакомому, а иногда и незнакомому» [Формановская 1987: 61].

В российской интернет-рекламе можно отметить разные типы приветствий. Рассмотрим следующий пример: *Здравствуйте, уважаемые путешественники по Египту!* (<http://story.travel.mail.ru/story/show/137070/>). Так звучит предложение в начале страницы на сайте турфирмы, предлагающей туры в Египет (предмет рекламы), и желающим воспользоваться этими услугами

будет очень приятно прочитать приветствие в самом начале страницы. Приветствие обращает на себя, а следовательно, на всю информацию, преподносимую на сайте, внимание.

Интернет-магазин одежды приветствует своих посетителей: *Добро пожаловать на наш сайт! Здесь Вы всегда подберете все, что вам нужно* (<http://fashiony.ru/population.php>). Приветствие обосновывается аргументом в пользу посещения данного сайта: на нем есть все, что нужно клиенту. Аргументация способствует логическому разворачиванию высказывания и донесению его смысла до поля сознания, где происходит критическое осмысление информации.

ТАКТИКА БЛАГОДАРНОСТИ. Благодарность является социально-культурным явлением, в котором отражается национальный менталитет и культурная специфика народа. Благодарность — важный речевой акт этикета общения. Благодарность — благожелательность, благопожелание, добросердечие, признательность говорящего по отношению к человеку, оказавшему ему услугу, благодеяние, одолжение, добро или внимание. Иными словами, благодарность проявляется как демонстрация, с одной стороны, вежливости, воспитанности адресата, а с другой — доброжелательности, уважения, уважительного отношения к адресату [Ли Сюэнь 2006: 87].

Пример благодарности: *Уважаемые клиенты и партнеры! Мы искренне благодарим Вас за сделанный выбор в пользу нашего сайта при решении воспользоваться нашими услугами* (http://fashiony.ru/index.php?id_r=21). Таким образом сайт по продаже предметов одежды благодарит адресата за его выбор. В первой части рекламного объявления мы видим приветствие, а во второй — выражение самой благодарности, которая усилена интенсификатором «искренне». Читая подобное объявление, адресат, может быть, и не сделал еще выбор в пользу конкретного сайта, предлагающего те или иные услуги, а сайт заблаговременно благодарит его, таким способом подталкивая к совершению покупки.

Факт благодарности помогает запомнить содержание рекламного текста. Ученые отмечают, что слово (в нашем случае слово, обозначающее благодарность) оказывает на человека влияние во много раз более сильное, чем какие-либо другие факторы. Цель рекламы — повлиять на потребителей, убедить их в правоте сказанного с помощью таких слов, которые способны вызвать нужные мысли и чувства [Кохтев 1997: 24].

ТАКТИКА ПРОЩАНИЯ. Своеобразие этикетных тактик в интернет-рекламе заключается

в их дополнительной смысловой нагрузке. Такие высказывания часто состоят из двух частей: тезисно-аргументативной и собственно этикетной, что отличает их от этикетных высказываний в обиходно-бытовом дискурсе.

Акт прощания служит для завершения процесса коммуникации.

Прощание — это один из способов заметить клиента, подчеркнуть его важность для адресанта. Посредством прощания прерывается речевой контакт и проявляется доброжелательное и уважительное отношение к адресату (потенциальному клиенту). Попрощаться — значит продемонстрировать уважительное и вежливое отношение к клиенту, дружеские чувства, расположение, признательность. Но мы видим, что еще в рекламном прощании реализована своеобразная тезисно-аргументативная структура, усиливающая его (собственно этикетная часть).

Рассмотрим прощание автодилера в конце сайта: *Своевременное техническое обслуживание — залог долгой и бесперебойной эксплуатации Вашего автомобиля. Удачи на дорогах!* (<http://www.vita-motors.ru/>).

Автор рекламы при прощании с посетителем сайта желает ему удачи на дорогах, а в предыдущем тезисе предусмотрительно напоминает, что удача может появиться только при своевременном техническом обслуживании автомобиля, которое будет залогом его долгой и бесперебойной работы. Логическая цепочка (*своевременное техническое обслуживание — залог долгой и бесперебойной эксплуатации автомобиля — удача на дорогах*) апеллирует к рациональной и эмоциональной сторонам мышления, актуализируя категорию вежливости при финальном контакте. Как мы видим, этот довод основан на особом алгоритме логического доказательства — убедительной аргументации. А аргумент — это мысль, истинность которой проверена и доказана практикой и временем.

ТАКТИКА ПРЕУВЕЛИЧЕНИЯ ИНТЕРЕСА, ОДОБРЕНИЯ, СИМПАТИИ К КЛИЕНТУ. Преувеличение является важной характерной чертой в коммуникативном поведении американцев, для которых типичны гиперболы, интенсификаторы, повторы, оценочные прилагательные и глаголы, употребляемые в самых обыденных ситуациях. Для русской среды бытового общения данные приемы привлечения внимания и экспрессивности менее характерны. Тем не менее в рекламном дискурсе такие приемы используются довольно часто. Среди них выделяются два основных типа. К первому относятся *лексические и грамматические суперлативы, репрезентирую-*

щие категорию вежливости в следующем аспекте: мы уважаем и любим нашего клиента, предлагая ему самый качественный товар. Примером может служить следующая реклама туроператора, содержащая лексические суперлативы: *Но даже если Вы СОВЕРШЕННО равнодушны к истории, то солнце, море и воздух Греции ВСЕ ЖЕ смогут ЗАТРОНУТЬ СТРУНЫ ВАШЕЙ ДУШИ, поскольку эту страну НЕВОЗМОЖНО НЕ ЛЮБИТЬ. КРАСОЧНОСТЬ ТРАДИЦИЙ И ОБЫЧАЕВ, самобытность ночной жизни и ПРЕКРАСНАЯ кухня, — на этой земле, ЦВЕТА ЗРЕЛОГО ВИНА — всё создано для того, чтобы принести радость* (http://vanillacoast.e-toptour.ru/?ctguide_id=44637156-760b-47cd-b8bb-8bdcdc22f187&ctguide_descype=desc).

В данной рекламе туристических услуг используются следующие усилители экспрессии: наречия *совершенно, все же*, двойное отрицание *невозможно не любить*, усиливающее утверждение, лексический суперлатив *прекрасный*, слово, выражающее приятное эмоциональное состояние — *радость*, а также метафорические обороты *затронуть струны Вашей души, красочность традиций и обычаев, кухня цвета зрелого вина*. Эта реклама в известной степени соответствует постулату симпатии Дж. Лича.

Следует подчеркнуть, что реализованный в рекламных текстах подход за счет экспрессии и преувеличения открывает перспективу образа, преподносимого в рекламе. Такой подход эффективен с точки зрения воздействия на адресата. Рассмотренные приемы сохраняют единство рекламного сообщения, способствуют интеграции его компонентов, создают особый рекламный стиль.

Проиллюстрируем употребление грамматических суперлативов: *А на острове Коркеасаари расположен ОДИН ИЗ ЛУЧШИХ в Европе зоопарк Хельсинки...* (<http://travel.mail.ru/place/116/?full=1>). Автор, рекламируя туристические услуги, предлагает в процессе поездки посетить зоопарк (предмет рекламы), приводя оценочный аргумент: этот зоопарк — *один из лучших в Европе*. Прилагательное *лучший* является грамматическим суперлативом.

Ко второму типу описываемой тактики относятся *интенсификаторы «абсолютно», «крайне», «поистине», «чрезвычайно», «несомненно», «конечно», «совершенно», «непременно», «очень» и др.*, например: *Вьетнамская кухня ЧРЕЗВЫЧАЙНО разнообразна и вкусна* (<http://www.chemodans.ru/country/?country=62&article=171>).

Автор, рекламируя тур во Вьетнам и вьетнамскую кухню, делает акцент на ее преимуществах (*разнообразна и вкусна*),

используя для усиления интенсификатор «чрезвычайно», обозначающий высшую степень качества.

Интенсификаторы схожи по своему употреблению. Они используются с целью усилить аргументы для большего воздействия на адресата. В соответствии с этим можно расценивать интенсификаторы как языковые единицы, выполняющие экспрессивно-оценочную функцию.

Таким образом, позитивная вежливость служит для выражения симпатии говорящего к адресату. Она направлена на взаимопонимание, удовлетворение желания каждого быть замеченным, понятым, услышанным. Прямые комплиментарные тактики способствуют более легкому пониманию сообщения, более быстрому его усвоению, ориентации в корпусе рекламной информации, уменьшению дистанции между участниками рекламной коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Булатова Э. В. Прямая и косвенная коммуникация в современной российской печатной рекламе : дис. ... канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2005.
2. Власов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. — М., 1978.
3. Дементьев В. В. Непрямая коммуникация и ее жанры. — Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2000.

4. Дыкова В. Г. Сопоставительное исследование английских и русских апеллятивов и их переводческих корреляций : дис. ... канд. филол. наук. — М., 2003.

5. Карасик В. И. Язык социального статуса. — М., 2002.

6. Кохтев Н. Н. Реклама: искусство слова : рекомендации для составителей рекламных текстов. — М. : Изд-во МГУ, 1997.

7. Ларина Т. В. Категория вежливости в аспекте межкультурной коммуникации (на материале английской и русской коммуникативных культур) : дис. ... д-ра филол. наук. — М. : РУДН, 2003.

8. Ли Сюэнь. Концепты «благодарность» и «извинение» в языковой картине мира русских с точки зрения носителя китайского языка и культуры : дис. ... канд. филол. наук. — М., 2006.

9. Мокшанцев Р. И. Психология рекламы. — М. : ИНФРА-М, 2000.

10. Серль Дж. Что такое речевой акт // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17 : Теория речевых актов. — М. : Прогресс, 1986. С. 151—170.

11. Формановская Н. И. Вы сказали: «Здравствуйте!» Речевой этикет в нашем общении. — М. : Знание, 1987.

12. Brown P., Levinson S. Politeness: Some universals in language usage. — UK : Cambridge Univ. Pr., 1987.

13. Grice P. Logic and Conversation // Syntax and Semantics / P. Cole, J. Morgan (eds.). Vol. 3: Speech Acts. — N. Y.: Academic Pr., 1975. P. 41—58.

14. Leech G. Principles of Pragmatics. — L. : Longman Publ. Gr., 1983. P. 131—139.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Н. Б. Руженцева

УДК 821.161.1.09(Иличевский А.)
ББК Ш5(2Рос=Рус)6-4

ГСНТИ 17.07.21

Код ВАК 10.01.01

Н. А. Томилова
Москва, Россия

N. A. Tomilova
Moscow, Russia

**СОЦИАЛЬНО-ДУХОВНЫЙ ПОИСК ГЕРОЯ
НА СЛОМЕ ЭПОХ**

**SOCIAL-SPIRITUAL SEARCH FOR THE HERO
AT THE TURN OF THE EPOCH**

(на материале

(on the basis

романа А. Иличевского «Матисс»)

of the novel “Matiss” by A. Ilychevsky)

Аннотация. Основное содержание исследования составляет анализ романа А. Иличевского «Матисс». Идет об одном из значимых исторических событий второй половины XX в. — распаде СССР. Предпринимается попытка оценить судьбу людей, переживших времена исторических перемен. Значительное внимание уделено нравственному выбору главного героя, который он делает вопреки социальным и моральным стереотипам времени.

Abstract. The research is based on the analysis of the novel “Matiss” by A. Ilychevsky. It is about one of the crucial periods in history of the second half of the XXth century – collapse of the Soviet Union. An attempt is undertaken to estimate the fate of people who lived through the times of historical changes. Much attention is paid to the moral choice of the main character, which is made against social and moral stereotypes of that time.

Ключевые слова: А. Иличевский; государство; личность; нравственность; распад СССР; современная литература; социум; социальные ценности; эволюция; эскапизм.

Key words: A. Ilychevsky; state; personality; morality; collapse of the USSR; modern literature; socium; social values; evolution; escapism.

Сведения об авторе: Томилова Надежда Анатольевна, аспирант кафедры русской и зарубежной литературы и методики.

About the author: Tomilova Nadezhda Anatolievna, Post-graduate Student of the Chair of Russian and Foreign Literature and Methods of Teaching.

Место работы: Московский гуманитарный педагогический институт.

Place of employment: Moscow Humanitarian Pedagogical Institute.

Контактная информация: 127051, г. Москва, ул. Садовая-Самотечная, д. 8.
e-mail: denisova09@mail.ru.

Поэт, эссеист и прозаик А. Иличевский в последние годы регулярно выходит в финал разных литературных премий и конкурсов. Роман «Матисс» в 2007 г. получил российскую Букеровскую премию. В нем автор изображает одно из значительных исторических событий второй половины XX в. — распад СССР. Автор размышляет о судьбе поколения, пережившего распад СССР в двадцатилетнем возрасте, и о судьбе постсоветской России. В интервью радио «Свобода» Иличевский назвал свой роман попыткой оценить, что произошло с его поколением за пятнадцать лет, прошедших с распада Союза. Оказалось, что время это было «просажено», хотя автор признает и заслуги своего поколения: *...существенная часть того малого лучшего, что сделано в стране, — сделано руками именно его поколения* [Иличевский 2008: 105]. Роман «Матисс» актуален, потому что пришла пора осмыслить события 1990-х гг., сделать выводы и решить, как жить дальше. СССР распался, прежний человек умер, но «нового человека создано не было», и время словно остановилось между больше не существующим прошлым и еще не существующим будущим [Litkritik 2010].

Сюжет романа «Матисс» разворачивается в форме путешествия. Перед нами три

судьбы: главного персонажа Королева и его спутников — бомжей Вади и Нади, — биографии которых в какой-то точке повествования пересекаются и до финала развиваются вместе.

Главный герой по собственной воле становится бомжем, намеренно бежит от социума, усилием воли избавляется от пресловутой «цели в жизни», «освобождается от бессмыслицы труда» [Иличевский 2008: 261], идет в направлении, противоположном привычному и «нормальному» — не к дому, а от него (буквально: он выбрасывает ключ от квартиры в реку, подальше от соблазна) [Шафранская 2008: 38].

В романе Иличевский стремится решить проблему модификации социокультурной идентичности и идеологии в переломные эпохи истории, когда трансформируются фундаментальные ценности.

Автор исследует, как ход кардинальной перестройки оказал влияние на антропологический портрет «постсоветского человека», в частности показывает, как главный герой романа, Леонид Королев, решает свою судьбу, соотнося ее с требованием времени.

Королев пытается осмыслить истинное положение общества, исторический катаклизм, в который ввергнута страна: *...все это*

мелкие черточки, все это ничтожно по сравнению с тем трагическим замыслом, что незримо овладел верхними слоями и нынче спускается в видимые нижние. Да — слишком просто, чтобы быть правдой. Ага, ага, снова получается, что если бы не Бог, я б давно уж удавился. И все-таки, как это неподъемно сложно. Тут словно бы — как ни просто — упираешься в ответственность самосознания. Здесь нет и духа скорби — куда подевалась империя, и все такое. Не в материальной составляющей дело, а в том, что незримая природа Родины терпит фиаско раз за разом... Речь идет не об умалении царственных функций, а простых человеческих [Иличевский 2008: 237]. Королев думает: ...осмысление завершенности истории, это ощущение... Знаете, есть представления об ангелах-хранителях государств, империй. Так вот, это ощущение взмаха крыла при взлете... [Иличевский 2008: 237].

Иличевский передает события октября 1993 г., которые стали трагической страницей в российской истории: *В начале октября что-то случилось, танки подъехали к Белому Дому, забежали люди с автоматами, на набережной выстроились в ряд машины „скорой помощи“, толпа высыпала к мосту. <...> ...Танки стреляли, окна Дома дымились, повсюду виднелись оранжевые цистерны поливальных машин, выставленных в качестве заграждения. То и дело тархатели автоматные очереди, и вся густая россыпь людей, как пленка жира на бульоне, шарахалась к подворотням большого углового дома, к реке, на набережную. <...> Волнообразные всполохи толпы доносили невидимый источник паники. Находясь внутри, Вадя вместе со всеми заражался страхом в чистом виде, — невидимость источника обескураживала, жестокая легкость носилась над площадью, рекой, городом [Иличевский 2008: 51—53].*

Начало 90-х гг. XX в. породило свою мифологию, которая тиражировалась в повседневности в форме «страшилок», полных хаоса и беспредела, по-бахтински — перевертышами: «остепененные» работники НИИ становились грузчиками и расклейщиками объявлений, а жулики органично встраивались во властные структуры. Все эти метаморфозы случились и в жизни Королева. Событий в судьбе героя так много, что хватило бы не на одну биографию. Но все их объединяет вызревающее на глазах читателя стремление уйти — из дома, города, социума, от людей [Шафранская 2008: 38].

Вследствие распада советского государства в душах людей поселяется страх, страх

от непонимания происходящего, страх за новое будущее России.

Автор подробно описывает настроения людей, царившие в то время: *Ежедневный страх стоял прозрачно по глазам, страх вокруг стыл студнем, дрожь зыбкой, густой безвоздушной массой. Люди... боялись остро, беспокойно. <...> Боялись... конкретного быта, конкретных гаишников, конкретного хамства, конкретного надругательства, вторжения [Иличевский 2008: 105].*

А. Иличевский показывает, как с развалом Советского Союза и возникновением новых независимых государств народные массы были вынуждены заново отвечать на вопрос: «Кто я такой?» Герой романа ищет ответы на главные вопросы бытия — смысла и назначения человека, жизни и вселенной: *Его путаные бредни частью сводились к распознаванию себя: человек он или машина? Вот сама по себе риторическая структура всех его метаний как раз этим и занималась, обращаясь к нему самому с пыткой дознания: кто ты? мертвый или живой? обманутый или выброшенный? Где твоя Родина? Что грядет? [Иличевский 2008: 240]. „Кто ты?“ — „Где ты?“ — „Каков твой интеллект: искусственный, естественный?“ — „Как ты предпочитаешь назвать завтра: вчера? пустота?“ — „Не пугайся — если ты умрешь, ничего не произойдет“ [Иличевский 2008: 145].*

Намеченный стабильный путь советского инженера-физика Леонида Королева рушится. Королева пугает все: *Пустота впереди, пустота под ногами, память о будущем у общества — и тем более власти: меры ноль [Иличевский 2008: 106].* Эта пустота, по мнению автора, пришла на место прежних идеалов: *Долго Королев основывал содержательность своего существования на приверженности научно-естественной осознанности мироздания. Само наличие математики и теоретической физики было для него доказательством незрячности бытия [Иличевский 2008: 146].*

По мнению автора, этические вопросы во времена исторических событий еще больше усугубляются. Государство забывает о нравственности и утрачивает осознание высшего смысла в назначении человека: *...Королеву становилось страшно, что в том-то и суть: тьма общего положения основывалась тем, что даже краткое увеличение дохода ни на что не могло повлиять. Ничего не могло принести избавления от рабства, не говоря уже о рабстве метафизическом: благосостояние не возбуждало в себе отклика, оно оставалось глухо к усилиям. Следовательно, не могло воз-*

никнуть стимула к улучшению ситуации, общество взяло в тупике, ни о каком среднем классе речи быть не могло, следовательно, вокруг царствовало не что иное, как рабство [Иличевский 2008: 198—199]. Герой Иличевского осознает свое бессилие и понимает, что ничего не может сделать: *Ничего нельзя было поправить в нравственном хламе, поглотившем жизнь. Ничего нельзя было поделаться с дебрями колючей проволоки прошлого, полонившего однообразное будущее* [Иличевский 2008: 198].

В связи с этим всплывают в памяти «вечные вопросы»: личность и свобода, человек и государство, которые поднимал в своей политической философии крупнейший русский философ XX в. Н. А. Бердяев. Его называли «русским Гегелем XX века», «одним из величайших философов и пророков нашего времени», «одним из универсальных людей XX века». Тема государства у Бердяева переплетена с проблемами человека, свободы, добра, зла и нравственности. Он полагал, что свобода, права личности — основополагающие ценности жизни — даются ему свыше. Эти абсолютные идеи имеют внечеловеческий и внеисторический религиозный характер. Выше человека может стоять только Бог, лишь христианские ценности (и только они) могут гарантировать свободу личности. Идею государства Бердяев тесно связывал с религией. Он был убежден, что происхождение государства не объяснимо рационалистическими причинами, оно всегда имеет иррациональную, мистическую основу. Государство действует в греховном мире и потому тесно связано со злом. Но само по себе государство, определяемое свыше, не есть зло, но может им стать, если будет забыта или отвергнута его религиозная основа. «Государство, — подчеркивал Бердяев, — должно быть сильным, но должно знать свои границы» [Санжаревский 2010].

В суждениях героя Иличевского, Леонида Королева, звучит мысль о том, что будущее можно обрести только путем самопознания, познания своего истинного я: *...догадывался, наконец, что будущего не существует потому, что человек перестал себя понимать, не справляется с собой. Что он перестал быть производной коллективной междоусобицы. Что его отняли от пуповины родины* [Иличевский 2008: 144]. Следом герой отмечает, что будущее время должно было состоять не из прошлого, а из выбора прошлого, его осмысления, собранного по точкам создающего отчуждения. Так пространство состоит не из протяженностей, а из выбора окрестностей чувств, его взрывающих творе-

нием [Иличевский 2008: 144]. Однако автор убежден, что только *внутренний бунт* поможет обрести гармонию между прошлым и будущим, между личностью и обществом, личностью и окружающим миром: *...бунт внешний ничего не даст. Бунт должен быть внутренним, чтобы мозг засветился. Потому что только тогда у нас появится шанс стать собственными детьми, когда мы решимся стать иными* [Иличевский 2008: 346].

Несмотря на распад советской системы, а следовательно, «выпадение» из привычного уклада жизни, герой всё же пробует найти свой путь дальнейшего развития, свои цели, идеалы. Чтобы лучше себя понять, герой решает подумать вслух. Королев ощущал, что при говорении вслух он начинает иначе мыслить: *Никогда он не разговаривал сам с собой, но сейчас ему очень важно было слышать себя. Собственный голос успокаивал, выводил из цикла бешеных скачков вокруг одной и той же мысли об окончательной утрате жизни. <...> А что, неужели не выберешь? Надо что-то делать, куда-то идти, как-то спастись. Уехать за границу? <...> Но откуда я возьму деньги на билет? А потом — что я там буду делать? Вот так же бомжевать, как я бомжую здесь?* [Иличевский 2008: 335—336]. Герой Иличевского чувствует, осознает, что без родины он жить не сможет: *...кто ты такой без родины? Но очевидно — в Москве оставаться нельзя. Москва место негигиеничное, хотя бы. И потом, что человеку нужно? Место, где спать? Спать всего лучше на земле. Что-нибудь покушать? Земля накормит, если надо будет. Отступить некуда, но за спиной вся прекрасная наша страна — вот в нее мы и отступим, не пропадем. Отсюда вывод: идти надо в землю, собой удобрить ее, по крайней мере...* [Иличевский 2008: 336].

Мир, который сконструирован сознанием главного героя Королева, антитетичен: это лабиринт, человеческий социум, — и пространство свободы. Свободы от всего, придуманного и неписаного узаконенного человеком. Королев бросает вызов — непублично, без эпатажа, без деклараций — тем нормам, которые сковали человека, его свободу ритмоорганизующими, мифологизированными, как бы раз и навсегда данными ходами-путями-способами проживания. И он из Королева становится *Королем* — в своем царстве: просто на земле, просто среди природы [Шафранская 2008: 38].

Главный персонаж Иличевского приходит к выводу, что мир природы имеет больше смысла, красоты, значимости, чем мир

людей. Мелькнувшая вначале структура снежинок, безукоризненно строгая и чистая, принесенная из многокилометровой вышины, возносила его над городом... туда, где звезды тонули в седой косматой шкуре зверя, задавившего город... [Иличевский 2008: 7]. Королев подумал, что неживое приличнее человеческого, что в строгом устройстве крохотного кристалла больше смысла, красоты, чего-то значимого, что объяснило бы ему, ради чего он живет, — чем в прорве людского, переполнившего этот город [Иличевский 2008: 8].

Королев совершает «великий уход», выбирает альтернативный, асоциальный путь, разновидность эскапизма. Путешествие, которое совершает герой Иличевского, связано с символикой движения как стремлением к Абсолюту, постижением высшего смысла бытия, самосовершенствованием. Для автора важен не сам факт путешествия, а его смысл и цель, духовная наполненность странствий героя. Герой осознает важность «эстетического» пути: только путем «чувственности» можно понять мир. Поэтому персонаж избирает путь странника, чтобы в полной мере почувствовать окружающий мир.

В одном интервью А. Иличевский так объясняет предпочтения героя: *Вообще почвеннические устремления мне более или менее свойственны. Потому, так или иначе, мне симпатична склонность человека к природе, его стремление к растениям и животным, к микромиру. В романе „Матисс“ герой решает, что сейчас в стране Бога больше там, где меньше человека* [Решетников 2010].

Леонид Королев осмысляет себя как личность не только с физической точки зрения, но и с духовной. Автор романа затрагивает тему духовной эволюции героя. Одну из основных задач этой эволюции Иличевский видит в преодолении и освобождении главного героя от внушенных обществом стереотипов массовой культуры: нужно ориентироваться не на общепринятые социальные нормы, а на нормы, установленные Богом, стать отрешенным от человеческих слабостей — гордыни, самолюбия, ненависти, злости, скупости, обмана, враждебности, зависти, высокомерия, лести и других порочных качеств. Таким представляется герой путь интенсивной духовной работы. *Королев вытвердил святого Антония: „Душевные силы тогда бывают крепки, когда ослабевают телесные удовольствия“ — и для входа в бродяжничество начал тренироваться: голодать и бегать* [Иличевский 2008: 247]; *...штудировал „Путешествие Иегуды Авитара“... <...> ...Образ Авитара*

служил Королеву подспорьем, часто единственным. <...> Авитар, в своих прозрениях описывая различные стадии мистического соединения с Богом, внушил Королеву две простые мысли. Первая заключалась в том, что отказ от себя — погружение в „пропасть абсолютной бедности“ растворит личность в Боге. Вторая мысль была не простым усилением первой: поскольку всякая любовь, в том числе и любовь к Богу — эгоистична, то ради истинной любви к Богу следует избавиться от самой любви [Иличевский 2008: 248—250].

По мнению автора, сохранить и развить лучшие духовные качества человека может природа (ландшафт): *...если человека в нашей стране лишит всего, если обрубить, попать все на свете, то ему что останется? Ему останется — ландшафт. И если этот человек сумеет себя, свою душу в этом ландшафте взрастить, то он будет себя замечательно чувствовать и останется человеком* [Данилкин 2007]. Королев, мотаясь по городу, часто любил воображать, как *...сидит на берегу реки, солнечные блики греют щеку; гремят, брызгают в траве и щелкочут кузнечики — роса вечерняя напоит дыхание, медовый свет заструится на закате меж соснами, озарив с теневой стороны стволов матово-прозрачную шелуху; ночью лес вскрикнет очнувшейся птицей, — она слетит, спросонья не сразу ухватится за ветку, снова вскрикнет слабее: „А-а-а-а“* [Иличевский 2008: 200—201].

Из всего сказанного напрашиваются выводы: несмотря на крушение основ массового сознания, последовавшее за распадом СССР, герой Иличевского удержался на плаву, нашел в себе основания для жизни, ее осмысленности: *«...В конце романа герой остался жив — это неплохой диагноз нашему поколению»* [ДР 2007]. В сознании Королева и осознании им жизненного пространства главным теперь является не политическое, социальное пространство, а духовное. Как бы достигнув возраста инициации (пусть и запоздало) — периода, когда герой стоит перед выбором пути, — Королев вдруг понял, что хотел бы кочевать, бродить по городам и весям. *Королев ...взял направление на солнце. Прикинув, что суммарное направление зигзагов, которые светило, следуя восходам и закатам, выпишет его телом, — приведет его в верном направлении, он уже сточил темп хода. <...> ...Он ринулся дальше — вперед, за клонящимся к горизонту солнцем. За солнцем, впряженным в будущее, за весной, за хмелящим запахом отогретой земли, теперь врывава-*

шимся ему в ноздри [Иличевский 2008: 437—438]. Путь, который избирает Леонид Королев, приведет его к более высоким достижениям духовного развития. *Озаренный... он сидел на лежанке и свободно думал о проблеме осиянности: незримой очеловеченности пейзажа. О том, что по ту сторону все же есть Бог* [Иличевский 2008: 428].

А. Иличевский, будучи свидетелем драматических потрясений, фиксирует в художественном дискурсе травматическую смену эпох, предлагает рецепцию относительно недавних событий на примере судьбы персонажа Королева, который с вызовом, нестандартно распорядился своей биографией.

ЛИТЕРАТУРА

1. Данилкин Л. Площадь Иличевского. 2007. URL: <http://www.club366.ru/articles/ilichevskii.shtml>.

2. ДР 2007 = Александр Иличевский стал победителем литературной премии «Русский Буккер» за 2007 год // Домашние ремесла : сайт. URL: <http://www.domaschnie-remesla.ru/dr/newremesla1315.html>.

3. Иличевский А. Матисс : роман. — М. : Время, 2008.

4. Решетников К. После Толстого стыдно писать слабее. 2010. URL: <http://www.vz.ru/culture/2010/7/7/416506.html>.

5. Санжаревский И. И. Бердяев Николай // Политическая наука : словарь-справочник. 2010. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/politology/432/%D0%91%D0%B5%D1%80%D0%B4%D1%8F%D0%B5%D0%B2>].

6. Шафранская Э. Ф. Роман Александра Иличевского «Матисс» // Русская словесность. 2008. № 4. С. 37—40.

7. Litkritik. Внимательное чтение современной литературы: А. Иличевский. Матисс. URL: <http://litkritik.livejournal.com/555.html>.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук Э. Ф. Шафранская

Н. Г. Юзефович N. G. Yuzefovich
Хабаровск, Россия Khabarovsk, Russia

**СУБСТРАТ
«ИДЕОЛОГИЯ КОЛЛЕКТИВИЗМА»
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЭЙН РЭНД**

**“COLLECTIVISM IDEOLOGY”
SUBSTRATE IN AYN RAND’S VIEW**

Аннотация. Представлена философская концепция Эйн Рэнд, формировавшаяся на ее личном восприятии советской идеологии, точнее, субстрата «идеология коллективизма», синонимичного, по мнению писательницы, диктатуре и препятствующей развитию личности. В романах Эйн Рэнд утверждается значимость индивидуальности, права выбора и самореализации, а тем самым и самоуважения, — всего того, что не может раскрыться в обществе с идеологией коллективизма.

Abstract. The paper is focused on the philosophical fiction of a Russian immigrant writer Ayn Rand, a creator of one of the most influential philosophical concepts of our time in the USA. She is for the development of individual rights for the sake of a human being not for the sake of the state. Substrate “collectivism ideology” is the embodiment of the state, dictatorship and is against a human being as it deprives a personality of the right to choose. Unknown to the readers in her mother country for so many years she is now one of the most controversial writers in Russia. Both the younger generation, who do not know much about Soviet ideals, and business people, entrepreneurs share her view on the relation of a human being and the state while others are convinced that she just hates communism. I argue that her books are not about hatred but about love of individual rights, self-respect and freedom to choose.

Ключевые слова: (лингвокультурный) субстрат; индивидуальность; личность; право выбора; идеология.

Key words: substrate; ideology; individualism; a human being; the right to choose.

Сведения об авторе: Юзефович Наталья Григорьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, Институт лингвистики и межкультурной коммуникации.

About the author: Natalia Grigorievna Yuzefovich, Candidate of Philology, Assistant Professor of the Chair of English Philology, Institute of Linguistics and Cross-Cultural Communication.

Место работы: Дальневосточный государственный гуманитарный университет.

Place of employment: Far Eastern State University for the Humanities.

Контактная информация: 680000, г. Хабаровск, ул. Карла Маркса, 68.
e-mail: nataliayuzefovich@rambler.ru.

Межкультурный политический диалог в глобальном мире актуализируется не только в официальном политическом дискурсе, но и в беллетристике, публицистике и т. п., где особое внимание уделено сохранению лингвокультурного субстрата средствами иного (относительно субстрата) языка общения. Произведения такого типа исследователи русскоязычной национальной литературы называют субстратной: они актуализируют традиции «национальной литературы на заимствованном литературном языке, при которой национальное не только помещено, но и растворено в литературном тексте» [Хугаев 2010: 173].

В зарубежной лингвистике говорят о «литературных гибридах», «лингвистических мигрантах» или «транслингвальных писателях». Все эти термины во многом совпадают семантически, выделяя той или иной аспект произведений, написанных билингвами на языке, который не является для них родным. Писатели бывших колоний, а также мигран-

ты испытывают потребность описать свои чувства в новой среде и осмыслить родную лингвокультуру через призму другой, осознать новую ментальность. Англоязычные произведения сингапурских, индийских и других авторов (постколониальная литература), писателей китайского, японского, русского, иного происхождения становятся всё более популярными.

Средством инолингвокультурной этнической идентификации, ее «голосом» может быть любой язык. Современный межкультурный политический диалог представлен не только англоязычной (O. Grushin, E. Litman, G. Shteygart), но и немецкоязычной (W. Kammer), франкоязычной (A. Makine) литературой авторов русского происхождения, национальной русскоязычной литературой (Ч. Айтматов, О. Вициетис, С. Капутикян, Г. Бельгер) и др.

В контексте межкультурного политического диалога интерес представляют такие произведения писателей-билингвов, в которых основное внимание уделено идентифи-

кации родной культуры средствами другого языка. Лингвокультурный субстрат может быть актуализирован как номинациями культурно специфических предметов, так и стилистическими особенностями; идеологические воззрения способствуют созданию так называемой атмосферы эмоционального содержания. Субстрат может включать эмоциональный компонент, характеризующийся динамичностью, изменчивостью, зависящей «от созданной контекстом фиксированной установки» [Джваршейшвили 1984: 61].

В этом смысле особый интерес представляют произведения Айн Рэнд (настоящее имя — Алиса Розенбаум), эмигрировавшей из советской России в Америку в 1926 г. и ставшей для многих американцев идеологом, провозглашающим право личности на реализацию своих возможностей, и «самым влиятельным иммигрантом из России» [Somin 2009]. Радио «Голос Америки» подчеркивает: «Рэнд оказала огромное влияние на общество и капитализм и, возможно, сделала больше для разрушения Берлинской стены, чем все политики и бюрократы мира вместе взятые» [Дубинская 2012].

The Ayn Rand Institute (Институт Э. Рэнд) в Нью-Йорке проводит лекции и семинары, посвященные анализу ее работ, выпускает периодические издания, книги, документальные фильмы и записи ее лекций и интервью. Э. Рэнд обращается к интеллектуалам и миру бизнеса, предпринимателям. Именно последние составляют основной контингент ее читателей в России. Характерно, что в нашей стране писательница известна благодаря Ассоциации бизнесменов Санкт-Петербурга, которая с 2003 г. издает ее книги на русском языке; опубликованы следующие произведения: *Мы — живые* (*We the Living*, 1936), *Гимн* (*Anthem*, 1937), *Атлант расправил плечи* (*Atlas Shrugged*, 1957), *Лексикон Эйн Рэнд. Объективизм от А до Z* (*The Ayn Rand Lexicon. Objectivism from A to Z*, 1986) и др.

Биографы точно не знают, почему сочинительница выбрала псевдоним Rand, но он точно не связан, вопреки утверждениям на многих сайтах, с названием компании Remington-Rand, выпускающей пишущие машинки. Слияние компаний Remington и Rand произошло в 1927 г., а фамилией Rand подписывались письма родным уже в 1925 г. [The Ayn Rand Institute 2012].

Философская концепция писательницы сформулирована в произведениях *Capitalism: The Unknown Ideal* (1966), *Philosophy: Who Needs It* (1982) и других, в мини-энциклопедии основных терминов объективизма, созданной по предложению редакторов и опубликованной после ее смерти под

названием *The Ayn Rand Lexicon. Objectivism from A to Z*. [Binswanger 1986]. Однако основы ее концепции фактически актуализируются уже в первых художественных произведениях, отражающих личное восприятие жизни в советской России, идеологии коллективизма, которую она не смогла принять. Э. Рэнд показывает лицемерие общества, его давление и губительное воздействие на человека, отсутствие свободы выбора, которое ломает судьбы и жизни, и то, что экономический государственный тоталитаризм разрушает экономику.

Одна из проблем, которую пытаются разрешить писатели-билингвы — интерференция менталитета, идеологии, языковой картины мира родной культуры при попытке описать ее средствами другого языка; как правило, доминирующее воздействие оказывает именно родная лингвокультура. Однако Э. Рэнд, в отличие от многих билингвальных писателей, писала на языке близкой ей по духу лингвокультуры, которую она безоговорочно приняла: *I am an American by choice and conviction / Я стала американкой добровольно и по убеждениям*. В текстовом мире своих художественных произведений она создает когнитивное пространство, актуализирующее лингвокультурный субстрат родной по рождению, но чуждой по духу культуры — субстрат «идеологии коллективизма», который противопоставлен родному по духу субстрату «идеологии объективизма».

В отличие от традиционных в транслингвальной и субстратной литературе приемов (транслитерации, калькирования), субстрат «идеологии коллективизма» актуализируется не столько прямыми номинациями, сколько поступками персонажей. Важно то, что концепты «советская идеология», «коллектив» и «диктатура» представлены не как национально-специфические, но как универсальные феномены.

Напомню, что одним из клише того времени был лозунг «Коллектив всегда прав», подчеркивалось, что буржуазное общество ограничивает свободу человека, в то время как при социализме возможно широкое социальное творчество, «под которым классики марксизма понимали активную деятельность широких трудящихся масс, свободно и сознательно строящих новую жизнь» [Предисловие 1973: 10]. Фамилия автора предисловия к сборнику работ Ч. П. Сноу не указана намеренно, поскольку возможно, что в постсоветский период его взгляды изменились, но в советскую эпоху это было единодушное мнение «широких трудящихся масс», сформулированное марксистско-ленинской идеологией, и думать иначе было нельзя.

Герои романов Э. Рэнд, принимая решения, делают выбор исходя в первую очередь из своих индивидуальных возможностей и желаний, противопоставляя себя тем самым коллективу. Они своего рода антиподы идеологии коллективизма. Субстрат «идеологии коллективизма» актуализируется концептами «государство», «коллектив», «альтруизм» и «диктатура». Субстрат «философии объективизма» актуализируется концептами «индивидуальность» и «эго».

Чтобы понять произведения и философию Э. Рэнд, рассмотрим концепты *individualism* и *ego* в их естественном англоязычном контексте.

Individualism — «1) the habit or principle of being independent and self-reliant; self-centred feeling or conduct; egoism; 2) a social theory favouring freedom of action for individuals over collective or state control» [Oxford Dictionary].

На первом месте в приведенном выше определении — понятие «независимость» (being independent) и «самостоятельность» (being self-reliant). Во втором значении слово выступает названием социальной концепции, провозглашающей значимость права человека на свободу действий, которое выше контроля государства над выбором человека (данное значение русскоязычный толковый словарь не фиксирует).

В русскокультурной картине мира на первое место при толковании соответствующего слова выдвигается негативная эмотивность («выше интересов общества», т. е. против коллектива): *индивидуализм* — «1. Нравственный принцип, ставящий интересы отдельной личности выше интересов общества. 2. Стремление к выражению своей личности, своей индивидуальности» [Ожегов, Шведова 1994].

Individualism в концепции Э. Рэнд более соответствует понятию *индивидуальность*, которое определяется следующим образом: «1. Особенности характера и психического склада, отличающие одного индивидуума от других. 2. Человек как обладатель присущих только ему черт характера, индивидуальных особенностей; личность» [Ефремова 2006].

Концепт «эго» не вербализован русским языком как самостоятельное слово. Это «начальная часть сложных слов, вносящая значение направленности на собственное „я“ (эгоцентризм, эгоцентрист, эгоцентрический и т. п.)» [Там же], т. е. слов, характеризующихся пейоративностью.

В английской картине мира на первом плане находится положительный компонент (*self-esteem*): *ego* — «a person's sense of self-esteem or self-importance» [Oxford Dictionary]. Обращает на себя внимание первоочеред-

ность «самоуважения» (*self-esteem*, confidence in one's own worth or abilities, self-respect). Негативная характеристика *self-importance* (большое самомнение) стоит на втором месте.

Концептуальное содержание этого понятия дополняется иллюстративным примером, подчеркивающим значимость «эго» для человека: *эго должно быть выше / he needed a boost to his ego* [Там же].

Разница в толковании англоязычных ключевых слов и их традиционных переводческих вариантов существенна, и это не позволяет читателю, не владеющему английским языком, в полной мере понять концепцию объективизма.

Обратимся к актуализации субстрата в романах *We The Living*, *Anthem* и *Atlas Shrugged*.

We The Living (в русском переводе «Мы — живые») — первый роман, отрицающий идеи коллективизма. Он был написан в 1933 г., в период *Red Decade*, т. е. популярности социализма в Америке [Peikoff 1995: VIII], поэтому книгу удалось опубликовать только в 1936 г., а известность пришла через год после издания произведения в Англии, Дании, Италии.

В предисловии к юбилейному изданию рассказывается о том, что этот роман — ответ на просьбу соотечественников рассказать о жизни в России, где «мы все умираем»: A young Russian had said to her at a party in 1926, just before she left for America: “When you get there, tell them that Russia is a huge cemetery and that we are all dying” *We The Living* told them [Там же, V]. Вероятно, именно последняя фраза подсказала и название романа: *living* (*живые*) с антитезой *dying* (*умирающие*) — выражение протеста против подавления свободы, не совместимого с жизнью.

Уже в 12 лет, узнав, что коммунизм провозглашает принцип *Man must exist for the sake of the State* (человек должен жить ради блага государства), писательница его отвергает. Именно это утверждение в первую очередь актуализировало субстрат «идеологии коллективизма», и именно в этом причина неприятия сочинительницей коммунизма: *I perceived that this principle was evil [...] This was the reason for my opposition to Communism then — and it is my reason now* [Rand. Foreword 1958: XV].

Роман интеллектуально автобиографичен, это «автобиография идеи». Именно в этом смысле можно поставить знак равенства между Э. Рэнд и Кирой (главной героиней): *The particulars of Kira's story were not mine; I did not study engineering, as she did — I studied history; I did not want to build brid-*

ges — *I wanted to write; her physical appearance bears no resemblance to mine. Neither does her family. The specific events of Kira's life were not mine; her ideas, her convictions, her values were and are* [Там же, XVII]. Биографические детали жизни Киры другие, иная внешность, семья, но Кира воплощает идеи, убеждения и ценности самой Э. Рэнд. Прежде всего это протест против давления общества на человека, тотального руководства образом жизни, ценностями, желаниями и пр. Лингвокультурный субстрат «идеологии коллективизма» требовал подчинения коллективу, а не развития индивидуальности. Кира хочет стать инженером и строить мосты, но не потому что это распоряжение государства, — это ее мечта: *All Red students join some kind of social activity. I'm organizing a Marxist Circle [...] to learn the proper proletarian ideology, which we'll all need when we go out into the world to serve the Proletarian State, since that's what we're all studying for, isn't it?* “*Did it ever occur to you,*” asked Kira, “*that I may be here for the very unusual, unnatural reason of wanting to learn a work I like only because I like it?*” [Rand 1995: 70]. / „Все красные студенты несут ту или иную общественную нагрузку. Я организую марксистский кружок, <...> чтобы изучать настоящую пролетарскую идеологию, которая нам пригодится, когда мы пойдем в мир и будем служить пролетарскому государству. Ведь для этого все мы и учимся, не так ли?“ „А тебе не приходила в голову такая мысль, — начала Кира, — что я, может быть, здесь по очень необычной причине? Я хочу научиться делу, которое мне нравится, и только потому, что оно мне нравится“ [Рэнд 1993: 76].

В приведенном выше отрывке субстрат «идеологии коллективизма» актуализируется на вербальном уровне кальками политического лексикона, которые произносит «красная студентка»: *Red students, a Marxist Circle, proletarian ideology, to serve the Proletarian State*. Позиция автора (неприятие субстрата) проявляется в ответе Киры, лишенном каких-либо политических терминов, но выражающем ее желание — *unnatural reason of wanting to learn a work I like only because I like it*.

Если быть объективным и не искать в работах Э. Рэнд ненависти к коммунизму, можно ли утверждать, что мечта Киры противоречит потребностям общества? Она пытается делать то, что ей по душе, однако проявление искренних чувств вступает в конфликт с принципом коллективизма.

Основная тема романа — священность человеческой жизни, *священность* не в мис-

тическом смысле, но в смысле *величайшей ценности*: *We the Living is not a story “about Soviet Russia”. It is a novel about Man against the State. Its basic theme is the sanctity of human life — using the word “sanctity” not in a mystical sense, but in the sense of “supreme value”* [Rand. Foreword 1958: XIII].

Раскрывая субстрат «идеологии коллективизма» в романе как подавление личности государством, отрицающим право на индивидуальность, Э. Рэнд подталкивает читателя к выводу о том, что такая идеология синонимична диктатуре: *We The Living is not a story about Soviet Russia in 1925. It is a story about Dictatorship, any dictatorship, anywhere at any time, whether it be Soviet Russia, Nazi Germany, or — or which this novel might do its share in helping to prevent — a socialist America* [Там же, XV]. Э. Рэнд пытается показать, что субстрат «идеологии коллективизма» может актуализироваться в любой стране, не только в России 1925 г.: *Это история любой Диктатуры любой эпохи, в советской России ли, в нацистской Германии, или в социалистической Америке, образование которой роман, возможно, поможет предотвратить*.

Это роман и о партийной элите, лицемерно провозглашающей лозунги, которым сама не следует, и о тех, кто искренне поверил в идеалы революции, не жалея себя строил новую жизнь, но, осознав ложность провозглашаемых лозунгов, ушел из жизни, добровольно пожертвовав собой ради государства.

Те читатели, кто помнят советскую эпоху, легко узнают знакомые лозунги, в которых актуализируется субстрат «идеологии коллективизма»: “*Toil, comrade,*” he said, “*is the highest aim of our lives. Who does not toil, shall not eat*”. <...> “*The Soviet State recognizes no life but that of a social class*” [Rand 1995: 51; 166]. / «Труд, товарищ, — сказал он, — это. Кто не работает, тот не ест». <...> «...нет другой личной жизни, кроме классовый борьбы» [Рэнд 1993: 52; 168].

Субстрат вербализуется калькированием клише: *кто не работает, тот не ест, классовая борьба, высочайшая цель жизни*. Все эти лозунги требовали подчинения государству, которое было заинтересовано только в «достижении общего блага» как «высочайшей цели жизни», а не в развитии личности.

Метафоричность романа подтвердилась во время Второй мировой войны, когда итальянская киностудия без ведома автора экранизировала *We the Living*; фильм имел успех, потому что зрители поняли, против чего он направлен (антидиктаторскую идею). Только спустя пять месяцев правительство

Муссолини осознал, что фильм является протестом не только против коммунизма, но и против фашистской диктатуры, и запретило его показ. Через двадцать лет фильм восстановили, и он вышел в прокат в 1986 г., спустя четыре года после смерти писательницы.

Роман *Anthem* (Гимн), написанный в 1937 г., сначала был опубликован в Англии, и лишь в 1946 г. в виде памфлета в Америке. Первую полную публикацию в Америке издательство «Caxton Press» (Caldwell, Idaho) осуществило в 1953 г., а в 1999 г. было выпущено 12-е издание. Критики назвали это произведение стихотворением в прозе (*prose poem*), восхищаясь его стилистикой. Был вынесен следующий вердикт: *...каждый думающий американец должен его прочесть / Anthem is one of the most beautiful prose poems ever written. It is written with such power and sincerity and beauty that every thinking American should read it* (Ruth Alexander).

Субстрат «идеологии коллективизма», обезличивающей человека, уничтожающей его как личность, актуализируется в романе в первую очередь употреблением концепта «диктатура». У персонажей нет имен, главный герой, Equality 7-2521, не осознает своего «I», он только «we», и он проклят, потому что отличается от других ростом, телом, но ничего не может с этим поделать: *Наше имя Равенство 7-2521 / Our name is Equality 7-2521 <...>. We are six feet tall, and this is a burden, for there are not many men who are six feet tall. <...> We were born with a curse* [Rand 1999: 18].

Идеологическое воздействие романа усиливается местоимениями множественного числа *our, we*, способствующими актуализации лингвокультурного субстрата «идеологии коллективизма». Однако по сути они означают «я», речь идет об одном человеке; сказать о себе «я» нельзя, это подчеркивает независимость личности от коллектива, а значит, противоречит идеологии коллективизма.

Невольно герой нарушил закон коллективизма *думать как все и выглядеть как все: We strive to be like all our brother men, for all men must be alike. Over the portals of the Palace of the World Council, there are words cut in the marble, which we repeat to ourselves whenever we are tempted: "We are one in all and all in one.*

there are no men but only the great WE, One, indivisible and forever" [Там же: 19].

Метафоричность романа *Anthem* проявляется в символике самого названия: это гимн индивидуальности, «эго». Субстрат «идеологии коллективизма» концептуально соотносится с религией, обе подчиняют человека, препятствуют его развитию: *"You*

have worked on this alone?" asked International 1-5537. "Yes", we answered. "What is not done collectively cannot be good" said International 1-5537 [Там же: 73].

Субстрату «идеологии коллективизма» противопоставлен субстрат «идеологии индивидуальности», который, по мнению автора, не свойственен диктатуре, а проявляется только в свободном от давления власти обществе.

Anthem оптимистичен, сила духа индивидуума побеждает, Equality 7-2521 находит себя: у него есть любимая, сыновья и друзья, и с ними он построит новый свободный мир для Человека, знамя которого, слава и смысл которого — ЭГО: *Here, on this mountain, I and my sons and my chosen friends shall build our new land <...> and my home will become the capital of a world where each man will be free to exist for his own sake.*

For the coming of that day shall I fight, I and my sons and my chosen friends. For the freedom of Man. For his life. For his honor. And here <...> I shall cut in the stone the word which is to be my beaker and my banner. The word which can never die on this earth, for it is the heart of it and the meaning and the glory.

The sacred word: EGO [Там же: 104 — 105].

Anthem, так же, как и *Atlas Shrugged*, перекликается с антиутопиями, ср.: А. Хаксли. *Brave New World*. Г. Орвелл *Nineteen Eighty Four*. Е. Замятин. *Мы*.

Наиболее полно противостояние лингвокультурных субстратов «идеологии коллективизма» и «идеологии индивидуальности» выражено в самом значительном романе — *Atlas Shrugged* (*Атлант расправил плечи*, 1957). Описываемые события происходят не в России, как в *We the Living*, и, в отличие от антиутопии *Anthem*, действующие лица — это люди с именами. Правда, вряд ли местом действия можно однозначно назвать Америку. Творят историю, в том числе экономик, не массы, как нас учили в советской школе, прогресс не может осуществляться без личности, которой в романе является John Galt. В произведении актуализируется концепт «альтруизм», который является важной составляющей идеологии коллективизма, но препятствует развитию индивидуальности. Главный герой выступает против альтруизма, однако и сам ни у кого ничего не просит: человек должен сам отвечать за себя, в этом суть самоуважения (*self-esteem, ego*).

Как считают критики, самая забавная, но мудрая оценка романа *Atlas Shrugged* принадлежит Дж. Роджерсу (John Rogers), сценаристу и сатирику: *Два романа могут изменить жизнь 14-летних, это The Lord of*

the Rings и *Atlas Shrugged*. / *One is a childish fantasy that often engenders a lifelong obsession with its unbelievable heroes, leading to an emotionally stunted, socially crippled adulthood, unable to deal with the real world. The other, of course, involves orcs* [Crooks 2011].

Atlas Shrugged, философский манифест индивидуальности и протест против коллективизма, — самое значимое по силе воздействия на ментальность читателя произведение Э. Рэнда: «В 1991 г. Библиотека конгресса США провела опрос среди своих читателей с целью выявить книги, которые оказали наибольшее влияние на их жизнь. Библия возглавила список; следом за ней — „Атлант расправил плечи“» [Гвоздев, Костыгин 2003: 9]. / *When asked in a 1991 survey by the Library of Congress and the Book-of-the-Month Club what the most influential book in the respondent's life was, Rand's Atlas Shrugged was the second most popular choice, after the Bible. Readers polled in 1998 and 1999 by Modern Library placed four of her books on the 100 Best Novels list (Atlas Shrugged, The Fountainhead, Anthem, and We the Living were in first, second, seventh, and eighth place, respectively)* [Timeline 1991].

Речь-манифест Джона Голта (John Galt), написание которой потребовалось два года, вошла в мини-энциклопедию *The Ayn Rand Lexicon. Objectivism from A to Z*.

Экономический кризис XXI в., охвативший практически весь мир, по мнению многих американцев, подтвердил значимость личности в решении сложных вопросов. Государство (коллектив) может обвинять предпринимателей и «свободный рынок», но решить экономические проблемы силой своей власти не может, а последствия при этом такие же разрушительные, как в романе: «The similarities to today are striking. Since the start of our current crisis, we've been told that the free market and "greedy" businessmen are to blame, and that the only solution is to hand progressively more power over to the government. We're hearing the same charges, and seeing the same policies, with the same destructive consequences that Rand wrote about more than half a century ago. Anyone who understands how the government's "affordable housing" crusade led to an orgy of subprime lending can appreciate Rand's foresight» [Biddle 2009].

Субстрат «идеологии коллективизма» актуализируется в том числе с помощью клише, например *внутренние враги, внешние враги: Internal enemies can be as great a danger to the people as external ones. Perhaps greater* [Rand 1992: 760]. Противостоять врагам может только коллектив, т. е. государство. Слово *народный* в названиях различных

структур, государств и институтов формально подчеркивает то, что «всё принадлежит народу», всё решает человек, однако фактически право голоса имел только коллектив, а точнее государство: *People's State of Mexico, People's State of Chile, South American People's States, People's Opera Company*.

По мнению Э. Рэнда, предназначение государства не в том, чтобы контролировать жизнь индивида, а в том, чтобы его защищать: *The only purpose of a government is to protect man's rights, which means: to protect him from physical violence. [...] The only proper functions of a government are: the police, to protect you from criminals; the army, to protect you from foreign invaders; and the courts, to protect your property and contracts from breach or fraud by others, to settle disputes by rational rules, according to objective law* [Rand 1992: 977]. Разве это противоречит мнению мыслящих людей, в том числе и россиян?

Популярность Э. Рэнда в США объяснима: она выступает за права личности (но не за коллективизм) и за свободу выбора — именно на этих устоях создавалась страна. Чтобы добиться успеха в жизни, нужно получать знания (*gain knowledge*), провозглашает Э. Рэнд: *Man cannot survive except by gaining knowledge, and reason is his only means to gain it* [Rand 1992: 934].

Наша страна давно уже не монолитна, как в советский период; «широкие массы трудящихся» разделились на тех, кто делает что-то, и тех, кто не желает учиться принимать решения и действовать, считая, что кто-то должен делать всё за них: *The purpose of my ability, the said, was to serve the needs of those who were less able* [Rand 1992: 963].

Практика жизни нашего общества показала, что коллектив не всегда прав, и что творцом истории является личность, а не массы. Плановая экономика в свое время не способствовала предпринимательству, решения спускались сверху, не надо было думать, и, к сожалению, «учить думать» до сих пор не является основной задачей всех преподавателей. Если студенты не задают вопросов, их легче учить, можно десятилетиями читать одни и те же книги, диктовать одни и те же лекции, что в концепции Э. Рэнда жизнью не является: *Man's mind is his basic tool of survival. [...] To remain alive, he must act, and before he can act he must know the nature and purpose of his action. <...> To remain alive, he must think*. [Rand 1992: 930].

Писательница подчеркивает порочность идеология коллективизма, который не способствует развитию мысли: *To think is an act of choice. <...>. Reason does not work automatically; thinking is not a mechanical process;*

the connections of logic are not made by instinct. <...>. But you are not free to escape from your nature, from the fact that reason is your means of survival — so that for you, who are a human being, the question 'to be or not to be' is the question 'to think or not to think' [Rand 1992: 930].

В субстрате «идеологии коллективизма» акцентируется то, что мнение индивидуума никого не интересует, думать не надо. Субстрат «идеологии индивидуализма» в философии объективизма утверждает значимость умения «думать», которому можно научиться, но для этого нужно захотеть учиться; *думать* — это выбор, умение мыслить не механическое, оно подчиняется воле человека.

Естественно, что отношение к Э. Рэнд в России неоднозначно: сам факт ее эмиграции в Америку, по мнению некоторых читателей, свидетельствует «против» нее, другие же поражены ее современностью и своевременностью: «Стиль Рэнд блестящ и афористичен. Все эссе — словно из сегодняшней (и даже завтрашней) газеты. Но написаны они сорок лет назад» [Дейниченко 2003].

Жанр ее прозы можно охарактеризовать термином «политическая фантастика» (*political science fiction*) — так Р. Конкуэст (Robert Conquest) назвал романы Г. Оруэлла (G. Orwell) «Скотный двор» (*Animal Farm*) и «1984» (*Nineteen Eighty Four*) [Conquest 2005: 129]. Точнее, пожалуй, будет термин «сатирическая политическая фантастика».

В контексте актуализации лингвокультурного субстрата «идеологии коллективизма» наиболее ярко звучит утверждение значимости индивидуальности, личности в противодействии коллективу, препятствующему, по мнению Э. Рэнд, развитию личности, ее творческих способностей, самоуважения.

Главное достоинство философской концепции писательницы именно в том, что она верит в торжество и величие индивида и учит «людей не растворяться покорно в массе, смелее использовать свои ресурсы, настаивать на своем, идя против течения» [Кустарев 2005]. Произведения Э. Рэнд кого-то раздражают, у других вызывает восхищение, но тот факт, что отношение к ней неоднозначное, говорит о том, что она заставляет нас думать.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гвоздев Е., Костыгин Д. Предисловие // Рэнд Э. Мы — живые. — СПб.: Изд. отд. Ассоциации Бизнесменов Санкт-Петербурга «Призма-15», 1993. С. 7—9.
2. Дейниченко П. Против большинства // Книжное обозрение. 2003. URL: <http://www.slovosfera.ru/bookreview/ayn.html> (дата обращения: 11.10.2011).

3. Джвариейшвили Р. Г. Психологическая проблема художественного перевода. — Тбилиси: Мецкиереба, 1984.

4. Дубинская И. Voice of America: Айн Рэнд. URL: <http://www.peoples.ru/art/literature/prose/roman/rand/> (дата обращения: 10.01.2012).

5. Ефремова Т. Ф. Большой современный толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. 2006 // Lingvo x3 : электронная программа.

6. Кустарев А. Эйн Рэнд, комиссар индивидуализма. URL: http://www.sps.ru/?id=206905&cur_id=210785 (дата обращения: 02.05.2011).

7. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. — Израиль: Very Ltd., 1994 // Lingvo x3 : электронная программа.

8. Предисловие // Сноу Ч. П. Две культуры. — М.: Прогресс, 1973. С. 5—15.

9. Рэнд Э. Мы — живые / пер. Д. В. Костыгина, С. А. Костыгиной. — СПб.: Изд. отд. Ассоциации Бизнесменов Санкт-Петербурга «Призма-15», 1993.

10. Хугаев И. С. К проблеме этнокультурной идентичности транслингвального текста (этнический субстрат литературного осетинского русскоязычия) // Вестник МГОУ. Сер. «Русская филология». 2010. № 1. С. 168—178.

11. Biddle C. Ayn Rand's *Atlas Shrugged* and the World Today. An Interview with Yaron Brook. URL: <http://www.theobjectivestandard.com/issues/2009> (дата обращения: 19.05.2011).

12. Binswanger H. The Ayn Rand Lexicon. Objectivism from A to Z. — N. Y.: Meridian Printing, 1988.

13. Conquest R. Orwell, Socialism and the Cold War // The Cambridge Companion to George Orwell / John Rodden (ed.). — Cambridge: CUP, 2007. P. 126—132.

14. Crooks Ed. An ode to Ayn Rand goes easy on didacticism but captures her unique tone // Financial Times. 2011. Mar. 24. P. 12.

15. Oxford Dictionary of English. Rev. Ed. — Oxford: Oxford Univ. Pr., 2005 // АBBYY Lingvo x3 : электронная программа.

16. Peikoff L. Introduction to the 60th Anniversary Edition // We the Living / Ayn Rand. — N. Y.: A Signet Book, 1995. P. V—XI.

17. Rand A. Anthem (First printing July 1953). — Caldwell, Idaho: Caxton Press, 1999.

18. Rand A. Atlas Shrugged. — N. Y.: A Signet Book, 1992.

19. Rand A. Foreword 1958 // We the Living. — N. Y.: Signet Book, 1996. P. XIII—XVII.

20. Rand A. We the Living. — N. Y.: A Signet Book, 1996.

21. Somin I. Was Ayn Rand the Most Influential Russian Immigrant to the United States? URL: <http://volokh.com/2009/12/08> (дата обращения: 19.05.2011).

22. The Ayn Rand Institute. Frequently Asked Questions about Ayn Rand. URL: <http://www.aynrand.org/.../PageServer?pagename> (дата обращения: 21.05.2012).

23. Timeline: Atlas Shrugged as second most popular choice // Timeline. 1991. URL: <http://www.xtimeline.com/evt/view.aspx?id=124513> (дата обращения: 12.05.2012).

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Н. Б. Руженцева

РАЗДЕЛ 4. ИЗ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

УДК 81'27
ББК Ш100.3

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.19

Александр Л. Джордж Alexander L. George
Стэнфорд, США Stanford, USA

ПРЕДСКАЗАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ДЕЙСТВИЙ ЧЕРЕЗ АНАЛИЗ ПРОПАГАНДЫ

Пер. с англ. Ю. В. Кузиной, Е. В. Шустровой

Аннотация. Перевод на русский язык статьи Александра Л. Джорджа «Предсказание политических действий через анализ пропаганды». В статье представлены основные положения доклада, подготовленные автором для публикации в *Public Opinion Quarterly* 22 декабря 1955 г. В качестве одной из проблем выбрана возможность предсказания инициатив противника с помощью анализа его пропаганды.

Ключевые слова: контент-анализ; политическая пропаганда; стратегии пропаганды; цели пропаганды.

Сведения об авторе: Александр Л. Джордж (1920—2006), профессор Стэнфордского университета, США. Международную славу ему принесли исследования в области политической психологии и международных отношений.

Сведения о переводчиках:

Кузина Юлия Викторовна, ассистент кафедры английского языка.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Шустрова Елизавета Владимировна, доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26, к. 459.

e-mail: kuzina85@mail.ru., shustovaev@mail.ru.

PREDICTION OF POLITICAL ACTION BY MEANS OF PROPAGANDA ANALYSIS

Transl. from English by Y. V. Kuzina, E. V. Shustrova

Abstract. This publication presents the translation of the article by Alexander L. George «Prediction of Political Action by Means of Propaganda Analysis». The author prepared this paper for publication in the issue of *Public Opinion Quarterly*, December, 22, 1955. One of the problems investigated here is the possibility to predict the initiatives of an opponent through analysis of his propaganda.

Key words: content-analysis; political propaganda; propaganda strategies; propaganda goals.

About the author: Alexander L. George (1920—2006), Professor of Stanford University, the USA. He is internationally known for his pioneering work in political psychology and international relations.

About the translators:

Kuzina Yulia Viktorovna, Assistant Lecturer of the Chair of the English Language.

Place of employment: Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg.

Shustrova Elizaveta Vladimirovna, Doctor of Philology, Professor of the Chair of the English Language.

Place of employment: Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg.

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКОВ

В журнале «Политическая лингвистика» сложилась устойчивая традиция знакомства читателей, особенно начинающих свой научный путь, с классическими работами, посвященными проблемам политической коммуникации. Эти работы позволяют по-новому взглянуть на наши сегодняшние разработки, обратиться к истокам той или иной проблемы, увидеть применение методик, ставших популярными за рубежом. Поддерживая эту традицию, наши аспиранты и сотрудники готовят переводы, которые затем редактируются, обсуждаются, неоднократно правятся, пока, наконец, не попадают на страницы журнала к своему читателю. Это

интересный, но тяжелый, подчас мучительный труд: переводчику не по разу приходится проверять имена, экстралингвистическую информацию, которая остается за рамками перевода, но влияет на общий смысл текста. Зато, как мы в глубине души всегда надеемся, это помогает нашим читателям расширить свой кругозор, облегчает путь к зарубежной лингвистике. Бывает и так, что над одной и той же статьей одновременно работают несколько переводчиков. Они создают разные версии перевода одного и того же материала. Это интересно не только с точки зрения знакомства с общими положениями переводимых статей, но и с точки зрения поиска решений переводческих проблем, без которых не обходится ни один перевод.

Перевод подготовлен в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ (проект 6.2985.2011 — «Политическая метафорология»).

© Джордж А. Л., 1952

© Кузина Ю. В., Шустрова Е. В., 2012, перевод на русский язык, 2012

Во втором номере нашего журнала за 2012 г. был опубликован перевод статьи одного из ведущих американских специалистов XX в. в сфере политических технологий Александра Л. Джорджа, выполненный Натальей Владимировной Макаровой, аспиранткой Уральского государственного педагогического университета (УрГПУ). Для текущего номера был выбран перевод этой же статьи, выполненный Юлией Викторовной Кузиной, ассистентом кафедры английского языка УрГПУ, и отредактированный Елизаветой Владимировной Шустровой, доктором филологических наук, профессором кафедры английского языка УрГПУ. Мы надеемся, что читателям будет интересно сопоставить эти две версии.

ВВЕДЕНИЕ. Во время Второй мировой войны группа аналитиков из не существующего ныне подразделения Федеральной комиссии связи (далее — FCC) предприняла попытку сделать выводы о нацистской пропагандистской стратегии и лежащих в ее основе стратегических расчетах на основе тщательного изучения немецких радио- и печатных сообщений. После войны мы тщательно изучили работу аналитиков Федеральной комиссии связи с целью проверки сделанных заключений, реконструкции и кодификации методов, которые были успешно применены ранее ^[1].

Одной из проблем военного времени было предсказание инициатив противника с помощью анализа его пропаганды. Однако это лишь одна из наиболее значительных проблем, подвергшихся исследованию. Она выбрана для обсуждения по двум причинам. Во-первых, методологический подход к этой проблеме претерпел интересное развитие в ходе Второй мировой войны. Во-вторых, в дополнение к очевидному практическому интересу, данная проблема также несет в себе определенный теоретический интерес, так как затрагивает общий вопрос соотношения коммуникации и действия в отношениях между странами.

РАННИЕ ПОДХОДЫ К ПРОБЛЕМЕ. В первых работах по данному вопросу возможность предсказания инициатив противника преимущественно трактовалась как необходимость выявления постоянного образца или модели соотношения между пропагандой и поведением противника в прошлом. Этот образец должен был выступать в качестве правила для выводов в новых случаях ^[2].

Аналитики стремились выявить регулярные соотношения между намерением противника принять определенную линию поведения и (1) типом *контент-характеристик* его пропаганды или (2) типом *пропа-*

гандистской стратегии, применяемой им перед началом действий.

Ни один из этих двух ранних подходов себя не оправдал. Изучение коммуникативного поведения нацистов, предварявшего активные действия Германии, не позволило раскрыть регулярные соотношения обоих типов. В пропаганде, предшествовавшей первым военным действиям нацистов, общая характеристика содержания, или образец, выявлены не были. Нацисты, очевидно, не использовали одинаковый тип пропагандистской стратегии перед каждым из своих действий ^[3]. Попытки сделать логические выводы о нацистских военных действиях продолжались в течение войны. Но, возможно по причине разочарования, вызванного несостоятельностью двух ранее примененных подходов, ученые отказались от идеи создания систематизированной методики, которая бы отвечала данной цели. Послевоенные оценки значимости контент-анализа в отношении предсказания действий противника были весьма сдержанными ^[4].

КОСВЕННЫЙ МЕТОД. Эти два ранее примененных подхода (полный критический анализ которых не может быть приведен здесь) в ходе войны были заменены другими методиками, разработанными в FCC контент-аналитиками из Британской службы разведки иностранного радиовещания. В то время этот новый подход не имел четко очерченных границ — в лучшем случае он только подразумевался в анализе FCC. Он был четко сформулирован нами в ходе детального изучения методик и доказательств, примененных в исследованиях FCC. В нашей статье новый подход носит название «косвенный метод», поскольку включает в себя серию выводов о причинно-следственных связях. Такой характеристики косвенного метода достаточно для данного обзора ^[5].

Новый метод адаптирован к пропаганде, носящей в высшей степени орудийный характер. В отличие от предыдущих подходов, этот базируется на признании того, что пропаганда может поддерживать предстоящие действия множеством способов. Поэтому данный метод не предполагает обнаружения регулярного соотношения между намерениями управляющих структур и пропагандой ^[6]. Скорее новый метод основан на предположении, что пропагандистская стратегия может меняться; соответственно в рамках метода пытаются выявить, какую вообще пропагандистскую стратегию может принять на вооружение противник для поддержки своих предстоящих действий.

Как мы увидим, косвенный метод применим только к тем преднамеренным действи-

ям противника, которые предполагают некую долю размышления и планирования с его стороны. При применении данного метода необходимо понимать, что противник использует *предварительную* пропаганду как одно из средств усиления или подготовки своих предстоящих действий. Таким образом, данный метод не распространяется на «спонтанные» и спровоцированные ответные действия политического руководства/управляющих структур, поскольку такие действия, скорее, предпринимаются без обычного координирования дипломатических мер и пропаганды.

Тем не менее спектр действий управляющих структур, к которым применим косвенный метод, широк и не ограничивается только военной сферой, охватывает также политические, экономические и дипломатические действия. Тот факт, что косвенный метод применим, только если действиям противника предшествует предварительная пропаганда, не столь серьезно ограничивает его эффективность, как может показаться на первый взгляд. Современная политическая элита зачастую находит весьма выгодным для себя подготовить заранее тех, кого затронут планируемые действия. Какую бы форму ни принимала подготовка, главной ее целью остается увеличение ожидаемых выгод и уменьшение возможных неблагоприятных последствий предстоящих действий. Предварительная коммуникация может быть адресована внутренней аудитории (внутри своей собственной страны), группировкам в лагере противника или группам в нейтральных государствах. Контент-аналитик учитывает возможность того, что предварительная коммуникация может быть адресована более чем одной аудитории, что цель или намерение подготовки могут быть различными в зависимости от аудитории-адресата, а также того, что цель может быть достигнута весьма тонко, через косвенное воздействие.

Возможность предсказания действий политической элиты на основе ее предварительных усилий зависит, очевидно, от того, какой из коммуникационных каналов, доступных контент-аналитику для тщательного изучения, был использован. Обычно исходят из предположения, что каналы средств массовой информации используются, когда предварительная пропаганда адресована относительно широкой аудитории. Выборочные, специализированные средства массовой информации могут использоваться при попытке подготовить меньшие группы. Тем не менее нет уверенности в том, что в каждом случае будут использоваться именно общедоступные каналы. Подготовка может проводиться, например, посредством кон-

фиденциальных приказов, личных сообщений, слухов и других каналов коммуникации, недоступных контент-аналитику.

Еще одно ограничение в использовании данного метода для предсказания действий противника заключается в том, что управляющие структуры могут отказаться от любой подготовки и использовать пропаганду для подкрепления своих действий *во время них или сразу после предпринятых мер*. В таких случаях лучшее, что может сделать косвенный метод, это оказать помощь в оценке характера и целей уже предпринятого действия и указать, как противник оценивает перспективы данного действия.

Значение таких выводов для тех, кто определяет политику, нельзя недооценивать; во многих случаях такие выводы даже важнее, чем простое предсказание действий.

Типы выводов о стратегическом интенте. Здесь следует подчеркнуть, что лицам, определяющим политику, могут быть интересны несколько аспектов предстоящих действий и инициатив противника. Во-первых, существует вопрос, действительно ли противник планирует определенное действие, т. е. вопрос о намерениях. Однако не менее интересны, а иногда даже более значимы, вопросы, связанные с выбором *времени* действия, его *характером и масштабом*, его точным *местоположением, целями, установленными для данного действия, ожиданиями* управляющих структур относительно успеха действия, а также характером и масштабом негативной реакции внутри руководящей группы по отношению к конкретной инициативе. То, какой из этих вопросов представляет первостепенный интерес, зависит от конкретного случая. Иногда практически не вызывает сомнения планирование противником действия определенного типа (например, военной инициативы), поэтому главным вопросом может стать точное время и место действия или его масштаб и цели. В других случаях важно выявить ожидания противника по отношению к предполагаемому действию: уверен ли он в своей победе, или предвидит поражение. Еще один объект анализа — это цель, которую преследует противник, проводя определенную политику в отношении ряда групп населения. Исследования из опыта FCC, приведенные ниже, проиллюстрируют круг типичных проблем, которые могут быть рассмотрены с помощью контент-анализа.

Последовательность рассуждений. При попытке применить метод, который мы кратко описали выше, контент-аналитик использует уже существующие обобщения о типах

ситуаций и условий, в которых управляющие структуры, находящиеся под наблюдением, склонны использовать предварительную пропаганду для подкрепления своих предстоящих действий. Такие обобщения должны охватывать следующие взаимосвязанные вопросы:

(а) Для какого *типа действий* управляющие структуры обычно расценивают предварительную пропаганду как желательную?

(б) Какой *тип аудитории* управляющие структуры считают полезным подготовить (к каждому типу действий)?

(с) Какие типы целей управляющие структуры считают полезным и возможным преследовать при осуществлении предварительной пропаганды (для разных типов аудиторий и в случае осуществления разных типов действий)?

(д) Какие каналы или типы коммуникации управляющие структуры обычно используют или вероятно будут использовать при попытке достичь определенной цели через предварительную пропаганду (для разных типов аудиторий и в случае осуществления разных типов действий)?

При попытке решить каждую конкретную проблему контент-аналитик не полагается исключительно на доступные обобщения данного порядка. Он использует их, скорее, в сочетании с *логикой оценки ситуации*^[7]. Контент-аналитик учитывает, что управляющие структуры, принимая решение об использовании предварительной пропаганды перед совершением действий, руководствуются не просто своим прошлым опытом или жесткой действующей доктриной. Предполагают, что, вероятнее, управляющие структуры производят оценку факторов, от которых будет зависеть успех запланированного действия; на основе этой оценки затем выводятся требования к предварительной пропаганде. Наконец, выбор стратегии предварительной пропаганды зависит от возможности применения и вероятной эффективности доступных стратегий и методов.

Например, в одном случае руководящие структуры предпочитают полную неожиданность действия, чтобы закрепить или усилить его успех. Следовательно, пропаганда в таком случае может заключаться исключительно в попытках замаскировать предстоящее действие. В другом случае при таком же типе действия руководящие структуры могут посчитать целесообразным ввести в предварительную пропаганду запугивания и угрозы; в таких случаях будет принята стратегия не маскировки цели, а «игры на нервах».

Поскольку для косвенного метода характерно несколько таких дедуктивных моде-

лей, входящих в цепочку рассуждений, довольно трудно охарактеризовать процесс рассуждения аналитика в общих чертах. Любая попытка сделать это приводит к риску получить слишком упрощенную или неоправданно сложную картину. Тем не менее стоит набросать общую схему размышления или, скорее, предложить ее путем формулирования ряда вопросов, которые предстоит решить аналитику, чтобы прояснить намерения противника. В схематичном виде рассуждения аналитика сводятся к следующему: «Вражеская пропаганда не преследовала бы такие цели и не пыталась бы использовать эти информационные каналы в данной ситуации, если только действия, выводы о которых сделаны, не были действительно запланированы или намечены». Таким образом, выводы аналитиков о том, планируется ли основное действие или нет, выводы о его характере и масштабах или об ожиданиях управляющих структур в отношении него являются последними шагами в цепочке умозаключений. Рассуждения аналитика можно сравнить с попыткой восстановить недостающие фрагменты в последовательности действий. Некоторые части мозаики даны или их легко восстановить. Другие фрагменты отсутствуют. По сути, аналитик представляет в уме различные варианты недостающего фрагмента, пытаясь решить, какой вариант более правдоподобен, если исходить из значения уже известных ему частей^[8].

ВОЗМОЖНЫЕ ЦЕЛИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ПРОПАГАНДЫ. Важным шагом в цепочке умозаключений становится определение того, присутствуют ли вообще какие-либо цели пропаганды в текущей информации, которая может быть частью подготовительной кампании, предшествующей основному действию. Помощью аналитику в установлении этого могли бы стать общие критерии анализа, которые дают возможность систематически определять, отражены ли в рассматриваемой информации *хоть какие-нибудь* пропагандистские цели.

В данном исследовании была предпринята попытка выявить перечень возможных целей пропаганды, которые могут преследовать руководящие структуры при подготовке той или иной аудитории к предстоящему действию. Цели сформулированы в общих и абстрактных терминах, чтобы их можно было применять к настолько большому числу действий, аудиторий и каналов информации, насколько это возможно. Однако следует иметь в виду, что некоторые из подготовительных целей, сформулированных здесь достаточно четко и ясно, на практике будут иметь гораздо более завуалированный вид,

что вызвано стремлением повысить эффективность пропаганды.

Представленный перечень целей, вероятно, не является исчерпывающим. Несомненно, он отражает особенности материала исследования, связанные с нацистским режимом и пропагандой военного времени. В то же время было бы странно, если бы этот перечень оказался совершенно неприменим к анализу случаев подготовительной пропаганды, периодически исходящей из других источников.

В перечне выделяется несколько больших групп целей в зависимости от того, на кого направлена подготовительная пропаганда — на граждан собственной страны или группы в лагере оппонента. Также перечень подразделяется в соответствии с ожиданиями управляющих структур, которые, как предполагается, первыми определяют подготовительные цели, а именно с тем, к чему приведет планируемое действие: к тому, что данная аудитория лишится ряда своих привилегий или, наоборот, приобретет некую выгоду^[9].

Возможные цели пропаганды, предвещающей основное действие.

I. Цели пропаганды, направленной на внутреннюю или нейтрально-дружественную аудиторию.

А. В случае, когда ожидается, что действия повлекут за собой *лишения для граждан собственной страны*^[10].

Цели:

(1) Уменьшить возможность возникновения шокового эффекта (намекы на суть предстоящего действия во всё более точных выражениях в сочетании с соответствующими заверениями).

(2) Управлять чувством вины.

(3) Выявить и закрепить у граждан своей страны ту модель реакции на планируемое действие, которая нужна управляющим структурам.

(4) Укрепить склонность общественности к принятию требований, выдвинутых управляющими структурами в связи с намеченным действием.

(5) Заложить основу для морального оправдания предстоящих действий.

(6) Подготовить к более глубокому пониманию необходимости предстоящего действия путем предварительного раскрытия оценок и ожиданий, на которых оно основано — реальных либо выбранных за их пропагандистскую значимость в достижении желаемого общественного одобрения.

В. В случае, когда ожидается *поощряющий эффект основного действия на внутреннюю аудиторию*^[11].

Цели:

(1) Контролировать степень и способ выражения ожидаемого общественного ликования с целью предотвратить эксцессы, снижающие производительность труда (например, предотвратить неконтролируемые вспышки ликования, нарушения графиков работы и трудовой дисциплины и т. д.).

(2) Контролировать общественные ожидания, вызванные хорошими новостями, с целью не допустить появления нереалистичных надежд, которые не сбудутся.

(3) Умерить ожидания общественности в отношении смягчающего характера предстоящих действий, с тем чтобы общество получило большее удовлетворение результатами действия, когда оно произойдет.

(4) Повысить авторитет и престиж управляющих структур, к месту упоминая об их силе и предусмотрительности, свидетельством которых и станет предстоящее действие.

(5) Поднять моральный дух с помощью прогнозирования ожидаемого облегчения.

(6) Манипулировать в политических интересах чувством благодарности и удовлетворения, которые породит предстоящее облегчение.

(7) Использовать благодарность общественности для обеспечения более широкой поддержки политики существующего режима.

(8) Подготовить общественность к возможности того, что предстоящие действия собственного правительства будут сопровождаться сильным и успешным противодействием со стороны правительств враждебных государств.

С. В случае, когда конечный успех основного действия *не определен* или его трудно предвидеть^[12].

Цели:

(1) Гарантировать, что граждане собственной страны не будут питать слишком больших надежд (в противном случае это может привести к попыткам вражеских пропагандистов заставить вас пообещать намного больше, чем вы сможете достичь).

II. Цели пропаганды, направленной на группы в лагере противника:

А. Относительно основного действия, которое должно оказать *подавляющий эффект* на группы в лагере противника (см. примеры выше, пункт I В, примечание 11).

Цели:

(1) Когда масштаб достигнутого подавляющего эффекта зависит от неожиданности

действия, замаскировать предстоящее действие или скрыть его время, место, характер и масштаб.

(2) Когда предварительная деморализация групп в лагере противника будет способствовать успеху предстоящего действия и сократит расходы на него, т. е. «сюрприз» не является обязательным, — уверенно и подробно оповещать о предстоящем действии в терминах, подчеркивающих бессилие противника и тщетность сопротивления.

(3) Уменьшить уверенность аудитории в эффективности возможных контрмер своих лидеров.

(4) Поощрить такие настроения, которые усилят деморализующий эффект действия, когда оно произойдет.

(5) Предвидя, что предстоящее действие может спровоцировать в стане противника попытки возложить «вину» и «ответственность» за неудачу, планировать предстоящее действие так, чтобы подготовить почву для (а) максимального разрушительного эффекта действия на отношения между членами противостоящей руководящей элиты, на отношения между политической элитой и народными массами, на отношения среди членов противостоящей коалиции; (б) исключения возможности того, что действие может объединить лагерь противника и укрепить его решимость.

(6) В случае необходимости заранее дать моральное оправдание предстоящим действиям, чтобы предотвратить усиление ненависти к себе со стороны противника и нейтральной стороны.

В. Относительно основного действия, от которого ожидается важный *поощряющий* эффект на группы в лагере противника (см. примеры выше, пункт I А, примечание 10).

Цели:

(1) Поощрять группы в лагере противника на формирование нереальной и/или неправильной оценки преимуществ, приобретаемых ими в результате вашего действия. (При «нереальной» серьезно недо- или переоцениваются возможности новой ситуации, созданной упомянутым действием; при «неправильной» внимание оппонента переключается с осуществимых на неосуществимые пути использования новой ситуации в военном, политическом или психологическом ключе.)

(2) Поощрять изначально излишне оптимистичные реакции на событие, которые неизбежно приведут к последующему разочарованию.

С точки зрения теории или алгоритма, которые бы полностью охватывали отноше-

ние пропаганды к действию, приведенная выше система не более чем скромный вклад ^[13]. Ее задача сводится единственно к систематизированному перечислению возможных целей подготовительной пропаганды, которые может преследовать политическая элита для поддержки своих предстоящих действий. В нашу задачу не входит определение условий, при которых та или иная подготовительная цель будет осуществляться. Но системный и относительно абстрактный характер данного перечня может сослужить хорошую службу при построении подобных умозаключений. Также такое системное перечисление должно помочь аналитикам легче ориентироваться в том разнообразии способов, которыми может пользоваться подготовительная пропаганда для поддержки действий руководящих структур. Это, в свою очередь, поможет быстрее распознавать отдельные случаи применения подготовительной пропаганды.

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ТЕМЕ. Сейчас мы кратко обобщим несколько примеров анализа пропаганды военного времени, чтобы проиллюстрировать, как косвенный метод был использован в определении вражеской инициативы ^[14].

1. В одном из зарегистрированных выдающихся случаев анализа пропаганды британские контент-аналитики смогли сделать вывод, что нацистская пропаганда, говорящая о готовящемся использовании секретного нетрадиционного оружия воздушной бомбардировки, не была блефом. Этот вывод был сделан в ноябре 1943 г., за восемь месяцев до начала атак с применением самолетов-снарядов V-1.

Обещания, что Германия обретет новое оружие возмездия, начали появляться в немецкой пропаганде уже в июне 1943 г. Очевидно, они были предназначены для укрепления морального духа своего народа: Германия была потрясена всё более мощными налетами ВВС стран антигитлеровской коалиции. На эти действия, казалось, нет ответа. Пропагандистская цель таких обещаний была достаточно очевидна, но оставался вопрос, были ли делавшиеся заверения всего лишь пропагандой, или новое оружие возмездия действительно готовилось к широкому применению в ближайшем будущем.

Британский аналитик практически не сомневался, выбирая второй вариант в качестве правильного ответа. Его вывод следовал из основного предположения, подтвержденного во многих иных случаях, что немецкая пропаганда никогда намеренно не вводила в заблуждение немецкий народ в вопросах, связанных с увеличением немец-

кой военной мощи. Ввиду этого аналитик посчитал необходимым принять за чистую монету заявления о том, что Германия готовилась к применению нового воздушного оружия возмездия, неоднократно звучавшие в немецкой пропаганде, рассчитанной на аудиторию собственной страны.

Британский аналитик также сделал вывод, что длительная задержка в появлении нового оружия, после того как оно неоднократно и авторитетно было обещано немецкому народу, должно быть, связана с отставанием от графика, непредвиденными в то время, когда пропаганда провозгласила данное обязательство. Этот вывод основывался на следующем наблюдении: Геббельс не практиковал включение в пропаганду важных обязательств такого рода задолго до даты их осуществления. Таким образом он избегал падения морального настроения внутри государства, к чему быстро привело бы возмущение лживыми пропагандистскими обещаниями. Аналитик даже определил максимальный период времени — около трех месяцев, — в течение которого Геббельс позволял пропаганде предвосхищать событие. Поэтому, когда появление обещанного оружия возмездия было задержано гораздо дольше этого расчетного периода времени, аналитик правильно заключил, что запланированное применение нового оружия, судя по всему, было неожиданно отложено. Более того, он даже определил приблизительные даты, когда случилось нечто, что вызвало задержку.

Британский аналитик отметил, что упоминания о воздушном возмездии с помощью нового оружия внезапно исчезли из немецкой пропаганды на десять дней начиная с 19 августа, а затем на семь дней с 11 сентября. Затем он был проинформирован о воздушном налете британских ВВС на базу секретного оружия в Пенемюнде 17 августа и воздушных налетах союзников на объекты в области Булонь — Кале 7—8 сентября; предположительно именно там должен был состояться запуск платформ для нового типа немецкого оружия. Таким образом, аналитику предстояло рассмотреть альтернативные объяснения «пробелов», замеченных в немецкой пропаганде. При этом он учел а) внезапность появления «пробелов»; б) любые изменения в качестве пропаганды возмездия и нового оружия при ее возобновлении после каждого «пробела»; в) возможное совпадение «пробела» с другими событиями или изменениями в военной ситуации, которые могли бы прервать поток пропаганды; д) возможное совпадение начала «пробелов» с событиями, которые могут быть свя-

заны с осуществлением возмездия и/или применением нового оружия.

Он обнаружил, что «пробелы» не совпадают с «другими событиями» и, что важно, пропаганда, связанная с возмездием и новым оружием, становилась «разбавленной», когда возобновлялась после каждого перерыва. Необходимым объяснением служит то, что перед каждым «пробелом» происходило нечто, связанное с планированием и подготовкой нового оружия. (Неявное предположение в поддержку данного вывода таково: изменения в сторону большей неопределенности в пропаганде относительно времени возмездия — фактически такие изменения наблюдались в пропаганде после каждого «пробела» — отражают официальную нацистскую оценку дальнейшей отсрочки дня применения нового оружия.) Поскольку аналитик знал о союзных рейдах 17 августа и 7—8 сентября, его выводы дополнительно подтвердили значимость пораженных целей (не полностью определенной в то время)^[15] и эффективность налетов для срыва нацистских приготовлений^[16].

2.21 апреля 1943 года Вашингтон раскрыл, что правительство Японии казнило некоторых из американских летчиков, сбитых во время рейда на Токио 18 апреля 1942 г. Эта новость появилась в то время, когда усиливающиеся воздушные налеты ВВС стран — членов антигитлеровской коалиции на Германию представляли серьезную проблему для немецкой обороны. Немецкая пропаганда широко распространила известие о казни американских летчиков в Японии. Большой частью сообщения вписывались в уже привычные для немецкой пропаганды темы, но встречались среди них намеки, которые могли быть истолкованы как угрозы подобных действий со стороны Германии по отношению к другим летчикам, попавшим в плен.

Насколько серьезно следовало воспринять эти завуалированные угрозы? Аналитик из FCC предсказал, что немцы не собирались подражать японцам в этом отношении. Вывод был основан на знании практики немецкой пропаганды. Если нацисты намеревались предпринять такое чрезвычайное действие сомнительной законности, рассуждал аналитик, следовало бы ожидать от них тщательной подготовки в виде пропагандистской кампании, направленной на достижение предварительного морального оправдания. Однако несколько намеков на такое действие в немецкой пропаганде не демонстрировали подобную цель и не могли трактоваться как составляющие такой пропагандистской кампании. Поэтому аналитик имел все основания полагать, что никаких подоб-

ных действий Германия в то время не планировала^[17].

3. В 1941 и 1942 г. германская армия проводила мощные летние наступления против советских войск на Восточном фронте. Однако после катастрофы под Сталинградом в январе 1943 г. было неясно, способно ли немецкое командование предпринять еще одно крупномасштабное наступление на Восточном фронте в 1943 г., или при любом положении дел такое наступление будет совершено. В течение нескольких месяцев после Сталинграда аналитики FCC внимательно изучали немецкую пропаганду, связанную с этим вопросом, на предмет указаний на военные намерения Германии.

Обещания еще одного немецкого наступления против русских были сделаны в нацистской пропаганде в течение первых недель после Сталинграда. Такие обещания появились одновременно с широко разрекламированными мерами «тотальной мобилизации», предпринятыми вместе с объявлением о поражении под Сталинградом. Целью этих мер провозглашалось восстановление «боеспособности» немецкого личного состава и оружия. Однако в начале марта 1943 г. упоминания о предстоящем немецком наступлении на востоке совершенно прекратились. Аналитик FCC отметил это резкое изменение, но предчувствовал, что четкая интерпретация невозможна. Внезапное молчание пропаганды о предстоящем наступлении могло значить, а) что никакого наступления не предполагается и б) что о наступлении, хоть оно и подразумевается, не говорится по иным причинам, например чтобы скрыть намерение новых атак на востоке или чтобы не препятствовать возможному перемирию или сепаратному миру с русскими.

Чтобы сделать выбор между этими альтернативными объяснениями, аналитику была необходима дополнительная аргументация. И только несколько месяцев спустя, в начале июня, он смог сказать с определенной долей уверенности, что немецкое наступление маловероятно. Это умозаключение стало возможным потому, что аналитик интерпретировал пропагандистскую деятельность на тему возможного немецкого наступления в контексте размышлений о внутригосударственном моральном духе. Его рассуждения можно свести к следующему:

(а) В прошлом для нацистской пропаганды было характерно превознесение достоинств наступления и утверждение, что Германия удерживала и будет удерживать наступательную позицию.

(б) Из-за подавленного состояния духа в Германии традиционное утверждение не-

мецкой инициативы было почти обязательной мерой для пропаганды Третьего рейха.

(с) В целом расплывчатые обещания предстоящего немецкого наступления на востоке едва ли могли выдать русским секретную информацию, так как единственными элементами такой наступательной операции на суше, которые могут быть скрыты, могли стать только ее точное время и место.

(d) Вместо этого после Сталинграда немецкая пропаганда начала превозносить достоинства оборонительной позиции.

(е) Если отсутствие прогнозов немецкого наступления было результатом соображений безопасности или желания замаскировать намерение атаковать снова, тогда маловероятно, что немецкая пропаганда стала бы одновременно подготавливать внутригосударственную общественность к принятию непопулярной идеи того, что Германия отныне занимает оборонительную позицию в войне. Ведь такая линия пропаганды, подразумевающая слабость немцев и поворотный момент в войне, усугубила бы серьезную проблему с состоянием морального духа внутри государства.

(f) Таким образом, немецкую пропагандистскую деятельность наиболее правдоподобно может объяснить предположение о том, что она базируется на знании об отсутствии планов какого-либо немецкого наступления, поскольку если бы такое наступление предполагалось, немецкая пропаганда не стала бы подавлять моральный дух своего народа попыткой разрекламировать достоинства оборонительной позиции.

Этот прогноз, основанный на анализе пропаганды, был достаточно точным. Ставшие впоследствии доступными документальные данные указывают на то, что Гитлер, отказываясь от рекомендаций своего окружения перейти к чисто оборонительной стратегии на востоке, планировал ограниченные атаки, носящие отвлекающий характер^[18].

4. В июне 1942 г. возник вопрос, изменит ли германское правительство свою официальную дипломатическую позицию по отношению к Бразилии. Отношения между двумя странами в течение некоторого времени были критическими, а к середине 1942 г. фактически дошли до состояния необъявленных военных действий. Тем не менее радиопередачи Берлина в Бразилии сохраняли тон «обиженного друга». В течение последней недели июня тон этих радиопередач стал более воинственным. В сторону Бразилии был сделан ряд резких обвинений и открытых угроз, связанных с политикой, проводившейся в отношении немецких националистов, пребывавших на бразильской территории.

Были ли эти угрозы блефом, или немецкое правительство было готово предпринять мощную акцию? Аналитик FCC рассудил, что такие угрозы и обвинения, если не были блефом, являлись крайне необоснованной пропагандой: «Закулисное давление и „игра мускулами“ могут в неофициальных отношениях произвести впечатление на некоторых ключевых чиновников в странах Латинской Америки. Но публичные призывы народа к ответственности и угрозы — это то, чему ни одна латиноамериканская страна не может позволить себе подчиниться без жесточайшей необходимости». С учетом того, что немцы принимали во внимание особенности психологии латиноамериканцев, аналитик FCC предположил, что открытые угрозы не были неумелой пропагандой, а скорее указывали на готовность Берлина отказаться от ранее выбранной роли «обиженного друга»^[19].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]. Эта статья основана на исследовании, выполненном автором для корпорации RAND. Полный текст доклада сейчас на стадии подготовки.

[2]. Нет ни одного опубликованного отчета по ранним подходам, который вызывал бы доверие. Логика этих подходов кратко обозначена в неопубликованном меморандуме Х. Д. Лассвелла (Lasswell H. D. *Specimen Hypotheses about the Focus of Attention in World Politics*. February 1942. The Experimental Division for the Study of Wartime Communications, Library of Congress. P. 4).

[3]. Авторитетное описание ведущим немецким пропагандистом того, как некоторые из нацистских агрессий были подготовлены посредством пропаганды, см. в данных под присягой показаниях Ганса Фрича, представленных Нюрнбергскому трибуналу: номер документа 3469-PS в издании «Нацистский заговор и агрессия» (*Nazi Conspiracy and Aggression*. Vol. VI. P. 184—190 (перевод); обобщение представлено здесь: Vol II. P. 1041—1046).

[4]. См.: Berelson V. *Content Analysis in Communication research*. The Free Press, Glencoe, Illinois, 1952. P. 84, 85—86. Несколько менее сдержанными в своих оценках были Эрнст Крис и Ганс Шпейер (см.: Kris E., Speier H. *German Radio Propaganda*. Oxford University Press, 1944. P. 289—291, 292—325). В последнем из упомянутых трудов есть неявное признание, что предположение о возможности предсказывать нацистские инициативы с опорой на открытие одного регулярно повторяющегося соотношения намеченного действия с пропагандистской стратегией требует некоторой модификации.

[5]. Краткий отчет по косвенному методу фигурирует здесь: Public Opinion Quarterly. Vol. 15. №4. P. 782—784 — и в цитируемой выше работе Б. Берельсона (Berelson V. *Content Analysis in Communication research*. P. 193—195).

[6]. Второй из двух ранних подходов рассматривал только один тип цели пропаганды, которую

может преследовать политическая элита в связи с предполагаемыми действиями, а именно их маскировку. Было очевидно, что если будет расшифрована техника маскировки инициативы в пропаганде, это даст ключ к успешному прогнозированию. Само по себе это предположение бесспорно. Тем не менее, провоцируя поиск регулярно повторяющейся схемы маскировки, оно чрезмерно упрощало задачу прогнозирования действий в конфликтных ситуациях, когда актер прекрасно понимает, что его поведение (языковое или иное) пристально изучают, пытаясь обнаружить ключи к пониманию его намерений и расчетов. Следовательно, ожидания, что такие закономерности будут найдены, были нереальны. Упускалась из виду вероятность того, что противник будет намеренно изменять модель маскировки действий с единственной целью максимального обмана.

[7]. Термин «логика ситуации» введен К. Р. Поппером в работе «Открытое общество и его враги». (Popper K. R. *The Structure of Social Action*. 2nd edition, revised, 1952. Vol. 2. P. 96—97, 265).

[8]. Таким образом, способ мышления, применяемый в косвенном методе, является частным случаем процедуры причинного вменения, используемой в определенных типах исторического толкования. Как и в последнем, аналитик пропаганды пытается приблизиться к логике эксперимента с помощью мысленной подстановки гипотетических результатов. Изменения значимости одной или нескольких переменных аналитик определяет для того, чтобы оценить последствия, если таковые имеются, для других переменных. С помощью таких образных подстановок происходит гипотетическое конструирование или вывод из ненаблюдаемых причинных детерминант. Об этой процедуре в историческом толковании см. комментарий Т. Парсонса на работу М. Вебера (Parsons T. *The Structure of Social Action*. 2nd edition, 1949. P. 610ff).

[9]. Дополнительное подразделение, например в зависимости от типа действия и информационного канала, может сделать данный перечень более полезным. Но разрабатывать приведенную схему более подробно в настоящий момент мы не считаем необходимым.

[10]. Например, объявление войны, которое шокирует свой собственный народ; использование против врага нетрадиционного оружия, что нарушает моральные устои собственного народа, арест и суд над членами своего военного командования, обвиненными в государственной измене, объявление о введении ужесточающих мер против определенной части населения своей страны.

[11]. Например, объявление военного или дипломатического наступления, использование нового мощного оружия, которое не нарушает моральные устои внутригосударственной аудитории, победоносное сражение, вражеские дипломатические уступки, увеличение продовольственного пайка и т. д.

[12]. Например, когда политическая элита испытывает низкую степень уверенности в успешном завершении своего действия, как в случае наступ-

ления на врага или введения программы улучшения благосостояния на родине.

[13]. По вопросам структурной основы эмпирического анализа действия см.: Parsons T. *The Structure of Social Action*. 2nd edition, 1949. Попытка ввести такую методологию исследования, которая помогала бы расшифровать пропаганду и объяснить причины конкретных действий, была сделана в следующей работе: Lazarsfeld P., Rosenberg M. (eds) *The Language of Social Research*. Glencoe, Illinois, 1955. Section V: *The Empirical Analysis of Action*.

[14]. Были отобраны случаи, в которых сделанные выводы можно подтвердить историческими фактами.

[15]. Британское министерство авиации расценивало объекты в Северной Франции как стартовые позиции для нового вида оружия. «Но снаряды так долго не появлялись, — пишет Уолтер Беделл Смит, — что некоторые из наших офицеров, в том числе высокопоставленных, выдвигали теорию, что платформы были гигантской мистификацией, выстроенной нацистами с большой хитростью, чтобы отвлечь наши бомбардировщики от жизненно важных целей». (*Eisenhower's Six Great Decisions — I. The Invasion Gamble*. Saturday Evening Post, June 18, 1946. Vol. 218. №. 49. P. 106; см. также: Eisenhower D. D. *Crusade in Europe*. Garden City, N. Y., 1948. P. 229—230, 259—260; Butcher H. *My Three Years with Eisenhower*. N. Y., 1946. P. 468, 492, 513; Jones R. V. *Scientific Intelligence: Some Aspects of Its Development from 1939—1945* // Journal of Royal United Services Institution).

[16]. Детали анализа слишком сложны, чтобы быть полностью изложенными в рамках данного обзора. Частичное подтверждение сделанных выводов появляется в отчете Геббельса. Этот отчет включает информацию, представленную лично Гитлером. Она касается последствий воздушных налетов на Пенемюнде и базы V-1 (17 августа и 7—8 сентября 1943 г.). В результате этих атак подготовка предположительно должна была затянуться на срок от четырех до восьми недель (Lochner L. (ed.) *The Goebbels Diary*. N. Y., 1948, entry for 10.09.1943. P. 435—436).

[17]. Некоторое подтверждение данного вывода может быть найдено в записях в дневнике Геббельса от 10 мая 1943 г.: «Фюрер не намерен следовать японской процедуре военного суда над летчиками, сбитыми над немецкой территорией, и их казни... Я должен проследить, что, в то время как мы позволяем нашей прессе упоминать о таких серьезных мерах японской, а в последнее время и итальянской стороны, мы не стремимся убедить немецкую общественность, что такие методы необходимы для нас» (Lochner L. (ed.) *The Goebbels Diary*. P. 367).

[18]. Приказ № 5, изданный Гитлером 13 марта 1943 г. для немецких армий в России, говорил

только о захвате инициативы на определенных участках фронта, если это возможно, чтобы диктовать свои правила игры по крайней мере в одном секторе. См. также: Liddell Hart B. H. *The German Generals Talk*. N. Y., 1948. P. 212; Fuller J. F. C. *The Second World War*. N. Y., 1949. P. 276—277. В своих дневниковых записях от 7 мая 1943 г. Геббельс утверждает: «На востоке фюрер скоро начнет ограниченное наступление в направлении Курска. Хотя он может его отложить, чтобы посмотреть, не хотят ли большевики начать наступление первыми, что дало бы нам гораздо более благоприятный шанс, чем если мы возьмем инициативу на себя. Очевидно, Гитлеру надоело ждать атаки русских. Поэтому 5 июля он начал ограниченное наступление на вклинившиеся в его ряды войска русских под Курском. Тем не менее в 1943 г. на восточном направлении не состоялось ни одной немецкой атаки, сопоставимой с крупномасштабными летними наступлениями последних двух лет. Гарри Бутчер отмечает, что разведке союзников было достаточно сложно установить отсутствие планов дальнейших крупных наступлений. В своем отчете, составленном в конце мая 1943 г., Гари Бутчер пишет, что Уолтер Беделл Смит вернулся в ставку Эйзенхауэра со следующими результатами экспертизы: войска Германии готовят широкомасштабное наступление на русском фронте, которое должно полностью разгромить русские войска и привести к их капитуляции либо парализовать Красную армию. Это экспертное заключение стало итогом работы британо-американских конференций, проходивших в Вашингтоне (Butcher H. *My Three Years with Eisenhower*. P. 314).

[19]. Трудно установить точное соотношение между изменениями в немецком радиовещании в Бразилии, отмеченными выше, и немецким планом действий против Бразилии. Однако есть некоторые косвенные подтверждения того, что изменения в тоне и содержании пропаганды могли вытекать из военных планов. Так, на конференции фюрера 14 мая 1942 г. обсуждались меморандум, озаглавленный «Начало военных действий против Бразилии», и план мощного военно-морского удара, и Гитлер санкционировал проведение крупной атаки подводных лодок в водах Бразилии в начале августа. Мощный удар, запланированный в мае, был нанесен 15 августа 1942 г., когда пять бразильских судов, включая корабль для перевозки войск, были торпедированы у бразильского побережья. Еще один бразильский корабль был потоплен 19 августа. Вслед за этим 22 августа Бразилия объявила войну Германии и Италии (для дополнительной информации об исполнении решения о мерах в отношении Бразилии см. показания адмирала Рэдера на Нюрнбергском процессе: *Admiral Raeder's testimony at Nuremberg in International Military Tribunal // Trial of the Major War Criminals*. Vol. 14. P. 122—125).

РАЗДЕЛ 5. РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА

УДК 811.163.2'27
ББК Ш141

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.19; 10.02.03

А. П. Чудинов А. P. Chudinov

Е. А. Нахимова Е. A. Nakhimova

Екатеринбург, Россия Ekaterinburg, Russia

МЕТАФОРИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ ЕВРОПЫ В УКРАИНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Аннотация. Рецензия на монографию Г. М. Яворской и О. В. Богомолова «Непевний об'єкт бажання: Європа в українському політичному дискурсі» («Неясный объект желания: Европа в украинском политическом дискурсе», на украинском языке). — Киев, 2010.

Ключевые слова: политическая метафора; когнитивистика; концептуальная метафора; языковая картина мира.

Сведения об авторе: Чудинов Анатолий Прокопьевич, доктор филологических наук, профессор, проректор по научной и инновационной деятельности.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26, оф. 219.

e-mail: ap_chudinov@mail.ru.

Сведения об авторе: Нахимова Елена Анатольевна, доктор филологических наук, доцент.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26.

e-mail: v.nakhimov@rambler.ru.

METAPHORICAL IMAGES OF EUROPE IN UKRAINIAN POLITICAL DISCOURSE

Abstract. This is a review of the monograph by G.M. Yavorskaya and O.V. Bogomolova «Непевний об'єкт бажання: Європа в українському політичному дискурсі» («Vague Object of Desire: Europe in Ukrainian Political Discourse»), written in the Ukrainian Language). — Kiev, 2010.

Key words: political metaphor; cognitive linguistics; conceptual metaphor; language world picture.

About the author: Chudinov Anatoly Prokopievich, Doctor of Philology, Professor, Vice-Rector for Academic and Innovative Activities.

Place of employment: Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).

Address: 620017, pr. Kosmonavtov, d. 26, of. 219.

About the author: Nakhimova Elena Anatolievna, Doctor of Philology, Associate Professor.

Place of employment: Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).

Address: 620017, pr. Kosmonavtov, d. 26.

Исследование метафорических образов Европы в ее взаимоотношении с Украиной, предпринятое Галиной Михайловной Яворской и Александром Викторовичем Богомоловым, представляет значительный интерес не только для украинской политической лингвистики. Эта очень талантливая и своевременная работа уже привлекла к себе пристальное внимание специалистов. В связи с этим имеет смысл рассмотреть место рецензируемой монографии в общем контексте теории и практики политической метафорологии.

Теория метафоры в последние десятилетия стала едва ли не ведущим направлением когнитивистики, психолингвистики и лингвокультурологии. Изучение метафоры позволяет полнее понять национальную картину мира того или иного народа, его представления о своем месте в кругу других наций [Будаев, Чудинов 2008].

Первая глава монографии называется «Политический дискурс — зеркало и инструмент политической деятельности». В ней авторы представляют методологию своего исследования и его междисциплинарный контекст, весьма интересно описывают соотношение «слова» и «дела» в политике и когнитивные аспекты своего исследования, в том числе теорию и практику концептуального анализа, особенности лингвистической концептуализации действительности.

Вторая глава посвящена представлению концепта *Европа* в контексте схем моделирования политико-географического пространства. Авторы начинают с исследования этимологии и лексикографии и показывают парадоксы «наивной географии», в соответствии с которой Восточная Европа, с одной стороны, неотъемлемая часть континента, а с другой — нечто такое, что находится за пределами собственно Европы. Современными

Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ (проект 6.2985.2011 — «Политическая метафорология»)

© Чудинов А. П., Нахимова Е. А., 2012

украинцами Европа часто воспринимается как «заграница», что во многом отражает советские представления о противостоянии «капиталистического Запада» и «нашего прогрессивного Востока». До настоящего времени в национальном сознании сохраняется прежнее восприятие западных соседей как относящихся к иному миру — отчасти враждебному, отчасти манящему. Как это все похоже на наши российские представления о взаимоотношениях нашей страны с «собственно европейцами»!

Еще одна глава посвящена детальному описанию концептуальных метафор. Авторы подчеркивают свою приверженность исследовательской методологии Дж. Лакоффа и М. Джонсона [Lakoff, Johnson 1980; Lakoff 1991; Лакофф, Джонсон 2004] и описывают украинские политические метафоры как вербализованные фреймы, соответствующие идеализированным когнитивным моделям. Далее следует детальное описание метафор персонификации, в рамках которой Европа предстает как телесный субъект, как ментальный субъект и как социальный субъект. Затем рассматриваются метафоры межперсональных отношений. Авторы показывают, что в украинском политическом дискурсе отношения между Украиной и Европой предстают в рамках моделей УЧИТЕЛЬ — УЧЕНИК и НАЧАЛЬНИК — ПОДЧИНЕННЫЙ, а также в рамках модели со сферой-источником «РОДСТВО» (народы-братья, страны-сестры). Специально рассматриваются отношения между Россией и Украиной как отношения СОСЕДЕЙ и даже БРАТЬЕВ. Заключительный раздел главы посвящен пространственным метафорам, среди которых ведущее место занимает образ МОСТА: Украина предстает как мост между Россией и остальной Европой или как мост между Европой и Азией. Впрочем, на функцию «моста» между Европой и Азией претендуют также Россия, Турция и некоторые иные страны. Еще одна доминантная метафора украинского политического дискурса связана со сферой-источником ДРОГА. Она упоминается в следующих типовых метафорах: *дорога в Европу, дорога в общеевропейский дом, дорога к европейской интеграции*.

В следующей главе Европа предстает «в семантическом поле „бажання“». Украинское слово «бажанне» в данном случае означает «желанье».

Как пишут авторы, Европа в современном украинском политическом дискурсе рисуется «как объект притяжения, как сфера желанного, а не действительного». Вместе с тем поражает множественность и частая популярность оценок: Европа определяется как

«ад» и «рай», как «поганая» и «желанная», как «эталон» и «ужасный пример», как «чужая» и в то же время «своя», мегарегион, к которому принадлежит Украина.

В последней главе авторы рассматривают смысл определения «европейский», которое используется в таких выражениях, как *европейская культура, европейская цивилизация, европейский университет, европейская практика, европейская интеграция*. Еще один раздел посвящен семантизации существительного «европеец». Авторы задаются вопросом, кого именно украинцы называют «европейцами», какой смысл вкладывают они в это обозначение.

Основная идея, заявленная в «Заключении», состоит в том, что образы Европы и европейцев в современном украинском политическом дискурсе оказываются многозначными и неоднородными. Украинцы одновременно и считают, и не считают себя европейцами. Часто противопоставляются «европейский» и «российский» выбор Украины, в рамках которого Россия не воспринимается как часть Европы.

Как известно, в современном мире все активнее формируется глобальное метафорическое пространство: удачные образы, возникающие в одном языке, нередко приобретают глобальную популярность. Так получается, что метафорическое мировосприятие различных народов все больше сближается. Показательно, в частности, что похожие метафорические образы встречаются в болгарском политическом дискурсе [Цонева 2012] Для русского читателя особый интерес представляют украинско-российские метафорические параллели. Российские и украинские метафоры оказываются удивительно похожими. Разумеется, речь не идет о полном совпадении, но такие параллели — еще одно свидетельство традиционной близости наших языков и языковых картин мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Метафора в политической коммуникации. — М. : Флинта : Наука, 2008.
2. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. — М. : Едиториал УРСС, 2004.
3. Цонева Л. Болгарската политическа метафора. — Велико Търново, 2012.
4. Яворська Г. М., Богомоллов О. В. Непевний об'єкт бажання: ЄВРОПА в українському політичному дискурсі. — Київ : Видавничий дім Дмитра Бураго, 2010. — 136 с.
5. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live by*. — Chicago : Univ. of Chicago Pr., 1980.
6. Lakoff G. *Metaphor and War. The Metaphor System Used to Justify War in the Gulf*. URL: metaphor.uoregon.edu/lakoff-1.htm (1991).

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ АВТОРАМИ РУКОПИСЕЙ В ЖУРНАЛ «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА»

«Политическая лингвистика» издается как узкоспециализированный научный журнал, ориентированный на максимально широкий круг читателей и многонациональный состав авторов, представляющих различные научные школы и направления в России и других странах. Рукописи принимаются на русском, английском, немецком, французском, испанском языках, по согласованию с редакцией возможно представление рукописей и на иных языках. Статьи публикуются на русском языке. Перевод осуществляется сотрудниками журнала за счет средств редакции.

Авторы, предлагающие статьи для публикации, должны учитывать проблематику журнала, который включает следующие разделы.

Дискуссии. Раздел предоставляет площадку для полемики между представителями различных или диаметрально противоположных взглядов на проблемы политической лингвистики и когнитивистики. Как правило, в разделе публикуется несколько материалов, излагающих соперничающие концепции.

1. Теория политической лингвистики. Этот раздел предоставляет трибуну ведущим специалистам по политической лингвистике.

2. Политическая коммуникация. Включает статьи, посвященные институциональной и личной политической коммуникации. Политическая коммуникация понимается широко, т. е. и как коммуникация, в которых политики выступают как адресанты или адресаты, и как коммуникация, связанная с политическими проблемами в рамках политического медийного, научного или иного дискурса.

3. Язык – общество – политика – культура. В этом разделе представлены статьи, в которых исследуются проблемы взаимодействия языка, общества, культуры и политики, в том числе имеющие важное социальное значение вопросы медиалингвистики и рекламной коммуникации. Подобные исследования, разумеется, связаны с социальной жизнью и политической культурой общества, но уже не настолько непосредственно, как публикации, включенные в предыдущий раздел.

4. Классика политической лингвистики. В данном разделе представлены исследования, созданные на предшествующих этапах развития политической лингвистики и сохраняющие свою научную значимость в современных условиях.

5. Хроника. Рецензии. Письма в редакцию.

Редакционная коллегия приглашает к сотрудничеству всех специалистов по политической лингвистике и смежным проблемам. Ежегодно мы ждем от потенциальных авторов статьи объемом от 6 до 30 страниц (двенадцатый кегль, до 40 строк на странице) до 1 февраля, 1 мая, 1 сентября и 1 декабря. Единственное ограничение — статьи должны полностью соответствовать проблематике сборника. Наиболее интересные статьи печатаются вне очереди.

Все статьи, представленные в журнал, направляются на рецензирование. Редакционная коллегия принимает решение о публикации с учетом мнения рецензента. В случае отрицательного решения автору направляется копия рецензии.

Мы не платим гонораров. С аспирантов плата за подготовку статьи к публикации и тиражирование сборника не взимается.

С 2012 г. все присылаемые материалы проверяются в системе «Антиплагиат». В случае заимствования чужих идей без указания источника цитирования в соответствии с принятыми в научном сообществе нормами статьи возвращаются авторам.

Журнал выходит ежеквартально. Срок выпуска каждого номера — не более двух месяцев. Наш журнал своевременно рассылается всем отечественным и зарубежным авторам.

Статьи печатаются именно в том варианте, в каком они присланы автором, который несет полную ответственность за содержание статьи и ее оформление. Редакция не считает нужным оплачивать работу литературного редактора и корректора.

Мы против политической цензуры, с уважением относимся к политическим взглядам авторов наших публикаций, но за соблюдение принципов толерантности и политической корректности, в том числе в статьях, созданных в рамках критического анализа дискурса.

Контакты. Почтовый адрес: 620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26, Уральский государственный педагогический университет, кафедра риторики и межкультурной коммуникации (каб. 285).

Телефоны (343) 2357612 (кафедра); (343) 3361592 (проректор по научной и инновационной деятельности А. П. Чудинов). Факс (343) 3361592.

Электронная почта: ar_chudinov@mail.ru.

Наш журнал включен в Каталог Роспечати, и можно оформить подписку на него в любом почтовом отделении России (индекс 81955).

Наш журнал включен также в международную систему научных журналов (ISSN), где имеет индекс ISSN 1999-2629.

Для публикации статья должна соответствовать требованиям РИНЦ, т. е. помимо основного текста содержать следующие сведения, представленные на РУССКОМ и АНГЛИЙСКОМ языках.

1. СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

- фамилия, имя, отчество автора полностью (если авторов больше чем один, указываются все авторы);
- должность, звание, ученая степень;
- полное и точное место работы каждого автора в именительном падеже. Важно четко, не допуская иной трактовки, указать место работы каждого автора. (Если все авторы статьи работают или учатся в одном учреждении, можно не указывать место работы каждого автора отдельно);
- подразделение организации;
- контактная информация (e-mail, город, корреспондентская контактная информация) для каждого автора.

2. НАЗВАНИЕ СТАТЬИ

3. АННОТАЦИЯ

4. КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

5. НАЛИЧИЕ ОБЯЗАТЕЛЬНОЙ ТЕМАТИЧЕСКОЙ РУБРИКИ (КОД)

- УДК и/или ГРНТИ, код ВАК по разделам номенклатуры научных специальностей;
- либо другие библиотечно-библиографические классификационные и предметные индексы.

Списки литературы следует оформлять по ГОСТ Р. 7.0.5.-2008.... Образцы оформления:

СТАТЬИ ИЗ ЖУРНАЛОВ И СБОРНИКОВ

Адорно Т. В. К логике социальных наук // *Вопр. философии*. 1992. № 10. С. 76—86.

Crawford P. J., Barrett T. P. The reference librarian and the business professor: a strategic alliance that works // *Ref. Libr.* 1997. Vol. 3. № 58. P. 75—85.

Если авторов четыре и более, то заголовок не применяют (ГОСТ 7.80-2000).

Корнилов В. И. Турбулентный пограничный слой на теле вращения при периодическом вдуве / отсосе // *Теплофизика и аэромеханика*. 2006. Т. 13. № 3. С. 369-385.

Кузнецов А. Ю. Консорциум — механизм организации подписки на электронные ресурсы // *Российский фонд фундаментальных исследований: десять лет служения российской науке*. — М.: Науч. мир, 2003. С. 340—342.

МОНОГРАФИИ

Тарасова В. И. Политическая история Латинской Америки: учеб. для вузов. 2-е изд. — М.: Проспект, 2006. С. 305—412.

Допускается предписанный знак точку и тире, разделяющий области библиографического описания, заменять точкой.

Философия культуры и философия науки: проблемы и гипотезы: межвуз. сб. науч. тр. / Саратов. гос. ун-т; [под ред. С. Ф. Мартыновича]. — Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1999.

Допускается не использовать квадратные скобки для сведений, заимствованных не из предписанного источника информации

Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. 5-е изд., перераб. и доп. — М.: ИНФРА-М, 2006. 494 с.

Если авторов четыре и более, то заголовок не применяют (ГОСТ 7.80-2000)

АВТОРЕФЕРАТЫ

Глухов В. А. Исследование, разработка и построение системы электронной доставки документов в библиотеке: автореф. дис. ... канд. техн. наук. — Новосибирск, 2000.

ДИССЕРТАЦИИ

Фенухин В. И. Этнополитические конфликты в современной России: на примере Северо-Кавказского региона: дис. ... канд. полит. наук. — М., 2002. С. 54—55.

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ОБЗОРЫ

Экономика и политика России и государств ближнего зарубежья: аналит. обзор, апр. 2007 / Рос. акад. наук, Ин-т мировой экономики и междунар. отношений. — М.: ИМЭМО, 2007.

ПАТЕНТЫ:

Патент РФ № 2000130511/28, 04.12.2000.

Еськов Д. Н., Бонштедт Б. Э., Корешев С. Н., Лебедева Г. И., Серегин А. Г. Оптико-электронный аппарат // Патент России № 2122745. 1998. Бюл. № 33.

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИЙ

Археология: история и перспективы: сб. ст. Первой межрегион. конф. — Ярославль, 2003.

Марьинских Д. М. Разработка ландшафтного плана как необходимое условие устойчивого развития города (на примере Тюмени) // Экология ландшафта и планирование землепользования: тезисы докл. Всерос. конф. (Иркутск, 11—12 сент. 2000 г.). — Новосибирск, 2000. С. 125—128.

ИНТЕРНЕТ-ДОКУМЕНТЫ

Официальные периодические издания: электронный путеводитель / Рос. нац. б-ка, Центр правовой информации. [СПб.], 2005–2007. URL: <http://www.nlr.ru/lawcenter/izd/index.html> (дата обращения: 18.01.2007).

Логинова Л. Г. Сущность результата дополнительного образования детей // Образование: исследовано в мире: междунар. науч. пед. интернет-журн. 2003.21.10. URL: <http://www.oim.ru/reader.asp?nomer=366> (дата обращения: 17.04.2007).

<http://www.nlr.ru/index.html> (дата обращения: 20.02.2007).

Рынок тренингов Новосибирска: своя игра. URL: <http://nsk.adme.ru/news/2006/07/03/2121.html> (дата обращения: 17.10.2008).

Литчфорд Е. У. С Белой Армией по Сибири // Восточный фронт Армии Генерала А. В. Колчака. URL: <http://east-front.narod.ru/memo/latchford.htm> (дата обращения: 23.08.2007).